

XX
век

**В документах
и исследованиях**

Чехия и Словакия в XX веке

Очерки истории

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

20th Century in Documents and Research

Czech Lands and Slovakia in the 20th Century

Essays of history

In two books

Book 2

MOSCOW NAUKA 2005

XX век в документах и исследованиях

Чехия и Словакия в XX веке

Очерки истории

В двух книгах

Книга 2

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(437)"654"
ББК 63.3(4Чех)
Ч-56

*Серия "XX век в документах и исследованиях"
основана в 2001 году*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Э.Г. Загорожнюк*,
доктор исторических наук *В.В. Марьина* (ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Е.П. Серапионова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *И.И. Костюшко*,
кандидат исторических наук *Ю.А. Щербакова*

Чехия и Словакия в XX веке : очерки истории : в 2 кн. / [отв. ред. В.В. Марьина] ; Ин-т славяноведения. — М. : Наука, 2005. — (XX век в документах и исследованиях). — ISBN 5-02-010278-4.

Кн. 2. — 2005. — 558 с. : ил. — ISBN 5-02-010350-0 (в пер.).

В книге при опоре на новейшую литературу, документальные публикации, а также материалы российских, чешских и словацких архивов обозначен новый поворот в изучении истории Чехии и Словакии (Чехословакии) в XX в. Во второй книге дается характеристика режима "народной демократии" (1945–1948), исследуются становление строя советского типа (1948–1953) и попытки десталинизации, прослеживаются события Пражской весны и августа 1968 г., развитие "бархатной" революции 1989 г., особенности внутренней и внешней политики Чешской и Словацкой республик в конце XX — начале XXI в. Освещено развитие чешской и словацкой культуры во второй половине XX в., рассмотрены некоторые аспекты социокультурной трансформации чешского и словацкого обществ в тот же период.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

Темплан 2005-1-354

ISBN 5-02-010278-4

ISBN 5-02-010350-0 (кн. 2)

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "XX век в документах и исследованиях" (разработка, редакционно-издательское оформление), 2001 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Через "народную демократию" к социализму. 1945 – 1948 гг. (<i>В.В. Марьяна</i>)	6
Строительство социализма со "сталинским лицом". 1949 – 1953 гг. (<i>В.В. Марьяна</i>)	89
Первый кризис коммунистического режима и его преодоление. 1953 – 1960 гг. (<i>В.В. Марьяна</i>)	135
Советский Союз и Пражская весна 1968 г. (<i>В.Л. Мусатов</i>)	162
Путь к "бархатной" революции (<i>Э.Г. Загорожнюк</i>)	233
История "бархатной" революции. 17 ноября – 29 декабря 1989 г. (<i>Э.Г. Загорожнюк</i>)	263
Первое десятилетие политической истории Чешской Республики. 1993 – 2003 гг. (<i>Э.Г. Загорожнюк, Я.В. Шимов</i>)	332
Первое десятилетие политической истории Словацкой Респуб- лики. 1993 – 2003 гг. (<i>Э.Г. Загорожнюк</i>)	383
Культура чехов и словаков во второй половине XX века (1945 – 2000 гг.) (<i>Г.П. Мельников</i>)	430
Чехи и словаки в общественных трансформациях второй полови- ны XX века. (<i>Н.В. Коровицына</i>)	482
Указатель имен	542
Список сокращений	555
Источники иллюстраций	558

**ЧЕРЕЗ "НАРОДНУЮ ДЕМОКРАТИЮ"
К СОЦИАЛИЗМУ.
1945–1948 гг.**

Воссозданная после разгрома фашизма Чехословацкая республика (ЧСР) появилась на картах в измененных границах: Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина) в соответствии с договором между СССР и ЧСР от 29 июня 1945 г. была присоединена к Советскому Союзу (Советской Украине)¹. Территория Чехословакии составила теперь 127 827 кв. км. Впервые СССР и ЧСР стали непосредственными соседями с границей протяженностью 98,5 км. На севере, западе и юге она по-прежнему граничила с Польшей, Германией, разделенной после войны на восточную (советскую) и западные (американскую, английскую и французскую) оккупационные зоны, Австрией и Венгрией. Все территории, которых Чехословакия (Чехия и Словакия) лишилась после Мюнхена, а также первого Венского арбитража, были ей возвращены.

В первые послевоенные годы производилась делимитация границ, и решались территориальные споры между ЧСР и ее соседями. Расставаясь в добровольно-принудительном порядке с Подкарпатьем, Чехословакия полагала, что она имеет право на некую территориальную компенсацию за счет Германии, Польши и Австрии. О своих претензиях в этом плане Э. Бенеш заявил советскому руководству еще во время пребывания в Москве в декабре 1943 г. В чехословацко-польских спорах доминировал вопрос о Тешинской области: Варшава настаивала на ее полном включении в состав ПНР, Прага отвергала возможность ревизии домюнхенских границ Чехословакии с Польшей, получив в этом поддержку США, Великобритании и Франции. СССР занял более гибкую позицию, настаивая на двусторонних переговорах в решении вопроса и считая возможным его вынесение на международный форум, если не будет достигнута договоренность. В конце концов под нажимом Москвы и по прямому указанию И.В. Сталина в марте 1947 г. Чехословакия и Польша

подписали договор о дружбе и взаимопомощи на 20 лет. Но, несмотря на это, как значилось в справке о Чехословакии, подготовленной МИД СССР в августе 1947 г., территориальные споры между этими странами "остались неразрешенными. Поляки претендуют на значительную принадлежавшую ранее Чехословакии часть Тешинской области, занятую и заселенную польским населением после Мюнхена. Чехи, помимо восстановления домюнхенских границ Чехословакии, с возвратом Тешинской области, претендуют на ряд районов бывшей немецкой территории, перешедшей в польское управление (Кладско, Ратиборско, Глубчицко)². Протоколом к чехословацко-польскому договору от 10 марта 1947 г. предусматривается урегулирование этих споров в течение ближайших двух лет"³. Забегая вперед, следует сказать, что эти споры продолжались и в дальнейшем, то вспыхивая, то затухая, в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации. Окончательно граница была определена только договором между Чехословакией и Польшей в июне 1958 г.

По рекомендации СССР Чехословакия отказалась от своих претензий на переданные во временное польское управление бывшие немецкие районы, чтобы лишний раз не будировать вопрос о новой западной польско-немецкой границе по Одере – Нейсе (Одре – Нысе). ЧСР не стала настаивать также на ректификации границ с Австрией, поскольку получила поддержку в этом плане только со стороны Москвы⁴. Неудачными оказались и попытки присоединить к Чехословакии населенные лужицкими сербами территории Саксонии, которые находились в советской оккупационной зоне Германии. Не заявляя прямо претензии на эти территории, чехословацкое правительство настаивало на участии чехословацких войск в их оккупации и поддержало тех политических представителей этого небольшого славянского народа численностью 150 тыс. человек, которые выдвинули идею присоединения к ЧСР. Западные союзники сочли, что это относится к компетенции советских оккупационных властей. Москва, опасаясь осложнений в решении вопроса о новых западных границах Польши, отнеслась без энтузиазма к чехословацким прожектам. Вопрос несколько раз поднимался летом 1945 г. на заседаниях чехословацкого правительства, но постепенно, из-за нежелания международной общественности заниматься им, был снят с повестки дня. 24 июля 1945 г. государственный секретарь ЧСР В. Клемен-

тис в разговоре с советским послом В.А. Зориным заявил, что на данном этапе чехословацкое правительство не может допустить выдвижения "программы территориального присоединения Лужиц к нам"⁵.

После войны не только сократилась территория Чехословакии, но уменьшилась и численность ее населения: с 15,3 млн в 1938 г. до 12,1 млн в 1946 г. Это было связано с утратой Подкарпатья (725 тыс. человек), выселением на основе решений Потсдамской конференции около трех миллионов немцев⁶, некоторой части венгров, а также с потерями военного времени. Репатриация чехов и словаков из СССР (около 30 тыс. "волинских чехов"), Германии, Польши, Австрии и Венгрии не возместила всех этих потерь.

С национальной точки зрения Чехословакия превратилась в государство чехов и словаков, которые составляли теперь 95% ее населения. В 1947 г. в Чешских землях проживали 8,7 млн, а в Словакии — 3,4 млн человек. Обе части страны по-прежнему отличались друг от друга по уровню социально-экономического развития, хотя Словакия в годы войны несколько увеличила свой промышленный потенциал. Чешские земли характеризовались весьма развитой индустрией, в структуре которой в 1948 г. преобладали тяжелые отрасли, и сравнительно интенсивным сельским хозяйством. Словакия была в основном аграрной областью с невысокой концентрацией промышленного производства. Эти различия наложили отпечаток и на социальную структуру обеих частей ЧСР. Если в сельском хозяйстве в Чешских землях в 1946 — 1947 гг. было занято менее пятой части населения, то в Словакии — почти половина (45%). В 1946 г. на промышленных предприятиях в Чешских землях работали более 1 млн человек, т.е. примерно 28% всего самодеятельного населения. 55% всех работающих в промышленности были сконцентрированы на 611 предприятиях с числом занятых более 250 человек. В Словакии в то же время на 2 тыс. промышленных предприятий были заняты 152 тыс. человек, что составляло 9% ее самодеятельного населения. Значительная часть словацких рабочих была рассредоточена на мелких, технически слабо оборудованных предприятиях. Весьма развитым и в той, и в другой частях республики было мелкое предпринимательство: в Чешских землях тогда трудились 260 тыс., а в Словакии около 100 тыс. ремесленников и торговцев.

Чешская деревня в своей основе была середняцкой; она насчитывала 500 тыс. крестьянских хозяйств и приблизи-

тельно столько же хозяйств "коворольников" — полукрестьян-полурабочих, имевших до 2 га земли. Словацкая деревня по характеру была в основном бедняцкой: из 300 тыс. хозяйств две трети составляли хозяйства до 5 га.

С конфессиональной точки зрения и в Чешских землях, и в Словакии преобладали католики. Крестьянство, особенно в Моравии и Словакии, находилось под сильным влиянием католической церкви. Значительно меньшая часть населения принадлежала к евангеликам (они занимали руководящие посты в словацкой Демократической партии) и униатам (греко-католикам, преимущественно в Восточной Словакии). Православных было сравнительно немного. После войны (в 1946 г.) Чешская, Моравская и Словацкая православные епархии перешли в юрисдикцию Московской Патриархии⁷.

В целом и в чешском, и в словацком обществах после войны были сильны антифашистские, патриотические и национальные настроения, хотя в Словакии оставалось немало скрытых приверженцев режима Й. Тисо. Важным с точки зрения дальнейшего развития страны был колоссальный рост авторитета Советского Союза, необходимость дружбы и сотрудничества с которым признавали все чешские и словацкие политические силы и большинство населения ЧСР. Широкое распространение получили чувства славянской взаимности, оказывавшие немалое влияние на политическую ориентацию значительной части чехов и словаков. Большое значение для последующего развития страны имело то, что преобладающая ее часть была освобождена Красной Армией, и она оказалась в сфере влияния Советского Союза, став его западным "форпостом".

Государственное устройство и политический ландшафт новой Чехословакии

Режим, существовавший в Чехословакии в 1945 — 1948 гг., получил наименование "народная демократия", а проведенные им преобразования квалифицировались, прежде всего коммунистами, как "национально-демократическая революция". Неуклюжий термин "народная демократия", т.е. буквально — "народная власть народа", родился в недрах предвоенного Коммунистического Интернационала. Его появление, по-видимому, было вызвано стремлением обозначить отличие нового режима, как от буржуазной, так и от социалисти-

ческой демократии, видением в нем чего-то среднего между той и другой. По мысли коминтерновских теоретиков "народная демократия" должна была эволюционировать в направлении советского строя, который, как утверждалось, олицетворял собой высшую форму демократии. "Народная демократия" рассматривалась коммунистами как форма движения к социалистическому будущему советского образца, как переходный этап на пути его установления.

Партнеры коммунистов по национально-освободительной борьбе, если и говорили о будущем социалистическом устройстве страны, то видели его каждый по своему. Их взгляды на "социалистическое завтра" были "чрезвычайно пестры, различны и противоречивы"⁸, но совпадали в одном — в отрицании установления строя советского типа. Они принимали и термин "народная демократия", толкуя его как совершенствование либеральной демократии, демократии западного образца, не выдержавшей испытание временем и не сумевшей противостоять фашизму.

Государственно-политическая система воссозданной ЧСР включала как традиционно национальные (парламент, президент, местные органы управления), так и возникшие на завершающем этапе войны институты. Первые, будучи привычны по форме, по сути претерпели существенные изменения. Политической основой новой власти стал Национальный фронт чехов и словаков (НФ). Отдельно существовали чешский и словацкий национальные фронты. Широко понимаемый, что было присуще прежде всего коммунистам и некоторой части социал-демократов, НФ был объединением социальных сил, участвовавших в национально-освободительной борьбе, ратовавших за воссоздание Чехословацкой республики и готовых включиться в ее восстановление и строительство на новых демократических принципах. По словам К. Готвальда, на завершающем этапе войны НФ означал блок рабочего класса, крестьянства, мелкой городской буржуазии, интеллигенции и части *демократической буржуазии* (выделено авт.), готовой выполнять Кошицкую правительственную программу⁹. Партнеры коммунистов с самого начала рассматривали НФ как коалицию политических партий, как организацию, необходимую для обсуждения спорных вопросов и выработки согласованных решений в целях совершенствования демократического устройства республики.

На московских переговорах в марте 1945 г. вопрос об организационной структуре Национального фронта фактичес-

ки не обсуждался. Чешский НФ в апреле 1945 г. рассматривался, в частности, как блок четырех чешских политических партий: коммунистической, социал-демократической, национально-социалистической и народной, — дополненный беспартийными представителями от армии и интеллигенции¹⁰. При этом предполагалось, что выразителями интересов трудящихся, в том числе и крестьянства, в таком фронте должен стать Социалистический блок, включавший три первых из перечисленных выше партий. Коммунисты предлагали назвать его Национальным блоком трудящихся города и деревни. Включение массовых организаций трудящихся в НФ тогда не предполагалось. Однако сразу после освобождения КПЧ заявила о необходимости сделать это¹¹.

Словацкие коммунисты полагали, что наряду с КПС и оформлявшейся Демократической партией (ДП) в НФ должны войти и массовые (профсоюзные, крестьянские, молодежные, женские и другие) организации трудящихся, которые весной 1945 г. стали создаваться в Восточной Словакии. Демократы, сторонники ДП, тогда не возражали против этого. Обе партии совместно разработали и направили своим организациям инструкцию о создании органов НФ в Словакии¹². Однако на практике включить массовые организации в НФ ни в Чешских землях, ни в Словакии не удалось. Из-за разногласий между партиями не удалось реализовать и идею Социалистического блока как основы функционирования НФ. В дальнейшем он понимался коммунистами по-прежнему как широкий блок социальных сил, из которого уже исключалась антифашистская буржуазия, а партнерами коммунистов по фронту как коалиция политических партий.

С формальной точки зрения Национальный фронт остался по существу верхушечной организацией коалиционного характера, представленной на паритетных началах только политическими партиями. К тому же это была закрытая система: в НФ принимались вновь только партии, поддерживавшие его программу и с согласия всех его членов. Роль руководящего органа НФ фактически выполнял президиум правительства, который состоял из председателя и пяти его заместителей. В случае необходимости председатель правительства созывал совещания представителей правящих партий, которые и принимали (единогласно) решения от имени НФ. Правительство и его президиум являлись институциональным и организационным выражением идеи Национального фронта. Других его органов и организаций

не возникло. Внефронтовская оппозиция не допускалась. Более того, не разрешалось даже существование каких-либо других партий за рамками НФ. Исключенные из него партии подлежали роспуску. Такие крупные и влиятельные в прошлом, как, например, аграрная или словацкая народная (глинковская) партии, обвиненные в пособничестве фашизму или содействию ликвидации ЧСР, были запрещены. Таким образом фактически были сведены на нет принципы буржуазной парламентской демократии, основанной на противоборстве правящих и оппозиционных партий. Новая в условиях политической жизни Чехословакии идея Национального фронта с трудом и сомнениями воспринималась политически активной частью населения страны.

Основой чешского НФ стали три партии, программы которых отражали в той или иной форме социалистическое видение будущего страны. И это понятно: для послевоенного мира и особенно Европы было характерно увлечение идеями социализма, с помощью которого, как представлялось, можно будет исправить недостатки межвоенной демократии, оказавшейся неспособной противостоять фашизму. Огромный вклад Советского Союза в его разгром как бы свидетельствовал о преимуществах социализма и необходимости более или менее глубокого реформирования экономического и политического строя западных демократий.

К моменту освобождения Чехословакии наиболее активной и организованной партией в стране являлась КПЧ. Наблюдалось стремительное расширение ее рядов и усиление влияния. С самого начала был взят курс на создание массовой партии. Ограничения при приеме в нее сводились до минимума. Число членов КПЧ к осени 1945 г. составляло уже 713 тыс. человек, что почти в десять раз превышало ее довоенный состав. В августе того же года партия имела 11 тыс. первичных организаций, создававшихся по территориально-производственному принципу. Особенно сильно было влияние КПЧ в крупных городах и на промышленных предприятиях. Основное ядро в партии составляли рабочие: весной 1946 г. — 57,7%. На долю сельчан, главным образом сельскохозяйственных рабочих, приходилось 12,8%, интеллигенции — 9,2%, ремесленников и мелких предпринимателей — 4,1%, остальных социальных групп — около 16%¹³. Согласно информации Р. Сланского в Отдел Международной Информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) в июле 1945 г.: "основная масса крестьян до сих пор выжидает", "громадное большинство куль-

турного фронта идет с нами". Членов партии с довоенным стажем, придерживавшихся в основном ортодоксальных взглядов, было относительно мало, остальные (по словам Сланского, свыше 80% — новые члены) были вообще слабо знакомы с теорией марксизма-ленинизма. Говоря о большой разнице между "старыми кадрами и новыми членами", Сланский писал, что первые "имели большие иллюзии в отношении того, что сейчас же после освобождения начнется период социалистической революции, что все вопросы будут ставиться с классовой точки зрения, что будут экспропрированы все капиталисты, что будет разрешена только коммунистическая партия... Новые члены, наоборот не знают большевистской истории и традиций нашей партии, не знают учения марксизма-ленинизма, они знают только правительственную программу и нынешнюю политику партии"¹⁴. Основной костяк ЦК КПЧ и его президиума составляли представители Загранбюро КПЧ, во время войны находившиеся в Москве, в том числе К. Готвальд, Р. Сланский, В. Копецкий. В состав руководства партии входили также коммунисты из лондонской эмиграции (В. Носек, Б. Лаштовичка) и функционеры, вышедшие из подполья и вернувшиеся из концентрационных лагерей (А. Запотоцкий, Я. Доланский, Й. Смрковский и др.). Тон в руководстве партии задавали первые: именно они были инициаторами выработки стратегической и тактической линии КПЧ, согласованной с политической линией ВКП(б) и советского руководства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после войны.

Свою политическую платформу на послевоенный период Загранбюро КПЧ начало вырабатывать еще в конце 1943 г. перед приездом Э. Бенеша в Москву. Оно же после встречи Готвальда со Сталиным в конце января 1945 г. и совещаний с Г. Димитровым разработало и проект программы первого правительства Национального фронта чехов и словаков, согласованной в конце марта 1945 г. в Москве. Советское руководство рекомендовало Готвальду найти "общий язык" с Бенешем и ни в коем случае не торопиться с проведением социалистических преобразований и установлением в стране советской власти. Однако это вовсе не означало, что руководство КПЧ утратило подобную перспективу, о чем не раз говорилось на закрытых партийных форумах¹⁵. Например, Готвальд, на конференции партийного актива КПС в апреле 1945 г. заявлял: "Мы стоим не у цели, но мы на верном пути к ней... и только вмешательство черта может

помешать нашей партии использовать благоприятные условия, чтобы достигнуть в ближайшее время тех конечных целей, за которые мы боролись всю свою жизнь"¹⁶. Свою конечную цель коммунисты представляли в виде социалистического строя советского образца, поскольку другого тогда не существовало. Вопрос состоял только в том, насколько длительным будет путь к воплощению идеала в жизнь и каким образом обеспечить поступательное развитие революционного процесса в стране. Возглавлявший тогда ОМИ ЦК ВКП(б) Г. Димитров, который встречался с представителями КПЧ в Москве в декабре 1944 г., давал им следующие наставления: "Вопрос советизации Чехословакии не ставить. Сегодня не будем гадать, когда придет время, чтобы поставить вопрос о советизации Чехословакии. Это — не так легко, как многие думают. Чехи и словаки должны сами вступить на путь к советской власти, в результате собственного развития. И мы также должны подвести народ к социализму и советской власти, систематически подготавливая его политически, идеологически". Он советовал "попридержаться" тех людей, которые спешат с установлением советской власти. "Как Сталин правильно сказал: нужно идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции", — говорил Димитров¹⁷. Этим рекомендациям и следовало руководство КПЧ. Формирование политической концепции коммунистов проходило при доминирующем советско-коминтерновском влиянии. В то же время разработанная ими платформа была адекватна не только советской внешнеполитической стратегии той поры, но и чехословацкой действительности, выраженной в широко известной готвальдовской формуле: "Мы сами править не можем, и они сами править не могут. Они не могут править без нас, а мы без них. При этом они больше без нас, чем мы без них. Остается необходимость сотрудничать с другой политической группой, которая принуждена сотрудничать с нами"¹⁸. Это сотрудничество представлялось тогда коммунистам как вынужденное, временное, хотя сроки его и не определялись. Политика НФ как нельзя лучше соответствовала стратегической и тактической линии, выработанной КПЧ. Однако *"тактика"* (курсив мой. — В.М.) Национального фронта и сотрудничества с другими политическими группами", по мнению Готвальда, вовсе не означала отказа от классовой борьбы, а лишь развитие ее в других формах, выгодных для коммунистов¹⁹. Центральный орган

компартии ежедневная газета "Руде право" выходила огромным для Чехословакии тиражом — 650 — 750 тыс. экземпляров. Свои печатные издания имели областные организации КПЧ: "Ровность" (Брно), "Страж лиду" (Оломоуц), "Нова свобода" (Острава), "Правда" (Пльзень) и т.д. Общий тираж коммунистической печати в июле 1945 г. достигал 1300 тыс. экземпляров. Кроме того, один — два раза в неделю выходили журналы, тираж которых составлял 220 тыс. экземпляров²⁰. КПЧ в этот период не имела собственной программы, прокламировала себя как общенародная партия и выступала под общенациональными лозунгами. В первом правительстве НФ коммунисты заняли важнейшие посты: два вице-преьера, министры внутренних дел, сельского хозяйства, информации, школ и просвещения, труда и социального обеспечения, государственного секретаря в министерстве иностранных дел.

В Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП), организационное восстановление которой началось весной 1945 г., прочные позиции заняли левые силы во главе с З. Фирлингером, ориентировавшиеся на сотрудничество с коммунистами. Некоторые ее члены высказывались за немедленное слияние с компартией, как это произошло в Словакии в период Словацкого национального восстания, но руководство КПЧ сочло такой шаг преждевременным. Готвальд полагал, что это задача не сегодняшнего, а завтрашнего дня²¹. "Мы посоветовали многим левым социал-демократическим активистам, которые в первые дни после освобождения хотели вступить в нашу партию, остаться в социал-демократической партии и работать там над сближением с КПЧ", — сообщал Сланский в Москву в июле 1945 г.²² Несколько ранее, в разговоре с Зориным, он называл стремление Фирлингера и Б. Лаушмана (министра промышленности) к проведению социалистических мероприятий в области экономики ахиллесовой позицией и подчеркнул, что коммунистам приходится сдерживать их. Характеризуя Фирлингера, Сланский сказал, что он "неустойчив в своих позициях и поддается влиянию как со стороны Бенеша, так и со стороны других министров. Поэтому Готвальду приходится постоянно контролировать важнейшие шаги Фирлингера и поправлять его"²³.

Правое крыло в партии, которое возглавлял В. Майер, опиралось на "старых" партийных функционеров и не подерживало мысль об объединении с компартией. Но, выра-

жая встревоженность возможностью противопоставления демократии и социализма, оно пока не проявляло особой активности. XX съезд партии, состоявшийся в октябре 1945 г., утвердил и новое ее название, из которого исчезло слово "рабочая". Принятая съездом программа утверждала, что "социализм перестал быть интересом лишь рабочего класса и становится условием развития нации... Перспективой сегодняшнего переходного периода не является уже социализм или капитализм, а социализм или хаос". На вооружение был принят лозунг "Демократия — наш путь, социализм — наша цель". ЧСДП стремилась снискать поддержку не только рабочего класса, но весьма многочисленных в Чешских землях средних слоев, интеллигенции, мелких производителей, особенно ремесленников и торговцев. В декабре 1945 г. в рядах партии числился 212 171 человек, состоявших в 5075 местных организациях, которые строились по территориально-производственному принципу²⁴. Среди членов ЧСПД 33,4% составляли рабочие, 24,4 — служащие и учащиеся, 24,1 — представители свободных профессий и домохозяек, 11 — крестьян, 6,7% — мелких предпринимателей²⁵. По своей численности социал-демократы значительно уступали не только коммунистам, но и национальным социалистам.

Чехословацкая национально-социалистическая партия (ЧНСП), неформальным лидером и идеологом которой выступал Бенеш, была типичной партией парламентской демократии, признававшей в основном парламентские методы и способы политической активности и менее рассчитывавшей на поддержку "улицы". Из этого проистекала и недостаточность внимания ее руководства к организационному строительству, созданию низовых партийных ячеек на местах в начальный после освобождения период. Бенеш был сторонником модной тогда на Западе теории конвергенции капиталистической и социалистической систем, создания некоей третьей системы, вобравшей в себя все лучшее из первых двух. "Социализирующаяся демократия и демократизирующийся социализм" — так представлялась суть процесса рождения нового общественного строя. Наиболее полное отражение взгляды Бенеша нашли в его очень популярной на Западе книге "Демократия сегодня и завтра", изданной в 1942 г. в Лондоне и переведенной на многие языки. В ней автор изложил свои представления о "совершенствовании парламентской демократии" и наметил круг глубоких преобразований

Э. Бенеш. Смотр войск. Крайний справа В.А. Зорин. Прага, 17 мая 1945 г.

("социализации") политической, социальной и экономической сфер жизни²⁶. По мнению Я. Кржена, эта "новая", окрашенная в национальные цвета демократия открывала реальные перспективы становления "чехословацкого социализма", "социализма для 90% населения", и являлась альтернати-

вой послевоенного развития Чехословакии²⁷. Усматривая некоторые положительные черты в советском строе, Бенеш в то же время был его идейным противником и стремился всеми доступными ему "мирными" средствами не допустить идейного влияния СССР на внутривластную жизнь Чехословакии. Свое видение конкретных направлений преобразования послевоенной ЧСР президент изложил сразу после возвращения в Прагу в выступлении на Староместской площади 16 мая 1945 г.²⁸ Коммунисты, согласившись сотрудничать с Бенешем, в то же время видели в нем "классового врага", "реакционера", которого следует держать под постоянным "прицелом".

Концепции и идеи Бенеша были положены в основу политической деятельности ЧНСП. Ее председателем стал П. Зенкл, генеральным секретарем — В. Крайна. В руководстве партии активную роль играли Г. Рипка, Я. Странский, П. Дртина, входившие в близкое окружение Бенеша во время его пребывания в Лондоне. Партия была сильна своим центром, хотя имела слабые левое (О. Вюнш, руководитель профсоюза железнодорожников, который после возвращения из концентрационного лагеря хотел вступить в КПЧ, но по совету ее руководства остался в рядах национальных социалистов²⁹) и правое (Ф. Земинова) крылья. В "Программе действий" ЧНСП, опубликованной в конце мая 1945 г., значилось, что только социалистический строй может принести Чехословакии окончательную и полную гарантию в политическом, экономическом и государственном отношениях. Однако это вовсе не означало, что представления национальных социалистов об этом строе совпадали с его видением как коммунистами, так и социал-демократами. П. Зенкл на заседании президиума партии в декабре 1945 г. говорил: "Необходимо прежде всего ясно сказать, что мы отвергаем лозунг классового социализма. Соединяя национальную идею с идеей социализма, мы тем самым подтверждаем свое стремление быть партией, которая находится на службе всей нации, а не только одного общественного класса... Поэтому мы не верим в так называемую классовую борьбу, которая привела бы лишь к хаосу в нашей экономике и падению жизненного уровня. Мы же хотим добиться осуществления идеи социального мира"³⁰.

Численность партии к началу 1946 г. достигла 580 тыс. и вплоть до конца 1947 г. удерживалась примерно на том же уровне. По данным на апрель 1947 г. в ЧНСП состояло 25%

рабочих и мелких служащих, столько же служащих более высокого ранга, 18% крестьян, 14% мелких предпринимателей, 3% представителей свободных профессий и т.д. Лозунг неприкосновенности трудовой частной собственности, конкретное содержание которой точно не определялось, встречал поддержку и одобрение средних слоев города и некоторой части крестьянства. Серьезным было влияние партии среди молодежи, особенно учащейся. Росту авторитета национальных социалистов в массах способствовало то, что они объявляли себя истинными наследниками учения Т.Г. Масарика. Центральный печатный орган партии газета "Свободне слово", тираж которой достигал 400 тыс. экземпляров, была одной из самых популярных в стране³¹. В первом правительстве НФ национальные социалисты имели пост вице-премьера и возглавляли важные министерства внешней торговли и юстиции. По информации Сланского, уже летом 1945 г. наметилось сближение ЧНСП с Народной партией, четвертой партией чешского НФ³².

Не являясь социалистической, Народная партия (НП) выступала как партия социальных реформ, нацеленных на ограничение власти капитала и пронизанных идеей социального равенства. Большое влияние на ее политику оказывала католическая церковь. Как и ранее, в своей деятельности партия исповедовала принципы христианского солидаризма, сформулированные в папских энцикликах 1891 и 1931 гг., которые имели для нее такое же значение, как Манифест коммунистической партии для КПЧ. В программном заявлении НП (май 1945 г.) говорилось о невозможности возвращения к капиталистической системе первой ЧСР, об открытии возможностей для созидания нового экономического и социального строя³³. Выступая против теории марксизма, идеологи партии, предлагали альтернативную модель организации общества, "третий путь" между капитализмом и социализмом. Строить новое общество предполагалось через социальные реформы, направленные на уничтожение резких имущественных различий и гармонизацию отношений между общественными слоями и группами. Выдвигалось требование социальной справедливости, "справедливой" заработной платы, дающей возможность содержать семью, допускалось частичное вторжение в сферу частной собственности в интересах общего блага³⁴.

Однако партия не была единым организмом. В ней существовали различные течения, представители которых боро-

лись за ее руководство и предлагали свое видение преобразования общества. Председателем НП был харизматический политик Й. Шрадек, в недавнем прошлом глава эмигрантского правительства в Лондоне, убежденный центрист. Левый центр возглавлял вице-председатель Ф. Гала, а левое крыло представляли А. Петр и Й. Плойгар, склонные к более или менее тесному сотрудничеству с коммунистами. Наиболее видной фигурой правого центра партии был А. Прохазка, а ее правый фланг, представленный И. Духачеком, П. Тигридом, Л. Форманом и Я. Коларом, группировался около Е. Кожелуговой. Правые в НП были настроены резко антикоммунистически, отстаивали ценности либерализма и прозападную внешнеполитическую ориентацию. Уже осенью 1945 г. они начали выступать с резкой критикой "народно-демократического" строя и проведенных им реформ, решительно отвергая социализм во всех его видах, а также клерикализм. Рупором правых были журналы "Обзоры" и "Вывой" (Развитие), которые проповедовали идеи рыночной экономики с ограниченным государственным регулированием и конкурентоспособного частного предпринимательства, выступали за охрану гражданских прав и свободу личности, за открытое, плюралистическое общество вместо лимитированной демократии.

Численность НП в сентябре 1945 г. составляла 344 тыс. человек. Более 40% из них относились к крестьянам, главным образом в Моравии, столько же было женщин и около 15% рабочих. Партия имела низовые организации в 55—60% населенных пунктов. В дальнейшем число членов партии достигло примерно полумиллиона. Ее влияние росло и среди состоятельных слоев города³⁵. В первом правительстве НФ партия имела пост вице-преьера, возглавляла министерства связи и здравоохранения.

Словацкий Национальный фронт состоял из двух партий: коммунистической и демократической. КПС, в ряды которой в сентябре 1944 г. влилась основная масса словацких социал-демократов, как и в годы войны, сохраняла свою самостоятельность. Среди ее старых членов было немало приверженцев немедленного осуществления социалистической революции, советизации и даже присоединения Словакии к СССР. Руководство партии в целом стояло на позициях Чехо-Словацкого государства, но более молодые его члены — участники Словацкого национального восстания Г. Гусак, К. Шмидке, Л. Новомеский, отстаивали принцип федератив-

ного устройства республики. Соглашаясь в целом с программой КПЧ, выступавшей под общенациональными лозунгами и нацеленной на проведение национально-демократической революции, эта часть руководства КПС считала необходимым для сохранения и расширения влияния партии в массах проводить в Словакии более глубокие социально-экономические преобразования, чем в Чешских землях. Трения между словацкими и чешскими коммунистами начались еще весной 1945 г. до переезда правительства в Прагу. Готвальд, Сланский, Копецкий в беседах с Зориным сетовали на неопытность молодых руководителей КПС, приводящую к ошибкам в политических и государственных делах, считали необходимым поправлять их. "Гусак — энергичный работник, но еще молодой член партии и требует несомненного руководства. Новомеский — типичный интеллигент и поддастся легко влиянию, в частности, демократов", — считал Сланский. По словам Нееды, "словаки поступают, как маленькие дети, увлекаясь своей самостоятельностью". По сути, того же мнения придерживался и председатель Всеславянского комитета А.С. Гундоров, посетивший Чехословакию в июле 1945 г.³⁶ Весной 1945 г., когда в Словакии началось проведение первого этапа аграрной реформы — раздел земли, принадлежавшей ранее немцам и венграм, — обозначился бурный рост авторитета КПС: с 30 тыс. в апреле она выросла до 180 тыс. летом того же года. Тогда КПС имела влияние не только среди рабочих, но и в деревне. Однако впоследствии сохранить это влияние на крестьянство партии не удалось. В июле 1945 г. по настоянию из Праги председателем партии вместо К. Шмидке стал В. Широкий, коммунист с довоенным стажем, член ЦК КПЧ и заместитель председателя правительства ЧСР. Предполагалось, что это укрепит связи революционных сил Словакии и Чешских земель.

Партнером КПС в словацком НФ и ее политическим противником была Демократическая партия (ДП), которая начала оформляться в ходе Словацкого национального восстания и имела гетерогенный характер. Она представляла собой конгломерат различных течений и групп так называемого "гражданского блока", включавшего все партии довоенной Словакии, кроме КПС и ГСНП. Фактически у руля ДП с самого начала встали представители бывшей Аграрной партии во главе с Я. Урсини (председатель) и Й. Леттрихом (его заместитель), с конфессиональной точки зрения — евангеликами. Газета "Час", центральный орган партии, опублико-

вала и ее программные принципы. ДП считала себя защитницей идейного наследия Т.Г. Масарика и сторонницей Бенеша, не принимая лишь его представления о едином "чехословацком народе". Она выступала за воссоздание Чехословацкой республики, государства трех равноправных народов — чехов, словаков и подкарпатских украинцев. В области внешней политики предполагалось как сотрудничество со всеми славянскими народами, особенно СССР, так и со всеми "союзническими и дружественными государствами". Самый большой раздел был посвящен экономической политике. ДП не склонялась к поддержке ни индивидуалистической, ни коллективистской систем. Признавая принцип частной собственности, авторы программы исходили из необходимости ее ограничения в той мере, "в какой это требует учет материальных, социальных и культурных нужд широких слоев народа". Аналогично ставился и вопрос о свободной конкуренции, которую тоже следовало ограничить, если она служила "необоснованному увеличению экономических прибылей и эксплуатации социально слабых слоев". Отвергая либерализм, как "пройденную конструкцию", и социализм, как "в некоторых областях практически неосуществимый", ДП выступала за распространение демократических принципов на область экономики. Она декларировала поддержку кооперативного движения, аграрной реформы, индустриализации Словакии, социальной политики в интересах "наиболее слабых слоев", высказывалась "за огосударствление определенных категорий крупных предприятий и некоторых банков". Особое внимание обращалось на культурную политику и религиозное воспитание³⁷. Программа ДП шла в русле тех размышлений о совершенствовании либеральной демократии, которыми полнилось западноевропейское общество в годы войны. Много схожего тут было, в частности, с мыслями Бенеша, изложенными им в упомянутой книге "Демократия сегодня и завтра". В последующие годы программа ДП, хотя и дополнялась, но не претерпела серьезного изменения. В первом правительстве НФ партия имела пост заместителя председателя и занимала кресла министров финансов, внутренней торговли, государственного секретаря в министерстве внешней торговли.

Таким образом, в Словакии были заложены основы двухпартийной политической системы. Коммунистам казалось это выгодным, так как тогда они чувствовали себя сильнее, чем ДП, которая сначала носила, по существу, верхушечный

характер. Однако после освобождения страны партия начала быстро расти и организационно оформляться. Утверждения о том, что КПС самая влиятельная партия в Словакии, которые превалялись до лета 1945 г. в информациях, поступавших в Москву, сменились тревогой за медленное развитие революционного процесса в Словакии, что объяснялось недостаточной зрелостью и ошибками руководителей словацких коммунистов.

Съезд ДП, состоявшийся 7–8 июля 1945 г. в Турчанском Св. Мартине, избрал новое руководство партии, в котором Урсини и Леттрих поменялись местами: второй, более молодой и с "чистым прошлым", стал председателем, а первый одним из его пяти заместителей. Гусак и Шмидке оценивали перемены в руководстве ДП положительно, полагая, что с Леттрихом, более прогрессивным, гибким политиком по сравнению с Урсини, будет проще найти общий язык. В то же время Гусак, например, считал нового председателя ДП "весьма хитрым и прожженным демократом, с опытом скрытой борьбы против коммунистов"³⁸. Широкий и часть руководства КПЧ (В. Копецкий, Й. Кроснарж, Р. Сланский и др.) видели в ДП лишь реакционную противостоящую коммунистам партию с сепаратистскими тенденциями, в поддержку которых обвиняли и КПС. Эти взгляды нашли отражение в обсуждении словацкого вопроса на заседании ЦК КПЧ 17 июля 1945 г. Тогда же Готвальд открыто высказал мысль о необходимости создания в Словакии третьей партии³⁹. В то же время Г. Гусак, К. Шмидке, Э. Фриш считали этот шаг несвоевременным, поскольку вновь созданная партия "может и не пойти на блок с коммунистами, ибо массы в значительной степени еще колеблются в вопросе, за кем пойти"⁴⁰. Словацкие коммунисты самоуверенно полагали, что КПС, которая, по их сведениям, уже летом 1945 г. насчитывала 180 тыс. членов, в то время как ДП 50 тыс., сможет завоевать большинство народа и уверенно победить на выборах. Но тут они просчитались. Словацкие демократы, активно принявшись за дело партийного строительства и развернув агитационную кампанию, привлекали в свои ряды всех недовольных новым режимом и опасавшихся чрезмерного усиления влияния коммунистов. По данным, приводимым М. Барновским, число членов ДП в конце 1945 — начале 1946 г. составляло примерно от 200 до 230 тыс. человек⁴¹. У аграрной партии словацкие демократы заимствовали тезис о роли крестьянства как опоры демократии, становом хребте нации, не подвер-

женном политическому экстремизму. В деревне они и искали в основном своих приверженцев. Крестьяне, по данным Барновского, составляли 52% членов ДП, рабочие и служащие — 16%, ремесленники — 13%, чиновники и представители интеллигенции — 12%⁴². С осени 1945 г. в ДП, как и в партии, находившиеся на правом крыле чешского НФ, народную и национально-социалистическую, начали вступать выходцы из запрещенных после войны партий.

Наряду с партиями в политической жизни страны большую роль играли массовые организации трудящихся, которые или восстанавливали свою деятельность, или создавались заново. Коммунистам, несмотря на все их усилия, не удалось добиться включения этих организаций в Национальный фронт, хотя иногда, в явочном порядке, они участвовали в принятии им тех или иных решений. Партии договорились о создании единых общественных организаций, но на практике добиться этого удалось не во всех случаях. Единой и самой массовой из них стало Революционное профсоюзное движение (РПД), в котором преимущественное влияние имели коммунисты. К концу 1945 г. число членов профсоюзов в Чешских землях достигло 1,5 млн, в Словакии — около 200 тыс. и продолжало быстро расти. В апреле 1946 г. чешские и словацкие профсоюзы объединились. Центральный совет профсоюзов с июня 1945 г. возглавлял коммунист А. Запотоцкий. В руководстве РПД было восемь функционеров бывших Красных профсоюзов и по пять бывших секретарей социал-демократических и национально-социалистических профсоюзов. Коммунисты возглавляли крупнейшие профобъединения, например, металлургов, шахтеров. Тесно сотрудничали с коммунистами левые социал-демократы (в частности генеральный секретарь профсоюзов Э. Эрбан) и национальные социалисты. В руководстве словацких профсоюзов не было ни одного представителя ДП. Сначала в профсоюзном движении были сильны леворадикальные и даже анархо-синдикалистские настроения, нацеленность на скорейшее осуществление пролетарской революции и социалистических преобразований в стране. Однако это не совпадало с политической линией КПЧ на том этапе и было ею отвергнуто. РПД оказывало большое влияние не только на решение социально-экономических, но и политических вопросов. К. Каплан считает, что оно "выросло в равноценного партнера правительства", которое не могло без его согласия принять ни одно важное ре-

шение⁴³. Коммунисты опирались на профсоюзы, чтобы добиться проведения намеченных ими преобразований, и использовали их в своей борьбе за поставленную цель — монополию власти.

Формирование Единого союза чешских земледельцев (ЕСЧЗ) и Единого союза словацких крестьян (ЕССК) шло медленно в связи с борьбой политических партий за преобладающее влияние в этих организациях и по существу не завершилось вплоть до февраля 1948 г. Коммунистам не удалось подчинить их своему влиянию. Зато их позиции были сильны в крестьянских комиссиях, органах, на практике осуществлявших аграрную реформу. Не смогли коммунисты обеспечить свое влияние и в массовых физкультурных организациях — чешском "Соколе" и словацком "Орле", которые остались под влиянием соответственно национальных социалистов и клерикальных кругов. Шла борьба за единство молодежного движения. Союз чешской молодежи, возникший по инициативе коммунистов, не смог сохраниться как единая организация. Национальным социалистам удалось добиться выхода из него ряда объединений студентов и учащихся средних школ. В Словакии Союзу словацкой молодежи противостояла молодежная католическая организация. Активно выступали на политической арене ЧСР объединения участников Сопротивления. Коммунисты имели крепкие позиции в союзах партизан (особенно в Словакии) и политических заключенных периода Второй мировой войны. Развернули работу союзы чешских и словацких женщин, которые партии НФ также пытались превратить в свой политический резерв. Многочисленной организацией стал Союз друзей СССР, авторитет которого среди чешского и словацкого населения был высоким.

Власть на местах в освобожденной Чехословакии практически находилась в руках национальных комитетов (НК), которые возникали преимущественно по инициативе коммунистов с участием представителей других политических группировок. Создание комитетов нередко происходило просто путем договоренности между партиями. В составе этих органов в первое время преобладали коммунисты, но в мае 1945 г. в Чешских землях, а осенью 1945 г. по решению НФ НК должны были быть реорганизованы на основе паритетного представительства всех партий фронта. Однако, по словам К. Каплана, только в трети комитетов этот принцип был реализован. В 40% НК преобладали коммунисты,

в 10% — беспартийные, в остальных — представители иных партий. Из общего числа членов комитетов 38% составляли коммунисты, 18,7% — лидовцы (сторонники народной, лидовой партии), 16,8% — национальные социалисты, 14% — социал-демократы, 13,7% — беспартийные. Среди председателей НК коммунистов было 46,6%⁴⁴. Особенно большое сопротивление реорганизации комитетов оказали коммунисты в Словакии, которые не желали уступать свои прочные позиции в этих органах власти.

На паритетных началах партиями НФ было создано и Временное национальное собрание (ВНС), которое начало свою работу в октябре 1945 г. Оно состояло из 300 депутатов, 200 из которых представляли Чешские земли, а 100 — Словакию. 60 депутатских мандатов получили массовые общественные организации. В отличие от довоенного времени высший законодательный орган Чехословакии имел одну палату: сенат восстановлен не был. ВНС должно было подтвердить функции президента страны Э. Бенеша, узаконить подписанные им декреты, а также подготовить выборы в Законодательное национальное собрание (ЗНС) Чехословакии.

Чрезвычайно важную роль в решении как экономических, так и политических вопросов играло правительство, которое, хотя формально и было ответственно перед национальным собранием, но фактически — перед Национальным фронтом, органом которого и являлось, т.е. самим собой. Все спорные вопросы решались на заседаниях НФ партийными делегациями, представленными, как правило, лидерами и министрами соответствующих партий. Решения, принятые НФ, были обязательны для выполнения, как правительством, так и партийными фракциями парламента, что сильно ограничивало его контрольные функции. Спор о месте и роли национального собрания в системе "народной демократии", который велся на протяжении 1945—1948 гг. между коммунистами и их политическими партнерами, так и не был решен: первые выступали за то, чтобы оно рассматривалось как составная часть НФ, вторые, как независимый высший законодательный орган государства. Парламент в "народно-демократической" Чехословакии, хотя и играл довольно серьезную роль, но перестал быть основным полем битвы политических партий в борьбе за власть, что характерно для традиционной системы "парламентской демократии".

В Словакии в первое время после освобождения всей полнотой власти обладал Словацкий национальный совет (СНС), сопредседателями которого являлись Я. Урсини (потом Й. Леттрих) от ДП и К. Шмидке от КПС. Исполнительным органом Совета был созданный на принципе паритета Корпус уполномоченных (КУ).

Кошицкая программа: толкование и реализация

Взаимоотношения между чехами и словаками на всем протяжении существования третьей Чехословацкой республики складывались сложно и трудно: Братислава добивалась как можно большей самостоятельности во всех областях государственной жизни, Прага старалась ее ограничить и укрепить власть центра. Бенеш, памятуя о трагедии 1938 и 1939 гг., во время войны строил планы восстановления Чехословакии как славянского государства. Немцев и венгров, причастных к ликвидации первой и второй республик, предполагалось выселить из страны. Являясь сторонником теории существования "единого чехословацкого народа", президент вместе с тем полагал, что это его личное мнение, и намечал широкую административную децентрализацию восстановленной Чехословакии. В Чешских землях взгляды Бенеша разделяло много людей. В Словакии же те политические силы, которые ориентировались на воссоздание ЧСР, последовательно отстаивали идею самобытности словацкого народа, а в государственно-правовом отношении — идею федеративного устройства республики.

С наказом добиваться федерации делегация СНС и отбыла в Москву в марте 1945 г. Однако при обсуждении проекта правительственной программы она вынуждена была согласиться на общую формулировку, определявшую взаимоотношения между чешским и словацким народами в восстановленном государстве как основанные на принципе "равный с равным"⁴⁵. Готвальд назвал этот раздел Кошицкой правительственной программы "Великой хартией словацкого народа" (Magna charta). Однако достигнутый в Москве компромисс вовсе не означал, что спорящие стороны сдали свои позиции. До переезда правительства в Прагу фактическая власть на территории Словакии находилась в руках СНС. Прерогативой первого на практике были лишь вопросы внешней политики. Правительство в общем не вмешивалось в дела СНС и КУ. Подобное положение как нельзя более ус-

траивало словаков, но не радовало чехов, причем разной политической ориентации, что явствует из их бесед с советским послом В.А. Зориным. Критичен по отношению к словакам был и Готвальд, который утверждал, что взаимоотношения с ними нельзя считать "вполне нормальными" и что словацкие "руководители очень ревниво относятся ко всякому вмешательству в их деятельность"⁴⁶.

Более точно определить компетенции центральных и словацких органов власти, как это и предусматривалось правительственной программой, предстояло после обоснования правительства в столице. Президиум СНС был приглашен обсудить эти вопросы в Праге 31 мая – 2 июня 1945 г. Словацкая делегация получила от СНС инструкции настаивать на создании чешских национальных органов и добиваться федерации, о чем Шмидке сообщил и в Москву⁴⁷. Однако чешские политические партии, в том числе и КПЧ, придерживались иного мнения: федерация недопустима. На заседании руководства ЦК КПЧ и ЦК КПС 31 мая была достигнута договоренность, что смыслом переговоров будет не окончательное урегулирование государственно-правовых вопросов, а лишь определение компетенций центрального правительства и СНС. Таким образом, словацкие коммунисты решили подчиниться и не поднимать вопроса о федерации. Не советовал спешить словакам и Бенеш, который встречался с ними 1 июня⁴⁸. Дело в том, что чешское общество не готово было принять идею федерации и не видело надобности в изменении отношений со словаками по сравнению с думюнхенским периодом. КПЧ из-за опасения, что ей не удастся приобрести достаточное влияние в Чешских землях в случае поддержки идеи федерализации страны, блокировалась в вопросе государственно-правового устройства ЧСР с партнерами по чешскому НФ. КПС, наоборот, могла потерять уже приобретенный в Словакии авторитет в случае отказа от защиты федеративного принципа построения ЧСР. Отсюда – блокирование словацких коммунистов с ДП в решении национального вопроса. С другой стороны, КПЧ и КПС связывало нечто большее, а именно – защита "классовых интересов пролетариата" и стремление к установлению в стране социалистических порядков. Согласно коммунистической доктрине, "классовый подход" имел приоритетное значение при решении национального вопроса. Однако и ДП не могла себе позволить вступить в резкое противоречие с чешскими некоммунистическими, по существу центра-

листскими, партиями, рассчитывая на их поддержку в предстоявшей схватке с коммунистами за влияние в обществе.

Такой сложный расклад политических интересов и привел к очередному компромиссу в чешско-словацких отношениях, известному в историографии как первое пражское соглашение. Словацкая сторона сохранила право на собственные законодательные и исполнительные органы, но вынуждена была отказаться от идеи федерализации и согласиться на асимметричную модель государственного устройства, т.е. на то, чтобы в Чешских землях управляло центральное правительство. Были определены сферы компетенции словацких и центральных органов управления, причем по сравнению с прежними представлениями СНС или практикой весны 1945 г. значительно расширился перечень совместно решаемых вопросов, включавший 20 позиций. К ним относились конституция и государственные границы, вопросы внутренней безопасности, обороны, внешней политики и торговли, финансов, государственного бюджета, таможни, гражданства, принципиальной организации школьного дела, транспорта и связи, социальной политики и социального страхования, здравоохранения и др.⁴⁹ Во время дискуссии Готвальд проявил жесткую позицию в вопросе ограничения полномочий словацких органов управления.

Хотя соглашение было подписано, но стороны, по сути, остались на своих прежних принципиальных позициях. Гундоров, который посетил Словакию в начале июля 1945 г., писал в своем отчете, что "руководящие круги Словакии", считающие, что она имеет право "на самостоятельность в федеративной Чехословакии", недовольны "задержкой разрешения национального вопроса". Далее он сообщал, что чехословацкое правительство не считает необходимым создавать федеративную республику, старается не замечать создавшегося положения, не принимает меры к устранению "ненормальностей", не оказывает помощи Словакии, что не способствует сближению чешского и словацкого народов и преодолению остатков сепаратизма⁵⁰.

12 июля 1945 г. состоялось заседание центрального руководства КПЧ в Праге. Из 19 его участников лишь трое являлись словаками — В. Широкий, Ю. Дюриш, Й. Шолтес, все члены чехословацкого правительства. В ряду прочих обсуждалось и сообщение Широкого о словацком вопросе. Значительную часть вины за бедственное положение в Словакии докладчик возложил на руководство КПС, которое якобы

не выполняет своей руководящей роли, не направляет деятельность СНС и КУ. Ю. Дюриш заявил, что словацкие товарищи постоянно сползают на "скользкую платформу сепаратистских реакционных кругов в Словакии", и подчеркнул, что Гусак и Шмидке не могут далее выполнять свои функции. Готвальд, заключавший обсуждение, констатировал, что "нарыв созрел к операции" и что ее следует провести с двух сторон одновременно: правительству из Праги и срочно созванной партийной конференции в Словакии, подготовив к этому времени смену словацкого партийного руководства⁵¹. 17–18 июля 1945 г. состоялось заседание ЦК КПЧ, на котором обсуждалось положение в Словакии. Это заседание имело ключевое значение для определения дальнейшей политики КПЧ в словацком вопросе. На него было приглашено все руководство КПС, которое подверглось жесткой критике и было обвинено в сепаратистских настроениях⁵². Последовало решение о его замене. Попытки Шмидке, Гусака и Фриша отстоять свои позиции ни к чему не привели⁵³. На конференции КПС в Жилине в августе 1945 г. Широкий был избран председателем партии вместо Шмидке, который в сентябре 1945 г. возглавил Корпус уполномоченных. Гусаку, потерявшему пост уполномоченного по внутренним делам, было поручено ведомство транспорта и общественных работ.

Конец 1945 г. и начало 1946 г. прошли под знаком подготовки к выборам в Законодательное национальное собрание Чехословакии, которые были назначены на май 1946 г. и усилившегося в связи с этим противоборства различных политических сил. Несмотря на первое пражское соглашение, споры между словацкими и центральными органами продолжались, конфликты множились, росло взаимное недоверие. Словацкие коммунисты (повстанческое руководство КПС) уже открыто не выступали с идеей федерализации ЧСР, а ДП все более изображала из себя единственную защитницу национальных прав словацкого народа и борца против чешского централизма. В этой атмосфере недовольства и неудовлетворенности, как той, так и другой стороны, Прага решила пойти на еще большие ограничения полномочий словацких национальных органов; 9–11 апреля состоялись новые переговоры между представителями правительства и СНС. Они окончились подписанием так называемого второго пражского соглашения, в соответствии с которым президент получил ряд прав, ранее входивших в компетен-

цию президиума СНС. Деятельность Совета и КУ должна была согласовываться с центральными органами⁵⁴.

Другим важным вопросом, который будоражил как чешское, так и словацкое общество после освобождения, был вопрос о выселении из страны немцев и венгров, содействовавших в 1938 – 1939 гг. распаду Чехословакии. Среди партий НФ существовало единство мнений на этот счет: выселение следует провести, чтобы в будущем не возникала угроза существованию ЧСР. Немцы, проживавшие до войны в Чехословакии, прежде всего в Судетской области, сыграли роль своеобразного "троянского коня" в планах Гитлера ликвидировать республику. Сразу после марта 1939 г. в чешском некоммунистическом движении Сопrotивления родилась мысль о выселении после войны немецкого населения из ЧСР. Бенеш и эмигрантское правительство поддержали эту идею. Начались разработка и обсуждение планов выселения, именуемого трансфером. Было ясно, что без поддержки союзников по антигитлеровской коалиции такую акцию реализовать не удастся. Так вопрос приобрел международный характер. Англичане и американцы сначала в принципе не возражали против выселения, но в конце войны, ознакомившись поближе с конкретными чехословацкими предложениями, стали проявлять известную осторожность, ссылаясь на неготовность западного общественного мнения к такому решению вопроса и опасаясь чрезмерного укрепления советского влияния в Чехословакии. Советский Союз с самого начала поддержал выселение немцев и в принципе, и в его конкретных способах. В конце концов Запад согласился на выселение немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии, что было зафиксировано в решениях Берлинской (Потсдамской) конференции в июле – августе 1945 г. Надо заметить, что эти решения принимались хотя и после окончания войны в Европе, но еще до окончания Второй мировой войны в целом. Запад пошел на них под давлением обстоятельств, не желая ставить под угрозу участие СССР в войне против Японии, а Советский Союз, будучи уверен в их правильности и стремясь к стабилизации положения в освобожденной Чехословакии, форпосте своего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Следует иметь в виду, что принимаемые в условиях войны политические решения, не всегда представляются оправданными в условиях мирного времени да еще с полувековой дистанции, как это, например, делается некоторыми политическими силами теперь. Правильным,

думается, было бы считать, что виновником выселения немцев была политика нацистской Германии, наложившая, к сожалению, черное пятно на весь немецкий народ и приведшая к ныне правомерно осуждаемому применению принципа коллективной вины⁵⁵.

В Кошицкой программе говорилось о немедленном выселении из Чехословакии немцев и венгров, которые обосновались в стране после 1938 г., и о лишении гражданства тех из них, кто активно содействовал распаду ЧСР и не боролся за ее восстановление. И хотя к тому времени никаких законодательных актов принято не было, этого показалось достаточным, чтобы запустить "механизм выселения" немцев и венгров. На местах программа была воспринята как "руководство к действию". Произошло то, чего опасался Бенеш: началась "расправа" над немецким и венгерским населением. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы отечественных архивов⁵⁶. Затем последовал ряд президентских декретов, которые создавали уже законную базу для проведения акций против немцев и венгров. 19 мая 1945 г. был обнародован декрет президента о передаче под национальное управление имущества государственно-неблагонадежных лиц, под который попадали наряду с другими все лица немецкой и венгерской национальностей. 21 июня последовал декрет о конфискации и ускоренном разделении сельскохозяйственного имущества немцев, венгров, невзирая на гражданство, а также предателей и врагов чешского и словацкого народа; 20 июля — декрет о заселении земель немцев, венгров и врагов государства чешскими, словацкими и другими лицами славянской национальности. Президентским декретом от 2 августа 1945 г. все немцы и венгры, которые в годы войны получили немецкое и венгерское гражданство, лишались чехословацкого гражданства⁵⁷.

Местные власти, используя антинемецкие настроения чешского населения и опираясь на негласную поддержку центральных органов, осознавших возможность англо-американского отказа от идеи трансфера, стремились "под шумок", пока вопрос не решен окончательно союзниками, избавиться от как можно большей части немецкого и венгерского населения. Вопрос о его выселении был использован политическими партиями Чехословакии в борьбе за влияние на массы и за укрепление своего положения в освобожденной стране.

Жестокое обращение с немцами не вызывало осуждения со стороны чешских и словацких масс и даже наоборот встречало одобрение. Психологически это вполне объяснимо. Только что окончились война, шестилетняя оккупация Чешских земель и оккупация Словакии после подавления Словацкого национального восстания, коренным образом изменившие условия жизни людей и шкалу исповедуемых ими ценностей, наложившие серьезный отпечаток на их поведение и принимаемые решения. В чрезвычайных ситуациях — а война и оккупация могут быть отнесены именно к ним, — восприятие "чужого", "враждебного", как считают психологи, происходит совершенно иначе, чем в мирное время. В этих условиях безграничная ненависть распространялась на всех без исключения немцев и венгров. Такой была и позиция, озвучиваемая представителями различных политических сил: немец — враг, фашист, нацист, гитлеровец, гестаповец и т.д.; венгр — извечный враг словацкого народа, оккупант, насильник и пр. Ненависть "туманила мозги" и затрудняла восприятие врага, как человека. Изгнание, экспроприация немецкого и венгерского населения воспринималась в этой обстановке, как справедливое и заслуженное возмездие. В первые недели после освобождения оно приобрело форму беспощадного массового интернирования и депортаций. После Потсдамской конференции, положившей конец "дикому" выселению немцев, оно было приостановлено примерно на полгода и снова возобновилось уже на основе договоренностей между союзниками в январе 1946 г.

По данным Й. Сламы, исследовавшего последствия, согласно его терминологии, "вынужденного перемещения" немцев для Чехословакии, всего ЧСР в первые послевоенные годы покинуло 2 996 тыс. лиц немецкой национальности, в том числе Чешские земли — 2 820 тыс., Словакию — 176 тыс. В процессе неорганизованного переселения было выдворено 660 тыс. человек (из Чешских земель — 650 тыс., из Словакии — 10 тыс.), организованного — 2 256 тыс. (из Чешских земель — 2 100, из Словакии — 156 тыс.), дополнительного — 80 тыс. (из Чешских земель — 70, из Словакии — 10 тыс.). Сокращение населения особенно коснулось Чешских земель. В 1937 г. здесь проживало 10 888 540 человек, в том числе 3 125 555 тыс. немцев (29,3%). В 1945 г. из 10 692 912 жителей их осталось 2 809 000 (26,3%), в 1946 г. — из 9 523 266 человек 1 357 000 (14,2%), в 1947 г. —

из 8 765 239 – 180 000 (2%), в 1948 г. – из 8 893 104 – 170 000 (1,9%). В последующие годы число немцев в Чехии продолжало неуклонно сокращаться: в 1991 г. из 10 298 731 жителей их насчитывалось уже только 47 789 (0,5%)⁵⁸. Очевидно, за 40 лет "социалистического строительства" оставшиеся в стране либо были ассимилированы, либо "добровольно" покинули Чехословацкую социалистическую республику. Территории прежнего проживания немцев заселялись чешскими и в меньшей степени словацкими колонистами, а также реэмигрантами и репатриантами.

Более сложно решался вопрос о выселении из ЧСР венгров, на чем настаивало чехословацкое правительство и с чем были согласны все партии НФ. Однако между союзниками по антигитлеровской коалиции на этот счет согласия не было: если Советский Союз готов был поддержать требования Праги, то Запад – нет. После нескольких попыток выработать совместную позицию по указанному вопросу СССР вынужден был отступить и, чтобы не осложнять международные отношения, передать его решение на усмотрение правительств Чехословакии и Венгрии. После Потсдамской конференции "дикое" выселение венгров⁵⁹, которые проживали главным образом на юге и юго-востоке Словакии, прекратилось. 27 февраля 1946 г. ЧСР и ВНР подписали соглашение об обмене населением на паритетной основе. Однако его реализация шла с трудом из-за сопротивления венгерской стороны. "Тяжба" между обеими заинтересованными странами, из-за которой страдало в первую очередь венгерское население Словакии и словацкое – в Венгрии, велась в течение многих лет. Положение осложнялось тем, что трансфер, сбалансированный обмен населением, произвести было невозможно: в Венгрии было значительно меньше словаков, чем венгров в Чехословакии (по некоторым данным их насчитывалось к концу войны от 700 до 800 тыс.). К тому же не все из них добровольно желали переселяться с насиженных мест. И та, и другая спорящие стороны обращались с жалобами друг на друга в Москву, прося ее поддержки, но советское руководство последовательно отстаивало принцип достижения договоренности на двусторонней основе. Всего в рамках соглашения вместо предполагавшихся 100 тыс. с каждой стороны из Венгрии в Чехословакию было переселено 59 774 лица словацкой национальности, а из Чехословакии в Венгрию – 55 487 лиц венгерской национальности. Часть людей покидала страну проживания самостоя-

тельно. Всего к 1958 г., когда этот вопрос был решен окончательно, из ЧСР в ВНР переселились 89 660 венгров, а из ВНР в ЧСР — 71 787 словаков.

Видя, что реализовать идею выселения венгерского меньшинства из ЧСР невозможно, чехословацкие власти решили осуществить акцию его ресловакизации, как она именуется в словацкой историографии, или словакизации, как ее называют венгерские историки. Дело в том, что значительная часть населения южной и юго-восточной областей Словакии, чисто житейски приспособившись к существующему режиму и его требованиям, меняла (иногда неоднократно) свою национальность, приписывая себя то к словакам, то к венграм. Так, и в 1946 — 1948 гг. часть венгров в добровольно-принудительном порядке сменила свою национальность на словацкую, поскольку они были лишены как политических, так и гражданских прав: права голоса, им не разрешалось создавать собственные политические партии и иметь свои газеты и журналы, обучать детей на венгерском языке. Акт смены национальности нередко проводился насильственным путем под угрозой репрессий со стороны властей, лишения работы, принудительного выселения и т.д. Всего до 1948 г. было подано 452 089 просьб о "ресловакизации", из которых 326 679 получили положительное решение. Большая часть "ресловакизированных" после 1950 г. пожелала восстановить свою прежнюю, т.е. венгерскую, национальность⁶⁰.

С целью ликвидировать места компактного проживания венгров чехословацкие власти организовали их переселение в другие районы ЧСР, прежде всего в западные и северо-западные чешские районы, в Судетскую область, откуда выселялись немцы. Здесь на основании декрета президента о трудовой повинности создавались, преимущественно из представителей социально слабых слоев, трудовые поселения. На работу в чешскую промышленность и сельское хозяйство по данным МИД СССР было отправлено около 50 тыс. венгров⁶¹. Словаки, переселявшиеся из Венгрии, как они полагали, на свою прародину, на самом деле в большинстве тоже были расселены в указанных чешских районах, где зачастую по-прежнему жили рядом с венграми⁶².

Наказанию, согласно Кошицкой программе, подлежали не только немцы и венгры, но также нацистские преступники, предатели народа чешской и словацкой национальности и их пособники. В этих целях в соответствии с декретом пре-

зидента от 19 июня 1945 г. создавались чрезвычайные народные суды, состоявшие из председателя (юриста по профессии) и четырех представителей народа. Приговор должен был оглашаться на открытом судебном заседании, подача апелляций не допускалась, смертный приговор, как правило, должен был приводиться в исполнении в течение двух часов после его принятия и, по решению суда, казнь могла быть публичной. Чрезвычайные народные суды прекратили свою деятельность лишь в конце 1948 г.⁶³ Для наказания преступников государственного масштаба в Праге и Братиславе были созданы Национальные суды.

Выявлением подлежащих наказанию занимались национальные комитеты всех ступеней и фабрично-заводские комитеты, в которых сразу после освобождения крепкие позиции имели коммунисты. В задачу местных НК входило и формирование органов государственной безопасности, состав которых и в социальном, и в политическом отношении был весьма пестр. При таком положении дел в решении вопроса о виновности либо невиновности того или иного человека зачастую преобладали субъективные мотивы. "Чисткой" общественной жизни сразу после освобождения, прежде всего в Словакии, занимались и советские органы (НКВД, СМЕРШ). Арестованных ими людей (по данным М. Барновского их численность составляла примерно 5 тыс. человек, по другим данным — 10, 12, 20, 25, 30 тыс. человек⁶⁴) отправляли в лагеря ГУЛАГа.

Несмотря на то, что Готвальд советовал Гусаку (март 1945 г.) "не перегибать палку", проводя чистку в Словакии⁶⁵, сразу после переезда правительства в Кошице словаков стали упрекать в том, что они проводят ее недостаточно энергично⁶⁶. После издания президентского декрета суды в Словакии стали создаваться и действовать. Но, по мнению Фриша, их большой недостаток состоял в том, что приговоры о расстрелах они заменяли 20 — 30 годами тюремного заключения⁶⁷. Началась "чистка общественной жизни" от "реакционеров" и коллаборационистов и в Чешских землях, в ходе которой, как сообщал Сланский в ОМИ ЦК ВКП(б) в июле 1945 г., была установлена слежка и за людьми, которые во время войны находились в Лондоне, поскольку среди них "много прямых агентов Интеллидженс Сервис"⁶⁸. Министр юстиции Я. Странский (ЧНСП), разъясняя тогда же смысл декрета Бенеша о чрезвычайных народных судах, говорил, что именно они должны будут разобраться в том, кто стал

коллорационистом вынужденно, а кто по доброй воле: "Для этого нет никакой общей мерки". Даже члены правительства Протектората, полагал он, "не обязательно все должны оказаться виновными или же виновными в одинаковой степени", "не всё заслуживает наказания, что заслуживает порицания", "слабые в национальной борьбе могут оказаться сильными в национальной работе"⁶⁹. Ведомство юстиции в КУ, возглавляемое представителем ДП, также стремилось "притормозить" рвение коммунистов в проведении "чистки", которая кроме антифашистского и национального аспектов, имела еще и социальную направленность, поскольку касалась главным образом имущих слоев населения.

Национальный суд в Праге прекратил свою деятельность 4 мая 1947 г. До этого он рассмотрел дела руководителей Протектората. Э. Гаха судим не был: вскоре после заключения он умер в тюремной больнице. Из 16 министров правительств Протектората девять предстали перед судом осенью 1946 г.: трое из них были оправданы, двое освобождены от наказания и четверо приговорены к тюремному заключению на разные сроки. Согласно докладу министра юстиции Дртины в ЗНС 29 мая, суд вынес 64 приговора с различными сроками наказания обвиняемых и 19 оправдательных приговоров. 132 549 дел поступили в 24 чрезвычайных суда. Из них рассмотрены были 38 316 дел, возвращены за отсутствием доказательств 40 534 дела. По рассмотренным делам было вынесено 713 смертных приговоров (475 немцев и 234 чеха), 741 человек приговорен к пожизненному заключению (443 немца и 293 чеха), 19 888 человек к различным срокам тюремного заключения. Около 10 тыс. человек были оправданы. Остальные дела были возвращены на исследование или переданы обычным судам. В справке "Чехословакия", подготовленной в МИД СССР в августе 1947 г., из этих данных делался вывод: "Наказание военных преступников, изменников и коллаборационистов и в связи с этим чистка государственного аппарата в Чехословакии произведены недостаточно и поверхностно"⁷⁰. Дела руководителей Словацкого государства рассматривались Национальным судом в Братиславе. В начале августа 1946 г. он вынес смертный приговор по делу Б. Туки. Началась подготовка судебного процесса над Й. Тисо и его соратниками, имевшего большое политическое значение, о чем подробнее будет сказано ниже.

Политические партии, которые рассматривали суды как важный инструмент в борьбе за власть, стремились также

укрепить свои позиции в армии и органах государственной безопасности. КПЧ уделяла этому вопросу серьезное внимание и добилась здесь немалых успехов. Главкомандующим согласно действующей конституции 1920 г. остался президент, но министром обороны стал завоевавший всеобщее признание генерал Л. Свобода, командир 1-го Чехословацкого армейского корпуса в СССР, формально беспартийный, но тесно сотрудничавший с коммунистами. Основой новой армии должен был стать именно этот корпус, создававшийся под сильным влиянием Москвы и Загранбюро КПЧ. С командных постов была устранена часть представителей старого "реакционного" офицерства. В руководящих армейских кругах важные места заняли коммунисты. Б. Райцин возглавил управление разведки и контрразведки. Я Прохазка — вновь созданный институт офицеров-политработников, более 90% которого составляли члены КПЧ. Формально влияние политических партий в армии было значительно ограничено требованием ее надпартийности, однако этот принцип не соблюдался в полной мере. Красная Армия, согласно Кошицкой программе, рассматривалась как образец строительства новой, демократической чехословацкой армии. Офицерский корпус постепенно пополнялся участниками движения Сопротивления и Словацкого национального восстания. Однако летом 1945 г. старые офицерские кадры составляли в нем еще 70%, и вплоть до февраля 1948 г. ни коммунистам, ни их партнерам-соперникам по НФ не удалось добиться на этом участке существенного перевеса. Влияние советских инструкторов в армии также оказалось не столь успешным: их численность снизилась с 86 в 1945 г. до 8 в 1947 г.⁷¹ В то же время КПЧ заняла весьма сильные позиции в Корпусе национальной безопасности и некоторых других органах министерства внутренних дел, которое возглавлял коммунист В. Носек. Однако на протяжении всего периода 1945–1948 гг. партии НФ вели борьбу за укрепление своего влияния в этих чрезвычайно важных с политической точки зрения звеньях государственного аппарата⁷².

Большое значение в плане решения вопроса "кто кого?" в борьбе за власть имели декларированные Кошицкой программой весьма умеренные, по мнению коммунистов, социально-экономические преобразования, которые должны были затронуть интересы широких слоев населения страны. Все партии НФ выступали за демократизацию экономики, разница состояла в определении глубины вторжения в пра-

во частной собственности и, следовательно, степени ослабления позиций национального капитала. Коммунисты и левые социал-демократы стояли не только за последовательное и быстрое осуществление соответствующих пунктов программы, но и за углубление намеченных в ней преобразований. Важнейшим из них было установление национального управления на промышленных, финансовых, сельскохозяйственных предприятиях, принадлежавших немецким и венгерским собственникам, а также чехам и словакам, активно содействовавшим расчленению Чехословакии. Всю финансовую и кредитную системы, предприятия ключевых отраслей промышленности, природные богатства и энергетические источники намечалось передать в управление государства. Проблемы национализации промышленности и проведения аграрной реформы рассмотрены в отечественной историографии достаточно подробно⁷³, поэтому остановимся на этом лишь в общих чертах. Вышеуказанный декрет президента о введении национального управления на предприятиях немцев, венгров и предателей народа, поддержанный всеми партиями НФ, был реализован достаточно быстро. В целом по стране оно было введено на более чем 10 тыс. промышленных предприятий на которых работали около 1 млн человек, а также на 40 тыс. ремесленных предприятиях и в 80 тыс. сельских хозяйств. Вопрос о том, что станет в будущем с этими предприятиями, оставался пока открытым. Реализация декрета привела к демократизации экономики и устранению влияния не только германского и венгерского, но также части чешского и словацкого капиталов.

Опираясь на активность профсоюзов и заводских советов, которые стали устанавливать свой контроль на предприятиях, коммунисты и левые социал-демократы уже летом 1945 г. поставили вопрос о национализации не только ключевых отраслей промышленности, но и всех крупных заводов и фабрик. В поддержку этого требования было организовано широкое движение рабочих масс. КПЧ разработала проект передачи государству банков, ключевых отраслей промышленности и всех предприятий, насчитывавших более 500, а в некоторых, особенно важных отраслях, — более 150 работающих. После длительных и жарких дискуссий о формах обобществления и его темпах, в ходе которых противники национализации по коммунистической схеме пророчили наступление хаоса и осложнение отношений с Западом, они вынуждены были отступить. Сочетая давление "сверху" с

нажимом "снизу", КПЧ добилась того, что 24 октября 1945 г. Бенеш подписал декреты о национализации промышленности в том объеме, который предлагали левые силы. Полностью или почти полностью (по числу работающих) в руки государства перешли горная, металлургическая и энергетическая отрасли промышленности, на три четверти — химическая, машиностроительная и металлообрабатывающая, на 54—70% — сахароваренная, бумажная, кожевенная и текстильная отрасли. На 2867 национализированных в 1946 г. предприятиях, составлявших 17% всех предприятий страны, были заняты 61% работников. На них производилось более половины (54% по стоимости) всей промышленной продукции. Преобладающая часть оставшихся в частной собственности предприятий (8449) имела до 50 работников. В Словакии, где предприятия были более мелкими по сравнению с Чешскими землями, национализация затронула гораздо меньшую часть промышленности. В результате этого словацкому капиталу, хотя и более слабому по сравнению с чешским, удалось сохранить относительно прочные позиции в экономике этой части страны. На основании декретов о национализации из рук частного капитала изымалась вся финансово-кредитная система и страхование. Торговли национализация не коснулась. Образовавшийся в экономике ЧСР национализированный сектор, не являясь социалистическим, имел, как и весь "народно-демократический" строй, переходный характер, давая в то же время возможность осуществления планирования на государственной основе. Проведенная под национально-демократическими лозунгами национализация укрепила позиции левых сил и содействовала углублению революционного процесса в стране.

Важнейшим требованием Кошицкой программы являлось проведение аграрной реформы. Она осуществлялась по этапам, на первом из которых конфисковывалась и передавалась сельскохозяйственным рабочим, безземельным и малоземельным крестьянам земля врагов республики, коллаборационистов, немецких и венгерских собственников, поддерживавших оккупантов. Участки площадью 8—13 га, согласно ряду декретов президента в мае—июле 1945 г., передавалась новым собственникам за небольшую плату в рассрочку. В Чешских землях реформой руководило возглавляемое коммунистом Ю. Дюришем министерство сельского хозяйства, в Словакии — ведомство по делам сельского хозяйства во главе с представителем ДП М. Кветко, которое не

торопилось провести декреты в жизнь. ЧНСП и НП в принципе не возражали против передачи земли чешским и словацким собственникам, но настаивали на создании хозяйств площадью в 20 — 30 га, протестовали против революционных методов (участия крестьянских комиссий) в решении аграрного вопроса, считали необходимым увеличить плату за полученные участки.

В Чешских землях задачи первого этапа земельной реформы были решены относительно быстро. К лету 1946 г. здесь было конфисковано 2,5 млн га земли, четыре пятых которых находилось в пограничных районах, откуда выселялось немецкое население. Чешские и словацкие переселенцы, преимущественно из числа бедных крестьян, вместе с землей получали хозяйственные и жилые постройки, сельскохозяйственный инвентарь и скот. Однако отсутствие у новых собственников навыков ведения хозяйства, незнание ими местных природных условий, нехватка материальных средств затрудняли налаживание сельскохозяйственного производства в этих районах. Часть конфискованной земли была передана государственным хозяйствам и нескольким десяткам производственных кооперативов. Крестьянская политика КПЧ способствовала росту ее авторитета в деревне.

В Словакии задачи первого этапа земельной реформы решались гораздо медленнее и труднее, чем в Чешских землях. Здесь фонд перераспределения земли был весьма невелик, а претендентов на ее получение много: словацкая деревня была в основном бедняцкой. Предложение КПС о проведении в Словакии "всеобщей" аграрной реформы, которая охватила бы также земли крупных национальных собственников и церкви, не было принято тогда ни руководством КПЧ, которое опасалось вызвать недоверие середняцкой в основном чешской деревни, ни тем более другими партиями НФ. До 1948 г. в Словакии была конфискована лишь незначительная часть земли (72 тыс. га), подлежащей перераспределению на первом этапе реформы, что, естественно, отразилось на настроениях словацкого крестьянства.

Одним из немногих вопросов, по которым сразу после освобождения страны не возникало публичных споров, хотя единства мнений не существовало, было отношение к Советскому Союзу. Части Красной Армии в своем большинстве покинули Чехословакию уже летом 1945 г. Представитель ГлавПУ РККА сообщал в ОМИ ЦК ВКП(б) 7 сентября 1945 г.:

"В Чехословакии нет наших войск, там осталась одна армия наших войск, которая находится на границе с Германией, северо-западнее Праги, в Судете, в остальных районах находятся кое-какие тылы — остатки Западного фронта. В начале августа были упразднены военные комендатуры"⁷⁴. У чехословацкого правительства не было точных данных о численности частей Красной Армии, дислоцированных на территории ЧСР. По его подсчетам, в октябре 1945 г. в стране находились примерно две американские дивизии (не более 25 тыс. человек) и около 400 тыс. советских солдат и офицеров⁷⁵. В октябре по договоренности с США и СССР ЧСР покинули, как находившиеся на ее территории подразделения американской армии, так и остававшиеся там части Красной Армии. Во время пребывания в Чехословакии советские военные в случае острой необходимости оказывали населению помощь продовольствием из армейских запасов (Прага, Братислава, Брно, Острава), предоставляли местным властям лошадей, автомашины, горючее и даже рабочую силу во время уборки урожая. Осенью 1945 г. чехословацкое правительство взяло на себя снабжение оставшихся в ЧСР частей Красной Армии продовольствием. Советский Союз лишь частично реализовал свое право на трофейные заводы и оборудование, находившиеся в Чехословакии. Обсуждение этого вопроса между советским и чехословацким правительствами велось на протяжении всего периода 1945—1948 гг.⁷⁶ В итоге из 365 предприятий 334 были оставлены Чехословакии. Активно начали развиваться торговые связи между ЧСР и СССР. 8 сентября 1945 г. было подписано соглашение о взаимных поставках товаров: советская сторона поставляла для чехословацкой промышленности необходимое сырье, в том числе уголь, железную, марганцевую и хромовую руды, нефтепродукты, шерсть, хлопок, а получала продукцию легкой и машиностроительной промышленности. Чехословацкое правительство "пошло навстречу советскому желанию" совместно проводить добычу урановой руды в Яхимове с целью поставки ее в СССР⁷⁷.

Трудно и медленно по дипломатическим каналам решался вопрос о возвращении в Чехословакию ее граждан, арестованных советскими военными органами и НКВД. В советских и чехословацких документах той поры приводятся противоречивые данные о численности этих лиц (гражданских и военнопленных). В списке, переданном В. Клементисом Зорину еще весной 1945 г., значились 50 тыс. гражданских лиц,

в том числе 2500 словаков. Эту же цифру называл и временный поверенный в делах ЧСР в СССР Я. Гниздо в беседе с сотрудником НКВД СССР А.П. Павловым 13 октября 1945 г. "Следовало бы решить вопрос о суде над всеми этими лицами", — сказал он. Вышинский распорядился "срочно выяснить и принять решение". 12 октября этот вопрос в беседах с Вышинским, а затем 3 и 29 декабря с Молотовым поднял и новый посол Чехословакии в Москве Й. Горак, который указал на случайность многих арестов и передал памятную записку о местах, где были арестованы 1967 чехословацких граждан, проживавших преимущественно в восточных и центральных районах Словакии. Списки из западных частей республики подготовлены еще не были. Несколько позднее они были уточнены. Бывшие чехословацкие подданные немецкой и венгерской национальностей в списки не вносились. Кроме того, речь шла об освобождении 800 словацких солдат, плененных Красной Армией в Венгрии⁷⁸.

В информации наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглова В.М. Молотову от 17 января 1946 г. о количестве военнопленных и интернированных чехов и словаков и порядке их освобождения значилось, что в период с августа по ноябрь 1945 г. из фронтовых и тыловых лагерей НКВД было освобождено и направлено на родину 35 820 военнопленных чехов и словаков. В тыловых лагерях НКВД на 1 января 1946 г. находились 13 575 человек "нового поступления военнопленных чехословацких граждан", в числе которых 9 945 чехов (видимо, и словаков. — В.М.) и 1386 русин были переданы из рабочих батальонов наркомата обороны. Сообщалось, что после установления национальности этих лиц, все чехи, словаки и русины будут направлены в лагерь органов репатриации Люсдорф под Одессой. Что касается цифры 5 тыс., которая указывалась в памятной записке чехословацкого правительства, то сообщалось, что в списках, полученных от чехословацкой стороны значились 2179 человек. По данным же НКВД всего было "завезено в СССР" 1360 чехов и словаков, арестованных "советскими военными органами в порядке очищения тыла действующей Красной Армии". Из них 482 человека были возвращены на родину, 15 — направлены в спецгоспитали, 110 человек убыло по разным причинам. На 1 января 1946 г. в лагерях НКВД и рабочих батальонах для интернированных, по данным Круглова, находилось 753 чеха и словака, 237 из которых освобождаются и направляются на родину;

остальные 516 человек характеризовались как "активные пособники гитлеровцев", которые могут быть переданы чехословацкому правительству для предания их суду⁷⁹.

В целом отношения между СССР и ЧСР, несмотря на существование ряда сложных и спорных вопросов, после освобождения имели тенденцию к укреплению. Тесные контакты были установлены между ВКП(б) и КПЧ. ОМИ (затем Отдел внешней политики — ОВП) ЦК ВКП(б) получал от руководителей компартии Чехословакии достаточно подробную информацию о положении в стране⁸⁰. ЧСР обещала стать прочным звеном формирующегося советского блока.

К концу 1945 г. Кошицкая правительственная программа, благодаря настойчивости левых сил во главе с коммунистами, была в основном выполнена и даже перевыполнена, в частности, например, это касается масштабов национализации. Тактика КПЧ — через национально-демократические преобразования к социализму — оправдывала себя. Межпартийная борьба, хотя и приобретала все более острые формы, оставляла поле для политических компромиссов и сотрудничества в рамках Национального фронта.

Выборы в Законодательное национальное собрание: подготовка, результаты, последствия

Парламентские выборы были назначены на 26 мая 1946 г. Все партии НФ начали активную подготовку к ним. Зимой 1945 — 1946 гг. страна оказалась в сложном положении: экономические трудности — нехватка сырья и топлива, бездействие многих промышленных предприятий, разруха на транспорте, острота продовольственной проблемы — рождали и политическую напряженность. Особенно это касалось Словакии, где нанесенные войной опустошения были весьма велики, восстановление экономики шло медленно, а проведенные демократические преобразования не дали ощутимых социальных результатов. Усилились разногласия в НФ: национальные социалисты, лидовцы, словацкие демократы и правые социал-демократы все чаще стали выступать в роли политической оппозиции, обвиняя коммунистов в возникших трудностях. Тем не менее на заседаниях НФ в январе и марте 1946 г. было принято решение о "пристойном" ведении предвыборной борьбы. Партии обязались не критиковать политику НФ и правительства, а лишь объяснить, каких изменений в ней они намерены добиваться. Они

договорились не использовать в предвыборной кампании авторитет президента Бенеша ради собственной выгоды, не критиковать внешнеполитическую ориентацию государства и политику Советского Союза. Кроме того, партии договорились о формировании совместного правительства после выборов, несмотря на их результаты⁸¹. Но все эти договоренности, кроме последней, на практике были нарушены.

При подготовке закона о выборах коммунисты добились его определенной демократизации по сравнению с довоенным временем: отмены ценза оседлости, предоставления права голоса военнослужащим и служащим Корпуса национальной безопасности, снижения возрастной границы избирателей, лишения избирательных прав осужденных и находящихся в заключении врагов народа. Кроме того, коммунисты настояли на введении "белых бюллетеней", которыми могли голосовать противники "народной демократии". Предполагалось, что таким образом можно будет предотвратить проникновение членов запрещенных политических партий в партии НФ. Однако эти надежды не оправдались. Все партии, в том числе и коммунистическая, пополняли свои ряды выходцами из недопущенных к участию в политической жизни партий, прежде всего аграрной, национально-демократической, глинковской словацкой народной и т. д. Коммунисты в преддверии выборов стремились активизировать свою агентуру во всех других партиях НФ и общественных организациях.

Особенно острая борьба за овладение голосами избирателей велась между КПЧ и ЧНСП, которая стремилась вытеснить коммунистов с занимаемых ими позиций и стать первой партией в государстве. Программа национальных социалистов была недостаточно конкретной и состояла преимущественно из общих политических лозунгов о защите демократии, частной собственности и правопорядка, обвинений коммунистов в приверженности марксизму и в непатриотичности. Примерно в таком же духе вела предвыборную кампанию и народная партия, снимавшая с себя ответственность за многие проведенные правительством преобразования. Неконкретность, "лозунговость" этих программ сказались впоследствии на результатах выборов в Чешских землях. Социал-демократы выступали за развитие революционного процесса путем углубления реформ, утверждая, что демократия невозможна без социализма, как и социализм без демократии.

В отличие от прочих партий КПЧ шла на выборы с очень конкретной программой, содержавшей перечень того, чего она собиралась добиваться в ближайшие два года: принятия новой конституции, двухлетнего плана восстановления и развития экономики, установления нового налога на сельских хозяев и мелких предпринимателей, учитывавшего их интересы, осуществления второго этапа аграрной реформы, введения национального страхования служащих и т.д. В конце марта 1946 г. в Праге состоялся VIII съезд КПЧ, на котором была разработана дальнейшая стратегия и тактика партии, направленные на углубление, по тогдашней коммунистической терминологии, национальной и демократической революции и ее перерастание в социалистическую. С этого времени Национальный фронт стал рассматриваться коммунистами как блок рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции. Антифашистской, демократической части буржуазии, как это было сразу после освобождения, в НФ уже не было места. После съезда коммунисты активизировали деятельность своих местных организаций и работу в массовых общественных организациях. Они организовали кампанию под лозунгом "Больше труда республике — вот наша агитация!", являлись организаторами субботников, застрельщиками соревнования на предприятиях, о чем широко оповещала коммунистическая пресса. Все это не могло не повлиять на позиции избирателей, большая часть которых испытывала значительные трудности послевоенных лет.

Чешские некоммунистические партии, особенно национальные социалисты, уверенные в своей популярности, рассчитывали победить на выборах в парламент, оставив далеко позади себя коммунистов. Их прогнозы были весьма оптимистическими. На эту информацию опирался и американский посол в Праге Л.А. Штейнгард, который сообщал в Вашингтон о неминуемом ослаблении позиций коммунистов в новом парламенте. Они, по мнению посла, должны были получить 88 из 300 депутатских мест, социал-демократы — 39, а некоммунистические партии — остальные кресла. Прогноз коммунистов по Чешским землям, опиравшийся на сведения с мест, был таков: КПЧ получит 41% голосов, социал-демократы — 15—16%, национальные социалисты — 22,5%, лидовцы — 21%⁸².

В Словакии предвыборная борьба носила более острый характер, чем в Чешских землях. Как стало ясно уже летом 1945 г., КПС постепенно утрачивала свое влияние в массах,

а ДП по мере своего организационного оформления набирала силу. Система двух политических партий, на которую сначала сделали ставку коммунисты, не оправдывала себя. Встал вопрос о создании в Словакии еще одной партии, которая могла бы оттянуть на себя голоса избирателей католического вероисповедания, ранее поддерживавших глинковскую партию и с сомнением относившихся к ДП, возглавляемой евангеликами. В появлении такой партии были заинтересованы как иерархи весьма влиятельной в Словакии (особенно в деревне и среди женщин) католической церкви, так и коммунисты. В руководстве КПС план создания третьей, католической, Христианско-республиканской партии поддерживали В. Широкий и Ш. Баштёванский, которые вели по этому вопросу переговоры с представителями молодой генерации политического католицизма в ДП. Был создан организационный комитет партии, который подал заявку на ее вступление в НФ и представил программу, в основном исходившую из принципов Кошицкой программы с акцентированием христианского мировоззрения и прав церкви. На заседании НФ 13 марта 1946 г. было решено принять новую партию в НФ при условии изменения ее названия и уточнения программы с точки зрения отношения к ЧСР, демократии, словацким национальным органам, огосударствлению школ, суду над Тисо и др. Но окончательной договоренности достичь не удалось: организаторы новой партии отвергли требования КПС, часть их осталась в ДП, а часть организовала очень слабую Партию свободы. Раскола ДП, на что рассчитывали коммунисты, фактически не произошло⁸³.

Попытки словацких демократов распространить свою деятельность на Чешские земли не увенчались успехом: против этого выступили все чешские партии. Тогда руководство ДП вступило в переговоры с оппозиционным крылом партии во главе с А. Цвинчком. Соглашением, опубликованным 7 апреля 1946 г., предусматривалось, что во всех органах партии и находящихся под ее влиянием организациях католики и евангелики будут представлены в соотношении 7:3, а при составлении списков кандидатов — в соотношении 2:1. Создавался узкий президиум партии с широкими полномочиями, в котором было шесть католиков (А. Цвинчек, М. Бутар, И. Кемпны и др.) и три евангелика (Й. Леттрих, Я. Урсини и Ф. Годжа). Католические иерархи одобрили соглашение, и церковь включилась в предвыборную кампанию на

стороне ДП. М. Барновский характеризует "апрельское соглашение" как брак по расчету с обеих сторон. Оно дало возможность политическому католицизму, ранее представляемому запрещенной ГСНП, выйти на политическую арену. Весной 1946 г. в Словакии была создана еще одна незначительная по своему влиянию партия, Партия труда, которая возникла по инициативе словацких социал-демократов, недовольных объединением с коммунистами и поддержанных ЧСДП. И Партия свободы, и Партия труда были приняты в НФ, словацкая часть которого теперь, как и чешская, включала четыре партии.

Выборы в ЗНС состоялись в назначенный день 26 мая 1946 г. Как теперь стало известно, председатель правительства З. Фирлингер и министр национальной обороны Л. Свобода без согласования с президентом и правительством за несколько дней до выборов дали разрешение на передислокацию частей Красной Армии из Австрии в советскую оккупационную зону Германии через территорию ЧСР 26 мая. 21 мая в правительстве разразился скандал. Вице-премьер Странский настаивал на том, что разрешение было дано незаконно, что присутствие иностранной армии может поставить под сомнение свободу выборов в Чехословакии, и требовал, чтобы перемещение советских войск было перенесено на другое время. Свобода разъяснил детали передислокации, которая в целом должна была проходить с 20 мая по 20 июня 1946 г., осуществляться лишь в ночное время и при условии, что воинские части не будут останавливаться в населенных пунктах и на железнодорожных станциях. Я. Мазарик заявил, что послы Великобритании, Франции и США, а также иностранные журналисты обеспокоены ситуацией и просят информировать их о развитии событий. Министр юстиции Дртина отметил, что население встревожено слухами о передислокации и утверждениями некоторых коммунистических ораторов, что в случае, если коммунисты потерпят поражение на выборах, страна будет занята Красной Армией. Правительство еще ранее, предчувствуя скандал, провело демарш перед Москвой с просьбой отложить передислокацию или прервать ее на время выборов. Последнее было выполнено советскими властями⁸⁴. За неимением соответствующих советских документов трудно сказать, была ли передислокация предпринята Москвой как акция политическая в преддверии выборов в чехословацкий парламент, или это была простая случайность. Скорее всего, первое: трудно

И.С. Конев и Л. Свобода в Праге. Май 1946 г.

было не предусмотреть политические последствия подобного шага.

Так или иначе, но результаты выборов, в которых участвовало 95% имевших право голоса, оказались ошеломляющими для некоммунистических партий, особенно в Чехии. Здесь коммунисты получили 43,26% голосов, национальные социалисты — 25,21%, лидовцы — 16,27%, социал-демократы — 14,95%. "Белыми бюллетенями" проголосовало 0,31% избирателей. В крупных промышленных центрах победа коммунистов была еще более убедительной: здесь она получила 60—70% голосов. Существенно усилились позиции коммунистов в чешской деревне, особенно в пограничье. В Моравии голоса распределились соответственно следующим образом: 34,46; 20,79; 27,57; 16,74; 0,44 процента. На втором месте после коммунистов здесь оказалась Народная партия, которая имела успех среди крестьянства. В Словакии решительную победу одержала ДП, набравшая 62% голосов. КПС получила поддержку 30,37% избирателей: по некоторым оценкам это был провал, по другим —

относительный успех. Партия труда и Партия свободы набрали соответственно 3,11 и 3,73% голосов, "белыми бюллетенями" воспользовались 0,79% избирателей. В целом по Чехословакии КПЧ оказалась сильнейшей партией (31,05%), за ней по нисходящей следовали ЧНСП (18,29%), НП (15,64%), ДП (14,07%), ЧСДП (12,05%), КПС (6,89%), Партия свободы и Партия труда набрали менее одного процента. "Белые бюллетени" предпочли 0,45% избирателей. В ЗНС мандаты распределились следующим образом: КПЧ и КПС — соответственно 93 и 21, национальные социалисты — 55, лидовцы — 46, словацкие демократы — 43, социал-демократы — 37, небольшие словацкие партии — 5⁸⁵. Таким образом, коммунисты вместе с социал-демократами заняли в парламенте 151 из 300 кресел. Однако выборы не обеспечили ни одной из партий монопольного положения. КПЧ как самая сильная партия получила право сформировать новое правительство НФ.

ЦК КПЧ на заседаниях 28 и 30 мая 1946 г. пришел к выводу, что хотя результаты выборов можно оценить как успех партии, но, как заявил Готвальд, "мы еще не выиграли, борьба будет продолжена. Мы имеем в этой борьбе только более выгодные позиции, но не можем на этом успокоиться"⁸⁶. Получить большинство голосов на будущих выборах — так ставилась задача. Оценивая итоги выборов в Словакии, пленум пришел к заключению, что влияние ДП следует ограничить путем расширения правомочий центральных государственных органов в этой части республики. КПС была разочарована результатами голосования; в ее рядах усилились тенденции к радикализму, снова появились сомнения в правильности политики Национального фронта, возникали предложения о необходимости "одним ударом" покончить с "реакцией", опираясь на бывших партизан.

Все чешские некоммунистические партии были шокированы результатами выборов. Обманутые ожидания привели к усилению внутрипартийных разногласий и стремлению пересмотреть тактико-стратегические установки в борьбе с коммунистами за власть, хотя ни одна из партий не отказалась от политики НФ. Национальные социалисты объясняли победу КПЧ прежде всего революционной ситуацией в Европе и Чехословакии и считали, что влияние коммунистов скоро пойдет на убыль. Свою задачу они видели в том, чтобы быть главной силой НФ, защищающей демократию и противостоящей стремлению коммунистов к монопольному овла-

дению властью. В Народной партии с резкой критикой ее центристского руководства выступила праворадикальная группа Г. Кожелуговой, которая требовала созыва чрезвычайного съезда партии и усиления ее антикоммунистического курса. Однако Шрамека свалить не удалось. Кожелугова была исключена из партии из-за опасения ее раскола. Кризис в партии был преодолен, но недовольство осталось. Растерянность и недоумение охватили и социал-демократов. Правое крыло партии видело причину неудачи в чересчур тесном сотрудничестве с коммунистами и в отсутствии у нее самостоятельной линии. Особенно активно правые выступали в Пльзене, Остраве, Градце Кралове и в ряде других промышленных центров. Но в центральных органах ЧСДП пока преобладали левые силы.

*Густав Гусак, председатель
Корпуса уполномоченных*

Победа ДП в Словакии вызвала в чешском обществе волну антисловацких настроений и усилила подозрения в словацком сепаратизме. Вопрос о том, как действовать в новой ситуации был поставлен на чрезвычайном заседании правительства уже на следующий день после выборов, 27 мая 1946 г.; 28 и 29 мая его обсуждали ЦК КПЧ и ЦК КПС. Говорилось о возможности повторения "14 марта 1939 г." и обсуждалась возможность ограничения полномочий словацких национальных органов⁸⁷. Четыре заседания посвятил этому вопросу Национальный фронт чехов и словаков, который и принял соответствующее решение. СНС впредь должен был проекты своих постановлений согласовывать с центральным правительством, ему же подчинялся и Корпус уполномоченных, председатель которого становился министром. ДП не имела достаточного простора для маневрирования, поскольку находилась под постоянной угрозой оказаться вне правительства, вне НФ и вообще быть запрещенной⁸⁸. 28 июня 1946 г. правительство приняло документ, известный

под названием третье пражское соглашение⁸⁹. Оно было одобрено на заседании СНС 16 июля при активной поддержке представителей КПС и сдержанном, а по сути негативном, отношении ДП. 7 августа был утвержден новый состав СНС, в который вошли 63 представителя ДП, 31 — КПС и 6 — двух других небольших партий. Председателем СНС стал Й. Леттрих, а КУ, три пятых которого составляли члены ДП, возглавил Г. Гусак. Местные национальные комитеты в Словакии оказались полностью в руках демократов. В Чешских землях третье пражское соглашение было интерпретировано как возврат к централизованной модели государства. Преобладающая часть чешского общества поддерживала такое решение.

2 июля 1946 г. было назначено новое правительство ЧСР во главе с Готвальдом. Из 26 постов девять в нем имели коммунисты, по четыре национальные социалисты, социал-демократы и словацкие демократы, три — лидовцы, два занимали беспартийные. Коммунисты, помимо поста одного из вице-премьеров, получили также семь важнейших министерских портфелей, в том числе министров внутренних дел, сельского хозяйства, финансов, внутренней торговли, информации, труда и социального обеспечения, государственного секретаря в министерстве иностранных дел. Укрепив позиции в правительстве и национальном собрании, КПЧ получила возможность содействовать углублению общественных преобразований "сверху", проводя их по-прежнему под национально-демократическими лозунгами и завоевывая позиции в широких слоях народа.

Новая правительственная программа, получившая название "Созидательной" и подготовленная с учетом рекомендаций VIII съезда КПЧ, внешне получила поддержку всех партий НФ. Она развивала Кошицкую программу, была нацелена на дальнейшее упрочение "народно-демократического" строя и создание условий для перехода к социализму в понимании коммунистов, хотя открыто об этом не говорилось. Осенью 1946 г. КПЧ по-прежнему поддерживала идею "чехословацкого пути к социализму", ссылаясь при этом на мнение Сталина. Кремлевский лидер действительно в этот период неоднократно не публично заявлял о возможности в новых условиях особого, отличного от советского, пути перехода к социализму в странах "народной демократии", а именно — "без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя", путем "использования та-

ких учреждений буржуазно-демократического строя, как парламент и другие институты". Аграрная реформа и национализация крупной промышленности, полагал он, это "вполне достаточная база для того, чтобы без диктатуры пролетариата двигаться по пути дальнейшего развития в сторону социализма". Такие же советы, по словам Готвальда, Сталин давал и ему во время их встречи в июле 1946 г.: "Как пример он (Сталин. — В.М.) назвал Югославию, Болгарию и Польшу и дословно назвал нашу страну, где возможен специфический путь к социализму"⁹⁰. Об этом Сталин, как известно, в 1944 — 1946 гг. говорил несколько раз во время бесед преимущественно с некоммунистическими деятелями, но, как обоснованно считает Л.Я. Гибианский, следует учитывать, кому, когда и в каких конкретно целях делались подобные заявления⁹¹, в действительности камуфлировавшие стратегический курс Москвы на победу социализма, а затем и коммунизма во всем мире. В июле 1946 г. Сталин, вероятно, исходя из оценки внутривосточного положения в Чехословакии (коммунисты укрепили свои позиции после парламентских выборов) и внешнеполитических расчетов, полагал пока возможным сотрудничество КПЧ с ее ослабленными партнерами-противниками по НФ на платформе "народной демократии". Дальнейшей задачей коммунистов было "развитие и углубление революционного процесса мирными средствами", путем упрочения завоеванных ими позиций и постепенного вытеснения с властных позиций вчерашних союзников. Сталинскими рекомендациями, видимо, и руководствовался Готвальд, ставя перед КПЧ задачу завоевания большинства народа на будущих парламентских выборах. Выдвижение тогда чисто социалистических целей не содействовало бы ее решению. Вместе с тем с конца 1946 г. в Москве стало усиливаться недоверие и подозрительность по отношению к КПЧ и ее политике компромиссов и "излишних" уступок своим партнерам по НФ. Это было следствием усиления напряженности в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции и ускоренным втягиванием мира в "холодную войну"⁹².

Главным в борьбе за массы КПЧ считала последовательное выполнение Созидательной программы правительства. Центральным ее пунктом был двухлетний план восстановления экономики страны (1947 — 1948 гг.), подготовленный Центральной плановой комиссией, которую возглавлял Готвальд, и введенный в действие законом от 28 октября 1946 г.

К концу 1948 г. намечалось поднять уровень промышленного производства на 10% по сравнению с довоенным временем, а сельскохозяйственное производство — до довоенного уровня. Предусматривалась модернизация промышленности и транспорта, механизация и электрификация сельского хозяйства, осуществление индустриализации Словакии и улучшение ее положения в целом. Планировалось поднять жизненный уровень широких слоев народа, в том числе развернуть жилищное строительство, провести в интересах трудящихся реформу налоговой системы, создать предпосылки для отмены в стране карточной системы, углубить аграрную реформу. План был нацелен на укрепление национализированного сектора в промышленности и его расширение, хотя национальным социалистам при поддержке лидовцев и словацких демократов удалось внести в закон положение о равноправии всех видов предпринимательства.

Осенью 1946 г. министерство сельского хозяйства во главе с Дюришем разработало проекты шести законов, направленных на углубление аграрных преобразований. Главным среди них был закон о ревизии первой, осуществленной в довоенное время, земельной реформы. В нем намечалось ограничение земельной собственности 150 га сельскохозяйственных угодий или же 250 га всей земли. Коммунисты, не дожидаясь обсуждения предложенных ими проектов правительством и Национальным собранием, ознакомили с ними крестьянство, которое с воодушевлением поддержало их.

Несмотря на то что программа правительства была единогласно принята всеми партиями НФ, в ходе ее реализации возникло много трудностей и споров, поскольку цели у партнеров были разные. Если коммунисты и левые социал-демократы считали выполнение программы шагом к социализму, то прочие стремились положить конец "революционным преобразованиям" в стране. Недовольство и критику вызывали методы "проталкивания" коммунистами проектов новых аграрных законов: митинги, демонстрации крестьян, организация их делегаций в парламент и т.д. В конце концов, КПЧ удалось добиться того, что к лету 1947 г. все шесть сельскохозяйственных законов были утверждены парламентом. В апреле 1947 г. еще в ходе борьбы за эти законы КПЧ выдвинула требование проведения новой земельной реформы: сокращение максимума частной земельной собственности до 50 га. Противодействие вызвало требование КПЧ и ЧСДП присоединить так называемые "конфискаты" к национали-

зированным предприятиям, что означало дальнейшее расширение национализации. Конфликт закончился компромиссом: НФ принял решение о том, что ни одна партия в течение ближайших двух лет не выступит с подобного рода требованиями. Борьба за "конфискаты" продолжалась вплоть до февраля 1948 г.: перевес, как правило, был на стороне левых сил, поддерживаемых революционными профсоюзами, хотя некоторые предприятия удалось вернуть в частные руки.

Противоречивым было отношение партий НФ к процессу ретрибуции: коммунисты критиковали ее ход и мягкие приговоры по делам членов правительства Протектората. В то же время они были удовлетворены смертным приговором и казнью В. Туки и ряда других членов бывшего словацкого правительства, что вызвало в Словакии неоднозначную реакцию, хотя в целом было воспринято достаточно спокойно⁹³. Особое политическое значение придавали все партии процессу по делу Й. Тисо, который начался в декабре 1946 г. Против него были выдвинуты следующие обвинения: раскол Чехословацкой республики, служба в интересах фашистской Германии, ведение войны против Польши и СССР, предательская деятельность в период Словацкого национального восстания 1944 г., преступления против народа, особенно что касается депортаций еврейского населения. Чешская общественность в своем подавляющем большинстве была настроена против Тисо и за вынесение ему самого строгого приговора. Бенеш, по словам Барновского, оценивал деятельность бывшего президента Словацкого государства "через призму 14 марта 1939 г.". В Словакии отношение к процессу было более дифференцированным. Для одних Тисо являлся изменником и военным преступником, для других — вдохновителем словацкой государственности и защитником словацкого народа, для третьих — почти святым. ДП, прежде всего ее католическое крыло, добивалась, особенно после мягких приговоров по делам членов правительства Протектората, помилования Тисо. На такой же позиции стоял и католический клир. Широкую агитацию за помилование развернули подпольные людацкие организации. Суд продолжался со 2 декабря 1946 г. по 19 марта 1947 г. 15 апреля 1947 г. Тисо был вынесен смертный приговор. Ходатайство о его помиловании, рассмотренное на чрезвычайном заседании правительства 16 апреля, было отклонено 17 голосами против 6 (ДП и НП). Сославшись на позицию

правительства, отказался подписать прошение и Бенеш. Рано утром 18 апреля Тисо был казнен путем повешения. Вопреки предположениям о возможных волнениях в связи с этим, словацкое население, большая часть которого, по мнению Я. Рыхлика, была несогласна с приговором, вело себя спокойно: ни митингов, ни демонстраций протеста не было. Коммунисты в Праге расценивали казнь Тисо, как "удар по словацкой реакции". В то же время, например, Гусак считал, что "процесс над Тисо непопулярен в народе и что казнь Тисо вряд ли укрепит позиции компартии в массах"⁹⁴. Расчет коммунистов на раскол ДП не оправдался. Не содействовал процесс по делу Тисо и других руководителей Словацкого государства и улучшению чешско-словацких отношений. Курс на изоляцию словацких демократов, по мнению руководства КПЧ и КПС, поддержанному всеми чешскими партиями, следовало продолжить, используя для этого более действенные методы⁹⁵.

На ситуацию в Чехословакии прямое влияние оказывало положение дел на международной арене. Становилась все более очевидной несостоятельность представлений о возможности длительного сотрудничества в послевоенное время союзников по антигитлеровской коалиции. Усиливалось противостояние СССР с Западом. Множились взаимные упреки, обиды, подозрения, обвинения. Москва стала опасаться, что Чехословакия может свернуть с намеченной "социалистической колеи" и оказаться вне рамок формирующегося советского блока. В этих условиях усилилось критическое отношение к КПЧ, проводившей политику компромиссов и разделявшей идею о "чехословацком пути к социализму". В частности, весьма негативно оценивалась в Москве работа КПЧ в армии, влияние коммунистов в которой было весьма невелико. При этом нелестно характеризовался и министр обороны ЧСР Л. Свобода, который стремился держать армию вне политики⁹⁶.

В июне 1947 г. в Чехословакию был направлен ответственный работник Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) П.В. Гуляев, который на месте должен был ознакомиться с положением дел в стране и в компартии. В обширном отчете о поездке, направленном высшему советскому руководству, он отмечал обострение межпартийной борьбы в ЧСР, значительную активизацию "реакционных элементов", ярко выраженный антисоветский и антикоммунистический характер ее выступлений, усиление западной пропаганды и рост

Прага. 9 мая 1947 г.

влияния Запада. Нелицеприятно характеризовались национально-социалистическая и социал-демократическая партии. Подчеркивая массовость КПЧ, ее активность и силу, Гуляев вместе с тем обращал внимание на слабое проникновение компартии в органы госаппарата, в частности министер-

ства внутренних дел и финансов, а также в армию. Вывод его был таков: "Создалось впечатление, что руководство компартии сосредоточило основную деятельность на завоевании парламентского большинства, одновременно не принимая решительные меры по разгрому важнейших позиций реакции в госаппарате, в армии, в деревне, средних классах и т.д. Вследствие чего миллионная партия с хорошо организованным аппаратом не мобилизована в должной мере для решительной борьбы с врагами народной демократии". Особое внимание уделялось положению в Словакии. Отмечались реакционность Демократической партии, ее влияние в массах, связи с границей. Одновременно подчеркивались непрочность позиций КПС после выборов, ее слабость в организационном отношении, отсутствие должного опыта и знания марксистско-ленинской теории у руководящих работников. Гуляев указывал на явно недостаточную деятельность в области популяризации Советского Союза в условиях расширения пропаганды "англо-саксонских стран"⁹⁷.

Эти настороженность и подозрительность в отношении КПЧ усилились и в связи с позицией, которую заняло правительство ЧСР в отношении плана Маршалла. Основные его цели сводились к следующему: стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе, включение Западной Германии в западный блок и уменьшение советского влияния в Восточной Европе. Страны этого региона могли принять участие в программе восстановления Европы только в случае отказа от ориентации их экономики почти исключительно на Советский Союз в пользу широкой европейской интеграции. Фактически, по мнению М.М. Наринского, план был составлен таким образом, что участие в нем СССР и стран, входивших в сферу его влияния, "выглядело весьма проблематичным". Москва сначала восприняла план Маршалла с интересом, но затем, когда выяснилась принципиальная разница в позициях СССР и западных держав, отказалась участвовать в его реализации. Противоречивость рекомендаций, поступавших в Прагу из Москвы, повлекла за собой решение чехословацкого правительства послать делегацию на конференцию 12 июля 1947 г. в Париже, где должно было состояться обсуждение плана Маршалла. Это не соответствовало новым указаниям Кремля отказаться от участия в парижском совещании. Правительственная делегация ЧСР во главе с Готвальдом была приглашена в Москву. Сталин, принявший сначала премьеру, а потом всю делега-

цию, в решительной форме потребовал отказа от участия ЧСР в конференции и отменил все аргументы в пользу принятого решения⁹⁸. Под давлением Кремля Бенеш и чехословацкое правительство вынуждены были отказаться от участия в парижском совещании по плану Маршалла⁹⁹.

В условиях отчетливо просматривающегося разделения мира на два конфронтационных лагеря достаточно рыхлая "сфера советского влияния", по представлениям Москвы, должна была превратиться в гомогенный блок с монополией коммунистической власти в каждой стране, и особенно в чехословацком "форпосте", чтобы легче было управлять таким блоком из одного центра. Этим целям должно было служить и совещание девяти компартий в Шклярской Порембе (Польша) в сентябре 1947 г., на котором было создано Информационное бюро коммунистических и рабочих партий, так называемый Коминформ¹⁰⁰. Руководство КПЧ не могло не учитывать критического отношения Москвы к деятельности партии. Вызревал план расправы над "реакцией", под которой стало уже пониматься большинство партнеров коммунистов по НФ. В выступлении Сланского на совещании, по существу, был заложен алгоритм стратегии и тактики КПЧ на ближайшее время. Бенеш и Масарик рассматривались им, чего раньше не было, как агенты англо-американского империализма; долг партии виделся в усилении и дальнейшем развертывании наступления против реакции, ее разоблачении и вытеснении с занятых ею позиций, и, наконец, разгроме реакции при опоре на широкие массы¹⁰¹. План наступления на "реакцию" рассматривался президиумом ЦК КПЧ 2 октября 1947 г. и, как показали последующие события, был успешно выполнен. Начало было положено "раскрытием" так называемого антигосударственного заговора в Словакии.

Поляризация сил. Политический кризис в Словакии. Осень 1947 г.

Поступавшая в Кремль информация о положении дел в Чехословакии, видимо, множила в Москве число сторонников силовой развязки напряженности в этой стране с целью удержания ее в сфере советского влияния. В руководстве КПЧ и КПС также укрепились позиции тех сил, которые считали необходимым прибегнуть к таким методам борьбы

с политическими противниками. Особенно усердствовали в этом плане органы государственной безопасности, в основном находившиеся под влиянием коммунистов и постепенно превращавшиеся в самостоятельную властную структуру, которая поддерживала связи с соответствующими советскими службами. Коммунисты в органах госбезопасности сомневались в возможности компартии завоевать на предстоящих выборах в парламент большинство народа. Они критически оценивали политику руководства КПЧ, его склонность к компромиссам, упрекали в излишней демократичности и нерешительности. "Хвост" все чаще стал "вертеть собакой", которая и сама не прочь была показать зубы. С согласия руководства КПЧ "гебисты" активизировали свою деятельность по разложению изнутри некоммунистических партий НФ, создавая в них готовые сотрудничать с коммунистами левые фракции. Была поставлена задача "обезглавить реакцию", устраивая провокации, собирая компромат на видных деятелях ЧНСП, НП, ДП, а также правых социал-демократов и конструируя на их основе вымышленные обвинения¹⁰².

Первым объектом удара должна была стать ДП, имевшая сильные позиции в Словакии. Атака на нее началась уже летом 1947 г. Коммунисты обвинили партию в легализации "людацтва" (сторонников запрещенной ГСНП) и деятельности, направленной на подрыв безопасности государства. Словацкие органы госбезопасности "выявили" несколько подпольных группировок, связанных, как с людацкой эмиграцией на Западе, так и с ДП. Такие группировки, по мнению М. Барновского, Я. Рыхлика и Р. Летца в Словакии действительно существовали и активизировались в 1947 г., но масштабы их деятельности были сильно преувеличены. Политическое наступление против ДП слилось с полицейскими акциями. Чтобы организовать единый фронт чешских партий против словацких демократов, как это было после майских выборов 1946 г., КПЧ вынуждена была идти, как сообщал Сланский в Москву, на компромиссы в НФ¹⁰³. Дискредитация и разгром ДП облегчила бы, таким образом, задачу коммунистов в их борьбе против политических противников в Чешских землях. В середине сентября 1947 г. было опубликовано официальное сообщение о раскрытии "антигосударственного заговора в Словакии", сконструированного органами госбезопасности, и произведены многочисленные аресты. Ряд видных деятелей ДП (М. Бугар, Я. Кемпны),

представлявших ее католическое крыло, был обвинен в связях с реакционным подпольем, стремлении расчленить Чехословацкую республику и восстановить Словацкое государство. Сейчас трудно установить, что было в этих обвинениях правдой, что полуправдой, а что простым вымыслом "гебистов", поставивших задачу подорвать влияние и ослабить демократов. В целях компрометации вице-премьера Я. Урсини арестован был также его пресс-секретарь О. Обух, якобы поддерживавший связи с людацкой эмиграцией и заговорщиками. Урсини был обвинен в антигосударственной деятельности. Хотя Готвальд и Бенеш утверждали, что не верят в его виновность, но все же предложили подать в отставку, что он и сделал 30 октября 1947 г.

К этому времени в прочих странах "народной демократии" были уже ликвидированы оппозиционные коммунистам партии. Некоторые их лидеры, например, С. Миколайчик (Польша), Ф. Надь (Венгрия) бежали на Запад, другие — Ю. Маниу (Румыния) арестованы и судимы, третьи — Н. Петков (Болгария) казнены. Все это внушало коммунистам уверенность в успехе задуманной ими акции по разгрому ДП, активно поддержанной организацией словацких партизан, а также словацкими профсоюзами, и сопровождавшейся широкой пропагандистской кампанией. Было выдвинуто требование реконструкции Корпуса уполномоченных. 30 октября в Братиславе состоялся съезд заводских советов, потребовавший его отставки. 31 октября председатель КУ Г. Гусак и пять глав из 15 ведомств корпуса подали в отставку. Гусак внес в СНС просьбу о полной отставке КУ, хотя представители ДП отказались сложить свои полномочия. Коммунисты требовали замены уполномоченных по делам юстиции, продовольственного снабжения и сельского хозяйства. Правительство ЧСР поручило Готвальду вести переговоры со словацкими партиями о реконструкции КУ. На заседаниях Национального фронта чехов и словаков 17—18 ноября 1947 г. было достигнуто компромиссное решение вопроса. ДП отреклась от "апрельского соглашения" и потеряла три кресла, а тем самым и большинство в КУ; КПС в новом корпусе имела пост председателя и четыре портфеля, Партия труда, которая объединилась с ЧСДП, и Партия свободы — по одному портфелю, два ведомства возглавили беспартийные. Коммунистам не удалось добиться согласия ДП на введение в состав КУ представителей профсоюзов и союза партизан. "Уступка, сделанная демократами,

являлась вынужденным маневром, и, по существу, острота политического положения в Словакии остается и после формирования нового Корпуса уполномоченных", — говорилось в справке советского посольства в Праге¹⁰⁴. Словацкие коммунисты были явно недовольны достигнутыми результатами, о чем свидетельствовал пленум ЦК КПС 4—5 декабря 1947 г., решивший, что "борьбу с реакцией" следует продолжать¹⁰⁵.

Политический кризис в Словакии и начало коммунистического наступления в Чешских землях заставили правозентристскую часть чешского НФ пересмотреть свое отношение к ДП и попытаться заручиться союзом с ней в предстоявшей схватке с коммунистами за власть. Особую активность в создании внутрифронтской оппозиции коммунистам проявляли национальные социалисты. Отношения между КПЧ и ЧНСП, которая к лету 1947 г. имела 550 тыс. членов, все более обострялись. Сотрудничество между коммунистами и социал-демократами, которое базировалось на преобладании в этой партии левых, дало трещину после того, как на XXI съезде ЧСДП 14—16 ноября 1947 г. победили правые силы. Вместо Фирлингера председателем партии был избран центрист Б. Лаушман, который, как представлялось, мог уберечь ее от раскола. За него проголосовали 283 из 467 делегатов съезда. В новом ЦК партии 50—54% составляли правые, около 30% — левые и 16% — центристы. К этому времени ЧСДП насчитывала 363 735 членов, в том числе примерно 33% рабочих, по 11% крестьян и государственных служащих, 10% — чиновников частных предприятий, 7% — ремесленников и т.д. В справке советского посольства в Праге об итогах съезда, хотя и подчеркивалась победа правых и центристских сил в ЧСДП, однако говорилось, что партия не сможет выдерживать полностью правый курс, поскольку в ней остается еще весьма значительное влияние Фирлингера и его сторонников, поскольку она "имеет сравнительно большой кадр членов из рабочего класса и передовой интеллигенции, а также вследствие того, что в стране руководящей политической силой является коммунистическая партия, располагающая средствами влияния на рабочий класс и на социал-демократию. При сохранении и укреплении руководящей роли коммунистической партии в стране и при активной деятельности левых социал-демократов положение в социал-демократической партии может быть в дальнейшем выправлено"¹⁰⁶. После съезда разногласия в

партии не только не уменьшились, а, наоборот, углубились. Левая фракция во главе с Фирлингером, поддержанная коммунистами, создала свою организацию "Клуб демократического социализма" (по другой версии "Клуб социалистической демократии") и начала публично критиковать руководство партии. Правое ее крыло, тяготевшее к сотрудничеству с национальными социалистами, возглавили В. Майер и Б. Вилим. В начале 1948 г. ЧСДП оказалась накануне раскола¹⁰⁷. Много усилий коммунисты приложили к созданию левых фракций в национально-социалистической и народной партиях, где их возглавляли соответственно Э. Шлехта и А. Петр.

Перегруппировка политических сил в НФ была налицо. Чешский национальный блок, противостоявший словацким демократам после парламентских выборов 1946 г., стремительно разрушался, уступая место новой политической конструкции, включавшей ЧНСП, НП, ДП и правых в ЧСДП. Однако процесс сближения и координации деятельности некоммунистических партий протекал медленно и непоследовательно из-за опасений быть обвиненными в блокировании на антикоммунистической основе и разрушении НФ. Кроме того, ни одна из партий не хотела поступиться своими особыми интересами. Организационного оформления этой тайной и одновременной широко известной оппозиции не произошло еще и из-за отсутствия общепризнанного лидера. Бенеш, который, по-прежнему, пользовался большим авторитетом и на которого антикоммунистические партии возлагали большие надежды, не захотел принять на себя открыто эту роль и официально оставался на "надпартийных" позициях, хотя в частном порядке и давал рекомендации своим сторонникам.

Осеннее 1947 г. наступление коммунистов не ограничилось стремлением разгромить и изолировать ДП: курс на завоевание большинства народа на парламентских выборах был продолжен. КПЧ выступила с рядом инициатив, направленных на углубление национализации и аграрных преобразований, а также ликвидацию последствий катастрофической засухи, постигшей страну летом 1947 г., подобной которой не наблюдалось 170 лет. В этот год было собрано лишь около 60% планируемых зерновых, примерно половина картофеля и сахарной свеклы, треть кормовых культур. Стране угрожал голод. Правительство вынуждено было снизить приблизительно на 20% нормы выдачи продовольствия по

карточкам, что повлекло за собой рост спекуляции, ухудшило положение широких слоев населения и вызвало рост их недовольства. Антисоветская оппозиция выступила с обвинениями в адрес правительства и проводимых им реформ. Еще в июле 1947 г. во время пребывания правительственной делегации в Москве шли переговоры о расширении экономического сотрудничества СССР и ЧСР и заключении между ними долгосрочного торгового договора. Советский Союз, несмотря на переживаемые им засуху и неурожай, принял решение поставить Чехословакии 400 тыс. тонн зерна на выгодных условиях или в кредит, а также предоставил ей значительное количество сырья для промышленности. Осенью 1947 г., когда положение в стране с продовольствием ухудшилось, правительство обратилось с просьбой о продаже зерна к США, но получило отказ. 25 ноября 1947 г. Готвальд направил письмо Сталину, обрисовав трудное положение страны и прося о помощи. Советское руководство согласилось повысить поставки зерна Чехословакии с обещанных 400 до 600 тыс. тонн. Первые 100 тыс. тонн намечалось поставить до конца 1947 г., остальные — до апреля 1948 г. 11 декабря 1947 г. был заключен первый советско-чехословацкий долгосрочный торговый договор на 1948 — 1952 гг.¹⁰⁸ Еще в первой половине 1947 г. торговые соглашения на 4 — 5 лет были заключены с Югославией, Болгарией и Польшей. Предполагалось, что Чехословакия будет импортировать из этих стран в основном продовольствие в обмен на производимые ею промышленные товары.

Для преодоления экономических трудностей мобилизовывались и внутренние ресурсы: при правительстве и национальных комитетах были созданы чрезвычайные продовольственные комиссии, с помощью которых удалось заготовить определенное количество зерна и предотвратить массовый убой скота. КПЧ выступила за оказание деревне экстренной материальной помощи в размере 6,5 млрд крон. Все прочие партии НФ согласились с необходимостью этой меры, но провалили в правительстве предложение коммунистов о чрезвычайном налогообложении миллионеров для изыскания этой колоссальной суммы. Было принято предложение национальных социалистов оказать помощь крестьянству из средств государственного бюджета. Одновременно, вопреки возражениям коммунистов, они настаивали на повышении за счет казны платы государственным служа-

щим на 30%. КПЧ обратилась за помощью к массам, опубликовав списки лиц, имущество которых превышало 1 млн крон (около 35 тыс. человек), и имена тех членов правительства, которые голосовали против налога на миллионеров. В сентябре по стране прошли многочисленные митинги и собрания под лозунгом "Пусть платят богачи!". За принятие закона высказался и Центральный совет профсоюзов. Кроме того, в решении этого вопроса коммунистам тогда удалось заручиться поддержкой и социал-демократов, еще возглавляемых Фирлингером. В октябре закон был одобрен правительством и вскоре утвержден ЗНС.

Влияние коммунистов в массах возрастало, о чем свидетельствовало и увеличение их числа. С сентября по декабрь 1947 г. в КПЧ и КПС вступило около 150 тыс. новых членов, в том числе и перешедших из других партий. К началу 1948 г. в КПЧ состояло 1 266 тыс. человек, а вместе с КПС — почти 1,5 млн¹⁰⁹. По численности они намного превышали все другие партии страны. Коммунисты имели хорошо функционировавшую организационную сеть и левые группировки в других партиях НФ, готовые к сотрудничеству с ними. Кроме того, что немаловажно, в руках компартии были, по существу, МВД и Корпус национальной безопасности. Усиление напряженности на международной арене, опасения, что КПЧ может постичь судьба коммунистов во Франции и Италии, где они были удалены из правительств, неуверенность в том, что на выборах удастся получить более 50% голосов избирателей, заставили КПЧ перейти к более жесткой политике по отношению к партнерам по НФ и прибегнуть к поддержке "улицы", организованной с помощью профсоюзов, заводских комитетов и крестьянских комиссий. Наиболее последовательными сторонниками этой линии были Копецкий, Дюриш, Запотоцкий и большинство руководства КПС. В начале 1948 г. компартия выступила с рядом требований, которые нашли отклик в социально слабых слоях населения: прекратить махинации с текстилем в оптовой торговле, национализировать внешнюю и оптовую торговлю, а также промышленные предприятия, на которых занято более 50 человек, ускорить осуществление третьего этапа аграрной реформы, ограничив частное землевладение 50 га. Обсуждение всех этих вопросов в правительстве, комиссиях парламента, на специальных заседаниях НФ свидетельствовало о том, что согласия достичь не удастся. Некоммунистические партии, видя стремление КПЧ к монопольному поло-

жению во власти, перешли в контрнаступление, но ориентировались преимущественно на парламентские способы борьбы. Действенных "приводных ремней" к массам у них не было. Пора компромиссов подошла к концу, наступило время лобового столкновения, к которому больше были готовы коммунисты, чем их партнеры по НФ.

Февральский переворот 1948 г. и его непосредственные результаты

Хронология событий конца февраля 1948 г. весьма детально представлена в историографии¹¹⁰. Оценки последних полутора десятка лет коренным образом отличаются от тех, которые давались им в предшествующие годы. Формулировки "победоносный Февраль", "победа коммунистов над реакцией", "революция" сменились на "коммунистический переворот", "коммунистический путч". Именно к таким выводам пришло большинство участников международной конференции, состоявшейся в Праге в преддверии 50-летия февральских событий¹¹¹. Остановимся на наиболее важных из них.

Каждая из участвовавших в столкновении политических партий преследовала собственные цели, рассчитывая укрепить свои властные позиции. Коммунисты намеревались изолировать, по их терминологии, "реакцию", отстранить ее от участия во власти. Их партнеры по коалиции рассчитывали, вызвав правительственный кризис, ослабить соперника и сформировать новое правительство, в котором коммунисты уже не имели бы такого влияния. 20 февраля Готвальд назначил чрезвычайное заседание правительства, на котором с сообщениями должны были выступить министры внутренних дел и национальной обороны Носек и Свобода. Министры — национальные социалисты отказались участвовать в заседании в знак протеста против того, что не выполнено принятое ранее правительством решение об отмене приказа Носека, касавшегося должностных перемещений восьми офицеров Корпуса национальной безопасности. Не явились на заседание также представители лидовцев и словацких демократов. Социал-демократы заявили, что придут как только соберется все правительство. Заседание было сорвано. В этот же день министры от ЧНСП, ДП и НП подали президенту прошение об отставке, надеясь, что это повлечет за собой падение правительства Готвальда, образование чиновничье-

го кабинета и назначение досрочных выборов в парламент. Этот шаг лидеров трех партий не был безоговорочно поддержан даже всеми их сторонниками. Кроме того, инициаторы подачи прошения об отставке не обсудили и не согласовали свои действия ни с руководством социал-демократов, ни с беспартийными министрами. Лидер правых в ЧСДП Майер выступил с предложением об отставке социал-демократических министров, но не получил поддержки. Однако руководство партии отказалось и от предложения коммунистов о совместном создании нового кабинета. В результате несогласованных действий в отставку ушло меньшинство (12 из 26) членов правительства, и оно согласно конституции было дееспособно.

В тот же день состоялось заседание президиума ЦК КПЧ, на котором был выработан следующий план действий: не допустить падения всего кабинета и в то же время воспрепятствовать возвращению в него "министров-реакционеров", сохранить Национальный фронт, пополнив его и правительство новыми людьми, готовыми сотрудничать с коммунистами, мобилизовать массы на поддержку этого плана. Президиум обсудил вопрос о подготовке съезда заводских советов и о создании Центрального комитета действия Национального фронта. Решено было организовать 21 февраля массовый митинг на Староместской площади в Праге, на котором Готвальд должен был сообщить о создавшейся в правительстве ситуации. В радиообращении коммунисты характеризовали объединение трех политических партий, как антинародный, антидемократический и антисоциалистический блок, целью которого является ликвидация режима народной демократии и переход власти в руки реакции.

Невиданный для Праги морозный день — минус 25 градусов по Цельсию — 21 февраля на Староместской площади состоялся митинг, в котором по некоторым данным приняли участие более 100 тыс. человек. Такие же митинги КПЧ организовала во всех краевых и многих районных центрах. Речь Готвальда, в которой он призвал создавать комитеты действия НФ, транслировалась по радио. В резолюции, принятой на пражском митинге и переданной Бенешу, говорилось: "Хотим правительство Клемента Готвальда без реакционных министров". В Словакии председатель КУ Гусак призвал представителей ДП также подать в отставку, как это сделали ее члены в пражском правительстве. Президент, который не намерен был принимать прошение об отставке, не

рассчитывал на такой поворот дела, испытывал раздражение от того, что решение нужно принимать под давлением "улицы", и взял "тайм-аут".

Между тем коммунисты продолжали наступление: их призыв к созданию комитетов действия НФ (КД) получил немедленный и широкий отклик. Они возникали на предприятиях, в учреждениях, организациях, министерствах, национальном собрании, в некоммунистических партиях, в районах, городах, деревнях. Основной их задачей было очистить НФ от "реакционеров и саботажников", содействовать преодолению правительственного кризиса на условиях коммунистов. 22 февраля состоялся съезд заводских советов и представителей профсоюзных организаций, созданный Центральным советом профсоюзов. Он поддержал требование об отставке "реакционных министров", а также выдвинутые ранее КПЧ социально-экономические требования, в том числе о проведении новой земельной реформы. Делегаты высказались за организацию 24 февраля одночасовой забастовки в их поддержку. Во многих районах страны 22 февраля прошли собрания и конференции КПЧ и КПС, митинги и демонстрации в защиту коммунистического плана выхода из правительственно-политического кризиса. Инициаторы отставки, не предполагавшие обращения к "улице" и намеревавшиеся решить кризис в верхних эшелонах власти, были шокированы массовыми акциями, организованными коммунистами. Им не удалось провести сколько-нибудь серьезных манифестаций в свою поддержку, как и склонить к ней Бенеша. Решения съезда заводских советов произвели на президента удручающее впечатление. Он пессимистически оценивал положение, опасаясь гражданской войны и кровопролития, и старался оттянуть принятие решения.

23 февраля напор коммунистов не ослабевал. По всей стране создавались комитеты действия разных ступеней, формировались отряды народной милиции, которые начали вооружаться. Активизировались организации борцов Сопротивления. Союз словацких партизан, например, призвал своих членов к боевой готовности. Передовица "Руде право" предупреждала: "Терпение трудящихся не безгранично". Готвальд и Носек, посетившие президента, убеждали его принять отставку двенадцати министров. Бенеш настаивал, чтобы глава правительства снова начал переговоры с инициаторами отставки. Готвальд отверг это предложение, заявив, что готов представить список кандидатов нового правитель-

*Клемент Готвальд на митинге на Староместской площади в Праге
21 февраля 1948 г.*

Народная милиция. Прага. Февраль 1948 г.

ства, созданного на основе возрожденного, очищенного от "реакции" Национального фронта. Президент все еще не был готов согласиться с этим. Позднее он принял руководителей Национально-социалистической и Народной партий и заверил их, что не допустит создания правительства, в котором не были бы представлены все политические партии. В решающую стадию вступила борьба между правым и левым крылом социал-демократов. Центральный исполком партии исключил из нее двух левых деятелей за открытую поддержку КПЧ. Вместе с тем отпор получил и лидер правых Майер, требовавший, чтобы министры — социал-демократы также подали в отставку. Было решено добиваться восстановления правительства на основе старого Национального фронта. Внутренний разброд в ЧСДП не только не был ликвидирован, но еще более усилился, равно как и в других, противостоявших коммунистам партиях.

Вечером в Праге состоялось инициированное коммунистами собрание общественности столицы, целью которого было создание Центрального комитета действия Национального фронта. На собрании были представлены левые фракции всех партий фронта, а также крупнейшие общественные организации: Революционное профсоюзное движение, Союз молодежи, подготовительный комитет Союза земледельцев, Союз бывших заключенных концлагерей и т.д. От армии прибыли министр обороны Свобода и два высших генерала. Здесь же присутствовали деятели науки, культуры и искусства, в том числе В. Выдра, М. Майерова, Э.Ф. Буриан, В. Незвал, И. Ольбрахт и др., видные деятели народного хозяйства, представители всех церквей, всего более 300 человек. На собрании был создан подготовительный комитет Центрального комитета действия НФ во главе с Запотоцким.

В 12 часов пополудни 24 февраля заводские гудки возвестили о начале одночасовой всеобщей забастовки в поддержку требований, выдвинутых съездом заводских советов. Работу прекратили 2,5 млн трудящихся, потребовавших отставки "министров-реакционеров" и создания правительства возрожденного Национального фронта. Особенно организовано прошла забастовка на заводах крупнейших промышленных центров: Праги, Остравы, Брно, Моста, Либерца, Братиславы. Массовое участие в ней свидетельствовало о высокой боеготовности компартии и профсоюзов, готовых, в случае необходимости, прибегнуть к генеральной забастовке. Л. Свобода издал приказ, в котором говорилось,

*К. Готвальд, А. Запотоцкий, В. Носек у Э. Бенеша.
Прага. 25 февраля 1948 г.*

что армия должна соблюдать спокойствие и воздержаться от вмешательства во внутривнутриполитические споры. Активно начали действовать органы национальной безопасности, арестовавшие некоторых из организаторов якобы готовившегося вооруженного мятежа. В социал-демократической партии верх взяли левые: были исключены два ее правых лидера, Майер и Вилим; Фирлингер склонил Лаушмана согласиться на участие социал-демократов в новом правительстве Готвальда.

По мере того как возрастал организованный коммунистами напор, уменьшались шансы инициаторов отставки выиграть политическое сражение. Все их надежды по-прежнему возлагались на Бенеша, на то, что он не примет отставку, что кризис затянется на длительное время, что наступательный дух коммунистов ослабнет и можно будет, собравшись с силами, перейти в контрнаступление.

Руководство КПЧ подготовило список членов нового кабинета министров, в который наряду с коммунистами, социал-демократами и беспартийными Л. Свободой и Я. Масаричем

ком, согласившимся, как и ранее, возглавить министерство иностранных дел, вошли 12 новых министров от партий "возрожденного" Национального фронта. Было решено в случае отказа президента принять предложение Готвальда прибегнуть к новой всеобщей 24-часовой забастовке, которая рассматривалась как крайняя мера мирного решения кризиса. Члены народной милиции должны были получить оружие.

К 25 февраля стало ясно, что коммунисты выиграли битву за власть. На местах ее фактически осуществляли комитеты действия "возрожденного" НФ. Перестали выходить газеты партий, противостоявших КПЧ. "Министры-реакционеры", отставка которых еще не состоялась, не были допущены в свои кабинеты. Руководства национальных социалистов, лидовцев и словацких демократов потеряли контроль над членскими массами своих партий, часть которых пошла за левыми лидерами, а часть стала переходить в КПЧ. По инициативе левых в этих партиях были созданы комитеты действия, которые занялись их "чисткой" от "реакции" и завладели печатными органами. В национально-социалистической партии КД возглавили депутаты Э. Шлехта и А. Нойман, в народной — депутаты А. Петр, Й. Плойгар, в ДП — члены ее руководства М. Полак, Й. Лукачович, Я. Мьяртан. 25 февраля коммунисты организовали мощную манифестацию в Праге с участием более 200 тыс. человек и пригрозили начать генеральную забастовку. По улицам столицы продефилировали вооруженные отряды Народной милиции. Бенеш с горечью вынужден был признать, что альтернативы принятию отставки не существует. Он был удручен организационным бессилием и малой дееспособностью некоммунистических партий. В одном из писем своим сторонникам на Западе после февральских событий Бенеш писал: "Они обвиняют меня в том, что я обманул их доверие, а я обвиняю их в том, что они в решающую минуту не оправдали моих надежд. Я даже не мог себе представить, что им до такой степени не хватает организованности и решимости, когда надо было перейти к активным действиям"¹¹². Во второй половине дня 25 февраля президент, наконец, дал согласие на отставку и подписал декреты о назначении новых министров и создании правительства "возрожденного" Национального фронта. Как он полагал, так можно будет хотя бы отчасти сохранить позиции проигравших партий и предотвратить политические репрессии. Принятию такого решения, по-видимому,

способствовала и болезнь Бенеша, который еще летом 1947 г. перенес инсульт и в момент февральских событий находился в плохой физической форме: общавшиеся с ним в это время люди отмечали его слабость, потребность в частом отдыхе и даже нарушения речи.

Нельзя сбрасывать со счета и опасения президента за ухудшение чехословацко-советских отношений в случае неприятия требований коммунистов: угроза для Чехословакии со стороны Германии, по его мнению, не исчезла, и Советский Союз был гарантом существования ЧСР как самостоятельного государства.

В трактовке вопроса об отношении Москвы к февральским событиям 1948 г. в Чехословакии в последние годы произошли некоторые изменения. Дело в том, что 19 февраля в Прагу с официальной миссией прибыл бывший советский посол Зорин, который летом 1947 г. стал заместителем министра иностранных дел СССР. Он должен был принять участие в съезде советско-чехословацкой дружбы и проинспектировать поставки зерна в ЧСР из Советского Союза. Судя по известным ныне документам Архива внешней политики РФ, Зорин считал возможным давать рекомендации руководителям КПЧ. Информировав Москву о ситуации в стране, он сообщал, что дал Готвальду совет быть потверже, не колебаться и не идти на уступки правым. Зорин обращал внимание Готвальда и Сланского на необходимость быть готовыми к решительным действиям и к возможности нарушения некоторых формальных положений существующей конституции и законов, чего, как почувствовал Зорин, они ужасно боялись. Готвальд, согласно информации заместителя министра, сообщил ему об имеющихся у него сведениях о намерениях американских войск войти в Чехословакию в случае "коммунистического путча". Зорин сказал, что, по его мнению, эти слухи лишены каких-либо серьезных оснований и рассчитаны на запугивание. Готвальд, по словам Зорина, высказался в том смысле, что было бы хорошо в целях воздействия на Бенеша и всех правых, если бы некоторые советские части в Германии и Австрии начали некоторые передвижения у границ Чехословакии, и просил сообщить об этом в Москву. Зорин обещал это сделать и предположил, что Готвальд хотел бы избежать каких-либо острых мер борьбы против реакции. По мнению Зорина, было бы полезно по партийной линии дать из Москвы Готвальду указание действовать решительнее и не быть в плену парламентских

В.А. Зорин в Праге 19 февраля 1948 г.

иллюзий. Молотов ответил Зорину, что 22 февраля "Правда" выступит с оценкой событий в Чехословакии, что и было сделано. Предложение же о передвижении советских войск в Германии и Австрии Москва сочла нецелесообразным. Кроме того Зорин получил указание не посещать Бенеша ни отдельно, ни с делегацией съезда друзей СССР¹¹³. Таким образом, было опровергнуто появившееся ранее в историографии утверждение, что Сталин якобы настаивал на том, чтобы в Чехословакию были приглашены советские войска, а Готвальд отказался это сделать¹¹⁴. По свидетельству документов АВП РФ все было наоборот. Хотя прямого нажима на Готвальда, как это произошло в июле 1947 г., Москвой оказано не было, но рекомендации Зорина действовать более решительно коммунистами, безусловно, были учтены. О миссии Зорина и роли советского фактора в февральских 1948 г. событиях в Чехословакии состоялась дискуссия на страницах пражского журнала "Современная история" (Soudobé dějiny), в которой приняли участие российские и чешские историки. Большинство участников, признав важность новых документов, отметили все же их относительную неполноту и фрагментарность, подчеркнув необходимость дальнейшего исследования вопроса¹¹⁵.

Непосредственная реакция Запада на февральские события в Чехословакии оказалась не столь бурной, как мож-

но было ожидать. 25 февраля правительствами США, Англии и Франции был принят текст совместной декларации, в которой в общей форме осуждались эти события. Позиция же западной общественности была более резкой. Вместе с тем США и западные державы вскоре сделали весьма жесткий вывод из случившегося в Чехословакии. Это касалось уточнения их военной программы и укрепления всестороннего сотрудничества с целью воспрепятствовать упрочению позиций коммунизма и советского влияния в Европе. По мнению известного американского историка В. Мастнега, фактически полное овладение коммунистами властью в Чехословакии подогрело военный психоз на Западе, усилило антикоммунистические и антисоветские настроения, и, как следствие, инициировало подписание Брюссельского (март 1948 г.), а затем и Североатлантического пактов, т.е. создание НАТО (апрель 1949 г.)¹¹⁶.

Если на Западе февральские события в ЧСР с самого начала характеризовались как коммунистический переворот, коммунистический путч, то Готвальд, возлагавший всю ответственность за них на "реакционных политиков", оценивал случившееся как "победу народной демократии" и утверждал, что "в течение всего хода кризиса нигде и ни в чем не были нарушены конституционные принципы или чехословацкие парламентские обычаи"¹¹⁷. Это было, конечно, мягко говоря, лукавство, поскольку прежде всего коммунисты прибегали к непарламентским методам в ходе ведения политической борьбы (обращение за поддержкой к "улице", провокации, конструирование "заговоров", противозаконные аресты и обыски, использование своего влияния в министерстве внутренних дел и органах безопасности, создание комитетов действия, вооружение Народной милиции и т.д.). Их политические противники, искушенные в парламентских баталиях и не снисходившие до работы в массах, не смогли оказать коммунистам достаточно серьезного сопротивления. "Низы" в решающий момент либо поддержали КПЧ, либо сохранили нейтралитет. Историки-"шестидесятники" характеризовали "февраль", как "конституционное решение правительственного кризиса", и одновременно как "революционное решение общего политического кризиса" в государстве¹¹⁸. К. Каплан, отвечая в середине 90-х годов XX в. на вопрос о сути февральских событий, полагает, что правительственный кризис был "не только кризисом политической системы, а кризисом на-

родно-демократического режима", поскольку "распад коалиции Национального фронта — политической основы режима — не только потряс режим в его основании, но явился решающим условием государственного переворота, т.е. смены режима"¹¹⁹. По нашему мнению, февральские события 1948 г. в Чехословакии можно расценивать в целом как коммунистический переворот при опоре на поддержку либо лояльное поведение весьма широких слоев населения. Политический алгоритм, выработанный КПЧ еще на завершающем этапе войны — через "народную демократию" к социализму, — оказался верным: начав движение в 1945 г. и ускорив его под влиянием международной ситуации с лета 1947 г., коммунисты, в конце концов, полностью овладели властью в Чехословакии, декорированной "возрожденным" Национальным фронтом.

Новое правительство во главе с Готвальдом, назначенное 25 февраля, отличалось от первого его кабинета, как по своему составу, так и по характеру. Из 24 министров было 11 коммунистов, три социал-демократа, два представителя революционного профсоюзного движения. По два портфеля получили "возрожденные", "очищенные от реакции", Национально-социалистическая и Народная партии, по одному — словацкие демократы и Партия Свободы. Два кресла заняли беспартийные. В Братиславе, где вечером 25 февраля был создан Центральный комитет действия словацкого Национального фронта, Г. Гусак сформировал новый Корпус уполномоченных, из 15 постов в котором 11 принадлежали коммунистам. Председатель СНС Й. Леттрих подал в отставку и вскоре эмигрировал. Совет возглавил К. Шмидке¹²⁰.

27 февраля новое пражское правительство было приведено к присяге. Вечером в тот же день Бенеш, физически, морально и психологически надломленный, тяжело переживавший крах своих идеалов, покинул Прагу и до 5 апреля не возвращался в столицу. Он находился в своей резиденции Сезимове Усти, где и подписывал необходимые бумаги, принимал немногочисленные официальные делегации и политических деятелей. Слухи о возможной эмиграции президента оказались несостоятельными, но возможность его отставки после февраля постоянно "висела в воздухе", нервируя коммунистов.

28 — 29 февраля 1948 г. в Праге состоялся съезд крестьянских комиссий, 3 тыс. делегатов которого выразили доверие

правительству "возрожденного" НФ и потребовали скорейшего осуществления новой земельной реформы. 10 марта Готвальд представил Законодательному национальному собранию правительственную программу. Она была нацелена на выполнение тех задач, которые содержались в Созидательной программе, но пока не были решены, а также на реализацию требований, выдвинутых коммунистами в февральские дни и поддержанных социально слабыми слоями населения. Из 300 депутатов ЗНС на заседание явились 241. 11 из них покинули зал, а 230 единогласно проголосовали за предложенную программу.

Одной из первоочередных задач новой власти стала чистка государственного аппарата, партий и общественных организаций от "реакции". Проводили ее комитеты действия НФ, которых в апреле 1948 г. было 12,5 тысяч. В значительной части они состояли из коммунистов¹²¹. Руководство Социал-демократической, Национально-социалистической (она была переименована в Чехословацкую социалистическую партию, программа которой, по словам советского посла в Праге М.А. Силина, мало чем отличалась от коммунистической¹²²) и Народной партий перешло к левым. На развалинах ДП возникла маловлиятельная Партия словацкого национального возрождения, которая вместе с Партией свободы и КПС вошла в состав "возрожденного" словацкого Национального фронта. Некоммунистические партии стали, по существу, номинальными, верхушечными организациями, фиктивным свидетельством якобы "возрожденного", но в действительности ликвидированного Национального фронта чехов и словаков, формальным признаком существования в Чехословакии политического плюрализма. Решительная чистка была проведена в рядах Революционного профсоюзного движения, а также в организациях молодежи. В марте 1948 г. были созданы единые союзы чешской и словацкой молодежи. Возник Центральный союз чехословацких журналистов, из девяти членов правления которого пять являлись коммунистами. После февраля только в Чехии и Моравии было закрыто 69 газет и журналов, принадлежавших ранее национальным социалистам и лидовцам. Однако центральные органы этих партий — "Свободне слово" и "Лидова демокрацие", возглавленные "прогрессивными" людьми, продолжали выходить. Контроль над прессой осуществлялся на основе постановления чехословацкого правительства от 12 марта 1948 г., ко-

торым оно обязало министерство информации провести ревизию всех до сих пор выданных разрешений на издание печатных органов и подготовить положение, которое бы "лишило возможности злоупотреблять печатью для выпадов, направленных против наших союзников и против нашего народно-демократического режима"¹²³.

Правительство заявило о сохранении свободы вероисповедания и защите прав верующих. В ответ на это все церкви, кроме католической, по крайней мере формально, подтвердили свое лояльное отношение к новой власти. Католическая церковь, удерживавшая свое влияние на значительную часть населения, особенно сельского, прежде всего в Словакии, Моравии и южной Чехии, и пользовавшаяся поддержкой Ватикана, не спешила с официальным признанием и предложила начать переговоры с правительством по церковным вопросам. Архиепископ Беран, а затем Епископский собор Чехословацкой республики, собравшийся 3 мая 1948 г. в Оломоуце, дали духовенству указание не входить в политические партии, не выступать на собраниях политического характера, не писать политических статей, не выдвигать кандидатуры в парламент или Словацкий национальный совет, не участвовать в работе национальных комитетов и комитетов действия всех ступеней, поскольку "священник должен стоять над партиями, должен быть духовным отцом всех верующих". Вместе с тем говорилось, что каждый может голосовать на основе собственной совести, но за тех кандидатов, которые дадут гарантии, что они будут отстаивать "права божьи и права души". Духовенство особо предостерегалось от участия в какой-либо антигосударственной, заговорщической или подпольной деятельности. Хотя католические иерархи запретили клиру участвовать в политической деятельности, но, согласно сведениям советского посольства в Праге, перед выборами в парламент 20% католических священников ясно высказалось за сотрудничество с "возрожденным" НФ, 35% держались нейтрально, а 45% были настроены враждебно¹²⁴. Руководство КПЧ, понимавшее, что католическая церковь является серьезным политическим противником, постановило продолжать с ней переговоры и решить все спорные вопросы миром. Перед парламентскими выборами католическая церковь, поддержанная Ватиканом, обратилась к верующим с призывом голосовать "белыми бюллетенями" и по существу встала в оппозицию к новой власти.

Решающие позиции после февраля заняли коммунисты в местных органах власти. Те из региональных национальных комитетов, в которых ранее они не имели большинства, были попросту распущены. Так, в Словакии из 3348 населенных пунктов МНК остались только в 1136, из 79 районных национальных комитетов сохранилось только 6. После проведения "чистки" из 36 587 членов национальных комитетов 26 332 состояли в КПС, 1506 — в Партии словацкого национального возрождения, 337 — в Партии свободы, 8 412 было беспартийных¹²⁵. Возобновилась деятельность народных судов, принимавших к рассмотрению дела "врагов народно-демократического режима". Состоялись процессы над ранее арестованными деятелями ДП, которые хотя и были осуждены на разные сроки тюремного заключения, но процессы не были "громкими", поскольку сфабрикованные органами государственной безопасности дела разваливались на глазах. Многие деятели некоммунистических партий эмигрировали: до лета 1948 г. по официальным данным "бежало за границу" более трех тысяч чехов и словаков, в том числе более 150 военнослужащих. За то же время 57 официальных представителей ЧСР за границей покинули свои посты и отказались возвратиться в страну, в том числе девять послов и посланников, восемь консулов, 12 советников, восемь секретарей, четыре военных атташе и т.д. Из армии были уволены свыше 1 тыс. и переведены "с понижением" около 0,5 тыс. офицеров, т.е. "чистка" коснулась примерно 28% кадрового офицерского корпуса. Своих постов лишились 120 тыс. национальных социалистов, примерно 100 тыс. членов народной и словацкой демократической партий, 20 тыс. социал-демократов¹²⁶.

В течение двух месяцев после обнародования программы нового правительства ЗНС приняло множество официальных актов, законодательно закрепивших преобразования, как намеченные в "Созидательной программе", но не реализованные, так и выходявшие за ее пределы. Среди законов, касавшихся крестьянства, важнейшим был закон о новой земельной реформе, согласно которому у земельных собственников изымалась вся земля сверх 50 га, которая передавалась трудовому крестьянству. По новым законам о национализации к государству переходили все предприятия с числом работающих более 50, вся внешняя и оптовая внутренняя торговля. К 1 мая 1948 г. из общего числа 19 390 промышленных предприятий в Чехословакии в руках частного ка-

питала осталось менее трети предприятий, на которых было занято только 5,1% работающих. К важнейшим относился закон об огосударствлении Чехословацкого радиовещания.

Ускоренными темпами шла подготовка новой Конституции ЧСР, работа над которой с осени 1947 г. чрезвычайно замедлилась. 14 апреля 1948 г. Центральный комитет действия НФ одобрил ее проект, который был вынесен на всенародное обсуждение. Бенеш, внимательно изучивший проект, не согласился с рядом его положений, касавшихся, прежде всего, политической системы. Он принципиально возражал против формулировки "о воле народа", которая ставила эту волю над законами и давала возможность "улице" осуществлять свое давление, в том числе и на президента. Далее, он возражал против того, что в проекте недостаточно гарантированы гражданские свободы, которые ограничивались готовившимся законом о защите народно-демократической республики, и, следовательно, должны были определяться министерством внутренних дел. Президент считал недемократичным новый закон о выборах, по которому все партии выступали с единым списком кандидатов в депутаты. Бенеш, по его словам, не желал прикрывать своим авторитетом недемократическую новую конституцию и недемократические выборы в чехословацкий парламент¹²⁷. Несмотря на возражения президента, ЦК КПЧ 4 мая 1948 г. постановил вынести проект конституции на обсуждение парламента. 9 мая закон о конституции, так и не подписанный Бенешем, был принят Национальным собранием. В ней были закреплены все осуществленные к тому времени в стране преобразования, провозглашен переход всей власти в руки рабочего класса, опирающегося на союз с крестьянством и остальными слоями трудящихся, заявлено о суверенитете трудового народа в государстве, равенстве в правах всех граждан, а также о "равноправии" чешского и словацкого народов, что не соответствовало действительности, поскольку трактовалось в духе так называемого третьего пражского соглашения. 9 июня 1948 г. новую конституцию подписал Готвальд, как премьер-министр, исполняющий обязанности президента.

Еще до принятия конституции, 1 мая Бенеш принял решение об отставке, которое и сообщил Готвальду, рассчитывая завершить всю процедуру до принятия конституции и до парламентских выборов, назначенных на конец мая. Коммунисты, обеспокоенные критическим тоном в отношении

проекта конституции и негативной оценкой событий 25 февраля, содержащимися в заявлении об отставке, расценили его, как "объявление войны", и настаивали "на расставании по хорошему". Именно об этом шла речь на встрече Готвальда с Бенешем 4 мая 1948 г., длившейся два часа. Президент, который испытывал к руководителю КПЧ личное уважение и не желал обострения конфликта, чтобы не осложнять положение ЧСР на международной арене, снова пошел на уступки. Был достигнут компромисс: Бенеш, настоявший на отставке, отказался от ее политической мотивировки и согласился обратиться с заявлением о ней к правительству после парламентских выборов. 28 мая 1948 г. было торжественно отмечено 64-летие президента; в прессе усиленно подчеркивались его заслуги перед республикой¹²⁸.

30 мая 1948 г. состоялись выборы в Национальное собрание. "Возрожденный" Национальный фронт при поддержке профсоюзов выступил на них с единым списком кандидатов в депутаты от всех партий и массовых организаций. Из 7998 тыс. взрослого населения страны 1573 тыс. (19,7%) не были настроены на поддержку новой власти. Из них 65,8 тыс. (0,8%) были лишены права голоса, 513 тыс. не участвовали в голосовании (6,5%), 774 тыс. предпочли "белые бюллетени" (10,2%, в том числе в Чехии и Моравии — 9,6%, в Словакии — 14,1%). 220 тыс. голосов оказались недействительными. 80,3% избирателей поддержали "возрожденный" НФ, а из участвовавших в голосовании — 89,2%. Из 300 избранных депутатов один сбежал за границу и один отказался от мандата. КПЧ и КПС вместе с социал-демократами получили в парламенте 236 мандатов (79%). Чешские социалисты и Народная партия имели по 23 места, малые словацкие партии — 16 кресел, 2 — беспартийные. Председателем Национального собрания был избран в прошлом левый социал-демократ, а ныне коммунист О. Йон. Из восьми его заместителей пятеро были коммунистами. "С февраля по май 1948 г., т. е. в течение трех месяцев, в Чехословакии прошли серьезные политические преобразования (своеобразная бескровная революция), когда вопрос о власти, вопрос "кто кого?" в пользу новой народной демократии, был окончательно решен", — говорилось в одной из аналитических справок, составленных советским посольством в Праге в июле 1948 г.¹²⁹

Сразу после выборов, 2 июня Бенеш сформулировал окончательный текст заявления о своей отставке, мотивируя это состоянием здоровья, что, несомненно, было полу-

К. Готвальд, А. Запотоцкий, Г. Гусак. Прага, 14 июня 1948 г.

правдой. 7 июня заявление было получено Готвальдом и сообщено правительству. В этот же день оно одобрило проект закона о выборах президента, который был принят 12 июня. Одновременно в знак признания заслуг Бенеша "перед народом и государством" ему была назначена почетная пенсия в размере жалованья, получаемого президентом республики, а также оставлена в пожизненное пользование вилла Ланы со всем обслуживающим персоналом. 10 июня Национальное собрание единогласно одобрило благодарственный адрес Бенешу, а 14 июня единогласно избрало новым президентом Готвальда. Чтобы не ссориться с католической церковью и Ватиканом, коммунисты даже пошли на то, чтобы архиепископ Й. Беран в честь этого события отслужил в соборе св. Вита торжественный молебен, что ранее происходило только при коронации чешских королей. 15 июня Готвальд назначил новое правительство во главе с А. Запотоцким. Следует отметить, что многие словацкие коммунисты, и прежде всего Гусак, Новомеский, отчасти Клементис, считали справедливым, чтобы премьером был назначен словак В. Широкий, поскольку президентом является чех¹³⁰.

Общественность по разному восприняла отставку Бенеша, популярность и авторитет которого, прежде всего в Чешских землях, были по-прежнему высоки. Некоторые верили официальным сообщениям о причине ухода президента со своего поста (по состоянию здоровья), другие видели ее в несогласии с событиями 25 февраля и установленным вслед за этим режимом, третьи усматривали в случившемся давление коммунистов. Сезимово Усти, где теперь уже как частное лицо под охраной органов госбезопасности жил бывший президент, посещали тысячи граждан. Многочисленные акции с выражением симпатий к Бенешу и верности его идеалам прошли в период подготовки слета массовой, насчитывавшей более 1 млн членов, физкультурной организации "Сокол" и в его ходе в Праге в конце июня — начале июля 1948 г. По мнению В.А. Зорина, это "произошло из-за некоторого либерализма со стороны друзей в Чехословакии по отношению к реакции"¹³¹. Органами безопасности было задержано 237 человек, которые понесли наказание в виде разных сроков тюремного заключения и штрафов. Последовала радикальная политическая "чистка" "Сокола", в ходе которой пострадало около 15 тыс. его функционеров.

3 сентября 1948 г. перенесший до этого несколько микроинсультов Бенеш скончался¹³². По стране прокатилась волна траурных митингов и демонстраций, участники которых отдавали последние почести умершему президенту. 6 сентября пражане и жители страны, прибывавшие в столицу поездами и автобусами, прощались с Бенешем. Коммунисты были напуганы массовостью траурных акций и квалифицировали происходящее, как "происки реакции" против новой власти, попытку путча, "антифевраля". В состоянии боеготовности были приведены члены компартии, рабочие заводов, отряды народной милиции, органы безопасности, которые с 4 по 9 сентября арестовали более 500 человек¹³³. Р. Сланский на заседании руководства КПЧ конкретизировал политику "острого курса" против реакции. Опираясь на пресловутую теорию "обострения классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму", он предлагал принять законы об охране республики, о принудительных трудовых лагерях, решительнее действовать против ремесленников, торговцев и деревенских богачей, очистить крупные города от "реакционных элементов"¹³⁴.

10 сентября второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш, не переживший второй катастрофический провал сво-

ей политики, был похоронен на кладбище виллы Сезимове Усти. В церемонии участвовали лишь близкие люди и правительственная делегация во главе с Запотоцким. Готвальда на погребении не было. По всей видимости, он или собирался, или уже находился на отдыхе в Крыму¹³⁵.

¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939 – 1945 гг. М., 2003.

² Районы со смешанным чешско-польским населением по решению Потсдамской конференции были переданы Польше во временное управление.

³ Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ.) Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 4. Л. 100.

⁴ ČSR a SSSR. 1945 – 1948. Dokumenty mezinárodních jednání. Brno, 1997. S. 338.

⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 134. Д. 24. Л. 11; ČSR a SSSR. 1945 – 1948. S. 35, 67 – 68, 86, 101, 117.

⁶ См. подробнее: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944 – 1946 гг. // *Славяноведение*, 2003. № 3.

⁷ Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939 – 1958: Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 200 – 219.

⁸ *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. Praha, 1993. S. 42.

⁹ *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1955. Sv. XII. S. 21.

¹⁰ Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu: Dokumenty. Praha, 1965. Sv. I-2. S. 603 – 609.

¹¹ *Ibid.* Sv. I-1. S. 308 – 309; Sv. I-2. S. 583 – 585, 608; *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 33.

¹² Cesta ke Květnu. S. 541 – 543, 548 – 549; *Komunistická strana Slovenska.* Dokumenty z konferencií a plén. 1944 – 1948. Bratislava, 1971. S. 106 – 107.

¹³ *Шмераль Я.Б.* Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 278 – 279.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 17. Оп. 128. Д. 29. Л. 86 – 87, 89.

¹⁵ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чехословацкий "февраль" 1948-го начинался в 1945 г. // *Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. "Демократическое интермеццо" с коммунистическим финалом.* 1944 – 1948 гг. М., 2002. С. 88 – 112.

¹⁶ Cesta ke Květnu. Sv. I-2. S. 595.

¹⁷ *Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938 – 1945.* Praha, 1965. Č. 4. S. 17 – 18.

¹⁸ Cesta ke Květnu. Sv. I-2. S. 592 – 593.

¹⁹ *Ibid.* S. 594.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 29. Л. 87.

²¹ *Vošahlíkova P.* Československá sociální demokracie a Národní fronta. Praha, 1985. S. 44 – 45.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 29. Л. 89.

²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 821. Л. 25 – 26.

- ²⁴ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 403.*
- ²⁵ *Шмераль Я.Б. Расстановка политических сил в Чехословакии...* С. 283.
- ²⁶ См. подробнее: *Эдвард Бенеш. Демократия сегодня и завтра / Вступ. ст. В.В. Марьиной // Вопросы истории. 1993. № 1, 3.*
- ²⁷ *Křen J. Víla místa v našich dějinách? Praha, 1990. S. 70.*
- ²⁸ *Серапионова Е.П. Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы... С. 119–120. См. также: Opat J. Edvard Beneš: tragédie státníka demokrata // Edvard Beneš – československý a evropský politik. Praha, 1994. S. 97–115.*
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 29. Л. 91.
- ³⁰ Цит. по: *Шмераль Я.Б. Расстановка политических сил в Чехословакии...* С. 286.
- ³¹ Там же. С. 287–288.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 29. Л. 91.
- ³³ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 398.*
- ³⁴ См. подробнее: *Drápala M. Zavření liberalismu v Čechách a Helena Koželuhová. K ideologickému profilu poválečné republiky (1945–1948) // Soudobé dějiny. 1999. N 1. S. 26–29.*
- ³⁵ *Шмераль Я.Б. Расстановка политических сил в Чехословакии...* С. 289–290; *Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 403.*
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 0128. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 14, 26; Д. 8. Л. 52, 66, 71; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 15. Л. 123.
- ³⁷ *Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965. S. 620–626.*
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 87.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 30. Л. 3–91.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 87, 89–90, 110.
- ⁴¹ *Barnovský M. K profilu a činnosti Demokratickej strany (1944–1948) // Soudobé dějiny. 1996. N 2/3. S. 225.*
- ⁴² *Ibid. S. 227.*
- ⁴³ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 48, 51–52, 401–402.*
- ⁴⁴ *Ibid. S. 400.*
- ⁴⁵ См. подробнее: *Марьина В.В. Чехословакия: от многонационально-го к двунациональному государству. 1944–1948 гг. // Славяноведение. 2001. № 5. С. 45–48.*
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 8, 10, 13–14, 26–27, 40, 52, 66, 71–73.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 31. Л. 135.
- ⁴⁸ *Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-Slovenské vztahy. 1945–1992. Bratislava, 1998. S. 377–378.*
- ⁴⁹ *Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 – květen 1946. Praha, 1975. S. 196–199.*
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 15. Л. 124–126.
- ⁵¹ *Česko-Slovenská historická ročenka 1997. Brno, 1997. S. 293–295.*
- ⁵² Протокол заседания на чешском языке и в переводе на русский хранится в РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 30. Л. 1–95. Документ опубликован В. Пречаном с комментариями и приложениями: *Česko-Slovenská historická ročenka 1997. S. 203–308. См. также: Марьина В.В. Чехословакия: от многонационального к двунациональному государству. С. 52–53.*

⁵³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 85–88, 106, 110.

⁵⁴ *Cesta ke Květnu*. S. 367–370; *Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století*. S. 39.

⁵⁵ См. подробнее: *Марьина В.В. Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939–1943 гг.* // *Славяноведение*. 2003. № 1; *Она же. Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 гг.* // *Славяноведение*. 2003. № 3.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 29. Л. 84–85; Д. 49. Л. 170об; Д. 320. Л. 161–163; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 5. Л. 13, 16–18; *Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.* М., 1999. Т. 1. 1944–1948 гг. Документы. С. 212–213. (Далее: СФВЕ.)

⁵⁷ *Cesta ke Květnu*. S. 162–170, 226–233, 253–258, 260–262.

⁵⁸ *Sláma J. Důsledky nuceného vysídlení Němců pro Československo // Soudobé dějiny*. 1994. N 4/5. S. 528–529.

⁵⁹ Свидетельства об этом см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 58–61; Д. 749. Л. 60об–61; СФВЕ. С. 225–228.

⁶⁰ *Šutaj Š. Problematika maďarskej menšiny na Slovensku v rokoch 1945–1953 // Od diktatúry k diktatúre*. Bratislava, 1995. S. 156–157.

⁶¹ СФВЕ. С. 410–411. (Примеч. 3).

⁶² См. подробнее: *Nosková H. Slováci z Maďarska v národnostní politice Československa v letech 1945–1954 // Sborník studií k národnostní politice Československa (1945–1954)*. Praha, 2001. S. 53, 71–82.

⁶³ *Cesta ke Květnu*. S. 205–219.

⁶⁴ *Letz R. Slovensko v rokoch 1945–1948. Na ceste ku komunistickej totalite*. Bratislava, 1994. S. 203.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 31. Л. 78.

⁶⁶ См. беседы Зорина с Готвальдом, Носеком, Сланским, Фришем, Копецким, Широкиным, Смутным и др.: АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 10, 26, 40; Д. 8. Л. 51–52, 66, 71–72.

⁶⁷ Там же. Д. 8. Л. 106.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 29. Л. 81–82.

⁶⁹ Там же. Д. 49. Л. 170об.

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 4. Л. 84–85.

⁷¹ См. подробнее: *Билек И. К вопросу о советизации чехословацкой армии в период до февраля 1948 г.* // *Февраль 1948 г. Москва и Прага*. М., 1998. С. 107–117; *Havlíček J. Politický zápas o armádu na Slovensku v rokoch 1945–1948 // Od diktatúry k diktatúre*. S. 41–45.

⁷² См. подробнее: *Kaplan K. Pět kapitol o Únoru*. Praha, 1996. S. 80–132; *Hanzlík F. Únor 1948 výsledek nerovného zápasu. Tajné služby na cestě k moci*. Praha, 1997.

⁷³ Фактический материал см.: *Мурашко Г.П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1979; *Она же. Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства*. М., 1986; *Марьина В.В. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1984.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 749. Л. 47 об.

⁷⁵ *ČSR a SSSR. 1945–1948*. S. 130, 143–144.

⁷⁶ *ČSR a SSSR. 1945–1948*. S. 93–96, 119–120, 133, 137–139, 164–177, 181–182, 291–296, 326 и др.

⁷⁷ *Ibid.* S. 124–129, 139–140, 157–160.

⁷⁸ Ibid. S. 136; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 135; Д. 5. Л. 43, 50, 52, 57 – 59.

⁷⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944 – 1953 гг. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1: 1944 – 1948 гг. (Далее: ВЕДРА.) С. 370 – 372.

⁸⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* ВКП(б) и КПЧ: от доверия к подозрительности. 1945 – 1948 гг. // Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 17 – 42.

⁸¹ *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. S. 59.

⁸² Ibid. S. 60; *Kaplan K.* Pět kapitol... S. 25.

⁸³ *Barnovský M.* Na ceste k monopolu moci. Mocensko-politické zápasy na Slovensku v rokoch 1945–1948. Bratislava, 1993. S. 73–80; *Idem.* K profilu a činnosti... S. 231–232.

⁸⁴ ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 227–236.

⁸⁵ *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968. S. 72–73; *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. S. 60.

⁸⁶ *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1957. Sv. XIII. S. 83.

⁸⁷ Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferenci a plén 1944–1948 / Ed. M. Vartíková. Bratislava, 1971. S. 421–425.

⁸⁸ *Barnovský M.* Na ceste k monopolu moci. S. 85–120; *Rychlik J.* Češi a Slováci ve XX století. Česko-Slovenské vztahy. 1945–1992. Bratislava, 1998. S. 39–51; *Марьина В.В.* Чехословакия: от многонационального к двунациональному государству. С. 54–55.

⁸⁹ Cestou Května. S. 475–479.

⁹⁰ ВЕДРА. С. 456–461, 511, 579.

⁹¹ См. подробнее: *Гибианский Л.Я.* Форсирование советской блоковой политики // Холодная война 1945–1963. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 137–186.

⁹² *Марьина В.В.* ВКП(б) и КПЧ. С. 33–35.

⁹³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 27. П. 135. Д. 5. Л. 74; П. 137. Д. 32. Л. 18–20.

⁹⁴ ВЕДРА. С. 595.

⁹⁵ Подробнее о суде над Тисо см.: *Barnovský M.* Na ceste k monopolu moci. S. 120–142; *Barnovský M.* K niektorým otázkam súdneho procesu s Jozefom Tisom // Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992. S. 308–320; *Rychlik J.* Češi a Slováci... S. 88–97.

⁹⁶ *Марьина В.В.* ВКП(б) и КПЧ. С. 34–37.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1083. Л. 213–221. Документ опубликован с купюрами в ВЕДРА. С. 649–655.

⁹⁸ ВЕДРА. С. 672–675.

⁹⁹ См. подробнее: *Наринский М.М.* Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла // Февраль 1948 г. С. 67–83; *Кратки И.* Кремлевский запрет: Чехословакия и план Маршалла // У истоков "социалистического содружества". СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.

¹⁰⁰ См. подробнее: *Агибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.

¹⁰¹ The Cominform. Minutes of the Three Conferences. 1947/1948/1949. Annali. Milano. 1994. S. 146, 282.

¹⁰² См. подробнее: *Kaplan K.* Pět kapitol o Únoru. S. 9–162.

¹⁰³ ВЕДРА. С. 661–664.

¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 4. Л. 200.

¹⁰⁵ Komunistická strana Slovenska. S. 609–616.

¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 4. Л. 161 – 164.

¹⁰⁷ *Vošahlíková P.* Československá sociální demokracie a Národní fronta. S. 79 – 115; *Kaplan K.* Pět kapitol o Únoru. S. 173 – 181.

¹⁰⁸ ČSR a SSSR. 1945 – 1948. S. 353 – 360, 409 – 474; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1988. Т. 5: Май 1945 – февраль 1948 г. С. 358 – 359, 394 – 401, 404 – 413.

¹⁰⁹ *Kaplan K.* Něktrvá revoluce. S. 96, 412.

¹¹⁰ *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. S. 207 – 311; *Kaplan K.* Něktrvá revoluce. S. 133 – 168; *Idem.* Pět kapitol o Únoru. S. 359 – 518.

¹¹¹ См. подробнее: *Марына В.В.* Февраль 1948 г. в Чехословакии. Современное видение проблемы // Вопросы истории. 1998. № 10; *Она же.* Конференция о феврале 1948 г. в Чехословакии // Славяноведение. 1998. № 6.

¹¹² Цит. по: *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. S. 259.

¹¹³ См. подробнее: *Тахненко Г.* Публикаторская деятельность историко-документального департамента МИД России на основе документов архивов министерства // Выступление на международной конференции "Февраль 1948 г. в Чехословакии: предпосылки и последствия в стране и за рубежом" 19 – 21 февраля 1998 г. Прага. Сепарат. С. 7 – 8; *Мурашко Г.П.* Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство: по новым материалам российских архивов // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 50 – 63.

¹¹⁴ *Kaplan K.* Něktrvá revoluce. S. 158.

¹¹⁵ *Soudobé dějiny.* 1998. N 2/3. S. 312 – 320; 1999. N 1. S. 103 – 110; 1999. N 4. S. 534 – 544.

¹¹⁶ *Masný V.* Pražský puč v únoru 1948 a počátky Severoatlantického paktu // *Soudobé dějiny.* 1998. N 2/3. S. 247 – 256.

¹¹⁷ ДМИСЧО. Т. 5. С. 448 – 450.

¹¹⁸ *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. S. 271.

¹¹⁹ *Kaplan K.* Pět kapitol o Únoru. S. 355 – 356.

¹²⁰ История Словакии: Пер. со словац. и англ. М., 2003. С. 341.

¹²¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 9. Л. 14.

¹²² Там же. Л. 25.

¹²³ Там же. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 25 – 30, 47 – 50.

¹²⁴ Там же. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 5. Л. 52; П. 147. Д. 14. Л. 159 – 160.

¹²⁵ *Barnovský M.* Preberanie moci a pofebruárová očista 1948 // *Od diktatúry k diktatúre.* S. 90.

¹²⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 5. Л. 32, 60; *Kaplan K.* Československo v letech 1943 – 1953. Praha, 1991. S. 11.

¹²⁷ ВЕДРА. С. 869 – 870.

¹²⁸ *Kaplan K.* Poslední rok Prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. S. 57 – 62.

¹²⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 5. Л. 61 – 63, 76 – 79.

¹³⁰ Там же. Л. 80 – 81.

¹³¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 7. Л. 66.

¹³² Течение болезни Бенеша подробно описано: *Kaplan K.* Poslední rok Prezidenta. S. 83 – 93.

¹³³ *Ibid.* S. 80 – 81.

¹³⁴ *Kaplan K.* Něktrvá revoluce. S. 191 – 192.

¹³⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 7. Л. 83.

**СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА
"СО СТАЛИНСКИМ ЛИЦОМ".
1949–1953 гг.**

**"Острый курс против реакции".
Поиски "врага" в рядах компартии**

1948 год стал переломным для Чехословакии. Февраль дал "зеленый свет" ускоренному строительству социализма в стране по советскому образцу. Этого хотели как московские патроны чешских и словацких коммунистов, так и они сами. В немалой степени обозначившийся курс явился результатом роста международной напряженности, усиления противостояния СССР — Запад, а также обострения взаимоотношений внутри советского блока, приведшего в июне 1948 г. к исключению из него Югославии. Председатель КПЮ Й.Б. Тито, до того "верный друг" Советского Союза, попытавшийся проявить некоторую самостоятельность, был под давлением Москвы заклеймен коммунистическим сообществом как правый оппортунист, пособник мирового империализма, англо-американский шпион и т.д. "Правооппортунистический уклон" был обнаружен и в Польской рабочей партии (В. Гомулка). Коммунисты взяли на вооружение ленинско-сталинскую теорию "обострения классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму" и начали, особенно в странах сферы советского влияния, поиск врагов в собственных рядах, не говоря уже о гонениях на "реакционеров" всех мастей.

КПЧ, овладев властью, продолжала укреплять занятые ею позиции. С этой целью было проведено объединение, во-первых, социал-демократов с коммунистами, а во-вторых, словацкой компартии с КПЧ. 18 апреля 1948 г. по инициативе левого руководства ЧСДП, насчитывавшей тогда около 300 тыс. членов, обе партии сделали совместное заявление об их объединении на идейной и организационной основе марксизма-ленинизма. "По существу это слияние следует назвать приемом членов социал-демократической партии в компартию.... Нет сомнения, что большинство социал-демократов вступает в КПЧ по необходимости, а не по желанию.... Эти группы бывших социал-демократов в КПЧ могут

явиться резервом для вербовки международной реакцией в Чехословакии кадров для организации антисоветского шпионажа"¹, — говорилось в одной из справок, подготовленных советским посольством в Праге в мае 1948 г. Прием предполагалось осуществлять в индивидуальном порядке. С самого начала стало ясно, что некоторые видные деятели ЧСДП, например, Б. Лаушман, не будут приняты в КПЧ. Объединительный съезд состоялся 27 июня 1948 г.

Несколько ранее, 9 июня 1948 г. на заседании ЦК КПЧ К. Готвальд высказался за слияние КПЧ и КПС, заявив, что "существование самостоятельной партии Словакии нанесло бы вред делу, республике и коммунистическому движению". 29 июля президиум ЦК КПЧ постановил: ближайшее заседание ЦК КПС примет решение, что КПС прекратит свое существование как самостоятельная партия и станет составной частью КПЧ; партийная организация в Словакии сохранит наименование Коммунистическая партия Словакии; ЦК КПС будет подчинен ЦК КПЧ, руководствоваться его указаниями и осуществлять политику КПЧ в Словакии; в ЦК КПЧ будут кооптированы 18 членов и 7 кандидатов из Словакии, а в расширенный президиум ЦК КПЧ — В. Широкий, Ю. Дюриш, Ш. Баштёванский, Г. Гусак и В. Клементис. 28 сентября пленум ЦК КПС принял резолюцию о создании единой КПЧ. Окончательно вопрос решил пленум ЦК КПЧ 17 — 18 ноября 1948 г.²

После февраля 1948 г. проходил массовый призыв в ряды КПЧ: в течение нескольких месяцев ее численность возросла с 1,4 до 2,5 млн членов; 320 тыс. влились в нее из других политических партий. Изменился социальный состав компартии: доля рабочих в ней сократилась с 49 до 39%. Руководство КПЧ в июне 1948 г. приняло решение о прекращении массового приема новых членов, о необходимости применения строго индивидуального подхода к нему и о введении по рекомендации А.А. Жданова и Г.М. Маленкова кандидатского стажа. По словам секретаря ЦК КПЧ Г. Бареша, 70 — 80% коммунистов, вступивших в партию после февраля, надлежало перевести в кандидаты. Началось усиленное изучение опыта "проверки партдокументов" в СССР. Основная задача "проверки", как считал тот же Бареш, — "заставить коммунистов работать над собой, изучать вопросы марксизма-ленинизма": «"Историю ВКП(б)", "Вопросы ленинизма" Сталина сейчас коммунисты берут с собой и занимаются, используя для этого каждую минуту». По словам В. Широкого, необхо-

димо было создать "большевистский тип партии без нарушения ее массовости". Однако, как он подчеркнул, "проверка не является чисткой", главная ее цель — воспитание "активных борцов за социализм". Р. Сланский, который предполагал "освободить" партию примерно от 300 тыс. человек, тоже не хотел называть это "чисткой" и говорил, что акция будет осуществлена "на иных принципах, чем в ВКП(б)". По мнению советского посольства в Праге, по существу имел место "процесс растворения компартии в рабочем классе", что противоречило "ленинско-сталинскому учению о партии". С 1 октября 1948 г. до марта 1949 г. проходил первый этап проверки членов КПЧ, в ходе которой, по некоторым сведениям, 150 тыс. человек были исключены из ее рядов, но массовый характер партия сохранила³. По сведениям генерального секретаря КПЧ Р. Сланского, к маю 1949 г. компартия сократилась с 2674 тыс. до 2311 тыс. человек, т.е. убыль по разным причинам составила 363 тыс. членов, в том числе 107 тыс. за счет исключенных и вычеркнутых (4,5%). 522 тыс. из оставшихся (22%) перевели в ряды кандидатов. Для рабочих кандидатский стаж составлял 1 год, для прочих — 2 года⁴. В дальнейшем "чистки" КПЧ проводились уже в связи с поисками "врагов" в собственных рядах. Наиболее массовая из них проходила в 1950—1951 гг.: она коснулась 8,4% членской массы. В начале 1951 г. из почти 1900 тыс. "проверенных" в партии осталось немногим более 1677 тыс. человек⁵.

Официально декларированная "руководящая роль" компартии потребовала некоторой реструктуризации ее аппарата. Президиум ЦК КПЧ по-прежнему состоял из 27 членов, но в целях принятия оперативных решений было создано его "узкое руководство", в которое наряду с Готвальдом вошли, в частности, А. Запотоцкий, В. Копецкий, Р. Сланский, В. Широкий, Я. Доланский и др. Именно этот орган часто принимал важные решения, не вынося вопросы не только на пленумы, но даже на Президиум ЦК КПЧ. Последнее слово при обсуждениях всегда принадлежало Готвальду. Кроме того, при Президиуме возникла сеть разных вспомогательных органов, комиссий: советы по экономическим и культурным вопросам, церковная "шестерка", кооперативная "пятерка", "тройка" по вопросам безопасности, "пятерки" по ценовой и продовольственной политике и т.д. Несмотря на свой вспомогательный характер, они имели достаточно широкие полномочия. Начал действовать также "узкий секретариат" ЦК КПЧ, в который кроме генерального сек-

ретаря Р. Сланского вошли также М. Швермова, Й. Франк, Л. Копржива, Г. Бареш, Б. Геминдер. Решающее слово в этом органе имел Сланский, который, по существу, стал связующим звеном между президентом страны, председателем КПЧ Готвальдом и партией. При секретариате для осуществления связи с краевыми комитетами КПЧ был создан инструкторский корпус. Такие же органы возникли при крайкомах, руководивших райкомами. В январе 1949 г. инструкторский корпус в Чешских землях насчитывал 21 712 человек. Низовые ячейки партии создавались как по территориальному, так и по производственному принципу с тенденцией роста числа местных партийных организаций на предприятиях⁶. Активно шел процесс сращивания партийного и государственного аппарата и установления партийного контроля за деятельностью администрации предприятий и учреждений.

Несмотря на то, что руководство КПЧ настойчиво подчеркивало необходимость сохранения политики Национального фронта, который приобретал все более "фасадный" характер, среди рядовых коммунистов и руководящих партийных работников появились настроения в пользу отказа от нее, о чем свидетельствовали сообщения с мест. Усилилась тенденция использовать методы командования, диктата, администрирования, не допускать создания низовых организаций некоммунистических партий. Утвердились представления, что компартия, организации которой густой сетью покрыли всю страну, может единовластно решать все вопросы и сама, разумеется, при учете позиций Москвы, оценивать собственную деятельность. "Культ личности", признаки которого обозначились еще в дофевральский период, приобретал все более четкие формы и повсеместный характер. Это относилось не только к руководителям партии, в частности Готвальду, Сланскому и Широкому, но и к функционерам местного масштаба. Было принято решение, например, торжественно отметить 52-летие Готвальда, присвоить его имя предприятиям и населенным пунктам, под лозунгом "К. Готвальд — 20 лет во главе КПЧ" провести празднование по случаю 20-й годовщины V съезда компартии, учредить межминистерскую комиссию по тиражированию образа Готвальда в виде фотографий, картин, скульптурных изображений. Несколько позднее было принято решение о создании Института истории КПЧ с основной задачей выявления и публикации сочинений Готвальда. Несмотря на роб-

кие попытки Готвальда противиться разрастанию его "культы", он принимал все более широкие масштабы благодаря усердию Сланского, Копецкого и других руководителей КПЧ⁷.

Хотя в феврале КПЧ фактически овладела всей полнотой власти в стране, критика в ее адрес со стороны Москвы, прежде всего по партийной и дипломатической линиям, не ослабевала. Она продолжалась как бы по инерции и шла по тем же направлениям, что и в 1947 г. В концентрированном виде это нашло отражение в документе "О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии"⁸, подготовленном Отделом внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) в апреле 1948 г. для секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова, когда разгорался конфликт между Москвой и Белградом и шла активная подготовка ко второму заседанию Коминформа. В указанном документе с позиций "марксистско-ленинской теории" скрупулезно разбирались все допущенные КПЧ ошибки и содержались рекомендации по их устранению. Речь шла, во-первых, об ориентации "в теории и на практике на особый мирный путь к социализму без жертв и классовой борьбы" и сползании "на позиции мирного вращивания капитализма в социализм"; во-вторых, о широком "распространении в партии парламентских иллюзий, переоценке парламентских форм борьбы и недооценке работы в массах"; в-третьих, о "социал-демократическом подходе к строительству партии, отказе от большевистских организационных принципов построения КПЧ"; в-четвертых, о "пренебрежении ленинско-сталинским учением по национальному вопросу" и приспособлении политики в этом вопросе к настроениям отсталых националистических элементов чешского населения; в-пятых, об отсутствии "научной программы по крестьянскому вопросу", проведении "лишь частичных мер, не подрывающих основ капитализма в деревне", о недооценке "опасности кулака" и поддержке «антимарксистской теории "самотека" в социалистической переделке сельского хозяйства страны».

По существу, обвинения подвергнулся весь послевоенный курс КПЧ, в принципе ранее согласованный ею с Москвой. Но... настали "другие времена" и зазвучали "другие песни". В заключении указанного документа выражалась уверенность, что КПЧ располагает достаточными силами и опытом борьбы "за торжество идей марксизма-ленинизма в разрешении исторической задачи — перехода Чехословакии и

ее народов к высшей форме развития общества", что подразумевало построение социализма по советскому образцу.

Руководство КПЧ реагировало на эту критику со стороны своих московских патронов развертыванием "самокритики" и заявлениями о необходимости изучения, популяризации и использовании опыта ВКП(б) в политическом, экономическом и культурном строительстве Чехословакии. Об этом свидетельствуют многочисленные документы российских архивов, в частности записи о встречах и беседах нового советского посла в Праге М.А. Силина с руководящими государственными и партийными деятелями ЧСР, о приеме В.А. Зориным и А.Я. Вышинским нового чехословацкого посла в Москве коммуниста Б. Лаштовички, который "выразил пожелание чехословацкого правительства относительно оказания помощи советами и опытом в области социалистического строительства в СССР". Вышинский 24 июня 1948 г. порекомендовал послу "подработать более конкретно предложения по этому вопросу и передать их МИД СССР, обещая оказать послу поддержку в реализации этой просьбы чехословацкого правительства"⁹. Москва и Прага ускорили движение навстречу друг другу в стремлении совместно решать вопросы дальнейшего развития Чехословакии на пути перехода к социализму: первая — в качестве мэтра, вторая — в качестве ученика.

Указания о том, в каком направлении следует развивать дальнейшую деятельность компартий, были получены ими на совещании Коминформа в Бухаресте, принявшем в июне 1948 г. резолюцию о Коммунистической партии Югославии. Они сводились к следующему: усилить борьбу против "реакции", действующей заодно с англо-американским империализмом, искоренять националистические настроения в собственных рядах, переходить к строительству "основ социализма", обратив особое внимание на политику в отношении крестьянства. Эти указания были восприняты компартиями, в том числе и КПЧ, как руководство к действию. На совещании краевых секретарей 21 — 23 сентября 1948 г. Сланский говорил: "Мы все сразу после Февраля глубоко не осознали ленинско-сталинское учение о том, что переход от капитализма к социализму — это длительный этап, который сопровождается не утиханием классовой борьбы, а ее непрерывным обострением, как нам напоминает резолюция Информбюро по югославскому вопросу. Многие товарищи думали, что Февраль положил конец классовой борьбе, что мы на-

столько сильны, что реакция не будет нам оказывать никакого сопротивления, говорили о трусости реакции, которая проявилась в Феврале, и думали, что она будет трусливо отступать и далее, приспособливаться, что перед нами — мирный период развития к социализму". Далее, занявшись самокритикой, Сланский заявил, что борьбу против реакции следовало начинать раньше, и что теперь против нее следует применять "острые, административные меры"¹⁰.

Президент ЧСР и председатель компартии Готвальд разделял эти взгляды. В сентябре — октябре 1948 г. он находился на отдыхе в Крыму, где состоялось несколько его встреч со Сталиным, во время которых и был согласован алгоритм строительства социализма в ЧСР. "К. Готвальд в восхищении от встречи с т. Сталиным", "Готвальд не только глубоко уважает т. Сталина как своего учителя, но он всем сердцем любит его. К. Готвальд часами рассказывает о встречах с тов. И.В. Сталиным", — значилось в справке посольства СССР в ЧСР, датированной 12 ноября 1948 г.¹¹

8 октября 1948 г. парламент одобрил закон об охране республики. Почти одновременно, 25 октября, принимается и закон о лагерях принудительного труда, куда направлялись лица, уклонявшиеся от работы, а также осужденные по закону об охране республики и за спекуляцию. В Чешских землях возникло 15 таких лагерей, рассчитанных на 20 — 32 тыс. человек, в Словакии уже с марта 1948 г. функционировало пять лагерей, где отбывали срок 6 тыс. заключенных. Решение о направлении в лагеря принимали тайные "тройки" при краевых национальных комитетах, что создавало простор для произвола и беззакония. Согласно секретным инструкциям в число "лагерников" включались и "подстрекатели против режима" из рядов "классового врага". К моменту ликвидации лагерей в середине 50-х годов через них прошли примерно 80 тыс. человек.

Осенью 1948 г. начало реализовываться решение об "освобождении" крупных городов от "реакционных элементов". "Чистка", носившая название "акция Б", коснулась главным образом Праги, Братиславы и Брно. Она проходила в течение четырех лет и привела к выселению, по данным К. Каплана, несколько тысяч семей, но общее число пострадавших не известно¹².

План создания условий для перехода Чехословакии к строительству социализма, предполагавшему глубокие структурные изменения в политической, экономической,

социальной и культурной сферах, был изложен Готвальдом на пленуме ЦК КПЧ 17 – 18 ноября 1948 г., где, по существу, и формулировалась политика "острого курса против реакции". Среди ее представителей в числе первых значилась католическая церковь, к которой принадлежало более двух третей населения и которая, по мнению руководства компартии, благодаря своей организации, влиянию в массах и поддержке Ватикана, представляла серьезную политическую силу, и, следовательно, угрозу для новой власти. Но, тем не менее, она не прекращала попыток договориться с церковными иерархами "полюбовно", к чему склонялся и архиепископ Беран. Он согласился отслужить торжественный молебен по случаю избрания Готвальда на пост президента, что соответствовало сложившейся традиции. Таким образом католическая церковь как бы обозначила свою лояльность по отношению к установившемуся режиму. На богослужении присутствовал Готвальд и некоторые члены правительства. Однако Ватикан не одобрил происшедшее. Переговоры прервались теперь уже на полгода. Начался период острой конфронтации. Беран отлучил от церкви председателя "возрожденной" Народной партии Й. Плойгара, занявшего пост министра, потребовал в законодательном порядке решить вопросы о церковных школах и церковной печати, начать переговоры с Ватиканом, отношения с которым были прерваны. Правительство отвергло ультиматум. В начале 1949 г. Беран снова дал согласие на продолжение переговоров. В немалой степени этому способствовало и понимание того, что новая власть, подобно тому как это было в других странах советского блока, намерена проводить жесткую линию по отношению к церкви. Об этом, в частности, свидетельствовала проходившая тогда подготовка суда над кардиналом Й. Миндсенти в Венгрии. Он характеризовался, как агент "агрессивных кругов Соединенных Штатов, пытавшихся при его поддержке организовать свержение демократического строя в Венгрии, уничтожить народную республику и восстановить монархию Габсбургов"¹³. Преследования католической церкви начались тогда же и в Польше. Беран получил указание папы не обострять до крайности отношения с правительством, но и не уступать ему. 19 января 1949 г. католический епископат обратился к Готвальду с меморандумом, в котором предложил "прекратить взаимные нападки и прийти к соглашению по всем интересующим обе стороны вопросам". 17 февраля переговоры были возобновлены.

Правительство согласилось обсудить меморандум при условии выполнения следующих предварительных требований: церковь должна публично заявить о своей лояльности к государству; прекратить преследования прогрессивных, т.е. поддерживавших новую власть, священников и публично осудить тех из них, кто проводил антигосударственную деятельность; отменить распоряжение епископата об отлучении Плойгара от церкви¹⁴. Епископат не принял эти требования. По словам А. Чепички, возглавлявшего со стороны правительства переговоры, церковные иерархи начали их лишь с целью "отвлечения внимания правительства от антигосударственной подпольной деятельности" католической церкви. В руководстве КПЧ пришли к выводу, что "конфликт созрел", и следует всеми средствами, в том числе и административными, воспрепятствовать ее превращению в оппозиционную силу. На заседании президиума ЦК КПЧ в конце апреля 1949 г. ставится задача ослабить политическое влияние Ватикана на верующих и низшее духовенство, противопоставив их церковным иерархам. При президиуме была создана специальная комиссия для руководства этой акцией, так называемая "церковная шестерка", возглавляемая Чепичкой. В своей деятельности она, а также образованное в октябре 1949 г. Государственное управление по делам церкви опирались как на силовые структуры, так и на "прогрессивное" духовенство, посчитавшее возможным выступить на стороне власти и оказать ей поддержку. Комплекс мер, направленных против католической церкви, получил наименование "Католическая акция". Чепичка называл эту кампанию "февралем в решении вопроса о церкви" и утверждал в беседе с советским послом М.А. Силиным, что она получила поддержку со стороны верующих и низшего клира, 1700 представителей которого из 2300 подписали направленное против католических иерархов и в поддержку новой власти воззвание комитета "Католическая акция". Часть подписей была получена под нажимом, многие из подписавших испытывали колебания¹⁵.

Правительство приняло меры по ограничению деятельности епископата: закрылись старые издания Народной (католической) партии "Католические новости" и "Вестник католического духовенства", которые стали выходить под теми же названиями, но уже в новом духе; католическая церковь лишилась благотворительного общества "Харита"; в церквях власти запретили читать пастырское послание Берана,

осуждавшее действия режима; архиепископа и епископов лишили возможности пользоваться почтой и телефоном; ставилась задача укрепления чехословацкой евангелической церкви (к ней принадлежало около 13% населения), лояльно настроенной по отношению к властям, и ее слияния с католической церковью; началась кампания по разоблачению "антинародного" лица Берана, против которого, как считал Чепичка, накопилось достаточное количество компромата. В августе 1949 г. было проведено обследование всех костелов, церквей и монастырей, в ходе которого выяснено, что 1500 из них не используются для отправления религиозных обрядов. Их намечалось передать в распоряжение МВД, МНО и МНК. В 1949 г. закрылись богословские факультеты во всех высших учебных заведениях страны. В ведении церкви осталось лишь несколько семинарий. По словам заведующего международным отделом ЦК КПЧ Б. Геминдера, молодежь отказывалась идти в них, и "работникам ЦК КПЧ пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы набрать в богословские семинарии 500 человек нужных для КПЧ молодых попов, верных народно-демократическому режиму"¹⁶.

В октябре 1949 г. парламент принял закон о материальном обеспечении церкви, цель которого, как правильно полагает К. Каплан, состояла в превращении священников в государственных служащих и создании таким образом действенного инструмента подчинения церкви государству. Ватикан под угрозой отлучения от церкви запретил священнослужителям принимать зарплату от государства, но чехословацкий епископат, собравшийся на заседание с разрешения Чепички, вынес компромиссное решение: низшее духовенство могло принимать ее и приносить присягу на верность государству, а епископы — нет. Послание к священникам подписали все епископы, кроме Я. Войташака (из Словакии) и архиепископа Берана. В декабре 1949 г. 90% священнослужителей католической церкви, по словам Чепички, подписали здравицу Сталину по случаю его семидесятилетия. В январе 1950 г. все они должны были присягнуть на верность республике, как устно, так и письменно¹⁷. В беседах с советскими дипломатами чехословацкие деятели характеризовали "Католическую акцию" как весьма успешную, поскольку, по словам Чепички, коммунистам удалось изолировать верхушку католической церкви от рядового духовенства, парализовать все мероприятия Ватикана, направленные на подрыв народно-демократического режи-

ма, а также в значительной степени подорвать авторитет Берана, который "по планам англо-американских кругов" должен был сыграть в Чехословакии "такую же роль, как Райк в Венгрии и Костов в Болгарии". Однако секретарь пражского горкома КПЧ А. Новотный в 1952 г. оценивал "Католическую акцию" как неудавшуюся, поскольку, по его словам, "патриоты-священники" действовали по указке Ватикана и проводили "более тонкую работу" против народно-демократического режима¹⁸.

Наступление на католическую церковь продолжалось. В апреле 1950 г. осуществлялась "акция К", направленная на ликвидацию монастырей и монашеских орденов. В ночь с 13 на 14 апреля вооруженные подразделения органов безопасности и милиции вывезли и интернировали в специальных (по сути, концентрационных) лагерях 2376 монахов мужских монастырей. Более тысячи из них приходилось на Словакию. В августе прекратили существование и женские монастыри. Только в Словакии они давали кров 1962 монахиням из 24 монашеских орденов¹⁹. В 1950 г. была насильственно ликвидирована греко-католическая церковь, к которой принадлежало более 6% населения (главным образом в Восточной Словакии), и верующие приписаны к православной церкви, поскольку она представлялась властям в силу своей независимости от Ватикана менее опасной. Из 288 священнослужителей православие приняли (некоторые под солидным давлением) только 96, более сотни были интернированы или изгнаны с места своего жительства, десятки арестованы. Остальные, по словам Фирлингера, являлись "кандидатами на репрессии и арест" в случае отказа до конца октября 1950 г. перейти в православие²⁰.

В марте 1951 г. присягу на верность режиму принесли шесть католических епископов. Сопrotивление церкви по существу было сломлено. С 1947 по 1950 г. численность духовенства в стране сократилась с 8 тыс. до 4300 лиц. Меры, направленные против церкви, в некоторых местах встречали противодействие верующих, сопровождалась локальными волнениями, попытками насильно освободить задержанных священников и монахов. Эти первые акции неповиновения подавлялись силами органов безопасности, милиции и армии; в столкновениях имелись убитые и раненые.

Одновременно с гонениями на церковь власть развернула широкомасштабную атеистическую кампанию; от коммунистов, среди которых к концу 1950 г. 64,5% являлись прихо-

жанами католической церкви, потребовали отказа от веры²¹. Как и в других странах советского блока — Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, — началась подготовка политических процессов над духовенством и в Чехословакии. В марте — апреле 1950 г. в Праге состоялся процесс по делу представителей ряда монашеских орденов (иезуитов, францисканцев и др.), которые обвинялись в шпионаже в пользу Ватикана, хранении оружия, ненависти к режиму, подготовке антигосударственного переворота. В январе 1951 г. на монстр-процессе в Братиславе епископ Я. Войташак получил 24 года тюремного заключения, епископы М. Бузалка и П. Гойдич — пожизненно. Первого освободили по амнистии президента в 1963 г., два других умерли в заключении соответственно в 1961 и 1960 годах. В 1950 — 1955 гг. проводился еще ряд процессов, в ходе которых в 1950 г. были осуждены 70, в 1951 г. — 74, в 1952 г. — 65, в 1953 г. — 73, в 1954 г. — 60, в 1955 г. — 46 священнослужителей. В 1956 г. общая картина расправы над католическим духовенством выглядела следующим образом: 433 иерарха, священника и богослова находились в тюрьмах, из них 383 обвинялись в измене родине, многие в шпионаже; 129 получили срок 10 лет, 148 — от 10 до 15, 63 — от 15 до 20, 39 — свыше 20 лет тюремного заключения. Активное сопротивление церкви власти коммунистов было сломлено в первой половине 50-х годов, но, как пишет словацкий исследователь Л. Липтак, проблема самого ее существования, нарушающего коммунистическую монополию на идеологию, мировоззрение и влияние на общественные дела, возникала перед режимом с разной степенью интенсивности вплоть до его конца²².

"Острый курс против реакции" предполагал не только расправу над церковью, но "наведение коммунистического порядка" и в других сферах жизнедеятельности государства, вставшего на путь социалистического строительства. Особо заботило власть состояние армии, и в первую очередь ее офицерского корпуса. Москва уже с начала 1947 г. подвергла резкой критике положение дел в чехословацкой армии, недостаточное влияние в ней коммунистов; недоверие выражалось и министру обороны Л. Свободе²³, который после февраля вступил в КПЧ. Компартия стала создавать в армии свои ячейки. Ставилась задача сменить офицерский корпус, укомплектовав его надежными с классово-политической точек зрения людьми. Первая "атака" на военных прошла в 1948 — 1949 гг. Тогда жертвами 32 процессов, большинство

из которых проходило тайно, стали 112 человек, преимущественно участников Сопротивления времен Второй мировой войны; десятая их часть была приговорена к смертной казни. В их числе оказался и генерал Г. Пика, возглавлявший в годы войны чехословацкую военную миссию в Москве, арестованный в мае 1948 г. и обвиненный в антисоветской деятельности. В результате политических чисток в армии число уволенных из нее офицеров к концу 1950 г. составляло 4835 человек. "Неблагонадежными" объявлялись все не имеющие "рабочего происхождения", а также те, кто обучался в военных учебных заведениях на Западе, служил в чехословацких частях на западном фронте или в армиях западных союзников²⁴.

С согласия руководства компартии Свобода обратился к советскому правительству с просьбой прислать группу советников для организации дела строительства новой армии. Москва 8 апреля 1950 г. ответила отказом, выразив недоверие Свободе, "с которым нельзя будет откровенно делиться военными секретами СССР". Свободу отправили на пенсию, "сослали" в деревню руководить теперь уже только государственным сельскохозяйственным предприятием. В июне 1950 г. министром национальной обороны стал зять Готвальда, бывший министр юстиции А. Чепичка. Вскоре после этого в Чехословакию прибыли советские военные советники под руководством генерал-полковника Гусева. В конце 1950 — первой половине 1951 г. с их помощью была проведена реорганизация армии. В сентябре 1951 г. в чехословацкой армии "работали" 73 советских генерала и полковника, прикомандированные к министру и его заместителям, командующим родами войск и округов, дивизий, начальникам училищ и военных академий²⁵. В благодарственном письме Сталину Готвальд подчеркивал, что армия "стоит на правильном пути в своем росте, воспитываясь по уставу и на опыте Советской армии". В 1954—1955 гг. число советских военных советников в ЧСР увеличилось до 264, а сфера их деятельности распространилась на полки²⁶.

Последовала новая волна репрессий и чисток генералитета и офицерского корпуса. Своих постов лишились все, кто подозревался в сотрудничестве со Свободой. Однако "меч правосудия" опустился и на головы его хулителей, приложивших руку к отставке опального министра и организации кадровых чисток, коммунистов Б. Райцина и В. Прохазки, которые занимали ответственные посты в армии. Они

обвинялись в связях с титовцами, шпионаже и государственной измене. Вместо уволенных в запас, арестованных, интернированных, расстрелянных и пр. в армию набирались новые, подготовленные на скорую руку офицеры. Офицерский корпус увеличился в 1951—1956 гг. с 19 765 до 47 447 человек, что было связано и с численным ростом армии. На три четверти корпус состоял из лиц, пришедших в ее ряды после февраля 1948 г., слабо подготовленных в профессиональном отношении, но "чистых" с классово-политической точек зрения²⁷.

Реорганизовывалась и "чистилась от реакции" не только армия, но и другие силовые ведомства, а также все звенья государственного аппарата в целом. Большую роль при этом играл институт советских советников. Документы российских архивов свидетельствуют, что руководство Чехословакии многократно обращалось к советскому правительству и лично Сталину с просьбами об их присылке в целях оказания помощи в перестройке различных министерств, отраслей промышленности и промышленных предприятий, кооперирования сельского хозяйства, налаживании планирования и государственного контроля, организации и проведения политических процессов, т.е. выстраивании жизни по советскому образцу. Чешские и словацкие государственные и политические деятели не скупились на заявления о необходимости копирования опыта СССР в строительстве нового социалистического общества. Москва, будучи кровно заинтересованной в усилении своего влияния в Чехословакии, охотно выполняла обращенные к ней просьбы, направляя в ЧСР на более или менее длительные сроки, как и в другие страны советского блока, своих советников²⁸. Особенно активно этот процесс шел в 1951—1952 гг. Была даже просьба прислать сроком на один год "главного советника для работы при чехословацком правительстве", на что советское руководство не пошло, опасаясь, возможно, обвинений в открытой узурпации власти в ЧСР²⁹. Запотоцкий и Широкий, отпуская комплименты в адрес советской Генеральной прокуратуры, являющейся, по их словам, "одной из самых важных гарантий соблюдения социалистической законности и укрепления государственной дисциплины", писали в Москву в феврале 1952 г. о необходимости создания в Чехословакии генеральной прокуратуры советского типа и переустройстве судопроизводства по советскому образцу. Надежды при этом возлагались на советских советников³⁰.

Руководили они и реорганизацией в Чехословакии службы государственной безопасности, которая была выделена из состава МВД и оформлена как Министерство национальной безопасности во главе с Л. Копрживой. Большую роль в его создании сыграли присланные по просьбе чехословацкой стороны Москвой Н.И. Макаров и М.Т. Лихачев. Они же помогали при организации и проведении первых политических процессов в Чехословакии, в частности раскрытию так называемого "вредительского заговора против республики", который возглавляла якобы М. Горакова, депутат парламента от ЧНСП, сложившая свой мандат после февраля 1948 г. Процесс, концепция которого и обвинительное заключение получили одобрение руководства КПЧ, состоялся в июне 1950 г. 13 деятелей бывшей национально-социалистической, социал-демократической и народной партий обвинялись в подготовке террористических акций и контрреволюционного переворота, намерениях уничтожить самостоятельность Чехословацкой республики и установленный в ней строй по указке шпионско-подрывных центров Америки, Англии, Франции, Югославии. Развернулась мощная пропагандистская кампания в поддержку обвинения, прошли многочисленные митинги и собрания с требованием самого сурового наказания "преступников". Четверых из обвиняемых, в том числе и Горакову, приговорили к смертной казни, четверых — к пожизненному заключению, остальные получили сроки от 15 до 28 лет. Готвальд отказался удовлетворить просьбу о помиловании. После главного состоялось 35 процессов на местах, которые должны были продемонстрировать "разветвленность" раскрытого заговора. Перед судами предстали 639 лиц, десять из которых получили высшую меру наказания, 48 — пожизненное заключение. Всех осужденных реабилитировали после 1989 г.³¹

Одновременно началась подготовка процессов по делам так называемых буржуазных националистов, троцкистов и правых оппортунистов, импульсом к которой послужила резолюция Информбюро о Югославии и получившие широкую огласку в коммунистических кругах "дела" К. Додзе в Албании, Л. Райка в Венгрии, Т. Костова в Болгарии, В. Гомулки в Польше, Л. Патрашкану в Румынии. Укрепившись на политическом Олимпе, КПЧ приступила к "чистке" собственных рядов, чтобы избавиться от инакомыслия и покарать его носителей. Однако этот процесс развернулся не сразу, а набирал силу постепенно, что обуславливалось внутри- и

внешнеполитическими факторами. Готвальд, как считают современные исследователи, относительно долго сопротивлялся указаниям найти "чехословацкого райка" в руководимой им компартии. Присланные из Москвы по линии госбезопасности советники "помогли" ему преодолеть колебания. Другие руководители КПЧ, например, Сланский и пользовавшийся его поддержкой Широкий, оказались более решительными и уже осенью 1948 г. приступили к поискам врагов в рядах компартии. На заседании ЦК КПС 21 – 28 сентября 1948 г. Широкий, в частности, говорил о том, что "проблема националистических уклонов становится сегодня большой опасностью" и что руководящие органы партии не уберечь от влияния мелкобуржуазного национализма. Под последним понималось "приспособление интернационалистской политики рабочего класса националистической политике буржуазии". Исправить положение предполагалось путем проведения "ясной большевистской линии", "очищения руководящих постов партии и вообще общественной жизни от уклонистов и оппортунистов"³². Камень был брошен явно в "огород" Г. Гусака и его сторонников в руководстве КПС, имевших, как уже говорилось ранее, собственные представления о национальной политике Праги и государственно-правовом положении Словакии в рамках Чехословакии, которую они еще со времен войны представляли себе как федеративное государство. В скором времени термин "мелкобуржуазный" в характеристике национализма был заменен более жестким определением "буржуазный".

В первой половине 1949 г. в компартиях Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии "буржуазные националисты" или уже были "разоблачены", или шла активная подготовка к этому. Чехословакия оказалась в числе "отстающих". М. Ракоши во время своего визита в Прагу 21 – 24 июня 1949 г. передал Готвальду список 65 чехословацких граждан, "англо-американских шпионов", якобы связанных с "делом Райка". Среди них значились два члена Политбюро ЦК КПЧ: министр внутренних дел В. Носек и министр иностранных дел В. Клементис, находившиеся во время войны в Лондоне. Кроме того, в шпионаже подозревались заместитель министра иностранных дел А. Лондон, один из высокопоставленных дипломатов В. Гайду, глава народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ и советник Готвальда по экономическим вопросам Л. Фрейка, секретари крупнейших областных организаций партии О. Шлинг, К. Мошко, Б. Гаек, Е. Полак и

большая группа словацких политиков, в том числе Г. Гусак, Э. Фриш, С. Фалтян. Готвальд подверг сомнению сведения, содержащиеся в переданном ему списке, обещал провести собственное расследование и просил не упоминать чехословацкие имена во время процесса над Райком, поскольку не верил в то, что "старые заслуженные члены партии могут стать шпионами". Готвальд полагал: "Райка у нас нет"³³. Дело пошло не так быстро, как, например, хотелось бы в Будапеште, Бухаресте и Варшаве, руководители компартий которых не упускали случая высказать свое удивление столь медленным процессом "разоблачения". Ракоши порекомендовал Готвальду обратиться в Москву с просьбой прислать опытных советников из министерства госбезопасности для помощи в организации следствия. Готвальд внял совету и получил от Сталина положительный ответ. Кстати, кандидатуры работников такого рода обсуждались и утверждались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). После завершения "дела Райка", Лихачев и Макаров были откомандированы в Прагу.

Уже в ноябре 1949 г. аресту подверглись три видных деятеля КПЧ: заместитель министра внешней торговли Е. Лёбл, шеф-редактор "Руде право" В. Новы, советник по экономическим вопросам председателя правительства М. Рейман. Из них-то и "выбивались" показания о наличии в Чехословакии "буржуазно-националистической группы заговорщиков" во главе с В. Клементисом. Февральский 1950 г. пленум ЦК КПЧ, по словам советского дипломата П. Крекотеня, "явился поворотным пунктом в постановке вопроса о борьбе за чистоту рядов партии, о повышении бдительности, о развертывании критики и самокритики". Сланский, характеризуя пленум в беседе с советским послом Силиным, заявил, что в доклад Готвальда вошли "все указания тов. Сталина", что решения пленума являются по существу "оформлением указаний", которые Сланский, находясь в Москве, получил в ЦК ВКП(б)³⁴. В начале марта 1950 г. Клементиса сняли со всех постов и объявили "чехословацким райком", задачей которого было "вывести Чехословакию из-под влияния Советского Союза и включить ее в западный империалистический блок"³⁵. По некоторым сведениям Сталин во время встречи с делегацией КПЧ на XIX съезде КПСС в Москве в октябре 1952 г. якобы выразил сомнение в виновности Клементиса, сказав, что "мы считаем его верным человеком", но против суда над ним не возражал³⁶. Министром иностранных дел ЧСР стал Широкий. Через некоторое время в "кам-

паний" с Клементисом оказались председатель Корпуса уполномоченных в Словакии Гусак и уполномоченный министерства просвещения в Словакии Новомеский. Вопрос о К. Шмидке пока оставался открытым ввиду его "рабочего происхождения" и поисков связей с "титовцами". На IX съезде КПС в мае 1950 г. Клементис, Гусак, Новомеский и Шмидке подверглись жесткой критике за "буржуазно-националистический уклон" и выступили с самокритикой своей деятельности на государственных и партийных постах. Широкий в беседе с Силиным оценил выступления Клементиса и Шмидке как "глупые", заявив, что они не понимают "в чем смысл этой борьбы". Новомеского Широкий считал человеком "честным, но заблуждающимся". О Гусаке, которого, по словам Силина, он "лично не любит, даже не терпит", Широкий говорил "сдержанно", но считал его речь "удовлетворительной" и полагал, что Гусак и Новомеский "еще могут доказать на практической работе, способны ли они понять марксистско-ленинскую теорию по национальному вопросу". После съезда Гусаку предложили должность заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПС, Новомеский получил пост президента словацкой Академии наук и искусств, Шмидке, до того заведовавшего отделом кадров ЦК КПС, назначили директором одного из братиславских заводов³⁷. Сбор компромата на них продолжался.

Летом 1950 г. в Чехословакию прибыл новый советник МГБ СССР В.А. Боярский, при содействии которого Копржива начал "раскручивать" дело секретаря Брненского краевого секретаря КПЧ О. Шлинга — "агента иностранной разведки". В покровительстве ему обвинялась член Президиума ЦК КПЧ, заместитель генерального секретаря партии М. Швермова (вдова Я. Швермы), находившаяся в близких отношениях со Шлингом. В компрометирующих его материалах, которые начали поступать в советское посольство с осени 1949 г., он обвинялся в недружелюбных настроениях по отношению к Советскому Союзу, в диктаторских методах руководства парторганизацией, в неправильной кадровой политике и т.д.³⁸ 6 октября 1950 г. Шлинга арестовали. В партии начались активные поиски его сторонников, которые превратились в массовую карательную акцию, направленную против высоких партийных функционеров и государственных служащих. Среди арестованных находились Клементис, Гусак, Новомеский и другие словацкие деятели (Л. Голдош, Д. Окали), сотрудники МИД А. Лондон и

В. Гайду, генералы и высшие офицеры (в том числе заместитель министра обороны Б. Райцин), руководители службы безопасности (М. Завадский, Т. Балаж, К. Черный, О. Валеш и др.), служащие МВД (в том числе заместитель министра К. Шваб, брат Швермовой), секретари краевых парторганизаций (Г. Ломский, М. Ланда, В. Фукс, Полак); в начале 1951 г. в Чешских землях лишились своих постов семь из 15 краевых секретарей. Из Национального собрания были отозваны многие депутаты-коммунисты. Парламент принял решение, дававшее возможность партиям и общественным организациям кооптировать вместо отозванных новых депутатов. Общее число арестованных на 1 января 1951 г. составляло, согласно сообщению, направленному из советского посольства в Праге А.Я. Вышинскому, 895 человек, в том числе за шпионаж — 247, участие в националистических, троцкистских и других подпольных организациях — 129, за прочую антигосударственную деятельность — 281, за саботаж — 100, за антигосударственную агитацию и пропаганду — 80 и т.д.³⁹

Февральский пленум ЦК КПЧ 1951 г. заслушал доклады В. Копецкого и Ш. Баштёванского о ведении следствия по делам Шлинга и Швермовой, а также Клементиса и "фракционной антипартийной группы буржуазных националистов в КПС". В обоих докладах формулировалась политическая концепция готовившихся процессов. Согласно ей, целью группы Шлинга являлось устранение от руководства партией Готвальда, Сланского и Запотоцкого, назначение Швермовой на должность генерального секретаря партии и переход Чехословакии в антисоветский лагерь "по пути Тито". Словацкие "буржуазные националисты" якобы ставили аналогичные цели, для чего и стремились овладеть властью. 21 февраля арестовали Швермову. В беседе с Силиным Копецкий подчеркивал, что "Чехословакия присоединилась к общему стану стран народной демократии и приобрела большое доверие в связи с разгромом банды Швермовой — Клементиса"⁴⁰.

Однако всего этого оказалось мало. Именно тогда в Советском Союзе набирала силу антиссионистская кампания, борьба против "безродных космополитов". Под руководством советников МГБ СССР, которых с лета 1951 г. возглавлял А.Д. Бесчастнов, к ней подключились чехословацкие органы госбезопасности. Много евреев находилось и среди ранее арестованных партийных и государственных деятелей,

но требовалась более масштабная фигура. Начался сбор компромата на Генерального секретаря КПЧ Р. Сланского, по существу, второго после Готвальда, лица государства, приложившего свою руку ко всем ранее организованным процессам. Под подозрение в связях с "англо-американскими агентами" попал заведующий международным отделом ЦК КПЧ Б. Геминдер, долго живший в Москве, в прошлом директор Института № 205 при Отделе международной информации ЦК ВКП(б), сам ранее неоднократно "уличавший" своих чехословацких коллег при общении с советскими дипломатами в "неблаговидных" делах. Вынужденные показания против Сланского все чаще стали давать при допросах арестованные. Его, как ответственного за кадровую политику, обвиняли в намеренном назначении неблагонадежных людей на важные партийные и государственные посты. Главный следователь с чехословацкой стороны Доубек под руководством Боярского на основании показаний арестованных подготовил информацию для Копрживы, которую в июле 1951 г. направил в Москву. После совещания с Готвальдом министр национальной безопасности отдал приказ продолжать расследование.

Сталин, получивший сообщение, 20 июля направил письмо Готвальду, в котором говорилось, что собранные материалы являются недостаточными для обвинения Сланского и Геминдера, и пригласил Готвальда в Москву для обсуждения вопроса. Согласившись с мнением Сталина и выразив сомнения в правдивости показаний, на которых строились обвинения, Готвальд направил в Москву своего зятя министра обороны А. Чепичку, которого в тот же день принял Сталин. На встрече присутствовали В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.И. Булганин, Л.М. Каганович и Н.С. Хрущев. Советский лидер, подтвердив свою точку зрения, высказанную в письме Готвальду, все же сказал, что Сланский оказался "подслеповатым и слишком доверчивым" и ввиду своих ошибок в кадровой политике не может далее оставаться на посту генерального секретаря КПЧ. 24 июля Сталин написал об этом Готвальду, который в своем ответе от 26 июля сообщил о переходе Сланского на работу в правительство в качестве заместителя председателя, с чем Сталин согласился⁴¹. 31 июля торжественно отмечалось 50-летие Сланского, который получил высшую чехословацкую награду "Орден республики" и поздравления от ряда коммунистических партий. Из Москвы поздравления не пришло.

Следствие по делу Сланского, несмотря на запрет Готвальда, продолжалось. Готовилась и реорганизация партийного аппарата, для чего по просьбе Готвальда в Прагу также были направлены советские советники: упразднялась должность генерального секретаря партии, создавались политсекретариат и оргсекретариат, руководителем которых стал Готвальд. Усилился поток компромата на Сланского, идущий через советское посольство в Праге. Его "поставщиками" являлись А. Чепичка, В. Копецкий, А. Новотный, Ю. Дюриш, З. Неедлы, А. Запотоцкий и др.⁴² 6 октября состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором Сланский признал свои ошибки в кадровой политике. Однако, по мнению Чепички, его выступление было "несамокритичным, бесхребетным, и, самое главное, неискренним". Всю вину за ведение "вражеской работы" в аппарате ЦК Сланский возложил на Швермову. Копецкий резко осудил попытку Сланского "стать в партии выше Готвальда", который раскритиковал неправильные методы работы партийного аппарата, могущие привести к образованию двух центров власти. Именно эту мысль разработчики дела Сланского и положили в основу новой концепции его обвинения. Но идеологической доминантой готовившегося процесса стала борьба против сионизма, еврейского буржуазного национализма, как полагали тогда в Москве, главной международной угрозы строительству социализма.

Сталин держал "дело" Сланского на контроле, получая регулярно информацию из Праги, как по линии МГБ через советских советников, так и по дипломатическим каналам⁴³ 11 ноября (по другим данным — 22 ноября) в Прагу с краткосрочным визитом прибыл А.И. Микоян, который привез рекомендации Сталина об аресте Сланского ввиду его возможного бегства за границу. Готвальд после некоторых колебаний согласился с этим, считая, что "Сталин всегда давал нам хорошие советы и имеет в руках доказательства, которых у нас нет"⁴⁴. В ночь с 23 на 24 ноября Сланский был арестован и объявлен главой "антигосударственного заговорщического центра". 6 декабря состоялся пленум ЦК КПЧ, единогласно одоббивший арест. Работавшие вместе со Сланским Г. Бареш, Й. Франк, И. Гендрих говорили о том, что он готовил "заговор в самом центре партии, в ЦК КПЧ, опираясь на агентуру иностранной разведки", что он "тормозил использование опыта работы ВКП(б) чехословацкой компартией", что он самолично решал все важнейшие вопросы, не ставя их на обсуждение ни секретариата, ни президиума партии.

А. Новотный, введенный в оргсекретариат, сообщил о подозрениях, существовавших в отношении ряда видных партийно-государственных деятелей. Последовал арест работавших со Сланским Б. Геминдера, Я. Тауссиговой, Й. Франка, Л. Фрейки, Й. Гольдмана и др. Подозрения пали и на Копрживу, которого Сталин считал "человеком Сланского" и советовал освободить с поста министра госбезопасности⁴⁵. Копржива был не только снят с работы, но и арестован в 1952 г. Следствием по раскрытию "связей группы Сланского с международным сионизмом" руководили советские советники; раз в неделю о его ходе докладывалось Готвальду. Сланский, находясь в тюрьме, пытался покончить жизнь самоубийством. Это, по мнению Готвальда, лишний раз подтверждало, что бывший генеральный секретарь партии — "крупный враг"⁴⁶. По указке сверху по стране прокатилась волна митингов и партийных собраний, участники которых требовали самого строгого наказания "заговорщиков". Через год, 20 ноября 1952 г., начался процесс по "делу" Сланского, который продолжался восемь дней и к которому были "подключены" также ранее арестованные Клементис, Райцин, Лондон, Шваб, Лёбл и др. Из 14 обвиняемых 11 являлись евреями. Суд вынес 11 смертных приговоров, трое получили пожизненное заключение. Готвальд после совещания с руководством КПЧ отклонил все ходатайства о помиловании. 3 декабря смертный приговор был приведен в исполнение.

На осужденных в ходе политических процессов 1951 — 1952 гг. руководство КПЧ перекадывало всю ответственность за нарастание в стране социально-экономической напряженности и за неудачи в деле ускоренного строительства социализма в Чехословакии.

Ускоренная модернизация экономики по советскому образцу

Таков политический фон внедрения коммунистической модели экономики в Чехословакии, осуществлявшегося под лозунгом "Советский Союз — наш пример". Она, эта модель, принималась, конечно, под давлением Москвы, явно в сложившихся условиях заинтересованной в развитии хозяйства стран советского блока по единому образцу, единому шаблону, но не без активного участия руководства этих стран, стремившегося в угоду московскому патрону выглядеть "правовернее самого папы римского" и проявлявшего

зачастую необузданное рвение в реализации планов перестройки. Политика Москвы, по мнению ряда российских исследователей, "была в высшей степени прагматичной, соотносилась с конкретными историческими реалиями и вовсе не сводилась к примитивному политическому диктату. Коммунистические лидеры стран Восточной Европы были единомышленниками советского руководства, а вовсе не статистами... Для Сталина определяющими были интересы формирующегося советского военно-политического блока. Для лидеров восточноевропейских компартий, внутри которых шла непрерывная борьба за место на партийном Олимпе,... во многом определяющим становилось сохранение личной власти. Последнее можно было обеспечить лишь в союзе со Сталиным⁴⁷. С этим утверждением, основанном на изучении материалов российских архивов, можно согласиться.

Конец 40-х — начало 50-х годов — время резкого обострения международной обстановки, роста напряженности в отношениях двух противостоявших друг другу военно-политических блоков, усиления "холодной войны" с тенденцией ее перерастания в вооруженные столкновения (Корея, 1950 — 1953 гг.). Это повлекло за собой гонку вооружений и ускоренную милитаризацию экономики обоих противоборствующих лагерей, что, в свою очередь, сказалось на темпах и методах внутренних преобразований в странах советского блока, в том числе и в Чехословакии. Созданный в январе 1949 г. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) призван был в сложившихся условиях содействовать планомерному развитию хозяйства стран советского блока, углублению их сотрудничества и экономической интеграции. СЭВ теоретически основывался на началах суверенного равенства всех стран-членов, уважения их независимости и национальных интересов, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи. На деле же, как стало ясно впоследствии, решающее слово в этой организации принадлежало Советскому Союзу, хотя, особенно в начале, каждая из стран-участниц пыталась заявлять о своих национальных интересах. В условиях усиливавшейся экономической блокады европейских стран "народной демократии" со стороны Запада ЧСР, а также ГДР, как развитым в промышленном отношении государствам, отводилась особая роль в реконструкции экономики других, преимущественно аграрных, стран формирующегося социалистичес-

кого содружества. Не менее важной являлась задача технического перевооружения всех отраслей хозяйства самой Чехословакии.

К концу 1948 г. была, в общем, достигнута основная цель двухлетнего плана хозяйственного развития страны (1947—1948 гг.) — восстановление предвоенного уровня экономики. Примерно на 1,5% возросла продукция промышленности, прежде всего тяжелой (на 25%), в то время как отрасли легкой индустрии (пищевой, текстильной, деревообрабатывающей, стекольной и т.д.) еще полностью не восстановились. В Словакии промышленное производство почти вдвое превзошло довоенное: интенсивно строились новые предприятия, завершилось начатое в 1945—1946 гг. перемещение сюда фабрик и заводов из чешских пограничных районов, откуда выселялось немецкое население. Плановые задания по сельскому хозяйству выполнены не были: его продукция составляла лишь три четверти уровня 1937 г., что в значительной степени являлось результатом жесточайшей засухи 1947 г., нехватки рабочих рук, прежде всего в Чешских землях, недостаточности механизации сельскохозяйственных работ.

Уже после выполнения двухлетки в экономике страны, главным образом в промышленности, возник мощный государственный сектор, именованный социалистическим, хотя государство по-прежнему, особенно в первой половине 50-х годов, называлось "народно-демократическим". В этом секторе трудилось 46% самодеятельного населения и создавалось 70% национального дохода. В городе весьма многочисленным являлся слой мелких производителей. Основную массу деревенского населения составляли частные собственники, получившие землю по аграрной реформе 1945—1948 гг.

К осени 1948 г. был разработан и в октябре утвержден Национальным собранием в качестве закона пятилетний план развития экономики на 1949—1953 гг., важнейшей целью которого стало создание материально-технической базы социализма. План предусматривал глубокую структурную перестройку промышленности в соответствии с теми внутренними и внешнеэкономическими задачами, которые ставились перед Чехословакией как звеном формирующегося социалистического содружества, а несколько позже — членом СЭВ. К числу внутренних относились техническая реконструкция всех отраслей экономики страны, перевооружение

армии, повышение благосостояния трудящихся, обеспечение независимости страны от капиталистического, т.е. западного, рынка, к числу внешних — помощь другим странам, приступившим к строительству социализма, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства по советскому образцу. Многие из разработчиков первой пятилетки, в том числе и высшие функционеры компартии, в первой половине 50-х годов попали в разряд "классовых врагов" и подверглись репрессиям: на них сваливали все неудачи и провалы в экономической политике⁴⁸.

План намечал солидное увеличение промышленного производства (на 57%) при особом внимании к развитию машиностроения, горнодобывающей и химической отраслей, энергетической базы. Планировался и подъем (на 20%) ремесленного производства при ориентации на создание производственных кооперативов в целях включения мелких городских предпринимателей в процесс социалистического строительства. Важнейшей задачей, согласно плану, должна была стать индустриализация Словакии, ее экономическое выравнивание с Чешскими землями. Объем промышленной продукции этой в основном аграрной области предполагалось повысить на 75%. Выполнение поставленной задачи, как полагало руководство КПЧ, занимало важное место в комплексе проблем, связанных с решением национального вопроса в Чехословакии. Однако, как стало ясно впоследствии, тогда существовал упрощенный подход к нему: все дело сводилось преимущественно к экономическому подтягиванию Словакии до уровня Чешских земель без учета политических и национально-психологических аспектов проблемы. Необоснованно сохранялись узаконенные на предыдущем этапе развития ограничения законодательной власти Словацкого национального совета и компетенции Корпуса уполномоченных, закрепленные и конституционно. В духе довоенного чехословакизма, как пишет Л. Липтак, чешские коммунисты взяли на вооружение представление о постепенном слиянии чешского и словацкого народов⁴⁹.

Высокими темпами (7,4% в год), согласно пятилетнему плану, намечалось развивать сельское хозяйство, продукция которого в этом случае возросла бы на 37%. Подчеркивалась необходимость поощрять развитие в деревне всех видов кооперативов и государственных хозяйств, товарность которых, как предполагалось, будет выше, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Деревня, как и в СССР в период

индустриализации, должна была стать одним из источников средств, правда, в меньших масштабах, для структурной перестройки промышленности. Таким образом, сельское хозяйство, по мнению руководства страны, стало бы тем звеном, ухватившись за которое можно было начать вытягивать всю цепь социалистического строительства. О важности "правильного" подхода к решению аграрного вопроса при опоре на опыт ВКП(б) говорилось и в резолюции о Югославии, принятой Коминформом летом 1948 г. Осенью того же года был в общих чертах готов план перестройки сельскохозяйственной кооперации, и ранее весьма развитой в Чехословакии. Основной его идеей стало создание единых, универсальных кооперативов, объединяющих все виды хозяйственной деятельности на селе. Вопросы аграрной политики партии заняли центральное место в работе пленума ЦК КПЧ в ноябре 1948 г. Следует отметить, что, несмотря на усилившиеся в партии и среди части ее руководства (А. Запотоцкий, М. Швермова, В. Копецкий и др.) настроения в пользу создания в стране колхозов, решили не торопиться с этим и начать с создания предпосылок для движения деревни к социализму. Среди первых в этом плане задач намечалось ограничение и вытеснение капиталистических элементов в деревне, т.е. кулаков. Этот термин, взятый из советского лексикона, тогда предпочитали не употреблять, заменив его термином "деревенский богач", чтобы не создавать у крестьян нежелательных ассоциаций. В пропаганде не употреблялся и термин "коллективизация", место которого занял термин "кооперирование" сельского хозяйства. Пока не поднимался и вопрос о национализации земли. Крестьянство было напугано слухами о грядущем создании колхозов и потере в связи с этим наделов, полученных по аграрной реформе. Ноябрьский пленум принял решение о поддержке всех видов, и особенно производственной формы, кооперативного движения на селе, об укреплении и расширении его материально-технической базы путем создания густой сети машинно-тракторных станций, об улучшении работы госхозов, как образцовых крупнотоварных сельскохозяйственных предприятий социалистического типа. В феврале 1949 г. появился закон о единых сельскохозяйственных кооперативах (ЕСХК), в которых, как предполагалось, будут развиваться выгодные, прежде всего мелким и средним крестьянам, виды деятельности. Подчеркивался принцип добровольности при вступлении в ЕСХК, сохранения права частной собст-

венности на землю членов кооператива. Намечался постепенный переход от кооперативов низшего к кооперативам высшего типа (всего их было 4), которые отличались друг от друга степенью обобществления основных средств производства и распределением доходов. Уже в 1949 г. стали создаваться ЕСХК 1-го типа.

В начале 50-х годов усилилась международная напряженность. Стала ощутимой угроза возникновения новой мировой войны. В связи с этим в феврале 1950 г. принимается решение о частичном пересмотре заданий пятилетнего плана в сторону их увеличения. Оно касалось прежде всего промышленности и особенно ее тяжелых отраслей. Уточнялись направления индустриализации Словакии: если раньше здесь предполагалось развивать преимущественно отрасли легкой промышленности, то теперь — тяжелой, превратив эту область в "край железа и стали". Сюда же перемещалось и производство вооружения, поскольку Словакия была наиболее удалена от границ соприкосновения со странами НАТО. Тем самым деформировалась структура ее промышленности, нацеленная главным образом на развитие предприятий оборонного значения. Чехословакия, включая Словакию, превратилась в огромную строительную площадку. Началось возведение нового металлургического комбината в Кунцице, металлургических заводов в Истебне и Кромпахах, алюминиевого завода в Ждиаре над Гроном, важных гидросооружений: Слапской плотины, Плотины молодежи, каскада электростанций на Ваге и т.д. В Восточной Словакии развернулось строительство железной дороги, получившей наименование "Дорога дружбы", которая должна была способствовать укреплению экономического сотрудничества с Советским Союзом. Лейтмотивом общественной жизни Чехословакии в это время стал пропагандируемый КПЧ лозунг "Крепи отчизну — поможешь делу мира!".

Судя по прессе и официальным речам, трудящихся охватил невиданный энтузиазм. Коммунисты выступали застрельщиками социалистического соревнования, движения новаторов и рационализаторов, ударников социалистического труда, инициаторами принятия встречных, повышенных, планов. Очевидно, некоторые слои населения, которым новая власть помогла подняться по социальной и служебной лестнице, прежде всего партийные и государственные чиновники, часть рабочего класса, которому во главе с его авангардом, КПЧ, отводилась роль руководителя общества в

деле социалистической перестройки, действительно испытывали эмоциональный подъем в надежде на светлое будущее. Однако появлялось все больше недовольных новой властью, не выполнявшей данных ею обещаний. По-прежнему острой оставалась продовольственная проблема, что особенно сказывалось на настроениях горожан. Крестьяне и мелкие городские предприниматели жили в постоянном страхе за свою собственность, поскольку перспектива ее обобществления становилась все более очевидной. Не лучшие времена переживала старая интеллигенция и специалисты, отстраненные от дел. Студенты были недовольны включением в программу высших учебных заведений, которые реорганизовывались по советскому образцу, курса основ марксизма-ленинизма, политэкономии и советского права. Удушливую атмосферу в обществе создавала висевшая над ним непрерывная угроза "разоблачений" и репрессий. Всем этим, естественно, не могли не воспользоваться западные средства массовой информации, которые поставляли сведения о положении в стране и мире, значительно отличавшиеся от официальных "фанфарных" оценок и оказывавшие влияние на формирование общественного мнения. Антизападная пропаганда, глушение "вражеских" радиостанций, активно проводившиеся по указанию и поддержке Москвы, давали лишь частичные результаты. В это же время стало постепенно остывать восторженное отношение к СССР как освободителю Чехословакии от нацистского ярма. Возможно, тут имел место и обратный эффект: общество, "перекормленное" лозунгом "Советский Союз — наш пример", начертанным на многочисленных транспарантах, которые украшали стены заводов, предприятий, учреждений, школ, институтов и т.д., а также звучавшим по радио и глядевшим на читателя со страниц прессы, рефлекторно стало отторгать его. Однако все это недовольство зрело подспудно и не проявлялось пока открыто.

Среди реляций в Москву о крепнущей дружбе советского и чехословацкого народов, об использовании советского опыта в социалистическом строительстве, о безмерной любви к Сталину, письмо к которому по случаю его семидесятилетия подписали 8 млн человек из 12 млн жителей и которому было собрано 15 — 20 вагонов подарков⁵⁰, диссонансом звучали сообщения о зреющем в обществе недовольстве и падении авторитета СССР. Корреспондент ТАСС в Чехословакии В.С. Медов информировал 15 мая 1949 г. Москву о

том, что "за последнее время заметно охладели отношения общей массы чехов к Советскому Союзу", что это "наблюдается не только со стороны мелкобуржуазных элементов, обывателей, но и со стороны определенной передовой части населения". "Становится заметнее, — писал корреспондент, — когда отдельные работники или организации, принимая что-либо в интересах укрепления связей между Советским Союзом и Чехословакией, делают это без прежнего воодушевления". Он отмечал, что за последний год резко упало "общее политическое настроение широких масс", что недовольство охватило довольно широкие слои трудящихся, что оно не ослабевает и даже усиливается, что растет число рабочих и даже членов партии, которые крайне нейтрально и холодно относятся к существующему режиму в связи со все возрастающими экономическими проблемами в стране, за которые "чехи сваливают вину на СССР"⁵¹. В донесениях из советского посольства сообщалось об отрицательном отношении к новому режиму значительной части интеллигенции, в первую очередь творческих и гуманитарных профессий, студенчества. Так, М. Швермова, беседовавшая с советским послом Силиным в сентябре 1949 г., заметила, что в интеллигенции, которая хорошо поддерживала КПЧ после февраля 1948 г., "намечается нечто новое". Одни, по ее словам, идут за КПЧ, другие, "неустойчивые", "замыкаются в себе, уходят от компартии и становятся активными пособниками различных шпионских групп и участниками различных антиправительственных мероприятий со стороны реакции"⁵². В другом сообщении из посольства в начале 1950 г. говорилось об отрицательном отношении научно-технической интеллигенции к народно-демократическому строю. И это немудрено, поскольку, как следовало из донесения, "было произведено поголовное избиение технической интеллигенции..., ряд отраслей промышленности полностью лишились кадров". Хотя почти все директора заводов были заменены "выдвиженцами из рабочих", но в среднем звене специалистов большинство относилось все еще к старым кадрам⁵³.

Крестьянство с его глубокими традициями частной собственности на землю с опасениями взирало на усилия властей обобществить в той или иной форме средства производства, и главное из них — землю, и ущемить, а по возможности и ликвидировать, "деревенских богачей", которые нередко пользовались немалым авторитетом у односельчан как

умелые и рачительные хозяева. Готвальд, понимавший, что форс-мажорные методы перевода деревни на социалистические рельсы, могут произвести только отрицательный эффект и дискредитировать идею перехода деревни к крупнотоварному производству, сначала был нацелен на ее постепенную реализацию. В беседе с сотрудником ЦК ВКП(б) Л.С. Барановым в мае 1949 г. он подчеркивал "особые трудности, которые предстоят в деревне", и заявил, что в Чехословакии "готовятся к осуществлению коллективизации, но сейчас не хотят об этом шуметь, чтобы не напугать крестьян". "У меня создалось впечатление, — сообщал Баранов, — что Готвальд и некоторые другие руководители КПЧ не только боятся приступить к практической работе по социалистической переделке деревни, но они боятся вслух произнести слово колхоз"⁵⁴. И тут, думается, информатор был прав. Мнение о неприемлемости колхозов для Чехословакии, об "особой" психологии чешского и словацкого крестьянина разделяли, как считал Силин, также некоторые чехословацкие министры и руководители КПЧ. Посол сообщал Молотову 27 октября 1949 г., что "Готвальд запрещает кому бы то ни было говорить и писать в печати о коллективизации деревни в Чехословакии". "Жизнь уже перегоняет тов. Готвальда. Ему не хочется признать, что они допустили в этом вопросе ошибку. Следовало бы как-то намекнуть тов. Готвальду, что они могут перейти... к политике коллективизации и создания ТОЗов и артелей"⁵⁵, — писал Силин. Возможно, намек был сделан еще ранее, так как 28 октября 1949 г. Готвальд принял делегацию лучших работников ЕСХК. После беседы с президентом, по словам главного редактора "Руде право" М. Карного, состоялась дискуссия о практической организации колхозов в Чехословакии. В итоге дискуссии все же "пришли к выводу, что к организации колхозов следует приступать не спеша, тщательно все подготовив и взвесив"⁵⁶.

Решение о некотором повышении темпов развития промышленности в начале 1950 г. повлекло за собой "рекомендацию" партийных органов, что на практике означало "приказ", ускорить создание производственных сельскохозяйственных кооперативов, где объединялись земля и скот, а доходы делились преимущественно или только в соответствии с затраченным трудом. К концу 1950 г. в кооперативах второго — четвертого типов было объединено 10% крестьянских хозяйств страны. Более 60% их членов составляли мелкие крестьяне и рабочие с наделом земли, "коворольники", око-

ло трети — середняки. Инициаторами создания ЕСХК зачастую выступали коммунисты: ими являлись примерно две трети членов кооперативов в Чешских землях и одна треть — в Словакии.

"Деревенские богачи", согласно уставу ЕСХК, могли участвовать в руководстве кооперативом, составляя не более 5% членов его правления⁵⁷. Время для ликвидации кулачества "как класса" еще не пришло: этому препятствовали как политические, так и экономические соображения (в хозяйствах с наделом более 20 га производилась значительная часть сельскохозяйственной продукции). Политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов, ограничения их влияния в деревне пока предполагалось осуществлять при помощи налоговой политики, политики цен, нормированного снабжения, мер, касавшихся механизации сельского хозяйства, применения соответствующих положений закона об охране республики, направленных на пресечение спекуляции и "черного рынка", привлечения к ответственности за невыполнение предписанного контингента поставок сельскохозяйственных продуктов, за препятствие созданию ЕСХК, за нарушение множества других законов, постановлений и распоряжений властей и т.д. Суды, рассматривавшие дела такого рода, проходили уже в 1950 г., но массовый характер приобрели в последующие годы.

Однако среди коммунистических функционеров, проводивших политику партии в деревне, и рядовых коммунистов отсутствовали ясные представления о том, кого можно считать "деревенским богачом". Хотя размер земельного надела как критерий его определения признали неправильным, но на практике именно он служил ориентиром, а во множестве случаев и решающим аргументом, при отнесении того или иного земельного собственника в разряд "кулака". Одновременно все настойчивее звучали голоса о необходимости ликвидации этой группы сельского населения, враждебно относившейся к политике производственного кооперирования деревни. Предлагались такие меры, как назначение национального управления в хозяйства "богачей", лишение их земли, выселение в другие районы, применение против них различного рода "административных", что подразумевало репрессивных, мер. Руководство КПЧ в мае 1950 г., хотя и предупреждало о недопустимости таких мер в массовом порядке, но допускало их применение в отдельных случаях и при поддержке основной массы деревенско-

го населения. Интересно отметить, что тогда членами компартии являлись 6600 крестьян с наделами земли свыше 15 га, в том числе 6012 в Чешских землях и 588 в Словакии. Это составляло 3,9% всех сельских коммунистов. Число крестьян, по различным причинам отказавшихся от самостоятельного ведения хозяйства, в том числе и тех, у кого землю отобрали власти, значительно выросло во второй половине 1950 г. Вместе с тем, среди "отказников" находилось много средних и мелких собственников, которые из-за опасений коллективизации, переходили на работу в город, где обозначилась острая нехватка рабочих рук, особенно в приоритетных для того времени отраслях тяжелой промышленности и в строительстве⁵⁸.

В третий, 1951 г. своей хозяйственной пятилетки Чехословакия вступала в условиях повышенного спроса складывавшегося социалистического рынка на ее промышленную продукцию, в первую очередь оборудование и военную технику. Рост этого спроса явился результатом высоких темпов индустриализации стран советского блока, имевшей, как в свое время в СССР, экстенсивные формы с акцентом на отрасли тяжелой промышленности. Все более явственной в связи с эскалацией военных действий в Корее казалась угроза начала новой мировой войны. Как и коммунистические партии других стран "народной демократии", КПЧ взяла курс на ускорение темпов социалистического строительства. В начале 1951 г. во второй раз пересматриваются и существенно увеличиваются задания первого пятилетнего плана. Мотивировка, как и в других странах советского блока, сводилась к следующему: необходимость повышения обороноспособности социалистических стран перед лицом роста военной угрозы со стороны империалистического Запада и укрепления экономической независимости от капиталистических стран. Особое внимание по-прежнему уделялось развитию тяжелой и оборонной промышленности. Объем промышленного производства должен был в 1953 г. вырасти на 98% вместо запланированных ранее 57%, а объем продукции тяжелой промышленности — на 133% вместо 70%. Промышленное производство в Словакии намечалось поднять на 168% (вместо 75%). В связи с ускорением темпов промышленного строительства, акцентированием внимания на развитие тяжелой индустрии, и в первую очередь тяжелого машиностроения, перестройка промышленности в Чехословакии с 1950 г. стала рассматриваться как специфич-

ка социалистической индустриализации в промышленно развитой стране. Новые задачи ставились и в области сельского хозяйства, основания к чему якобы давало расширение в 1950 г. социалистического сектора в деревне. В 1953 г. планировался рост сельскохозяйственного производства на 53% (вместо 37%) по сравнению с 1948 г. или на 30% по сравнению с 1950 г.⁵⁹ Однако, как стало ясно несколько позже, эти расчеты не опирались на глубокий анализ состояния сельского хозяйства и возможностей его развития. Задания первого пятилетнего плана оказались пересмотренными столь радикально, что начались разговоры о новой пятилетке.

Советские круги относились к столь стремительным темпам роста, прежде всего чехословацкой промышленности, по-видимому, неоднозначно. В частности, А.И. Микоян сообщал Сталину после беседы с Широкиным 13 сентября 1950 г.: "...мы пришли к выводу, что чешские товарищи наметили на предстоящую пятилетку для развития своей промышленности чрезмерно большие темпы роста. Почти удвоение объема тяжелой промышленности на 5 лет надо считать чрезмерно трудной задачей, в особенности имея в виду, что Чехословакия находится на высоком уровне промышленного развития". Широкий, по словам Микояна, заявил, что "они уже на деле перестраивают свою промышленность в сторону увеличения производства тяжелой промышленности, и что на многих текстильных фабриках, а также на обувных фабриках уже сократили производство". Из беседы с Широкиным Микоян вынес впечатление, что "путаницу у них создало также Бюро Совета экономической взаимопомощи, которое за прошедшие месяцы текущего года усиленно было занято составлением проектов планов развития различных отраслей тяжелой промышленности в странах народной демократии для представления на рассмотрение очередной сессии Совета Экономической Взаимопомощи". Составленные проекты планов станкостроения, автостроения, тракторостроения в Чехословакии, говорилось в записке Микояна, построены в расчете на усиление экспорта продукции этих отраслей промышленности в страны народной демократии и в Советский Союз. Широкий дал понять Микояну, что эти проекты Бюро СЭВ принимались в Чехословакии "как решения, одобренные Советским руководством". Микоян счел нужным разъяснить собеседнику, что "наше правительство не имеет к этим проектам отношения", и что "проекты нельзя принимать за решения". Совет-

ское правительство, по словам Микояна, недовольно работой своего представителя в Бюро СЭВ, взявшего "не то направление в своей работе, которое необходимо", и переключившегося "на составление больших перспективных планов"⁶⁰. Как оказалось впоследствии, продукция чехословацкого машиностроения (станки, грузовые автомобили, тракторы) не нашла на "социалистическом рынке" такого спроса, как предполагалось. Тем не менее маховик реконструкции промышленности уже набирал обороты, и остановить его, видимо, оказалось невозможным.

Долгосрочные договоры Чехословакии со странами – членами СЭВ и дискриминационная политика со стороны западных держав имели результатом нацеленность на развитие прежде всего тяжелого машиностроения, энергетики, металлургии и горнодобывающей промышленности. При этом акцент делался на строительство новых промышленных предприятий, что почти не давало возможности уделять внимание модернизации оборудования старых фабрик и заводов. В это время Чехословакия начала производить много видов промышленной продукции, которые ранее ввозились из-за границы, и чрезвычайно расширила ассортимент промышленных изделий, что с экономической точки зрения являлось далеко не всегда выгодно. Реализовать намеченные планы не представлялось возможным без перестройки системы управления экономикой, реорганизации ее на принципах централизма, что позволяло максимально мобилизовать имеющиеся средства и направлять их на выполнение приоритетных задач. В сложившихся условиях сельское хозяйство страны стало одним из источников, хотя менее значимым, чем в СССР и аграрных странах советского блока, осуществления социалистической индустриализации в ее чехословацкой форме⁶¹. В ходе решения вставших перед страной в начале 50-х годов сложнейших экономических проблем было допущено много ошибок и просчетов, что обуславливалось состоянием экономической мысли, утверждением марксистских взглядов на вопросы хозяйственного строительства в условиях социализма, отсутствием опыта экономического сотрудничества в рамках формировавшегося социалистического содружества, нарастанием элементов волюнтаризма и субъективизма в общественной жизни Чехословакии, усилившимися попытками командования и администрирования, нехваткой вновь подготовленных кадров экономистов в условиях отказа от "услуг" старых специали-

стов и др. В экономической политике ЧСР довольно четко обозначились элементы курса на самообеспечение, что, помимо прочего, объяснялось и абсолютизацией определенных сторон опыта социалистической индустриализации в СССР. Рекомендации советских специалистов зачастую воспринимались без раздумий, что называется "под козырек", из-за опасений навлечь гнев Москвы в случае их невыполнения.

Новый вариант пятилетнего плана, предусматривавший ускоренное развитие тяжелой промышленности, не мог обеспечить пропорционального развития всех отраслей экономики. Об этом свидетельствовали несоразмерно низкие темпы развития легкой и пищевой промышленности по сравнению с отраслями группы "А". Капиталовложения в отрасли группы "Б", а также в горнодобывающую промышленность и сельское хозяйство были малыми и не соответствовали их нуждам. Это неизбежно вело к нарастанию диспропорций в развитии как экономики страны в целом, так и внутри промышленности, между отдельными отраслями. О том, как развивалась промышленность Чехословакии в первой половине 50-х годов, свидетельствуют следующие данные: рост промышленного производства в 1955 г. на 70 пунктов превысил уровень 1950 г., среднегодовые темпы его роста в 1951–1955 гг. были чрезвычайно высокими (11,2%), удельный вес отраслей "А" и "Б" в валовом промышленном продукте составлял в 1949 г. 49,7; 50,3, а в 1955 г. 56,6; 43,4. Доля промышленности в создании национального дохода достигла 62,2%⁶².

Одновременно снижался темп роста фонда потребления, особенно личного, что вело к замедлению и даже снижению жизненного уровня значительных масс населения и к усилению их недовольства. С конца 1950 г. в Чехословакии стала ощущаться острая нехватка продовольствия, а также товаров широкого потребления. Снова были введены отмененные в 1949 г. карточки на хлеб, муку и мучные изделия, появились трудности в снабжении населения мясом. Рост заработной платы опережал развитие внутреннего рынка товаров и услуг, что вело к нарастанию недовольства как городского, так и сельского населения.

В конце 1951 г. произошли первые открытые выступления рабочих против социальной политики коммунистического режима, спровоцированные правительственным решением от 20 ноября об изменении выплат так называемого

рождественского пособия, а по существу тринадцатой зарплаты. До этого оно выплачивалось всем работающим. По новым правилам пособие предоставлялось лишь низкооплачиваемым категориям работников и пенсионерам. 21 ноября рабочие "Збройовки", оружейного завода в Брно, прекратили работу и, собрав митинг, потребовали отменить принятое решение. Выйдя на улицы, они призывали рабочих других предприятий поддержать их требование, и некоторые из них услышали этот призыв. Власти, шокированные случившимся, направили к демонстрантам высоких коммунистических и профсоюзных функционеров, чтобы разъяснить политику правительства. Их встретили свистом и гиканьем. Не встретил понимания и выступавший перед рабочими министр тяжелой промышленности Г. Климент. В дело вступили отряды народной милиции, которые оттеснили протестующих и блокировали их на территориях предприятий. Были произведены многочисленные аресты демонстрантов, как поддерживающих "реакцию". Среди них находились не только беспартийные, но и коммунисты. На следующий день, 22 ноября, аналогичные выступления и кратковременные забастовки произошли в других местах Брненского края. В этот день по радио выступил председатель правительства А. Запотоцкий. Заявив, что "рождественское пособие" всегда имело характер лишь социального пособия, он подчеркнул, что "неправильно и не по-социалистически оказывать поддержку каждому, без учета его доходов", что выплата "рождественского пособия" основывалась "на неправильных принципах". На отмену принятого решения правительство не пошло⁶³. Несколько позже Запотоцкий говорил о "настроениях иждивенчества", которые охватили наименее сознательных рабочих, считавших, что государство обязано о них заботиться⁶⁴.

События 21 – 22 ноября в духе того времени связывались с именем бывшего краевого секретаря КПЧ в Брно О. Шлинга, расследование "вредительской" и "шпионской" деятельности которого велось полным ходом, а также с арестом "покровительствующего" ему Р. Сланского. Из 87 задержанных во время демонстраций 35 относились к "рабочей молодежи", 26 – к учащимся разных категорий, 14 – к "старым рабочим", 12 – к служащим. Большинство задержанных было отпущено, а 20 из них арестовано. Преимущественно, согласно информации органов безопасности, в прошлом они являлись членами Национально-социалистической и Народ-

ной партий, после февраля 1948 г. вступившими в КПЧ, но затем исключенными из нее. События 21 – 22 ноября обсуждались пленумом брненского краевого комитета КПЧ, в котором активно участвовал представлявший центральное руководство партии А. Новотный. В решениях Пленума помимо политико-организационных мер намечались следующие: "в тесном взаимодействии с органами безопасности приложить усилия к выявлению организаторов демонстраций", при наказании организаторов учитывать их "классовое происхождение" и прошлое, провести большой судебный процесс, уволить организаторов демонстраций с работы, разоблачить "вредительские элементы" в среднем и высшем звене государственного аппарата и хозяйственной сферы деятельности, у "буржуев", бывших функционеров национально-социалистической и народной партий, а также "правых социал-демократов", если будет доказано их участие в демонстрациях, отобрать квартиры и выселить их, а квартиры передать в распоряжение рабочих предприятия, исключить из партии "ненадежные элементы" и организовать самокритичные выступления специально подобранных для этого членов КПЧ. Все эти решения были воплощены в жизнь. Восемь человек, "назначенных" органами безопасности в качестве инициаторов и организаторов демонстраций, представили в марте 1952 г. перед судом. "Главарь" Я. Рейтар был осужден на 12 лет тюрьмы, трое получили от полутора до четырех лет, остальные – менее года тюремного заключения. Позднее, в течение 1952 – 1955 гг. всех их отпустили на свободу⁶⁵.

Недовольство политикой правительства выражали и другие слои городского населения, в частности мелкие предприниматели, не проявлявшие, впрочем, это открыто. Вопреки положению конституции 1948 г., нашедшему отражение и в первом пятилетнем плане, о поддержке государством мелких частных собственников, они все настойчивее причислялись властями к "реакции", врагам строительства социализма, которые, согласно марксистско-ленинской теории и опыту социалистического строительства ВКП(б), подлежали ликвидации. Их искали и находили в сфере ремесленного производства, розничной торговли, гостиничного дела, коммунальных услуг. После ноябрьского пленума ЦК КПЧ 1948 г. по отношению к этим предпринимателям, как и к другим "капиталистическим элементам", стала проводиться политика "ограничения и постепенного вытеснения". Задача "проводить дифференциацию и отделять крупных ремес-

ленников от мелких⁶⁶, о которой говорил Готвальд, на практике решалась с трудом, поскольку граница между крупным и мелким предприятием в этой сфере являлась достаточно размытой и толковалась по-разному. Разработанные в конце 1949 г. планы присоединения мелкотоварного производства к национализированным или коммунальным (они начали создаваться с 1949 г. при национальных комитетах) предприятиям, объединения мелких городских собственников в производственные кооперативы начали претворяться в жизнь, но не постепенно и поэтапно, как предполагалось ранее, а в "ударном" темпе. Радикально настроенные коммунистические функционеры с мест требовали не ограничиваться в отношении мелких городских собственников лишь политикой "убеждения", а идти путем репрессий⁶⁷. В 1950 — 1952 гг. началось неоправданно быстрое, как это стало ясно впоследствии, наступление на частное ремесленничество, частную розничную торговлю и сферу услуг. В эти годы число ремесленных мастерских уменьшилось с 249 582 до 91 289, а число занятых в них — с 428 540 до 108 652 человек⁶⁸. Для их "вытеснения" и фактически ликвидации использовались как методы экономического, так и внеэкономического принуждения: ограничения в поставках сырья и материалов, в найме рабочей силы, отказ в предоставлении кредитов, жесткий контроль за использованием сырья и материалов, а также за сбытом готовой продукции, отмена права на продовольственные карточки, заключение в тюрьму в случае нарушения многочисленных предписаний и т.д. В этих условиях мелкие собственники часто бросали свои предприятия и искали работу в других отраслях экономики. Например, только в 1949 г. число частных магазинчиков сократилось со 110 до 65 тысяч. В 1948 — 1953 гг., по сведениям К. Каплана, более 200 тыс. ремесленников оставили свое "дело" и занялись другим⁶⁹. В сфере мелкого городского производства одновременно наблюдался поощряемый властями стремительный рост кооперативов: с 275 в 1948 г. до 692 в 1953 г.; число их членов возросло соответственно с 10 800 до 90 471 человека. Процесс обобществления мелкотоварного производства в городе был практически завершен в Чешских землях в 1953 г., а в Словакии в 1954 г.⁷⁰ Лишенные своего "дела" мелкие собственники, вынужденные теперь довольствоваться ролью наемных работников преимущественно государственного сектора экономики, естественно, не могли испытывать благодарности к коммунистической власти, смотревшей на них, как на

врагов. Настроения этой группы населения усиливали социальную напряженность в обществе.

Из-за идущих непрерывно реорганизаций министерств и ведомств ощущение нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне было свойственно и многочисленной армии чиновников, численность которых в послевоенные годы значительно возросла: с 465 795 в 1930 г. до 915 031 в 1950 г. Рост бюрократии беспокоил и новую власть, которая уже с конца 1948 г. вознамерилась бороться с ней путем перевода части чиновничества на производство, благо рабочих рук в связи с реконструкцией промышленности здесь катастрофически не хватало. И министерства, и чиновники встретили это намерение "в штыки". 25 июня 1951 г. руководство компартии одобрило "акцию 77 тысяч чиновников на производство", которая окончилась по неофициальным данным переводом 51 215 бюрократов на предприятия. Подобные "чистки" в министерствах и государственном аппарате, зачастую имевшие политические мотивы, проводились и в последующие годы, вызывая недовольство чиновников⁷¹.

Крестьяне, напуганные близкой перспективой "превращения в колхозников", всячески сопротивлялись переводу низших типов ЕСХК в высшие, производственные. Товарная продукция сельского хозяйства не обнаруживала тенденции к подъему. А между тем грандиозная перестройка промышленности, рост занятости населения в приоритетных областях экономики чрезвычайно увеличили спрос на сельскохозяйственную продукцию. Выход из трудностей руководству страны виделся в одном — в переходе к крупному социалистическому производству в деревне путем организации, укрепления и развития ЕСХК, прежде всего их производственных форм, в создании государственных машинных станций (позже они стали называться по аналогии с СССР машинно-тракторными станциями — МТС) как материально-технической базы социалистического сектора в деревне, в налаживании работы государственных хозяйств (госхозов), в ведение которых переходила в основном бесхозная земля. Реализация этого курса, как представлялось, даст возможность увеличить товарный выход продукции сельского хозяйства и удовлетворить возрастающий спрос городского населения на нее.

В 1951 г. возникло немного новых кооперативов, но под руководством коммунистов активизировался процесс преобразования ЕСХК низших типов в высшие. Участились слу-

чаи администрирования и командования со стороны местных властей. К концу года ЕСХК высших типов составляли около половины всех кооперативов. Однако, несмотря на количественный рост, в течение 1951 г. и в первой половине 1952 г. наблюдалось сокращение (примерно на 25% по стране, а в Словакии – на треть) числа объединенных в них хозяйств, что отражало недовольство крестьян строительством "новой жизни"⁷². К концу года почти не было кооперативов, которые могли продемонстрировать крестьянам, особенно средним, выгоды коллективного ведения хозяйства. Усиление борьбы против сельских богачей признавалось одним из главных условий политического укрепления ЕСХК. Зажиточные хозяева в это время, с одной стороны, довольно охотно вступали в кооперативы, прежде всего низших типов, надеясь использовать их в своих интересах и подчинить своему влиянию, а с другой – прилагали усилия к тому, чтобы затормозить переход к обобществлению производства. На февральском пленуме ЦК КПЧ в 1951 г. был выдвинут лозунг "Деревенскому богачу нет места в кооперативах". Подчеркивалось, что сельская буржуазия – "пятая колонна" империализма в Чехословакии, против которой следует вести непримиримую борьбу. На зажиточных хозяев сваливалась вся ответственность за нехватку в стране мяса, жиров, яиц и другой животноводческой продукции, за повышение цен на некоторые виды продуктов питания. В качестве одного из способов пресечения "подрывной" деятельности сельских богачей предлагалось их переселение на новое место жительства с изъятием всего или части нажитого ими имущества, то есть, по существу, то, что в свое время в Советском Союзе обозначалось термином "раскулачивание". Правда, своей "Сибири" в Чехословакии не имелось, но развернувшееся по всей стране промышленное строительство требовало все новых рабочих рук. Особенно их не хватало в шахтах, рудниках, каменоломнях, на кирпичных заводах. В разработке и реализации мер, направленных против сельских богачей, активно участвовали партийные функционеры всех уровней, руководители и аппарат министерств юстиции, государственной безопасности, внутренних дел, сельского хозяйства.

Конкретным поводом для развертывания наступления на "кулачество" стало убийство 2 июля 1951 г. трех функционеров национального комитета, коммунистов, в местечке Бабице (Моравия). Преступники являлись членами одной из

подпольных групп, считавшими себя борцами против коммунистического режима и политики коллективизации. Это убийство, а также еще несколько единичных случаев расправы над коммунистами в деревнях, изображались как дело рук "кулаков". В секретных документах того времени этот термин уже был взят на вооружение. Началась спешная подготовка крупного политического процесса, которому придавалось такое же значение, как "делам" Гораковой, Клементиса, Шлинга, Швермовой. Состоявшийся 12–14 июля суд вынес семь смертных приговоров, в том числе четверем деревенским богачам-"кулакам". Их имущество подлежало конфискации, а семьи – выселению из деревень. Прочие обвиняемые получили сроки от 20 и более лет тюремного заключения или пожизненные⁷³. Многочисленные суды над "кулаками" состоялись на местном уровне. Обвинения звучали однотипно: невыполнение и саботаж поставок сельскохозяйственных продуктов, критическое отношение к коллективизации, подстрекательство крестьян к отказу вступить в ЕСХК, подрывная деятельность в кооперативах и государственных хозяйствах.

Осенью 1951 г. по поручению руководства КПЧ тремя министрами, Л. Копрживой (госбезопасности), В. Носеком (внутренних дел) – оба члены президиума ЦК КПЧ, Ш. Райсом (юстиции), был разработан план под названием "Акция К (кулак)". Им предусматривалось выселение семей "сельских богачей" из мест их проживания в другие, по возможности отдаленные, области, например, из Чешских земель в Словакию и наоборот. Исполнителями плана являлись центральные, краевые и районные органы госбезопасности. Реализация его началась уже в конце 1951 г., но проходила медленно и сначала только в Чешских землях из-за неясности относительно того, куда переселять семьи осужденных "деревенских богачей". Сопrotивления или открытого осуждения односельчан, как пишет К. Ех, выселение не вызвало, а иногда даже одобрялось ими⁷⁴.

Параллельно с разработкой плана наступления на "кулака" обдумывался и вопрос о переходе к массовому созданию производственных кооперативов. Отступление от принципа постепенности и осторожности в этом деле имело как экономическую, так и политическую мотивацию. В соответствии с господствовавшими тогда квазимарксистскими представлениями переход к коллективному хозяйствованию в деревне должен был способствовать ликвидации

отставания сельского хозяйства от промышленности, а также поднятию его товарности. Что касается политических причин, то следует отметить следующее: с начала 50-х годов в адрес Готвальда все чаще раздавалась критика за его ошибки, в том числе нежелание, якобы, следовать опыту ВКП(б) в социалистическом преобразовании деревни. Об этом говорилось и в беседах с советскими дипломатами, которые направляли соответствующую информацию в Москву⁷⁵, что не могло не насторожить ее. Сервильность, свойственная руководству стран формировавшегося соцсодружества в отношении советского патрона, сразу позволила уловить это охлаждение со стороны Москвы и постараться выправить положение. Срочно следовало "рапортовать" о переходе к коллективизации чехословацкой деревни с опорой на советский опыт, тем более, как неоправданно представлялось, для этого уже существовали и материально-технические и политические предпосылки. На самом же деле, несмотря на отдельные успехи, ни экономическая деятельность ЕСХК, ни жизненный уровень их членов не являлись удовлетворительными.

Государственный план на 1952 г. намечал рост производства сельского хозяйства на 15%, а его товарности на 17% по сравнению с 1951 г. Выполнение чрезвычайно напряженных плановых заданий связывалось в первую очередь с ходом социалистической перестройки деревни. "Чем быстрее она будет проведена, тем скорее мы преодолеем трудности в снабжении населения", — говорилось в заявлении Запотоцкого в Национальном собрании в октябре 1951 г.⁷⁶ В середине 1952 г. было принято постановление партии и правительства об укреплении и дальнейшем развитии ЕСХК. Оно ориентировало органы управления и партийный актив на самое широкое создание новых кооперативов преимущественно высшего типа при соблюдении принципа добровольности и недопущении проникновения в них кулаков⁷⁷. Темп организации производственных ЕСХК чрезвычайно возрос. Уже летом 1952 г. их возникло более тысячи, т.е. столько же, сколько за весь 1951 г. Впереди шли ранее числившиеся в отстающих словацкие края: Прешовский, Банско-Быстрицкий, Кошицкий, Жилинский, а в Чешских землях — Пльзеньский и Градец-Кралевский края. Осенью 1952 г., а также в начале 1953 г. быстрый рост кооперативов продолжался, причем по его темпам Словакия опережала Чешские земли. Она оказалась

впереди по проценту деревень, в которых существовали ЕСХК (соответственно 50 и 38%), по числу объединенных в кооперативы крестьянских хозяйств (23,4 и 12,8%), по площади сельскохозяйственных угодий, находившихся в ЕСХК (40 и 30,8%)⁷⁸. Крестьяне в своей массе, особенно середняки, не были готовы к вступлению в кооперативы высших типов, которые создавались преимущественно административно-командными методами, с помощью насилия и угроз. Принцип добровольности при этом, естественно, на практике почти не соблюдался, хотя слов относительно необходимости действовать лишь методом убеждения крестьян произносилось немало, в том числе и высокими функционерами КПЧ. Местные партийные и государственные деятели форсировали темпы кооперирования, чтобы не оказаться в числе отстающих, а также не быть обвиненными во вредительстве и саботаже. Многие края и районы организовывали соревнование за быстреее завершение социалистической перестройки деревни.

Ускорение темпов кооперирования сопровождалось ужесточением политики, направленной против "деревенских богачей". 13 августа 1952 г. политический секретариат ЦК КПЧ одобрил секретный документ под названием "Система административных мер против деревенских богачей". Ответственными за их реализацию назначались министр внутренних дел Носек, министр сельского хозяйства Непомуцкий, министр юстиции Райс, министр государственной безопасности Бацилек, министр трудовых ресурсов Гавелка. "Акция К (кулак)" снова набирала силу, что проявлялось в административном раскулачивании, выселении кулацких семей из деревень, фактической ликвидации под разными предлогами крупных крестьянских хозяйств, причем нередко страдали и средние крестьяне, не желавшие вступать в ЕСХК. "Кулаки" изгонялись из национальных комитетов, а их дети — из школ⁷⁹.

Перенапряжение экономики, невозможность выполнения повышенных заданий пятилетнего плана, курс на ликвидацию мелкого городского производства, форсированное кооперирование деревни, трудности в снабжении населения продовольствием и предметами широкого потребления, — все это вело к росту недовольства, как в городе, так и в деревне, свидетельствовало о приближении режимного кризиса.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ.) Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 168.

² Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948 / Ed. M. Vartíková. Bratislava, 1971. S. 699–704, 713–715, 752–754.

³ Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии: Пер. с чеш. М., 1979. С. 284; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 176; П. 147. Д. 9. Л. 151–152, 161; Komunistická strana Slovenska. S. 716–718.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 г. М.; Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949–1953 гг. (Далее: ВЕДРА. Т. 2.) С. 91.

⁵ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 160.

⁶ Kaplan K. Utváření generální linie výstavby socialismu v Československu. Praha, 1966. S. 162–167.

⁷ Ibid. S. 175–179, 186–188.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 17. Оп. 128. Д. 1162. Л. 44–73. Оpubл. в: ВЕДРА. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 831–858.

⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 7. Л. 65, 76; П. 147. Д. 9. Л. 3–4, 15, 94, 119, 151–152, 159–160.

¹⁰ Kaplan K. Utváření generální linie... S. 111–112.

¹¹ ВЕДРА. Т. 1. С. 931.

¹² Kaplan K. Nekrvavá revoluce. Praha, 1993. S. 193–194, 198–200.

¹³ ВЕДРА. Т. 2. С. 36–37.

¹⁴ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2002. Т. 2: 1949–1953. Документы. (Далее: СФВЕ. Т. 2.) С. 61–62.

¹⁵ Kaplan K. Utváření generální linie... S. 122–125; Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 204–205; ВЕДРА. Т. 2. С. 158.

¹⁶ ВЕДРА. Т. 2. С. 154–157; СФВЕ. Т. 2. С. 163.

¹⁷ Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 206; ВЕДРА. Т. 2. С. 156, 273; СФВЕ. Т. 2. С. 192, 196–197.

¹⁸ ВЕДРА. Т. 2. С. 159 (Примечание 5), 275.

¹⁹ Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 206; История Словакии: пер. со словац. и англ. М., 2003. С. 345.

²⁰ История Словакии. С. 346; СФВЕ. Т. 2. С. 391; ВЕДРА. Т. 2. С. 417; Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 309.

²¹ Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 208.

²² Ibid. S. 308; История Словакии. С. 345–346.

²³ См. подробнее: Марьина В.В. ВКП(б) и КПЧ: от доверия к подозрительности. 1945–1948 гг // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 35–38.

²⁴ Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 255–265; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 470, 476.

²⁵ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 635.

²⁶ Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 260; ВЕДРА. Т. 12. С. 671–672; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 482–483, 635.

²⁷ Kaplan K. Nekrvavá revoluce. S. 262.

- ²⁸ СФВЕ. Т. 2. С. 182, 327, 440, 511, 547–550, 588, 595, 601, 680–684 и др. О деятельности советских советников см. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 613–651.
- ²⁹ ВЕДРА. Т. 2. С. 662.
- ³⁰ Там же. С. 688–689.
- ³¹ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce.* S. 272–280; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 450–451.
- ³² *Komunistická strana Slovenska. Dokumenty...* S. 710–711, 735.
- ³³ ВЕДРА. Т. 2. С. 171, 219–224; СФВЕ. Т. 2. С. 286.
- ³⁴ СФВЕ. Т. 2. С. 301; ВЕДРА. Т. 2. С. 327.
- ³⁵ СФВЕ. Т. 2. С. 286–291, 301–306.
- ³⁶ ВЕДРА. Т. 2. С. 332.
- ³⁷ Там же. С. 350–352. О "раскручивании" дела "словацких буржуазных националистов" см. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 529–534.
- ³⁸ СФВЕ. Т. 2. С. 172, 426–428.
- ³⁹ ВЕДРА. Т. 2. С. 447, 464–465, 495 (примеч. 2), 500
- ⁴⁰ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 534–537.
- ⁴¹ ВЕДРА. Т. 2. С. 580–582.
- ⁴² Дело Сланского // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 10–20.
- ⁴³ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 559–560.
- ⁴⁴ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce.* S. 360–362; ВЕДРА. Т. 2. С. 654 (примеч. 2).
- ⁴⁵ ВЕДРА. Т. 2. С. 675 (примеч. 2).
- ⁴⁶ Там же. С. 680–681.
- ⁴⁷ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 17.
- ⁴⁸ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce.* Praha, 1993. S. 325–330.
- ⁴⁹ См. подробнее: История Словакии. С. 346–348; *Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století Česko-slovenské vztahy. 1945–1992.* Bratislava, 1998. Díl. 2. S. 119–142.
- ⁵⁰ СФВЕ. Т. 2. С. 214–216.
- ⁵¹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 330–428.
- ⁵² ВЕДРА. Т. 2. С. 215.
- ⁵³ Там же. С. 299.
- ⁵⁴ СФВЕ. Т. 2. С. 104.
- ⁵⁵ Там же. С. 148–149, 191.
- ⁵⁶ Там же. С. 193.
- ⁵⁷ Фактический материал о коллективизации чехословацкой деревни см.: *Марьина В.В., Мурашко Г.П.* Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948–1960). М., 1972.
- ⁵⁸ См. подробнее: *Jech K. Soumrak selského stavu. 1945–1960.* Praha, 2001. S. 22–36.
- ⁵⁹ Планы развития народного хозяйства стран народной демократии. М., 1952. С. 37–44.
- ⁶⁰ СФВЕ. Т. 2. С. 380–383.
- ⁶¹ Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М., 1989. С. 176.

- ⁶² Там же. С. 186.
- ⁶³ См. подробнее: *Pernes J. Dělnické demonstrace v Brně v roce 1951 // Soudobé dějiny*. 1996. N 1. S. 23–35.
- ⁶⁴ СФВЕ. Т. 2. С. 665.
- ⁶⁵ *Pernes J. Dělnické demonstrace... S. 35–41.*
- ⁶⁶ *Готвальд К. Избранные произведения*. М., 1957. Т. 2. С. 298.
- ⁶⁷ *Kaplan K. Nekrvává revoluce*. Praha, 1993. S. 221.
- ⁶⁸ См. подробнее: *Загорожнюк Э.Г. Городское мелкое производство в Центральной и Восточной Европе*. М., 1991. С. 86–93.
- ⁶⁹ *Kaplan K. Nekrvává revoluce*. S. 223.
- ⁷⁰ *Загорожнюк Э.Г. Городское мелкое производство... С. 92–93.*
- ⁷¹ *Kaplan K. Nekrvává revoluce*. S. 210–211.
- ⁷² См. подробнее: *Марьина В.В., Мурашко Г.П. Путь чехословацкого крестьянства... С. 122–123.*
- ⁷³ *Jech K. Soumrak selského stavu*. S. 58–65.
- ⁷⁴ *Ibid.* S. 89.
- ⁷⁵ СФВЕ. Т. 2. С. 479, 517–518, 578 и др.
- ⁷⁶ *Zapotocký A. Nebudeme-li více a lépe vyrábět, nebudeme lépe žít*. Praha, 1951. S. 17.
- ⁷⁷ Разбор постановления и ход его реализации см.: *Марьина В.В., Мурашко Г.П. Путь чехословацкого крестьянства... С. 138–152.*
- ⁷⁸ *Deset let JZD*. Praha, 1959. S. 88.
- ⁷⁹ См. подробнее: *Jech K. Soumrak selského stavu*. S. 92–119.

ПЕРВЫЙ КРИЗИС КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ. 1953–1960 гг.

Поиски "нового лица" режима. 1953–1957 гг.

5 марта 1953 г. умер И.В. Сталин, а через 9 дней, 14 марта, вернувшись с его похорон, скончался в возрасте 57 лет К. Готвальд. Вокруг его внезапной смерти, как и вокруг смерти Сталина, ходило много слухов, но мало кому было известно, что Готвальд серьезно болен, и что видный кардиолог, обследовавший его в 1948 г., пришел к выводу, что жить ему осталось не более пяти – шести лет. В официальном заключении о смерти говорилось, что она наступила в результате разрыва стенки аорты и обильного кровоизлияния в грудную полость, повлекшего за собой остановку сердца¹.

После неожиданного ухода из жизни Готвальда, приведшего к кратковременному замешательству в рядах его соратников, начались экстренные поиски того, кто мог бы заменить его на постах президента и председателя КПЧ. Но такой харизматической личности не оказалось, и поначалу возникла мысль об упразднении поста президента и возложении его функций на президиум Национального собрания, что, помимо прочего, сблизило бы систему чехословацкого государственного устройства с соответствующими системами СССР и других стран социалистического содружества. А. Запотоцкий о возможности такого решения вопроса говорил в беседе с советским послом в Праге А.Е. Богомоловым, который информировал об этом В.М. Молотова. А. Новотный считал, что "в связи со смертью т. Готвальда создалась серьезная ситуация, и ЦК КПЧ потребует помощь со стороны ЦК КПСС"². Пока не известно, была ли оказана такая помощь, но идея ликвидации поста президента не встретила, в конце концов, поддержки, видимо, со стороны как высоких чехословацких функционеров, так и их советского патрона, иначе события развивались бы по другому сценарию. Следует иметь в виду, что тогда в Москве между соратниками Сталина тоже шла борьба за власть, делились посты и кресла, соперничали две противоборствующие группировки,

с одной стороны, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, с другой — В.М. Молотов. Их позиции по многим вопросам дальнейшей внутренней и внешней политики не совпадали. В Праге, как сначала и в Москве, предпочтение получила модель коллективного руководства. В соответствии с рекомендацией ЦК КПЧ Национальное собрание избрало на пост президента страны А. Запотоцкого; премьер-министром стал В. Широкий. Пост председателя партии упразднился, руководство секретариатом ЦК КПЧ поручалось А. Новотному, выполнявшему к тому же функции вице-преьера. В сентябре 1953 г. он был избран первым секретарем ЦК КПЧ. Но, как пишет М. Барновский, оставался открытым вопрос, "кто будет первым среди равных в коллективном руководстве", которое сначала с трудом ориентировалось в перегруппировке сил в московской верхушке и изменении тренда в политике КПСС³. Понимание необходимости внесения некоторых корректив в проводимую с начала 50-х годов линию пришло несколько позднее и не без влияния событий в стране.

А в СССР между тем сразу после смерти Сталина обозначились явные изменения, прежде всего во внутренней политике. Уже 27 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о широкой амнистии. Закрылись "дела" "врачей-вредителей", ряда руководящих работников авиапромышленности и госбезопасности и т.д. Но реабилитация оказалась неполной и непоследовательной. Несколько позже, в августе, был провозглашен "новый курс" в экономической политике, нацеленный на "максимальное удовлетворение потребностей народа", на развитие легких отраслей промышленности, сельскохозяйственного производства и жилищного строительства. Произошли изменения и во внешней политике, направленные на ослабление международной напряженности и противостояния двух враждующих лагерей: в июле 1953 г. окончилась война в Корее, обозначилась тенденция к нормализации отношений СССР и Югославии, были восстановлены дипломатические отношения с Израилем. Но после ареста Берии в июне 1953 г. и связанного с этим падения влияния Маленкова процесс десталинизации в СССР стал резко тормозиться и фактически сошел на нет. Естественно, что все эти события с большим или меньшим опозданием находили отражение и во внутренней жизни Чехословакии, по-прежнему остававшейся одной из самых надежных опор Москвы в рамках советского блока и следовавшей ее курсом. Что касается внешних факторов, то

несомненное влияние на модификацию политической линии чехословацких элит оказали кровавые события в Берлине в июне 1953 г., где произошло столкновение демонстрантов с властями, и смещение в это же время в Венгрии М. Ракоши с поста премьер-министра, занятого представителем реформаторского крыла компартии И. Надем.

До середины 1953 г. никаких изменений в политической и экономической линии чехословацких властей, по-прежнему придерживавшихся политики "твердой руки", не наблюдалось. 1 июня 1953 г. началось осуществление денежной реформы, разработка которой с помощью советских специалистов велась с осени 1952 г. 7 января 1953 г. Готвальд принял советского посла Богомолова для беседы, в ходе которой тот изложил рекомендации советской стороны. Они сводились к следующему: уменьшить цены и тарифы на услуги в пять раз и соответственно пересчитать заработную плату, пенсии и другие выплаты; обмен наличных денег произвести для лиц, не применявших наемный труд, до 300 крон на человека из расчета 5 старых крон на 1 новую, а для граждан, применяющих наемный труд, из расчета 50 старых крон на 1 новую⁴. Эти принципы и легли в основу реформы, в результате которой понесли значительные материальные потери не только состоятельные, но и малообеспеченные граждане, поскольку суммы свыше 300 крон и для лиц, не применявших наемный труд, менялись из расчета 50:1. Деньги на сберкнижках обменивались дифференцированно в зависимости от размера вклада: от 5:1 до 50:1.

О начале реформы было объявлено 1 июня, и в тот же день в Пльзене и Праге в знак протеста против нее состоялись демонстрации, о чем немедленно ушло сообщение в Москву. В Пльзене 9—12 тыс. человек собрались в центре города и скандировали антиправительственные лозунги. Затем они захватили радицентр и стали транслировать по городской радиосети призывы к свержению правительства. В помощь пльзеньскому гарнизону и службам госбезопасности из Праги были направлены батальон войск и батальон народной милиции. Демонстрацию удалось разогнать, но беспорядки в городе продолжались. К вечеру арестовали 152 человека, в большинстве, согласно донесению в Москву, бывших торговцев, бывших социал-демократов и учащуюся молодежь. В тот же день на военных заводах в Праге "Сталинград", "Прага", "Аэро" рабочие первой смены прекратили работу и потребовали изменения закона о денежной рефор-

ме. Кратковременные забастовки протеста состоялись также в Находе, Копрживнице, Млада Болеславе, Страконице, Сизимове Усти, Челаковице и других городах. Берия, сообщая 1 июня Маленкову о беспорядках в Праге и Пльзене в связи с денежной реформой, оценивал положение в Чехословакии как "явно неблагоприятное"⁵.

В ночь со 2 июня на 3 июня Молотов отправил Богомолу шифрограмму, поручив ему встретиться с Запотоцким и Широкиным, чтобы сообщить им об обеспокоенности советского руководства событиями в Чехословакии и узнать "не нуждаются ли они в какой-либо помощи со стороны СССР". Такая встреча состоялась. И президент, и премьер, отметив промахи в проведении реформы и слабую работу органов госбезопасности, заверили посла, что порядок уже восстановлен и никакой помощи не просили⁶. Новотный в беседах с Богомоловым 5 и 13 июня также считал, что положение в стране "можно считать нормализованным", но недовольство среди различных слоев населения, в частности служащих и интеллигенции, сохраняется. Он также негативно оценивал работу органов госбезопасности («...совершенно нетерпимыми и провокационными были заявления сотрудников госбезопасности о том, что они не будут "воевать с народом" и т.д.»), руководства Чехословацкого союза молодежи и профсоюзов. Новотный высказал свои личные критические соображения относительно нежелательности вмешательства Запотоцкого в работу правительства⁷.

Через Богомолова Новотный передал в ЦК КПСС подготовленный в ЦК КПЧ обширный документ, в котором делалась попытка проанализировать причины массовых выступлений населения против реформы. Вся ответственность, по сути, возлагалась на "реакционные элементы" из "рядов бывших торговцев, предпринимателей и кулаков", бывших членов национально-социалистической, народной и социал-демократической партий, имевших "организованную сеть", которая пока не раскрыта. В Москве рассмотрели этот документ, а 20 июня Молотов просил Богомолова передать чехословацкому руководству следующее: "сделан вывод, что положение в Чехословакии... является неблагоприятным, требующим для его исправления принятия серьезных мер как со стороны партии, так и со стороны государственных органов. В Москве складывается мнение, что чехословацкие друзья явно недооценивают сложности внутривластного положения в стране и не сделали для себя должных выводов

из происшедших событий, а это чревато новыми и еще более серьезными трудностями в дальнейшем". "Чехословацким друзьям" было рекомендовано "хорошенько разобраться" в теперешних хозяйственных планах, как в отношении промышленности, так и сельского хозяйства, и внести в эти планы "необходимые серьезные поправки"⁸. 22 июня Запотоцкий, Широкий и Новотный приняли Богомолова и заявили, что "оценка положения в Чехословакии московскими друзьями совершенно правильна" и что они уже наметили план хозяйственных и политических мероприятий, которые следует провести немедленно. В частности, речь шла о необходимости пересмотра народно-хозяйственного плана на 1953 и последующие годы, о сокращении военных поставок в страны социалистического содружества (Польшу, Румынию и Венгрию) и военных расходов на чехословацкую армию. Запотоцкий просил согласия на приезд в Москву чехословацкого руководства, чтобы "посоветоваться по поводу своих планов"⁹.

Постановление правительства ЧСР и политсекретариата ЦК КПЧ от 26 июня 1953 г. предусматривало снижение себестоимости в промышленном производстве, улучшение снабжения населения, укрепление финансовой дисциплины, строгий режим экономии, исключение из плана строек, осуществление которых не вызывалось крайней необходимостью, и т.д. Кроме того, намечалась новая чистка партии, госаппарата и общественных организаций от лиц, проявивших колебания, оказавшихся паникерами, нарушивших государственную дисциплину. Их места должны были занять люди, "преданные правительству и народно-демократическому строю". Ознакомившийся с документом заведующий IV Европейским отделом МИД СССР Ю.В. Андропов в записке на имя заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина писал, что "широкая чистка" в существующих условиях могла бы "привести лишь к новым осложнениям во внутривластной обстановке в Чехословакии". Он считал целесообразным в связи с приездом в Москву делегации из Праги "обратить внимание чехословацких друзей на это обстоятельство"¹⁰.

В первой половине июля 1953 г. Запотоцкий побывал в Москве, где чехословацкое руководство подверглось серьезной критике за чрезмерное развитие тяжелой промышленности, невнимание к подъему ее легких отраслей и сельскохозяйственного производства, а также к повышению жиз-

ненного уровня населения. Обеспокоенная проявлениями социального недовольства в ЧСР и ГДР Москва рекомендовала пересмотреть хозяйственные планы и уделить большее внимание удовлетворению материальных потребностей населения¹¹. По возвращении Запотоцкого в Прагу началась выработка конкретного плана реализации полученных "рекомендаций" и исправления допущенных ошибок. В начале августа политсекретариат ЦК КПЧ одобрил тезисы об экономическом и политическом положении Чехословакии и задачах партии на ближайший период. Документ надлежало согласовать с руководством КПСС и направить в Москву. Здесь тезисы были в основном одобрены, но подвергнуты критике за имевшиеся в них "серьезные недостатки". В замечаниях советской стороны обращалось внимание на то, что тезисы "носят покаянный характер, причем ЦК КПЧ и правительство каются сверх всякой меры, допускают неправильные и вредные формулировки". Указывалось, что "в случае публичных выступлений руководителей партии с подобного рода покаянными и неправильными утверждениями¹² может быть нанесен серьезный ущерб партии, подорвано доверие к ее руководству". Обширные конкретные замечания касались недостаточного отражения роли рабочего класса как руководящей силы народно-демократического государства, улучшения его материального положения, упрочения рабоче-крестьянского союза. Говорилось о том, что не намечены необходимые меры по идейному и организационному укреплению партии и совершенствованию ее политической работы в массах и т.д. Тезисы предлагалось "доработать, более четко определить экономическую политику КПЧ и задачи по укреплению органов государственной власти и самой партии". Богомоллов получил указание постоянно информировать МИД СССР о ходе реализации в Чехословакии сделанных рекомендаций¹³.

Учтя замечания, ЦК КПЧ на заседании 4 сентября 1953 г. одобрил "новый курс". Широкие слои населения узнали о нем из программно-политического заявления правительства, сделанного 15 сентября. Был изменен хозяйственный план на последний квартал 1953 г.: ограничены инвестиции в тяжелую промышленность, намечены некоторые меры по устранению диспропорций между отдельными отраслями индустрии, увеличены ассигнования на производство предметов широкого потребления, на жилищное строительство, на развитие сельского хозяйства, снижены государственные розничные

цены на некоторые промтовары и продукты питания. В таком же ключе составлен и план на 1954 г. Как сообщал ответственный сотрудник ЦК КПСС Л.С. Баранов в МИД СССР 20 октября 1953 г., "мероприятия, осуществляемые в последнее время правительством Чехословакии и ЦК КПЧ..., проводятся в соответствии с рекомендациями, полученными чехословацкими друзьями во время их пребывания в Москве летом с.г."¹⁴

Однако сразу выправить положение в стране оказалось невозможно. Оно по-прежнему оставалось тяжелым, как в городе, так и в деревне. Сильно упала реальная заработная плата рабочих, снизилась покупательная способность населения. Особенно критической была ситуация на периферии, в мелких городах. «Здесь, — говорилось в письме корреспондента "Правды" в Чехословакии В.А. Тарасова, — вдоволь только пива. Поэтому жители этих районов потоками иногда устремляются за продуктами в Прагу. Скрыть этого факта нельзя»¹⁵. Открыто проявилось недовольство крестьян политикой правительства, высокими темпами кооперирования деревни, ущемлением единоличников, административными формами расправы с "деревенскими богачами". Массовое создание ЕСХК не сопровождалось их организационно-хозяйственным укреплением, доходы членов кооперативов оказались ниже, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах. В Словакии, где кооперативы были слабее, уже весной 1953 г. обозначилась тенденция к их распаду. 15 июня 1953 г. на митинге в Братиславе с решительным осуждением погони за количеством новых ЕСХК выступил Запотоцкий¹⁶. Летом поток заявлений о выходе из кооперативов увеличился. Особенно напряженное положение создалось в Прешовском крае, где начался массовый распад ЕСХК. Свою роль при этом сыграло и выступление Запотоцкого на открытии Кличавской плотины в начале августа 1953 г. Он решительно осудил методы администрирования и командования при создании кооперативов, подчеркнул необходимость их укрепления, а по адресу тех, кто хотел выйти из них, заявил: "Мы не будем вас задерживать". Именно эти слова послужили сигналом к массовому выходу крестьян из ЕСХК. В течение лета 1953 г. в Прешовском крае прекратили существование 193 из 288 кооперативов, а оставшиеся были значительно ослаблены уходом большого числа своих членов. Другие края и районы также затронул этот процесс, но в меньшей степени. К концу 1953 г. в стране распалось

450 кооперативов высших типов, из них вышло более 36 тыс. крестьян. Распад ЕСХК и отлив из них крестьян в Словакии происходили более интенсивно, чем в Чешских землях¹⁷. Сокращение числа кооперативов в Чехословакии наблюдалось до середины 1955 г. За два года общее их количество уменьшилось на 9,1%, число членов ЕСХК — на 30,6%, а площадь принадлежавшей им земли — на 23,3%. В конце 1955 г. ЕСХК обрабатывали 26,5% сельскохозяйственных угодий страны¹⁸. Таким образом, необоснованное форсирование кооперативного движения в чехословацкой деревне фактически привели к его регрессу.

Повышенные задания пятилетнего плана в области промышленности, как тяжелой, так и легкой, выполнены не были, хотя промышленная продукция возросла почти в два раза по сравнению с 1948 г. В число действующих вступили крупнейший в стране новый металлургический комбинат в Кунчице (под Оставой), 24 машиностроительных завода, 6 доменных, 9 мартеновских и 7 электрических печей, 6 водных и 6 тепловых электростанций, а также десятки других промышленных предприятий. Интенсивно шла индустриализация Словакии, где вступило в строй 125 новых фабрик и заводов. Из аграрной окраины страны Словакия превратилась в промышленно-аграрную ее область. Легкие отрасли чехословацкой промышленности значительно отставали в своем развитии от тяжелых отраслей, а сельское хозяйство в целом от развития индустрии. Налицо был дисбаланс экономики, что не могло не сказаться на социальной сфере.

Население одобрило "новый курс", олицетворением которого стал президент республики А. Запотоцкий, наиболее значимая и авторитетная фигура чехословацкого руководства. В этой обстановке властный триумvirат — Запотоцкий, Широкий, Новотный — не мог сохраниться как прочное коллективное руководящее ядро. Особое соперничество развернулось между Запотоцким и Новотным, который опирался на возглавляемый им партаппарат и смог заручиться симпатиями набиравшего силу в советской верхушке Н.С. Хрущева. В. Широкий, как глава правительства, склонялся к поддержке президента, с которым сблизился после смерти Готвальда. Мироззренческих противоречий между членами "тройки" не существовало. Речь шла о лидерстве и о том, как претворять в жизнь "новый курс". Нестыковка позиций возникла в двух вопросах: Запотоцкий считал, что приоритет в его осуществлении должны иметь государст-

венные, а Новотный — партийные органы; президент полагал, что коллективизация деревни должна быть временно прекращена, и внимание сосредоточено на организационно-хозяйственном укреплении уже созданных ЕСХК при допущении выхода из них всех желающих это сделать, первый секретарь ЦК КПЧ настаивал на продолжении кооперирования при снижении его темпов. Когда Запотоцкий, не получив на то согласие политического секретариата, публично положительно отозвался, опираясь при этом на Ленина, о политике НЭПа, Новотный решил перейти в наступление и попросил вмешаться ЦК КПСС. 6 — 8 апреля 1954 г. в Москву прибыли Запотоцкий, Широкий, Новотный, Доланский и Чепичка. Советские руководители — Хрущев, Маленков, Булганин, Микоян и др. — давали советы "чехословацким друзьям" в духе той критики, которая прозвучала по их адресу еще летом 1953 г. Запотоцкому персонально было указано на то, что он насаждает культ президента и не подчиняется руководству партии. Запотоцкий принял критику, не сопротивляясь и понимая, что его позиции в Москве, и до того шаткие, еще более ослабли. С этого момента, как пишет М. Барновский, "звезда Новотного светила все ярче, а Запотоцкого, наоборот, угасала"¹⁹. Начался постепенный закат и "звезды" Широкого. Вставший у партийного руля молодой и энергичный Новотный решительно претендовал и на руководство страной.

В июне 1954 г. собрался X съезд КПЧ, который подвел итоги развития страны после 1949 г. В целом оценка была положительной, хотя отмечались некоторые "ошибки и неудачи". Съезд подтвердил изменение приоритетов в экономической политике, намеченное в сентябре 1953 г., одобрил программу дальнейшего развития экономики и устранения возникших в ней диспропорций. Особое внимание обращалось на повышение жизненного уровня населения и исправление положения дел в сельском хозяйстве. В связи с этим планировались рост выпуска товаров широкого потребления и увеличение капиталовложений в сельскохозяйственное производство, в результате чего в 1955 г. оно приблизилось к довоенному. Съезд поддержал курс на дальнейшее укрепление существующих кооперативов и создание новых лишь там, где для этого имелись надлежащие условия. Одобрена была и помощь единоличникам. В области идеологии главной задачей коммунистов объявлялась борьба против буржуазного национализма, социал-демократизма и оппортунизма.

"Новый курс" имел отношение к экономике и социальной сфере, но политики и идеологии не касался. X съезд подтвердил правильность разработанной в 1949 г. генеральной линии строительства социализма. Изменения в уставе партии, принятые съездом, подчеркивали принцип коллективного руководства и право контроля администрации со стороны партийных организаций. Н.С. Хрущев, который присутствовал на съезде в качестве гостя, информировал руководство КПЧ о нарушениях "социалистической законности" в СССР, возложив всю ответственность за случившееся на Берию. В связи с этим съезд указывал на вредность "культы личности" без конкретизации этого понятия и на необходимость соблюдения "социалистической законности". Однако на практике правопорядок восстановлен не был. Противозаконные политические процессы не подлежали осуждению, а потерпевшие реабилитации. Наоборот, в 1954 г. — состоялось множество судебных процессов, как по начатым еще в предшествовавший период, так и по вновь открытым делам. К числу "старых" относилось, в частности, дело "словацких буржуазных националистов", закрытый суд над которыми состоялся в апреле 1954 г. Г. Гусака, отказавшегося подписать все протоколы допросов и не признавшего себя виновным, приговорили к пожизненному заключению, остальные (И. Хорват, Д. Окали, Л. Голдош, Л. Новомеский) получили от 10 до 22 лет тюрьмы²⁰. После волнений, связанных с денежной реформой, руководство КПЧ объявило борьбу против социал-демократизма. Началась подготовка политического процесса над бывшими членами социал-демократической партии. В декабре 1953 г. органы государственной безопасности ЧСР насильственно и тайно вывезли из Австрии, где он проживал, видного в прошлом деятеля партии Б. Лаушмана. Во второй половине 1954 г. состоялись процессы по делу так называемого центра социал-демократии и его филиалов на местах. Несколько десятков человек, якобы находившихся на службе иностранных держав, осудили за антигосударственную деятельность и измену родине. Когда З. Фирлингер на заседании политического секретариата ЦК КПЧ попытался встать на защиту одного из обвиняемых и подверг сомнению результаты следствия, то практически все руководство партии решительно осудило его выступление. Копецкий назвал Фирлингера "либеральным гуманистом, отягощенным прошлым". Фирлингер вынужден был "признать свою ошибку". Надо сказать, что во время пребы-

вания в Москве в апреле 1954 г. Запотоцкий подвергся критике и за непоследовательность в борьбе против социал-демократизма, и руководство КПЧ старательно "ликвидировало свои упущения". Процесс над Лаушманом готовился отдельно, но после изменения отношения КПСС, а следовательно и КПЧ, к социалистическим движениям вообще, тогда не был проведен. Позднее, в 1957 г., когда сотрудничества между коммунистическим и социалистическим движениями в международном масштабе достичь не удалось, Лаушмана приговорили к 17 годам заключения, и он умер в тюрьме²¹. В 1953 — 1954 гг. проходили также "остаточные" процессы по делам работников министерства иностранных дел, государственной безопасности, государственного аппарата, генералов и офицеров и пр.²²

За два года, с середины 1953 до середины 1955 г., в результате мер, принятых в экономической и социальной сферах, положение в стране удалось несколько стабилизировать. Руководство КПЧ пришло к выводу, что созданы условия для нового фронтального наступления с целью завершения процесса построения основ социализма. Весной 1955 г. началась разработка директив по второму пятилетнему плану хозяйственного развития на 1956 — 1960 гг. Как и в начале 50-х годов, в центре внимания его составителей оказалась промышленность, и в первую очередь ее тяжелые отрасли. Объем промышленного производства к 1960 г. планировалось повысить на 50%, а в машиностроении — на 80%. Темпы роста промышленного производства предполагалось обеспечить в основном за счет строительства большого числа новых предприятий. Как и прежде, сохранялась ориентация на экстенсивные формы развития промышленности. Снова объявлялся бой мелкому товаропроизводителю как в городе, так и в деревне. "Начнем борьбу за дальнейшее создание ЕСХК!" — этим призывом, по существу, был пронизан весь доклад А. Новотного на пленуме ЦК КПЧ в июне 1955 г. Коренное повышение сельскохозяйственного производства однозначно связывалось с образованием кооперативов высших типов, с развитием социалистического сектора в деревне²³. Предполагалось, что к 1960 г. он станет преобладающим в сельском хозяйстве Чехословакии²⁴.

Фасад возводимого в Чехословакии "социалистического здания" оказался несколько подновлен и покрашен блекло розовой краской. Однако убежденность властей в том, что социально-экономическое положение страны худо-бедно

стабилизировалось и эмоции улеглись, что настало время нового штурма "высот социализма", оказались поколеблены неожиданными решениями XX съезда КПСС (23 – 25 февраля 1956 г.), к которым невозможно было не прислушаться. Как и весь коммунистический мир, они шокировали КПЧ, застав руководство партии врасплох. Во-первых, съезд затронул некоторые коренные вопросы мирового развития: о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем и экономическом соревновании между ними, что отрицало понимание войны как фатальной неизбежности, о разнообразии форм революционного перехода различных стран от капитализма к социализму, что, по существу, означало возврат к отвергнутой в конце 40-х – начале 50-х годов формуле "национальный путь к социализму". Говорилось об установлении более равноправных отношений СССР со странами советского блока, а также о более терпимом отношении к западноевропейским социалистическим партиям. Во-вторых, и это самое главное, в закрытом докладе Хрущева на XX съезде КПСС осуждался культ личности Сталина и говорилось о необходимости преодоления его последствий. Образ непогрешимого вождя перестал существовать, "коммунистический идол" ниспровергался с пьедестала, на который он возводился собственными усилиями и стараниями соратников. Коммунистические партии всего мира разом вроде бы и "осиротели", и, как выросшие дети, почувствовали себя свободными от опеки престарелого родителя. Текст закрытого доклада Хрущева был передан руководителям компартий для информации, но не для ознакомления с ним широких партийных масс. Мировая общественность узнала о докладе немедленно. КПЧ оказалась в сложном положении: с одной стороны, следовало информировать коммунистов о ходе и результатах XX съезда КПСС, с другой – ничего не говорить о ниспровержении культа Сталина. Письмо, подготовленное ЦК КПЧ для зачитания на местах, вызвало больше вопросов, чем ответов. Коммунистов интересовал именно доклад Хрущева, но "посланцы" из центра ничего не могли сказать вразумительного по этому поводу, поскольку и сами мало что знали²⁵.

Прошедшие в марте и апреле 1956 г. два пленума ЦК КПЧ оценили решения XX съезда КПСС как творческое развитие марксизма-ленинизма и обсудили возможности их приспособления к чехословацким условиям²⁶. Стратегический курс на завершение строительства основ социализма

предполагалось сохранить. В связи с этим подтверждалась и линия на дальнейшую коллективизацию сельского хозяйства, а также на ограничение и вытеснение "кулачества". Особое внимание уделялось вопросу о культе личности. Он определялся как система деформаций социализма, вина за которые возлагалась на всех партийных функционеров, включая руководящее звено. Критиковалась сталинская "теория об обострении классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму", однако утверждалось, что она продолжается, хотя социальная база реакции сужается. Указывалось на нарушение "социалистической законности" и применение "неправильных" методов ведения следствия, в связи с чем министр внутренних дел Р. Барак сообщил об аресте начальника следственного отдела Б. Доубека и его заместителя В. Когоутека. Приводились примеры ревизии некоторых ранее вынесенных приговоров. Вся ответственность за сфабрикованные процессы возлагалась на Сланского и некоторых работников органов государственной безопасности, которые "вышли из под контроля коллективного органа партии".

При этом невозможно оказалось избежать оценки роли Готвальда во всем происшедшем, культ личности которого непрерывно нарастал после 1945 и особенно после 1948 г. В руководстве КПЧ явно обозначилась тенденция свести его ответственность "за деформации" до минимума, хотя единства мнений здесь не существовало. Копецкий, один из главных "творцов" культа личности Готвальда, утверждал, что тот совершил некоторые ошибки в результате "интриг" Сланского. Ю. Дюриш был настроен критичнее и считал, что Готвальд после 1948 г. своим влиянием "ограничивал коллективность руководства". Однако оба они соглашались с тем, что его нельзя сравнивать со Сталиным²⁷. А. Чепичку вывели из состава политического бюро ЦК КПЧ и сняли с постов первого заместителя председателя правительства и министра национальной обороны "за недостатки и ошибки, допущенные им при исполнении партийных и государственных функций". Первый пункт программы общегосударственной конференции КПЧ, намеченной на лето 1956 г., формулировался, как "современное положение и задачи партии"²⁸.

В мае 1956 г. были проанализированы результаты внутрипартийной дискуссии, проходившей после XX съезда КПСС. Общие ее итоги оценивались положительно, хотя говорилось об имевших место нападках на партию и социа-

лизм, в частности о требовании созвать не конференцию, а внеочередной съезд КПЧ для решения наболевших вопросов. Первый раз оно появилось в резолюции писателей-коммунистов 16 апреля 1956 г., а в конце мая таких требований было уже 425. Партийное руководство выделило три группы участников дискуссии. К первой, по оценке политсекретариата, самой большой, относились безусловно согласные с генеральной линией партии. Вторую группу составляли "колеблющиеся и нетвердые" партийцы. Третью — те, чьи высказывания выходили "за рамки партийной критики и зачастую отражали взгляды классового врага". Таковым считались требования ликвидации Национального фронта, разрешения создания оппозиционных политических партий, проведения свободных выборов и т.д. Говорилось об активизации бывших троцкистов, социал-демократов, национальных социалистов, а в Словакии — сепаратистов и буржуазных националистов. Из этого анализа, пишет Барновский, логически вытекали следующие шаги: поддерживать верных, убеждать колеблющихся и ошибавшихся, элиминировать носителей буржуазных взглядов. Решено было провести кадровые изменения в партийных и государственных органах: "слабых и нерешительных" заменить "убежденными и преданными членами партии"²⁹.

Особую озабоченность партийных верхов вызывали настроения интеллигенции, часть которой резко критиковала положение дел в стране и партии. Это нашло отражение в выступлениях на собраниях в высших учебных заведениях, армейских партийных организациях; государственных и научных учреждениях, в некоторых творческих союзах. Особенно выразительно указанная тенденция проявилась на втором съезде чехословацких писателей в апреле 1956 г., на котором подвергались сомнению основные положения марксизма-ленинизма: руководящая роль рабочего класса и КПЧ в строительстве нового общества, а также принцип партийности и классовости в литературном и научном творчестве³⁰. В Словакии именно из кругов интеллектуалов раздавались требования пересмотра вопроса о "буржуазных националистах" и ревизии политического процесса по их делу, расширения полномочий словацких национальных органов. Особенной активностью в этом плане отличался председатель Словацкой академии наук О. Павлик. Весной 1956 г. свое недовольство положением дел в высших учебных заведениях страны высказали студенты. Еще в начале года студенты

Университета Я.А. Коменского в Братиславе протестовали против ликвидации военных кафедр в институтах, что влекло за собой их призыв в армию после окончания высшего учебного заведения. В апреле студенты физико-математического факультета Карлова Университета в Праге наряду с рядом требований, относившихся к организации учебного процесса, выдвинули и серьезные политические требования. Они касались соблюдения принципов "социалистической демократии", отказа от "бездумного" копирования опыта СССР, публичного пересмотра политических процессов и наказания тех, кто использовал противозаконные методы при ведении следствия, объективной информации в печати и на радио и т.д. Студенты полемизировали с тезисом Новотного о том, что ЦК КПЧ должен решать самые важные вопросы жизни государства и партии. Власти не разрешили публикацию резолюции в газете "Млада фронта", тогда в виде листовок она была распространена на других факультетах Университета и в других пражских вузах, что вызвало новую волну резолюций. Резкой критике подверглась деятельность Чехословацкого союза молодежи. Братиславские студенты поддержали выступления своих пражских коллег, угрожая демонстрациями в случае отказа принять их требования. Новотный размышлял даже о закрытии высших учебных заведений в связи со студенческими волнениями. В конце концов, с помощью коммунистов, рабочих и отрядов милиции, направленных в студенческие общежития, студентов удалось "усмирить". Этому способствовало и решение ЦК КПЧ от 16 апреля 1956 г. о дальнейшем развитии высшей школы, в котором вскрывались недостатки в ее деятельности и управлении ею, говорилось о необходимости подготовки "профессионально и политически зрелых специалистов", об улучшении материального обеспечения университетов и институтов и пр.³¹

Весной 1956 г. усилилась активность и церковных кругов. Это относилось прежде всего к последователям грекокатолической церкви в Словакии, насильственно объединенной в 1950 г. с православной. Начавшийся еще в 1953 г. поток просьб к властям о восстановлении самостоятельности грекокатолической церкви, о возврате ее священнослужителей в прежние их приходы, об освобождении епископа Гойдича из тюрьмы усилился в 1956 г. Однако участники этого движения в сентябре 1956 г. были осуждены. В то же время в отношении других церквей, особенно католической, де-

лались некоторые уступки: освобождены из заключения 17 престарелых и больных священников, прервано исполнение наказания епископам Войташаку и Бузалке, переведенных в богадельни. В сентябре 1956 г. несколько ослабили государственный надзор над церковью и вмешательство в ее внутренние дела. Главным оружием в борьбе против религии объявлялась идеологическая работа, которую следовало вести более систематически и с научных позиций.

Началась дискуссия о положении в профсоюзах и их задачах. Руководящая роль КПЧ в этой организации не подвергалась сомнению, но говорилось о формах ее осуществления, об отказе от диктаторских методов работы партии в профсоюзах, подчеркивалась необходимость их большей самостоятельности и более активной защиты ими прав и интересов трудящихся. "Неправильные взгляды" профсоюзных функционеров на роль и задачи профсоюзов подверглись критике со стороны ЦК КПЧ в сентябре 1956 г. Некое подобие активности обнаружили даже партнеры КПЧ по Национальному фронту, якобы демонстрировавшему многопартийность политической системы ЧСР. Однако здесь желание заявить о своей самостоятельности оказалось минимальным.

Возвращение к политике "твердой руки"

Общий дух "вольномыслия", порожденный решениями XX съезда КПСС и проявившийся во внутрипартийной дискуссии, несомненно, насторожил руководство КПЧ, опасавшегося чрезмерной активности "низов". В связи с этим общегосударственную дискуссию по проекту директив второго пятилетнего плана решено было не пускать на самотек, а организовывать и направлять с помощью партаппарата. В одобренных конференцией директивах намечалось завершить построение материально-технической базы социализма, акцентировалось развитие ряда отраслей тяжелой промышленности, предполагалось закончить кооперирование сельского хозяйства. В числе первоочередных задач назывались существенное улучшение положения трудящихся, борьба с бюрократизмом и устранение излишней централизации в правомочиях и ответственности. Последнее, в частности, касалось словацких национальных органов³². Уже осенью 1956 г. дважды снижались цены на товары широкого потребления и продукты питания, повысилась зарплата не-

которых категорий рабочих и служащих, до 46 часов в неделю сократилось рабочее время, улучшилась система социального страхования и пенсионного обеспечения, повысилось благосостояние многодетных семей. Чтобы "притушить" оппозиционную активность некоторой части словацкого населения, прежде всего интеллигенции, в конце июля 1956 г. был принят конституционный закон о словацких национальных органах, Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных, несколько расширявший их полномочия и ослаблявший зависимость от центра. Однако при этом сохранялась подчиненность словацких органов центральному правительству и Национальному собранию. В Словакии закон приняли с определенным удовлетворением, чешская общественность осталась к нему равнодушна. Но, как считает Я. Рыхлик, на практике он реализовался в минимальной степени, что объяснялось новым "закручиванием гаек" в ЧСР в связи с событиями в Венгрии в октябре – ноябре 1956 г.³³

Реакция на эти события чехословацких властей и общественности достаточно полно исследована словацкими и чешскими историками³⁴. Чехословакия в это время уже являлась членом военно-политической организации Варшавского договора, созданного в мае 1955 г. странами советского блока во главе с СССР. В соответствии с договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи государства-участники обязались действовать, следуя принципам взаимного уважения независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга и других стран. Однако события осени 1956 г. в Венгрии показали, что это не так. Советское руководство, опасаясь за судьбы социализма в этой стране, сначала с подозрением, а затем резко критически относилось к попыткам демократизации существовавшего там режима. Руководство КПЧ с самого начала кризиса в Венгрии поддерживало позицию Москвы. Новотный участвовал в заседании политбюро ЦК КПСС 24 октября 1956 г., на котором обсуждалась ситуация в ВНР и Польше, где к власти в партии (ПОРП) пришел опальный В. Гомулка. По возвращении в Прагу Новотный сразу же – в ночь с 24 на 25 октября – доложил о результатах совещания на политбюро ЦК КПЧ, именуя участников беспорядков в Будапеште "бандитами". По его словам, Хрущев заявил: "Не случайно, что беспорядки произошли в Венгрии и Польше, а не в ЧСР. Это потому, что жизненный уровень в ЧСР несравненно выше".

Министру внутренних дел было поручено "провести соответствующие мероприятия на чехословацко-венгерской границе"³⁵. В тот же день министр национальной обороны Б. Ломский отдал приказ о разработке военного плана по обеспечению безопасности границы с Венгрией. Войска МВД усилили частями МНО и разместили в основном в предместье Братиславы из-за опасения проникновения венгерских повстанцев на территорию Словакии. В состоянии боеготовности были приведены и отряды Народной милиции. 25 октября политбюро ЦК КПЧ принял решение об усилении контроля над печатью и политическими партиями, входившими в Национальный фронт. Восстание в Венгрии СМИ интерпретировали как результат деятельности "контрреволюционных банд". Началась массовая кампания по принятию резолюций, осуждавших беспорядки в Венгрии. Новотный и Широкий в ночь с 1 на 2 ноября 1956 г. приняли участие в совещании руководителей коммунистических партий стран советского блока, поддержав решение о подавлении восстания советскими войсками. Политбюро ЦК КПЧ поручило Запотоцкому выступить с оценкой событий в Венгрии. В южной Словакии были проведены военные учения. Возвращение воинских частей к местам их постоянной дислокации началось во второй половине ноября.

Чехословацкие власти решили оказать всемерную помощь восстановлению порядка в Венгрии и укреплению позиций "рабоче-крестьянского правительства" Я. Кадара³⁶. 8 ноября 1956 г. Будапешт посетила правительственная делегация во главе с Широкиным. Политбюро ЦК КПЧ приняло решение о предоставлении политического убежища некоторым венгерским политическим деятелям. Было ли это решение реализовано, не известно. Новые венгерские власти получили помощь продовольствием, медикаментами, оружием, пропагандистскими материалами. Одной из причин трагических событий в Венгрии — по мнению Новотного, "контрреволюционного путча", — явилось "усиление либералистических тенденций, развязывание национализма и оживление ревизионизма" с помощью внутренней и внешней реакции.

События в Польше и Венгрии не получили широкого отклика и поддержки чешской и словацкой общественности, хотя отдельные факты выражения солидарности с попытками либерализации режимов в соседних странах и имели место: осуждение интервенции советских войск, выражение

симпатий венгерским повстанцам, согласие с их требованиями, выдвижение собственных требований, касавшихся повышения заработной платы, и даже забастовки (Клатовы, Бржецлав, Комарно и др.), появление листовок и надписей на стенах и пр. За выражение согласия с требованиями повстанцев и иные формы нарушения дисциплины были заведены следственные дела на 130 солдат и офицеров чехословацкой армии. В среде интеллигенции, прежде всего чешских и словацких писателей, обнаружилась тенденция солидарности с венгерскими повстанцами и отказа от их осуждения. Появление этих тенденций в Словакии власть предрешающие связывали с оживлением там националистических настроений, подтверждая тем самым якобы принципиальную правильность осуждения "словацких буржуазных националистов", некоторые из которых (Новомеский, Голдош) в начале 1957 г. были отпущены на свободу под подписку о невыезде. Политическим центром средоточения оппозиционных настроений объявлялась Словацкая академия наук (председатель О. Павлик). Новотный советовал ЦК КПС "дать оппозиционерам понять, где и что они могут критиковать. А если они будут вести себя иначе, то принять соответствующие меры"³⁷. По некоторым данным в связи с событиями в Венгрии в ЧСР до 5 ноября 1956 г. подверглись преследованиям 674 человека, главным образом за выражение своего мнения в устной форме. Однако сколько-нибудь массовых и публичных проявлений согласия с происходившим в соседних с Чехословакией странах не наблюдалось.

Развитие в ЧСР, как пишет Барновский, "шло в обратном направлении. Коммунистическое руководство фактически являлось хозяином положения, контролировало ход событий, безусловно поддерживало советскую политику и осуществляло меры, направленные на консолидацию общества". Причиной отсутствия массовой поддержки событий в Венгрии, по мнению Барновского, являлся не только страх перед возможными репрессиями. Свое влияние оказывали и исторические реминисценции, опасения венгерского ревизионизма (ревизии границ в интересах Венгрии) и ирредентизма. Многих испугали кровопролитие и жуткие случаи линчевания коммунистов, имевшие место в Будапеште. Сыграло свою роль и то, что жизненный уровень населения в Чехословакии был значительно выше, чем в Польше и Венгрии³⁸.

События в соседних странах чехословацкие власти решили использовать, чтобы окончательно загасить импульсы,

данные XX съездом КПСС, и положить конец развернувшимся после него дискуссиям. Генеральная линия на строительство социализма, одобренная X съездом КПЧ, признавалась правильной. Был взят курс на завершение строительства основ социализма в стране. Консервативные силы в руководстве партии укрепляли свое положение, стремясь завоевать доверие социально менее защищенных слоев населения путем принятия мер по улучшению их положения. ЦК КПЧ и правительство в конце ноября 1956 г. приняли новое решение о снижении розничных цен на товары широкого потребления, хотя ранее оно не предполагалось, и экономические условия этому не благоприятствовали³⁹. В партийной среде возрастало число неосталинистов, сторонников "твердого курса", проведения жесткой линии против тех, кто проповедовал немарксистские и "враждебные" взгляды. Политбюро ЦК КПЧ отдало тайный приказ Генеральной прокуратуре не освобождать политических заключенных, ужесточить наказания за антигосударственную деятельность. Особое внимание обращалось на настроения и поведение интеллигенции, в частности на деятельность союзов чешских и словацких писателей. Глава словацких коммунистов В. Биляк на заседании ЦК КПС в декабре 1956 г. говорил об опасности, могущей возникнуть, "если внутри партии и в обществе получат перевес вечно колеблющиеся интеллектуалы, которые никогда не понимали и не понимают законы диалектики, которые, колеблясь, сегодня до небес превозносят одно, чтобы завтра это ниспровергнуть, и которые легко становятся игрушкой, инструментом контрреволюции"⁴⁰. Положение в рядах словацкой интеллигенции обсуждалось на заседании Политбюро ЦК КПЧ в апреле 1957 г., на котором речь шла даже о возникновении оппозиционной и фракционной группы в словацкой компартии. Копецкий призывал к твердости и решительности в действиях против нее: "Надо, чтобы в действиях против этой фракции, вы были храбры, как львы, хитры, как змеи, и чисты, как голуби". Фирлингер указывал на национализм О. Павлика и предлагал не сравнивать словацких писателей с чешскими, которые в своей основе "честные", в то время как среди первых "сильны националистические течения". Были приняты решения об исключении О. Павлика из партии, о партийных наказаниях и снятии с должностей Ю. Шпитцера и Ц. Штитницкого, возглавлявших соответственно еженедельник "Культурная жизнь" и Союз словацких писателей⁴¹.

На заседании ЦК КПЧ в июне 1957 г., рассмотревшего вопросы идеологической работы партии, секретарь ЦК Й. Гендрих в качестве главной опасности назвал ревизионизм, который ведется якобы под лозунгом борьбы против сталинизма. В. Биляк упрекал писателей и деятелей искусства в аморальности, поскольку, дескать, они получают плату от народа и не отработывают ее, как должно: «Старая пословица гласит "Чей хлеб ешь, того и песни пой". Я думаю, они получают достаточно хлеба, чтобы хоть немного приличнее пели». Собравшийся вслед за этим пленум Союза чешских писателей, на котором присутствовал Запотоцкий, дистанцировался от тенденций, проявившихся на 2-м съезде писателей в апреле 1956 г. и направленных на "непризнание руководящей роли КПЧ". "Чешские писатели сдались, словацкие писатели еще некоторое время вели арьергардные бои, но нажим сверху усиливался"⁴², — пишет Барновский. "Наступление" на интеллигенцию в Чехословакии являлось в определенной степени отражением и советской политики в этой области: в 1957 г. резкой критике подверглись писатели В. Дудинцев за книгу "Не хлебом единым" и Б. Пастернак за роман "Доктор Живаго", вышедший за границей, а также поэт А. Вознесенский. В Чехословакии пострадали не только писатели, но и другие отряды интеллигенции, в частности преподаватели высшей школы, которым вменялась в вину недостаточная политико-идеологическая работа среди студентов. В декабре 1957 г. политбюро ЦК КПЧ приняло решение о проверке классовой и политической благонадежности работников министерств, центральных учреждений, научно-исследовательских и других институтов. В ходе этой "чистки" многие переводились на низшие должности и отправлялись на пенсию, некоторые подлежали "перевоспитанию" физическим трудом на производстве. Осуществлялась массовая чистка библиотек от "не имеющей цену и вредной" литературы.

Незначительными оказались и результаты реабилитации, пересмотра политических процессов начала 50-х годов. Созданная в этих целях еще в январе 1955 г. комиссия во главе с министром внутренних дел Р. Бараком, завершила свою деятельность в сентябре 1957 г. Согласно итоговому сообщению о ее работе, было изучено 6978 судебных дел, из которых к пересмотру определено лишь 263. В 50 случаях суды признали ранее вынесенные приговоры необоснованными, в 213 случаях посчитали наказание неадекватным,

в 6715 случаях подтвердили правильность прежних приговоров. Власти из политических соображений предпочитали вместо ревизии судебных процессов освобождать осужденных в их ходе путем амнистии или помилования. Так, по президентской амнистии 9 мая 1955 г. 6827 человек были освобождены, а 1987 лицам снижены сроки заключения⁴³. Неосталинизм, полагает Барновский, не являлся ортодоксальным сталинизмом. Общество и политическую практику уже невозможно было вернуть к положению 7 — 9-летней давности. Жесткость режима ослабла. Террор стал более умеренным и менее своевольным⁴⁴.

Курс на завершение строительства основ социализма предполагал новое наступление на частное предпринимательство как в городе, так и в деревне. И оно началось. Некоторое оживление сельскохозяйственного производства в 1955 г. в результате чрезвычайно благоприятных климатических условий связывалось с не соответствовавшим действительности утверждением, что главная заслуга в этом принадлежит ЕСХК. Зима 1955 — 1956 гг. ознаменовалась бурным ростом кооперативов, прежде всего в чешской деревне. В Словакии темпы кооперирования оставались низкими. Было принято политическое решение о запрещении вступления в ЕСХК кулаков, хотя на практике при определенных условиях это допускалось. В постановлении правительства от сентября 1955 г. отмечалось: "Мы будем бороться против него до тех пор, пока последний кулак не будет ликвидирован как собственник крупного хозяйства. Речь идет не о физической ликвидации кулаков, а о ликвидации кулацкого хозяйства"⁴⁵. Множество всяческих запретов и ограничений приводило к упадку крупные крестьянские хозяйства, которые в случае невозможности обеспечить производство в них передавались либо госхозам, либо кооперативам. Их бывшие собственники, кулаки, как правило, переходили на работу в город, а чаще всего — на шахты, иногда же оставались в качестве рабочих в госхозах.

Общегосударственная партийная конференция КПЧ (июнь 1956 г.) закрепила курс "на ограничение стихийных тенденций индивидуального крестьянского мелкого производства и его переведение на кооперативные социалистические рельсы"⁴⁶. В силе оставалась и политика ограничения и вытеснения кулачества, хотя акцент делался на перевоспитании представителей "последнего эксплуататорского класса". Скорейшее создание социалистического сектора в де-

ревне рассматривалось в прямой связи с заданиями второго пятилетнего плана, акцентировавшего развитие промышленности и ее тяжелых отраслей. К концу пятилетки социалистический сектор в сельском хозяйстве, представленный ЕСХК высших типов, должен был стать преобладающим. К концу 1956 г. почти 60% всех деревень имели производственные кооперативы. Их организационно-хозяйственное укрепление не поспевало за темпами количественного роста ЕСХК, которые объединяли всего 15,3% всех крестьянских хозяйств страны⁴⁷. Их собственниками являлись в основном мелкие крестьяне и коворольники. Середняки вели себя пассивно.

События в Венгрии и Польше осенью 1956 г. привели к замедлению темпа роста кооперативов и вступлению в них крестьян. На местах появились сомнения в правильности и целесообразности ускоренной социалистической перестройки деревни, надежды на стабилизацию и укрепление мелкотоварного сектора в сельском хозяйстве. В то же время увеличивалось и число сторонников усиления экономического нажима на крестьян с целью заставить их вступать в ЕСХК. Весной 1957 г. темпы их создания снова возросли, а летом и осенью того же года организация кооперативов приобрела массовый характер. Уяснив безвыходность ситуации, в них начали вступать и средние крестьяне. Собранный в июне 1958 г. XI съезд КПЧ поставил задачу ликвидировать кулачество как класс. В 1958 — 1959 гг. кооперирование чехословацкой деревни фактически завершилось, кулачество практически перестало существовать. В социалистическом секторе было сосредоточено 87,4% всех сельскохозяйственных угодий страны⁴⁸. К 1960 г. сельскохозяйственное производство в ЧСР достигло довоенного уровня, увеличившись по сравнению с 1948 г. почти на 30%. Товарная продукция сельского хозяйства росла быстрее, чем валовая. Она увеличилась на 25,5% по сравнению с довоенным уровнем и на 56% по сравнению с 1948 г., что при одновременном истощении деревни позволило обеспечить продовольствием растущие потребности города и развивать промышленность⁴⁹.

Одновременно с наступлением на единоличников в деревне усилился нажим на мелких городских собственников. Ремесленные предприятия, использовавшие наемную рабочую силу, стали характеризоваться как капиталистические. Политбюро ЦК КПЧ в апреле 1957 г. рекомендовало созда-

вать "благоприятные условия для вытеснения частного предпринимательства и ограничения деятельности кустарей", соблюдая при этом "классовый принцип политики партии"⁵⁰. В 1957 – 1958 гг. число мелких частных предприятий в городах сократилось более чем вдвое, как и количество наемных работников в них. И далее роль мелкого производства в экономике страны продолжала падать. XI съезд КПЧ поставил задачу ликвидировать "остатки частнопредпринимательских элементов в городе путем их последовательного ограничения и вытеснения". Общегосударственная конференция КПЧ (июль 1960 г.) констатировала, что частное хозяйство в стране "по существу, ликвидировано, его остатки составляют лишь незначительную долю в нашем народном хозяйстве и постепенно исчезают"⁵¹.

Большую роль в восстановлении политики "твердой руки" сыграл Новотный, избранный после смерти Запотоцкого (13 ноября 1957 г.) президентом Чехословакии. Совместив в своем лице обе функции — первого секретаря КПЧ и президента страны, он стал непререкаемым авторитетом, слово которого являлось законом. По мнению Я. Рыхлика, режим, установленный Новотным, имел характер личной диктатуры. Он отличался от фактически бесправного режима начала 50-х годов тем, что якобы руководствовался принципом "соблюдения социалистической законности", хотя практика это часто опровергала. Поддержанный Москвой в своем стремлении завершить построение в стране основ социализма Новотный приложил все силы к тому, чтобы преодолеть первый кризис коммунистического режима, пик которого пришелся на 1956 г., и добиться некоторой его консолидации. С именем Новотного связывали свои надежды прежде всего консервативные силы, стремившиеся к более полному восстановлению ситуации, имевшей место перед мартом 1953 г. Однако в новой международной обстановке это было уже невозможно.

Москва в период "хрущевской оттепели" не отказалась от командования в отношениях со странами советского блока, но делала это в более мягких формах. В своей сервильности, стремлении не только следовать всем "рекомендациям" московского патрона, но и подражать ему во всем, Новотный, пожалуй, опережал многих лидеров этих стран. Свидетельств тому множество. В частности, например, ЦК КПЧ в ноябре 1957 г. принял постановление о выращивании кукурузы в ЧСР и мероприятиях в целях повышения ее произ-

водства в 1958 и последующих годах. Критике подвергалась "неправильная и неубедительная пропаганда" этой культуры, ставились задачи увеличения занятых ею площадей. Ответственность за выполнение постановления возлагалась на местные партийные органы⁵². Напомним, что в СССР после утверждения у власти Хрущева, занявшего осенью 1957 г. посты первого секретаря ЦК КПСС и главы правительства, "социалистическая перспектива" оценивалась весьма оптимистично. Хрущев исходил из ложного представления о том, что уровень советской экономики дает возможность в ближайшие десятилетия достигнуть уровня США, как по общему объему производства, так и по уровню производства на душу населения. Выдвигалась глобальная цель "победы социализма над капитализмом во всемирном масштабе". Эта концепция безоговорочно поддерживалась и чехословацкими верхами во главе с Новотным. Желание поскорее отрапортовать о "достижениях" в строительстве социализма, по видимому, продиктовало и формулирование иллюзорной, идеологически мотивированной цели, поставленной на ближайшие десятилетия XI съездом партии: "развивать зрелое социалистическое общество, накапливать и создавать новые материальные и культурные ценности для постепенного перехода к коммунизму".

Эта цель, по существу, подтвердила и общегосударственная партийная конференция (5—6 июля 1960 г.), наметившая конкретную программу "всестороннего развития социалистического общества", основы которого, как считалось, уже построены. Налицо были, как вскоре оказалось, завышенная оценка достигнутых результатов в деле построения социализма, постановка невыполнимых целей. Конференция обсудила и проект новой конституции республики, вынесенный весной 1960 г. на всенародное обсуждение. 11 июля 1960 г. конституцию одобрило Национальное собрание. Отражавшая якобы близкие коммунистические перспективы, она характеризовала Чехословакию как социалистическое государство, основанное на союзе рабочих, крестьян и интеллигенции во главе с рабочим классом. Подчеркивалась руководящая роль коммунистической партии в обществе.

Конституция провозгласила республику государством двух равноправных народов — чехов и словаков. Исходя из ложного посыла о том, что неизбежное сближение наций в условиях социализма имеет следствием в ближайшей пер-

спективе их слияние, конституция значительно ограничила полномочия и компетенции словацких национальных органов. Корпус уполномоченных был объединен со Словацким национальным советом, исполнительным органом которого стал его президиум. Элиминирование остатков словацкой автономии, по словам Я. Рыхлика, исходило лично от Новотного, который сначала маскировал его необходимостью проведения административной реформы. Ее сутью являлись формальное повышение полномочий национальных комитетов и децентрализация государственной власти. Согласно новому административному делению Чехословакия была разделена на 7 чешских и 3 словацких края, 75 чешских и 33 словацких районов. Однако фактическая власть на местах по-прежнему оставалась в руках краевых и районных партийных органов, которые руководствовались в своей деятельности решениями ЦК КПЧ⁵³.

Провозглашение Чехословакии социалистическим государством привело к официальному изменению ее названия. Страна стала именоваться Чехословацкая социалистическая республика (ЧССР).

¹ *Barnovský M. Prvá vlna destalinizácie a Slovensko (1953–1957)*. Brno, 2002. S. 15.

² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949–1953 гг. (Далее: ВЕДРА. Т. 2.). С. 883–884, 885, примеч. 2.

³ *Barnovský V. Prvá vlna...* S. 17.

⁴ ВЕДРА. Т. 2. С. 923, примеч. 1.

⁵ Там же. С. 918–923; СФВЕ. Т. 2. С. 758.

⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. М., 2002. Т. 2: 1949–1953. Документы. (Далее: СФВЕ. Т. 2.). С. 761–762.

⁷ ВЕДРА. Т. 2. С. 924; СФВЕ. Т. 2. С. 764–766.

⁸ СФВЕ. Т. 2. С. 768–769.

⁹ Там же. С. 770.

¹⁰ ВЕДРА. Т. 2. С. 935.

¹¹ *Barnovský M. Prvá vlna...* S. 20.

¹² См. подробнее: СФВЕ. Т. 2. С. 800–801.

¹³ См. подробнее: Там же. С. 794–800, 830.

¹⁴ Там же. С. 834.

¹⁵ Там же. С. 809.

¹⁶ *Zemědělské noviny*. 16.VI.1953.

¹⁷ См. подробнее: *Марьина В.В. Мурашко Г.П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948–1960)*. М., 1972. С. 166–169; *Barnovský V. Prvá vlna...* S. 35–38.

¹⁸ *Vývoj československého zemědělství v období 20 let (v číslech)*. Praha, 1966. S. 106.

¹⁹ *Barnovský M. Prvá vlna...* S. 24.

- ²⁰ См. подробнее: *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20 století. Česko-slovenské vztahy 1945 – 1992. Bratislava; Praha, 1998. S. 146 – 169.
- ²¹ *Kaplan K.* Některá revoluční. Praha, 1993. S. 284 – 290.
- ²² *Ibid.* S. 364.
- ²³ Od X do XI sjezdu. Usnesení a dokumenty ÚV KSČ. Praha, 1958. S. 117 – 118.
- ²⁴ См. подробнее: *Марына В.В., Мурашко Г.П.* Путь чехословацкого крестьянства... С. 193 – 198.
- ²⁵ *Barnovský M.* Prvá vlna... S. 58 – 60.
- ²⁶ Od X do XI sjezdu. S. 246 – 258, 290 – 291.
- ²⁷ *Barnovský M.* Prvá vlna... S. 61 – 62.
- ²⁸ Od X do XI sjezdu. S. 291.
- ²⁹ *Barnovský M.* Prvá vlna... S. 69 – 70.
- ³⁰ *Ibid.* S. 77 – 84.
- ³¹ *Ibid.* S. 84 – 89; Od X do XI sjezdu. S. 264 – 289.
- ³² Od X do XI sjezdu. S. 324 – 344, 345 – 402.
- ³³ *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20 století. S. 174 – 178..
- ³⁴ См. подробнее: *Vojenská a další opatření Československa v době povstání v Maďarsku na podzim 1956: Sborník dokumentů.* Praha, 1993. Díl 1 – 2; *Pešek J.* Maďarské udalosti roku 1956 a Slovensko // *Historický časopis.* 1993. N 4. S. 430 – 442; *Pernes L.* Ohlas maďarské revoluce roku 1956 v československé veřejnosti // *Soudobé dějiny.* 1994. N 4. S. 512 – 526; *Bilek L, Pilát V.* Bezprostřední reakce československých a vojenských orgánů na povstání v Maďarsku // *Soudobé dějiny.* 1994. N 4. S. 500 – 511; *Krízy režimov sovietskeho bloku v rokoch 1948 – 1989.* Banská Bystrica, 1997. S. 151 – 196.
- ³⁵ *Vojenská a další opatření... Díl 1.* S. 32 – 34.
- ³⁶ *Ibid.* S. 97 – 98, 108–111.
- ³⁷ *Barnovský M.* Prvá vlna... S. 104.
- ³⁸ *Ibid.* S. 101, 109.
- ³⁹ Od X do XI sjezdu. S. 470–473.
- ⁴⁰ Цит. по: *Barnovský M.* Prvá vlna... S. 111.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 113 – 114.
- ⁴² *Ibid.* S. 115.
- ⁴³ *Ibid.* S. 119.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 122.
- ⁴⁵ Pod zástavou socialismu. 1955. N 13. S. 50.
- ⁴⁶ Общегосударственная конференция Коммунистической партии Чехословакии. М., 1957. С. 30.
- ⁴⁷ Deset let JZD. Praha, 1959. S. 88.
- ⁴⁸ Statistická ročenka MZLH. 1960. Praha, 1960. S. 281.
- ⁴⁹ Конкретный материал о кооперировании деревни во второй половине 1950-х годов см.: *Марына В.В., Мурашко Г.П.* Путь чехословацкого крестьянства... С. 234 – 324.
- ⁵⁰ Od X do XI sjezdu. S. 504 – 507.
- ⁵¹ Общегосударственная конференция Коммунистической партии Чехословакии (Прага, 5 – 7 июля 1960 г.). М., 1961. С. 23.
- ⁵² Od X do XI sjezdu. S. 670 – 673.
- ⁵³ *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20 století. S. 179 – 187.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ПРАЖСКАЯ ВЕСНА 1968 г.

В истории международных отношений 60 — 70-х годов события Пражской весны* (1968 г.) занимают особое место. Эти события не только предопределили затяжной кризис в Чехословакии (они, собственно говоря, и возникли на фоне развития этого кризиса), но оказали серьезное и длительное воздействие на внутренние общественно-политические процессы в бывших социалистических странах, в рамках Организации Варшавского Договора (ОВД). Они в перспективе повлияли и на взаимоотношения двух военно-политических блоков, и на исход "холодной войны". Оценки этого исторического явления за сравнительно короткое время, прежде всего в Советском Союзе, странах Центральной и Юго-Восточной Европы, ранее входивших в Варшавский Договор и СЭВ, резко менялись: от антисоциалистического выступления, "ползучей контрреволюции" до "мирной демократической революции". В странах Западной Европы и Америки события 1968 г. в бывшей Чехословакии рассматривались как выступление за свободу и независимость, против диктатуры компартии, подавленное вводом войск СССР и его союзников. Другое дело, что ведущие страны НАТО при всех симпатиях к Пражской весне не решились до 21 августа 1968 г. открыто ее поддержать на уровне государственной политики.

Процесс реформирования, начатый коммунистами — активистами правящей в стране Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) и с энтузиазмом поддержанный широкими массами населения, был вскоре подавлен военной силой, тоже коммунистами, стоявшими у власти в соседних государствах — союзниках ЧССР по Варшавскому Договору. Идеи Пражской весны были вроде бы раздавлены танками,

* Согласно современной традиции термин "Пражская весна" употребляется без кавычек.

но не были преданы забвению. Они повлияли на зарождение уже на новом витке истории идей антитоталитарных массовых движений и более или менее мирных революций, приведших в конце 80-х годов XX в. к смене общественного строя в бывших социалистических странах Европы и демонтажу их военно-политического блока — Организации Варшавского Договора, а затем и к распаду Советского Союза.

События 1968 г. в Чехословакии, разумеется, не являлись результатом заговора правых реакционных сил, задумавших сменить государственный и общественный строй в ЧССР. Вряд ли можно говорить (как это утверждала пропаганда Советского Союза и его союзников) и о попытке внешних сил, например, государств — членов НАТО или США использовать бурные общественные процессы в Чехословакии в 1968 г. для отрыва этой страны от социалистического лагеря, для смены общественного строя, хотя в целом их политика и пропагандистская машина активно обыгрывали события в Чехословакии для острой критики социализма, для ослабления единства стран — членов Варшавского Договора и подрыва влияния Советского Союза.

В 1968 г. в Чехословакии в ходе Пражской весны речь шла в первую очередь о внутреннем общественном процессе, вызревавшем с конца 50-х годов и имевшем целью демократизацию режима, освобождение от оков сталинистского правления, свободу печати, экономические, прежде всего рыночные, реформы и защиту национальной независимости страны. В основе своей Пражская весна являлась общественным движением широких масс, членов КПЧ и беспартийных. Этот процесс постепенно разрастался в недрах социалистического строя, пораженного тяжелыми недугами, терявшего динамику и свои преимущества, не сумевшего преодолеть губительные последствия сталинизма. Фактически движение обновления и реформ было инициировано внутри компартии Чехословакии деятелями и группами номенклатурной элиты и просоциалистически и либерально настроенными представителями интеллигенции. Наиболее дальновидные деятели партократии осознавали кризис системы власти и управления обществом и искали выход на основе достижений послевоенной социалистической мысли. В целом в их понимании шла речь тогда об "улучшении" социализма, о его обновлении. Но некоторые представители общества делали ставку на большее — на разрыв с социализмом.

В размышлениях чехословацких реформаторов находили отражение уроки развития Чехословакии после 1948 г., т.е. последствия смены внешнеполитической ориентации, трудности строительства социализма по сталинской модели, трагический опыт подавленных силой народных выступлений в 1953 г. в ГДР и в 1956 г. в Венгрии, а также польский и югославский опыт, в том числе функционирование системы "общественного самоуправления". Они, естественно, обращали свое внимание на опыт европейской социал-демократии, отдельных партий Социалистического Интернационала, особенно по созданию социально ориентированной рыночной экономики.

Следует учитывать, что это был период шестидесятых годов — время ожиданий и надежд в социалистическом блоке. Первоначальный импульс попыткам реформ был дан решениями XX съезда КПСС, хрущевской "оттепелью" в Советском Союзе. СССР являлся ядром и главенствующей силой социалистического лагеря, поэтому его воздействие в идейной области было большим. Но и торможение шло из Москвы. Однако потенциал реформаторов отнюдь не иссяк в борьбе с волной неосталинизма после политического падения Н.С. Хрущева. Во всех социалистических странах предпринимались шаги прежде всего по совершенствованию системы управления экономикой. В руководстве КПСС шли дискуссии и политическая борьба вокруг "косыгинской" реформы. Однако реформаторы европейских социалистических стран хотели в основном идти своим путем, более близким к опыту мировой левой социал-демократии.

В КПЧ и вне ее рядов, особенно среди творческой интеллигенции, в студенческих организациях возникали острые дискуссии по вопросам ориентации развития страны, политики компартии, либерализации общественной жизни, отмены цензуры и т.д. Страна, еще до Второй мировой войны известная своими демократическими традициями, развитой промышленностью и сельским хозяйством, явно отставала от своих западных соседей. Даже консервативно настроенный глава компартии и президент республики А. Новотный, убедившись в провале третьего пятилетнего плана, стал поддерживать идеи изменений в системе хозяйственного управления. В целом руководство компартии с запозданием поняло, что Чехословакия все более отстает от процессов научно-технической революции, падает конкурентоспособность промышленной продукции и страну ждут

новые трудности. Были созданы партийные комиссии по улучшению экономического планирования, по внедрению результатов передовых технологий и науки, по разработке новой модели руководства в целях осуществления экономической реформы.

Хозяйственная реформа рыночной направленности, разработанная под руководством профессора О. Шика, предусматривала ограничение централизации управления и расширение прав предприятий и трудовых коллективов. Разумеется, ее реализация создавала предпосылки для последующих перемен в политической системе, прежде всего изменения гипертрофированной роли компартии. Это был коренной вопрос.

Процесс перемен в партии и стране встречал все большее сопротивление первого секретаря ЦК КПЧ и президента Чехословакии А. Новотного и его сторонников. Кадровые перестановки на вершине власти приближались, однако "старая гвардия" стремилась приспособиться к обстановке и удержаться у руля правления. В 1966 – 1967 гг. шло неуклонное нарастание противоречий внутри высшего руководства КПЧ, происходившее на фоне экономической стагнации, споров вокруг десталинизации и демократизации, а также федеративного устройства страны.

Дискуссия в руководстве, обострившаяся в конце 1967 г., привела на пленуме ЦК КПЧ 3–5 января 1968 г. к уходу А. Новотного с поста первого секретаря ЦК. Против него сформировался блок различных сил, объединились практически все группировки в ЦК. Внутри элиты компартии Чехословакии и среди представителей гуманитарной интеллигенции обозначилось стремление к разрыву с ленинско-сталинской концепцией социализма в пользу марксизма и переходу через демократизацию к социально однородному обществу без классовых антагонизмов. За ориентир принимались социал-демократические модели. Очевидно, А. Дубчек и другие руководители впоследствии обновленного руководства КПЧ в глубине души наивно полагали, что на примере своей страны докажут КПСС необходимость пересмотра социалистической теории и практики. Дело в том, что для Чехословакии с ее уровнем экономического развития внедрение советской модели социализма оказалось сопряженным со многими перекосами в экономике и социальной сфере, привело к изоляции страны от мирового хозяйства. В то же время удивительно было то, что процесс

десталинизации в ЧССР проходил более медленно, чем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Это объяснялось не только засильем "партийного государства", но и относительно хорошим экономическим положением в сравнении с другими странами этого региона.

В Москве знали о ситуации внутри КПЧ. А. Новотный, с явной неохотой, не без давления со стороны Н.С. Хрущева, согласившийся на реабилитацию жертв политических репрессий 40 – 50-х годов и снятие беспочвенных обвинений в "буржуазном национализме" словацких коммунистических политиков В. Клементиса, Г. Гусака и Л. Новомеского, вел себя крайне непоследовательно, выпуская джина из бутылки и все более утрачивая влияние на ход событий. Тенденция к обновлению усиливалась, что проявилось и на XIII съезде КПЧ (май – июнь 1966 г.). Приняв по примеру КПСС идею построения "общенародного государства", консервативная верхушка КПЧ во главе с первым секретарем начала после съезда тормозить намечающийся общественный поворот. Был усилен прямой нажим на профсоюзы, молодежную организацию, отменены меры по переходу к децентрализации управления экономикой. На пленуме ЦК в октябре 1967 г. А. Новотный намеревался поставить на место своих противников, но столкнулся с сопротивлением со стороны трех групп партийных деятелей – тех, кто отвечал за ситуацию в экономике, идеологов – представителей партийной интеллигенции, и членов ЦК из Словакии. Взрыв произошел после выступления первого секретаря ЦК компартии Словакии А. Дубчека. Он выразил сомнение в правильности постулатов А. Новотного о классовом характере эпохи перехода к коммунизму, подверг критике консерватизм и сектантство, ошибочные методы работы высшего руководства. Главное же, он указал на пагубность совмещения трех постов, т.е. концентрации власти в руках А. Новотного функций первого секретаря ЦК компартии, президента республики и верховного главнокомандующего. Были также высказаны замечания о недостаточном внимании к экономическому развитию Словакии со стороны А. Новотного. Разгорелась дискуссия, но поскольку надвигалось 50-летие Октябрьской революции, и надо было ехать в Москву, завершение пленума отложили.

До Л.И. Брежнева, разумеется, дошла информация о характере пленума, да и А. Новотный (а по некоторым сведениям и секретарь по идеологии И. Гендрих, второй человек в

ЦК) приглашал его приехать в Прагу. В этой ситуации генеральный секретарь ЦК КПСС решил путем "личной дипломатии" спасти положение, восстановить единство в КПЧ и примирить конфликтующие стороны. Он прибыл в Прагу 8 декабря 1967 г. Проведя 18 часов в переговорах с членами высшего руководства КПЧ, в частности с Новотным, Гендрихом, Дубчеком и Ю. Доланским, и убедившись, что на сплочение их уговорить не удастся, Брежнев быстро улетел в Москву, сказав: "Поступайте, как хотите". По другой версии, Брежнев якобы сказал аккуратнее, что смена руководства является внутренним чехословацким делом¹. Во всяком случае, он понял, что ситуация совсем не однозначная, Новотного спасти не удастся, а ввязываться в назначение нового лидера ему не хотелось. В таком примерно духе он рассказывал о своей неудавшейся поездке партийному руководителю Венгрии Я. Кадару. Очевидно, что ни Брежнев, ни советское руководство в целом в тот момент не представляли масштабов процессов, начинавшихся в стране и разъедавших КПЧ, а самое главное — их последствий.

Нейтралитет Москвы означал, естественно, свободу рук для критиков Новотного. Брежнев относился к нему, как к союзнику, но недолюбливал, полагая, что его негибкая политика является причиной нараставших трудностей в Чехословакии. Возможно, он не мог простить Новотному и некоторых сомнений, высказанных в 1964 г. относительно формы освобождения Хрущева со всех высших постов.

Москва медила, поскольку у руководства КПСС не было своего кандидата на пост партийного лидера в Праге. Новотный на время остался на посту президента республики, а первым секретарем ЦК КПЧ после длительных закулисных переговоров на пленуме ЦК в январе 1968 г. был избран А. Дубчек, до этого возглавлявший ЦК компартии Словакии и выступавший за обновление политики партии. В Президиум ЦК КПЧ были введены четыре новых члена. Впервые компартию Чехословакии возглавил словак. Это была своего рода сенсация, но по существу за этим стоял компромисс различных сил внутри ЦК.

В Москве поначалу к избранию Дубчека отнеслись спокойно. Многим казалось, что его фигура яснее, понятнее и перспективнее, чем, например, О. Черника или Л. Штроугала, не говоря уже о представителях "старой гвардии". Дубчек провел многие годы своей жизни в СССР, окончил ВПШ при ЦК КПСС. Видимо, надеялись, что он будет управляемой

фигурой из-за покладистости характера. Дубчек был коммунистом-реформатором. Как политик он стремился к демократизации системы власти советского типа, даже пытался показать пример другим социалистическим странам, но, будучи идеалистом, мягким, хотя и хитрым, человеком, он нередко попадал под влияние различных политических сил, которые использовали в своих целях определенные черты его натуры.

Первый период Пражской весны — примерно до апреля 1968 г. — был сравнительно тихим. Велись споры о дальнейшем пути развития, определялись позиции различных политических сил. Об этом свидетельствует один из партийных идеологов того времени, секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж², являвшийся разработчиком многих политических документов. Такой же позиции придерживается американская исследовательница Карен Давиша³, которая составила детальную периодизацию событий Пражской весны. Она выделила предкризисный период (два этапа — до мая 1968 г.), собственно кризис (с пятью этапами — от 5 мая до 20 августа) и посткризисный период (до 27 августа, дня подписания так называемого Московского протокола). В истории общественных перемен в Чехословакии в 1968 г. и событий вокруг нее в контексте отношений ЧССР и ее союзников по Варшавскому Договору подлинно этапными для 1968 г., по нашему мнению, можно считать:

январь — пленум ЦК КПЧ, избрание А. Дубчека на пост первого секретаря ЦК;

март — встреча руководителей европейских социалистических стран в Дрездене;

май — переговоры в Москве: сначала Брежнев — Дубчек, потом союзники (без представителей Чехословакии и Румынии), пленум ЦК КПЧ;

июль — пик кризиса в отношениях союзных государств с Чехословакией, встреча "пятерки" в Варшаве, без представителей КПЧ и правительства ЧССР;

конец июля — начало августа — поиски компромисса в Чьерне-над-Тисой и в Братиславе;

16–18 августа — принятие решений в Москве о вводе войск;

21 августа — военная акция и затем подписание Московского протокола.

Периодизацию можно укрупнить, можно детализировать, но фактически разворачивались два процесса: во-пер-

вых, демократизация в Чехословакии, усиление плюралистических тенденций и оттеснение антиреформаторских сил внутри КПЧ; во-вторых, укрепление консервативных подходов и созревание интервенционистских настроений в руководящих партийно-государственных структурах Советского Союза и его ближайших союзников. На первом этапе, до марта — апреля, в Чехословакии бурно проходили дискуссии о необходимости перемен, о будущем страны в целом. Ослабли цензурные ограничения, кардинально сменился тон средств массовой информации, возникали новые органы печати и общественные объединения, в том числе "КАН" — Клуб беспартийных активистов, клуб бывших политических заключенных "231" и другие. Активизировались социал-демократы. Зазвучали призывы к пересмотру внешнеполитических принципов.

Что касается руководства КПЧ и правительства ЧССР, то помимо общих слов о демократии, либерализации, новых идей и концепций по существу не появилось, а внутри шла "позиционная война" за перераспределение портфелей. Вот как пишет об этом бывший секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж: "На протяжении целых трех месяцев партийное руководство решало вопросы, связанные с распределением кресел в верхушке партийного и государственного аппарата, и именно поэтому невозможно было приступить к осуществлению продуманной политики реформ. Общественность же не могла ждать окончания борьбы за кресла министров и секретарей ЦК. Накопившиеся, но не решенные за многие годы проблемы, стали обсуждаться открыто".

Хотя руководство партии решило еще в январе подготовить "Программу действий КПЧ", и она была составлена в конце февраля, ее принятие затянулось до начала апреля. Не следует переоценивать значение этого документа, он явился плодом компромисса различных подходов. Однако определенные рамки политического процесса он все-таки определял. Задержка с его принятием означала, что компартия как инициатор перемен по существу теряла время и уступала политическое пространство другим силам.

У Дубчека и его сторонников, очевидно, были на это свои причины. Первый секретарь ЦК КПЧ поощрял широкую критику недостатков и поддерживал атмосферу свободы выражения мнений, но одновременно решал свои проблемы. Ему надо было укрепить свое положение как лидера и добиться изменения соотношения сил в свою пользу, оттес-

нить догматиков. В тот момент он не торопился с созывом чрезвычайного съезда партии и вообще готовил перемены без нажима и обострений. В конце марта был освобожден с поста президента А. Новотный, новым президентом ЧССР стал 72-летний генерал Л. Свобода, человек известный еще со времени Второй мировой войны, находившийся при Новотном в опале. Видимо, полагали, что президент будет ритуальной фигурой. Учитывали одновременно, что в Москве генерала хорошо знали как командующего 1-го Чехословацкого армейского корпуса, сформированного в СССР в годы войны. Были и другие кандидаты на президентское кресло: Й. Смрковский, О. Черник, Э. Гольдштюккер, а также Ч. Цисарж. Но, похоже, генералу Свободе в Москве отдали предпочтение, так как Брежнев знал его лично. Были вынуждены уйти в отставку несколько одиозных деятелей консервативного толка из ЦК и правительства, в том числе министр обороны и министр иностранных дел. В Москве эти перемены были восприняты с недовольством. Позднее, осенью 1968 г., Брежнев будет "выговаривать" Дубчеку за то, что он поторопился и вообще не советовался с Москвой по кадровым вопросам.

4 апреля 1968 г. пленум ЦК КПЧ избрал новый состав президиума и секретариата ЦК, в котором было достаточно сторонников Дубчека, хотя имелись и "люди Москвы"; 8 апреля председателем правительства ЧССР стал О. Черник; 18 апреля Й. Смрковский был избран председателем Национального собрания ЧССР.

Но главное состояло в том, что атмосфера в стране становилась другой, влияние КПЧ ослабевало. Инициатива постепенно переходила в руки новых политических сил, не связанных с прежней командно-административной системой, которые оказывали давление на партийно-государственное руководство через средства массовой информации и в целом вне рамок официальных структур (оживились профсоюзы, молодежные организации, творческие союзы и академии наук). При этом общественность с восторгом поддерживала Дубчека и его сторонников — "прогрессистов", они находились на гребне волны общественного подъема. Президент Чехии после "бархатной революции" 1989 г., известный правозащитник В. Гавел так оценивал тогдашнее состояние лидеров Пражской весны и их взаимоотношения с населением: "Они постоянно оказывались в состоянии легкой шизофрении: они симпатизировали этому общественному

подъему и одновременно боялись его, опирались на него и одновременно хотели его затормозить. Им хотелось открыть окна, но они боялись свежего воздуха, им хотелось реформ, но лишь в границах своих ограниченных представлений, чего народ в своей эйфории великодушно не замечал, а на это надо было обратить внимание. Так что они, скорее, просто семенили вслед за событиями, а не направляли их. Само по себе это не имело значения, общество могло обойтись и без их помощи. Опасность была в том, что руководство, не имея четкого представления о том, что происходит, не представляло себе, как это защитить. Будучи в плену своих иллюзий, они постоянно уговаривали себя, что им как-то удастся объяснить это советскому руководству, что они что-либо им обещают и тем самым успокоят их..."⁴

Первые сигналы предупреждения со стороны Москвы

Параллельно шел другой процесс — росли недоверие и подозрительность со стороны союзников Чехословакии по Варшавскому Договору СССР, ПНР, ГДР, НРБ и ВНР. Разумеется, Дубчек не был наивным человеком в политике, он пытался маневрировать, прекрасно понимая, как важно для судьбы чехословацких реформ найти общий язык с лидерами Советского Союза. Вопрос о том, что это будет вообще невозможно, в то время, похоже, для него еще не вставал.

В конце января Дубчек имел многочасовую встречу с Брежневым. Еще раньше он начал знакомиться с руководителями других социалистических стран. Наиболее дружественные контакты сложились у него с Кадаром, с которым он встретился до поездки в Москву. На годовщину февральских событий 1948 г., когда коммунисты пришли к власти, в Прагу по просьбе Дубчека, поддержанной Москвой, прибыли все лидеры европейских социалистических стран, включая и Н. Чаушеску. Присутствовала даже делегация СКЮ.

В начале марта состоялась новая встреча на высшем уровне, на этот раз на совещании Политического Консультативного Комитета (ПКК) Варшавского Договора в Софии. В ходе этих контактов союзники, с одной стороны, демонстрировали поддержку новому руководству Чехословакии, но с другой — пытались предостеречь его от опасностей, крутых виражей в реформировании политики компартии. Пытались они и предотвратить сближение А. Дубчека и Н. Чау-

шеску. В частности, в Софии состоялась закрытая встреча первых секретарей ЦК шести стран без Чаушеску, поскольку лидер румынской компартии возражал против обсуждения внутренних проблем Чехословакии и, кроме того, имел свои, отличные от других стран Варшавского Договора позиции относительно развития связей с Китаем, а также по вопросу европейской безопасности.

Советские руководители относились с подозрением к чехословацким реформам, сильно было желание одернуть Дубчека, но первоначально и речи не шло о военном вмешательстве. Использовались в основном меры политического и психологического давления, чтобы переубедить Дубчека и Президиум ЦК КПЧ.

В конце марта 1968 г. ЦК КПСС разослал советскому партактиву закрытую информацию о положении в Чехословакии. Этот документ отражал господствующие в руководстве КПСС настроения. В нем, в частности, говорилось: «По инициативе ЦК КПСС на 20-летие празднования февральских событий в Прагу были направлены делегации братских партий европейских социалистических стран на высшем уровне. Во время пребывания делегаций состоялись беседы с руководящими деятелями КПЧ о положении в Чехословакии, выражена тревога по поводу многих проявлений антисоциалистического характера и сказано о необходимости отпора антипартийным выступлениям и обеспечения единства и сплоченности в руководстве КПЧ. Тов. А. Дубчек во всех случаях твердо заверял, что новое руководство ЦК КПЧ контролирует обстановку и не допустит нежелательного ее развития.

Однако в последнее время события развиваются в отрицательном направлении. В Чехословакии ширятся выступления безответственных элементов, требующих создать "официальную оппозицию", проявлять "терпимость" к различным антисоциалистическим взглядам и теориям. Неправильно освещается опыт социалистического строительства, выдвигаются предложения об особом чехословацком пути к социализму, который противопоставляется опыту других социалистических стран, делаются попытки бросить тень на внешнеполитический курс Чехословакии и подчеркивается необходимость проведения "самостоятельной" внешней политики. Раздаются призывы к созданию частных предприятий, отказу от плановой системы, расширению связей с Западом. Более того, в ряде газет, по радио и телевидению пропагандируются призывы "к полному отделению партии от

государства", к возврату ЧССР к буржуазной республике Масарика и Бенеша, превращению ЧССР в "открытое общество" и другие.

В стране идет безответственное, все обостряющееся обсуждение пригодности или непригодности значительной части руководящих деятелей партии и государства (президент республики, председатель правительства, министры иностранных дел, национальной обороны и др.)...

Следует отметить, что безответственные выступления в прессе, по радио и телевидению под лозунгом "полной свободы" выражения мнений, дезориентирующие массы, сбивающие их с правильного пути, не получают отпора со стороны руководства КПЧ...

Происходящие события в Чехословакии стремятся использовать империалистические круги для дискредитации политики КПЧ и всех достижений социализма в ЧССР, для расшатывания союза Чехословакии с Советским Союзом и другими братскими социалистическими странами»⁵.

23 марта в Дрездене состоялась встреча руководителей партий и правительств шести социалистических стран — СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии и ЧССР. Первоначальный замысел встречи (и вообще более частых встреч руководителей) исходил от Дубчека, который еще в Софии предложил провести отдельную встречу стран-соседей Чехословакии по вопросам экономического сотрудничества. Руководство ЦК КПСС поддержало предложение, заведомо готовясь обсудить внутривосточное положение в Чехословакии. Румын решили не звать из-за особой, сепаратистской линии Н. Чаушеску в социалистическом содружестве. Болгарских представителей пригласили по настоянию КПСС (Т. Живков отсутствовал в связи с визитом в Японию, в Дрезден прибыл С. Тодоров).

21 марта Политбюро ЦК КПСС обсудило ситуацию перед встречей в Дрездене и даже наметило ее сценарий. Основным моментом выступления Брежнева была идея о необходимости использования всех политических и иных средств для обеспечения перелома в обстановке в Чехословакии, которую он оценил как тяжелую. Он провел параллель с ситуацией в Венгрии в 1956 г. и не исключил, по существу, повторения примененных тогда методов, т.е. военной интервенции. Заявил даже о готовности отложить готовившееся международное совещание компартий, предполагая, что реакция в мире на решительные действия Советского

Союза будет негативной. "Но нельзя допустить потери Чехословакии", — подчеркнул Брежнев. Встреча в Дрездене, по его мысли, должна была стать промежуточной, показать реакцию чехословацкого руководства. Она задумывалась как попытка коллективного воздействия на лидеров Чехословакии.

В Дрездене на Дубчека был вылит ушат холодной воды, хотя тогда еще между участниками совещания ощущались некоторые различия в оценках ситуации. Дубчек оказался в тактически невыгодном положении, поскольку готовился к обсуждению проблем экономического сотрудничества, а его попросили обрисовать обстановку в стране и партии. Напрасно Дубчек разъяснял положения новой только что разработанной Программы действий КПЧ "Путь Чехословакии к социализму", уверял, что партия не ошибается в оценке ситуации. Критику политики КПЧ, недооценивавшей якобы опасности для социалистического строя, начал В. Гомулка, который заявил, что КПЧ все более теряет рычаги управления страной, и что именно так начинались в 1956 г. кризисы в Польше и Венгрии. Жестко повел себя В. Ульбрихт. Л.И. Брежнев выступал мягче, но говорил об обеспокоенности советского руководства. В Москве не понимают, как могла сложиться нынешняя опасная обстановка. О какой либерализации рассуждает Дубчек? Что это такое — обновление социалистического строя? Что такое социализм по Масарику? Неужели в Праге не видят, что КПЧ может превратиться в оппозиционную партию? По мнению Брежнева, если не будут приняты меры, то речь пойдет о последнем шансе для КПЧ. Социалистические страны не могут быть равнодушными к событиям в Чехословакии.

Наиболее сдержанно в Дрездене выступал Кадар, который не согласился с оценками о наличии угрозы контрреволюции в Чехословакии, хотя не отрицал усиление негативных тенденций в стране. Он привел в пример деятельность И. Надя, который "тоже не был контрреволюционером вначале". В целом же Кадар призвал к усилению главным образом политической работы, к разработке политико-идеологической платформы КПЧ. Призывал верить руководству Чехословакии. Такая позиция соответствовала намерению руководства Венгерской Социалистической Рабочей Партии (ВСРП) защищать свою экономическую реформу и быть, в определенной мере, посредником между КПЧ и остальными партиями⁶.

Дубчек и члены чехословацкой делегации не во всем соглашались с критикой в их адрес, они демонстрировали удивительное единство, хотя кое-кто из них в частных беседах с советскими и другими представителями выражал согласие с прозвучавшими замечаниями.

Итоги встречи в Дрездене были обсуждены на заседании Политбюро ЦК КПСС, где деятельность ее делегации получила одобрение. В своем отчете Брежнев подверг критике Дубчека, оценив его выступление на совещании как бесцветное. Подчеркнув тревогу по поводу "разгула" демократии в Чехословакии, разложения армии, которая тоже митингует, Брежнев все-таки выразил надежду, что "здоровые силы" в ЧССР смогут исправить положение.

После совещания в Дрездене четко обрисовались два подхода к развитию обстановки в Чехословакии. Первый — это путь реформ, программа придания социализму "человеческого лица", с которой в тот период выступало большинство руководителей ЧССР, включая и представителей промосковского крыла в партии, в частности В. Биляка. Они не отрицали наличия правых тенденций в ЧССР, но считали, что социализму в их стране не угрожает опасность, так как основное политическое направление является "просоциалистическим", а КПЧ в состоянии контролировать общественные процессы. Второй — позиция руководства КПСС и поддержавших его руководителей ГДР, Польши, Болгарии, которые были встревожены ходом общественных процессов в Чехословакии, усматривали в них угрозу социализму и позициям Варшавского Договора. Они считали, что КПЧ все более теряет власть, а Дубчек оказался слабым руководителем. Акцент переносился на поддержку "здоровых сил", оппозиции линии Дубчека.

Резкой и алармистской была позиция руководителей ГДР. Об этом свидетельствовали заявления В. Ульбрихта и, в частности, статья К. Хагера в "Нойес Дойчланд" 27 марта 1968 г. Большое беспокойство выражал В. Гомулка, который оказывал соответствующее давление на Москву, хотя там понимали, что в Польше также складывается тревожная обстановка. Руководство Венгрии не отрицало опасностей активизации антисоциалистических элементов в Чехословакии. Кадар даже проводил параллели с развитием обстановки в Венгрии перед октябрём 1956 г., но считал, что КПЧ и дубчековское руководство в состоянии справиться с нарастающим кризисом самостоятельно без вмешательства из-

вне, тем более военного. Для этого у лидеров Венгрии были свои причины. За спиной у них была пережитая трагедия восстания 1956 года. Процветание страны, благополучие населения связывалось с результатами радикальной экономической реформы, которая только разворачивалась. Венгерским руководителям хотелось уберечь это свое детище от всяких холодных ветров. Уже в марте Кадар заявил на совещании с членами Политбюро ВСРП, что его начинает беспокоить уменьшение доверия к венграм со стороны партнеров. Что касается позиции Румынии, то ее "вождь" Н. Чаушеску возражал против всякого вмешательства в дела Чехословакии и КПЧ не потому, что был поборником демократии и плюрализма. Нет, он думал прежде всего о своих интересах и утверждении проводимого им националистического сепаратистского курса, поэтому и выступал в духе защиты полного суверенитета. Его внешнеполитическим расчетам отвечало усиление независимого от Москвы курса Праги, поэтому он старался поощрять лидеров Чехословакии к еще большей самостоятельности. Особую активность Чаушеску в этом смысле проявил и июле — августе 1968 г.

Что касается чехословацких участников совещания в Дрездене, то они, обсудив его итоги в узком кругу, решили от молчаться и не доводить до актива КПЧ сути критики, высказанной представителями других социалистических стран.

После совещания в Дрездене советское руководство активизировало разработку вариантов действий в отношении Чехословакии, в том числе в тайне — военных мер. Ульбрихт, Живков и Гомулка считали, что хороши все средства. В определенной мере они оказывали коллективное влияние на Брежнева. Но до окончательного решения Кремля было еще далеко.

Рассматривая дальнейшее трагическое развитие событий вокруг Чехословакии, следует отметить, что после встречи в Дрездене усилились нападки Москвы и ее союзников по всем линиям, в том числе в прессе, на процесс демократизации в Чехословакии, а также активизировались попытки оказать давление на руководство реформаторов и одновременно сплотить оппозиционные ему просоветские силы в интересах "спасения социализма".

Что же касается происходившего в самой Чехословакии, то кадровые перестановки в правительстве, парламенте и руководстве общественных организаций, имевшие место в

апреле, в целом означали усиление позиций Дубчека и реформаторских сил. В марте – апреле 1968 г. по существу завершилась первая фаза Пражской весны, начальный толчок которой дала "революция сверху" – от руководства ЦК КПЧ. Дубчеку и его сторонникам удалось укрепить свое положение, расставить свои кадры в ЦК и правительстве, парламенте и Национальном фронте. Все эти перемены были закреплены на мартовско-апрельском пленуме ЦК КПЧ. Общая тональность доклада Дубчека, скорректированного с учетом критики со стороны твердолобых членов президиума, была оценена положительно даже советским посольством в Праге – линия на развитие социалистической демократии, сохранение ведущей роли партии в политическом процессе. В то же время, по мнению советского посла в Праге С. Червоненко, доклад содержал слишком много расплывчатых положений, не призывал к борьбе с носителями неправильных или враждебных взглядов, обходил такие острые проблемы, как активизация некоммунистических партий, церковников, мелкобуржуазных элементов, усиление нападков на социализм и т.д.⁷ Дискуссия на пленуме, однако, показала глубину разногласий в ЦК и партии, хотя так называемые здоровые силы в основном отмалчивались. Явные консерваторы были выведены из состава руководства, но в целом нельзя сказать, что соотношение сил кардинально изменилось в пользу реформаторов.

Главным документом, принятым на этом форуме КПЧ, была "Программа действий". Многие участники тех событий отмечают, что если бы она появилась раньше, то сыграла бы более положительную роль. Документ был принят единогласно, так как все считали, что без программы партия не сможет повести за собой народ. В целом это был "эклектический документ", но дающий основу для объединения различных политических сил⁸. По замыслу разработчиков программы, в ней определялся вектор движения к демократическому социализму. Однако основные решения должны были приниматься на будущем съезде КПЧ. На пленуме же речь шла о таком привычном постулате, как руководящая роль компартии, но одновременно признавалась более активная роль мелких партий, т.е. внедрялась идея политического плюрализма. Национальный фронт строился на принципе политического партнерства всех участников при добровольно признаваемом главенстве компартии. Было обещано разработать новые законы о выборах, о печати (без цензуры),

ввести рабочие советы на предприятиях, расширить права местных органов власти, обеспечить религиозные свободы, усилить парламентский контроль над службой госбезопасности. В соответствии с пожеланиями словаков предстояло повысить статус исполнительных и законодательных органов Словакии. Разумеется, подчеркивались значение дружбы и сотрудничества с советским Союзом и приверженность Варшавскому Договору⁹.

После проведения этого пленума Дубчеку и новому премьер-министру ЧССР О. Чернику предстояло убедить союзников по социалистическому блоку, что преобразования, которые наметил в "Программе действий" ЦК КПЧ, укрепят социалистический строй в Чехословакии, стабилизируют обстановку и не дадут развернуться "антисоциалистическим силам". Но события в стране выходили за рамки, определенные партийной программой. Публикации в печати и передачи по телевидению вновь разожгли интерес к теме репрессий, политических гонений, но при этом привлекли внимание к причастности советских спецслужб к беззакониям в Чехословакии в послевоенный период. Дело не ограничилось критикой преступлений режима в прошлом, все более отчетливо осуждалась монополия компартии на власть. В апреле даже Дубчек понял, что пресса, помогавшая ему ранее избавляться от консерваторов, наносит в определенной степени ущерб его политике. Он призывает нового министра культуры повлиять на деятельность журналистов с целью "прекращения безудержной критики всего, что было достигнуто за последние двадцать лет"¹⁰. В партии, в низах, усиливается раскол, не все согласны с умеренными мерами ЦК, все более активно требуют созыва съезда. Ортодоксы бьют тревогу. Выражаются опасения, что социалистическая и народная партии станут массовыми, создав конкуренцию КПЧ. В конце марта около трех тысяч бывших политзаключенных создали "Клуб 231", бросив вызов политике КПЧ. Вся эта общественная активность, призванная способствовать поискам "социализма с человеческим лицом", размывала взаимопонимание по главным вопросам, сложившееся после января в верхушке ЦК, усиливала внутреннюю конфронтацию. Дубчек занимал центристское положение, что делало его заложником ситуации, сковывало способность действовать. Это начали понимать в Москве.

В целом напряжение во взаимоотношениях с Москвой нарастало, хотя Дубчек не помышлял о разрыве с Советским

Союзом. В этой связи целесообразно проанализировать исходные мотивы поведения руководства Советского Союза и других "братских стран". Прежде всего, вне всякого сомнения, Чехословакия как страна с демократическими традициями созрела для реформ. При этом большинство коммунистов-реформаторов, веря в возможность совершенствования социализма, хотело осуществить это постепенно, шаг за шагом, без общественных потрясений и тем более без гражданской войны. Позднее эту модель сравнивали с мирными преобразованиями в Испании после ухода от власти Франко, т.е. на основе общественного согласия. Естественно, чехословацкие руководители не хотели, чтобы КПЧ утратила власть, предлагая поэтапное введение плюралистической демократии. Другие же силы, в основном вне КПЧ, вели дело к немедленной свободе действий других политических партий, к оттеснению компартии, к свободным выборам на многопартийной основе.

Политики-прагматики в Праге понимали, что для глубоких реформ нужны общественная поддержка и благосклонность Москвы. Дубчек, видимо, был уверен, что сумеет заручиться такой поддержкой. Но тогдашние чехословацкие руководители не учитывали, что в рамках жесткой союзнической системы Варшавского Договора, состоявшей из стран, придерживавшихся одной официальной идеологии — марксизма-ленинизма, любая трансформация политического курса допускалась в пределах пути или опыта, познанного в "центре" — в Советском Союзе. Разработка теории была практически прерогативой идеологов КПСС.

Можно понять, почему замечания секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа о том, что никто не имеет монополии на интерпретацию марксизма-ленинизма и что каждая марксистско-ленинская партия должна иметь собственную политику, учитывающую национальные условия, вызвали острое раздражение в Москве. Имперское мышление и настороженность, усиленная годами "холодной войны" и конфронтации с американцами, доминировали в Москве в оценке последствий тех или иных реформ и новшеств для "реального социализма". Все просчитывалось с позиций соотношения сил и глобального соперничества, а также возможного ущерба для советской гегемонии. В некоторых работах историков можно встретить мнение, что Политбюро ЦК КПСС тогда преувеличивало угрозу со стороны империалистических держав, ведь после кубинского кризиса 1962 г. "холодная война"

пошла на убыль. Очевидно, это несколько упрощенное толкование, так как недоверие и подозрительность оставались сильными и взаимными. Что же касается советской пропаганды, то по традиции все неприятности приписывались влиянию империалистических государств. Но Советский Союз и страны Варшавского Договора действительно проявили инициативу созыва общеевропейского совещания. Запад поддержал это предложение, но замыслы сторон различались. Для СССР главным был вопрос статус-кво, признание незыблемости послевоенных границ в Европе. Для США и их союзников основное заключалось в "третьей корзине" — права человека, гуманитарные проблемы. В долгосрочной перспективе с точки зрения победы в "холодной войне" этот выбор оказался правильным.

В 1968 г. существовали конкретные внешнеполитические причины для нервной реакции руководства СССР — война, которую вели США во Вьетнаме, напряженные отношения с Китаем, националистическая линия Чаушеску, ослаблявшая ОВД. Не было еще "восточных договоров" с ФРГ, переговоры с Бонном то начинались, то прекращались, поэтому в официальной советской пропаганде все время звучала тема западногерманского реваншизма. Еще одно обстоятельство позволяет лучше понять позицию Кремля — разные оценки международной ситуации и отдельных событий союзными странами. Фактом являлось наличие так называемого северного яруса ОВД (ГДР, ПНР, СССР) и других более либеральных (ВНР) или несогласных с Москвой (СРР) стран. Румыния после софийского совещания ПКК Варшавского Договора (март 1968 г.) была исключена из союзнических обсуждений чехословацкой темы.

Что касается позиции руководства ГДР, то Ульбрихт и его окружение воспринимали все то, что происходило в Праге, прежде всего через идеологическую призму — как отклонение от принципов марксизма-ленинизма, отступление от руководящей роли компартии, и в целом видели в этом угрозу для "рабоче-крестьянской власти" в ГДР. Процесс демократизации в ЧССР, по оценке лидеров СЕПГ, создавал опасность для ситуации в Восточной Германии, так как дестабилизация обстановки в ГДР вела в конечном итоге к усилению настроений среди населения в пользу объединения республики с ФРГ. Восточный Берлин весьма нервно реагировал на попытки Праги активизировать связи с Западом, особенно с ФРГ. Ульбрихт все время акцентировал во-

прос о безопасности западных границ социалистического содружества. Была еще одна причина для решительного неприятия верхушкой СЕПГ процессов Пражской весны. Идея "демократического социализма" рассматривалась в Берлине как социал-демократический уклон, как правый оппортунизм. Идеологический аппарат СЕПГ вел ожесточенную борьбу с концепциями Социал-демократической партии Германии. После коллективной встречи в Дрездене Ульбрихт и его соратник Г. Аксен попытались повлиять на Дубчека, но из этого ничего не вышло. Более того, появилась взаимная личная антипатия. Прекратился даже обмен информацией между Центральными комитетами КПЧ и СЕПГ.

Нечто подобное происходило и в Варшаве. Гомулка, прошедший непростой путь нормализации обстановки в стране после 1956 г., тоже опасался, что процессы в соседней ЧССР негативно скажутся на польском обществе. Обстановка в Польше была довольно напряженной, в марте полиции пришлось применять силу для разгона студенческих выступлений. Э. Герек, набиравший силу в партии, критиковал ошибки Гомулки. Нажимала и группа генерала Мочара. Позиция Гомулки из-за его импульсивности иногда претерпевала изменения, но в целом он был сторонником решительных действий по отношению к чехословацким реформаторам. Именно Гомулка одним из первых заявил летом 1968 г., что социалистические страны не могут позволить, чтобы контрреволюция взяла верх в Чехословакии.

Западная печать в 1968 г. иногда сообщала об умеренной позиции Болгарии в подходе к событиям в Чехословакии. На самом деле лидер этой страны Живков, как свидетельствуют архивные документы, занимал жесткую позицию, согласовывая ее с Москвой. Только в вопросе отношений с Румынией он маневрировал, стремясь сохранить нормальные контакты с Чаушеску.

Но, конечно, определяющей была позиция высшего руководства КПСС. В течение марта — мая советские лидеры еще действовали главным образом политическими методами, пытаясь "образумить" Дубчека, заострить его внимание на опасности действий антисоциалистических сил. Применялись меры идеологического, дипломатического и военного давления, причем как коллективные, так и только советские. Вскоре Москве удалось расколоть прежде единую "тройку" в чехословацком руководстве — А. Дубчек, премьер-министр О. Черник и член президиума секретарь ЦК Д. Коль-

дер. С конца марта советские руководители все более активно делали ставку на так называемые здоровые силы, готовя смену высшего партийного руководства в Чехословакии. Усилилась ориентация на левую, промосковскую группу в руководстве партии — В. Биляк и А. Индра. Шел активный обмен информацией с союзниками о положении в ЧССР.

В конце апреля в Прагу прибыл маршал И. Якубовский, Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран — участниц Варшавского Договора. Речь пошла о "подготовке маневров" на территории ЧССР. Это была одна из форм силового давления на Прагу.

Личную "телефонную дипломатию" осуществлял Брежнев, информируя союзников о контактах с Дубчеком, договариваясь о совместных действиях. Например, 16 апреля он сказал в телефонном разговоре Кадару, что, по его мнению, Дубчек — честный человек, но слабый руководитель, что события в стране развиваются в направлении контрреволюции, антисоциалистические силы намерены восстановить республику масариковского типа. Если планировавшаяся советско-чехословацкая встреча ничего не даст, то придется собираться руководителям "пятерки". Тогда же он поднял вопрос о советско-польско-венгерских военных учениях на территории Чехословакии. По указанию Политбюро ЦК КПСС руководителям "пятерки" была передана информация КГБ о подпольной группе И. Черны — Я. Прохазки, имевшей, как считалось, антигосударственный характер и разработавшей "поэтапный план ликвидации КПЧ"¹¹.

Встреча Брежнева и других советских руководителей с Дубчеком и его коллегами состоялась в Москве 4 мая. На ней советские участники подвергли резкой критике развитие обстановки в Чехословакии, ослабление влияния КПЧ и антисоветские выпады чехословацкой печати. Хотя взаимопонимания достичь не удалось, но руководство КПСС все-таки было удовлетворено тем, что на встрече в Москве были напрямую изложены все критические замечания в адрес политики КПЧ и выражена обеспокоенность Кремля событиями в Чехословакии. Свою позицию обозначили все ключевые фигуры чехословацкого руководства: Дубчек, Смирковский (он впервые участвовал в такого рода встрече), Черник и Биляк. Собственно, они все, за исключением первого секретаря ЦК компартии Словакии Биляка, признавали наличие трудностей, отмечали активизацию антисоциалистических сил, ведущих атаки на КПЧ, но заверяли, что способны без

применения административных мер нормализовать обстановку, усилить руководящую роль компартии, ее контроль над общественными процессами. Биляк выступил по-иному, фактически поддержав критику со стороны лидеров КПСС. Он прежде всего согласился с их заявлениями о том, что события в стране развиваются не так, как намечало руководство КПЧ, что растет угроза социалистическим завоеваниям. Поведение Биляка послужило для Москвы подтверждением необходимости сильнее опираться на так называемые здоровые силы.

Чехословацкая делегация пыталась решить в Москве важную для себя экономическую задачу — получение кредита размером 500 млн рублей (в твердой валюте или золотом), намекая, что в случае отказа Праге придется обращаться на Запад. Просьбу было обещано рассмотреть, но уже из слов А. Косыгина на переговорах о целесообразности более тесной интеграции с экономикой Советского Союза стало ясно, что до предоставления кредита дело не дойдет.

Для лидеров Советского Союза переговоры в мае 1968 г. стали рубежными в том смысле, что в условиях продолжающегося, как полагали в Москве, ухудшения обстановки в ЧССР и ослабления власти КПЧ, а также неспособности Дубчека как лидера нормализовать ситуацию неизбежными становились более решительные меры, прежде всего военно-политического характера. Поле действий, таким образом, расширялось, но акцент переносился с межпартийной сферы, хотя она оставалась по-прежнему важной, на межгосударственный уровень, в том числе и на прямое использование военных и пропагандистских мер, на вмешательство во внутренние дела.

В этом плане важнейшим средством оказания влияния на обстановку в Чехословакии стало предложение Брежнева о проведении командно-штабных учений Варшавского Договора. Отчет Брежнева, выступления Н. Подгорного и Косыгина на заседании Политбюро ЦК КПСС 6 мая 1968 г. о советско-чехословацких переговорах отражали эти новые настроения. (Дубчек на переговорах в Москве дал принципиальное согласие на советское предложение.) Лейтмотивом заседания была мысль: "Мы социалистическую Чехословакию не отдадим". Развивая эту тему, Брежнев говорил: "Нам ясно, что нужно сохранить КПЧ, а ее разваливают, нужно сохранить социалистическую Чехословакию, нам нужно обезопасить себя и весь социалистический лагерь на западе,

на границе с ФРГ и Австрией. Мы исходим при этом из того, что со стороны ФРГ на этом участке границы стоит 21 дивизия американская и немецкая. От чешских друзей мы так толком и не узнали, но мы себе примерно представляем, что там ничего серьезного с их стороны нет на границе.

Вот из чего мы должны исходить, намечая практические мероприятия. Мы использовали все пути, все возможности для решения вопроса политическим путем, но это не дало своих результатов.

... Мы знаем, что введение войск и принятие других мер, которые мы намечаем, вызовет бунт в буржуазной печати. Очевидно, и в чешской. Ну, что же, это не впервой. Зато мы сохраним социалистическую Чехословакию, зато каждый подумает после этого, что шутить с нами нельзя. Если будут стоять наши 10 дивизий на границе с ФРГ, разговор будет совершенно другой. И в этом вопросе, конечно, время играет свою роль"¹².

Генеральный секретарь, он же Верховный главнокомандующий, упомянул, что Высшим Военным Советом обсуждаются практические меры по размещению войск на территории ЧССР (как можно предположить, в ответ на агрессию, в итоге военных учений или по договоренности с руководством страны). На заседании были одобрены меры по усилению поддержки "здоровых сил" в руководстве КПЧ (речь шла о Кольдере, Биляке и Индре), а также решено активизировать кампанию в СМИ с осуждением событий в Чехословакии, с опровержением инсинуаций в адрес СССР. Было принято решение провести в Москве 8 мая 1968 г. встречу руководителей КПСС, ПОРП, СЕПГ, БКП и ВСРП, чтобы провести обмен мнениями о ситуации в Чехословакии и скоординировать дальнейшие шаги. Руководство Советского Союза, преследуя цель интернационализации конфликта вокруг Чехословакии, формально хотело проинформировать о переговорах с Дубчеком, продемонстрировать свои намерения, а также выяснить позиции своих партнеров и договориться с ними о действиях на ближайший период.

На встрече Брежнев дал тревожную оценку состояния дел в Чехословакии и в КПЧ, подверг критике неконкретный, аморфный характер выступлений Дубчека, обещавшего, что КПЧ сумеет восстановить контроль над процессами, идущими в стране. Брежнев отметил более реальные, чем у Дубчека, оценки ситуации Смрковским и особенно Биляком. Однако советский лидер на этой встрече не допускал

крайних алармистских оценок и не предлагал сосредоточиться только на военных мерах. В то же время он уповал на позитивное влияние проведения совместных военных учений в ЧССР на чехословацкую общественность и армию и, разумеется, сдерживающее воздействие учений на так называемые антисоциалистические элементы.

Брежнев рассказал о своих контактах с Дубчеком, о советских планах активизации критических выступлений СМИ по проблемам общественной жизни Чехословакии, о направлении в Прагу делегаций военачальников, участвовавших в освобождении страны от фашизма в 1945 г., а также партработников по линии так называемых местных партийных связей. Генеральный секретарь ЦК КПСС выражал надежду, что на заседаниях руководящих органов КПЧ состоится обстоятельный разговор о выправлении обстановки, об усилении контроля над печатью и телевидением. Выступления других лидеров социалистических стран свидетельствовали о более критическом, более резком подходе к оценке положения в Чехословакии, что наиболее выпукло проявилось в речах Гомулки и Ульбрихта. Они называли происходящее в Чехословакии не иначе как "контрреволюция" и "попытка реставрации буржуазных порядков". Было видно, что они утратили веру в способность Дубчека нормализовать обстановку и восстановить "руководящую роль" коммунистов. Фактически эти лидеры, да и Живков, подталкивали советское руководство и лично Брежнева к жестким мерам воздействия, вплоть до введения войск в ЧССР.

Иначе выступил на этой встрече Кадар. Он не делал заявлений о контрреволюционной опасности, хотя признавал активизацию антисоциалистических элементов и враждебных сил. Главное внимание лидер ВНР уделит процессам брожения и дезинтеграции в чехословацкой компартии, отсутствию единства в ее руководстве, ослаблявшего способность Президиума ЦК КПЧ влиять на события. Как и остальные участники, Кадар подчеркивал, что в КПЧ нужно иметь ядро людей, на которых могли бы опираться и компартии других социалистических стран при осуществлении планов стабилизации обстановки. Предложение о скорейшем проведении военных учений ОВД в Чехословакии он поддержал.

Все это дало повод Брежневу при подведении итогов встречи констатировать согласие ее участников в оценке положения и в характере дальнейших шагов¹³. Конечно, в

Москве понимали различия в подходах союзников к чехословацкой ситуации. Но еще надеялись образумить Дубчека, повлиять на него через "здоровые силы", а также ожидали, что пленум ЦК КПЧ и районные партконференции приведут к определенным позитивным с точки зрения Советского Союза и его союзников сдвигам. Однако одновременно решено было активизировать работу среди промосковских сил и обострить идеологическую конфронтацию, не критикуя пока напрямую "Программу действий" КПЧ. Главное же состояло в том, что советское руководство рассчитывало в тот момент на влияние военных учений в Чехословакии как демонстрацию решимости советского блока не допустить отхода Чехословакии от Варшавского Договора. К другим акциям военного характера в Москве тогда еще были не готовы. Предстояло еще идеологически обработать и внутреннее общественное мнение, не предполагавшее ту степень разногласий Москвы с чехословацкой стороной, которая уже была ясна советским лидерам.

В конце мая правительство Чехословакии дало согласие на проведение учений, вряд ли подозревая, что готовится репетиция будущего вторжения на территорию страны. Командно-штабные учения "Шумава" состоялись 19–30 июня 1968 г. В них приняли участие до 40 тыс. военнослужащих из Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии и Советского Союза. Помимо чехословацкой территории, учения проходили также в соседних странах — в Польше и ГДР. Согласно докладу министра обороны ЧССР М. Дзура в ЦК КПЧ и правительство, из Советского Союза в Чехословакию для участия в учениях прибыли до 14 тыс. военнослужащих — генералов, офицеров и солдат, в том числе штабы нескольких армий сухопутных войск и ВВС с отдельными штабами более низкого уровня, а также 2 тыс. военнослужащих в боевых подразделениях, и до 48–60 самолетов и вертолетов¹⁴. Министр обороны СССР А.А. Гречко докладывал об этой ситуации на заседании Политбюро ЦК КПСС 2 июля 1968 г. несколько иначе: "Наших войск там немного — 16 тыс. человек, венгров — 2888, поляков — такое же количество, немцев там нет, они на своей территории. Много там штабных офицеров. Собственно, наших войск там находятся всего два полка, а дальше идут штабы"¹⁵. Советское военное командование с согласия высшего руководства не торопилось выводить свои войска из Чехословакии по окончании учений, видя в этом дополнительное средство нажима на ее руководителей.

В то же время Москва не ставила крест на переговорном процессе, приняв в мае решение о его активизации, чтобы повлиять на готовившийся пленум ЦК КПЧ. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, направлявшийся в Карловы Вары формально для лечения, должен был вновь провести беседу с Дубчеком, а в ходе других встреч точнее определить, какова ситуация в руководстве, насколько сплочены и готовы действовать "здоровые силы". О сомнениях насчет правильности оценок обстановки в Чехословакии свидетельствовали замечания Брежнева на заседании Политбюро 16 мая 1968 г., касавшиеся глубины и достоверности информации посольства СССР в Праге и лично посла С.В. Червоненко. Как можно понять из отчета об этом заседании, А.Н. Косыгин вернулся из Чехословакии с мнением, что самыми авторитетными политическими фигурами в стране являются А. Дубчек, О. Черник, Л. Свобода и Й. Смирковский, на которых и "надо делать ставку". Они более влиятельны, чем представители "здоровых сил" (Д. Кольдер, В. Биляк, Л. Штроугал и др.), но все-таки большой разницы между ними нет, "они одинаково ставят вопросы". Может быть, вторая группа требует более решительных действий. Но во всех принципиальных вопросах они едины. Косыгин выразил надежду, что основная центристская группировка в руководстве КПЧ, осознав нарастание опасности для социалистического строя, сможет после майского пленума ЦК КПЧ восстановить позиции, используя все средства, включая мобилизацию рабочей милиции и даже как последний шанс — приглашение советских войск.

Министр обороны СССР, маршал А.А. Гречко, побывавший в Чехословакии примерно в то же время, не скрывал своего острого недовольства и обеспокоенности по поводу обстановки в стране и вооруженных силах, но также не призывал тогда к немедленным силовым действиям. Более того, он докладывал, что основные чехословацкие военачальники выступают за тесное сотрудничество с Советским Союзом. Такая позиция, очевидно, объяснялась тем, что к тому времени вопрос о проведении командно-штабных учений Варшавского Договора был решен, войска и штабы прибывали в ЧССР.

На этом фоне пленум ЦК КПЧ, состоявшийся 29 мая — 1 июня, вроде бы свидетельствовал о некоторых положительных, с точки зрения Москвы, сдвигах, которые она могла рассматривать как осознание руководителями Чехосло-

вакии серьезности обстановки и необходимости принятия мер по укреплению позиций социалистического строя. Дубчек в докладе, например, отметил активизацию правых сил, нарастание антикоммунистических тенденций, которое признается в партии как основная угроза процессам демократизации. Он указал на ошибочные выступления печати и телевидения, подчеркнул необходимость укрепления единства руководства и членов партии, опоры на рабочий класс в борьбе за реализацию программных установок компартии. Дубчек поставил задачу в течение трех летних месяцев подготовить чрезвычайный съезд КПЧ, без которого невозможно будет сплотить партию и восстановить ее руководящую роль. Съезд было решено созвать в сентябре.

Дубчеку не удалось полностью осуществить свои первоначальные замыслы. Правда, он сумел добиться вывода из состава ЦК Новотного и ряда его соратников, но не больше. Наряду с констатацией антисоциалистической угрозы была подвергнута критике также деятельность левых догматиков. Но ход дискуссии на пленуме, а также на областных и районных партийных конференциях, выступления как левого, так и правого толка показали, что КПЧ и ее руководство расколоты, что трудно будет рассчитывать на единые действия.

В Москве быстро поняли, что майский пленум — это очередной компромисс, надежда на созыв чрезвычайного съезда КПЧ не подкреплена практически. Позже стало ясно, что на этом съезде могут произойти вовсе нежелательные перемены в политике КПЧ. К тому же большое недовольство в Кремле вызвали попытки Дубчека опереться на поддержку Й.Б. Тито и Н. Чаушеску, создать совместно с ними некий "треугольник" инакомыслящих. Строго конфиденциальные контакты В. Биляка с П.Е. Шелестом в Закарпатье в тот период способствовали формированию у Брежнева и его ближайших сподвижников картины тревожной обстановки в Чехословакии, неуклонно продолжающейся ухудшаться. Позднее, в момент кризиса в июле, посол СССР Червоненко после посещения Дубчека вместе с послами четырех социалистических стран 16 июля 1968 г. напишет в Москву, что в мае 1968 г. компартия Чехословакии ожила, была возможность без особых издержек перейти к стабилизации положения. Но майское наступление, как он писал, захлебнулось, не успев развернуться: правые и антисоциалистические силы перехватили инициативу, торпедировав курс май-

ского пленума, как это было сделано между январем и апрелем 1968 г. К сожалению, руководство КПЧ и правительство, отметил советский посол, выступают с совершенно противоречивыми ориентировками, запутывая и ослабляя партию и рабочий класс, всех тех, кто готов бороться за социализм, за сохранение КПЧ и за дружбу с СССР. "Здоровые силы", по словам посла, разобщены, они все еще пребывают в иллюзиях, надеясь, что президиум ЦК КПЧ их объединит, поведет в наступление. Если не произойдет политического и идеологического наступления, утверждал Червоненко, то дело может закончиться плохо.

Июльский кризис

После майского пленума ЦК КПЧ наступила весьма противоречивая полоса в развитии внутренней обстановки в стране. С одной стороны, руководители партии вроде бы вняли призывам советских и других союзнических лидеров. Дубчек сохранил свой пост, его авторитет в стране даже окреп. Но в Москве все же вынашивались мысли о необходимости смены чехословацкого лидера. Вопрос об этом вставал после Дрездена часто, в том числе и перед майским пленумом ЦК КПЧ. Парадоксальным образом на московское руководство произвел первоначально неплохое впечатление Й. Смирковский, прибывший в СССР в начале июня во главе парламентской делегации. Импонировали его заявления о правой опасности. Судя по отзывам Брежнева, гость из Праги даже намекал в разговорах с ним, что партии нужен более опытный лидер и чуть ли не предлагал свои услуги. Но постепенно в Москве разобрались с характером и политическим обликом Смирковского. Тем более что из Праги приходили разноречивые сведения о расстановке сил в руководстве, о планах, связанных с проведением XIV (чрезвычайного) съезда партии. Поддерживались интенсивные контакты с группой членов ЦК, представлявших "здоровые силы", как по линии посольства, так и по линии КГБ. Они заявляли, что Дубчек не правит балом, что действительная власть все более переходит в руки "второго центра".

В середине июня Брежнев проинформировал лидеров союзных государств "пятерки", что в руководстве Чехословакии сформировалась ревизионистская группа — "второй центр": Ф. Кригель, Ч. Цисарж, О. Шик, З. Млынарж, Б. Шимон. Генеральный секретарь ЦК КПСС поднял вопрос о том,

чтобы оторвать Дубчека и Черника от ревизионистов и убедить их опираться на "здоровые силы" в партии.

Любопытно, что в тот период в Вашингтоне оценивали обстановку в Чехословакии как короткую паузу перед очередным обострением. Именно об этом шла речь в "Особом меморандуме" ЦРУ, разосланном в середине июня президенту США и высшим должностным лицам. Аналитики ЦРУ отмечали, в частности, "временное внутреннее равновесие" в Чехословакии и "нелегкое перемирие с Москвой", но предсказывали, что спокойствие "никоим образом определенно не обеспечено" и "есть все основания считать, что отношения между Прагой и Москвой станут опять очень напряженными". В докладе отмечалось, что советские лидеры все еще надеются разрешить кризис без оккупации Чехословакии, но признают, что "угроза военной интервенции" все-таки остается "основным инструментом, который Москва может применить против Праги"¹⁶.

Советское руководство особо нервно реагировало на перемены в подходах к военно-политическим проблемам, проявлявшиеся в некоторых кругах партийного аппарата и научно-исследовательских центрах министерства обороны ЧССР, в частности в виде заявлений о разработке своей военной доктрины и пересмотре концепций Варшавского Договора или даже возможном его роспуске — путем коллективного или индивидуального выхода. В подготовленных документах, которые, разумеется, быстро попали в Москву, говорилось о неравноправии государств — членов Варшавского Договора, о непомерных военных расходах. Ставился вопрос о возможности объявления нейтралитета, защиты государств в опоре на собственные силы, а также об участии Чехословакии в организациях региональной безопасности. Подобного рода идеи позднее были высказаны, в частности, в статье генерала В. Прхлика, заведующего отделом ЦК КПЧ, вызвавшей бурю протестов в социалистических странах.

К середине лета в Праге обстановка, с точки зрения Москвы, осложнилась. Считалось, что компартия перед предстоящим съездом все более погружается в дискуссии и теряет влияние. Констатация майского пленума ЦК КПЧ о наличии в обществе антисоциалистических тенденций как бы повисла в воздухе. В Москве считали, что "правые оппортунисты" все более усиливают свои позиции. Определенная часть коммунистов поворачивала в сторону югославского

опыта. Нарастающее возмущение Москвы вызывали материалы чехословацкой печати со скрытыми или явными выпадами против КПСС.

Демократическое движение Чехословакии все более поляризовывалось. В июне подали заявки на регистрацию более 70 политических организаций. Возник комитет по воссозданию социал-демократической партии, что особо беспокоило ЦК КПЧ, не говоря уже о Москве. Бывшие буржуазные партии активизировались, росла их численность. Внепартийная оппозиция выдвигала требование создания многопартийной парламентской системы.

В конце июня был опубликован манифест "Две тысячи слов", составленный писателем Л. Вацуликом и подписанный многими известными общественными деятелями, в том числе и коммунистами. В этом либеральном по духу документе была подвергнута критике тоталитарная система социализма, консервативная по духу деятельность КПЧ и провозглашены идеи демократизации политической системы, введения политического плюрализма. Открыто говорилось о противниках демократизации, даже о возможности советской интервенции.

Во всех столицах пяти союзных государств "Две тысячи слов" были расценены как острый выпад против социализма. Осуждающее заявление Президиума ЦК КПЧ, принятое после демаршей Москвы, было вялым по тону. Между тем в партии началась подготовка к XIV (чрезвычайному) съезду КПЧ, намеченному на 9 сентября. В этих условиях манифест "Две тысячи слов" своими требованиями перехватывал инициативу у компартии. Оценивая спустя треть века манифест "Две тысячи слов", его автор считал, что он отражал настроения общественности и возникал вопрос: что делать? "Поэтому я написал, — говорил Вацулик, — как можно отстранить или бойкотировать бездарных партийных функционеров, как надо не подчиняться указаниям. Словом, я предложил различные формы гражданского неповиновения, сопротивления без насилия"¹⁷.

В начале июля 1968 г. на заседаниях Политбюро ЦК КПСС было констатировано, что обстановка в Чехословакии ухудшается, компартия выпустила из рук руководство общественной жизнью, а внутри КПЧ обострилась политическая борьба, что проявилось уже на районных и областных партконференциях. Консервативные элементы усилили апелляции к Москве, настаивали на оказании "братской

помощи". Вообще определение даты чрезвычайного съезда КПЧ и начавшаяся его подготовка ускорили действия противников Пражской весны, так как исход съезда представлялся негативным, он мог означать легальный переход власти к другим силам.

По совместной договоренности было решено направить в Прагу письма от имени ЦК компартий Советского Союза, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии с призывом обсудить обстановку и принять меры. Москва хотела использовать последние политические возможности влияния на лидеров КПЧ и Чехословакии. Еще в июне Брежнев предлагал Дубчеку встретиться в Татрах или в Ужгороде, но чехословацкий лидер отказался под предлогом занятости на областных партконференциях. Лучше, дескать, встретиться в июле. В июле, когда обстановка в Чехословакии, по оценке Москвы, продолжала осложняться, советское руководство решило провести сначала двустороннюю встречу с чехословацкими лидерами, но получив отказ, взяло курс на новую коллективную встречу союзников с участием руководителей ЧССР для обсуждения ситуации в Чехословакии. В письме Брежнева на имя Дубчека от 6 июля эту встречу предлагалось провести в Варшаве 10 или 11 июля. 9 июля последовал негативный ответ президиума ЦК КПЧ со ссылкой на то, что проведение такой встречи осложнит работу КПЧ и обстановку в стране. Руководство ЦК КПЧ даже рекомендовало Москве не проводить в это время никаких коллективных встреч. Предлагалось заменить общую встречу двусторонними переговорами в Праге, причем не только с пятью союзными странами, но и с Румынией и Югославией. Последовали телефонные звонки Брежнева в Прагу, поступили новые предложения от имени КПСС, а затем и "пятерки", но президиум ЦК КПЧ решил все-таки не участвовать во встрече в Варшаве. Брежнев был раздражен отказом Дубчека и даже пытался припугнуть того, заявив, что "начинается новый этап в наших отношениях".

В этот период проходили частые встречи советского посла С.В. Червоненко с Дубчеком. По указанию из Москвы он пытался влиять и на президента Л. Свободу. В частности, 8 июля генерал сказал послу СССР, что он видит с советской стороны заботу о Чехословакии, что в Москве проводят тщательный классический анализ ситуации. Он не хотел бы оспаривать отдельные положения этого анализа. Но чехословацкое руководство, по его мнению, видит опасность, иду-

*Клемент Готвальд
(1896–1953)*

*Антонин Запотоцкий
(1884–1957)*

*Антонин Новотный
(1904–1975)*

*Густав Гусак
(1913–1991)*

Людовик Свобода,
президент ЧССР
в 1968—1975 гг.

...ой ответ президиума ЦК КПЧ

Л. Свобода и Л. Брежнев. Начало 70-х годов

Л. Свобода, К. Симонов и Б. Полевой. Начало 70-х годов

*Маршал Советского Союза И.С. Конев
и Президент Чехословакии Л. Свобода. Встреча в Пражском Граде.
Начало 70-х годов*

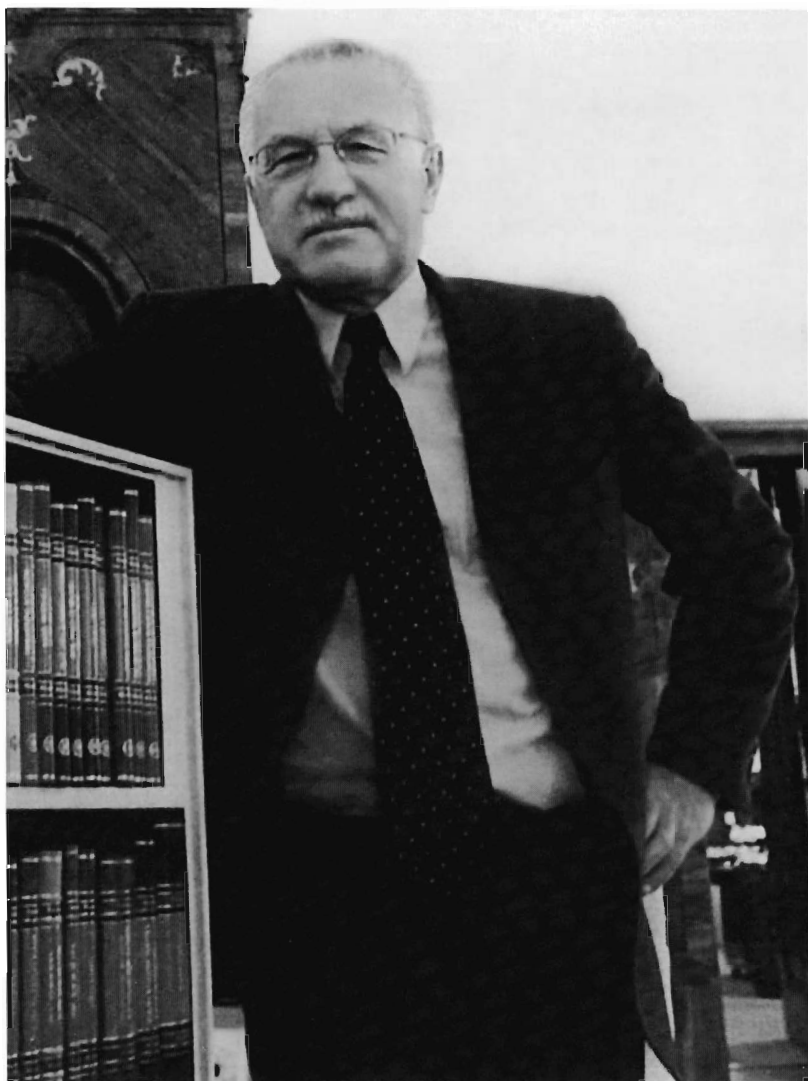
Юрий Гагарин в Праге. Апрель 1961 г.

Алексей Губарев и первый чехословацкий космонавт Владимир Ремек перед стартом. Март 1978 г.

Вацлав Гавел (рог. 1936)

Вацлав Клаус (рог. 1941)

Михаил Ковач (рог. 1930)

Рудольф Шустер (рог. 1934)

*Иван Гашпарович
(рог. 1941)*

В. Путин и И. Гашпарович. Братислава, 2005

шую справа и со стороны антисоциалистических сил, однако не хотело бы в борьбе с ними действовать палкой. После стольких трагедий и деформаций народ мог бы это и не понять. Л. Свобода выразил надежду, что с возникшими проблемами они справятся сами: "Ну, а Советский Союз вместе с нами, будем опираться на него".

В беседе с Дубчеком 11 июля посол Червоненко, реагируя на отговорки своего собеседника от участия в коллективной встрече, нажимно заявил, что "лично он, Дубчек, и Президиум ЦК КПЧ сейчас возьмут на себя огромную ответственность, если и на этот раз откажутся от встречи с братскими партиями. Он, Дубчек, лично не должен, не имеет права не видеть всей сложности обстановки в Чехословакии, не искать опоры в братских партиях". Далее советский посол перешел к анализу обстановки, отметив, что в КПЧ зреет раскол как на чехов и словаков, так и по диагонали — на прогрессистов и так называемых консерваторов. Сославшись на манифест "Две тысячи слов", призывающий очиститься от консервативных элементов в партии, Червоненко сказал Дубчеку, что над КПЧ нависла угроза реформизма и ревизионизма. Если дело будет развиваться в подобном направлении, то может произойти распад государства, ослабление связей с Варшавским Договором, власть перейдет к правым. По мнению посла, Дубчек не сможет противостоять такому развитию событий и будет или отброшен, или примкнет к потоку, что означало бы измену революции, делу рабочего класса, социализма и дружбе с СССР, что для него, Дубчека, как он всегда заявлял, самое священное. Но все эти доводы не подействовали. Позиция руководства КПЧ, определявшаяся мнением Дубчека, Черника и Смрковского о том, что коллективная встреча — это вмешательство во внутренние дела Чехословакии, не изменилась, хотя представители "здоровых сил" (В. Биляк, Д. Кольдер, Э. Риго) настаивали на необходимости участия в Варшавской встрече.

Представляют интерес выводы советского посла о позиции Дубчека как ключевой политической фигуры. Червоненко полагал, что первый секретарь ЦК КПЧ все-таки признает, что в анализе и констатациях Москвы есть много правды, но, дескать, он рассчитывает на то, что сможет без применения решительных действий, планомерно, путем одних политических форм повести дело до съезда так, чтобы на XIV съезде одержать победу в рамках "Программы дейст-

вий". Он (Дубчек) намерен строить социализм, опираясь на "новых" коммунистов, так как в новом составе ЦК останется только 25–30% старых членов. Посол обращал внимание на важный момент в поведении Дубчека, подчеркивая, что Дубчек "ослеплен своей популярностью, считает, что достигнутого личного авторитета уже достаточно, чтобы гарантировать развитие страны по пути социализма", чтобы обеспечить ведущее положение КПЧ, союз с социалистическими государствами.

Заключительный вывод, сделанный советским послом был следующим: Дубчек находится в опасном заблуждении, и главное, не видит и не понимает реальности возникшей опасности захвата руководства в КПЧ и республике правыми и националистическими силами.

Со своей стороны, Дубчек достаточно четко тогда заявлял послу, что он против крутых мер борьбы, поскольку это может привести к стабилизации, достигнутой силой штыков. Он хочет избежать такого положения, когда режим власти в стране поддерживался бы в течение 10–15 лет на штыках.

Но в пылу полемики чехословацкая сторона не забывала все-таки о поиске компромисса, активно обсуждался вопрос о полезности новой двусторонней встречи с лидерами Советского Союза, на этот раз в Праге. Одновременно пражские реформаторы пытались сорвать коллективную встречу "пятерки" в Варшаве. Насколько напряженной была атмосфера, показывает характер венгеро-чехословацкой встречи на высшем уровне, состоявшейся 13 июля, за день до сбора представителей пяти партий в Варшаве. Об атмосфере контактов с Дубчеком красноречиво свидетельствует рассказ члена ЦК ВСРП К. Эрдеи о встрече первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара и Председателя Совета Министров ВНР Е. Фока с Дубчеком и Черником 13 июля 1968 г. на венгеро-чехословацкой границе. «Встреча продолжалась 4 часа. В течение первого часа А. Дубчек "мозаично" изложил положение дел в Чехословакии, подчеркнув, что процесс демократизации и обновления идет нормально, в соответствии с программой действий и решениями майского пленума ЦК КПЧ. Из информации следовало, что чехословацкие товарищи и на данном этапе не понимают всю остроту обстановки, вызванную активными действиями антисоциалистических сил. Собственно говоря, взаимная информация была лишь поводом для встречи, так как чехословацких товарищей со-

вершено явно интересовали, прежде всего, вопросы, связанные со встречей пяти партий в Варшаве.

В течение последних 12 лет я не раз бывал на дву- и многосторонних встречах, сказал т. Эрдеи, но ни разу не видел т. Кадара таким возмущенным и, более того, разъяренным. Отвечая т. Дубчеку, выразившему недоумение, почему братские партии все-таки намерены собираться в Варшаве, несмотря на возражения КПЧ, т. Кадар подчеркнул, что чехословацких товарищей приглашали на встречу, но они отклонили это приглашение и высказались за двусторонние встречи, которые отнюдь не идентичны многостороннему обмену мнениями. Тов. Кадар подробно остановился на отрицательных моментах развития обстановки в Чехословакии и особо отметил, что с января текущего года чехословацкое руководство допустило много грубых ошибок, но, отказавшись принять участие во встрече в Варшаве, совершило самую грубую и непростительную ошибку. Дубчек ограничился тем, что повторил моменты, изложенные им в информации в начале встречи. В беседу включился Черник, резко, стуча кулаком по столу, доказывавший правильность проводимого курса. Ему ответил т. Фок, начавший с оценки статьи об Имре Наде*, опубликованной в газете "Литерарни листы". Тов. Фок указал, что в статье Имре Надя подняли до уровня величайшего гуманиста и провозвестника демократического социализма. Это нельзя расценить иначе, как грубейший выпад против нынешнего руководства ВСРП и ВНР. "Вот, убийцы сидят напротив Вас", — сказал т. Фок, обращаясь к т.т. Дубчеку и Чернику. Далее т. Фок указал, что чехословацкие товарищи отказались и от своей позиции, занятой первоначально Президиумом ЦК КПЧ в связи с воззванием "2000 слов", т.е. практически отказались от решительной борьбы против антисоциалистических элементов.

Вся встреча проходила в исключительно напряженной обстановке. Ужин, состоявшийся после бесед, протекал в полном молчании. Товарищи Кадар и Фок не поехали провожать Дубчека и Черника до границы»**.

На встрече в Варшаве 14 — 15 июля политика руководства КПЧ была подвергнута резкой критике. Открыто про-

* Эта статья, опубликованная в Праге в годовщину казни И. Надя, вызвала сильное раздражение в официальном Будапеште. Да и в Москве считали, что статья подпустила яду в отношения с соцстранами.

** Личный архив автора: запись беседы с К. Эрдеи.

звучали предложения о военном вторжении хотя и раздавались и умеренные голоса, в частности, Кадара*. Брежнев в своем выступлении дал тревожную оценку складывающейся обстановке, назвав новым моментом то, что Чехословакия отходит от социалистического содружества. Под этим утверждением имелись в виду поступавшие сведения о тесных контактах Праги с Тито и Чаушеску. Брежнев изложил мнение КПСС о коллективной ответственности за судьбы социализма в каждой стране, указывая в первую очередь на Чехословакию. Позднее эта позиция получила название доктрины "ограниченного суверенитета". Советский лидер выразил готовность "оказать любую помощь чехословацкому рабочему классу и всему народу в целом"¹⁸. Но он все-таки отдал предпочтение политическим шагам, прежде всего усилению ориентации на "здоровые силы" в КПЧ, оказанию им поддержки. Участники встречи направили в Прагу открытое коллективное письмо. Это был явный предупреждающий сигнал. Письмо было опубликовано в ЧССР.

18 июля Дубчек выступил по телевидению и радио, стремясь успокоить общественность и заверить союзников, что ЧССР не намерена выходить из соцсодружества. Черник направил Косыгину письмо о состоянии охраны западных границ ЧССР, о числе туристов с Запада, уверяя, что Чехословакия выполняет союзнические обязательства по защите границ соцсодружества. Одновременно Дубчек созвал внеочередной пленум ЦК, чтобы обсудить "Варшавское письмо", или ультиматум, как его называли в Праге. Он не рассчитывал, естественно, на поддержку консервативных членов ЦК, поэтому пригласил на пленум уже избранных делегатов предстоявшего съезда партии и журналистов. В Москве, в свою очередь, полагали, что на этом пленуме произойдет поляризация сил, даже надеялись, что Дубчек слетит со своего поста. Но ничего подобного не произошло. Видя настроения общественности, "здоровые силы" в очередной раз отмолчались, не рискуя дать открытый отпор сторонникам "безбрежной" демократизации и поддержать письмо "пятерки". Лишь Кольдер в письменном виде разделил опасения "братских партий" относительно активизации правых сил,

* Но ранее Кадар в беседах с Брежневым дал уже свое согласие на оккупацию Чехословакии, заверив, что Политбюро ЦК ВСРП поддержит такой шаг.

но сделал оговорку о недостаточной информированности оппонентов Праги.

После Варшавы Дубчек и руководство ЦК КПЧ оказались перед выбором: или продолжать линию на формирование "социализма с человеческим лицом" (симбиоза социализма с демократией и либерализмом), или приостанавливать процесс демократических преобразований. Но Дубчек и другие лидеры КПЧ демократической ориентации все еще надеялись, что конфликт с Москвой удастся урегулировать, а съезд КПЧ создаст новую обстановку. При этом чехословацкие руководители не были согласны с московской оценкой процессов в их собственной стране как контрреволюционных. Прямо об этом не говорилось, но Дубчек при встрече 16 июля с послами пяти социалистических стран, вручивших ему "Варшавское письмо", не случайно отметил, что КПЧ может более точно оценить обстановку. Но главное, по его словам, в том, какие методы и формы использовать в борьбе. Исходя из специфики обстановки, КПЧ, дескать, применяет только политические средства и поступает оправданно. Благодаря этому, по мнению Дубчека, в Чехословакии не произошли события, которые в других странах привели к кровавым столкновениям (он здесь явно намекал на события 1956 г. в Венгрии). Раз этого не произошло, то КПЧ, следовательно, владеет обстановкой. В этом случае Дубчек опять-таки полемизировал с письмом пяти партий, в котором преувеличивалась опасность контрреволюции.

В Москве после встречи в Варшаве продолжали тщательно анализировать развитие ситуации в Чехословакии. Брежнев на пленуме ЦК КПСС 17 июля указал на серьезность обстановки в этой союзнической стране, рассказал о мерах, предпринятых Политбюро, и показал вероятность принятия различных практических шагов. Пленум единогласно одобрил деятельность делегации КПСС на Варшавской встрече.

Таким образом, кремлевское руководство, получив поддержку этого партийного форума и заручившись одобрением союзников, должно было решить, какой путь избрать — силовой вариант или дать Праге еще один, фактически последний шанс. На заседании Политбюро ЦК КПСС 19 июля Брежнев задал вопрос своим соратникам: "Все ли мы исчерпали из арсенала политического воздействия, все ли мы сделали до того, как принять крайние меры?"¹⁹ Возникла полемика относительно целесообразности новой встречи с чехо-

словацкими руководителями. Многие члены Политбюро были готовы принять решение о военных мерах и подталкивали к нему Брежнев, как, впрочем, это делали в Варшаве Гомулка, Ульбрихт и Живков. Но, похоже, что ведущая тройка, Брежнев, Подгорный и Косыгин, имела согласованную точку зрения о желательности еще одной попытки найти общий язык с Прагой. В целом же существовало понимание необходимости продолжения подготовки военной операции и одновременного проведения двусторонней встречи. В конце июля позиция советского руководства состояла в признании неизбежности интервенции в Чехословакию, но не было еще ясно, когда ее осуществлять. Что касается внешнеполитических аспектов силовой акции, то об этом на заседании 19 июля говорили как Брежнев (он повторял, что на нее надо идти, несмотря на шум за рубежом), так и министр иностранных дел А.А. Громыко. В частности, он считал, что встреча с чехословацкими руководителями необходима. "На этой встрече нам нужно выложить им все. Очевидно, они не пойдут на наши предложения. Но тогда мы осознанно будем подходить к решению о применении крайних мер... Сейчас международная обстановка такова, что крайние меры не могут вызвать обострения, большой войны не будет; сейчас для этого благоприятная обстановка. Но если мы действительно упустим Чехословакию, то это соблазн великий для других. Если мы сохраним Чехословакию, это укрепит нас. Международная обстановка сейчас не таит никаких неожиданностей для нас"²⁰.

Вопрос о встрече с чехословацким руководством был согласован. Конечно, в Прагу решили не ездить ("зачем идти на поклон к чехам?"), остановились на варианте проведения встречи на границе — в районе станций Чиерна-над-Тисой и Чоп. Предполагалось, что встреча будет недолгой, поэтому на конец июля была запланирована новая общая встреча представителей пяти социалистических стран в Москве.

На заседании Политбюро было также решено поручить его члену, первому секретарю ЦК компартии Украины П. Шелесту встретиться конфиденциально с Биляком, который собирался провести часть своего отпуска в Венгрии на озере Балатон. Согласие Кадара на это было получено. Такая встреча состоялась 21 июля. Помимо уточнения ситуации и расклада сил в высшем чехословацком руководстве, этот контакт позволил решить один необходимый для Москвы

вопрос — о сборе подписей видных деятелей КПЧ под обращением к Советскому Союзу с просьбой об оказании помощи "братской Чехословакии". В своих мемуарах Шелест пишет, что он договорился об этом с Биляком. Но, судя по имеющимся данным, такая работа проводилась и с другими представителями так называемых здоровых сил.

Переговоры в Чиерне-над-Тисой и Братиславе

29 июля — 1 августа 1968 г. состоялась встреча в Чиерне-над-Тисой, в которой участвовали практически полные составы Политбюро ЦК КПСС* и президиума ЦК КПЧ вместе с президентом Л. Свободой. Советское руководство пыталось в последний раз провести прямой разговор, причем с полным составом руководства КПЧ, надеясь прояснить позиции каждого его члена и получить от партнеров обязательства по сохранению руководящих позиций КПЧ и принадлежности страны к ОВД.

В Праге понимали важность встречи, но не допускали возможности военной развязки. Конечно, политики-центристы типа Дубчека и Черника отдавали себе отчет в том, что провоцировать Москву, действуя подобно венгерскому премьер-министру И. Надю в 1956 г., было бы опасно. Идти на разрыв с СССР они не хотели, но надеялись получить свободу рук. До съезда партии и после него Дубчек полагался на свой авторитет коммуниста-реформатора. Судя по всему, руководители ЧССР считали, что можно будет получить передышку до XIV съезда партии, хотя после Варшавы ситуация в отношениях с союзниками осложнилась. Иллюзорным был расчет лидеров Праги на поддержку со стороны Югославии и Румынии, на проведение международной конференции европейских компартий, которую предлагала французская компартия, а также на воздействие на КПСС со стороны французских и итальянских коммунистов. Об этом позднее на встрече в Москве довольно цинично выскажется Брежнев.

В конце июля под флагом очередных учений была уже завершена подготовка военной операции "Дунай". По данным журнала "Шпигель", к вторжению привлекались 26 ди-

* В Москве оставались А.П. Кириленко, Д.С. Полянский, а также Ю.А. Андропов, А.А. Гречко и А.А. Громыко.

визий, из них 18 советских, не считая авиации. В западной литературе численность советских войск оценивается в 400 тыс., войск остальных четырех социалистических стран — в 40 тыс. человек²¹. Но в Москве еще не было принято окончательное политическое решение.

Готовясь к переговорам с чехословацким руководством, советские лидеры исходили из того, что встреча будет проходить в условиях формирования в ЧССР национального единства на антисоветской основе, в условиях, как считалось, роста угрозы правого поворота в политике КПЧ и выхода на авансцену деятелей, настроенных более радикально, чем Дубчек. В Москве опасались, что власть в ЧССР довольно быстро мирным путем может перейти в руки "антисоциалистических сил". Снова возник вопрос, можно ли еще делать ставку на Дубчека? Окончательно ли он попал под влияние "правых" вроде Смрковского и Кригеля? Влияние этих деятелей, а также Й. Цисаржа, руководителя телевидения И. Пеликана, министра внутренних дел Й. Павела, пытались нейтрализовать, а их самих затем отстранить.

К тому времени через советского посла и других представителей, в том числе спецслужб, поддерживались постоянные контакты с президентом ЧССР и меньшинством в Президиуме ЦК КПЧ, прежде всего с Биляком. Позицию, конечно, определяли Брежнев и его окружение. Но руководство КПСС отнюдь не было монолитным. Документы и очевидцы тех лет говорят о том, что наиболее жесткого подхода придерживались Шелест и Подгорный. Твердую линию занимали министр обороны Гречко и начальник Главного политического управления СА и ВМФ А. Епишев. То же самое можно сказать о министре иностранных дел Громыко и председателе КГБ Андропове, которые опасались ослабления позиций Советского Союза вследствие выхода Чехословакии из Варшавского Договора. Различные сведения имеются о позиции Косыгина и Суслова. Судя по всем известным материалам, Косыгин, особенно после посещения ЧССР в мае, сомневался в авторитете так называемых здоровых сил и считал, что нужно последовательно оказывать давление на Дубчека, Черника и Свободу как деятелей, определяющих курс политики. Будучи человеком мыслящим логично, Косыгин более точно и ясно излагал советскую позицию, чем Брежнев и Подгорный.

Считается, что М.А. Суслов и Б.Н. Пономарев, занятые подготовкой Международного совещания компартий, стремились

несколько смягчить советскую позицию, опасаясь неблагоприятных откликов за границей. Об этом, в частности, пишет американский исследователь, чех по происхождению И. Валента²². А.Н. Шелепин одно время полагал, что нужно опираться на рабочий класс, на "рабочую милицию" для того, чтобы было найдено внутреннее решение без внешнего военного вмешательства. Судя по отдельным высказываниям очевидцев, жесткая точка зрения на события была и у Г.И. Воронова. Разница в подходах ощущалась и в советском посольстве в Праге между послом Червоненко и советником-посланником И. Удальцовым. Среди советских представителей были свои "ястребы", но имелись и умеренные. Но различия проявлялись скорее на рабочем уровне, в ходе обменов мнениями, все официальные документы и решения в Политбюро принимались единодушно.

Содержание переговоров в Чиерне-над-Тисой известно. Атмосфера встречи, особенно первого пленарного заседания, была напряженной. В целом руководители СССР не вдавались, как это было раньше, в идеологические проблемы, а требовали усиления контроля КПЧ над политическими и общественными процессами и спрашивали, почему не выполнены прежние договоренности и обещания. Они стремились связать Дубчека определенными договоренностями относительно рамок демократизации, сохранения руководящей роли КПЧ, смены неугодных кадров, ограничения свободы деятельности средств массовой информации и подтверждения приверженности страны Варшавскому Договору.

Основные договоренности в желательном для Москвы духе были достигнуты на встречах "четверок": Брежнев, Подгорный, Косыгин, Суслов — Дубчек, Свобода, Черник, Смрковский. Важные обещания, особенно о замене отдельных лиц в руководстве, Дубчек дал в личной беседе с Брежневым*. Переговоры закончились внешне удовлетворительным для Москвы результатом: были получены обещания о сохранении статуса КПЧ, о контроле над СМИ, о роспуске социал-демократической партии, о запрете некоторых политических клубов, об отстранении Кригеля, Цисаржа, Павела и Пеликана, о разделении МВД и госбезопасности, хотя сомнений в их реализуемости было немало. Была также до-

* Во время переговоров Брежнев почувствовал себя плохо, поэтому Дубчек посетил его в вагоне, где тот жил.

стигнута договоренность об общей встрече, т.е. Москва продолжала линию на коллективное давление на Прагу, хотя Гомулка, Ульбрихт и Живков выражали сомнения в результативности новых встреч с Дубчеком и его коллегами. Для советских руководителей было важно то, что в Чиерне начали сказываться результаты работы со "здоровыми силами". Это было ясно видно по выступлениям некоторых членов Президиума ЦК КПЧ. К тому же накануне на имя Брежнева было передано личное письмо кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ А. Капека с просьбой об оказании его стране "братской помощи" со стороны других социалистических стран.

На коллективной встрече в Братиславе 3 августа особо нового ничего не произошло. Сначала на встрече в формате высших руководителей (с советской стороны участвовали генеральный секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР) Брежнев в присутствии Дубчека и Черника рассказал о достигнутых в Чиерне договоренностях, затем началась дискуссия. "Пятерка" союзников критиковала, чехословацкие руководители, обороняясь, давали обещания. В итоговом документе были отражены интересы и той, и другой стороны, о внутренних делах в Чехословакии ничего не говорилось. Речь шла об оценке пути, пройденного социалистическими странами, о принципах отношений — об уважении суверенитета и национальной независимости всех социалистических стран, говорилось о дальнейшем развитии социалистической демократии. По настоянию советской делегации упоминались общие закономерности строительства социализма, но чехословацкие участники вставили слова об учете национальных условий и особенностей.

В заявлении, принятом в Братиславе, содержалась, однако, ключевая фраза о коллективной ответственности в деле защиты социализма: "Поддержка, укрепление и защита этих завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, является общим интернациональным долгом всех социалистических стран"²³. Впоследствии это рассматривалось чуть ли не как согласие руководителей ЧССР на ввод войск. По свидетельству чехословацкого участника встречи Млынаржа, в этой фразе улавливался какой-то скрытый смысл, но никто не предполагал, что скоро ее будут интерпретировать как заранее данное согласие на интервенцию²⁴.

В информации, разосланной 8 августа партактиву КПСС, была дана в целом положительная оценка двух встреч, но подчеркивалось, что все теперь зависит от того, будет ли чехословацкое руководство действовать в соответствии с договоренностями. Однако достаточной уверенности в этом у Кремля не было. По информации советских послов из столиц социалистических стран, такой уверенности не было и у союзников Советского Союза. В частности, Кадар на пленуме ЦК ВСРП 7 августа заявил, что встречу в Братиславе можно оценивать как поворотный пункт в отношениях между партиями пяти социалистических стран и КПЧ. Однако надо иметь в виду, что внутренние проблемы в ЧССР остаются нерешенными. Дальнейшее развитие событий в этой стране в здоровом направлении будет зависеть от того, насколько актуальными и эффективными окажутся действия КПЧ и правительства ЧССР. При этом Кадар предположил, что в КПЧ должны произойти поляризация сил и наступить обострение ситуации. КПСС и другие братские партии, по его мнению, все сделали для решения проблем политическим путем, но если этого не получится, то не исключено применение других мер. Однако самой большой трагедией, оказывающей влияние на судьбы человечества, станет, если Чехословакия прекратит существование как социалистическое государство²⁵.

После Братиславы наступила самая драматическая фаза кризиса в Чехословакии. Ни советское руководство, ни Ульбрихт и Гомулка, наиболее активные критики Пражской весны, не верили в способность и желание Дубчека и его сторонников "нормализовать" обстановку. Их особенно задела новая информация о том, что в Чехословакии итоги встречи в Братиславе рассматриваются как "победа", а тональность выступлений средств массовой информации осталась прежней.

Уже после встречи в Дрездене в марте позиции руководителей ГДР, Польши и Болгарии в основном определились. Они считали, что наилучшим выходом будет военное решение — размещение на территории ЧССР советских войск, как в Венгрии и Польше. Но руководство этих стран ждало окончательного решения КПСС, постоянно доказывая колеблющемуся Брежневу, что ситуация в ЧССР и в руководстве КПЧ несколько не улучшается. Например, Ульбрихт так говорил 1 августа советскому послу П. Абрасимову о том, что надо делать: коллективно всеми имеющимися средства-

ми подавить реакционные и контрреволюционные силы в Чехословакии... Дубчек и его окружение "являются хитрыми ревизионистами и оказались не такими простаками, как это представлялось вначале"²⁶.

Живков перед совещанием в Братиславе в беседе с послом СССР А. Пузановым 1 августа отметил: "... обстановка в Чехословакии, вся история и ход развития событий не дают никаких оснований считать, что нынешнее руководство КПЧ сможет изменить положение. Политбюро ЦК БКП придерживается ранее высказанного им мнения: чтобы изменить положение в ЧССР, сохранить компартию и социалистические завоевания, надо использовать все возможные и необходимые средства, в том числе силы Варшавского Договора, если потребует обстановка. Дубчек, Черник, Смирковский не представляют никакой гарантии, чтобы повернуть события. Они националисты, ревизионисты, они не любят Советский Союз. Если не успеем повернуть события, то это будет катастрофическим ударом по Советскому Союзу, по нашим социалистическим странам". При этом Живков напирал на ответственность КПСС за сохранение социалистического блока. Что, дескать, творится? Ушли Югославия и Албания, разладились отношения с Китаем, в сторону поглядывает Румыния.

По возвращении из Братиславы Живков рассказал своим коллегам, что руководители СССР настроены решительно и "будут принимать все меры, вплоть до военных, но Чехословакия останется социалистической".

Военное решение

3 августа в Братиславе Брежневу было передано через Шелеста письмо пяти членов руководства КПЧ — А. Индры, Д. Кольдера, А. Капека, О. Швестки и В. Биляка с просьбой об оказании "действенной помощи и поддержки", чтобы вырвать ЧССР "из грозящей опасности контрреволюции"²⁷. Таким образом, появилась формальная основа для вторжения, хотя дело было не только в этом*.

Формально после совещания в Братиславе внешне вроде бы наступила разрядка. Высшие советские руководители уе-

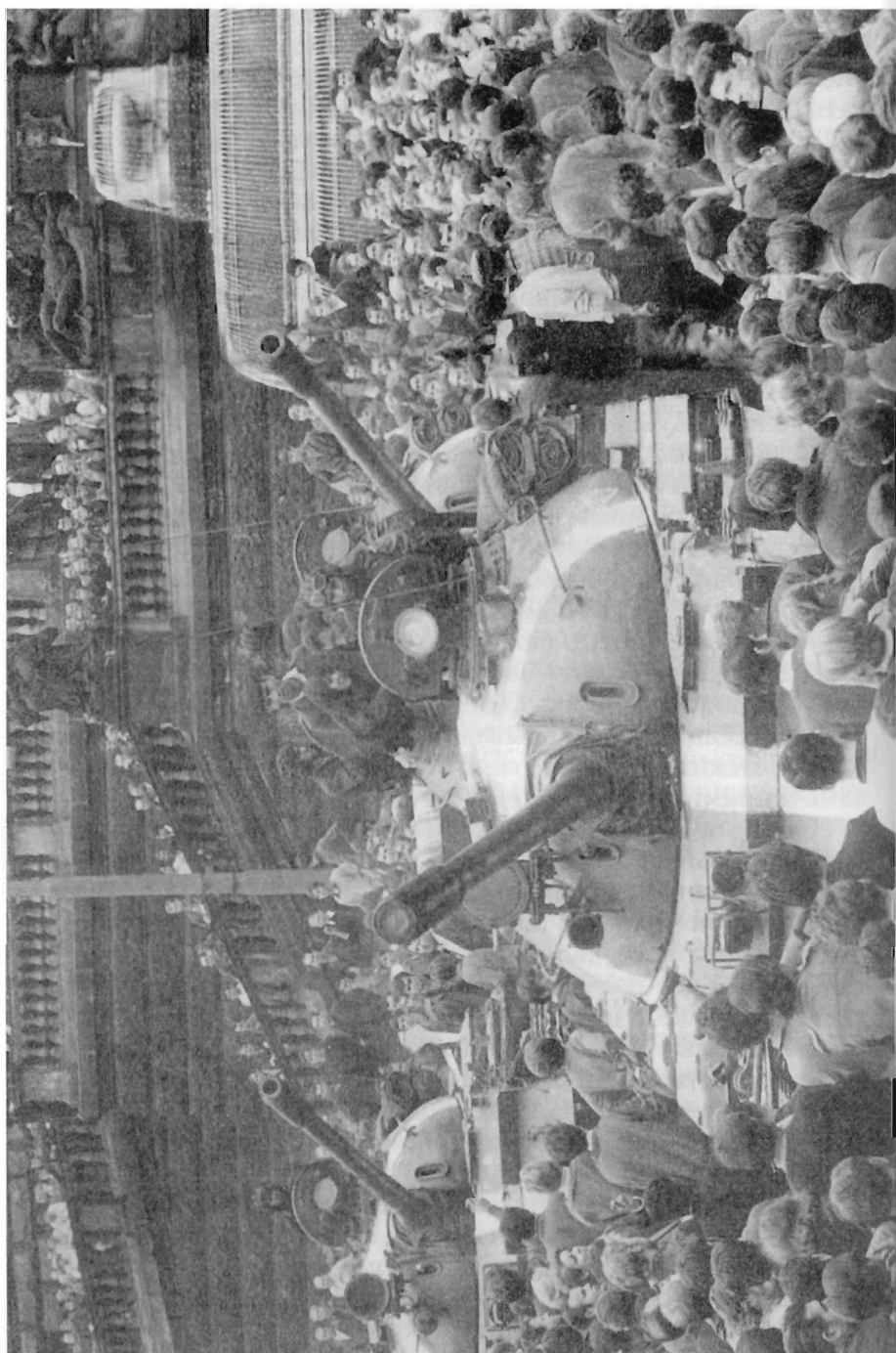
* М. Якеш уже после "бархатной" революции в Праге в 1989 г. утверждал, что никакого письма тогда не было, подписи были поставлены задним числом.

хали на отдых в Крым. Но работа кипела. Кремлевское руководство решило проверить настроения Дубчека после Братиславы, поручив послу Червоненко обстоятельно побеседовать с ним. 8 августа посол доложил, что хотя руководители КПЧ и правительство в Чиерне и Братиславе обязались вести борьбу против правых и антисоциалистических сил в Чехословакии, а Дубчек подтвердил, что намерен значительно обновить состав ЦК и высшего руководства, однако полной уверенности в его действиях нет. Дубчек обвинялся в неискренности. Делался вывод, что в нем идет внутренняя борьба и к последовательным действиям против правых Дубчек и его команда не способны. Собственно говоря, советский посол из Праги и раньше, например в июле, докладывал о заблуждениях Дубчека.

Поведение Дубчека объяснялось разными мотивами. Он переоценивал свои возможности и популярность, не понимая степени решимости советского руководства. Наконец, как человек мягкий, он поддавался различным настроениям. Когда Дубчек говорил с Брежневым, то попадал под его влияние. В Праге на него действовала своя атмосфера, влияли определенные центры сил, некоторым из которых он мог доверять, другим — нет. Часто казалось, что наилучший выход — отложить вопрос. О некоторых обращениях из Москвы он вообще не докладывал коллегам. Нередко он считал, что советских лидеров можно водить за нос, соглашаясь с их замечаниями.

Ближе к середине августа главную роль в контактах с Дубчеком взял на себя Брежнев, решительность которого по мере приближения радикального шага усиливалась. Возможность потери Чехословакии как социалистической страны он увязывал с концом своей политической карьеры. 9 и 13 августа 1968 г. Брежнев звонил по телефону Дубчеку и нажимно ставил вопросы: почему не выполняются договоренности, где обещанные кадровые решения, почему не запретили комитет по учреждению социал-демократической партии, не осуществляется разделение органов МВД и госбезопасности? Брежнев не просто напоминал своему собеседнику, а запугивал: "в Москве зарождается беспокойство", так как все опять идет по-старому, нужные решения не принимаются.

Брежнев из Ялты, где он находился на отдыхе, часто говорил по телефону с советским послом в Праге, с руководителями других социалистических стран. В Ялте 12 августа была, например, организована закрытая встреча Брежнева,

Подгорного и Косыгина с Кадаром. Его попросили вновь побеседовать с Дубчеком. Встреча состоялась в Комарно 17 августа. Встречался с Дубчеком в Карловых Варах 12 августа и Ульбрихт.

Одновременно велась работа с просоветскими, так называемыми здоровыми силами в ЦК КПЧ. Им рекомендовали действовать смелее, нажимать на Дубчека. 10 августа через каналы КГБ было направлено устное послание Брежнева Биялку, в котором выяснялся вопрос, какие могут понадобиться крайние меры для нормализации ситуации, какие надо создавать чрезвычайные органы. Брежнев задал и вопрос, как идет сбор подписей под обращением "здоровых сил" к советскому руководству²⁸.

Недовольный уклончивым поведением и неопределенными ответами Дубчека 13 августа (разговор по телефону длился 1 час 15 мин.), Брежнев направил ему письмо, повторив в нем свои соображения. Советскому послу было поручено ознакомить с текстом письма всех членов президиума ЦК КПЧ. (Этот метод давления — знакомить других членов чехословацкого руководства с информацией, направленными Дубчеку, часто применялся в ходе событий 1968 г.) 13 августа в Прагу было также направлено обращение Политбюро ЦК КПСС по вопросу о недружественных выступлениях чехословацкой печати, срывающих договоренности, достигнутые в Чиерне-над-Тисой. Советское руководство информировало о своих шагах и президента Л. Свободу.

Дубчек в контактах с Генеральным секретарем ЦК КПСС уходил от прямых ответов, ссылаясь на то, что никаких обещаний он якобы не давал и что кадровые дела решаются коллективно. Он сказал, что предстоит пленум ЦК, там и будут рассмотрены вопросы о кадрах. Говорил о трудностях. Чувствовалась его раздраженность постоянным вмешательством Москвы. 13 августа он даже сказал, что не держится за свой пост. В ответ Брежнев сделал предупреждение: такое поведение безответственно, новая ситуация в ЧССР может заставить Москву принять самостоятельные решения. В конце концов Дубчек взорвался и в сердцах бросил: "Раз вы в Москве считаете нас обманщиками, то к чему разговоры. Делайте, что хотите". Позиция Дубчека была ясной — свои проблемы чехословацкая сторона в состоянии решить самостоятельно, без вмешательства извне.

←
Вацлавская площадь в Праге 21 августа 1968 г.

Поведение Дубчека и пражского руководства в Москве было признано неискренним и неудовлетворительным с точки зрения обеспечения руководящей роли КПЧ, сохранения прежних отношений с Советским Союзом и гарантий принадлежности ЧССР к Варшавскому Договору. Этот вывод подкреплялся всей совокупностью информации от посольства СССР, спецслужб и особенно тревожными сообщениями от представителей "здоровых сил" Биляка, Индры, Швестки и других.

16 – 17 августа в Москве на заседании высшего советского руководства состоялось обсуждение положения в Чехословакии. Были одобрены предложения о вводе войск как превентивной мере. Тогда же было принято письмо Политбюро ЦК КПСС в адрес президиума ЦК КПЧ. Его вручили Дубчеку и Чернику 19 августа, но разговор носил характер общения глухонемых. 17 августа Червоненко имел встречу с президентом Свободой и по ее итогам сообщил руководству, что президент не во всем согласен с Москвой, но в решающий момент будет вместе с КПСС и Советским Союзом.

18 августа в Москве состоялась закрытая встреча руководителей "пятерки". Союзники без особых возражений одобрили оценки и соображения ЦК КПСС. Был сделан вывод о том, что со стороны КПСС и других братских партий исчерпаны все политические средства воздействия на руководство КПЧ, чтобы побудить его к отпору "правым, антисоциалистическим силам". По мнению лидеров пяти партий, наступил момент для активных мер по защите социализма в Чехословакии. Участники совещания в Москве "согласились оказать необходимую военную помощь социалистической Чехословакии" и утвердили соответствующие мероприятия. Частью их были запланированное выступление "здоровых сил" КПЧ с просьбой о помощи и последующая смена высшего руководства партии. Идея обращения группы чехословацких политиков, о котором на совещании сообщил Брежнев, была поддержана. Лидеры союзных стран исходили из того, что "здоровые силы" будут иметь большинство в ЦК.

Ульбрихт поддержал меры, предложенные советским руководством. Он говорил о том, что с XIV съездом КПЧ в стране намечается контрреволюционный переворот. Военная сторона действий союзников, по его мнению, понятна. Но встретятся сложности в политической работе с населением, в значительной мере зараженным буржуазной и мелкобур-

Прага. 21 августа 1968 г.

жуазной идеологией. Новое руководство должно иметь четкую политическую программу и не допустить экономического хаоса. Живков и Гомулка тоже поддерживали Брежнева. Польский руководитель отметил, что другого пути нет, а на его поиски будет только потрачено время. Гомулка подчеркнул важность действий самих чехословацких политиков. Предложил увеличить число подписавших обращение за помощью к союзникам до 50 человек, а подготовленные документы опубликовать на Западе. Кадар отметил, что необходимо открытое выступление левых чехословацких сил. Это — исходный пункт. Рассказывая о своей встрече с Дубчеком 17 августа, Кадар оценил ее как бесплодную и безрезультатную. По его мнению, Прага отстывает от того, что было согласовано в Братиславе. Политические меры, по мнению венгерского руководителя, были исчерпаны.

В Москве были заготовлены различные документы для будущего нового руководства Чехословакии. Имелось в виду создать новое Революционное рабоче-крестьянское правительство* (другого названия не придумали, работали по венгерской модели 1956 года). Советское руководство, пытаясь

* Главой правительства планировался А. Индра.

упредить негативную международную реакцию, за день информировало советских послов о возможной акции в ЧССР со ссылкой на обращение группы чехословацких политиков. На 21 августа было запланировано проведение пленума ЦК КПЧ и сессии Национального собрания, где должно было смениться высшее руководство.

В осуществление планов военной интервенции большая роль отводилась президенту Свободе. Ему было направлено письмо от имени руководителей пяти социалистических стран. Специально звонил по телефону Брежнев. Президент ЧССР не одобрил ввод войск, но заверил, что против союзников не пойдет и все сделает, чтобы не пролилась кровь. Свое обещание он выполнил. Армия ЧССР получила указание президента, а затем и президиума ЦК КПЧ не выступать против интервентов. В этом смысле на министра обороны М. Дзура большое давление оказал маршал А.А. Гречко и другие советские генералы.

Военная операция прошла сравнительно гладко*. Союзные войска заняли все пункты без применения оружия. Ряд военачальников и командование погранвойск ЧССР оказали содействие союзным войскам. Позиция многих военных определялась просто — нельзя допустить кровопролития и пора кончать с "бардаком" в стране. Но население в массе своей бурно протестовало против ввода войск. Однако политические планы "союзников" провалились. Группа Биляка и Индры не получила большинства в президиуме ЦК КПЧ. Не удалось сформировать новое правительство, провести пленум ЦК для смены руководства.

22 августа из Москвы была направлена информация Ульбрихту, Гомулке, Кадару и Живкову. В ней объяснялось, что планы так называемой "инициативной группы" в чехословацком руководстве не удалось осуществить. Во-первых, не были собраны "заказанные" 50 подписей под обращением (всего набралось не более 23 подписей; отказался, в частности, подписать обращение в Москву такой авторитетный человек, как Л. Штроугал, впоследствии премьер-министр ЧССР). Обращение к СССР о помощи было опубликовано в

* Л.И. Брежнев как Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза в момент ввода войск в ЧССР находился на командном пункте Генштаба. Вместе с ним были Н. Подгорный и А. Косыгин. В биографии армейского политработника среднего уровня времен Второй мировой войны это было, можно сказать, единственное полководческое деяние.

Демонстранты у памятника св. Вацлава. Прага. 21 августа 1968 г.

*Демонстранты на Вацлавской площади поют чехословацкий гимн.
Прага. 21 августа 1968 г.*

анонимной форме, без подписей. Во-вторых, главные осложнения произошли на заседании президиума ЦК КПЧ 20 августа ночью, когда стало известно о вводе войск пяти стран. Большинство членов Президиума — 7 против 4 — проголосовали за заявление, осуждающее вторжение. А расчет был на иное соотношение сил, как минимум 6 против 5. С опозданием был установлен контроль над радио, телевидением и газетами.

С помощью работников чехословацких органов госбезопасности советскими десантниками были задержаны А. Дубчек, О. Черник, Й. Смирковский, Ф. Кригель и И. Шпачек. Их вывезли на Украину. Советское руководство довольно быстро поняло, что так называемые здоровые силы не имеют достаточной опоры ни в партии, ни в стране. Военному командованию и созданным военным комендатурам (войсками командовал генерал армии И. Павловский) было дано указание более активно поддерживать сторонников Москвы. "Здоровые силы" укрылись в советском посольстве. Но К.Т. Мазуров, представлявший в Праге под именем "генерал Трофимов" высшее советское руководство, и посол С.В. Червоненко не сумели уговорить их сформировать новые органы власти. Отказался одобрить эту затею и Л. Свобода²⁹.

Чехословацкие средства массовой информации объявили В. Биляка, А. Индру и других предателями. Тем временем, по инициативе Пражского горкома партии, начал заседание XIV съезд КПЧ в районе Высочан, но без делегатов из Словакии. Интервенция была осуждена. В обращении делегатов к коммунистическим партиям всего мира говорилось: «Мы обращаемся к коммунистическим и рабочим партиям всего мира, в особенности к партиям и народам Советского Союза, ПНР, НРБ, ГДР, ВНР, войска которых оккупировали нашу страну.

В январе наша партия вступила на путь возрождения социализма. Она начала в большой мере развивать его демократические и гуманные принципы в соответствии с условиями нового этапа нашего пути. Она верила, что принципы суверенитета и невмешательства будут уважаться, и все спорные вопросы будут решены путем переговоров. Из этого исходило руководство нашей партии во всех послеянварских переговорах — двусторонних и многосторонних. Эта политика, включенная в "Программу действий" ЦК КПЧ, снискала нашей партии небывалый авторитет и поддержку. Обеспечение и ускорение этого пути должно было быть

предметом обсуждения на XIV Чрезвычайном съезде, подготовка к которому уже заканчивалась.

Накануне этого съезда войска СССР, ПНР, НРБ, ГДР и ВНР без каких-либо поводов и без согласия законных правительственных и партийных органов против воли нашего народа насильственно захватили нашу территорию, вызвали в стране беспорядок, сделали и делают невозможным продолжение начатого пути.

Мы стоим перед горькой правдой: войска государств, в которых мы привыкли видеть друзей, ведут себя, как оккупанты. Конституционные органы нашего государства и представители партии не могут продолжать выполнение своих функций. Они не имеют возможности обсудить возникшую ситуацию в нормальных конституционных формах. Они не имеют никакого доступа к средствам связи. Видные руководители интернированы.

Нет сомнений в том, что эти действия должны привести к пагубным последствиям для всего международного коммунистического движения.

Мы заявляем, что наш народ, а с ним и наша коммунистическая партия никогда не согласятся с такими действиями, отвергают их и сделают все для обновления нормальной жизни в нашей стране"³⁰.

Обстановка в стране становилась всё более накаленной. Нарастала волна протеста. Страна бурлила, требовала вывода иностранных войск и возврата своих интернированных руководителей. Во многих случаях "пассивным сопротивлением" руководили партийные и государственные органы. Провал первоначальных политических планов заставил руководство Советского Союза менять тактику на ходу. Без переговоров с легитимными руководителями ЧССР нельзя было обойтись. Червоненко и Мазуров считали, что переговоры необходимы*. Дубчек и его товарищи из "контрреволюционеров" опять становились партнерами. В Москву были доставлены почти все члены президиума и секретари ЦК КПЧ. Наилучшим выходом для Политбюро ЦК КПСС было предложение Л. Свободы об официальных переговорах. Он прибыл в Москву 23 августа вместе с Г. Гусаком, в тот момент являвшимся заместителем председателя правительства ЧССР.

* Совершенно правильно тогда оценил обстановку посол С.В. Червоненко (умер в июле 2003 г.).

Брежнев, Косыгин и Подгорный провели сначала отдельные беседы с президентом Свободой, с Дубчеком и Черником, а также с Смирковским, Б. Шимоном и Й. Шпачеком, уломав, так сказать, каждого. После всех подготовительных бесед состоялись, наконец, пленарные переговоры. Руководители Советского Союза стремились подписать с чехословацкими руководителями документ, в котором прежде всего оправдывался бы ввод войск как вынужденная мера по причине невыполнения чехословацкой стороной обязательств, взятых на себя в Чиерне-над-Тисой и Братиславе, и неспособности предотвратить "правый переворот". Беседы в Кремле проходили в обстановке нажима и открытых угроз, хотя звучали и ритуальные заявления о дружбе народов. Никаких намеков на явное нарушение норм международного права, взаимоотношений социалистических стран не было. Все было предельно откровенно и бесцеремонно. Да, говорили советские руководители, войска пришли незваные, президент ЧССР их не приглашал, да, положение трудное, да, нормализация затянется, но давайте смотреть вперед и совместно искать выход. Никаких извинений с советской стороны не последовало. Более того, Дубчеку пришлось выслушать немало упреков в свой адрес.

Советской стороной было твердо поставлено условие, заранее согласованное с Л. Свободой, — все руководители вернуться на свои места, если объявят решения партийного съезда в Высочанах недействительными и вообще созыв нового съезда КПЧ отложат. Согласие было получено. Советское руководство потребовало дать гарантии выполнения договоренностей в Чиерне-над-Тисой и Братиславе о борьбе с антисоциалистическими силами и контроле над СМИ. Советские лидеры заявили, что без этого союзные войска не уйдут. Вывод войск союзников должен быть поэтапным. Войска СССР остаются в ЧССР, об этом подписывается договор. Было и другое требование: в ходе кадровых перемен "здоровые силы" не должны пострадать.

Брежнев жестко ставил эти вопросы, заявляя, что сопротивление будет сломлено, даже ценой кровопролития. Изложив советские условия, он отметил: "Если же мы не найдем такого подхода, то не избежать кровопролития, не избежать убитых и раненых с нашей стороны и с вашей стороны. Если правые будут вести такую истерию с подпольных станций, то неужели они думают, что советские, венгерские, немецкие и болгарские войска уйдут просто так. Этого не мо-

жет быть. А раз это так, то может быть такое столкновение, которое выльется в войну. Эту опасность мы должны преодолеть, но на принципах, приемлемых для вас и для нас и для всех социалистических стран"³¹.

Позиция руководства СССР на переговорах была жесткой, диктат полным. Но в Москве отдавали отчет в том, что какое-то время придется опять иметь дело с Дубчеком, поскольку он представлял легитимное руководство КПЧ. Но его вновь связали обязательствами. Руководители Чехословакии занимали оборонительную позицию, стремясь избежать столкновений, кровопролития и жертв. Достаточно последовательно они заявляли, что ввод войск был неспровоцированным и неоправданным шагом, который повлечет тяжелые последствия для дружбы двух народов и в международном плане. Такой же позиции придерживался и Гусак, отметивший, что цели, которые ставили союзники, можно было достичь другими, невоенными средствами.

Решив не уходить в трудный для страны час в отставку и спасти то, что можно было спасти, Дубчек и его товарищи обрекли себя на подписание унижительного Московского протокола. Подписать его отказался только Ф. Кригель, которого, кстати, к переговорам и не допустили. К своим относительным успехам руководители ЧССР могли отнести согласие Москвы с решениями январского и майского (1968 г.) пленумов ЦК КПЧ и обещание вывести союзные войска. Советские руководители пытались устроить совместную встречу с главами других социалистических стран, участниц акции в ЧССР. Они находились в тот момент в Москве. Но руководство Чехословакии отказалось от встречи с ними.

Московский протокол и другие соглашения определяли рамки "нормализации" обстановки в Чехословакии, они означали свертывание демократизации. Большинство населения, пережив потрясения августа 1968 года и видя капитуляцию своих прежних героев, сравнительно быстро смирилось с новым положением. Но память о Пражской весне жила. Одним из напоминаний об этом послужило выступление участников "Хартии — 77".

После возвращения чехословацких руководителей из Москвы в конце августа 1968 г. началась финальная часть кризиса. Лидеры Пражской весны и в новых неблагоприятных условиях — под постоянным давлением и при наличии в стране советских войск, а также под присмотром "комиссара", представителя Совета Министров СССР В.В. Кузнецова, первого

заместителя министра иностранных дел СССР, который находился в Праге до января 1969 года, — все-таки пытались спасти какой-то минимум осуществленных реформ. Естественно, старались сохранить и свое лицо как руководителей и реформаторов. А руководство Советского Союза стремилось обеспечить контроль над выполнением положений Московского протокола, пыталось доказать правильность своих действий по вводу войск и форсировало усилия по закреплению выгодных для себя перемен в политике КПЧ, включая и замену значительной части политического истеблишмента.

Через "личную дипломатию" Брежнев стремился вначале воздействовать на Дубчека различными посулами, в частности это проявилось на закрытой встрече в ноябре 1968 г. в Варшаве во время V съезда ПОРП. Но затем тон опять ужесточился. Всячески раскручивался курс на "нормализацию" и предпринимались шаги по усилению борьбы с теми общественными силами, которые называли антисоциалистическими и правыми. Конечно, для руководства СССР, затратившего колоссальные, в том числе материальные, усилия ради подавления Пражской весны и бросившего на чашу весов свой международный авторитет, отступить было некуда. Признать провал всей акции было равнозначно уходу с политической арены верхушки руководства Советского Союза. Верхушка армии и ВПК считала главным то, что советские войска стоят в Чехословакии. Это признавалось важным в плане противодействия НАТО и бундесверу*. Дело было сделано, необходимо было всеми средствами закреплять ЧССР на ортодоксальном социалистическом пути, без каких-либо обновлений и т.д. Причем употреблявшийся в Москве термин "ввод войск" (не интервенция, не вторжение!) именно означал, что войска ОВД пришли и разместились на территории ЧССР, тем самым, предотвратив выход страны из Варшавского Договора. Надо было сделать все, чтобы Чехословакия стала надежным, как тогда говорили, звеном социалистического содружества. Конечно, следовало оказать и экономическую помощь. Вопрос о нейтралитете ЧССР закрывался. А что каса-

* В договоре, закреплявшем размещение советских войск в Чехословакии, так и говорилось: "...часть советских войск, находящихся в Чехословацкой Социалистической Республике, временно остается на территории Чехословацкой Социалистической Республики в целях обеспечения безопасности стран социалистического содружества от усиливающихся реваншистских устремлений западногерманских милитаристских сил". Временное пребывание затянулось до 1991 г.

ется руководства партии и страны, то его можно было помянуть, поставив людей, дружелюбно настроенных к Москве. Такова была философия проводившейся политики.

Для Брежнева разрабатывались различные варианты действий. В частности, в одном таком документе, подготовленном лично для генерального секретаря и использованном им на закрытом совещании, анализировались итоги "военно-политической акции" 21 августа 1968 г. и давались рекомендации на перспективу. Причем характер документа и его тональность отражали "ястребиный" подход³². Прежде всего было отмечено, что военная акция помогла предотвратить "реставрацию капитализма" в Чехословакии. Утверждалось, что, учитывая поведение империалистических государств, и в будущем придется прибегать к подобным акциям по "защите социализма". Военная часть операции не вызывала сомнений, войска с тактической точки зрения действовали грамотно и на высоком профессиональном уровне, однако вряд ли было целесообразно "развешивать бронетанковое ожерелье на улицах Праги, Брно, Братиславы и других городов". Это оказывало плохое психологическое воздействие на население. Но основной недостаток заключался в том, что ввод войск проходил почти при полном пропагандистском молчании со стороны союзников, так как не было заготовлено добротных пропагандистских планов. Если при начале военно-политической акции можно было рассчитывать на поддержку 50–60% населения, то в результате бездействия пропаганды это соотношение через неделю изменилось коренным образом — 75–90% населения стало рассматривать акцию союзников как оккупацию страны.

В обстановке активности правых сил, их умелой пропагандистской работы так называемые здоровые силы, как признается в упомянутом документе, были деморализованы, "стали вести себя неуверенно и неохотно шли на сотрудничество с нами". Иными словами, признавая правомерность вторжения, авторы этой записки критиковали только недостатки политической и пропагандистской подготовки акции*. Другим недостатком авторы считали то, что органы со-

* Пропагандистской работой руководил А.Н. Яковлев, в то время первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС. В его ведении была и так называемая пресс-группа (человек 20–30 идеологических работников и журналистов, специально командированных в ЧССР и направлявших выпуск специальной газеты на чешском языке и передачи анонимной радиостанции, работавшей с территории ГДР).

ветской разведки не сумели вовремя внедриться в ряды политического противника, раскрыть планы его перехода в подполье. А масштабы организации сопротивления с помощью государственных и партийных органов ЧССР расценивались как беспрецедентные³³. Большие просчеты были допущены и в индивидуальной работе с членами ЦК и депутатами Национального собрания, что имело отрицательные последствия для Москвы. Признавая, что процесс политического урегулирования явно осложняется, авторы записки на имя Брежнева рекомендовали советскому руководству дополнить военный контроль в Чехословакии политическим и административным контролем. "Речь идет о самом решительном вмешательстве в дела Чехословакии, об осуществлении нажима по всем линиям, вплоть до предъявления ультимативных требований". Вносились предложения по проведению широкой кампании дезинформации, дискредитации правых сил и их нейтрализации.

Был сделан вывод: "Совершенно очевидно, что в Чехословакии прежнее политическое и государственное руководство не способно проводить новую политику... Прежнее руководство рассчитывает на лучшие времена, оно будет всячески саботировать Московское соглашение". В целях выхода из создавшегося в конце 1968 г. тупика надо сменить лидеров, но заменить руководство страны, отмечалось в документе, можно только через существующие партийные и государственные институты.

Кстати, о недостатках в проведении акции союзников в Чехословакии, о срыве первоначально намеченных планов говорил Я. Кадар в беседе с Ю.А. Андроповым в декабре 1968 г. Как он выразился, первой премии эта союзническая акция явно не заслуживает.

Уже в ноябре 1968 г. в ходе подготовки к пленуму ЦК КПЧ для Кремля стало ясно, что с командой Дубчека общий язык найти будет трудно. Это видно из тех указаний, которые Политбюро ЦК КПСС 11 ноября направило В.В. Кузнецову и С.В. Червоненко к беседе с А. Дубчеком по проекту документов пленума ЦК³⁴. Москва решительно отвергала попытку Праги оправдать решение президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г., осуждавшее ввод союзных войск. Политбюро ЦК КПСС выражало недовольство по поводу расхождений в оценке причин событий в ЧССР, категорически возражало против стремления возложить вину за обострение обстановки в стране с лета 1968 г. на действия

СССР и его четырех союзников. Дубчек и его сторонники обвинялись в принижении правой опасности.

После массивного давления из Москвы руководство КПЧ отступило. В Москве считали, что решения ноябрьского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ давали основу для активизации борьбы за укрепление социалистического строя. В информационном письме ЦК КПСС для советского партактива в феврале 1969 года отмечалось, что в Чехословакии отступить дальше нельзя, пора переходить к активному отпору правым силам. Такие настроения приписывались руководству КПЧ и страны. Но в то же время в Москве признавали, что процесс нормализации является длительным и сложным.

В этой связи политическая судьба Дубчека была predetermined. Сначала вынудили уйти в отставку Смирковского, затем в апреле 1969 г. ушел и лидер Пражской весны. Как пишет Дубчек в своих воспоминаниях³⁵, последний нажим на него оказали министр обороны СССР А.А. Гречко и зам. министра иностранных дел В. Семенов. Они прибыли в Прагу в связи с обострением внутривосточной обстановки и серией антисоветских выступлений вокруг матча сборных команд по хоккею. Советская сторона требовала навести порядок. Гречко сообщил о вводе в ЧССР дополнительных контингентов советских войск. В этих условиях Дубчек пытался найти поддержку у членов руководства партии, но скоро понял, что остался один. Какое-то время держался Черник, но недолго. В апреле 1969 г. во главе КПЧ встал Г. Гусак, позднее избранный президентом ЧССР. Дубчек избежал судьбы Имре Надя, время все-таки было другое, но его убрали из политической жизни. Сначала отправили послом в Турцию, затем отозвали на родину и исключили из партии. До 1989 г. он работал на лесопромышленном предприятии в Братиславе, находясь под надзором органов МВД.

В стране развернулась "нормализация". В КПЧ началась чистка, в ходе которой ее ряды были вынуждены покинуть 500 тыс. человек. Следует отметить, что определенные успехи в развитии экономики, повышение жизненного уровня в 70-е годы XX в. привели к некоторому успокоению общественного мнения Чехословакии. Новый лидер Г. Гусак стал пользоваться даже определенным авторитетом, хотя прежних кумиров не забыли. Но коренные проблемы развития общества, народного хозяйства и федеративного государства чехов и словаков не получали разрешения, шел процесс накопления негативных факторов. Не могла принести пере-

М.С. Горбачев и М. Якеш. Январь 1988 г.

мен и деятельность М. Якеша, заменившего старого и больного Г. Гусака на посту первого секретаря ЦК КПЧ в 1987 г. Разумеется, М. Горбачев был в курсе готовившихся замен, так как Гусак советовался с ним. Однако идеи советской перестройки встречали в официальных кругах в Праге прохладный прием, ибо вся идеология властей держалась на оценках событий 1968 г. как "ползучей контрреволюции". На фоне "гласности" и перестройки в Советском Союзе и общих перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе оппозиционные настроения в чехословацком обществе нарастали, правозащитное движение крепло. Кризис в партии и стране усиливался, вылившись под влиянием аналогичных процессов в Советском Союзе и других странах указанного региона в "бархатную" революцию 1989 г. и приведя к смене общественного строя.

Пражская весна – международное значение и последствия

Развитие событий в Европе и мире в 70–80-е годы XX столетия подтвердило, что так называемые успехи "нормализации" в Чехословакии после 1969 г. были формальными и недолговечными, а для политики Советского Союза и КПСС удушение Пражской весны оказалось связанным со многими тяжелыми последствиями. Брежнев, разумеется, был удовлетворен результатами своего маневрирования и нажима на ЧССР в 1968 г. и считал, что "в то время удалось отстоять государственные интересы СССР и стабильность в Европе сравнительно недорогой ценой"³⁶, т.е. без кровопролития, политическим путем. Его ближайшие соратники, например А.П. Кириленко, отмечали, что "мы спасли социалистический строй в Чехословакии, преградили дорогу контрреволюции в этой стране и во всех социалистических странах Европы, укрепили безопасность в Европе"³⁷. Эта советская точка зрения, вопреки критическим голосам ряда западных компартий (а руководители крупнейших компартий Франции В. Роше и Италии Л. Лонго высказывали обеспокоенность и несогласие с намерениями Советского Союза использовать силу в Чехословакии и до 21 августа 1968 г., и позже), получила одобрение под нажимом КПСС на Международном совещании компартий в Москве в 1969 г. Но все это представляло собой внешнюю сторону дела. По существу же восторжествовал консерватизм в политике и идеологии "реального социализма", великодержавный, эгоистический подход. Протесты в советском обществе, хотя и не в массовой форме, были слышны и тогда. Открыто выразил свое мнение академик А.Д. Сахаров. Речь шла не только об отдельных акциях "правозащитников". В трудовых коллективах, на заводах задавали вопросы, а зачем наша страна вмешалась в чехословацкие дела? Несогласие и ворчание по поводу военной акции проявлялось и в партийно-государственном аппарате, но его работники были скованы дисциплиной.

И в ближайшей, и в отдаленной перспективе "победа" в 1968 г. перекрыла кислород реформам в Советском Союзе, укрепив позиции догматических сил. Была развернута борьба с инакомыслием. Вполне определенно можно считать, что "интернационалистская акция" 1968 г. способствовала усилению застоя во всех сферах жизни советского общества.

Прага. Август 1968 г.

Последняя попытка силового решения проблем "реального социализма" оказала длительное негативное воздействие на развитие Советского Союза и стран так называемого социалистического содружества, усугубив процесс распада. Усились великодержавные черты в советской внешней политике, что проявилось в авантюристических шагах в "третьем мире" (Ангола, Эфиопия, Южный Йемен, Мозамбик), а также в трагическом просчете в Афганистане.

В сфере международных отношений интервенция в Чехословакии была предупреждением Москвы для всех — для стран бывшего "содружества социалистических стран", для Китая, а также для США и НАТО, что ялтинско-потсдамские договоренности о разделе Европы, о сферах влияния остаются для Москвы в силе и что Советский Союз пойдет даже на крайние меры, чтобы отстоять свои жизненные интересы и сферу влияния. Прежде всего это объяснялось необходимостью усиления сплочения союзников Советского Союза. Американский историк В. Хичкок в наши дни, когда отмечалось 35-летие пражских событий, писал, что Брежнев, провозгласив свою доктрину на съезде ПОРП в ноябре 1968 г., не предпринял ничего оригинального, ведь "это по существу

было зеркальным отражением доктрины Трумэна 1947 г. Советы также готовы были применить силу для продвижения своих идеологических интересов и защиты своих союзников против попыток повернуть их в обратную сторону"³⁸.

Но можно все-таки сказать, что акция СССР и его ближайших союзников в Чехословакии, при всех протестах в мире, внесла какой-то элемент стабильности в тогдашние международные отношения. Это произошло из-за позиции, занятой ведущими странами Запада по отношению к политике Советского Союза. Приведем оценку того же В. Хичкока: "Подобно тому, как создание Берлинской стены внесло некий порядок в неустойчивое положение, точно так же вторжение в 1968 г. явилось важным сигналом... Брежнев поставил Запад перед выбором — или заламывать руки, поносить советский империализм и отказываться от всех контактов с Востоком, или же на Западе должны были признать реальность советской гегемонии в Восточной Европе и попытаться улучшить отношения с Востоком как часть долгосрочной стратегии на сотрудничество и диалог. Учитывая внезапный поворот в политической ситуации в Западной Германии в 1969 г. (приход к власти социал-демократов во главе с В. Брандтом. — В.М.), Запад сделал выбор в пользу продолжения диалога. Это был выбор исторических пропорций"³⁹. После 1989 г. о Пражской весне, о позиции Советского Союза и КПСС (а это была действительно партийно-государственная позиция), его союзников и противников опубликовано множество ранее закрытых материалов, а также мемуаров участников и очевидцев тех событий. В Праге работала несколько лет специальная правительственная комиссия, изучившая и проанализировавшая огромный массив документов. Однако осталось немало проблем, которые вызывают интерес и, конечно, дискуссии.

Среди множества дискуссионных вопросов встречается следующий: а была ли возможность вооруженного сопротивления чехов и словаков в 1968 г.? В предисловии к книге И. Валенты такой компетентный участник событий, как Дубчек, писал: «Я не спорю с утверждением автора, что нескрываемая, хотя и не высказанная официально, позиция политического руководства, во главе которого я стоял, — не ориентироваться на вооруженное сопротивление — могла стать козырем для "интервентов", но я не согласен с утверждением, что мы могли бы попытаться защитить себя, как это сделал Тито в аналогичной ситуации в 1948 г. (более того, я при-

держиваюсь мнения, что советские войска как раз рассчитывали на наше вооруженное сопротивление). Нашу ситуацию нельзя отождествлять с ситуацией в Югославии... Югославское политическое руководство имело в своем полном распоряжении армию и органы безопасности. Югославия, в отличие от Чехословакии, не входила в сферу влияния Советского Союза. В том, что западные страны считаются с этим фактом, советские дипломаты в США убедились в канун 21 августа 1968 года. Оказать вооруженное сопротивление означало бы обречь чешский и словацкий народы на бессмысленное кровопролитие, в этом я был убежден и тогда, и сегодня. Наша победа могла быть только моральной, и жизнь это подтвердила»⁴⁰.

Задают также вопрос: могли бы руководители Чехословакии рассчитывать на более активную поддержку США? Во-первых, Дубчек и его сторонники не хотели идти на разрыв с Варшавским Договором, они в своем маневрировании рассчитывали скорее на Югославию и Румынию, а также на поддержку компартий Европы. Даже о поддержке Китая они вслух не помышляли, опасаясь разгневать Москву. Что же касается США, то, как отмечают многие западные авторы, да и свидетельствуют документы последних лет, в Вашингтоне, занятом войной во Вьетнаме, расовыми проблемами и президентскими выборами, не стремились обострять отношения с Советским Союзом из-за Чехословакии. И. Гакк, например, писал в 1989 г., что имели место прямые обращения американцев к Праге — не нарушить баланс сил в Европе⁴¹. Российский исследователь Р.Г. Пихоя приводит высказывание государственного секретаря Д. Раска в июле 1968 г. о том, что США не намерены втягиваться в события в Чехословакии, это дело чехов и других стран Варшавского Договора⁴². Президент США Л. Джонсон вел себя довольно пассивно, что развязывало руки советскому руководству и позволило ему обеспечить стратегическую внезапность в проведении "коллективной акции" в ЧССР.

США поддерживали развитие событий, т.е. процесс эрозии, в Центральной и Юго-Восточной Европе, в частности в Чехословакии, но на риск конфликта с СССР не шли. Согласно архивным данным, приводимым И.И. Орликом⁴³, уже в мае 1968 г. в Вашингтоне анализировались сведения о возможных советских военных акциях в связи с ситуацией в Чехословакии. Считалось, что это скорее форма политического давления. Но примерно за месяц до ввода войск пяти

стран ОВД в Чехословакию возможность и последствия военной акции широко обсуждались во всех западных столицах. Однако позиция, в целом, при всех нюансах, присущих отдельным западноевропейским странам, была выжидательной. Например, посольство ЧССР из Вашингтона в тот момент сообщало в Прагу: "Госдеп и далее будет придерживаться позиции невмешательства, чтобы не создавать предлога для интервенции или поддержки консервативных сил"⁴⁴. Американские разведслужбы, как утверждает в своей книге И. Валента, докладывали, что вторжение может начаться в любой момент. Но администрация Л. Джонсона не считала необходимым реагировать. Американское высшее руководство, как свидетельствуют рассекреченные в Вашингтоне документы о заседании Совета национальной безопасности⁴⁵, было удивлено сообщением из Москвы о вводе войск в Чехословакию, но реакция США была достаточно сдержанной. Вашингтон поначалу только усомнился, что ввод союзных войск произошел действительно по просьбе правительства ЧССР и категорически опроверг заявления Москвы о попытках извне изменить существовавший в стране строй*. В тот момент у США не было реальной возможности пригрозить Советскому Союзу военными мерами. Они побаивались возможных ответных мер Советского Союза против Западного Берлина. Наконец, учитывалось и то, что Москва подчеркнула: ее действия не направлены против США и развития двусторонних отношений с Вашингтоном. Кроме того, в сознании многих американских политиков акция пяти стран ОВД была внутренним делом "социалистического лагеря" — коммунисты выступили против коммунистов.

Однако военная акция Варшавского Договора в Чехословакии в стратегическом смысле была на руку американской политике. В Вашингтоне использовали ситуацию, возникшую в итоге интервенции в Чехословакии, разумеется, со всех точек зрения — в политическом и в пропагандистском, идеологическом смысле. Вопрос был раскручен в ООН. Американской элите удалось умерить настроения изоляциониз-

* В заявлении ТАСС от 21 августа 1968 г., в частности, говорилось, что обращение партийных и государственных деятелей ЧССР о помощи "вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной Конституцией государственности со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами..."

ма в собственной стране. Удалось укрепить и единство стран НАТО. Вашингтонская администрация пошла на определенное ухудшение отношений с Советским Союзом, в частности были отменены планировавшийся визит президента Л. Джонсона в Москву и встреча на высшем уровне. Но в целом США и их союзники все еще исходили из послевоенных договоренностей и старались чрезмерно не вмешиваться во внутренние дела советского блока в, по тогдашней терминологии, Восточной Европе. Похолодание в американско-советских отношениях было временным. Уже при президенте Р. Никсоне были достигнуты значительные подвижки как в обсуждении глобальных проблем мировой политики, так и в сфере двустороннего сотрудничества.

Американцев, конечно, беспокоили возможные, как тогда считалось, акции СССР и Варшавского Договора против Румынии и Югославии. И в Вашингтоне делали соответствующие предупреждения. Но по существу в Москве ничего подобного не планировали. Об этом американцам официально заявил посол СССР А. Добрынин⁴⁶. Среди военной элиты, недовольной сепаратистской политикой Румынии и ее obstructионистским поведением в Варшавском Договоре, имели место разговоры вроде того, что хорошо бы разом решить и вопрос о Чаушеску. Но дальше этого дело не пошло. Высшее руководство не ставило этого вопроса.

Реакция самого румынского "кондукаторе" была истерической. Немедленно после 21 августа в Румынии, наряду с армией, была создана так называемая Патриотическая гвардия для защиты независимости страны. Был принят закон, согласно которому иностранные войска могли находиться на территории страны только по разрешению парламента. С тех пор учения и маневры ОВД на территории Румынии не проводились. В тот период внешняя политика Чаушеску еще имела ценность в глазах Запада, как заноза в теле Варшавского Договора. Да и китайцы поощряли Чаушеску, а он в свою очередь пытался посредничать между Советским Союзом и Китаем, правда, безуспешно.

Но история вытворяет порой забавные вещи. Через 20 лет, когда диктатор Чаушеску был уже не нужен демократическому Западу, а Румыния из-за экономических трудностей все больше шла на сближение с Советским Союзом, румынский лидер начал заботиться о "защите социализма". Отвергая советскую перестройку и кригикуя политику М.С. Горбачева, как опасную, он начал было сколачивать ан-

тигорбачевский блок из соседних соцстран, прежде всего рассчитывая на ГДР и ЧССР; предложил союз и Венгрии, но венгерский лидер К. Грос отказался. Когда же в Польше на парламентских выборах коммунисты проиграли, то Чаушеску предложил совместное вооруженное вмешательство стран Варшавского Договора.

На последней встрече лидеров европейских социалистических стран в Москве в начале декабря 1989 г., когда было коллективно решено считать союзническую акцию в августе 1968 г. необоснованным и ошибочным шагом, тот же Чаушеску не преминул напомнить, что в августе 1968 г. он возражал против вмешательства в дела Чехословакии. Но здесь же предложил совместно обсудить негативные процессы, происходившие в социалистических странах, и разработать меры по защите социализма. Но через три недели в ходе восстания и государственного переворота в Бухаресте Чаушеску и его жена Елена были после скоротечного разбирательства расстреляны по решению специально созданного военного трибунала.

Есть еще один вопрос в связи с историей Пражской весны 1968 г. А мог ли в тех исторических условиях выжить эксперимент по обновлению социализма, по приданию ему "человеческого лица"? Если бы даже чехословацкое общество существовало в некоем вакууме, без враждебно настроенного "союзнического" окружения, то и в этом гипотетическом случае возникают сомнения в реализуемости той программы, которая имела у пражских реформаторов. Несомненно, в 60-е годы был упущен исторический шанс для реформирования "реального" социализма. Но ведь и "Программа действий КПЧ" была слишком эклектична и соткана из одних компромиссов. Другой развернутой программы не было, до съезда компартии дело тогда не дошло. Мы не знаем, как бы развивались события в стране и обществе. Сумел бы Дубчек удержать своим авторитетом не слишком дружное руководство и сохранить влияние КПЧ? Маловероятно. Да и пример с горбачевской "перестройкой" подтверждает этот вывод.

В 1968 г. в Чехословакии не было идейно-политического единства общества, при котором оказалось бы возможным глубокое социалистическое по своей направленности реформирование. Скорее существовало единение на национально-патриотической основе в ответ на угрозу вмешательства Советского Союза. Вероятнее всего, при пер-

вых трудностях перехода к рыночной экономике, к переориентации экономических связей, при обострении борьбы за власть, это временное единение стало бы испаряться. Да и свободные выборы на многопартийной базе, может быть, не сразу, но принесли бы отрицательный для коммунистов результат. Компартия утратила бы власть в условиях демократического выбора. Это, конечно, не оправдывает лидеров Советского Союза и четырех союзных стран, принявших решение о вторжении своих войск в суверенное чехословацкое государство. Ясно, что силовыми методами нельзя было решать проблемы развития социалистических стран.

"Интернационалистическая акция" 1968 г. в Чехословакии представляла собой этап в стратегических попытках Советского Союза укрепить свое влияние в мире, обеспечить единство стран Варшавского Договора и униформизацию их политики, связав их коллективными обязательствами в условиях борьбы двух мировых систем. В основе принятого решения об интервенции лежали как политико-идеологические мотивы, так и сугубо военные замыслы. Разумеется, существовали и личные интересы Брежнева, стремившегося укрепить свою власть. Некоторые американские исследователи (например, М. Крамер) считают, что главным все-таки было стремление Москвы продвинуть советские войска к границам ФРГ и обеспечить выполнение ранее достигнутых с А. Новотным договоренностей о размещении советского ядерного оружия на территории Чехословакии⁴⁷. Думается, что мотивы были смешанными — обеспечить продолжение старого курса и гарантировать интересы Советского Союза и Варшавского Договора. Совместная акция пяти соцстран в ответ на развитие демократического процесса и попытки проведения более самостоятельной политики в Чехословакии при всей своей превентивности и почти бескровном характере представляла собой явное нарушение норм международного права, попрание принципов отношений между социалистическими странами-союзниками и в то же время последний аргумент силы в стремлении предотвратить развал системы "реального социализма".

Размышления о правомерности силовой акции в Чехословакии в 1968 г., конечно, имели место и среди тех советских политиков, кто считал социалистическое содружество одним из важнейших завоеваний нашей страны во второй

мировой войне и боролся за его сохранение. Но подобные размышления в советской элите не носили открытого характера. В своих мемуарах вторжение в Чехословакию осудил Н.С. Хрущев. Сейчас, например, известно, что Ю.В. Андропов уже позднее, после 1968 г. считал ввод войск в Чехословакию ошибкой⁴⁸, а когда обсуждался вопрос о возможности силовых шагов Советского Союза в связи с польским кризисом 1980 — 1981 гг., то он прямо заявил, что лимит на интервенции исчерпан⁴⁹. Силовой акцией в Чехословакии в 1968 г. была упущена возможность модернизации стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Ленинско-сталинская модель социализма изжила, исчерпала себя. Но вопрос об альтернативе — о демократическом социализме так и остался открытым.

После начала "перестройки" в Советском Союзе М.С. Горбачев размышлял об оценке событий 1968 г., но, даже видя восторженные лица пражан во время своего визита в ЧССР в 1987 г., он не решился менять оценки советского Политбюро. Изменения происходили и в Праге, причем в ЦК КПСС опасались, что позиция КПЧ в отношении 1968 г. может трансформироваться в попытку возложить всю ответственность на Советский Союз и другие социалистические страны. Но стоять на месте было нельзя. Осенью 1989 г., с одной стороны, ощущалось давление из социалистических стран и собственной демократической оппозиции, в том числе депутатов Верховного Совета СССР. Но с другой — лидеры КПСС подталкивали руководителей КПЧ к первому шагу, а те, находясь под влиянием "синдрома 1968 г.", ожидали инициатив из Москвы. В итоге этих препирательств Советский Союз последним из социалистических стран произвел переоценку 1968 г. официально. Это произошло только в начале декабря 1989 г. на совещании руководителей стран Варшавского Договора в Москве, причем без особых дискуссий. Были опубликованы два коротких сообщения — от имени участников встречи в Москве и советское. Смысл последнего (автором был В. Фалин) сводился к тому, что в свете всех известных фактов акция августа 1968 г. была ошибочной.

Ранее с осуждением ввода войск союзников в Чехословакию в 1968 г. выступили парламенты Польши, Венгрии и ГДР. Во второй половине ноября за пересмотр высказались и руководители ЧССР, прежде всего премьер-министр Л. Адамец. Приняла решение и КПЧ. У руководителей Гражданского

форума, главной оппозиционной общественной силы в стране, это требование изначально стояло на первом месте.

Одними из главных требований демократической, "бархатной" революции, победившей в ноябре 1989 г., были осуждение интервенции 1968 г. и полный вывод из страны советских войск. Идеи Пражской весны появились на знаменах демократической революции осени 1989 г., а Дубчек вновь стал одним из моральных авторитетов. Он даже получил почетный политический пост — председателя парламента Чехословакии. Однако ведущую роль играли уже политики нового поколения.

Участники массовых митингов в Праге в ноябре 1989 г. скандировали "Дубчека на Град!", но президентом страны стал все-таки не он, а лидер "Гражданского форума" Вацлав Гавел. За него проголосовал весь парламент, избранный еще при правлении КПЧ. В дни "бархатной" революции на поверхности политической жизни появился клуб "За социалистическое возрождение" ("Оброда") во главе с И. Гаеком, занимавшим пост министра иностранных дел в августе 1968 г., но заметной роли эта группа уже не смогла сыграть. Слишком сильно были скомпрометированы идеи социализма. Общественное развитие в Центральной и Юго-Восточной Европе шло уже по новому пути, идеи реформирования и "улучшения" социализма оказались невостребованными как в Чехословакии, так и в других бывших социалистических странах.

В наши дни в общественно-политической сфере события, произошедшие в Чехословакии и вокруг нее в августе 1968 г., не имеют практического значения, отзвук их ослаб, они в основном перешли в разряд исторических. Не осталось в живых почти никого из главных персонажей тех напряженных событий. Только в Словакии периодически возникает вопрос об ответственности перед законом В. Биляка и Й. Ленарта. Но в международно-правовой практике (и в теории) не ослабевает интерес к проблеме "ограниченного суверенитета", что составляло в 1968 г. суть так называемой доктрины Брежнева. Действительность наших дней, в частности действия США и их союзников в Ираке, попытки "гуманитарных интервенций" в других местах свидетельствуют о том, что эта проблема международного права и внешнеполитической деятельности нуждается в дальнейшем изучении и, возможно, корректировке в условиях глобализации.

- 1 Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 147.
- 2 Млынарж З. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1998. С. 112 (на русском языке).
- 3 Davisha K. The Kremlin and the Prague Spring. L., 1984.
- 4 Гавел В. Заочный допрос. М., 1991. С. 100.
- 5 Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 87–88.
- 6 Huszár Tibor. Prága. Budapest. Moszkva. Budapest, 1998. P. 50–56.
- 7 Archiv komise vlády ČSFR pro analýzu udalosti let 1967–1970. Praha. Рол. 9756. Ф. 5. Оп. 60. Д. 299. Л. 202–241.
- 8 Skilling G.H. Czechoslovakia's Interrupted Revolution. Princeton University Press, 1976. P. 215.
- 9 Rudé právo. 1968. 10.04.
- 10 Латыш М.В. "Пражская весна" 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 83.
- 11 Источник. 1993. № 5/6. С. 100–101. Также см. The Prague Spring's 68. CEU Press, 1998. P. 96–97.
- 12 Архив Президента Российской Федерации. (Далее: АП РФ.) Заседание Политбюро ЦК КПСС 6 мая 1968 г. Рабочая запись.
- 13 The Prague Spring's 68. CEU Press, 1998. P. 132–143.
- 14 На основе доклада министра обороны ЧССР М. Дзура в ЦК КПЧ. См.: Ibid. P. 160–161.
- 15 Латыш М.В. "Пражская весна" 1968 г. и реакция Кремля. С. 184.
- 16 The Prague Spring's 68. P. 160–161.
- 17 Интервью в "Magyar hirlap". 28.07.2001.
- 18 Weit E. Eyewitness. An Autobiography of Gomulka's interpreter. N. Y., 1973. P. 203.
- 19 АП РФ. Заседание Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1968 г. Рабочая запись.
- 20 АП РФ. Заседание ЦК КПСС. 19 июля 1968 г. Рабочая запись.
- 21 Spiegel. 1968. September 2.
- 22 Валента И. Советское вторжение в Чехо-Словакию 1968. М., 1991. С. 110–111.
- 23 Правда. 1968. 4 августа.
- 24 Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 170–171.
- 25 Huszár Tibor. Op. cit. P. 237–240.
- 26 Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ.) Ф. 059. Оп. 58. П. 124. Д. 573. Л. 20.
- 27 Известия. 21 августа 1993 и 17 июня 1992.
- 28 Исторический архив. 1993. № 3. С. 112.
- 29 См. подробнее: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 327.
- 30 Rudé právo. 1968. 23.08.
- 31 Российский государственный архив новейшей истории. (Далее: РГАНИ.) Ф. 89. Пер. 38. Док. 57. Л. 30.
- 32 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 61. Док. 6. Л. 1–2.
- 33 Источник. 1993. № 5-6; 1994. № 1. Документ: "Антисоветской деятельностью руководили партийные органы".
- 34 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 38. Док. 61. Л. 1–8.
- 35 Dubček A. Z pamäti. Nádej zomiera posledná. Bratislava, 1993.
- 36 Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 155.
- 37 Источник. 1994. № 5. С. 77–86.

³⁸ *Hitchcock W.I.* The Struggle for Europe. The History of the Continent since 1945. L., 2003. P. 292 – 293.

³⁹ *Ibid.* P. 293.

⁴⁰ *Валента И.* Советское вторжение в Чехо-Словакию. 1968. С. 6.

⁴¹ *Mláda Fronta.* 1989. Decembr 2.

⁴² *Пухоя Р.Г.* Чехословакия 1968 год: Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 36.

⁴³ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2002. Т. 2. С. 261.

⁴⁴ Там же. С. 268.

⁴⁵ *The Prague Spring's 68.* S. 445 – 448.

⁴⁶ *Ibid.* S. 494.

⁴⁷ *Cold War International History Project. Bulletin.* 1995. Fall 2. Issue 2.

⁴⁸ *Крючков В.* Личное дело. М., 2003. С. 276.

⁴⁹ *Мусатов В.* Предвестники бури. М. 1996. С. 227.

ПУТЬ К "БАРХАТНОЙ" РЕВОЛЮЦИИ

"Властные" и "безвластные": альтернативные модели выхода из кризиса

Конец 80-х годов XX в. в Чехословакии — время полного "окаменения" "режима нормализации", введенного в стране после подавления в августе 1968 г. Пражской весны, — окаменения перед крушением. Период нормализации метко назывался чехословацкими диссидентами "эрой неподвижности" (М. Шимечка), временем "сплошного бесформенного тумана" (В. Гавел). А. Дубчек, архитектор Пражской весны, один из главных возмутителей спокойствия "нормализаторов", заявлял, что этот режим привел чехословацкое общество не к "консолидации", а к прямо противоположному итогу — к его разобщению и разъединению¹. Это был период, когда "мороз из Кремля" все еще продолжал свое разрушающее действие. Тем не менее признаки пробуждения уже давали о себе знать, особенно с учетом того, что конец 80-х годов — время "перестройки" в СССР и кардинальных перемен в соседних с ЧССР странах — Венгрии, Польше, а затем в ГДР².

Признавая неизбежность перестройки для Чехословакии на словах, правящая верхушка в своем большинстве цеплялась за прошлое, отказываясь принять новые реалии жизни и идейные течения. Они составляли в чехословацком партийно-государственном руководстве *консервативное течение*, приверженцы которого (В. Биляк, А. Индра, Я. Фойтик, М. Якеш и др.) выступали яростными сторонниками сохранения "режима нормализации" с некоторыми формальными уступками новым веяниям времени³. К числу консерваторов некоторые исследователи относят и совме-

* Термином "безвластные", если использовать известную метафору В. Гавела (см.: *Havel V. O lidskou identitu. Úvahy, fejetony, polemiky, prohlášení a rozhovory z let 1969–1979.* Praha, 1998. S. 55–135), обозначается чехословацкое оппозиционное движение; "властные" — партийно-государственный аппарат "режима нормализации".

щавшего до декабря 1987 г. в одном лице должности президента ЧССР и генерального секретаря Президиума ЦК КПЧ Г. Гусака. Однако эта несколько упрощенная оценка корректируется в последних работах зарубежных авторов, склонных причислять Гусака к "реалистическому центру" в руководстве компартии⁴.

Прагматическое течение в конце 80-х годов небезосновательно связывалось, во-первых, с именами глав федерального кабинета министров Л. Штроугала и Л. Адамеца, занявшего этот пост 12 октября 1988 г., а во-вторых — с секретарем ЦК КПЧ Р. Гегенбартом и генералом А. Лоренцем, шефом госбезопасности, а с 1985 г. — первым заместителем министра иностранных дел ЧССР⁵. Главное различие между двумя названными группами прагматиков заключалось в том, что Гегенбарт и Лоренц, признавая настоятельность перемен, исключали какие-либо контакты с представителями чехословацкого оппозиционного движения, в то время как Адамец, по словам чешского историка М. Отагала, "являлся единственным высшим должностным лицом, пришедшим к выводу о том, что в решении кризиса каким-то образом должно принимать участие и диссидентство"⁶.

Весьма показательно, что на своей первой встрече с генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым 2 ноября 1988 г. в Москве Адамец, отметив "огромный интерес" в Чехословакии к советской перестройке, заметил: "Правда, не все симпатизируют вашей политике, в том числе есть такие и среди руководства. Думаю, это те, кто раньше жил хорошо, спокойно и не хочет никаких перемен. Есть такие, кто идеализирует перестройку, ждет, что сразу появится много товаров, а вот о том, что для этого надо поработать, предпочитают не думать. Есть, наконец, такие, кто считает, что перестройка в ЧССР идет слишком медленно и критикуют за это руководство. Лично я — на их стороне и в деятельности правительства намерен делать упор на конкретные дела".

Адамец, как представитель прагматического течения, признавал, что они и в центре, и на местах составляют меньшинство. "Откровенно говоря, аппарат не симпатизирует перестройке", — так обобщил он отношение представителей официальной власти к поставленным самой жизнью переменам. Что касается низовых партийных организаций, то они, по словам чехословацкого премьера, руководствовались "старочешским подходом": "все бурно одобряют перестройку, но никто ничего не делает"⁷. Вместе с тем в свой

первый приезд в Москву Адамец был настроен весьма оптимистически: "Я уверен, что эти проблемы мы преодолеем, и в Президиуме ЦК КПЧ утвердится прочное единство в вопросах поддержки советской перестройки"⁸.

Как показали последующие события, этот оптимизм едва ли можно было назвать обоснованным, поскольку линии разлома внутри партийно-государственного руководства становились все более глубокими, а пражский режим оказывался во все большей изоляции⁹. Процесс дифференциации затронул и Коммунистическую партию Словакии (КПС), в рамках которой постепенно выкристаллизовывалось течение, поддерживавшее перестройку, общественный диалог, демократические преобразования в обществе (П. Вайс, П. Канис, Л. Баллек, В. Минач, В. Плевза)¹⁰. Многие словацкие коммунисты шли на контакты с представителями словацкого оппозиционного движения, в частности с группой философа Б. Залы (в будущем одним из лидеров Социал-демократической партии в Словакии). Она разработала политическую программу "Основы политической реформы и гуманизации общества". Ее текст обсуждался и консультировался с другими оппозиционными течениями в Словакии, которые, как полагал Зала, должны были объединиться "на базе широкого консенсуса с целью перехода словацкого общества к демократическим отношениям (ликвидация монополии КПЧ, свободные выборы, возрождение демократии)"¹¹.

Попытки объединения усилий предпринимались в Словакии и бывшими коммунистами-реформаторами, однако "Клуб словацкого возрождения 68 – 89" появился в мае 1989 г.¹² Во главе угла его деятельности — критика "режима нормализации", сотрудничество с возникшей в январе 1977 г. "Хартией – 77" и пражским клубом "Возрождение". Со второй половины 80-х годов в Словакии стало формироваться оппозиционное объединение (А. Дубчек, И. Лалуга, Г. Кочтух, Я. Угер и др.), придерживавшееся идей демократического социализма, "социализма с человеческим лицом"¹³.

Что касается политической базы консервативного течения чехословацкого партийно-государственного руководства, то с самого начала 1989 г. она весьма ощутимо сужалась. Это проявлялось в ходе движений протеста, которые стали приобретать массовый характер и сдерживать которые власти могли, уже прибегая лишь к силовым акциям¹⁴.

С середины 80-х годов начался процесс дифференциации и в среде "безвластных": чехословацкое оппозиционное дви-

жение под влиянием ряда факторов подвергалось явному структурированию. Здесь к началу 1989 г. более четко определились некоторые демаркационные линии, что видно из анализа динамики изменения концептуальных положений и программных заявлений их лидеров и участников. Одна часть представителей чехословацкого оппозиционного движения — ее, на наш взгляд, можно определить как умеренно-эволюционное течение — была готова налаживать диалог с прагматиками из коммунистов, взяв при этом курс на "переговорную" модель демонтажа сформировавшейся во время "режима нормализации" системы; можно утверждать, что именно в их среде в целом преваляровала известная установка на "неполитическую политику". Другая же часть оппозиционеров — радикальная — придерживалась линии на преобразования, суть которых заключалась в отрицании диалога с какой-либо частью "властных" и в требованиях полной и безоговорочной отставки чехословацкого партийно-государственного руководства страны, незамедлительном проведении свободных выборов и формировании новых демократических органов власти исключительно на основе их итогов.

Хотя противостояние между "властными" и "безвластными" было всегда, о рельефном проявлении размежевания можно говорить лишь во время проходивших в ЧССР в 1988 г. массовых движений, связанных с юбилейными датами (1918, 1938, 1948, 1968), а также с активизацией словацкой политической католической оппозиции. Можно считать, что началом "наступления" чехословацкой оппозиции стало интервью А. Дубчека итальянской газете "Унита" 10 января 1988 г., в котором он публично выступил с открытой критикой "режима нормализации"¹⁵. Не случайно его выступление в зарубежных СМИ квалифицировалось секретариатом ЦК КПЧ как "импульс к развязыванию масштабной кампании, направленной против КПЧ и ее современной политики"¹⁶. Действительно, заданный Дубчеким "импульс" получил широкий общественный резонанс. Кульминацией конфронтационных тенденций оппозиционных структур по отношению к государству стало проведение демонстрации верующих граждан 25 марта 1988 г. в Братиславе, получившей название "мирного шествия со свечами", так как ее участники держали в руках зажженные свечи¹⁷. 21 августа в Праге состоялась массовая демонстрация в связи с протестами против 20-летней оккупации ЧССР; прошли шествия и 28 октября — по случаю 70-летия независимости Чехословакии.

*Антисоциалистическая демонстрация. Прага. Вацлавская площадь.
28 октября 1988 г.*

Наконец, 10 декабря 1988 г. в Праге прошла демонстрация в Международный день прав человека. Все три демонстрации заканчивались разгонами и арестами, а 22 декабря официальные власти приняли решение впредь не допускать массовых акций протеста вообще¹⁸. Действенность (а точнее — недейственность) подобных запретов продемонстрировал бурный ход событий в следующем, 1989 г., который стал приобретать неконтролируемый властями характер. Но важно и другое: эти события не только разводили по разные стороны баррикад "властных" и "безвластных", они по-своему дифференцировали все более радикализовавшихся последних.

Подъем новой волны оппозиционного движения: основные контуры идейных ориентаций

1989 год в Чехословакии начинался беспокойно. В первой половине января отмечалась годовщина подписания "Хартии — 77"; ряд оппозиционных неформальных объединений выступили с более резкими политическими заявлениями, активизировалась церковь. Созданная в сентябре 1987 г. в Праге независимая структура "Демократическая

инициатива" в программном документе от 5 января 1989 г. заявила о своей поддержке широкого общественного диалога о демократическом развитии общества¹⁹.

15 января по призыву оппозиционных групп на Вацлавской площади в Праге должен был состояться митинг в память о пражском студенте Яне Палахе, совершившем в январе 1969 г. акт саможжения в знак протеста против вторжения в страну войск пяти стран Варшавского договора. Власти запретили его проведение, но несмотря на это на прилегающих к площади улицах начали происходить спонтанные выступления. Полиция применила против участников акции силу, а некоторые из них, в том числе В. Гавел, подверглись тюремному заключению.

"Неделя Палаха" — семидневное (15–24 января 1989 г.) противостояние "властных" и "безвластных", поддерживаемых католической церковью, — побудило представителей чехословацкого оппозиционного движения более четко определить и сформулировать свои позиции.

Уже 16 января на полицейские репрессии отреагировала "Демократическая инициатива". В письмах, направленных Г. Гусаку и Президиуму ФС ЧССР, она обратилась с призывом к чехословацким государственным и партийным органам начать в стране процесс демократизации. Примечательно, что в обращениях не только повторялось выдвинутое ранее требование аннулирования главного "партийного манифеста" 70–80-х годов, известного под названием "Уроки кризисного развития...", но впервые адресно декларировалась необходимость "ухода из политической жизни республики скомпрометировавших себя лиц"²⁰.

Одной из первых на жесткие действия пражского режима откликнулась "Хартия – 77". Сразу же после своего создания эта независимая инициатива в трактовках западных СМИ, как подчеркивалось в справке советского посольства в ЧССР от 6 марта 1978 г., представляла как «продолжение исторической тенденции соединения социализма со свободой», но уже не путем борьбы за "изменение общества", а путем борьбы за "выполнение Конституции и принятых международных соглашений о правах человека". Из большинства западных комментариев начала 1978 г., как указывалось в документе, следовало, что «"хартия – 77" считается на Западе "наследником пражской весны", доказательством "живучести ее идей" и некой определяющей моделью для "возможных изменений общественной структуры в будущем"».

Неделя Яна Палаха в Праге. Январь 1989 г.

Разгон демонстрантов полицейскими в Праге в январе 1989 г.

В годовщину создания "Хартии – 77", указывалось в справке, в опубликованных на западе "античехословацких материалах" «хартисты по-прежнему представляются как герои ("Нью-Йорк таймс" назвала их "гуситами сегодняшнего дня")»²¹.

"Хартия – 77" проповедовала с момента своего возникновения принцип "неполитической политики" и ориентировалась на защиту прав человека и гражданина, а также моральный протест. За подписью одного из оставшихся на свободе ее руководителей 22 января 1989 г. вышел документ "К январским событиям в Праге"; в нем хартисты впервые открыто поставили вопрос об отставке тех представителей государственной власти, "которые несут ответственность за плачевное состояние чехословацкого общества" и замене их "политиками, способными начать широкий общественный диалог"²². Однако явный дрейф, как указывает К. Дурман, в сторону "политической активности"²³ сопровождался оговорками, что "Хартия – 77" "не является политической организацией" и не может представить "конкретные модели политического устройства". "Ее опыт, – отмечалось в январском 1989 г. документе, – это опыт возможного плюрализма и *диалога* (курсив мой. – Э.З.) различных политических и общественных позиций, убеждений и идейных ориентаций; его она могла бы предложить в качестве своего скромного вклада в неизбежный и охватывающий все общество диалог"²⁴.

Тем самым, "Хартия – 77" в очередной раз позиционировала себя как "неполитическое" неформальное объединение и настойчиво предлагала правящему режиму свою "помощь" в организации диалога, который, учитывая ее требование отставки правящей верхушки, не мог не носить политического характера²⁵. Отсюда и очередной пароксизм репрессивности по отношению к оппозиции со стороны "властных", вызвавший широкий резонанс за рубежом.

Не менее определенно по сравнению с хартистами выразило свою позицию в связи с январским противостоянием основанное 15 октября 1988 г. неформальное объединение "Движение за гражданскую свободу". В "Заявлении участников Движения за гражданскую свободу" от 26 января 1989 г. содержались требования немедленно освободить задержанных в дни проведения "Недели Палаха" граждан и всех остальных политзаключенных, создать федеральную парламентскую комиссию по расследованию действий полиции,

прекратить репрессии и начать равноправный диалог и переговоры²⁶. В аналогичном ключе прозвучали и призывы неформальной группы "Инициатива деятелей культуры" в письме от 26 января на имя премьера Адамеца²⁷.

Кардинальный перелом в деятельности чехословацкой оппозиции был достаточно точно уловлен "властными". Так, в письме от 1 февраля 1989 г., направленном секретариатом ЦК КПЧ низовым партийным организациям с информацией о деятельности независимых гражданских инициатив, говорилось о сформировавшемся в стране некоем союзе нелегальных групп. «Нелегальные группировки, — указывалось в нем, — перешли от позиций "моральных и демократических обновителей социализма" к открытым призывам деструкции социализма и его замены политической и экономической системой по образу буржуазных обществ». Вслед за этим последовали предписания официальных властей ужесточить административные меры против оппозиции²⁸.

В ответ на принимавшиеся правящим режимом контрмеры 15 февраля "Хартия — 77" еще раз подтвердила свою ориентацию на "неполитическую политику", подчеркнув при этом, что она "не стремится быть ни политической оппозицией, ни идейной платформой подобной оппозиции"²⁹. Хартисты ограничились требованием наладить диалог со всеми слоями общества, однако конкретная программа диалога ими в этот раз уже не предлагалась. Подобный шаг мотивировался, на наш взгляд, соображениями тактического характера. В умеренности данных предложений, как представляется, не последнюю роль сыграли массированные контрмеры, принимавшиеся властями против оппозиции. К тому же некоторые политические функции уже были предусмотрительно переданы "Хартией — 77" другим независимым гражданским инициативам. В связи с этим уместно замечание чешской исследовательницы Б. Цисаржовской о том, что "Движение за гражданскую свободу" "являлось своего рода политической модификацией Хартии — 77"³⁰.

На следующий день, 16 февраля 1989 г., оно предложило свою версию решения сложившегося в стране положения в документе "Пути к демократии", потребовав "ухода в отставку тех представителей политического руководства страны, которые несут ответственность за сложившееся в обществе положение, продолжая ограничивать возможности для диалога и препятствуя проведению коренных политических и экономических преобразований"³¹. "Движение за граждан-

скую свободу" провозглашало себя "сторонником широкого общественного диалога как единственного средства восстановления доверия и инициативы в обществе". При этом общественный диалог трактовался как "разговор всех со всеми о пути к демократии", из которого "никто не может быть исключен"³².

Важнейшей формой проявления роста гражданского неповиновения стали подписные акции: в январе — феврале 1989 г. против действий полиции во время мероприятий, посвященных памяти Яна Палаха; позднее — в поддержку освобождения из тюрьмы В. Гавела³³. Один из таких документов, "Петиция чехословацких граждан к событиям 15 — 21 января", адресовался ФС ЧССР, президенту, председателю правительства ЧССР, Комитету чехословацкой общественности по правам человека, Чехословацкому телеграфному агентству и редакции газеты "Руде право". Знаменательным ее мотивом явилась не только констатация протеста "безвластных" против незаконных действий официальных властей во время "Недели Палаха", но и переход к изложению "программы действий". «Решительно требуем, — говорилось в сопроводительном письме к "Петиции" от 2 февраля 1989 г., — немедленно начать открытый широкий общественный диалог о причинах экономического и морального распада, затронувшего в последние десятилетия чехословацкое общество и возможностях его прекращения и предотвращения»³⁴. Следует подчеркнуть, что к 15 февраля 1989 г. "Петицию" подписали 3367 чел., а к 30 апреля — 5066 чел.³⁵

"Неделя Яна Палаха" явилась импульсом активизации широких кругов общественности, в первую очередь студенчества. Двадцать лет — время вхождения в общественную жизнь нового поколения, и, как показали дальнейшие события, память о трагической гибели студента Палаха не только стала источником стремления по-новому устроить жизнь, не доверяя власти, но и не позволила ограничиться трудно понимаемым и воспринимаемым лозунгом "неполитической политики". В этом плане можно утверждать, что прологом ноябрьских "десяти дней" (известная метафора английского исследователя Т.Г. Эша о том, что революция в Чехословакии проходила в течение десяти дней) стали январские "семь дней".

Реакция партийно-государственного руководства на подобные действия была предсказуемой: они квалифицирова-

лись как "подрыв власти". В целом следует отметить полное отсутствие среди партийной верхушки — даже за полгода до "бархатной" революции — понимания необходимости полноценного и равноправного диалога с набиравшей силу и все более громко заявлявшей о себе оппозицией³⁶. Правда, весной 1989 г. "властные" насторожились, отмечая 5 мая в аналитической справке о положении в стране: "Внутренние враги при всесторонней поддержке из-за рубежа продолжают взятый ими с середины прошлого года курс на конфронтацию". В конце 1988 г. в ЧССР существовало около 22 различных оппозиционных объединений³⁷, а в целом в стране в августе 1989 г. развивали свою деятельность 39 независимых инициатив³⁸.

Партийные аналитики провели типологизацию чехословацкого оппозиционного движения и выделили два сформировавшихся в нем течения: радикальное и реформистское. Радикальное течение, по их оценкам, было представлено "Хартией — 77", "неполитичность политики" которой небезосновательно ставилась ими под сомнение, а инициативы по налаживанию диалога отвергались. Родственными "Хартии" объединениями назывались "Независимое объединение за мир", "Общество друзей США", "Чешские дети", "Демократическая инициатива" и "Движение за гражданскую свободу". Главным в их деятельности секретариат ЦК КПЧ считал курс "на проведение конфронтационной линии по отношению к КПЧ и государственным органам с ориентацией на массовые антиобщественные выступления. Они ориентируются в своей деятельности на интеллигенцию и молодежь, в первую очередь вузовскую, где уже проявляются стремления создать структуры, которые могли бы заменить ССМ (Союз социалистической молодежи. — Э.З.)". В целом верно отмечалась смена тактики "Хартии — 77": «Подтвердилось также предположение, что главное вражеское объединение "Хартия" останется в тени, а всю инициативу по подготовке провокационных акций она возложит на свои сателлитные так наз. независимые инициативы»³⁹. В то же время, справедливо подчеркивая попытки оппозиции вовлечь в свои планы молодых людей и студентов, секретариат ЦК КПЧ, как показал последующий ход "бархатной" революции, несколько переоценивал возможности хартистов. Студенты приняли решение о проведении демонстрации 17 ноября самостоятельно, принципиально не подключая к этой акции "профессиональных революционеров", как они

их иронично называли. Большим авторитетом среди молодежи пользовались представители радикальной "Демократической инициативы": в конце октября — начале ноября 1989 г. была создана ее студенческая секция, которую возглавил М. Семин⁴⁰.

Ко второму течению в чехословацком оппозиционном движении, согласно градации секретариата ЦК КПЧ, относилось "реформистское", состоявшее из "части бывших деятелей КПЧ, исключенных за свои правые взгляды, а также бывших правых членов социал-демократической партии". Говорилось о намерении представителей данного течения, объединившихся в "Клуб за социалистическую перестройку" ("Возрождение") «сформировать "левый оппозиционный блок", способный при определенных обстоятельствах оказать влияние не только на бывших и нынешних членов КПЧ, но и на часть рабочего класса»⁴¹. Но это был скорее искусственно созданный "враг". При анализе документов клуба "Возрождение", подобная "крамола" обнаруживается с трудом — "перестройщики" вне КПЧ скорее намечали перспективу реформирования партии, а не полного ее отбрасывания⁴². Однако руководство КПЧ в своих возможных, но так и несостоявшихся союзниках видело опаснейших противников, считая клуб "Возрождение" своим "самым большим конкурентом"⁴³. В целом принципиальное неприятие представителями "режима нормализации" клуба "Возрождение", т.е. в основном бывших "своих", чем-то, как представляется, напоминало отношение большевиков к меньшевикам в ходе Октябрьской революции 1917 г. в России. Следует особо подчеркнуть, что "властные" настойчиво продолжали проводить разграничительные линии в чехословацком оппозиционном движении по критериям "левых" и "правых", причем даже там, где их быть уже не могло просто по определению.

Таким образом, секретариат ЦК КПЧ, мягко говоря, не совсем точно представлял истинное положение дел в стане "безвластных", поскольку реальная дифференциация в нем проходила уже по совершенно иным критериям и параметрам: главным становился вопрос не о замене "режима нормализации", которая, по мнению оппозиции, рано или поздно произойдет, а о путях и формах политических изменений. Размежевание проходило по линии представлений о двух вариантах развития событий: 1) умеренно-эволюционная, или компромиссная модель в режиме диалога с прагма-

тиками из "властных"; 2) радикально-революционная, или бескомпромиссная модель, ориентированная на полную и безоговорочную отставку правящего режима, и безотлагательное проведение свободных демократических выборов.

Действительно, в чехословацком оппозиционном движении уже дала о себе знать своим радикализмом, в частности, "Демократическая инициатива", которая, на наш взгляд, без достаточных на то оснований включалась партийными аналитиками в число "сателлитов" "Хартии — 77". 26 мая 1989 г. представителями "Демократической инициативы" был самостоятельно разработан проект политической программы "Хельсинкская инициатива по демократизации Чехословакии и созданию правового государства", в которой предлагались следующие конкретные действия: а) до 28 октября 1989 г., празднования образования независимой Чехословакии, одобрить Конституционный закон о завершении к 1 января 1990 г. деятельности ФС ЧССР, о выборах на переходный период в Учредительное собрание и о подготовке новой демократической Конституции; б) до мая 1990 г. провести выборы в Учредительное собрание; в) до 1 января 1991 г. разработать новую Конституцию и новый избирательный закон; г) завершить к 1 мая 1991 г. дискуссии; д) до 28 октября 1991 г. предложить Конституцию и закон о выборах в федеральный парламент на всенародное голосование; е) в январе 1992 г. провести выборы в Федеральное собрание⁴⁴. В документе прямо ставился и вопрос о ликвидации монопольного положения правящей КПЧ: "Добиться проведения политики в интересах народа, которую могли бы реализовать конституционные органы, полностью лишив тем самым КПЧ руководящей роли: ей следует занять такое же положение, какое занимает любая другая организация"⁴⁵.

В очередном, третьем по счету, программном документе "К чему стремится Демократическая инициатива", разработанном в мае 1989 г., еще раз акцентировалась необходимость проведения глубоких реформ во всех сферах жизни общества. Вместе с тем в документе впервые констатировалось, что "приоритет однозначно принадлежит реформам п о л и т и ч е с к и м (выделено в оригинале. — Э.З.)". Речь шла о предъявлявшихся к КПЧ требованиях "обеспечить плюрализм" в культурной, идейной, религиозной и политической сферах. «Что касается непосредственного отношения к КПЧ, — отмечалось далее в программе, — мы требуем в первую очередь ухода в отставку политически дискре-

дигировавших себя лиц из партийных органов; мы хотим также, чтобы она (КПЧ. — Э.З.) аннулировала "Уроки кризисного развития...". В качестве приоритетных выделялись следующие направления: создание условий для проведения свободного диалога в самом обществе, профсоюзное самоуправление и плюрализм. 22 июня "Демократическая инициатива" приняла "Программу действий", в которой выдвигалось требование немедленного введения переходного периода к демократии. Далее акцент делался на проведении демократических выборов в Законодательное собрание, главными задачами которого провозглашались: "а) разработать в кратчайший срок проект новой демократической Конституции и вынести ее на всенародный референдум; б) предложить на референдум законопроект о свободных выборах в ФС ЧССР". Предлагалось обсуждение обществом следующих вопросов: новая демократическая Конституция; 1968 год и вооруженная интервенция; проведение экономической реформы (на основе опубликования аналитических разработок и предложений Института прогнозирования ЧСАН); права человека и гражданина в современной Чехословакии; экология; демилитаризация страны и др.⁴⁶ Таким образом, четко прослеживается эскалация требований "Демократической инициативы", побуждавшая и других участников из стана "безвластных" не только активнее определить свои политические позиции, но и консолидировать их, что и произошло неделю спустя после выхода в свет указанного документа.

Пик кризиса: позиции "властных" и "безвластных"

29 июня 1989 г. радиостанция "Свободная Европа" и другие зарубежные средства массовой информации передали адресованное чехословацким властям воззвание "Несколько фраз", ставшее символом гражданского неповиновения в ЧССР. Его подписали хартисты, некоторые деятели культуры и науки (в том числе из Словакии), а также представители словацкой политической католической оппозиции. Официальные власти сразу же объявили воззвание "манифестом контрреволюции".

В целом воззвание не содержало прямых требований отставки чехословацкого государственно-партийного руководства, но отрицало легитимность "режима нормализации",

введенного в стране в результате подавления Пражской весны. "Властные" дали указание собирать подписи под своего рода антиманифестом, осуждавшим воззвание. "Но дело, — как отмечал в одной из своих аналитических записок в августе 1989 г. заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладин, — шло туго; по существу никто из видных, широко известных стране деятелей науки и культуры поставить под ним свои подписи не захотел"⁴⁷. Тем самым призывы "властных" противостоять петициям уже не воспринимались основной массой населения в качестве директив и прямых руководств к действиям. Воззвание же "безвластных", напротив, получило массовую поддержку: к середине ноября 1989 г. количество подписавших его достигло 40 тыс. чел.⁴⁸

С начала июля чехословацкой оппозицией предпринимались и другие совместные акции. Так, 3 июля 1989 г. представители ряда независимых инициатив Чехословакии обратились к главам правительств и парламентам пяти стран Варшавского договора с призывом официально дистанцироваться от военной интервенции в ЧССР в августе 1968 г.⁴⁹ В этот же день "Движение за гражданскую свободу" и "Демократическая инициатива" в совместном обращении выступили с протестом против запрета властями реализации петиционного права граждан, гарантированного Конституцией и международными обязательствами ЧССР. В обращении правящий режим подвергся резкой критике за враждебное отношение к возванию "Несколько фраз" и тем, кто его подписал⁵⁰.

В это же время в связи с готовившейся властями поспешно и "за закрытыми дверями" новой Конституции ЧССР "Хартия — 77" поставила вопрос о законности монополии КПЧ на власть, в определенной степени повторив майские положения более радикальной "Демократической инициативы". В документе "О подготовке новой Конституции и так наз[ываемой] руководящей роли КПЧ", датированном 10 июля 1989 г., "Хартия" выдвигала требование организации референдума по основным статьям будущей Конституции. Предлагалось также проведение "действительно свободных выборов" и формирование по их итогам "чрезвычайного Законодательного собрания, которому следовало поручить разработку новой Конституции". Решение этих проблем планировалось провести в рамках устоявшихся в демократических государствах конституционных процедур. Воз-

рождение гражданского общества в Чехословакии, плюралистической политической системы и правового государства неразрывно связывалось хартистами с "ликвидацией конституционно канонизированной руководящей роли партии и обусловленной этим смирительной рубашки для Национального фронта"⁵¹. Тем самым "Хартия – 77" вышла на уровень выдвижения конкретных политических требований, включавших неотъемлемые атрибуты демократических форм смены государственной власти, в том числе проведение свободных выборов.

11 июля в Брно прошла встреча представителей "Демократической инициативы", "Движения за гражданскую свободу" и "Независимого движения за мир". На ней прозвучало предложение о создании "Чехословацкого гражданского комитета", на который возлагалась миссия стать первым шагом на пути к организационному объединению чехословацкой оппозиции⁵².

Эти действия оппозиции не оставались незамеченными "властными". Руководство КПЧ вынуждено было констатировать, что "различные оппозиционные группы достигают успеха прежде всего там, где выдвигаемые самой жизнью проблемы общества не решаются вовремя либо же отсутствует последовательность в их решении"⁵³. "Властные" демонстрировали понимание накопившихся в стране сложных проблем, однако их представления о путях выхода из приобретавшего угрожающий размах внутривластного кризиса сводились исключительно к разным вариантам модификации "режима нормализации". При этом отношение "властных" к "безвластным" – конфронтация и отказ от любой формы диалога – выстраивалось в прежнем ключе даже на фоне радикальных трансформаций, происходивших в соседних с ЧССР странах. "Специфика Чехословакии, – по словам чешского историка В. Пречана, – заключалась в конфронтации между коммунистическим истеблишментом и очагами гражданского общества, из которых постепенно выкристаллизовывалась демократическая оппозиция. Отказ от предложений этой оппозиции начать диалог по вопросам демократизации системы, а также продолжение политики враждебности по отношению ко всем, кто не желал подчиняться диктату компартии, продолжали определять сущность руководства КПЧ уже после падения Берлинской стены, после того, как в Польше правительство возглавил представитель Солидарности, а в Венгрии было признано правя-

щей ВСРП право на свободное формирование политических партий и подписано соглашение о проведении свободных выборов"⁵⁴.

Относительно "тихое" в политическом отношении лето 1989 г. в Чехословакии, по видимости, мало кого успокоило. Примечателен в этой связи тревожный тон аналитической записки В.В. Загладина, подготовленной в конце августа 1989 г. для Политбюро ЦК КПСС*. Менее чем за три месяца до начала "бархатной" революции автор сообщал о "широко распространенных среди простых людей (и высказываемых вслух) настроениях разочарования, неуверенности", о проявлявшемся в среде интеллигенции "чувстве безысходности, отсутствия перспективы". "Если судить по общему настрою людей, — писал Загладин, — по рассказываемым грубым, направленным против руководства анекдотам и т.д., то обстановку можно сравнить с ситуацией примерно 1966 — 1967 гг. (которую я хорошо помню)"⁵⁵.

Ситуацию в ЧССР, как указывал Загладин, «собеседники (вне зависимости от их положения) характеризуют как "предкризисную", а некоторые — как "скрытый (замаскированный) кризис" (Я. Мачек**), который проявляется во всех сферах жизни общества. Наиболее оптимистично держался М. Штефаняк*** (близкий к В. Биляку), но и он, многозначительно заявив, что "социализм мы разваливать не собираемся", также говорил о "нарастающих трудностях"».

Комментируя настроения в обществе, собеседники Загладина отмечали, что "люди чувствуют себя обманутыми". Заявленное в конце 1987 г. намерение нового лидера ЦК КПЧ М. Якеша, сменившего Г. Гусака на посту генсека⁵⁶, приступить к перестройке и демократизации "вызывало волну надежд". Но уже к середине 1989 г., по словам собеседников Загладина, стало очевидно, что эти "надежды не оправдываются. Заметных перемен не произошло, а те, которые имели место, носили во многом формальный или чисто словесный характер, противоречили реальным действиям руководства". Так, "именно под аккомпанемент общих раз-

* 7 — 12 августа 1989 г. В.В. Загладин, находившийся в Карловых Варах на лечении, провел ряд неофициальных встреч с работниками партийно-государственного аппарата и был официально принят заместителем председателя ФС ЧССР, председателем Чехословацкой социалистической партии Б. Кучерой.

** Бывший помощник Г. Гусака в ЦК КПЧ.

*** Заведующий международным отделом ЦК КПЧ.

говоров о демократизации, участилось применение жестких административных мер против оппозиции и шире — всех несогласных. Предпринимавшиеся поначалу попытки начать диалог с интеллигенцией и молодежью иссякли — нет умения вести диалог (об этом с большой горечью говорил Б. Кучера). Экономическая реформа идет медленно и ощутимых перемен, в особенности для рабочего класса, не приносит. Отсюда разочарование, апатия, рост недоверия к руководству КПЧ (что теперь иногда проскальзывает и в прессе, и через письма читателей), учащаются случаи выхода из партии, прежде всего — рабочих и молодежи".

Что касается готовившейся чехословацкими официальными властями новой Конституции — важного поля столкновения "властных" и "безвластных", равно как и возможной платформы для их плодотворной дискуссии — то участвовавшие в этой работе Б. Кучера и В. Янку* свидетельствовали: поправки незначительны, фактически они, в большинстве своем, фиксировали то, что уже имело место. В начале 1989 г. много разговоров шло о реформе избирательной системы (состязательность кандидатов), о чем на Пленуме ЦК КПЧ говорил М. Якеш. «Но после выборов в СССР, — писал Загладин, — соответствующее место из публикации его доклада было изъято, а на местах партийные работники прямо говорят: состязательность "подорвет их позиции". Б. Кучера рассказывал, что все это со временем вызывает крайне негативные настроения в Федеральном Собрании. После съезда Народных депутатов СССР там ширятся разговоры о том, что парламент должен играть более активную и независимую роль, не просто "штамповать" чьи-то решения».

В целом, по словам собеседников Загладина, "имеет место своего рода раскол общества. Б. Кучера весьма определенно говорил о необходимости его преодоления, сплочения людей. Затяжка этого процесса может быть пагубной — она способна привести к объединению значительной и прежде всего интеллектуальной части общества, а также части рабочего класса на платформе, враждебной руководству".

Факты и документы показывают, что в чехословацком обществе именно эти процессы уже происходили, а если учесть, что в ряде стран, введших 21 год назад свои войска в Чехословакию, реформы и более радикальные преобразова-

* Глава ведомства по делам церкви.

ния шли куда более быстрыми темпами, то осень 1989 г. обещала стать весьма и весьма жаркой. Пути решения кризиса виделись "властными" в следовании проторенными в годы "нормализации" способами. Вместе с тем некоторые из них уже смело критиковали ситуацию, когда, как писал Загладин, борьба "против идей и действий правых ведется старыми, в основном милицейскими методами"⁵⁷. При этом он обращал внимание на следующее: «Собеседники не были едины в том, нужны такие методы или нет (так, М. Штефаняк решительно "за"; В. Янку считал, что они только вредны, ибо "создают фальшивых героев" и т.д.). Но все сходились на том, что в конечном счете их применение не дает нужных результатов... Во многом потому, что они не дополняются активной работой в массах, конструктивным диалогом с теми, кто недоволен ситуацией в целом или какими-то ее сторонами, но не примыкает к правым или лишь частично разделяет их позиции. Идеологическая работа подменяется повторением старых схем и голословным по существу осуждением всех несогласных или критикующих». Как следует из документа, часть партаппарата не исключала "конструктивного диалога" с недовольной частью общества, не распространяя его на "правых", т.е. представителей чехословацкого оппозиционного движения. И иного выхода из сложившейся ситуации, кроме как активизации "работы с массами", "властные" накануне "бархатной" революции, пожалуй, себе просто не представляли и представить не могли.

Загладин подтвердил наличие полярных течений в партийном руководстве страны: "...большинство нынешнего руководства категорически против любых корректив в отношении прошлого. Психологически это можно понять: ведь если такие коррективы вводить, то многим придется уходить". По его оценкам, если говорить о количественных характеристиках консервативного течения пражского режима, оно, во-первых, составляло большинство, а во-вторых, стремилось любыми путями сохранить в ЧССР status quo. «Получается так, — констатировал Загладин, — что представители "самых здоровых сил" 1968 г. занимают сейчас наиболее консервативные, а в чем-то и антисоветские позиции».

Поэтому столь внимательно прислушивался Загладин к тем, кто в принципе мог бы взять на себя задачу реформирования общества. В их числе был, к примеру, Я. Седлак, советник председателя федерального правительства Л. Адамеца.

Формулируя свою личную оценку политической ситуации в ЧССР, он характеризовал ее как "затишье перед бурей". По его мнению, "единственное, что пока что сдерживает проявление активного недовольства — сравнительно благополучное социально-экономическое положение. Продовольствия хватает, положение с промтоварами, хотя и несколько хуже, чем в недавнем прошлом, но все же, в сравнении с другими социалистическими странами, благополучное"⁵⁸.

В. Загладин приводит мнения экономистов — сотрудников Института прогнозирования ЧСАН (в то время там работали В. Клаус, В. Длоуги, М. Земан, Т. Ежек и др.), который возглавлял В. Комарек. Они указывали, в частности, на архаичность структуры экономики, нуждавшейся в корректировке, которая "пока не осуществляется (отчасти в силу опасения, что структурные перемены, могущие затронуть 200 — 300 тыс. рабочих, вызовут в стране серьезное недовольство. Эта проблема становится тем более острой, что предстоит конверсия военного производства)". Говорилось также о медленном обновлении производственного аппарата, вследствие чего усугублялась отсталость технической базы промышленности, указывалось на рост разрыва в техническом и технологическом уровне с Западом. «В результате стремления, исходя из политических мотивов, во что бы то ни стало поддерживать высокий уровень жизни, доля накопленных недопустимо снизилась, — идет "проедание" экономической базы страны», — констатировали собеседники Загладина. По оценкам Института прогнозирования, «еще два-три года даже при подобном развитии экономика "может продерживаться на плаву". Но затем, если не принять серьезных мер, наступит кризис и в производстве, и в снабжении населения».

Во время проведенных Загладиным встреч отмечалось, что для разработки мер по выходу из существующего положения нужен серьезный критический анализ, что якобы встречает понимание в правительстве. Однако предпринимавшиеся чехословацким кабинетом министров попытки провести такой анализ на реалистической основе встречали "противодействие со стороны руководства партии (не желающего акцентировать проблему ошибок и просчетов недавнего прошлого)". В целом, говоря об экономических проблемах, все собеседники Загладина не скрывали своих сомнений в будущем, а некоторые — прямого пессимизма.

Делая выводы о проблемах внутреннего положения ЧССР и отношении к советской перестройке, Загладин выделил несколько разных уровней подхода. «Что касается руководства, — утверждал он, — то отношение к перестройке в целом, как можно судить по словам товарищей, по существу отрицательное. Но прямо, вслух, тем более в беседах с советскими людьми, об этом не говорится. Мои собеседники, в том числе некоторые рядовые сотрудники партийного аппарата, включая работников ЦК, с осуждением говорили о двойственности или даже тройственности суждений в отношении перестройки со стороны руководства:

— нам напрямую говорят о поддержке перестройки; в последнее время высказывают и озабоченность в связи со встречающимися трудностями и негативными процессами;

— в своем кругу считают наши действия отходом от марксизма и принципов социализма;

— публично (выделено в документе. — Э.З.) в самой Чехословакии общие фразы в речах и в печати в поддержку перестройки сопровождаются все более частой и открытой, хотя и анонимной, критикой наших идей, "нового мышления", некоторых наших оценок международного положения (например, тезиса о постепенном размывании "образа врага" на Западе, чему была посвящена специальная статья в "Руде право"). В печати активно воспроизводятся любые сообщения о наших трудностях и негативных явлениях, тогда, как позитивного материала крайне мало».

Вместе с тем «на другом уровне — рядовые граждане, ученые, журналисты — в большинстве своем (хотя люди и обеспокоены негативными явлениями, просят разъяснения) искренне и с глубоким сочувствием относятся к перестройке, по-прежнему связывают свои надежды на лучшее будущее с ее успехом. Нередко можно было слышать: "Если у вас перестройка сорвется, и нам конец". Правда, в определенной части общества, которую можно назвать мещанской (работники торговли, сферы обслуживания) отношение к нам скептическое, часто недружелюбное, даже враждебное».

Свой аналитический материал Загладин завершает так: «Конечно, имеющиеся трудности не следует преувеличивать; руководство партии и государства пока держит ситуацию в руках, возможности для решения существующих проблем есть. Но вопрос в том, чтобы не опоздать с таким решением. Кстати, об опасности запоздания в решении назрева-

ющих задач говорили и многие чехословацкие друзья. Анализируя опыт Польши и Венгрии, они ссылались, в частности, на то, что корни возникшей там ситуации во многом именно в запоздании с решением давно назревших или запущенных проблем, которые, постепенно накапливаясь, и создали опасную ситуацию. Б. Кучера сформулировал одну из ближайших задач так: необходимо преодолеть "постоянное опаздывание"⁵⁹.

Во многом предсказанные в данном документе кризисные процессы не заставили себя долго ждать. 20 октября 1989 г., то есть меньше чем за месяц до "бархатной" революции, ряд независимых инициатив ("Демократическая инициатива", "Движение за гражданскую свободу" и клуб "Возрождение") сделали совместное "Заявление" в связи с очередной годовщиной образования Чехословакии. В нем говорилось: "Мы будем выступать с требованием широкого общественного разговора в качестве первого и необходимого шага на пути к формированию правительства национального доверия". "Настоящее оздоровление отношений, — по мнению авторов документа, — может проводить только *правительство, сформированное на основе свободных демократических переговоров и свободных выборов* (курсив мой. — Э.З.). Спасти республику невозможно без правительства национального доверия"⁶⁰. Сложившееся в стране положение, по мнению представителей трех независимых инициатив, уже не могло быть решено существующим правительством, а задачу выведения страны из кризиса следовало возложить на новое правительство национального доверия, сформированное по итогам свободных выборов. Таким образом, в "Заявлении" впервые четко был представлен механизм формирования будущих новых органов исполнительной власти.

В первой половине ноября 1989 г. представители ряда оппозиционных объединений ("Чехословацкая демократическая инициатива"*, "Движение за гражданскую свободу", "Независимое объединения за мир" и клуб "Возрождение") разработали черновой вариант "Обращения об учреждении Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции", в котором шла речь о намерении ряда независимых инициатив "объединить свои действия с тем, чтобы до-

* Новое наименование "Демократической инициативы" с сентября 1989 г.

биться преобразования современной авторитарной Чехословакии в плюралистическое демократическое государство с процветающей рыночной экономикой, справедливой социальной политикой и гарантированными гражданскими свободами". Планировалось в максимально сжатые сроки учредить "репрезентативный Национальный и гражданский комитет, объединяющий представителей всех слоев населения, способный формулировать, отстаивать и добиваться реализации своих интересов". Координационный комитет чехословацкой политической оппозиции до создания Национального и гражданского комитета намеревался "регулярно вести консультации о концепции своей деятельности в рамках круглого стола оппозиции, объединяющим все независимые группы. Вместе с тем он заявлял о желании сотрудничать с отдельными лицами и деятелями в официальных учреждениях и структурах, если они проявят интерес к этому сотрудничеству. Планировалось поставить перед Национальным и гражданским комитетом задачу выработать предложения, нацеленные на вывод страны из глубокого кризиса. Намечалась подготовка заявления Комитета высшим государственным органам, содержащего требование разработки действительно демократического проекта новой Конституции⁶¹. Следует отметить, что некоторые чешские исследователи рассматривают предложения по созданию конкретных руководящих организационных форм чехословацкого оппозиционного движения как прообраз Гражданского форума⁶².

Казалось бы, начался всего лишь очередной круг согласований, увязываний, надежд... Тем более что подготовительная работа по созданию Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции затягивалась, и в итоге до 17 ноября 1989 г. он так и не появился. Причины — не только в непрекращавшихся репрессиях, но также и в расхождениях среди оппозиции по тактическим вопросам⁶³.

Партийные же круги готовились не к переговорам, "круглым столам" или диалогу. В циркуляре от 18 октября 1989 г., направленном на места практически за месяц до начала "бархатной" революции по телетайпу, генсек ЦК КПЧ М. Якеш извещал первых секретарей краевых (областных), окружных (районных) комитетов КПЧ и КПС о внутривнутриполитическом положении страны и деятельности "внутреннего противника"⁶⁴. В нем обращалось внимание на то, что «так

наз[ываемые] независимые группы и их представители во главе с Хартией — 77 пытаются в настоящее время объединить свои силы и создать "единую оппозиционную партию"», что "нелегальные структуры при активной поддержке зарубежной пропаганды" готовят на 28 октября 1989 г. "открытую конфронтацию с государственной властью"⁶⁵. Якеш рекомендовал решительно пресекать эту деятельность.

Во "Внутрипартийной информации № 84 о положении в краях 27 — 29 октября 1989 г". сообщалось о состоявшемся 28 октября 1989 г. на Вацлавской площади в Праге митинге, в котором приняли участие от 800 до 1000 чел., скандировавших лозунги "Хотим новое правительство!", "Хотим свободу!", "Да здравствует Хартия!", "Да здравствует Гавел!", "Да здравствует Масарик!" и др. Всего в этот день в столице в подобных акциях участвовали до 3 тыс. чел.; западные же СМИ называли гораздо большее количество⁶⁶. "Их выступления, — оптимистически отмечалось в документе, — по существу не находили поддержки граждан, наблюдавших за происходящим"⁶⁷.

Общий тон данного, равно как и большинства других партийных документов того времени — страх и боязнь, неумение выйти за рамки штампов и догм, но одновременно и надежда, что ситуация разрешится сама собой, если умело использовать административные рычаги. Действительно, ведь так уже не раз было в течение более чем 20-летнего периода "нормализации"... Констатация правящим режимом кризисного положения в обществе в чем-то объективна и сходна с оппозиционной. Однако пути выхода из него — диаметрально противоположны и кардинально различны. Если партийное руководство видело единственную возможность в приведении в действие административных рычагов, обвиняя себя в недостаточной активизации работы с массами, то оппозиция — в коренных политических преобразованиях: либо в радикальной, либо в эволюционной форме. Однако "делиться" властью с "безвластными" по примеру польской или венгерской "братских партий" пражский режим по-прежнему не хотел, как и идти на малейший с ними компромисс.

В этих условиях 27 июня 1989 и 30 октября 1989 г. Адамец, по его словам, направлял генеральному секретарю ЦК КПЧ М. Якешу письма, в которых высказывался за конструктивный диалог с обществом в поиске выхода из углублявшегося

и становившегося все более опасным кризисного развития⁶⁸. Более того, им предпринимались в данном направлении и конкретные шаги. Так, через своего советника О. Крейчи он установил контакты с группой "Мост", поддерживавшей связь с В. Гавелом⁶⁹. "Однако, — констатировал Адамец, — поддержки (в руководстве КПЧ. — Э.З.) я не нашел и периодически подвергался личным нападкам, подозрениям и недоверию, которые привели меня к решению отказать от необходимости разделения ответственности за тяжелые последствия подобной политики для будущего нашей страны"⁷⁰.

Между тем радикальная часть чехословацкого оппозиционного движения сделала первый шаг на пути создания реальной многопартийности в ЧССР. 11 ноября 1989 г., т.е. за неделю до начала "бархатной" революции, "Чехословацкая демократическая инициатива" представила в МВД ЧССР просьбу о своей регистрации в качестве независимой политической партии. В прилагавшейся программе содержались следующие требования: формирование переходного правительства национального сосуществования, завершение к 1 февраля 1990 г. деятельности ФС ЧССР и назначение свободных выборов в представительный орган переходного характера, который должен был разработать новую Конституцию⁷¹. Безоговорочная отставка правительства, а не диалог или переговоры с ним или с его частью, — такова суть концептуальных установок данного наиболее радикального с 1988 г. неформального объединения.

Конец октября — начало ноября 1989 г. — время радикализации студенческого движения. В конце октября, в связи с 71-й годовщиной образования Чехословакии, возникло независимое студенческое движение "Stuha"*, требовавшее участия студентов в демократизации общества, создания студенческих организаций вне рамок официального ССМ, ликвидации дискриминации при поступлении в вузы, восстановления академических свобод. В середине ноября активизировались студенческие движения в Праге и Братиславе. 15 ноября 1989 г. состоялся актив студентов Театральной академии музыкального искусства, на котором было объявлено об упразднении факультетской организации ССМ, которой отказывалось в праве представлять всю моло-

* Слово *stuha* — сокр. от *studentské hnutí*, переводится как "лента, триколор".

дежь. Звучали требования отмены преподавания марксизма-ленинизма в вузах страны и ликвидации руководящей роли КПЧ⁷². Это было время рождения и других неформальных молодежных организаций: учащиеся средних школ создали "Независимое объединение молодых", а студенты — "Независимое объединение студентов".

Между тем "властные" все больше и больше становились похожими на "генералов без солдат"⁷³, постоянно твердившими о своей готовности вести непрерывную войну "единым фронтом", которого фактически не было. Инициативные по-новому мыслящие люди оттеснялись в руководстве партии на задний план.

Различные составные части чехословацкого общества ("властные" и "безвластные"), фракции партийно-государственного руководства (консерваторы и прагматики), а также разные сегменты чехословацкого оппозиционного движения (политические и исповедывавшие принцип "неполитической политики") так и не смогли вплоть до 17 ноября 1989 г. достичь соглашения и пойти на взаимоприемлемый компромисс не только между собой, но, зачастую, и внутри себя.

Итак, к 17 ноября 1989 г. в Чехословакии "властные" с тревогой ощущали, а "безвластные" признавали неизбежность кардинальных политических перемен. Причем одна часть первых — консервативная — видела способы их сдерживания на путях ужесточения "режима нормализации" и упрочения такого "развитого социализма", от которого уже отказались в других странах, прежде всего в СССР. Другая же, прагматическая, часть признавала, что одной модернизацией экономики обойтись уже невозможно и видела альтернативу в диалоге с "безвластными".

Чехословацкое оппозиционное движение было едино в главном — демонтаже "режима нормализации", но не в средствах и в путях его достижения. При этом одна их часть, приверженцы "неполитической политики", до событий 17 ноября (да и долгое время спустя) предполагали осуществлять такой демонтаж в режиме диалога с прагматическим течением государственного руководства страны, ориентируясь на умеренно-эволюционный путь развития ЧССР.

Другая часть чехословацкой оппозиции — сторонники радикальной модели трансформации чехословацкого общества — выступала с требованиями безоговорочной отставки правящего режима, безотлагательного проведения свобод-

Прага. Национальная улица. 17 ноября 1989 г.

ных выборов и формирования на основе их итогов новых демократических органов власти.

Ответ на вопрос, какая из этих позиций победит, предстояло дать "улице", начиная со студенческой демонстрации 17 ноября 1989 г. и завершая массовыми манифестациями, собиравшими во второй половине ноября – декабре 1989 г. в одной только Праге до 750 тыс. чел. Именно это движение снизу и задавало в Чехословакии темп историческим преобразованиям, несколько по-иному, чем это предполагалось различными представителями как "властных", так и "безвластных", расставляя политические акценты и приоритеты.

¹ November 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990) / Ed. J. Žatkuliak, koedit. V. Hlavová, A. Sedliaková, M. Štefanský. Bratislava, 1999. S. 206.

² Подробнее см.: Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; Новопашин Ю.С. Восточноевропейские революции 1989 г.: проблемы изучения // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001; Загорожнюк Э.Г. Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда) // Славяноведение. 2000. № 3. С. 3–15; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2001. Т. 2: От стабилизации к кризису. 1966–1989.

³ *Barnovský M.* Vedenie KSČ a KSS – od nástupu M. Gorbačova po November 1989 // November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky: Štúdie a úvahy / Ed. J. Pešek, S. Szomolányi. Bratislava, 2000. S. 30–44; Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989 / Ed. V. Prečan, J. Cuhra, V. Břeňová, M. Janišová, F. Koudelka, A. Nosková, S. Rohlíková, Z. Sládek, J. Suk, O. Tůma. Praha, 1999; Chronologie zániku komunistického režimu v Československu 1985–1990 / Ed. J. Suk, J. Cuhra, F. Koudelka. Praha, 1999.

⁴ *Žatkuliak J.* Čo otvoril November 1989 vo sfére politickej, ekonomickej a štátoprávnej // November 1989 na Slovensku... S. 79.

⁵ *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost 1969–1989. Příspěvek k dějinám "normalizace" v Československu. Praha, 1994. S. 81–83.

⁶ *Ibid.* S. 84.

⁷ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1. Горбачев М.С. Опись 1. (Далее: Ф. 1. Оп. 1.) 88 пов02 doc; см. также: *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1/2. С. 352–364.

⁸ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. 88 пов02 doc.

⁹ Подробнее см.: *Загорожнюк Э.Г.* Путь к "бархатной" революции: противостояние "властных" и "безвластных" в Чехословакии // *Славяноведение*. 2004. № 3. С. 61–62.

¹⁰ November 1989 a Slovensko... S. 47; *Verejnosť proti násiliu*. 1989–1991: Svedectvá a dokumenty / Ed. I. Antalová. Bratislava, 1998. S. 27.

¹¹ November 1989 a Slovensko... S. 47.

¹² См.: *Obroda*. Klub za socialistickeou preštvavu. Dokumenty / Ed. Z. Kokošková, S. Kokoška. Praha. 1996. S. 97. Pozn. 3. Другие исследователи относят дату возникновения братиславского Клуба "Возрождение" к концу 1989 г. См.: November 1989 a Slovensko... S. 46.

¹³ November 1989 a Slovensko... S. 46; см. также: *Marušiak J.* Nezávislé iniciatívy na Slovensku v rokoch normalizácie // November 1989 na Slovensku...

¹⁴ См.: *Československá cesta k demokracii...*; *Chronologie zániku komunistického režimu v Československu...*

¹⁵ November 1989 a Slovensko... S. 200–209; см. также: *Alexander Dubček*: Od totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory výber 1963–1992 / Ed. J. Žatkuliak, I. Luluha. Bratislava, 2002. S. 265–278.

¹⁶ *Vedení KSČ o disentu a opozici*. Dokumenty z ledna 1986 – října 1989 / Ed. F. Koudelka, A. Nosková, V. Prečan. Praha, 1999. S. 23.

¹⁷ См.: *Kováč D.* Dejiny Slovenska. Bratislava, 1998. S. 310; *Šimulčík J.* Čas svitania: Sviečková manifestácia 25.marca 1988. Prešov, 1998. В книге "История Словакии" ошибочно указана дата 28 марта. См.: *История Словакии...* С. 358.

¹⁸ *Československá cesta k demokracii...* S. 36.

¹⁹ *Čas Demokratické iniciatívy: Sborník dokumentů* / Ed. R. Hlušičková, M. Otáhal. Praha, 1993. S. 83–84.

²⁰ *Ibid.* S. 86.

²¹ Архив внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации. (Далее: АВП РФ.) Ф. 138. Оп. 59. П. 175. Д. 15. Л. 32, 31, 85.

²² См.: *Charta 77 (1977–1989)*. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace / Ed. V. Prečan. Scheinfeld-Schwarzenberg; Bratislava, 1990. S. 353.

²³ Durman K. Útěk od praporů. Kreml a krize impéria. 1969 – 1991. Praha, 1998. S. 426.

²⁴ Charta 77 (1977 – 1989)... S. 354.

²⁵ См.: Vilímek T. Srovnání vývoje, specifických odlišností a podobností opozice v ČSSR a NDR 1968 – 1989 // Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu. Sv. II / Ed. Z. Kárník, M. Kopeček. Praha, 2004. S. 277 – 278.

²⁶ Подробнее см.: Hnutí za občanskou svobodu. 1988 – 1989: Sborník dokumentů / Ed. R. Hlušičková, B. Císařovská. Praha, 1994. S. 25 – 34; 86 – 87.

²⁷ Hlasy občanské společnosti 1987 – 1989: Dokumenty / Ed. J. Suk. Praha, 1999. S. 56.

²⁸ Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 27, 36.

²⁹ Charta 77 (1977 – 1989). S. 355.

³⁰ Hnutí za občanskou svobodu... S. 11.

³¹ Ibid. S. 93; Vladislav J., Prečan V. Horký leden 1989 v Československu. Praha, 1990. S.131 – 132.

³² Hnutí za občanskou svobodu... S. 93; Vladislav J., Prečan V. Op. cit. S. 132.

³³ Пречан В. Чехословакия на пути к демократической революции // Революции 1989 года С. 30.

³⁴ Vladislav J., Prečan V. Op. cit. S. 123.

³⁵ См.: Vladislav J., Prečan V. Op. cit. S. 130; Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 58.

³⁶ Подробнее см.: Загорожнюк Э.Г. Путь к "бархатной" революции... С. 67 – 69.

³⁷ Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 39.

³⁸ Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 70.

³⁹ Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 39 – 40.

⁴⁰ Deset pražských dnů. 17. – 27. listopad 1989. Dokumentace / Ed. M. Otáhal, Z. Sládek. Praha, 1990. S. 593, 616.

⁴¹ Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 39.

⁴² Obroda-klub za socialistickou přestavbu...

⁴³ Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 68; см. также: Krejčí O. Proč to prasklo aneb Hovory o demokracii a "sametové revoluci". Praha, 1991.

⁴⁴ Hlasy občanské společnosti... S. 67.

⁴⁵ Deset pražských dnů... S. 615.

⁴⁶ Čas Demokraticke iniciativy... S. 138, 147, 148.

⁴⁷ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 3. Загладин В.В. Опись 1. (Далее: Ф. 3. Оп. 1.) z89avg07 doc

⁴⁸ Československá cesta k demokracii... S. 55.

⁴⁹ Čas Demokratické iniciativy... S. 151 – 152.

⁵⁰ Ibid. S. 153 – 154.

⁵¹ Charta 77 (1977 – 1989)... S. 373 – 374.

⁵² Čas Demokratické iniciativy... S. 154.

⁵³ Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 43.

⁵⁴ Пречан В. Чехословакия на пути к демократической революции... С. 34.

⁵⁵ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Оп. 1. z89avg07 doc.

⁵⁶ Koudelka F. Husákův pád 1987: Dokumenty k oddělení funkcí prezidenta ČSSR a generálního tajemníka KSČ a k nástupu Miloše Jakeše do čela

KSČ // Soudobé dějiny. 2000. N 3. S. 473–525; Plevza V. Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovorił. Bratislava, 1991.

⁵⁷ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Оп. 1. z89avg07 doc.

⁵⁸ Там же; см. также: Turek O. Podíl ekonomiky na páde komunismu v Československu. Praha, 1995.

⁵⁹ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Оп. 1. z89avg07 doc.

⁶⁰ Hnutí za občanskou svobodu... S. 229.

⁶¹ Ibid. S. 242.

⁶² Ibid. S. 17.

⁶³ Ibid. S. 15–18.

⁶⁴ Vedení KSČ o disentu a opozici... 54–58.

⁶⁵ Ibid. S. 55.

⁶⁶ Подробнее см.: Tůma O. Zítřa zase tady. Protirežimní demonstrace v předlistopadové Praze jako politický a sociální fenomén. Praha, 1994.

⁶⁷ Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 58.

⁶⁸ Deset pražských dnů... S. 557–558; см. также: Poslední hurá. Stenografický záznam z mimořádných zasedání ÚV KSČ 24–26.11.1989. Praha, 1992.

⁶⁹ Подробнее см.: Horáček M. Jak pukaly ledy. Praha, 1990.

⁷⁰ Deset pražských dnů... S. 558.

⁷¹ Čas Demokratické iniciativy... S. 200.

⁷² Československá cesta k demokracii... S. 69; см. также: Benda M., Benda M., Klíma M., Dobrovský P., Pajerová M., Pánek Š., Kříž R. Studenti psali revoluci. Praha, 1990; Rychlík J. Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992. Bratislava, 2002. S. 68; Vyhlásenie k 16 novembra 1989 // Proglas. Bratislava. 2000. N 3/4; Otdhal M. Opozice, moc, spoločnosť... S. 92.

⁷³ Подробнее см.: Ort A. Perestroika and Czechoslovakia // Soviet Perestroika. 1985–1993. Russia's Road to Democracy. N.Y., 1995.

ИСТОРИЯ "БАРХАТНОЙ" РЕВОЛЮЦИИ 17 НОЯБРЯ – 29 ДЕКАБРЯ 1989 г.

Начало "бархатной" революции: первые варианты демонтажа "режима нормализации"

17 ноября 1989 г. студенты *единодушно* вышли на улицы Праги, а 29 декабря Федеральное собрание ЧССР (ФС ЧССР), в своем большинстве состоявшее из членов КПЧ и из бывших коммунистов, только что избавившихся от партбилетов и поэтому считавшихся "беспартийными", а в меньшинстве — из представителей партий Национального фронта ЧССР (НФ ЧССР) *единогласно* проголосовали за В. Гавела как президента Чехословацкой Социалистической Республики. Этот сравнительно небольшой хронологический отрезок и можно считать временем "бархатной" революции — *события*, кардинально изменившего историческую судьбу страны.

Как же проходила студенческая демонстрация, вызвавшая лавину необратимых процессов и фундаментальных преобразований в стране? Во второй половине дня 17 ноября в Праге (район Альбертов) собралось около 25 тыс. чел., которые открыто выражали свое недовольство режимом и выдвигали требования свободы и демократии. Звучали лозунги политического характера: "Мы хотим новое правительство!", "Долой Якеша!", "Отставка, отставка!", "Свободные выборы!", "Диалог! Диалог!", "Да здравствует Хартия!", "Да здравствует Гавел!", "Нам не нужна власть одной партии!", "Дубчек!", "Масарик!" и др.¹

После завершения официальной части манифестации ее участники отправились для возложения цветов к памятнику К.Г. Махи, откуда спонтанно сформировавшаяся колонна студентов стала продвигаться в сторону Вацлавской площади. На пути к центру города к ним присоединялись другие жители чехословацкой столицы, и численность демонстрантов возросла примерно до 50 тыс. чел. На Национальной улице, близ Вацлавской площади, их остановил полицейский кордон; часть манифестантов была разогнана, часть по требованию сил правопорядка разошлась, а оставшиеся 2 тыся-

чи, заблокированные органами безопасности, подверглись жестокому избиению. Действия полиции выходили за допустимые законом пределы: десятки людей получили ранения, некоторые из них тяжелые. Однако непосредственной искрой, которая привела к взрыву возмущения пражан, явились молниеносно распространившиеся по городу слухи о том, что при расправе полиции с демонстрантами был якобы смертельно ранен студент физико-математического факультета Карлова университета Мартин Шмид².

К месту, где полиция применила против студентов силу, тут же стали собираться пражане и зажигать свечи, высказывались разные версии о жертвах полицейского произвола. С "Заявлением", осудившим действия вооруженных формирований, выступили представители чехословацкой оппозиции ("Чехословацкой демократической инициативы", "Движения за гражданскую свободу", клуба "Возрождение" и ряда венгерских демократических организаций) на неформальной встрече в Праге 17 ноября. Авторы "Заявления" призвали международную общественность выразить солидарность с чехословацкими студентами³.

Вечером в накалившейся до предела атмосфере в театре "На забрадли", где собрались в основном учащиеся пражских театральных вузов, возникла идея совместной забастовки студентов и театральных деятелей. Так манифестация совершенно неожиданно из акции поминовения трансформировалась в демонстрацию протеста против коммунистического режима, сопровождавшуюся слухами о гибели одного из ее участников, а день 17 ноября вошел в историю как первый день "бархатной" революции. "Эффект убитого студента, — писал впоследствии В. Минач, — переместил чехословацкое движение ... в иную плоскость, в точку, откуда уже не было возврата"⁴.

На следующий день, 18 ноября, независимое Восточноевропейское информационное агентство, которое возглавлял хартист П. Ул, передало в зарубежные СМИ слухи о жертвах, которые, молниеносно распространившись в обществе, вызвали шквал негодования. Сработала информационная мина, при этом было уже совершенно неважно, что мнимая, как вскоре выяснилось, смерть М. Шмида, вызвавшая ассоциации с убийством в 1939 г. Яна Оплетала немецкой полицией, оказалась заведомой ложью, иными словами — мифом⁵.

На события в Праге оперативно отреагировали представители студенческой молодежи и чехословацкого оппози-

Прага. Вышеградская улица. 17 ноября 1989 г.

Прага. Альбертов. 17 ноября 1989 г.

зиционного движения, представившие 18 ноября общественности не только свои оценки происходивших событий, но и свое видение демонтажа "режима нормализации". Именно в этот день появилось несколько документов оппозиционных сил. Задавали такт событиям и тональность политическим дискуссиям студенты. 18 ноября в пражском Реалистическом театре на Смихове собрались инициировавшие ноябрьские события студенты, а также актеры и деятели культуры. Созданный здесь "Центральный забастовочный комитет пражских высших учебных заведений" принял "Заявление" в связи с действиями органов безопасности 17 ноября на Национальной улице. В нем содержалось, в частности, требование призвать к ответу виновных в насильственных действиях представителей органов правопорядка и обнародовать их имена. "Заявление" призывало начать "эффективный *dialog* (курсив мой. — Э.З.) со всеми без исключения составными частями общества", однако вопросы, которые могли бы стать его предметом, не уточнялись. Члены комитета, настроенные весьма решительно и бескомпромиссно, объявили о начале бессрочной студенческой забастовки в случае невыполнения их требований⁶.

В тот же день во втором "Заявлении" студентов пражских вузов были обнародованы более развернутые требования, в том числе освобождение политических заключенных, свобода слова и собраний. Впервые прозвучал призыв ко всем гражданам принять 27 ноября участие в двухчасовой всеобщей забастовке⁷.

В третьем "Заявлении", принятом студентами театрального факультета Академии музыкальных искусств, содержались призыв к семидневной забастовке протеста и требование создать правительственную комиссию для расследования жестких действий полицейских.

Наконец, в четвертом "Заявлении", появившемся в недрах пражского студенческого театра "Диск", впервые прозвучало бескомпромиссное требование "немедленной отставки нынешних государственных и партийных представителей, отставки правительства и немедленной ликвидации закрепленного в Конституции положения о руководящей роли партии, непосредственных изменений правопорядка, который привел бы к отмене наказания за так называемую антигосударственную и антисоциалистическую деятельность и позволил реабилитировать осужденных в

настоящее время за подобную деятельность". Только после этого можно будет вести диалог о будущем нашей страны", говорилось в "Заявлении", которое призывало поддержать предложение о проведении семидневной забастовки протеста⁸.

Из принятых 18 ноября четырех студенческих воззваний последнее ориентировалось уже на коренной демонтаж "режима нормализации". Как видно, радикализм в студенческой среде рос не по дням, а по часам, причем — и это надо подчеркнуть особо — пока все еще в отсутствие каких-либо организационно оформленных руководящих структур чехословацкого оппозиционного движения. Предложения студентов решать главную задачу революции — вопрос о власти, с одной стороны, не могли не мобилизовать все другие оппозиционные силы, а с другой — не вызвать соответствующие действия со стороны партийно-государственного руководства, до предела обострив противостояние "властных" и пока еще "безвластных". Лишь дальнейший ход событий мог показать, какие формы примет это противостояние, по какому сценарию оно будет развиваться: либо диалог с властями (т.е. более умеренный, эволюционный или компромиссный вариант), либо немедленная отставка правительства и безотлагательное проведение свободных парламентских выборов (т.е. радикальный или бескомпромиссный вариант)?

Не остались в стороне от бурных событий этого дня и представители творческой интеллигенции. Так, в своем "Заявлении" пражские и другие театральные деятели, собравшиеся поздним вечером в Реалистическом театре им. З. Неядлы, поддержали ряд студенческих требований, в частности создание специальной правительственной комиссии по расследованию силовых акций со стороны органов безопасности. Они обратились к работникам чехословацких театров с призывом поддержать семидневную забастовку студентов, а вместо запланированных спектаклей знакомить публику с содержанием своего "Заявления" и предоставить помещения театров для проведения широких публичных дискуссий. Было предложено провести 27 ноября двухчасовую всеобщую забастовку протеста⁹. К этому моменту активизировались представители всех творческих союзов, но что более важно — на улицы стали выходить не только представители интеллигенции, но также рабочие, служащие и другие жители Праги.

Таким образом, главными инициаторами вылившихся в "бархатную" революцию событий являлись студенты. Каковы же были позиции тех, кто в течение долгих двадцати лет готовил почву для того, чтобы подобные события стали возможными? Как подключались к стихийно возникшему массовому движению протеста те, кто начинал активную борьбу с "режимом нормализации" еще с середины 70-х годов методами "неполитической политики", которая в то время давала свои плоды? Одним из первых откликов чехословацкой оппозиции на происшедшее стал документ "О положении в стране" от 18 ноября 1989 г., подписанный спикерами "Хартии – 77" Т. Градилеком, Д. Немцовой и С. Вондрой. Перечислив лозунги, которые раздавались во время демонстрации 17 ноября, а также требования студентов, высказанные 18 ноября, хартисты заявили о необходимости безотлагательной отставки тех представителей партийного и государственного руководства, которые несли непосредственную ответственность за жестокие действия против собственных граждан; немедленного начала диалога о путях будущих реформ при участии всех составных частей чехословацкого общества, включая некоммунистические политические партии, церкви, интеллигенцию, студенчество и независимые инициативы; о намерении поддерживать все мирные акции протеста против произвола властей, готовности в сложившейся ситуации не только выжидать, но и действовать. Они призвали общественность и политиков всего мира способствовать началу этого диалога "своим политическим давлением на нынешнее чехословацкое руководство"¹⁰.

Как следует из документа, требования хартистов выглядят умереннее лозунгов, раздававшихся во время демонстрации 17 ноября и даже выдвигавшихся самой же "Хартией – 77" раньше, в частности в документе от 10 июля 1989 г. Казалось, бурные события 17 ноября должны "подхлестнуть" "Хартию" и стать импульсом радикализации ее программы, однако этого не произошло; не прозвучало, к примеру, выдвигавшееся ею ранее намерение ликвидировать монополию КПЧ. Причину такой умеренности на фоне боевых лозунгов студенчества объяснить трудно. Вместе с тем нельзя исключать, что "Хартия – 77" продолжала следовать принципам своей "неполитической политики". Возможно, она опасалась брать на себя инициативу, чтобы не вызвать кровопролития. Вполне вероятно, что у хартистов не было своего видения того, как надо действовать в обстоятельствах сти-

хийно вспыхнувшего массового движения протеста, как перейти на другой регистр политической активности.

"Заявление" от 18 ноября 1989 г. "Движения за гражданскую свободу" также отличалось умеренностью и сдержанностью. В нем содержались общие оценки сложившейся в стране ситуации, требования отставки министра внутренних дел и других ответственных лиц, создания комиссии по расследованию событий 17 ноября. "Движение" заявило о своей поддержке двухчасовой всеобщей забастовки, однако какого-либо плана будущих действий представлено не было. Это тем более странно, если вспомнить: именно у этой независимой структуры программа возможных демократических преобразований в Чехословакии приобрела достаточно четкие очертания еще накануне 17 ноября.

Более конкретной можно назвать позицию "Общества за права человека". Осудив действия властей в "Заявлении" от 18 ноября 1989 г., оно потребовало, чтобы "те, кто правит против воли людей, ушли в отставку и дали возможность нашим народам в ходе свободных выборов (курсив мой. — Э.З.) вернуться к заветной свободе и демократии. Не диктаторский монолог, а гуманный, свободный диалог со всеми гражданами избавит наши народы от зависимости от тирании"¹¹. Правда, о содержании или предмете возможного диалога в анализируемом документе не говорилось, не уточнялась в нем и дата проведения свободных выборов. Однако акцент на двух стержневых требованиях — отставка и свободные парламентские выборы — ставших в ближайшие дни центром разворачивавшихся в стране процессов, в документе просматривается достаточно четко.

Решительной и в то же время конкретной в плане не только демонтажа "режима нормализации", но и определения вектора будущих перемен можно считать позицию клуба "Возрождение". Его исполнительный комитет принял "Обращение"* в связи с жестоким подавлением полицией студенческой демонстрации 17 ноября. В нем зафиксированы следующие требования: отставка министра внутренних дел, проведение расследования и обнародование его результатов. "Одновременно, — указывалось в документе, — мы требуем отставки тех представителей нашей политической жизни, которые утратили доверие и скомпрометировали себя ответственностью за репрессивные акции, направленные

* Документ не датирован.

против собственного народа". Но помимо этого лидеры клуба "Возрождение" выступили с призывами к "объединению всех сил, для реализации последовательных преобразований, развития *реальной перестройки* (курсив мой. — Э.З), обеспечения прав человека и гражданина"¹². Если вспомнить, что перестройка в СССР вселяла в рассматриваемый период весьма серьезные надежды, то радикализм данного "Обращения" сомнению не подлежит. Здесь важно другое: составители документа существенно ограничивали базу оппозиции, ориентируясь на перестройку в ее исключительно социалистическом (хотя и подлежавшем глубокому реформированию в направлении демократического социализма) облики.

Второй документ клуба "Возрождение"* — "Проект" предложения об объединении демократических левых сил с целью преобразования Чехословакии в демократическую и социально справедливую республику — обосновывал идею проведения свободных выборов, по итогам которых планировалось формирование парламента, "выражавшего истинную волю народа"; сроки проведения свободных выборов не уточнялись. Документ призывал всех "демократически и социалистически мыслящих граждан" к проведению "предметного диалога"¹³. Идею объединения "левых сил" можно назвать достаточно перспективной, если учесть, что их спектр был весьма широк, охватывая "демократически и социалистически мыслящих граждан".

В целом же можно с достаточной определенностью утверждать, что первые два дня "бархатной" революции продемонстрировали отсутствие заранее сложившихся планов, а тем самым согласованности и скоординированности позиций ее движущих сил, в частности относительно проведения назревавшей забастовки. Не исключено, что независимые гражданские структуры предпочли занять в первые часы "бархатной" революции выжидательную позицию. Именно такая версия, т.е. наличие осознанной линии, предлагается, например, в работах чешского историка И. Сука¹⁴.

Со всей очевидностью решимость представить свой вариант демонтажа "режима нормализации" продемонстрировало независимое студенческое движение, объединяемое стремлением безотлагательно и коренным образом изменить положение в стране. Два первых дня революции пока-

* Документ не датирован.

зали: пути и формы достижения намеченной цели различались по степени их радикальности. Контуры разногласий по этим вопросам наметились и определились еще в предшествующий "бархатной" революции период.

Таким образом, в самые первые часы после 17 ноября 1989 года, т.е. до создания руководящих революцией структур, главное внимание в большинстве оппозиционных заявлений концентрировалось на борьбе с правящим режимом. При этом будущими "властными", в частности хартистами, предлагались модели, основанные преимущественно на компромиссных вариантах демонтажа "режима нормализации"; бескомпромиссно в эти два дня выступали в основном студенты. Пожалуй, единственным попытавшимся определить и вектор будущего развития Чехословакии стал клуб "Возрождение". Бывшие коммунисты-реформаторы периода Пражской весны связывали его с демократическим социализмом, "социализмом с человеческим лицом". И здесь нет никакой случайности: попытки кардинальной общественной трансформации в 1968 г. ими уже предпринимались. Следует подчеркнуть, что позднее "возрожденцам" это ставилось не в заслугу, а в вину.

Однако первые два дня не выявили тех сил, которые в дальнейшем стали задавать тон событиям: начала доминировать "улица", хотя многие заявления устоявшихся или появившихся оппозиционных властям сил отличались конструктивными подходами. И лишь на третий день появились силы, способные выдвигать такого рода инициативы — Гражданский форум в Праге и Общество против насилия в Братиславе. Тогда же впервые прозвучали имена тех, кто затем стал определять ход событий, причем не только в ближайшей перспективе: Л. Адамец, В. Гавел и А. Дубчек.

Гражданский форум и Общество против насилия: концепции, программы, действия

С самого утра 19 ноября студенты и другие жители Праги снова собрались на Вацлавской площади и прилегавших к ней улицах. У памятника св. Вацлава выступил лидер ССМ В. Могорита, поддержавший студенческую забастовку и заявивший о своем намерении уйти в отставку в случае проведения властями репрессий против молодежи. Вечером несколько тысяч демонстрантов направились к Пражскому

Граду, однако подходы к нему по мостам через Влтаву по-прежнему перекрывали полицейские кордоны.

19 ноября независимые структуры продолжали представлять общественности свои версии демонтажа "режима нормализации". Так, в программном "Заявлении" президиум "Чехословацкой демократической инициативы" поставил перед чехословацким правительством достаточно жесткое требование — уход до 25 ноября 1989 г. в отставку¹⁵. Предлагалось провести переговоры, заключив по их итогам соглашение о формировании переходного "правительства гражданского сосуществования". Назывались конкретные участники этих переговоров: 1) А. Дубчек и члены государственного руководства до вооруженной интервенции 21 августа 1968 г.; 2) В. Гавел и представители независимого оппозиционного движения; 3) не скомпрометировавшие себя представители существовавшего правительства, которые еще не утратили полностью доверия населения. Именно из перечисленных в документе представителей предполагалось формирование "правительства гражданского сосуществования". Участие в нем ведущих деятелей реформистского движения 1968 г., по мнению авторов "Заявления", должно было "подчеркнуть преемственность демократического процесса в ЧССР, а деятельность независимых гражданских групп должна впоследствии обеспечить участие в правительстве населения"¹⁶. Как отмечает чешский историк М. Отагал, "Чехословацкая демократическая инициатива" не исключала из переговоров о составе нового правительства членов прежнего кабинета, но, в отличие от других частей оппозиционного движения, "формирование его состава не отдавала исключительно на откуп Л. Адамецу"¹⁷.

Непременным условием проведения диалога с "не скомпрометировавшими себя" представителями государственной власти это объединение считало безоговорочную и безотлагательную отставку правительства. Вместе с тем на него, как указывалось в "Заявлении", до отставки возлагалась обязанность разработать Конституционный закон о завершении до 1 декабря 1989 г. деятельности Федерального собрания ЧССР. "После этого правительство гражданского сосуществования в качестве одного из своих первых шагов предложит Федеральному собранию до 15 декабря 1989 г. новый, демократический избирательный закон, на основе которого до 1 февраля 1990 г. будет избрано Законодательное собрание ЧССР. Избирательный закон должен позво-

лить выдвигать свои кандидатуры независимым группам, а также всем тем, кто получит поддержку не менее 1000 чехословацких граждан", — подчеркивалось в документе¹⁸. Тем самым "Чехословацкая демократическая инициатива" предлагала программу мирного перехода к демократии, предполагавшую проведение в самом начале 1990 г. свободных парламентских выборов на демократической основе. В целом она выступала за формирование плюралистического общества с развитой рыночной экономикой, но соответствующие положения в "Заявлении" не детализировались.

Политические партии Народного фронта ЧССР — Чехословацкая социалистическая партия (ЧСП)¹⁹ и Чехословацкая народная партия (ЧНП)²⁰ — также выступили с осуждением подавления полицией студенческой демонстрации²¹.

В первой половине дня 19 ноября представители группы "Мост" (М. Горачек и М. Коцаб) отправились для встречи с Л. Адамцем на его квартиру. Они предложили ему начать переговоры с оппозицией. Премьер пообещал распорядиться о проведении расследования полицейских акций 17 ноября, но больше ничего обещать не стал, ссылаясь на то, что не вправе лично принимать решения²².

Руководство КПЧ действовало по давно отлаженному сценарию. 19 ноября в телексе М. Якеша, направленном первому секретарю ЦК КПС, а также секретарям районных и местных партийных организаций, говорилось о сложившейся в стране ситуации, за которой, по словам генсека, могут стоять "антисоциалистические группы во главе с Хартией", программа которых "координируется западными средствами массовой информации". Президиум ЦК КПЧ призывал активизировать идеологическую деятельность "в первую очередь в средствах массовой информации с целью политической изоляции сил, стремящихся к свержению существующего строя". "Враждебные силы", по словам партийного лидера, пытались использовать здания театров "для распространения среди населения своих взглядов, которые противоречат интересам большинства граждан и государства"²³.

Не менее важно, однако, другое: на третий день после разгона манифестации студентов начала более четко определяться позиция "безвластных", приступивших к созданию мощной объединенной и организованной альтернативы "властным". В воскресенье 19 ноября, в 22 часа в Драматическом театре собрались представители чехословацкого оппозиционного движения: "Хартии — 77", "Чехословацкого Хель-

синкского комитета", "Круга независимой интеллигенции", "Движения за гражданскую свободу", "Артфорума", клуба "Возрождение", "Чехословацкой демократической инициативы", "Комитета защиты несправедливо преследуемых", "Независимого объединения за мир", "Открытого диалога", центра Пен-клуба, а также делегаты независимых студентов, входивших в Национальный фронт ЧССР ЧСП и ЧНП; церкви, творческих и других союзов, некоторые бывшие и числившиеся на тот момент в партии коммунисты²⁴. Были представлены и другие демократически мыслящие граждане, несогласные с политическим курсом руководства КПЧ, т.е. по сути конгломерат разнородных сил, которых объединяло и связывало одно — борьба против "режима нормализации". Стремительное развитие событий, по словам И. Сука, "идеологически соединило в едином строю гетерогенные оппозиционные группы"²⁵.

На собрании было принято решение возглавить стихийное движение протеста и придать ему определенную программную ориентацию. Так возник Гражданский форум (ГФ). Очередная в истории чехословацкого оппозиционного движения попытка сплотиться на единой платформе — на этот раз уже после начала "бархатной" революции — оказалась успешной. Что касается единства взглядов, то здесь не все обстояло столь гладко, поскольку различные группировки движения имели свои представления не только о перспективе развития страны, но и относительно методов слома "нормализаторской" государственной машины. Впоследствии это неминуемо привело не только к нарастанию центробежных тенденций, но и к распаду ГФ²⁶.

Поздним вечером 19 ноября ГФ выступил со своим первым "Обращением", за основу которого был взят текст, подготовленный В. Гавелом²⁷, который появился в Праге вечером 18 ноября. ГФ настаивал на немедленной отставке членов Президиума ЦК КПЧ Г. Гусака, М. Якеша, Я. Фойтика, М. Завадила, К. Хоффмана и А. Индры, имена которых связывались с интервенцией в Чехословакию пяти стран Варшавского Договора в августе 1968 г. и на которых возлагалась ответственность за многолетнее опустошение всех сфер общественной жизни в стране, а также на отставке первого секретаря пражского горкома КПЧ М. Штепана и федерального министра внутренних дел Ф. Кинцла, ответственных за жестокую расправу с демонстрантами 17 ноября. В "Обращении" содержались еще два требования: создание

комиссии по расследованию полицейского произвола с включением в ее состав представителей ГФ и освобождение всех узников совести, в том числе задержанных в связи с последними манифестациями.

Вместе с тем ГФ заявил о готовности "немедленно начать переговоры с *государственным* (курсив мой. — Э.З.) руководством о критическом положении в нашей стране, представить актуальные требования общественности и обсуждать способы их реализации"³⁸. Тем самым ГФ решительно провел водораздел между партийным и государственным руководством страны, взяв курс на диалог с представителями не партийной, а государственной власти, одновременно подтверждая наметившуюся ранее в части оппозиционных структур линию на компромиссный сценарий развития дальнейших событий в стране.

Следует подчеркнуть, что "Обращение" ГФ от 19 ноября существенно отличалось от принятых студентами днем ранее в театре "Диск" требований: в нем не фигурировали ни становившиеся все более популярными в обществе требования ликвидации руководящей роли КПЧ, ни призывы к проведению свободных выборов. Нельзя утверждать, что в момент создания ГФ эти вопросы не обсуждались и не вносились предложения о включении этих положений в первое "Обращение" ГФ. Как вспоминал несколько позднее известный диссидент, католический священник В. Малы, в Драматическом театре велась острая дискуссия, в частности о ликвидации руководящей роли КПЧ, а также об отмене или принятии целого ряда законов. "В конце концов, — подытожил он, — победила точка зрения о необходимости выдвижения простых, понятных каждому [человеку] требований, чтобы дать ему конкретное представление о них... Именно поэтому предлагавшиеся [другие] требования в первом обращении не были приняты"²⁹. Об этом же, в апреле 1990 г., напомнил и один из основателей ГФ Я. Румл. По его словам, в Драматическом театре велась дискуссия о содержании первого "Обращения" ГФ. Суть дебатов заключалась в следующем: "Нужно ли обуславливать диалог с государственной властью выполнением этих требований? В конце концов победила более *умеренная* (курсив мой. — Э.З.) часть присутствовавших в Драматическом театре. Принято решение, что именно четыре требования станут предметом переговоров с государственной властью, то есть переговоры не обуславливались их реализацией"³⁰. Я. Румл признавал, что позиции

студентов были "более радикальными нежели позиции Гражданского форума"³¹.

К. Штиндл, делегированный от "Чехословацкой демократической инициативы" для участия в учредительном заседании ГФ, представил на обсуждение ее вышеупомянутое программное "Заявление" от 19 ноября. Однако из-за лимита времени оно доводилось до сведения присутствовавших лишь в общих чертах, и они в итоге единогласно отвергли его как "слишком радикальный путь"³². В. Гавел же, как свидетельствует чешский историк Я. Мехирж, вообще не допустил обсуждения радикального требования немедленной отставки правительства³³.

Тем не менее перспективы политических перемен в первом "Обращении" ГФ, хотя и в предельно сжатом виде, все же обозначались. Они сводились к пожеланию, чтобы "страна начала мирный поиск пути к демократическому общественному устройству, а тем самым и к экономическому процветанию". Каковы будут "одежды" "демократического общественного устройства" — либерального, консервативного, социал-демократического покроя или какого-либо еще, а также, как будет достигаться "экономическое процветание", документ не конкретизировал. Но хотя определений будущего общества как "антисоциалистического", "антитоталитарного" и т.д. текст не содержал, имплицитно вектор обозначенных перемен едва ли мог вызывать какие-либо сомнения: демократизация общества по западным образцам.

"Чехословацкая демократическая инициатива", не встретив на учредительном заседании ГФ поддержки своих взглядов, на следующий день еще раз предложила свою версию выхода из сложившегося в стране кризиса. Это была программа смены власти по бескомпромиссному сценарию: путем безоговорочной отставки правительства и безотлагательного проведения свободных парламентских выборов³⁴. Ее с полным правом можно считать попыткой не отстать от заданного студентами темпа и ритма событий. Представители "Чехословацкой демократической инициативы" предпочитали тактике диалога с правящим режимом, по словам чешского историка М. Отагала, "решающий шаг на пути к взятию власти"³⁵. Большинство же лидеров ГФ проявляло большую осмотрительность. Часть их (представители "Хартии — 77" и др.), как представляется, по-прежнему придерживалась прокламировавшейся ими ранее "неполитической политики".

Словацкая оппозиция отреагировала на пражские события через день. 19 ноября в здании Художественной беседы в Братиславе начался сбор подписей под протестом против подавления демонстрации пражских студентов. В акции приняло участие около 500 чел. Возникло ядро оппозиционной структуры под названием "Общественность против насилия" (ОПН)³⁶. В принятой резолюции, решительно осудившей насилие на пражских улицах, содержались требования (без конкретизации имен) немедленного расследования и наказания виновных, а также "очистки общественной жизни от сталинских элементов и их методов"³⁷. В первом "Заявлении" ОПН от 20 ноября 1989 г. в качестве главных задач нового движения назывались: начало общественного диалога и реальная демократия³⁸. В дальнейшем требования ОПН конкретизировались, и оно поддержало программу ГФ, настаивая на проведении встречи своих представителей, делегатов студентов и других общественных групп с главой словацкого правительства³⁹.

Таким образом, выдвигавшиеся в самой начальной стадии "бархатной" революции требования достаточно рельефно отражали дифференцированность взглядов различных течений чехословацкого оппозиционного движения. Даже с принятием первых программных документов ГФ, как показали дальнейшие события, эти "трещины" в позициях до конца ликвидировать так и не удалось.

В ответ на действия студентов и оппозиции "властные" привели в готовность части Народной милиции, а глава чешского правительства Ф. Питра вечером 19 ноября выступил по телевидению с осуждением последних событий, призвав чехословацких граждан соблюдать порядок и поддержать партийно-государственное руководство страны⁴⁰. Однако его призыв уже не мог быть воспринят хотя бы потому, что в течение этого дня прозвучало несколько десятков заявлений против проводившегося "властными" курса. Питра обещал проведение реформы по совершенствованию существующего строя, но кто уже мог согласиться с предложениями по укреплению "режима нормализации", когда его устои не только латентно, но открыто и явно трещали по всем швам? Ничего нового "властные" предложить не могли, а скорее всего — просто не в состоянии были сделать это. Несмотря на официальное опровержение ЧТК 20 ноября слухов о гибели студента⁴¹, власти убеждались, что пламя "контрреволюции" разгоралось со все большей силой: демонстрации в

Праге и Братиславе не прекращались, охватив в последующие дни Брно (40 тыс. демонстрантов) и Оставу (1500 демонстрантов).

Руководство КПЧ, как говорилось выше, квалифицировало события 17 ноября как выступление антисоциалистических сил. Официальная реакция высших органов государственной власти последовала лишь на третий день после начала "бархатной" революции, получив отражение в документе "О событиях 17 ноября", принятом на чрезвычайном пленарном заседании правительств ЧССР, ЧСР и ССР. В нем отмечалось, что правительства "поддерживают те меры, которые преследуют цель восстановления порядка, защиты имущества и жизни граждан"⁴⁷. Вместе с тем — и это следует подчеркнуть особо — представители высших органов государственной власти впервые официально заявили о возможности диалога с оппозицией. Слово "диалог", на наш взгляд, было не случайным: переговорные процессы полным ходом прошли в других странах региона. Кроме того, из Москвы уже "не веяло холодом" и все громче звучало мобилизующее, а в чем-то и магическое слово — "перестройка". И хотя на нее пока возлагали надежды как "властные", так и "безвластные", становилось очевидно, что трактовки событий в СССР теми и другими все более расходятся.

Первые в "Заявлении" от 20 ноября утверждали: "Перестройка для нас — это значит и диалог. Мы приветствуем все идеи, инициативы и предложения, которые могут разъяснить и ускорить этот сложный процесс. При этом мы однозначно выступаем за политическое решение существующих проблем. Однако эти решения нельзя искать в обстановке истерии и антисоциалистических выступлений, как это произошло в последние дни в Праге". Иными словами, жестокое избиение полицией участников демонстрации властями не осуждалось, а сама демонстрация называлась антисоциалистической. "Нас беспокоят, — говорилось далее, — попытки нарушения порядка, призывы недоверия к деятельности правительства и к социалистическому строю. Такой подход лишь играет на руку противникам перестройки и противоречит истинным интересам государства". Заканчивался документ заверениями, что правительства ЧССР, ЧСР и ССР в соответствии со своими конституционными обязанностями будут активно стоять на страже интересов социалистического общества и законных прав граждан ЧССР⁴³.

20 ноября, положение в стране обсудил и Президиум ЦК КПЧ, который выразил обеспокоенность напряженной обстановкой в Праге, осудил призывы к забастовкам протеста, призвал к возобновлению занятий в вузах и поддержал правительственное "Заявление". Это, как метко заметил Я. Мехирж, явилось своего рода симптомом, поскольку ранее все происходило наоборот: правительства поддерживали партию⁴⁴. ЦК КПЧ традиционно призвал партийные и трудовые коллективы решительно осудить предпринимавшиеся в стране попытки "политического переворота"⁴⁵. Более детально заняться анализом внутривластного положения партийные лидеры намеревались на чрезвычайном пленуме ЦК КПЧ 24–26 ноября⁴⁶, т.е. лишь спустя неделю (!) после событий 17 ноября. Тем самым своего "постоянного запаздывания" партийные власти и в дни разгоравшегося не по дням, а по часам пожара революции преодолеть так и не сумели.

Последняя декада ноября началась общенациональной студенческой забастовкой протеста, поддержанной в первую очередь представителями творческих союзов. Требования пражских студентов и после учреждения ГФ по-прежнему различались по степени радикальности, по существу представляя собой альтернативные сценарии развития революционного процесса. Часть их, как и ранее, отличалась умеренностью, что нашло отражение, в частности, в принятом 20 ноября документе "Призыв ко всем гражданам"⁴⁷. Однако созданный в первые революционные дни "Общепражский координационный забастовочный комитет" занял более радикальную позицию, что отражал "Призыв к соотечественникам". Некоторые из его требований (отставка ведущих представителей "режима нормализации" с указанием конкретных имен) повторяли соответствующие позиции "Обращения" ГФ от 19 ноября, но обнаружили и более радикальные: отмена статьи в Конституции ЧССР о руководящей роли КПЧ⁴⁸.

20 ноября слушатели театрального факультета и кинофакультета Академии музыкальных искусств приняли "Обращение" "Не ждать – действовать!" (призыв из документа "Хартии – 77" от 18 ноября). Оно включало десять требований, в том числе немедленное объявление свободных выборов; ликвидация статьи конституции о руководящей роли КПЧ как "противоречащей принципам демократического государства"; организация всенародной дискуссии о современ-

Забастовка в Праге. 20 ноября 1989 г.

ном положении ЧССР с широким ее освещением в средствах массовой информации; а также призыв ко всеобщей забастовке 27 ноября⁴⁹. Документы свидетельствуют, что именно из студенческой среды исходила инициатива массовых движений протеста и что она являлась резервуаром идей и инициатив политического характера, отпугивавших иногда даже диссидентов.

В стихийной демонстрации против "режима нормализации" на Вацлавской площади в Праге 20 ноября приняли участие более 100 тыс. человек; митинги протеста (не столь многочисленные) состоялись также в Брно, Остраве и Братиславе. Во всех пражских ВУЗах стали создаваться факультетские забастовочные комитеты, координировавшие свою деятельность с помощью находившегося в Академии музыкальных искусств центра. Студенты призывали присоединиться к их требованиям уже не только интеллигенцию, но и рабочих.

Созданный в эти дни Координационный центр ГФ (КЦ ГФ) вечером приступил к подготовке своего первого публичного выступления и принял решение встретиться с Л. Адамецем. Премьер категорично заявил: на переговорах не должен присутствовать Гавел, и это требование оппозиция выпол-

нила⁵⁰. Адамец гарантировал исключение каких-либо силовых акций со стороны официальных органов власти. Он сообщил, что готов к диалогу с представителями оппозиции, но лишь на основе признания социалистической идеи⁵¹. Однако ключевые политические решения глава правительства не мог и не хотел принимать самостоятельно, поскольку они по-прежнему оставались в компетенции не столько кабинета министров, сколько ЦК КПЧ.

Во второй половине дня 21 ноября 1989 г. на Вацлавской площади и прилегающих к ней улицах собралось 200 тыс. чел. С балкона издательства "Мелантрих"* к митингующим впервые публично обратился В. Гавел, назвавший ГФ "временным представителем критически мыслящих граждан". Он проинформировал собравшихся о состоявшейся в первой половине дня встрече делегации ГФ с председателем федерального правительства⁵². Прозвучало заявление, в котором подчеркивалось, что ГФ не политическая партия, а "сообщество, открытое для всех людей доброй воли, которые сознают свою ответственность за позитивное решение критической ситуации в стране", ратующее "за содержательный диалог" и категорически отвергающее "любое насилие"⁵³.

К этому времени акции протеста стали приобретать общегосударственный масштаб: студенческие волнения проходили параллельно в Чехии и Словакии, к ним подключились широкие слои общественности. Аналогичные гавеловскому заявления о неприемлемости насилия в то время громко зазвучали и в Братиславе. В данной обстановке призывы к реальному диалогу уже не могли оставаться пустой декларацией ни той, ни другой стороны, а достаточно жесткая позиция власть предержащих должна была измениться. Но кто мог взять на себя смелость сделать первый шаг, рискуя получить ярлык "соглашателя" (со стороны оппозиции) или "предателя" (со стороны официальных властей)? В день первой встречи федерального премьера с оппозицией свое кредо, выступая по чехословацкому телевидению, уточнил М. Якеш. "Мы, — заявил он, — *приветствуем диалог со всеми, кто поддерживает социализм* (курсив мой. — Э.З.), хотя и критикует неурядицы и недостатки, с которыми мы сталкиваемся... Для нашей страны единственной перспективой

* "Мелантрих" — издательство Чехословацкой социалистической партии, генсек которой Я. Шкода был давним другом В. Гавела.

является социалистический путь развития, мы обязаны защищать завоеванные в минувших битвах и самоотверженным трудом целых поколений ценности социализма, развивать и обогащать их в новых условиях, которые ставят перед нами все новые и новые задачи"⁵⁴.

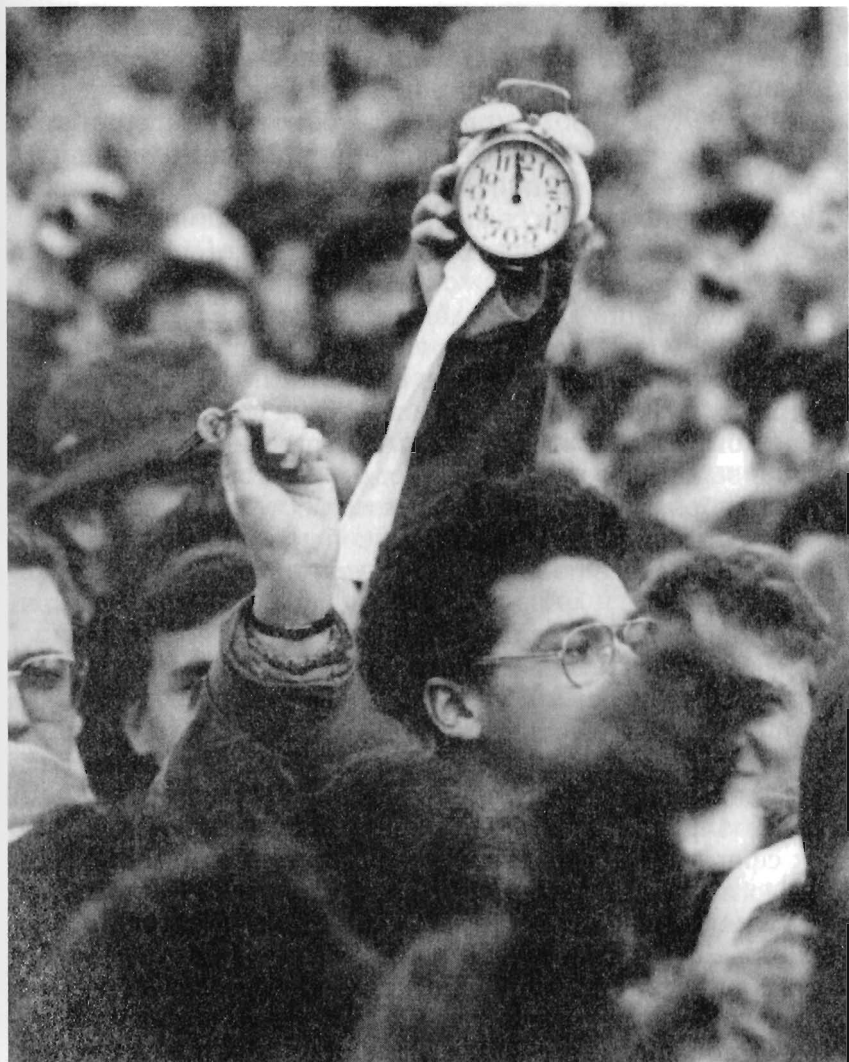
Этот день примечателен еще и тем, что "Координационный забастовочный комитет пражских вузов" обратился с *Воззванием* ко всем правительствам мира и ООН с просьбой о поддержке и помощи всеми дипломатическими средствами, которыми они располагают. "Воззвание" было передано в Посольства США и СССР⁵⁵. Апелляции к мировому сообществу, хотя и несколько иного плана, содержались также в письмах ГФ, направленных 21 ноября Дж. Бушу и М. Горбачеву⁵⁶.

Прямые контакты лидеры ГФ установили с прибывшим в этот день в Прагу представителем Координационного комитета ОПН (КК ОПН) П. Заяцем*. Гавел встретился с ним и записал на магнитофоне свое "Обращение" к словацкому народу⁵⁷.

Переговоры Адамеца с представителями оппозиции рельефно отразили беспомощность партийного руководства в целом. За несколько дней до предполагаемого чрезвычайного пленума ЦК КПЧ, выяснилось, что ситуация стремительно выходит из-под контроля коммунистов, а демонстрации и забастовки переходят в бурно разрастающиеся очаги гражданского неповиновения.

Спустя пять дней после начала "бархатной" революции на Вацлавской площади снова выступил Гавел, который на этот раз более жестко и адресно заявил: "Мне кажется, что после двадцатилетия безвременья в нашу страну возвращается история. Мы должны за это поблагодарить — и это не первый раз в нашей истории — свободомыслящих студентов и всех молодых людей, которым принадлежит будущее этой страны... Гражданский форум в данный момент становится реальным представителем *критически мыслящей чехословацкой общественности* (курсив мой. — Э.З.), который начинает серьезно восприниматься и нынешней государственной властью". В ближайшие часы, как подчеркнул он в конце речи, ГФ попытается составить единый список всех прозвучавших требований, и все, кто стремится к демократии, наконец-то смогут влиять на судьбы Чехословакии⁵⁸.

* В переговорах 21 и 26 ноября ОПН участия не принимала.

Демонстрация 25 ноября 1989 г. в Братиславе

Вслед за этим 22 ноября произошли массовые выступления не только в Чехии, но и 100-тысячная демонстрация в Братиславе, на которой было принято "Обращение граждан к председателю правительства ССР". В числе требований значились: переоценка событий 1968 – 1969 гг.; проведение дискуссии о вторжении войск в Чехословакию в августе 1968 г.; освобождение политзаключенных; принятие закона

о собраниях и объединениях; реформирование избирательной системы на демократических принципах; гарантирование законом участия граждан и организаций в выдвижении кандидатов и контроля за ходом выборов; обеспечение доступа к прессе, радио и телевидению. Выдвигалось также требование немедленной отставки всех находившихся на высоких постах, тесно связанных со сталинизмом и неосталинизмом политиков, ответственных за стагнацию, репрессии и упадок общества⁵⁹.

На следующий день на демонстрации в Братиславе выступил А. Дубчек, который от имени бывших членов партии, исключенных из ее рядов ЦК КПЧ, поддержал многие гражданские инициативы "в интересах диалога, который привел бы наш народ к выходу из нынешней стагнации"⁶⁰. Дубчек заявил также о своей поддержке требований ОПН от 22 ноября 1989 г. Демонстрации состоялись и в других городах Словакии, но в целом и события, и программы, и инициативы здесь пока что "на полшага" отставали от таких в Чехии.

23 ноября ГФ обнародовал два документа: "Обращение" о характере и целях движения, представленное В. Гавелом собравшимся на Вацлавской площади манифестантам, и "Заявление" о политических требованиях. В первом из них провозглашалась готовность "немедленно обеспечить диалог общественности с сегодняшней властью". Кроме того, ГФ заявил, что располагает "квалифицированными силами во всех сферах общественной жизни, способными вести свободную и предметную дискуссию о реальных путях преобразования политических и экономических отношений в нашей стране". Здесь впервые после 17 ноября прозвучали слова о желании "жить в свободной, демократической и процветающей Чехословакии, которая должна вернуться в Европу", и говорилось: "от этого идеала мы никогда не откажемся, что бы ни происходило в последующие дни"⁶¹. Обращают на себя внимание во-первых, стремление ГФ обрисовать более широкий круг (помимо политических) проблем, нуждавшихся в решении; во-вторых, попытка обозначить будущую внешнеполитическую ориентацию государства.

В "Заявлении" о политических требованиях ГФ настаивал на "немедленном уходе в отставку" со своих постов членов президиума ЦК КПЧ, непосредственно связанных с подготовкой интервенции пяти стран Варшавского договора в 1968 году и несущих ответственность "за многолетнее разру-

шение всех сфер общественной жизни", а также политиков, несущих прямую ответственность за эскалацию социального напряжения в последнее время и за серию репрессивных акций против мирных демонстраций граждан, вылившихся в трагическую расправу над участниками манифестации 17 ноября⁶². Не может не обратить на себя внимание значительное расширение перечня — по сравнению с "Обращением" ГФ от 19 ноября — тех лиц, которые должны уйти с занимаемых постов. Однако положение об отмене руководящей роли КПЧ отсутствовало.

23 ноября состоялась первая пресс-конференция "Координационного забастовочного комитета студентов вузов", на которой подчеркивалось, что демонстрация 17 ноября переросла во всенародное движение. "Этот отклик обязывает нас, — заявили студенты, — не только наказать виновных в подавлении [демонстрации] в пятницу, но и свидетельствует в первую очередь о необходимости проведения глубоких структурных преобразований политической системы, [изменения] методов управления народным хозяйством и [оздоровления] общественного климата в целом в интересах обновления нравственной и гражданской ответственности каждого". Комитет потребовал также отменить статью Конституции ЧССР о руководящей роли КПЧ⁶³. Сопоставление требований, выдвинутых ГФ и студентами в один и тот же день, показывает, что часть студенчества, формулировавшая свои программы в радикальном ключе, продолжала "подтягивать" ГФ к настроениям и требованиям "улицы".

Ответ "властных" не заставил себя ждать. 23 ноября в генштабе Чехословацкой народной армии завершилась подготовка к возможному применению военной силы против оппозиционных центров и демонстрантов. Министр национальной обороны Вацлавик дал ряд указаний, касавшихся готовности соответствующих воинских частей. В заявлениях командования говорилось: "Вместе с рабочими, крестьянами мы готовы защищать и защитим социализм"⁶⁴. Однако без приказа государственно-политического руководства Чехословакии армия не готова была предпринимать какие-либо действия. В четверг призыв к опоре на военную силу еще имел шансы воплотиться в жизнь.

В этот же день на экстренном заседании правительства ЧССР было принято решение незамедлительно признать право граждан на митинги и собрания, которое, впрочем, уже в полной мере реализовывалось фактически. Перед зда-

нием Чехословацкого телевидения прошла многотысячная демонстрация с требованием объективного отражения происходивших в стране событий, тем самым ставилась задача отвоевать право и на свободу информации. Впервые за весь социалистический период открыто звучали массовые требования наполнить провозглашенные Конституцией ЧССР права и свободы граждан реальным содержанием.

События четверга завершились чрезвычайным заседанием пражского городского комитета КПЧ, на котором наконец-то было принято решение о необходимости кадровых изменений в партийном руководстве и принятия "Программы действий" партии до ее XVIII съезда. Однако в целом ЦК КПЧ продолжал терять контроль над стремительно развивавшимися событиями. Предпринимавшиеся партийной верхушкой шаги, как и в самые первые дни революции, отличались непоследовательностью: вызов формирований Народной милиции в Прагу, а затем их отзыв; попытка активизации армии, а в дальнейшем заверения ее командования в единстве действий с вышедшим на улицы народом⁶⁵ и др. Но реальные сдвиги в направлении единства КПЧ и народа вряд ли были возможны, и соответствующие призывы ее верхов носили чисто декларативный характер, что и продемонстрировал следующий день. Пятница стала свидетельством острейшего противостояния "властных" и "безвластных".

24 ноября: переломный день

Проходившие в течение недели события показали, что для "властных" альтернативы отступлению уже не было. На чрезвычайном пленуме ЦК КПЧ 24 ноября с докладом выступил генсек М. Якеш, не скрывавший, что происходившие в стране события "застали врасплох" партийных лидеров. "Внутренние враги социалистической Чехословакии, — заявил он, — перешли к фронтальному наступлению для достижения своих целей". Кроме того, продолжал Якеш, партия недооценила также влияние процессов в Польше, Венгрии и особенно в Германской Демократической Республике⁶⁶. В целом лидер коммунистов построил доклад на уровне трактовок конца 60-х, но никак не конца 80-х годов XX века. Инерция "нормализации" оказалась непреодолимой даже перед угрозой вытеснения партии с властных позиций, которое уже не только намечалось, но и реально осуществлялось в ряде других стран региона⁶⁷.

Однако не признавать целого ряда реалий уже было невозможно. Поэтому в постановлении чрезвычайного пленума действия полиции против демонстрантов назывались "политической ошибкой", а шестой пункт его резолюции гласил: "Рекомендуем провести *реконструкцию* (курсив мой. — Э.З.) правительств ЧССР, ЧСР и ССР на платформе более широкого участия представителей других политических партий и беспартийных; сформировать в рамках Национального фронта равноправное объединение политических партий и влиятельных общественных организаций и поручить им подготовку демократических выборов в национальные комитеты и представительные органы"⁶⁸. Именно в этом документе впервые прозвучал термин "реконструкция", который впоследствии будет предложен Адамецем на переговорах с представителями оппозиции в качестве основы компромиссной концепции формирования трех правительств: федерального и двух республиканских (чешского и словацкого).

Пленум фактически продемонстрировал беспомощность партаппарата гибко и оперативно решать возникшие (отнюдь не неожиданно и не на пустом месте) острейшие общественно-политические проблемы. Оценивая достаточно реалистически сложившуюся в стране ситуацию, партийные лидеры по-прежнему не видели адекватных путей и решений выхода из нее. В итоге президиум ЦК КПЧ объявил о своем уходе в отставку в полном составе, новым генеральным секретарем партии был избран К. Урбанек. Тем не менее в новом составе Президиума оставались Й. Ленарт, М. Штепан, М. Завадил и Я. Фойтик, т.е. именно те одиозные фигуры, на немедленной отставке которых как раз и настаивала оппозиция. Другие кадровые перестановки кардинально ситуацию не решали и решить уже не могли, тем более, что пленум оставил в силе главную идеологическую основу "режима нормализации" — "Уроки кризисного развития...". В этот же день Адамец отказался войти в состав нового президиума ЦК КПЧ и ушел в отставку. Партийное руководство приняло на пленуме решение провести 26 января 1990 г. чрезвычайный съезд КПЧ, но теперь уже вряд ли кто мог гарантировать, что это будет съезд партии "властных".

Во второй половине дня на Вацлавской площади состоялась 300-тысячная демонстрация, на которой выступили А. Дубчек, В. Гавел, И. Ганзелка, И. Гамел, В. Чаславска. «Эта

демонстрация, — сказал Дубчек с балкона "Мелантриха", — и сегодня является символом современного демократического возрождения единой, неделимой родины наших народов — Чехословакии». Далее он говорил о "безоговорочном и не терпящем отлагательства" разрыве с политикой "режима нормализации" и его представителями⁶⁹. Выступление Дубчека сопровождалось бурными овациями и скандированием: "Дубчек!", "Свободу!", "Дубчек на Град!".

В. Гавел, выступивший после А. Дубчека, напрямую обратился к Адамецу с призывом отреагировать на "настоятельную просьбу" назвать точную дату переговоров "об актуальных требованиях общественности"⁷⁰. Оратор далее подчеркнул: "Диалог сегодня предлагает Гражданский форум, который хотя и существует всего лишь пять дней, но фактически представляет *всех граждан* (курсив мой. — Э.З.) этой страны". За краткий срок в трактовке вопроса о том, кого он представляет, ГФ прошел дистанцию огромного размера: от "критически мыслящих" до "всех" граждан государства. В его речи появились и другие новые акценты: "*Вы требуете*"⁷¹ (курсив мой. — Э.З.) проведения свободных выборов, ликвидации руководящей роли одной партии, ликвидации Национального фронта как манипуляционного инструмента этой партии. Заверяем вас, что как только начнется мирный диалог, мы с правительством будем обсуждать все эти пожелания граждан"⁷². Таким образом, Гавел впервые перечислил те требования, о которых ГФ до сих пор избегал говорить открыто, во всяком случае в своих официальных документах, представив их, впрочем, в очередной раз не в качестве своих, а как требования манифестантов. Однако эти подвижки в позиции ГФ все же давали основания утверждать, что до официального их провозглашения оставался всего лишь один шаг, и что позиция ГФ, наконец, сомкнется с теми требованиями, которые высказывали студенты неделю назад. ГФ предстояло откорректировать, привести в соответствие с требованиями общества свои собственные представления и концепции, связывавшиеся до того с линией на компромиссный вариант развития событий. И проведенный пленум коммунистов явился одним из факторов, ускоривших соответствующую эволюцию. 24 ноября можно и в этом плане считать переломным днем.

Однако, на наш взгляд, он явился переломным и по другой причине. Поздно вечером 24 ноября ГФ представил "Проект тезисов программы ГФ", который с полным правом

можно считать первой попыткой привести свои требования в соответствие с популярными в обществе лозунгами. "Проект", как представляется, — важнейший и значительный шаг вперед по сравнению с предыдущими заявлениями ГФ. В нем впервые появилось положение о недостаточности ограничения требований отставкой наиболее скомпрометировавших себя лиц, а также сменой фигур на правящих постах. Ставилась задача проведения "принципиальных, последовательных и долгосрочных преобразований политической и экономической системы чехословацкого общества"⁷³. Далее речь шла о создании такого климата в стране, который "предоставит всем существующим политическим партиям и вновь появляющимся политическим структурам равные условия в подготовке и проведении свободных выборов с независимыми списками кандидатов. Бесспорным условием является отказ КПЧ от закрепленной в конституции руководящей роли в нашем обществе и от монополии на все средства массовой информации".

В "Проекте тезисов" следует выделить также следующий пассаж: "Мы считаем необходимой поддержку в народном хозяйстве активности и творчества самых широких слоев населения посредством быстрого развития рыночной экономики при одновременной демонополизации нашей экономики и принципиальном повышении ответственности государственных органов за регулирование экономических процессов там, где рыночные механизмы либо вообще не функционируют, либо действуют только частично, напр[имер], в сфере здравоохранения и социального обеспечения, науки, образования, культуры и охраны окружающей среды. Ключевой проблемой является переоценка в обществе отношений собственности". Наконец, к числу одной из важных задач отнесено стремление Чехословакии снова занять почетное место в Европе и мире. Выход ЧССР из СЭВ и ОВД не предполагался. Однако в тезисах содержалось обращение к странам Варшавского договора осудить вооруженную интервенцию в ЧССР в августе 1968 г.⁷⁴

Таким образом, налицо первая попытка обозначить три доминанты жизнедеятельности общества — политическую, экономическую и внешнеполитическую — и пока еще лишь контурно определить и наметить тенденции их будущего развития. Тем не менее это уже достаточно серьезная заявка ГФ на статус "властных" и стремление наметить векторы грядущих перемен. Однако, и это надо подчеркнуть, заявка,

в значительной степени пронизанная все тем же духом компромисса.

Требования студенческого движения в Словакии демонстрировали сходство с программными установками пражских студентов. Так, в "Политической программе" Координационного комитета словацких вузов (КК СВ) от 24 ноября констатировалось: "[День] 17 ноября является не причиной, а кульминацией общественного кризиса, углублявшегося в результате стагнации прогрессивного развития в течение последних 20 лет". Конкретные требования комитета тоже сводились к ликвидации конституционно закрепленной руководящей роли КПЧ; совместным переговорам компетентных представителей правительства, Коммунистической партии, координационных комитетов словацких вузов и ОПН; гарантии свободных выборов органов управления всех уровней⁷⁵.

Принятое на следующий день совместное "Заявление" ОПН и КК словацких вузов значительно расширяло программу борьбы против "режима нормализации". В нем содержались такие требования, как проведение свободных выборов в Словацкий национальный совет (СНС), в котором должны быть представлены все составные части общества; гарантия свободы предпринимательства, собраний, объединений, передвижения и других гражданских прав и свобод; ликвидация закрепленной в Конституции руководящей роли КПЧ и изменение данной части конституции; равноправие всех форм собственности и др.⁷⁶

Таким образом, ОПН и представители студенчества давали партийной верхушке понять, какой именно вектор развития событий ими намечается. Следует подчеркнуть, что документ выходил за рамки сугубо политических проблем; в нем впервые зафиксированы — хотя лишь в постановочном ключе — вопросы, касавшиеся экономической сферы и проблем государственно-правового урегулирования. В отличие от ГФ, ОПН в ряду приоритетов официально ставила ликвидацию руководящей роли компартии в обществе, тем самым опережая "на полшага" начинания ГФ или, по меньшей мере, как справедливо утверждает чешский историк В. Пречан, "не отстает от них"⁷⁷.

В субботу, 25 ноября, освобожденный из заключения Я. Чарногурский, прибыл в Прагу для координации действий словацкой и чешской оппозиции. Этот день в Праге стал временем широкомасштабных манифестаций. Он показал,

что проведенные кадровые перестановки совершенно не удовлетворили представителей оппозиции; ГФ становилась все более радикальной.

Рано утром 25 ноября ГФ выступил с "Обращением", в котором, в частности, говорилось: "Хотя некоторые из наиболее скомпрометированных лиц, безоговорочной отставки которых мы требовали, были смещены, мы глубоко обеспокоены новым персональным составом высших партийных органов"⁷⁸. ГФ призвал усилить давление на правящие круги, и этот призыв получил массовый отклик манифестантов, собравшихся на Летенской площади днем.

Что касается субботнего предложения министра обороны Вацлавика опереться на армию, то оно не встретило поддержки руководства КПЧ, которое уже практически ничего не могло изменить. Политбюро декларировало, что кризисное состояние будет решаться "политическими средствами". Однако в его составе все еще оставался ряд скомпрометировавших себя лиц, абсолютно неприемлемых для широкой общественности.

Адамец, отказавшийся на пленуме ЦК КПЧ 24 ноября от поста в руководстве партии в знак протеста против медленных темпов перестройки, в первую очередь в политической сфере, оказался одним из немногих представителей "властных", осознавших необходимость действовать по-новому. Под аккомпанемент массовых демонстраций 25 ноября он провел экстренное заседание федерального правительства, на котором власти впервые открыто отреагировали на требования оппозиции. В правительственном коммюнике содержались призывы к президенту Гусаку освободить всех политзаключенных; ввести в состав федерального правительства представителей других партий НФ ЧССР, а также беспартийных; обязать министра внутренних дел освободить от занимаемых постов на период проведения расследования тех, кто отдавал приказ о разгоне демонстрантов полицией 17 ноября. Кроме этого федеральное правительство назначило своих представителей для переговоров со студентами и взяло на себя обязательство в ближайшее время выработать законы о праве на собрания, митинги и петиционные акции⁷⁹.

И все же звучащие в поддержку диалога голоса были почти не слышны в стройном шуме митинга на Летенской площади, который впервые передавался чехословацким телевидением в прямой трансляции. Он начался в 2 часа дня и

собрал, по некоторым оценкам, 800 тыс. чел.⁸⁰ Выступивший на нем Гавел от имени ГФ выразил решительный протест против нового состава высшего руководства КПЧ. Заявив, что единственным, готовым к переговорам с представителями ГФ, является Адамец. Гавел обратился к нему публично с конкретным предложением приступить к диалогу, альтернативы которому уже просто не существовало. Гавел призвал к проведению двухчасовой всеобщей забастовки как неформального референдума по вопросу о руководящей роли КПЧ. Выступивший следом А. Дубчек подчеркнул, что сложившееся в стране положение — результат насильственной политики "режима нормализации" и призвал ЦК КПЧ дистанцироваться от военной интервенции 1968 года и от "Уроков кризисного развития..."⁸¹.

Вечером того же дня чехословацкое телевидение стало полем битвы идей о будущем страны. Сначала оно вело прямую трансляцию с заседания общепражского актива низовых организаций КПЧ, участники которого настаивали на проведении дальнейших кадровых перестановок и изменении в руководстве партии с целью усиления ее дееспособности и восстановления авторитета КПЧ. Выступил на телевидении и новый генсек ЦК КПЧ К. Урбанек. Заявив, что страна оказалась на "историческом перекрестке", он остановился на просчетах прежнего партийного руководства, а в качестве альтернативы предложил ориентацию на "социализм без ошибок". "Я, — подчеркнул генсек, — буду вести переговоры со всеми, кто в рамках Национального фронта и вне его может поделиться с нами опытом, помочь советом и проявит волю к сотрудничеству, в том числе и с теми, кто после 1968 года вышел из рядов партии или вынужден был покинуть ее"⁸². Таким образом, лидер КПЧ сделал шаг навстречу не только партийным "изгоям" — коммунистам-реформаторам 1968 года, которые вплоть до самого последнего момента подвергались "режимом нормализации" преследованиям, но и другим представителям чехословацкой оппозиции. Тем самым был представлен абрис политики пришедшей к власти новой генерации коммунистов, не отягощенной драматическим наследием прошлого. Но им уже не верили массы.

Вечером на субботнем телеэкране также появился одетый в "демократические" джинсы и черную кожаную куртку Адамец. Он говорил о реформаторских планах правительства, о намерении вести переговоры с оппозицией, о полити-

ческих преобразованиях в стране. Выступление председателя федерального правительства, "одного из главных актеров ноябрьской драмы" свидетельствовало, что власть стала перемещаться из находившегося в состоянии анабиоза ЦК КПЧ в канцелярию Л. Адамеца, куда переносился и груз нерешенных проблем.

Следует еще раз подчеркнуть, что митинг на Летне стал важнейшим событием дня и одновременно ключевым актом начальной декады "бархатной" революции, фактически завершившим ее первый период.

С площадей за столы переговоров

День 26 ноября 1989 г. — преддверие объявленной двухчасовой всеобщей забастовки — положил начало серии переговоров между "властными" и "безвластными". Первые правила уже не в полной мере, вторые же еще не были готовы взять власть, хотя улица требовала от них немедленных действий и ждала их. Этот день можно считать началом нового периода "бархатной" революции, когда ее главными действующими силами становились не массы на улицах и прятавшиеся в своих кабинетах партаппаратчики, а лидеры организованной (хотя не окончательно) оппозиции, в первую очередь ГФ и ОПН.

В целом в период с 26 ноября по 9 декабря состоялось 9 серий переговоров представителей государственной власти с делегациями ГФ и ОПН*⁸³. Они начинались, как уже говорилось, до проведения планировавшейся оппозицией всеобщей забастовки. В "Заявлении" ГФ от 25 ноября подчеркивалось, что именно она должна дать ответ, "хотим мы или не хотим, чтобы нас продолжали унижать, чтобы и дальше эту страну притесняли представители одной политической партии, которая навечно присвоила себе руководящую роль"⁸⁴. Как показали последующие события, именно после всеобщей забастовки и произошел окончательный перелом: страна единодушно отвергла власть КПЧ, хотя относительно будущего Чехословакии у оппозиционных сил четких и со-

* В. Ганзел начал отсчет серии переговоров с 26 ноября, в которых впервые принял участие В. Гавел; состоявшаяся 21 ноября официальная встреча представителей "властных" и "безвластных" — фактически она была первой — названа Ганзелом "нулевой". Мы будем придерживаться нумерации, предложенной Ганзелом.

гласованных представлений все еще не сложилось. Это не могло не отразиться на дальнейшем предельно жестком противостоянии "властных" и "безвластных" в борьбе за власть, а конкретно — в ходе формирования ее высших исполнительных органов — федерального, чешского и словацкого правительств⁸⁵.

26 ноября в 11 часов в Общественном доме начались *первые* официальные переговоры делегаций правительства ЧССР и НФ ЧССР, которую возглавил Л. Адамец, и ГФ во главе с В. Гавелом. Всего во встрече участвовало 27 человек, но представителей ОПН и КПС среди них не было⁸⁶. Адамец высказал свои опасения в связи с предстоящей всеобщей забастовкой, которая, на его взгляд, могла нанести значительный ущерб экономике страны, и выразил пожелание придать ей "политический демонстрационный характер". Гавел предъявил четыре основные требования ГФ: отставка скомпрометировавших себя лиц с различными сроками ее реализации (немедленная отставка М. Штепана; министра внутренних дел Ф. Кинцла, а также председателя ФС ЧССР А. Индры и отставка до конца года президента Г. Гусака); создание парламентской комиссии по расследованию событий 17 ноября; освобождение политзаключенных; реализация права на свободу печати и информации.

Адамец принял все требования оппозиции, за исключением одного — отставка до конца 1989 г. президента Г. Гусака, ссылаясь при этом на закон и необходимость руководствоваться "правовым подходом"⁸⁷. Вопросы подобного рода, как он настоятельно утверждал, не решают лично он или правительство, они находятся исключительно в компетенции высшего органа законодательной власти страны — ФС ЧССР. Позицию Адамеца фактически поддержал участник переговоров председатель ЧСП Б. Кучера, хотя и с совершенно иной мотивацией⁸⁸. Было принято решение продолжить встречу во вторник 28 ноября, т.е. на следующий после всеобщей забастовки день.

Переговоры происходили на фоне массовых демонстраций в Праге, Братиславе и других городах. Выступление Адамеца во второй половине дня 26 ноября на продолжавшейся на Летенской площади манифестации закончилось крахом из-за высказанного им сомнения в необходимости проведения двухчасовой всеобщей забастовки и из-за утверждения, что решение ключевых проблем по-прежнему находится в компетенции ФС ЧССР и ЦК КПЧ. Около 500 тыс. чело-

век — более чем на треть меньше, чем в предыдущий день — прерывали выступление Адамеца громким свистом. Гавел же проинформировал присутствующих о начале диалога с властью и тем самым как бы "защитил" Адамеца.

Накануне всеобщей забастовки, вечером 26 ноября состоялся еще один внеочередной пленум ЦК КПЧ, отправивший в отставку Й. Ленарта, М. Штепана, М. Завадила, Й. Гамана, В. Германа, О. Шалинга и Я. Фойтика. ЦК КПЧ подтвердил свою готовность созвать чрезвычайный съезд партии на 26 января 1990 г. со следующей повесткой дня: 1) актуальное положение и задачи КПЧ до XVIII съезда партии; 2) принятие программы действий "За ускорение перестройки, развитие демократии и социализма"; 3) выборы ЦК КПЧ и центральной контрольной и ревизионной комиссии КПЧ⁸⁹. В резко менявшейся обстановке коммунисты по-прежнему действовали, следуя в течение десятилетий отлаженным ритуальным схемам. Хотя уже тогда было ясно, что основные сражения будут проходить не в кабинетах партфункционеров, а в высших органах исполнительной и законодательной власти ЧССР, ЧСР и ССР. Не спасало положение и обращение к магическому слову "перестройка" как одному из ключевых в новых установках коммунистов.

В ином по сравнению с коммунистическим, можно сказать, полярном ключе, выстраивались принятые 26 ноября два программных документа ГФ и ОПН. Программа ГФ "Чего мы хотим" — первый развернутый документ оппозиции, в преамбуле и семи разделах которого представлены практически все основные направления реформирования чехословацкого общества. Она существенно расширяла круг требований, являя собой по сути концепцию будущих трансформаций и открыто предлагая их совершенно новый идеологический вектор.

В первом разделе "Программы" "Право" значилось: "Чехословацкая республика должна быть правовым, демократическим государством в духе традиций чехословацкой государственности и в духе действующих международных принципов, отраженных в первую очередь во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о правах человека и гражданина". ГФ впервые официально потребовал ликвидации руководящей роли КПЧ и проведения свободных выборов⁹⁰. "Все существующие, — говорилось в документе, — и вновь возникающие политические партии и другие политические и общественные объедине-

ния должны поэтому иметь равные условия участия в *свободных выборах* (курсив мой. — Э.З.) во все представительные органы"⁹¹. Следует подчеркнуть, что днем раньше такую направленность поддержали ОПН, а вслед за пражскими и словацкие студенты.

Раздел о внешней политике подтверждал решимость "занять достойное место в Европе и мире". Вместе с тем в "Программе" явно прослеживалось смещение акцентов в соотношении западного и восточного векторов внешнеполитической ориентации чехословацкого государства в пользу первого, стремление "подчинить идеям европейского дома нашу политику в отношении партнеров по Варшавскому договору и СЭВ".

В "Программе" представлено видение ГФ будущего экономического развития страны: "Мы хотим создать развитой, недеформированный бюрократическим вмешательством рынок. Его успешное функционирование обусловлено ликвидацией монопольного положения современных крупных предприятий и созданием реальной конкуренции. Она может возникнуть лишь на основе параллельного равноправного существования различных форм собственности и постепенной открытости нашей экономики всему миру"⁹². Сходных принципов в сфере экономики, в частности равноправия всех форм собственности, придерживалась и ОПН⁹³.

Вместе с тем, включив в свои программы положение о свободных выборах, ГФ и ОПН демонстрировали различные подходы к их проведению. ГФ ограничился констатацией о проведении свободных выборов в контексте равных условий участия в них всех политических сил; ОПН же настаивала на их "незамедлительном" проведении. В целом же заявления и ГФ, и ОПН отличались от принятых 19 ноября документов большей решительностью, смелостью и конкретностью формулировок.

Повсеместно раздававшиеся в эти дни решительные требования заставили и ГФ конкретизировать дату проведения свободных парламентских выборов. Первая попытка ее определения была предпринята В. Гавелом на его совместной с А. Дубчеком пресс-конференции все того же 26 ноября, а именно — через год, т.е. лишь в ноябре 1990 г. Данная установка, как представляется, вполне укладывалась в рамки отстаивавшейся ГФ в первые революционные дни эволюционной концепции трансформации чехословацкого общества, унаследованной от доноябрьских времен.

Главным событием 27 ноября — первого рабочего дня следующей недели — стала всеобщая двухчасовая забастовка, которую поддержало подавляющее большинство граждан и организаций страны. ГФ и ОПН назвали ее еще одним "неформальным референдумом" — вслед за митингом на Летне — о руководящей роли компартии в обществе. В забастовке доминировали лозунги: "Конец власти одной партии!" и "За свободные выборы!". В 16 часов на Вацлавской площади началась манифестация, на которой ГФ объявил о завершении серии ежедневных демонстраций и переходе к этапу политического диалога с представителями государственной власти, к чему ГФ призывал в течение всей предшествующей недели.

В канун переговоров в документе "Позиция ГФ относительно политического положения после всеобщей забастовки" лидеры движения еще раз подчеркнули: главная их цель — формирование политического плюрализма и проведение свободных выборов. "Мы, — говорилось в нем, — спросим завтра председателя правительства, готов ли он лично принципиально изменить программу и состав правительства и принять требования ГФ. Эти требования мы подготовили. В случае положительного решения вопроса мы будем с ним вести переговоры, представив свои требования и предложения. Его ответ определит наши дальнейшие действия. Если же премьер-министр не примет решения такого рода, мы будем требовать отставки правительства"⁹⁴. Таким образом, здесь прозвучали ключевые для революционной ситуации тех дней слова — "отставка правительства". Позиция ГФ являла собой уже своего рода определенную комбинацию компромиссной и бескомпромиссной моделей решения вопроса о государственной власти в стране, которая, как покажут дальнейшие события, будет неумолимо эволюционировать в сторону бескомпромиссного его варианта. "Неполитическая политика" тем самым постепенно становилась достоянием не столь отдаленного прошлого.

На следующий день после забастовки, 28 ноября, состоялись *вторые переговоры* делегаций ЦК НФ ЧССР и правительства ЧССР, с одной стороны, и делегаций ГФ во главе с Гавелом и впервые принявшей участие в переговорах ОПН, которую представлял Я. Чарногурский, — с другой. Оппозиция, как и обещала, предъявила федеральному премьеру пакет требований. Успешно прошедшая накануне забастовка и прозвучавшие в ее ходе требования придали решительность

Всеобщая забастовка 27 ноября 1989 г. в Праге

действиям оппозиции, значительно радикализовав позиции ГФ и ОПН на переговорах с Л. Адамецем. Они потребовали немедленной, в тот же день, 28 ноября, отставки федерального кабинета министров.

Открывая переговоры, Адамец отметил, что все предъявленные ему оппозицией на первой встрече (26 ноября) требования выполнены, и он "не является должником". Гавел же предлагал идти дальше и в развитие предыдущих договоренностей представил пакет принципиально новых требований, мотивируя это изменившейся в стране после всеобщей забастовки ситуацией. "Ситуация, — сказал Гавел, — серьезная и она, безусловно, уже иная, чем тогда, когда мы вместе встречались в последний раз, то есть позавчера". Представитель оппозиции, выходец из рабочих П. Миллер еще более определенно говорил об "ускорившемся ходе событий", заявив: "...*Положение обязывает* (курсив мой. — Э.З.), чтобы мы, уважаемый господин премьер, настаивали, в первую очередь на вашей отставке;... мы хотим, чтобы это произошло сегодня". "Положение обязывало" и Гавела предложить Адамецу измененный и откорректированный в сторону форсирования сценарий развития событий — немедленная (т.е. 28 ноября) отставка федерального кабинета⁹⁵. Гавел настаивал также, чтобы к "завтрашнему дню", т.е. уже 29 ноября, ФС ЧССР отменило три параграфа Конституции, отправило в отставку своего председателя Индру и избрало нового главу федерального парламента, но в последнем случае конкретные сроки не предлагались. Представители оппозиции потребовали, чтобы Адамец представил общественности "новое правительство" уже к 1 декабря (вместо согласованной ранее даты 3 декабря).

Глава федерального кабинета министров согласился на все, за исключением форсированной отставки правительства. Ультимативный тон, который расценивался Адамецем как неуместное давление, представители ГФ и ОПН сменили в ходе переговоров на конструктивный и пошли на компромисс: вместо "отставки" принять предложенный Адамецем вариант "реконструкции" правительства.

На предложение Адамеца назвать кандидатуры от ГФ в состав правительства оппозиция ответила отказом. Принимать участие в его формировании она не намеревалась, не выказывая в то же время и стремления получить всю полноту власти. Как оценить данный шаг? Некоторые считают, что лидеры ГФ по тактическим соображениям воздержива-

лись от вхождения в состав нового кабинета, не желая брать на себя ответственность за сложившееся в стране кризисное положение. Другие трактуют это так, что ГФ принципиально не ставил перед собой такую задачу, по-прежнему ориентируясь на "неполитическую политику". Третьи полагают, что ГФ и не должен был входить в правительство, а лишь стоять над ним и жестко его контролировать. Есть основания утверждать, что в каждой из этих версий есть доля истины. Но к ним, как представляется, можно добавить еще одну: чехословацкая оппозиция не сформировала контрэлиты (как, например, "Солидарность" в Польше или часть коммунистов-реформаторов в Венгрии), а ее представители — за редкими исключениями — были малокомпетентны в делах государственного управления, хотя в ее ряды входили высокопрофессиональные экономисты — Комарек, Клаус, Длоуги, Земан и др.

Однако лавинообразное развитие событий, радикализация масс и их максимализм вынуждали лидеров ГФ действовать вразрез со своими собственными первоначальными установками и программами. Вот почему еще не успели просохнуть чернила на протоколах предварительных переговоров, как на повестку дня был поставлен вопрос об уходе Адамеца со своего поста. Прошедшая забастовка, в ходе которой, собственно, и раздавались решительные требования немедленной отставки правительства, привела к резкому изменению тональности переговоров. Гавел еще раз напомнил, что общественность ждет реальных сроков разного рода отставок. «Если бы мы вам об этом не сказали, — подчеркнул он, — и договорились об ином, это явилось бы свидетельством утраты Гражданским форумом кредита [доверия] общественности, которая тогда заявит, "они, самозванцы, там наверху пошли на сговор с правительством", она сметет Гражданский форум, и начнется абсолютно неуправляемый процесс, без каких либо партнеров в переговорах, наступит хаос. Это выглядит как ультиматум, но в заключение мне еще раз хотелось бы подчеркнуть, что наша цель — сохранение спокойствия, мира и порядка в этой стране». Собственно, в последних словах Гавела, на наш взгляд, и заключалось его кредо: опасение эскалации насилия в стране, стремление "сохранить лицо" в переговорах с оппонентами. Вместе с тем утверждение об угрозе хаоса и неуправляемости процессов Гавел использовал для давления на своих оппонентов и в дальнейшем.

Завершающая стадия переговоров характеризовалась предельным накалом. В конце концов, Адамец заявил: "Господин Гавел, я сказал, что до воскресенья (т.е. до 3 декабря. — Э.З.) предложу состав реконструированного правительства. Извините, но я не могу сегодня уйти в отставку лишь на основании ваших требований, поймите это! Вы ведь тоже — за демократию". Гавел, со своей стороны, "просил" Адамеца понять положение ГФ: "Сегодняшняя отставка — это символический жест для успокоения общественности, а затем у вас будет масса времени, которое мы Вам предоставим для формирования правительства...". "Символика", в жертву которой приносились демократические процедуры, не устраивала премьер-министра и формально, и по существу. Он продолжал категорически выступать против измененного оппозицией сценария развития событий, то есть против немедленной отставки федерального кабинета министров. В итоге противостояние закончилось "бархатным" компромиссом, а Гавел в завершающей части переговоров констатировал: "Мы обошлись без слов реконструкция и отставка"⁹⁶.

Однако, по существу, речь шла именно о "реконструкции" федерального правительства, к которой и приступил Адамец. Таким образом, представители оппозиции пошли на компромисс с Адамецем и в очередной раз выдержали провозглашавшийся ими ранее курс на эволюционный или компромиссный вариант решения вопроса о политической власти. Итоги переговоров, по мнению ГФ, давали право гражданам вернуться к мирному труду при сохранении готовности к новой забастовке.

Вместе с тем лидеры ГФ отмечали, что после переговоров 28 ноября с Л. Адамецем "в обществе возникло определенное недоверие, вызванное закрытостью переговоров", и что "успокоению атмосферы в стране могла бы в значительной мере способствовать ликвидация статьи Конституции ЧССР о руководящей роли КПЧ"⁹⁷. Под давлением снизу ГФ начал уходить от своей первоначальной установки на компромиссный вариант решения вопроса о власти, в частности, ужесточив позицию в вопросе отмены статьи Конституции о руководящей роли КПЧ.

ГФ и ОПН оценивали итоги переговоров с председателем правительства ЧССР как успешные: Адамец обещал представить 29 ноября ФС ЧССР законопроект об изъятии из Конституции статей о руководящей роли КПЧ и о марк-

сизме-ленинизме как государственной идеологии⁹⁸. Делегация ГФ и ОПН потребовала от премьера принять в ближайшее время "принципы правительственной программы, из которых должно четко следовать, что правительство готово создать правовые предпосылки для обеспечения свободных выборов, свободы собраний и объединений, свободы слова и печати, ликвидации государственного контроля над церквами, подготовки закона о воинской обязанности и другие". Кроме этого ставился вопрос о необходимости ликвидации Народной милиции и целесообразности дальнейшего сохранения партийных организаций на рабочих местах. ГФ и ОПН дали Адамецу понять, что если общественность не устроит правительственное программное заявление и ход его реализации, они "в конце этого года потребуют от премьера ухода в отставку, а от президента республики — назначения нового премьер-министра, кандидатуру которого предложат ГФ и ОПН, если президент сочтет это необходимым". Кроме этого, оппозиция призвала правительство и ФС ЧССР "немедленно осудить вступление войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году", а также потребовала от парламента страны обратиться в Верховный совет СССР и представительные органы НРБ и ГДР с требованием "объявить интервенцию армий пяти стран Варшавского договора в ЧССР нарушением норм международного права и самого Варшавского договора, поскольку интервенция произошла без ведома и согласия высших государственных органов ЧССР"⁹⁹. ГФ и ОПН предложили главе кабинета, чтобы правительство ЧССР представило в ФС ЧССР проект конституционного закона. В соответствии с ним депутаты ФС, ЧНС, СНС и национальных комитетов всех уровней, которые не выполнили своих обещаний и не заботились об интересах народа, будут отозваны со своих постов. Их места должны были занять депутаты, избранные в ходе проведения дополнительных выборов, способ проведения которых ГФ и ОПН обязывались предложить в кратчайшие сроки. Тем самым, что следует отметить особо, для высших законодательных органов власти ГФ поначалу предусматривал демократическую процедуру проведения дополнительных выборов, в соответствии с Конституцией ЧССР.

Вечером 28 ноября на пресс-конференции лидеры ГФ сформулировали свои основные политические цели — проведение свободных выборов и политический плюрализм. Спикеры ГФ информировали присутствующих о письме

Верховному Совету СССР и о предложении инициативы "Мост" обратиться к советскому руководству с призывом вывести из ЧССР свои войска¹⁰⁰.

Для "властных", в первую очередь для руководства ЦК КПЧ, день 28 ноября был ознаменован дальнейшим отступлением со своих позиций. С поста члена ЦК КПЧ и председателя ФС ЧССР в отставку ушел А. Индра (как того добивался ГФ). Новое партийное руководство вечером того же дня сообщило местным партийным организациям, что КПЧ "будет вынуждена" считаться с ГФ как с политическим партнером¹⁰¹. И все же КПЧ еще не сложила оружия окончательно, что продемонстрировал состоявшийся вечером во Дворце культуры общегосударственный актив, выразивший поддержку руководству ЦК КПЧ и Урбанеку¹⁰². Однако, по большому счету, принципиального значения это уже не имело: важнейшие для судьбы страны политические решения принимались совершенно в другом месте. 29 ноября 1989 г. ФС ЧССР на совместном заседании обеих палат перед телекамерами одобрило правительственный законопроект об изменении Конституции, который ликвидировал ее 4-ю и 6-ю статьи о руководящей роли КПЧ в государстве и в Национальном фронте. Успех всеобщей забастовки и реализация ряда поставленных ГФ и ОПН целей, несомненно, окрылили оппозицию, придав ее действиям решительность и решимость.

Постоянно подчеркивая, что "ГФ и ОПН рассматривают друг друга в качестве суверенных представителей чешского и словацкого гражданского движения"¹⁰³, лидеры ГФ и ОПН тем самым вопрос о формировании национальных республиканских (чешского и словацкого) правительств и парламентов передавали в их компетенцию. Что касается федерального правительства и последующей "реконструкции" Федерального собрания ЧССР (то есть фактически устранения нежелательных депутатов), то эти вопросы подлежали совместному решению. Прозвучавшее при этом слово "суверенность", как представляется, было уже симптоматичным.

День завершился выступлением по телевидению Адамеца, который вел консультации с представителями всех политических партий и церкви о составе нового правительства. Он высказался за переоценку событий 1968 года и переговоры с советской стороной о выводе войск из ЧССР. Премьер выступил против односторонних ультиматумов ГФ, подчеркнув, что правительство не может работать под угрозой

забастовок и отставок. Он призвал представителей оппозиции разделить ответственность за положение дел в стране путем прямого участия в органах власти, а не только давления на них.

30 ноября подошла к концу вторая неделя революционных событий в Чехословакии — эйфория "уличной демократии", когда общественность получала актуальную информацию непосредственно с балконов, трибун или из листовок. Наступало время пресс-конференций, брифингов, коммюнике и закрытых переговоров и "круглых столов". 30 ноября — день подготовки к решающим переговорам о составе чешского правительства и замене депутатов в высшем законодательном органе страны.

Федеральное правительство ЧССР в этот день обсудило проект государственного плана социально-экономического развития Чехословакии на 1990 год и проект закона о госбюджете федерации. Словацкий же Национальный Совет (СНС) принял отставку своего председателя В. Шалговича и тайным голосованием избрал на этот пост Р. Шустера (КПЧ)¹⁰⁴.

Жаркие декабрьские дни: схватка за высшую исполнительную власть

В декабре шла борьба вокруг "реконструкции" нового федерального правительства, формированием которого с согласия ГФ и ОПН занимался Л. Адамец. Все это началось на фоне встречи М. Горбачева и Дж. Буша на борту советского военного корабля близ Мальты 1—3 декабря, где обсуждались вопросы всеобщего разоружения и распада "восточного блока", от чего зависели и судьбы входивших в него стран¹⁰⁵.

Что же происходило в эти дни в Чехословакии? 1 декабря в пятницу во Дворце культуры в Праге начался 11-й общегосударственный съезд Единых сельскохозяйственных кооперативов (ЕСХК). В нем приняли участие представители руководства ГФ, а также Адамец и Урбанек. Чехословацкие "колхозники" неприветливо встретили оппозицию, освивстав представителей ГФ в момент их выступления. Это вызвало сильнейшее беспокойство его лидеров, которое несколько улеглось лишь после вечернего появления одного из делегатов съезда ЕСХК на телевидении, публично извинившегося перед ними¹⁰⁶.

Другая часть руководства ГФ во главе с Гавелом примерно в это время вела дискуссии с председателем чешского правительства Ф. Питрой, потребовав отставки пяти неприемлемых для себя министров. ГФ и на этих переговорах по-прежнему придерживался избранной стратегии — не входить во властные структуры, а лишь выражать свое согласие или несогласие по тем или иным кандидатурам. Вместе с тем, прохладный, если не сказать больше, прием представителей ГФ на съезде ЕСХК, служил своеобразным свидетельством того, что медлить с установлением контроля над правительством уже нельзя.

Это и задавало *третьим переговорам*, начавшимся 1 декабря, принципиально иную тональность. Обсуждался вопрос о формировании республиканского чешского правительства, и Гавел решительно настаивал на незамедлительной отставке существовавшего кабинета министров¹⁰⁷. Питре припомнили его приверженность пражскому режиму. Но суть, как представляется, заключалась все же в другом: лидеры ГФ наконец-то стали подходить к пониманию необходимости взять на себя как можно больше полномочий. Контраргументы его лидерами поэтому не воспринимались. Наступало время девальвации прежних установок и понимания неконструктивности, а в чем-то даже и ошибочности эволюционной концепции. Ситуация, а точнее — "улица" требовала иных, более смелых шагов, связанных, безусловно, с бескомпромиссным решением вопроса о власти.

Гавел заявил, что уже нельзя игнорировать вопрос о личности, которой будет поручено формирование нового правительства, и что надо настаивать на том, чтобы говорилось не о его "реконструкции", а об "отставке". В "Коммюнике" о переговорах председателя правительства ЧСР и делегации КЦ ГФ фигурировали два термина — и "отставка", и "реконструкция"¹⁰⁸. И хотя каждая из сторон в конце концов настояла на своей формулировке формы смены правительства, ход событий, подстегиваемый массовыми настроениями, делал отставку безальтернативной. Однако изживать взлелеянную и взращенную в доноябрьский период установку на "неполитическую политику" удавалось с огромным трудом.

Решено было провести сначала, так сказать, репетиционно-показательную отставку правительства, но не на федеральном, а на республиканском уровне. Питра вынужденно и с оговорками дал согласие на это¹⁰⁹. Из правительства уш-

ли пять министров, потерявших доверие народа. Однако после отставки кабинета формирование нового чешского правительства возлагалось все на того же Питру. "Оппозиция, — пишет И. Сук, — балансировала между однозначной волей общественности к проведению безотлагательных перемен и отсутствием готовности взять власть"¹¹⁰. Трудно не согласиться с этим выводом чешского историка, правда, с одним лишь уточнением: следует иметь в виду не всю "оппозицию", а лишь ее часть, выразившую идейные устремления тех течений в ГФ, которые еще до 17 ноября взяли курс на компромиссно-эволюционную модель демонтажа "режима нормализации" и продолжали занимать крайне умеренные позиции в вопросах взятия власти.

В целом можно утверждать, что до начала декабря ГФ видел свою роль скорее в контроле над правительством, но время ставило новые, более ответственные задачи, и его лидеры "на марше" вынуждены были в корне менять свою стратегию.

3 декабря федеральный вице-премьер Б. Урбан огласил от имени Адамеца, который в этот момент находился в Москве во главе официальной чехословацкой делегации, состав нового федерального правительства. В правительстве ЧССР, сформированном в режиме "реконструкции" в соотношении 15 : 5 в пользу коммунистов и поддержанном НФ ЧССР, были представлены также ЧСП, ЧНП и трое беспартийных. Предложения Адамеца являли собой, по словам словацкого историка Д. Ковача, "небольшой косметический ремонт прежнего правительства"¹¹¹. Весьма примечательно, однако, что за три часа до встречи с Б. Урбаном представители ГФ, ознакомившись со списком членов нового правительства, не выразили никакой негативной реакции. Более того, многие члены КЦ ГФ, опасаясь конституционного кризиса, выражали готовность поддержать состав нового кабинета¹¹².

Но уже вечером того же дня представители ГФ и ОПН, ранее отказавшиеся войти в предложенный официальными властями состав федерального правительства, изменили свое мнение о новом кабинете и сочли его абсолютно неприемлемым. И если КПЧ после формирования Адамецем правительства со значительным перевесом коммунистов, по меткому замечанию П. Питгарта, стала "терять инстинкт самосохранения"¹¹³, то ГФ, как представляется, сделал шаг в сторону более трезвой и реальной оценки сложившегося в стране положения. Все карты ГФ в очередной раз смешала

"улица": волна народного возмущения, взметнувшаяся сразу же после официального обнародования нового состава кабинета (именно тогда на улицах появились плакаты, в том числе и такие: "Хотите посмеяться? Взгляните на состав нового правительства"¹¹⁴) заставила ГФ резко изменить свои установки.

Вечером того же дня ГФ и ОПН выступили с совместным "Обращением", содержащим в знак протеста против нового состава призыв к проведению 11 декабря демонстрационной всеобщей забастовки¹¹⁵. "Нашей целью являются свободные выборы не позднее июля 1990 года", — говорилось в "Обращении". На сей раз лидеры ГФ и ОПН уточнили дату их проведения, сдвинув ее с конца 1990 г. на середину 1990 г.

Понедельник, 4 декабря снова стал днем формирования федерального правительства на новых основаниях. В Праге, Братиславе и других городах прошли организованные ГФ и ОПН стотысячные манифестации, участники которых протестовали против его состава, объявленного Адамецем. Представители студентов и деятелей культуры вместе с "Объединением забастовочных комитетов промышленных предприятий" заявили о готовности провести 11 декабря всеобщую забастовку протеста.

Рабочее совещание представителей ГФ и ОПН с представителями федерального правительства (Адамец все еще находился в Москве) поставило задачу дальнейшей "реконструкции" кабинета. На переговорах обсуждались вопросы о создании смешанной правительственной и гражданской комиссии по расследованию ответственности и участия отдельных лиц в событиях августа 1968 года, о положении чехословацких эмигрантов и реабилитации несправедливо пострадавших в результате этих событий, о подготовке нового закона о собраниях и объединениях. Как видно, ГФ особо настаивал на негативной оценке прошлого, но полную ответственность за будущее брать на себя все еще не спешил даже под давлением "снизу".

В этот же день — впервые после 17 ноября! — по телевидению выступил президент ЧССР Г. Гусак, подчеркнувший, что он "не появлялся в последние недели публично, поскольку, как глава государства, не хотел вмешиваться в разного рода политические дискуссии". Президент мог бы добавить, что в шуме митингов любое его слово не получило бы адекватной оценки. Срок пребывания Гусака на президентском посту шел уже даже не на дни, а на часы.

Не менее важно и другое: 4 декабря подали в отставку одиннадцать членов чешского правительства. В новый кабинет, формировавшийся Питрой, должны были войти только три министра из прежнего правительства, посты вице-премьеров отдавались представителям КПЧ, ЧСП и ЧНП. А уже 5 декабря Президиум ЧНС утвердил "правительство национального согласия" Чешской социалистической республики (ЧСР), в состав которого вошли восемь коммунистов, по два представителя ЧСП и ЧНП, а также пять беспартийных¹¹⁶. Тем самым один из барьеров, установленных "неполитической политикой", был преодолен, но это оказалось лишь пробой сил в ходе борьбы за правительство федеральное.

В это же время председатель ЧНС Р. Шустер по своей инициативе встретился с представителями КК ОПН и студентов словацких вузов для переговоров о реорганизации словацкого правительства и словацкого парламента. В. Гавел призвал ОПН срочно направить в Прагу делегацию кандидатов от словаков для включения в состав федерального правительства. Можно сказать, что если ранее республики побуждались к политическим инициативам центром, то теперь они шли в обратном направлении, и не считаться с этим Адамец уже не мог.

Контуры кристаллизовавшейся новой стратегии лидеров КЦ ГФ явно обозначились на совещании его группы действий 5 декабря, которое в экстренном порядке проводилось за час до начала очередных, четвертых по счету, переговоров с Адамцем. Именно здесь впервые дискутировались возможные назначения на министерские посты в федеральном правительстве. Ситуация требовала незамедлительных действий, поэтому к исходу дня КЦ ГФ принял, наконец, решение делегировать шесть своих кандидатов на ключевые министерские посты и в федеральном правительстве.

5 декабря состоялись *четвертые переговоры* правительства ЧССР, от лица которого выступал Адамец и сопровождавшие его О. Крейчи и М. Павел, с делегацией ГФ и ОПН. В ответ на представленный Гавелом перечень кандидатур, предлагавшихся на федеральные министерские посты от ГФ, Адамец заявил, что уходит в отставку, поскольку не может взять на себя ответственность за правительство в предложенном оппозицией составе, а формирование нового кабинета возлагается на вице-преьера Б. Урбана. На переговорах возникла патовая ситуация. Тогда делегация ГФ, на которую демарш Адамеца произвел сильное впечатление,

повернула на 180 градусов и стала убеждать Адамеца еще раз обдумать свое намерение уйти в отставку¹¹⁷. Адамец отказался изменить свое решение. И тут совершенно неожиданно для оппозиции прозвучало заявление М. Павела, напомнимшего о "капитале доверия", которым пользовался премьер "у большой части нашей общественности". Он предложил продумать "некую политическую конструкцию", которая могла бы этот "капитал доверия" использовать, и выдвинул его кандидатуру на пост президента республики, призвав ГФ ее поддержать. Последовала пауза, которую Ганзел многозначительно охарактеризовал словами "растерянная тишина", поскольку вопрос о конкретных кандидатурах на президентский пост ранее не поднимался.

Тем не менее делегация ГФ не только приступила к обсуждению предложенной оппонентами кандидатуры на президентский пост, но и заявила о возможной ее поддержке. Более того, предложенного сторонниками Адамеца варианта распределения высших постов государственной власти в стране никто из присутствовавших не исключал, что достаточно наглядно проиллюстрировали слова В. Гавела: "Кажется, я могу назвать вам эвентуального премьера в случае, если президентом станет господин премьер (курсив мой. — Э.З.). Могу его назвать? Им мог бы стать генсек Народной партии (т.е. ЧНП. — Э.З.) господин Сахер". "Коммунист, — продолжал Гавел, — стал бы президентом, а некоммунист, но член Народной партии, представитель другой партии, премьером. Это решило бы ужасно много проблем"¹¹⁸. Однако кандидатура Сахера не отвечала намерениям команды Адамеца, замышлявшей провести на пост главы кабинета "своего человека" — словака М. Чалфу (КПЧ), занимавшего в правительстве ЧССР пост вице-премьера. В пользу такого решения был приведен трудно опровергаемый аргумент — принцип национального паритета: председатель федерального правительства — словак, президент — чех или наоборот. В числе других кандидатур на пост главы федерального кабинета назывались известные словацкие диссиденты: Я. Чарногурский и бывший коммунист М. Кусы.

Расставшись с Адамецем, лидеры ГФ начали поиски выхода из сложившегося для них крайне щекотливого положения, названного Гавелом "абсурдной игрой". Поздним вечером 5 декабря на совещании "расширенного кризисного штаба КЦ ГФ" развернулась бурная полемика, продемонстрировавшая четкую поляризацию сил уже непосредствен-

но внутри самого руководящего органа ГФ: радикального и консервативного течений. Ярким выразителем первого стал М. Коцаб, призывавший своих коллег использовать "исторический шанс" для занятия представителями оппозиции двух постов — и федерального премьера, и президента. З. Йичинский, по словам И. Сука, "неформальный идеолог консервативного течения", напротив, с достаточно основательной и не лишенной здравого смысла аргументацией при поддержке ряда участников совещания настаивал на сохранении статуса премьер-министра за Адамецем¹¹⁹. В конце концов возобладало мнение, что он должен остаться главой правительства.

Таким образом, ГФ в очередной раз пошел на компромисс, но уже не по принципиальным соображениям, а лишь из-за угрозы конституционного кризиса. Следует подчеркнуть, что лидеры "бархатной" революции приобретали опыт на марше, и очередной компромисс в достаточно солидном их ряду послужил не только хорошим уроком, но и оказался последним.

После перерыва совещание продолжило работу в более узком составе, и именно эту его часть можно назвать в определенном смысле событием знаковым. "Узкое руководство" ГФ договорилось выдвинуть кандидатуру В. Гавела на пост президента республики¹²⁰. Вот почему И. Сук, в распоряжении которого имеется неопубликованная магнитофонная запись этой части совещания, точно уловил смену настроения в поведении Гавела, назвав его "более авторитарным". В словах будущего президента зазвучали нотки решительности, исчезли колебания и осторожность.

Тем не менее дискуссия по вопросу выдвижения кандидатуры Гавела на президентский пост проходила "осторожно и тактично". В итоге данное «"авантюрное" решение поддержали почти все», хотя в ходе дебатов назывались самые разные кандидатуры, но чаще других звучали имена Вацлава Гавела и Александра Дубчека¹²¹.

Сам Гавел сначала счел необходимым представить альтернативные кандидатуры на президентский пост — Дубчек, Адамец, Ганзелка и М. Катетов (академик) — назвав их "моделями различных президентов"¹²². Когда же Лис первым назвал и его кандидатуру, а Коцаб решительно ее поддержал, Гавел произнес свои знаменитые слова: "Я, естественно, президентом быть не хочу. Однако если ситуация сложится так, что в интересах отечества будет необходимо,

чтобы я им на краткое время стал, я способен им быть. Потому что интересы отечества я всегда ставил выше своих личных интересов, в противном случае не сидел бы в тюрьме и так далее. Но я твердо надеюсь, что интересы родины не будут выше моих личных интересов и я смогу посвятить себя литературе"¹²³. В заключение Гавел сказал, что в случае необходимости готов стать кандидатом на президентский пост при условии занятия его только до свободных парламентских выборов¹²⁴. Однако окончательно вопрос о кандидатуре на президентское кресло на этой части заседания решен не был. Дискуссия продолжалась в ночь с 5 на 6 декабря после приезда из Братиславы делегации КК ОПН (Я. Будай, М. Княжко, Я. Чарногурский, М. Кусы и В. Ондруш). Словацкая делегация прибыла в Прагу со своими предложениями относительно кандидатур на ведущие посты государственной власти. В качестве претендента на пост федерального премьера назывался директор Института прогнозирования ЧСАН В. Комарек. Однако Гавел не поддержал эту кандидатуру, поскольку, по его словам, после отставки Адамеца ГФ намерен предложить Комареку пост заместителя главы федерального правительства по вопросам экономики, на что уже якобы получено его согласие¹²⁵. Словацкая сторона назвала и имена возможных кандидатов на президентский пост: М. Кусы, А. Дубчек и М. Княжко. Дискуссия завершилась обширным выступлением М. Коцаба, предложившего в качестве безальтернативного кандидата на пост президента от ГФ и ОПН Гавела, с чем словацкая сторона в итоге согласилась.

Что касается кабинета министров, то в конце концов договорились остановиться на компромиссном варианте: премьером останется Адамец, в качестве министров его кабинета от ГФ предложены 4 кандидата: Миллер, Длоуги, Клаус и Динстбир. Это компромиссное решение фигурировало в "Письме" на имя Л. Адамеца, подписанном В. Гавелом (от ГФ) и М. Княжко (от ОПН) 6 декабря. В отличие от предложенного ранее списка кабинета ГФ отказался от трех постов — министров внутренних и иностранных дел, а также заместителя председателя по делам законодательства. ГФ и ОПН, как подчеркивалось в "Письме", видят в Адамеце "гарантию преемственности государственной власти" и поэтому не могут вести переговоры о "реконструкции" федерального правительства с кем-либо еще. Тем самым ГФ при поддержке ОПН фактически дезавуировал свою позицию в во-

просе баллотирования на президентский пост Адамеца, подкрепив ее следующими словами: "...Ваша возможная кандидатура на президентский пост не встретит благожелательного отклика общественности. Тем более, что ГФ и ОПН поддержать Вашу кандидатуру на этот пост не могут. Если Вы и после этого письма подадите прошение об отставке, о которой Вы говорили во вторник 5.12.1989 г., то свои предложения мы обнародуем, чтобы граждане сами могли судить о их сообразности и конструктивности"¹²⁶.

6 декабря утром форсированно прошел *пятый* тур переговоров, участниками которого стали: делегация КЦ ГФ и КК ОПН, а также делегация ЦК КПЧ во главе с К. Урбанekom. Оппозиция представила письмо, содержавшее предложения по составу федерального правительства. Следует отметить, что накануне генсек ЦК КПЧ Урбанек назвал документ "Уроки кризисного развития..." недействительным и высказался за полную политическую реабилитацию выступавших против военного вторжения в августе 1968 г. На переговорах он заявил, что Народная милиция полностью разоружена, оружие находится в армейских складах, а представленный ГФ и ОПН состав федерального правительства назвал требованиями "само собой разумеющимися и минимальными". Тем самым оппозиция получила неожиданную для себя поддержку своих требований к Адамецу со стороны лидера ЦК КПЧ. Урбанек внес предложение о проведении "круглого стола", в котором могут принять участие "все, кто захочет". Тем самым открылись новые перспективы политического консенсуса. Во-первых, эта встреча еще раз продемонстрировала понимание новым партийным руководством степени утраты влияния КПЧ. "Мы осознаем, — сказал, в частности, Урбанек, — что не располагаем доверием людей, что мы попросту утратили его, это доверие; мы это сознаем, и я говорю вам об этом совершенно откровенно". Неудивительно, что рефреном на переговорах из уст Урбанека чаще всего звучало слово "да". Это отразилось и на его лексике: "у нас нет никаких требований", "условия ставите вы"; "мы принимаем ваши условия, потому что, на мой взгляд, вы имеете на это полное право"¹²⁷.

6 декабря состоялись и самые короткие, длившиеся всего 13 минут, *шестые переговоры*, в которых участвовали Л. Адамец и делегация КЦ ГФ, КК ОПН во главе с Гавелом. Лидеры оппозиции внесли свои предложения по составу нового кабинета: Владимир Длоути (ГФ, вице-премьер, ми-

нистр экономики), Я. Чарногурский (ОПН, вице-премьер, министр юстиции и внутренних дел), М. Кусы (ОПН, министр иностранных дел), В. Клаус (ГФ, министр финансов), П. Миллер (ГФ, министр труда и социального обеспечения), Д. Пропеле (Венгерская независимая инициатива, министр по вопросам нацменьшинств). Свою позицию оппозиция обосновывала следующим образом: "Следовательно, речь не идет о быстром, своевольном и необоснованном росте требований, как это могло показаться, а о *стремлении держать шаг с развитием событий и общественным мнением* (курсив мой. — Э.З.)"¹²⁸.

Адамец, оставшийся без поддержки руководства ЦК КПЧ, сообщил делегации ГФ и ОПН, что их предложения вместе с предложениями других политических сил представит в Президиум ЦК НФ ЧССР, с которым намеревался на следующий день вести переговоры о "дополнении" состава федерального правительства¹²⁹. На вопрос Гавела, отказался ли он от мысли уйти в отставку, Адамец ответил, что пока никакого решения не принял. Однако неожиданно прозвучавшее заявление Урбанека о том, что политические требования ГФ и ОПН являются "минимальными" и "естественными", сместило Адамеца из политического центра влево и разрушило его политические планы. В своем вечернем телеобращении Адамец заявил о намерении уйти в отставку, завершив серию своих переговоров с ГФ и ОПН рекомендацией Гусаку поручить формирование нового федерального правительства вице-премьеру М. Чалфе, коммунисту-словаку.

Вечером того же дня состоялись переговоры кризисного штаба КЦ ГФ с В. Комарекком о предложениях ГФ и ОПН по составу федерального правительства. 7 декабря П. Питгарт проинформировал членов штаба о телефонном разговоре с одним из лидеров ОПН Я. Будаем, подчеркнув, что словацкие коллеги предложили напрямую обратиться к В. Комарекку с просьбой сформировать "правительство национального спасения"¹³⁰.

Важными следует считать и прошедшие 7 декабря по инициативе оппозиции *седьмые переговоры* представителей КЦ ГФ с министром национальной обороны ЧССР М. Вацекком. В принятом по окончании встречи совместном коммюнике они заявили, что "относятся с уважением, учитывая нынешнее внутривнутриполитическое положение в Европе, к членству Чехословакии в Варшавском договоре и выразили

надежду на то, что оба военные блока в Европе будут ликвидированы"¹³¹.

Следует подчеркнуть, что в дальнейшем переговоры о формировании высших органов государственной власти проходили в формате "круглого стола", участниками которого стали представители "решающих политических сил" страны. Эта идея вовсе не являлась "изобретением" нового руководства КПЧ, а была почерпнута из опыта ряда стран "социалистического содружества", в которых "круглые столы" стали формой переговоров между правительством и обществом относительно прежде всего свободных выборов нового парламента и президента¹³². Чешский историк М. Отагал называет "круглые столы" специфической формой дискуссий между коммунистической властью и оппозицией, в ходе которых решались вопросы перехода к демократии¹³³. Однако специфика Чехословакии заключалась в том, что предметом переговоров и "круглых столов" являлось не проведение свободных парламентских выборов, а "реконструкция" (реорганизация) высших исполнительных и законодательных органов государственной власти.

8 декабря "узким руководством" ГФ снова обсуждались кандидатуры на президентский пост. Процедурная ремарка З. Йичинского о необходимости отложить обсуждение до проведения консультаций с партнерами по гражданскому блоку, а также с представителями ЧСП и ЧНП, не была принята во внимание. Часть присутствовавших выступала за постановку вопроса о президенте после принесения присяги Чалфой (Рудольф Сланский и др.). Представление о развернувшихся баталиях дают весьма показательные слова П. Рыхетского: "Не следует думать, что мы можем здесь принимать решения. Это дело народа". Однако на голосование все же был поставлен вопрос о выдвижении на пост президента ЧССР одного, безальтернативного кандидата от ГФ и ОПН — Вацлава Гавела; итоги голосования таковы: 31 голос — "за", "воздержались" — 6¹³⁴.

8 декабря состоялся *первый тур* встречи за "круглым столом" (по сути это были *восьмые переговоры* в двух частях) "решающих политических сил" (так именовались его участники). Здесь впервые собрались представители КЦ ГФ, ЧСП, ЧНП, Партии словацкого возрождения, Партии свободы, ССМ, секретариата ЦК НФ ЧССР, руководства КПЧ.

Обсуждался вопрос о составе нового федерального правительства. По логике — дискуссия предстояла жаркая, в ре-

альности же — она прошла при весьма умеренной температуре. Еще до начала переговоров делегация ГФ провела двусторонние встречи с некоторыми из лидеров: В. Могоритой (КПЧ), Я. Шкодой (ЧСП), Р. Сахером (ЧНП), М. Улчаком (ССМ). Следует отметить, что по техническим причинам к началу переговоров не смогли прибыть лидеры ОПН. Представителям же клуба "Возрождение" в участии в переговорах было отказано¹³⁵.

Вечером того же дня заседание "круглого стола" продолжилось в несколько измененном составе: подключились лидеры КК ОПН (Я. Чарногурский и М. Кусы). В переговорах принял участие и В. Комарек. Я. Чарногурский представил сведения о формировании нового словацкого правительства во главе с министром юстиции коммунистом М. Чичем и предложил кандидатуру В. Комарека на пост главы экономической сферы в федеральном правительстве. Делегация ГФ и ОПН во главе с Гавелом практически без сопротивления добилась принятия своих требований. Его состав решили обнародовать в воскресенье 10 декабря — Международный день прав человека.

В этот же день коммунисты еще раз изменили свою тактику, надеясь выиграть стратегически. Президиум ЦК КПЧ направил делегатам окружных конференций КПЧ письмо, в котором сообщал, что партия отказывается от "сталинского понимания социализма", от "властной и идеологической монополии", дистанцируется от предшествующего руководства КПЧ, осуждает интервенцию стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968. Политического влияния КПЧ намеревалась добиваться "политическими средствами в демократической конкурентной борьбе". Президиум поручил рядовым членам КПЧ сохранять базовые организации партии, вступать в "демократический диалог" с остальными политическими силами, противостоять политическому экстремизму и антикоммунистическим настроениям, помогать "функционированию руководящих структур" народного хозяйства и реализовать "переход к новому экономическому механизму"¹³⁶.

9 декабря прошел *второй тур* встречи за "круглым столом". В ней участвовали назначенный вместо Адамеца премьер-министром М. Чалфа и представители КЦ ГФ и КК ОПН. Результатом переговоров, одобренным представителями "решающих политических сил", стало соглашение о составе федерального "правительства национального согла-

Прага. Вацлавская площадь. 10 декабря 1989 г.

сия". Из 21 министерских поста коммунисты заняли десять, по два — лидовцы и социалисты, семь — беспартийные. От ГФ и ОПН в состав кабинета вошли: В. Комарек и Я. Чарногурский — первые вице-премьеры; В. Длоуги — вице-премьер и руководитель Государственной плановой комиссии; И. Динстбир — министр иностранных дел; В. Клаус — министр финансов; П. Миллер — министр труда и социальной политики (первый и третий из них — члены КПЧ). По мнению участников "круглого стола", такой состав должен был отражать сложившуюся в стране расстановку политических сил¹³⁷. На это временное коалиционное "правительство национального согласия" возлагалась миссия привести страну к свободным выборам в парламент в июне 1990 г.

Вечером того же дня в кратком телеобращении президент Гусак заявил, что сразу же после утверждения нового правительства 10 декабря уйдет в отставку с поста президента республики, чтобы "не мешать дальнейшему ходу событий"¹³⁸.

В то же время в Братиславе М. Чич формировал новое словацкое правительство, которое президиум СНС утвер-

дил 12 декабря. В его состав вошли девять беспартийных и шесть коммунистов. В программном заявлении М. Чича от 19 декабря кабинет представлялся как "правительство национального согласия", "консенсуса всех политических сил, готовых служить нуждам и интересам" словацкого народа. Приоритетной целью нового правительства объявлялось "создание социальных, материальных, организационных, финансовых и законодательных предпосылок для подготовки и проведения всеобщих выборов в представительные органы власти"¹³⁹.

Оценивая положение в Чехословакии в целом, нельзя не отметить блестящее начало: за 25 дней, с 17 ноября, страна коренным образом изменилась. Компартия неумолимо теряла властные позиции: в федеральном "правительстве национального согласия" коммунистов было меньше (правда, всего на 1 чел.), чем некоммунистов. Гавел стал ведущим политиком и готовился к победе в борьбе за пост президента. Сформировались республиканские правительства, в которых коммунисты занимали еще меньше кресел, чем в правительстве федеральном.

Создание новых органов государственной власти в Чехословакии в ходе "бархатной" революции не имело тогда аналогов в регионе. Не было оно похоже и на те демократические идеалы и стандарты, которые представлялись "отцам" "бархатной" революции. Особенно это касалось процедуры и хода избрания на пост президента лидера оппозиции Вацлава Гавела. Уход в отставку 10 декабря Г. Гусака актуализировал этот вопрос. В тот же день ГФ и ОПН официально объявили о выдвижении В. Гавела на пост президента. А. Дубчек, также имевший для баллотирования на президентский пост достаточно веские основания¹⁴⁰, не возражал против выдвижения своей кандидатуры¹⁴¹, хотя многие возможности для победы он уже упустил. Л. Адамеца выдвинула КПЧ, а Ч. Цисаржа — ССМ.

Оценивая ситуацию в ретроспективе, З. Йичинский полагал: предложения о выдвижении на пост президента А. Дубчека, выдающейся политической личности, не только объединявшей чешский и словацкий народы, но и выражавшей преемственность борьбы за национальную и государственную независимость и демократию со времен Пражской весны, были неизбежны. "Если бы, — пишет З. Йичинский, — Дубчек стал тогда президентом республики, дальнейшее развитие Чехословакии проходило, воз-

можно, по-иному, и, по всей видимости, не произошел бы распад государства. Хотя, это, естественно, всего лишь гипотеза"¹⁴². Но, как известно, история не имеет сослагательного наклонения, хотя, несомненно, надо бы выяснить, в какой степени курс событий складывался в ходе изъяснительного наклонения и диктовался наклонением повелительным... А такое "наклонение" все в большей мере задавалось приверженцами В. Гавела.

Внешне же в Праге в эти дни, казалось, ничего значительного не происходило — митинги и демонстрации пошли на спад, но под "бархатным" ковром разворачивалась серьезная схватка между В. Гавелом и А. Дубчеком за президентский пост. Серьезная и тайная: до сих пор точно не установлена дата *первой* их встречи — 12 или 13 декабря — хотя известно место — театр "Латерна магика".

Разговор был сложным и далеким от достижения конкретных договоренностей. Гавел пытался убедить Дубчека, чтобы тот принял предложение ГФ и ОПН не баллотироваться на пост президента, а возглавить ФС ЧССР. Питгарт, свидетель встречи, утверждал, что Дубчек якобы "косвенно" согласился с этим. Несколько по-иному о реакции Дубчека вспоминал С. Милота: тот в "Латерне магике", дескать, обещал, что не будет добиваться президентского поста. Однако через несколько часов он позвонил по телефону и сообщил, что передумал и свою кандидатуру снимать не станет. Все же доводы сторонников Дубчека в пользу занятия им президентского поста понимания не нашли. Взамен ему предложили создать "политический дуэт": Гавел — президент, Дубчек — председатель федерального парламента¹⁴³.

12—13 декабря в ФС ЧССР развернулись дебаты о способе избрания президента. Депутаты-коммунисты, имевшие в парламенте абсолютное большинство, представили законопроект о референдуме, составной частью которого являлись прямые выборы главы государства. Согласно опубликованным 13 декабря 1989 г. Институтом по изучению общественного мнения результатам опросов, 4/5 населения страны поддерживали прямые всенародные выборы президента¹⁴⁴. Однако "решающие политические силы", т.е. КПЧ, с одной стороны, и ЧСП, ЧНП, ОПН и ГФ — с другой, так и не смогли прийти к соглашению по этому вопросу. Лидеры ГФ квалифицировали дебаты о способе выборов президента как попытку "дестабилизации государства", угрозу "националь-

ному согласию", стремление нарушить "шаткое политическое равновесие"¹⁴⁵. КЦ ГФ выступил категорически против прямых выборов главы государства.

Складывалась парадоксальная ситуация в стиле театра абсурда: лидеры ГФ призывали соблюдать конституцию времен "режима нормализации" в части избрания президента, в то время как сами представители этого режима намеревались коренным образом ее изменить, казалось бы, вопреки своим интересам, поскольку они-то как раз и составляли подавляющее большинство в парламенте. Ситуация характеризовалась и самими лидерами оппозиции как "гротескная"¹⁴⁶.

13 декабря на заседании Совета КЦ ГФ П. Питгарт заявил о готовности всех демократически ориентированных сил поддержать Гавела в борьбе за президентский пост. На следующий день в интервью радиостанции "Прага" Гавел подчеркнул, что будет исполнять функцию президента только "в тесном и дружеском сотрудничестве с Дубчеком". В то же время изыскивались возможности оказания общественного давления на депутатов в целях избрания Гавела президентом. Его кандидатуру безоговорочно поддержали "Общегосударственный координационный забастовочный комитет студентов вузов", кардинал Ф. Томашек, другие видные политические деятели, однако главное — не должно было произойти сбоя при голосовании в парламенте.

Между тем Цисарж снял свою кандидатуру. Однако намерения Дубчека баллотироваться на президентский пост поддерживались не только словацкими официальными структурами, а главное — словацкой общественностью, но даже чехами. Проведенные 6–7 декабря в Праге опросы общественного мнения свидетельствовали о гораздо больших шансах А. Дубчека. Опубликованные 12 декабря студенческим информационным центром в Братиславе результаты социологического опроса показали: из 5 тыс. словацких респондентов подавляющее большинство поддерживало кандидатуру Дубчека на президентский пост¹⁴⁷. Открылась одна из самых драматических страниц в истории чехословацкой "бархатной" революции. Как полагают словацкие исследователи, споры между словацкой и чешской политическими элитами, разгоревшиеся вокруг кандидатуры на президентский пост, "возвестили о первых разногласиях и в словацко-чешских отношениях"¹⁴⁸. Именно в эти дни Гавелу в ходе ряда неофициальных личных встреч с А. Дубчеком удалось

убедить последнего в необходимости отказаться от участия в президентских выборах 1989 г.¹⁴⁹

15 декабря произошло политическое событие, имевшее детективный оттенок: в полдень председатель федерального правительства М. Чалфа по своей инициативе организовал неофициальную встречу с Гавелом в здании президиума правительства ЧССР, где не было подслушивающих устройств. Однако уже вечером Гавел ознакомил нескольких своих самых ближайших соратников с содержанием считавшегося секретным соглашения с Чалфой (магнитофонная запись их разговора была опубликована только через 13 лет)¹⁵⁰. При этом антикоммунист Гавел просил своих друзей не разглашать его сепаратные договоренности с коммунистом Чалфой, наложив, по словам М. Нодла, на них "информационное эмбарго"¹⁵¹.

Чалфа обещал Гавелу сделать все от него зависящее, чтобы выборы президента прошли в ФС ЧССР в соответствии с существующей Конституцией и чтобы парламент рассматривал кандидатуру Гавела на пост президента в качестве безальтернативной; последнее, собственно говоря, Конституцией вовсе не требовалось. Для удовлетворения словаков председателем Федерального собрания предполагалось назначить А. Дубчека, поэтому его следовало в ближайшие дни "избрать" в парламент методом кооптации в любом свободном (после ухода одного из одиозных лидеров КПЧ) избирательном округе в Словакии. Об этом Дубчека должен был проинформировать вице-премьер Черногурский.

Один из лидеров ОПН Я. Будај писал впоследствии, что в связи с выборами президента "впервые был дан старт политическим торгам закулисного толка". С представителями "режима нормализации" заключались секретные соглашения и велось эффективное сотрудничество. По всей видимости, Гавел считал ОПН слабой опорой, поэтому и принял план коммуниста Чалфы, который заверял, что будет либо методами запугивания, либо уговорами манипулировать тогдашними депутатами. Это, по словам Будај, было "первое после ноябрьское закулисное соглашение"¹⁵².

Что касается открытых процессов кристаллизации структур высшей государственной власти, то 18 декабря Чешский национальный совет избрал нового председателя Я. Шафарика (ЧСП), а также его новый президиум, в котором коммунисты уже не располагали большинством. Одновременно на встрече руководителей ФС ЧССР с членами со-

вета КЦ ГФ во главе с Гавелом председатель парламента С. Кукрал выразил готовность отказаться от этого поста в пользу Дубчека.

19 декабря на совместном заседании двух палат ФС ЧССР с программой "правительства национального согласия" выступил премьер М. Чалфа, временно исполнявший в соответствии с Конституцией ЧССР, и обязанности президента страны. В программе, являвшей собой качественный скачок в развитии революционного процесса в стране, провозглашался курс на переход Чехословакии к парламентской демократии, рыночной экономике, выдвигалось требование ликвидации Варшавского договора и вывода советских войск из страны. Однако дата проведения свободных выборов не фиксировалась¹⁵³. Новые акценты внешнеполитического курса ЧССР, контуры которого нашли отражение уже в первых программных документах ГФ, явственно обозначились на переговорах М. Чалфы и министра иностранных дел ЧССР И. Динстбира 20 декабря 1989 г. в Москве. Здесь наряду с проблемами экономического сотрудничества обсуждался и вопрос о выводе советских войск из Чехословакии¹⁵⁴. Представленная М. Чалфой программа была одобрена депутатами ФС ЧССР. После этого Чалфа от имени своего кабинета предложил кандидатуру Вацлава Гавела на пост президента. Коммунистическое "послушное большинство" одобрило и это предложение. Тем самым, вопрос об *альтернативных* выборах президента был окончательно закрыт.

21 декабря в Праге начался двухдневный внеочередной съезд КПЧ, который избрал Адамеца председателем, а Могориту генеральным секретарем партии. Прежний генсек Урбанек занял пост председателя Центральной контрольной и ревизионной комиссии. Съезд отмежевался от бывшего руководства КПЧ и его политики, а также принес извинения "всем гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий", осудил военную интервенцию пяти стран Варшавского договора в августе 1968 г. и исключил из своих рядов занимавших ответственные посты "консерваторов"¹⁵⁵. Был избран новый Центральный комитет (из 197 прежних членов и кандидатов в члены ЦК КПЧ осталось только 4, в том числе Адамец и Могорита) и принята Программа действий. Партия заявила о своей поддержке принципов демократического устройства страны и правового государства. Съезд поддержал решение об упразднении Народной милиции и необходимо-

сти выводов в отношении высших чинов партии, ответственных за провалы в политике.

22 декабря на переговорах за "круглым столом" "решающие политические силы" пришли к соглашению о кандидатах на посты президента и председателя ФС ЧССР, которыми стали соответственно Гавел и Дубчек. Гавел проинформировал в Праге представителей ОПН об обещании, которое он дал Дубчеку: после свободных выборов в парламент в июне 1990 г. поддержать его кандидатуру на пост главы государства в обмен на отказ баллотироваться теперь на пост президента в пользу Гавела. Помимо прочего он сказал: "Во время довольно сложных переговоров с господином Дубчком я ему в какой-то момент дал обещание, которым, разумеется, связан... Я ему пообещал, что при удобном случае, как можно раньше, я выскажусь в поддержку его кандидатуры на пост президента на следующий 5-летний срок после свободных выборов"¹⁵⁶.

23 декабря в Праге прошел съезд ГФ при участии представителей краевых организаций, на котором обсуждались вопросы внутренней структуры, а также программа движения. Подавляющее большинство поддержало предложение Гавела о том, что ГФ не будет ни политической партией, ни коалицией нескольких партий, а останется политическим движением — представителем широкой непартийной общественности и гарантом общественных преобразований.

Между тем вопрос о выборе президента осложнялся еще по меньшей мере двумя обстоятельствами, связанными с процедурой его избрания. Согласно сложившейся практике и букве закона, президент в социалистической Чехословакии избирался федеральным парламентом страны. К моменту ухода в отставку Гусака вопрос о судьбе старого "нормализаторского" парламента решен не был, и дело шло к тому, что нового главу государства будет избирать именно он. Различные течения чехословацкого оппозиционного движения предлагали самые разные варианты решения вопроса о судьбе ФС ЧССР: от самого радикального (отставка парламента и объявление новых свободных — полных или частичных — демократических выборов) до компромиссного (сохранение практики периода "режима нормализации").

Как говорилось выше, КПЧ выступила с предложением проведения прямых всеобщих выборов президента. ГФ же

высказался за избрание президента, в соответствии с Конституцией социалистической Чехословакии, Федеральным собранием ЧССР.

28 декабря 1989 г. на совместном заседании двух палат Федерального собрания от имени депутатов ЧНП, ЧСП и ряда членов КПЧ выступил Й. Бартончик (ЧНП), предложивший в случае освобождения депутатского мандата не проводить дополнительные выборы, а восполнить недостающее число депутатов методом кооптации на основе соглашения "решающих политических сил". Закон прошел без каких-либо серьезных возражений. Таким образом, был избран, по словам чешского историка Я. Рыхлика, "ускоренный, хотя с правовой точки зрения и не совсем чистый способ"¹⁵⁷.

Принятый на этом же заседании закон изменял регламент ФС ЧССР: тайное голосование заменялось открытым, что, как пишет Я. Рыхлик, "должно было обеспечить лучший контроль над депутатами-коммунистами в ходе предстоявшего избрания президентом Гавела"¹⁵⁸. Председатель ФС ЧССР С. Кукрал проинформировал депутатов о состоявшейся 22 декабря встрече представителей партий НФ ЧССР, ГФ, ОПН и других организаций (в частности, ССМ), на которой принято решение о выдвижении Гавела и Дубчека соответственно на посты президента ЧССР и председателя ФС ЧССР. Сам же Кукрал подал в отставку с занимаемого им поста, освободив тем самым место Дубчеку.

На этом совместное заседание двух палат свою работу завершило. Во второй половине дня шла работа в комитетах парламента, которые в спешном порядке проводили "выборы" новых депутатов. Предложения по тем или иным "кандидатурам" вносились политическими партиями после согласования в соответствии с достигнутыми ранее договоренностями с лидерами ГФ и ОПН. Поскольку "избранные" депутаты являлись, как правило, выходцами из рядов ГФ или ОПН, "довыборы" проходили под лозунгом, демонстрировавшим доминирование "беспартийных"¹⁵⁹.

После этого обе палаты ФС ЧССР снова собрались на свое совместное заседание, на котором состоялось избрание А. Дубчека председателем федерального парламента. Рыхлик пишет: "Из всего сказанного видно, что все участники стремились хотя бы с формальной точки зрения сохранить видимость законности происходящего. С этой точки зрения передача власти в значительной мере напоминала события февраля 1948 года"¹⁶⁰.

Александр Дубчек

28 декабря на заседании ФС ЧССР в первой волне были кооптированы 23 новых депутата, которые получили мандаты, освободившиеся после отставок наиболее скомпрометировавших себя коммунистов. Одновременно проводилась "реконструкция" президиума парламента с тем, чтобы лишить большинства в нем представителей КПЧ. Из текста президентской присяги изъяли абзац о верности социализму. Избранию Гавела открывался зеленый свет.

29 декабря на торжественном заседании ФС ЧССР президентом единогласно был избран Вацлав Гавел. "Бархатная" революция достигла высшей точки, но при этом оказалось, что "свободное волеизъявление" в парламенте имело столь же запланированный характер, как и в условиях свергнутого "режима нормализации". Как и ранее, оно скрывало серьезные разногласия, проявившиеся едва ли не на второй день после революции. Но новые противоречия, приведшие

в 1993 г. даже к распаду единого государства¹⁶¹, решались уже на новом политическом базисе.

"Бархатная" революция закончилась как событие, однако она продолжилась как процесс. Ее результаты окончательно легитимизировались вследствие первых свободных парламентских выборов в июне 1990 г. О полном же завершении "бархатной" революции, как представляется, можно говорить лишь когда Гавел в 2003 г. ушел с поста президента.

¹ Deset pražských dnů. 17–27. listopad 1989. Dokumentace / Ed. M. Otáhal, Z. Sládek. Praha, 1990. S. 16–18.

² Ibid. S. 59.

³ Čas Demokratické iniciativy 1987–1990. Sborník dokumentů. / Ed. R. Hlušičková, M. Otáhal. Praha, 1993. S. 205.

⁴ См.: *Mindč V. Návraty k prevratu*. Bratislava, 1993. S. 11.

⁵ В 1999 г. чешский исследователь П. Гусак писал, что о "таинственном дне" 17 ноября 1989 года даже спустя десятилетие можно судить "лишь на уровне гипотез" См.: *Husák P. Česká cesta ke svobodě. Revoluce či co?* Praha, 1999. S. 82.

⁶ Deset pražských dnů... S. 31–32; см. также: *Bartuška V. Polojasno: Pátání po vinících*. Praha, 1990; *Husák P.* *Op. cit.*; *Měchýř J. Velký převrat či snad revoluce sametová? Několik informací, poznámek a komentářů o naší takřečené něžné revoluci a jejich osudech 1989–1992*. Praha, 1999. S. 26–32.

⁷ Deset pražských dnů... S. 32.

⁸ Ibid. S. 37–38.

⁹ Ibid. S. 38.

¹⁰ Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace / Ed. V. Prečan. Scheinfeld-Schwarzenberg; Bratislava, 1990. S. 376–377.

¹¹ Deset pražských dnů... S. 36.

¹² Obroda. Klub za socialistickou přestavbu. Dokumenty / Ed. Z. Kokošková, S. Kokoška. Praha, 1996. S. 168–169.

¹³ Ibid. S. 169.

¹⁴ *Suk J. Labyrintem revoluce. Aktéři, zápletky a křižovatky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990)*. Praha, 2003; см. также: *Idem. "Listopad'89" a věc revoluce. Jaká revoluce se v Československu na přelomu let 1989/1990 odehrála? // Po stopách nedávné historie: Sborník k 75. narozeninám doc. Karla Kaplana*. Brno, 2003. S. 343–351.

¹⁵ Deset pražských dnů... S. 48.

¹⁶ Ibid. S. 49.

¹⁷ Čas Demokratické iniciativy... S. 13.

¹⁸ Deset pražských dnů... S. 49.

¹⁹ Ibid. S. 43.

²⁰ Ibid. S. 44.

²¹ Подробнее см.: *Otáhal M. Obrodný proud v Československé straně lidové // Po stopách nedávné historie... S. 267–279*.

²² *Měchýř J. Velký převrat... S. 67*.

²³ *The Democratic revolution in Czechoslovakia: Its Precondition, Course and Immediate Repercussions. 1987–1989. Briefing Book / Ed. V. Prečan, D. Paton. Prague, 1999. Doc. 51. P. 169*.

²⁴ Suk J. Občanské fórum. Dokumenty. Listopad-prosinec 1989. Brno, 1998. Díl 2. S. 13–14.

²⁵ Suk J. Labyrintem revoluce... S. 37.

²⁶ Подробнее см.: Honajzer J. Občanské Fórum. Vznik, vývoj a rozpad. Praha, 1996; Suk J. Občanské fórum. Události. Brno, 1997. Díl 1.

²⁷ Если до прибытия Гавела в Прагу звучали призывы "Да здравствует Гавел!", то вскоре ГФ инициировал лозунги иного рода: "Гавела – на Град!", т. е. в президенты, отмечает Дж. Кин. См.: Keane J. Václav Havel. A Political Tragedy in Six Acts. L., 1999. P. 334, 349.

²⁸ Suk J. Občanské fórum. Díl 2. S. 13.

²⁹ Deset pražských dnů... S. 606.

³⁰ Ibid. S. 652.

³¹ Ibid. S. 657.

³² Ibid. S. 617.

³³ Měchýř J. Velký převrat... S. 68.

³⁴ Čas Demokratické iniciativy... S. 209, 240–253; см. также: Deset pražských dnů... S. 619.

³⁵ Ibid. S. 13.

³⁶ См.: Měchýř J. Velký převrat... S. 67; см. также: November 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990) / Ed. J. Žatkuliak, V. Hlavová, A. Sedliaková, M. Štefanský. Bratislava, 1999. S. 337.

³⁷ November 1989 a Slovensko... S. 324.

³⁸ Подробнее см.: Kováč D. Dejiny Slovenska. Bratislava, 1998. S. 312.

³⁹ Ibid. S. 329; см. также: Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 51.

⁴⁰ Deset pražských dnů... S. 42–43.

⁴¹ См.: Deset pražských dnů... S. 59. Как было установлено позднее, офицер госбезопасности Л. Зифчак, внедренный в студенческую среду под псевдонимом Ружичка, во время демонстрации намеренно "сыграл роль" убитого студента, а после окончания демонстрации исчез из Праги. Расследованием событий, связанных со смертью Шмида, занималась в 1990 г. специальная парламентская комиссия, которой так и не удалось до конца их объяснить и "расшифровать". См.: Bartuška V. Polojasno. Patrani... P. 120–123; см. также: Měchýř J. Velký převrat... S. 25. П. Питгарт также считал «единственной загадкой "мертвого студента" с Национальной улицы: как будто его придумали, чтобы придать событиям более решительный ход». См.: Klusáková J., Pithart P. Jana Klusáková a Petr Pithart rozmlouvají nadoraz... O Havlovi, Klausovi, Mečiarovi a revoluci, která požívá své děti. Praha, 1992. S. 95.

⁴² Deset pražských dnů... S. 64.

⁴³ Ibid. S. 63–64.

⁴⁴ См.: Měchýř J. Velký převrat... S. 70.

⁴⁵ Deset pražských dnů... S. 63–64.

⁴⁶ Подробнее см.: Jakeš M. Dva roky generálním tajemníkem. Praha, 1996.

⁴⁷ Deset pražských dnů... S. 74.

⁴⁸ Ibid. S. 77.

⁴⁹ Ibid. S. 77–78.

⁵⁰ Гавел все же приехал в здание, где проходили переговоры, однако их завершения ему пришлось ждать в коридоре. См.: Zrychlený tep dějin. Reálné drama o deseti jednáních. Autentické záznamy jednání představitelů státní moci s delegacemi hnutí Občanské fórum a Verejnost' proti násiliu v listopadu a prosinci 1989 / Ed. V. Hanzel. Praha, 1991. S. 6.

⁵¹ Правительство ЧССР, по словам Адамеца, было готово принять какой угодно и от кого угодно добрый совет, если это будет способствовать обновлению социалистического общества. "Но социализм, — заявил премьер, — мы будем защищать, это дискуссии не подлежат". См.: Ibid. S. 137.

⁵² Deset pražských dnů... S. 207.

⁵³ Suk J. Občanské fórum...Díl 2. S. 14.

⁵⁴ Ibid. S. 140—141.

⁵⁵ Один из студенческих лидеров М. Клима так писал в феврале 1990 г. об этих событиях: «Затем мы отправились в посольство СССР. Уже стемнело, но нас пустили внутрь здания; мы сказали, что мы из центрального забастовочного комитета и что нам нужно поговорить с господином послом. Минут 20 мы ждали, после чего пришел третий секретарь посольства. Он прочитал наше Обращение и констатировал: "Официальная позиция Советского Союза вам известна — это внутреннее дело Чехословакии". "Да", — согласились мы, — "Но каково ваше личное мнение?". Господин секретарь просмотрел нам в глаза и сказал: "Личное мнение? Мое личное мнение таково, что вам нечего опасаться". И в этот момент я понимал, что он говорит правду». См.: Deset pražských dnů... S. 599.

⁵⁶ Ibid. S. 163—164.

⁵⁷ Suk J. Občanské fórum... Díl 1. S. 58.

⁵⁸ Ibid. Díl. 2. S. 17—18.

⁵⁹ Ked' sme brali do rúk budúcnosť. Dni, Dokumenty, Doslov. Bratislava, 1990. S. 23—24.

⁶⁰ November 1989 a Slovensko... S. 346; см. также: Alexander Dubček: od totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory výber 1963—1992 / Ed. J. Žatkuliak, I. Lалуha. Bratislava, 2002. S. 321.

⁶¹ Deset pražských dnů... S. 324; см. также: Suk J. Občanské fórum Díl. 2. S. 19.

⁶² Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 18.

⁶³ Deset pražských dnů... S. 316.

⁶⁴ Ibid. S. 324.

⁶⁵ Подробнее см.: Ibid.

⁶⁶ November 1989 a Slovensko... S. 351, 353; Poslední hurá. Stenografický záznam z mimořádných zasedání ÚV KSČ 24. a 26. listopadu 1989. Praha, 1992. S. 6, 9.

⁶⁷ Подробнее см.: Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989—1990 гг.). М., 1991; Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2000; см. также: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2002. Т. III, ч. 1—2.

⁶⁸ Deset pražských dnů... S. 406..

⁶⁹ Ibid. S. 463—464.

⁷⁰ Suk J. Občanské fórum... Díl 1. S. 72.

⁷¹ В опубликованных чешскими исследователями версиях этого выступления Гавела имеются принципиальные расхождения. В вышедшем в 1990 г. сборнике документов "Десять пражских дней" данный фрагмент речи Гавела представлен в следующем виде: "Мы требуем (курсив мой. — Э.З.) свободных выборов, ликвидации руководящей роли одной партии, ликвидации Национального фронта как манипуляционного инструмента этой партии. Заверяем вас, что в случае начала мирного диалога, мы с пра-

вительством будем обсуждать все эти пожелания граждан". См.: *Deset pražských dnů...* S. 464.

⁷² *Suk J. Občanské fórum...* Díl 2. S. 22; см. также: *Idem. Labyrintem revoluce...* S. 43.

⁷³ *Suk J. Občanské fórum...* Díl 2. S. 23.

⁷⁴ *Ibid.* S. 24.

⁷⁵ *November 1989 a Slovensko...* S. 350.

⁷⁶ *Ibid.* S. 358.

⁷⁷ См.: *Marušiak J. 1989 rok na Slovensku // Česko-slovenská historická ročenka 2002. Brno, 2002. S. 157.*

⁷⁸ *Suk J. Občanské fórum...* Díl 2. S. 25.

⁷⁹ *Deset pražských dnů...* S. 468.

⁸⁰ *Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989 / Ed. V. Prečan, J. Cuhra, V. Břeňova, M. Janišová, F. Koudelka, A. Nosková, S. Rohlíková, Z. Sládek, J. Suk, O. Tůma. Praha, 1999. S. 76.*

⁸¹ *Deset pražských dnů...* S. 467.

⁸² *Ibid.* S. 473.

⁸³ См.: *Zrychlený tep dějin...*

⁸⁴ *Suk J. Občanské fórum...* Díl 2. S. 25.

⁸⁵ При этом, как считает Дж. Кин, вопреки сложившемуся "мифу о Гавеле", единственным лидером в тот момент в рядах оппозиции он еще не являлся: "Он был уже почти героем в ГФ, но весьма немногие люди в стране хоть когда-то слышали его, а большинство даже не знало, кто же это такой". См.: *Keane J. Op. cit. P. 365.* Однако именно Гавелу удалось выйти на первые роли сначала в переговорах, а затем и в борьбе за президентский пост, причем, как полагает Кин, не без некоторого макиавеллизма. См.: *Keane J. Op. cit. P. 12, 439, 484.*

⁸⁶ См.: *Zrychlený tep dějin...* S. 11–36; *Шустер Р. Ультиматум. Воспоминания президента Словацкой республики: пер. со словац. М., 2002. С. 41.*

⁸⁷ *Zrychlený tep dějin...* S. 25.

⁸⁸ Подробнее см.: *Ibid.* S. 34.

⁸⁹ *Deset pražských dnů...* S. 496–497.

⁹⁰ *Ibid.* S. 504.

⁹¹ *Suk J. Občanské fórum...* Díl 2. S. 29.

⁹² *Ibid.*

⁹³ *November 1989 a Slovensko ... S. 358.*

⁹⁴ *Suk J. Občanské fórum...* Díl 2. S. 23.

⁹⁵ *Zrychlený tep dějin...* S. 43–44, 46.

⁹⁶ *Ibid.* S. 52–53, 57, 74.

⁹⁷ *Suk J. Občanské fórum...* Díl 2. S. 42.

⁹⁸ *Ibid.* S. 33–34.

⁹⁹ *Ibid.* S. 34.

¹⁰⁰ *Ibid.* Подробнее о проблематике вывода советских войск из Чехословакии см.: *Sovětská armáda v Československu 1968–1991. Chronologický přehled / Ed. J. Pecka a kol. Praha, 1996; Felcman O. SSSR a sovětská vojska v Československém vývoji let 1968–1991 // Sovětská vojska v Československém vývoji 1968–1991 / Ed. J. Pecka a kol. Praha, 1998. S. 76–105.*

¹⁰¹ *Chronologie...* S. 103.

¹⁰² Подробнее см.: *November 1989 a Slovensko...* S. 72.

- 103 *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 39.*
- 104 Подробнее см.: *Шустер Р. Указ. соч.*
- 105 Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г. Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда) // Славяноведение. 2000. № 3; Zadorožňuk E.G. Revolúcie v roku 1989 a procesy vzniku novej regionálnej identity strednej Európy // Politické vedy. Banská Bystrica, 2000. Roč. III. 2000. № 2.*
- 106 См.: *Československá cesta k demokracii... S.78.*
- 107 *Zrychlený tep dějin... S. 89.*
- 108 См.: *Ibid. S. 105 – 106, 151 – 152; см. также: Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 43.*
- 109 См.: *Suk J. Občanské fórum... Díl. 2. S. 43, 48.*
- 110 *Suk J. Labyrintem revoluce... S. 62.*
- 111 *Kováč D. Op. cit. S. 313.*
- 112 См.: *Saxonberg S. The Fall. A Comparative Study of the End of Communism in Czechoslovakia, East Germany, Hungary and Poland. Uppsala; Virginia, 2001. P. 351; см. также: Suk J. Labyrintem revoluce... S. 58.*
- 113 *Deset pražských dnů... S. 651.*
- 114 См.: *Burian M. Prognostici v takzvané sametové revoluci // Soudobé dějiny. 1997. № 3/4. S. 502.*
- 115 *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 49.*
- 116 См.: *Československá cesta k demokracii... S. 80; см. также: Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М., 2003. С. 143.*
- 117 *Zrychlený tep dějin... S. 164, 172 – 180.*
- 118 *Ibid. S. 181 – 182.*
- 119 Подробнее см.: *Suk J. Labyrintem revoluce... S. 128 – 129.*
- 120 *Ibid. S. 132.*
- 121 См.: *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 80 – 81; см. также: Keane J. Op. cit. P. 365.*
- 122 *Suk J. Labyrintem revoluce... S. 75 – 76. Э. Крисеова прибавила к этому списку одного из спикеров "Хартии – 77" Я. Шабату. См.: Ibid. S. 76.*
- 123 *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 87.*
- 124 *Ibid. S. 75 – 76, 80, 87, 90.*
- 125 Однако на самом деле на тот момент Комарек согласия не давал. Фактически представители кризисного штаба ГФ и представители ОПН убеждали Комарека, поначалу безуспешно, согласиться занять пост вице-премьера по экономическим вопросам лишь 8 декабря. Подробнее см.: *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 161 – 170.*
- 126 *Zrychlený tep dějin... S. 197 – 198; см. также: Suk J. Občanské fórum... Díl. 2. S. 101.*
- 127 *Zrychlený tep dějin... S. 206, 203 – 204, 208, 210, 211.*
- 128 *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 105.*
- 129 *Zrychlený tep dějin... S. 239. Адамец на этих переговорах заменил слово "реконструкция" словом "дополнение" правительства.*
- 130 *Ibid. S. 116.*
- 131 *Ibid. S. 292.*
- 132 Подробнее см.: *The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism / Ed. J. Elster. Chicago; L., 1996.*

¹³³ См.: Soudobé dějiny. 1997. № 3/4. S. 575.

¹³⁴ См.: *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 147.* Интересны на фоне этого решения итоги проведенного студентами импровизированного опроса общественного мнения, которые огласил один из студенческих лидеров Ш. Панек 7 декабря на совещании членов группы действия КЦ ГФ. На предложенный респондентам вопрос: "Кто, по вашему мнению, мог бы стать президентом республики?" — 80% ответили — не знаю; 10% — Дубчек, 7% — Комарек, 1,3% — Адамец; 1% — Гавел, 1% — Цисарж. См.: *Ibid. S. 122.*

¹³⁵ *Ibid. S. 137–140.*

¹³⁶ См.: *Československá cesta k demokracii... S. 82.*

¹³⁷ *Zrychlený tep dějin... S. 304.*

¹³⁸ *Československá cesta k demokracii... S. 82.*

¹³⁹ Подробнее см.: *Шустер Р.* Указ. соч. С. 31–53; 51.

¹⁴⁰ Подробнее см.: *Benčík A. Utajovaná pravda o Alexandru Dubčekovi: Drama muže, který předběhl svou dobu. Praha, 2000; Obroda. Klub za socialistickou přestavbu... S. 83; Suk J. Dubčekův návrat do vysoké politiky // Úloha Alexandra Dubčeka v moderních dějinách Československa. Sborník z konference. Praha, 2002. S. 90–91; Šilhán V. K Alexandru Dubčekovi // Úloha Alexandra Dubčeka... S. 126; см. также: *Загорожнюк Э.Г.* Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003.*

¹⁴¹ *November 1989 a Slovensko... S. 420, 426.*

¹⁴² *Dubček známy Neznámy / Ed. T. Michalová. Bratislava, 1993. S. 101–102.*

¹⁴³ *Verejnosť proti násiliu. 1989–1991. Svedectvá a dokumenty / Ed. I. Antalová. Bratislava, 1998. S. 97.*

¹⁴⁴ См.: *Suk J. K prosazení kandidatury... S. 351. Pozn. 14.*

¹⁴⁵ *Suk J. Občanské fórum... Díl 2. S. 227–232.*

¹⁴⁶ *Ibid. S. 227.*

¹⁴⁷ *Československo na ceste k demokracie... S. 83; Подробнее см.: Suk J. K prosazení kandidatury... S. 350. Pozn. 12.*

¹⁴⁸ *November 1989 a Slovensko... S. 85.*

¹⁴⁹ Подробнее см.: *Suk J. Život Václava Havla v pětapadesáti vinětách zhotovených anglickým politologem Johnem Keanem // Soudobé dějiny. 2000. № 4. S. 626–640; Idem. K prosazení kandidatury...; Šilhán V. K Alexandru Dubčekovi...*

¹⁵⁰ Дж. Кин полагает, что одна из главных целей этой сделки заключалась в снятии кандидатуры Дубчека и подготовке коммунистического по своему составу парламента к избранию президентом Гавела. После этого Чалфа "на приемах и обедах, посредством лоббистской и вербальной активности, путем уговоров и нажима на различные группы и отдельных людей пытался заблокировать все нежелательные процессы в парламенте. По взаимной договоренности 19 декабря он выступил в парламенте, призывая депутатов избрать Гавела в конце года". За это Чалфа был вознагражден постом советника президента после его избрания. См.: *Keane J. Op. cit. S. 372, 488.*

¹⁵¹ *Verejnosť proti násiliu... S. 102.*

¹⁵² *Ibid. S. 101.*

¹⁵³ См.: *Kováč D. Op. cit. S. 314; см. также: The Democratic Revolution in Czechoslovakia... Doc. 106. P. 325.*

¹⁵⁴ См.: *Kováč D.* Op. cit. S. 314; см. также: *Pecka J.* Odsun sovětských vojsk z Československa. 1989–1991. Praha, 1996.

¹⁵⁵ См.: *Československa cesta k demokracii...* S. 85; см. также: *Kováč D.* Op. cit. S. 314.

¹⁵⁶ *Suk J.* Občanské fórum... Díl 2. S. 265.

¹⁵⁷ См.: *Rychlík J.* Rozpad Československa... S. 88–89.

¹⁵⁸ Ibid. S. 89.

¹⁵⁹ Подробнее см.: *Kronika demokratického parlamentu 1989–1992 / Ed. F. Ciganek.* Praha, 1992. S. 11.

¹⁶⁰ *Rychlík J.* Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992. Bratislava, 2002. S. 89.

¹⁶¹ Подробнее см.: Ibid.; *Загорожнюк Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 12; *Загорожнюк Э.Г., Харцьева Г.Ю.* Алгоритм распада // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1993–2003 гг.

Первое десятилетие политической истории Чехии определяется достаточно точными временными границами. С одной стороны, это появление Чешской республики 1 января 1993 г. в качестве самостоятельного государства, с другой — уход в феврале 2003 г. со своего поста Вацлава Гавела, бессменного ее президента (а до этого президента Чехословакии) и последующее избрание новым главой государства бывшего премьер-министра и лидера Гражданской демократической партии (ГДП) Вацлава Клауса. Данный период был неоднозначен, но его результат налицо — превращение Чехии в стабильное европейское государство с уже сложившейся рыночной экономикой и устоявшейся политической структурой. Государство, вошедшее в НАТО и в Европейский союз (ЕС) в качестве одного из наиболее подготовленных претендентов. Наконец, государство, в котором смена лидеров — "морализатора-идеалиста" Гавела на "прагматика" Клауса (кавычки не случайны, поскольку элементы идеализма были и у Клауса) прошла относительно безболезненно, конституционным путем, даже несмотря на предшествующие конфликты между ними и сложность процедуры избрания второго президента Чешской Республики, обусловленную доминированием в парламенте социал-демократов и их союзников, выдвигавших своих кандидатов.

Специфика политической жизни: плюсы и минусы 1993–1997 гг.

Образовавшееся 1 января 1993 г. новое государство получило в наследство от Чехо-Словацкой Федеративной Республики парламент, избранный в июне 1992 г. После выборов гражданские демократы сформировали коалицию с На-

родной партией и Гражданским демократическим альянсом (ГДА), в результате чего в Национальном совете ЧР возникло правоцентристское большинство в 105 депутатов из 200. Столь незначительный перевес, тем не менее, позволил коалиции взять под контроль процесс принятия политических решений и безальтернативно повести страну, по мнению их политических оппонентов, "по пути капитализма". Пока у Чешской республики не было президента, но уже в 20-х числах января Вацлав Гавел предстал в качестве кандидата на пост главы уже Чешской Республики, а 26 января 1993 г. был им избран — хоть и не столь единодушно, как в 1989 г., но опять-таки безальтернативно.

Другой особенностью государственно-политической структуры Чехии являлось временное отсутствие верхней палаты парламента — Сената. Его существование хоть и предусматривалось Конституцией ЧР (в качестве дани политической традиции первой Чехословацкой республики), однако в действительности первые выборы в Сенат состоялись лишь в конце 1996 г.

Тогда же, в январе 1993 г., ООН приняла Чешскую Республику и Словацкую Республику в свои ряды в качестве независимых государств без голосования. В 1993 г. Чехия также заявила о намерении в перспективе вступить в ЕС, который, в свою очередь, отметил, что Чехия является одной из наиболее подготовленных для этого стран-кандидатов. А 26 августа того же года в Праге был подписан рамочный Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве с Россией.

Определив свои внешнеполитические приоритеты, страна взяла курс на экономические преобразования. ГДП, доминировавшая в правительстве и парламенте, практически отождествила стратегические цели развития республики с собственными программными установками. Эти установки включали в себя свободу предпринимательства, неприкосновенность частной собственности, ускоренную приватизацию большей части государственных предприятий, снижение налогов, борьбу с бюрократизмом, индивидуализм, защиту гражданских прав и свобод и т.д. Наиболее масштабным проектом, связанным с переходом от государственно-социалистической к рыночно-капиталистической экономической модели, стала "купонная" приватизация, которую премьер-министр В. Клаус считал важнейшей составной частью задуманных им радикальных реформ¹.

*Владимир Мечьяр и Вацлав Клаус.
За пять минут до "развода" республик*

В Чехии были выпущены приватизационные чеки (купоны нескольких видов — в зависимости от типов приватизируемых предприятий) и каждый гражданин Чешской Республики получил купонную книжку. Несколько более жестко проходила приватизация с правовой точки зрения, что позволило в конечном итоге избежать концентрации наиболее крупных, экономически рентабельных предприятий в руках нескольких предпринимательских групп, тесно связанных с коррумпированной бюрократией.

Иными словами, свои "олигархи" в Чехии в результате приватизации не появились (хотя они там и завелись, но по другим основаниям), а слой мелких и средних собственников возник (хотя и не столь широкий, как провозглашали в середине 90-х годов В. Клаус и иные глашатаи радикальных рыночных преобразований). Характерным для чешской приватизации являлось также законодательное ограничение участия иностранного капитала (хотя впоследствии раз-

Чешская республика

давались утверждения, что зарубежные фирмы принимали активное участие в приватизационных процессах через подставных лиц).

Однако в Чехии при проведении приватизации и иных экономических реформ в начале 90-х годов не удалось избежать серьезных издержек. Экономическая эффективность и правовая прозрачность нередко приносились в жертву личным связям, порой носившим коррупционный характер, и просто желанию как можно скорее осуществить амбициозные реформы. В результате по темпам приватизации в середине 90-х годов Чехия действительно оставила позади многие другие бывшие социалистические страны: если в 1990 г. доля частного сектора в экономике страны составляла лишь 7% валового внутреннего продукта, то в 1993 г. этот показатель достиг 44,6%, а год спустя превысил 50%². Однако во многих случаях приватизация являлась таковой лишь формально: к 1996 г. до 70% приватизированных предприятий находились под полным или частичным контролем инвестиционных фондов, которые, в свою очередь, в большинстве своем были связаны с тем или иным из четырех крупнейших банков Чехии. Контрольный пакет акций этих банков находился в руках государства, поскольку с приватизацией банковского сектора, в отличие от других отраслей экономи-

ки, правительство В. Клауса особенно не торопилось, стремясь сохранить основные рычаги финансового управления в своих руках.

Значителен оказался и масштаб злоупотреблений и экономических преступлений, допущенных в ходе радикальных реформ. Как и в России, в Чехии возникли "финансовые пирамиды", наиболее известная из которых — "Гарвардский фонд" некоего В. Коженого, впоследствии бежавшего на Багамские острова, — лишила более 40 тыс. вкладчиков средств на общую сумму в несколько сотен миллионов чешских крон. Весьма "популярной" оказалась и махинация, получившая в чешском языке специальное название *tunelování* (можно перевести как "вывод через туннель") и заключавшаяся в подложных транзакциях и фальшивых банкротствах, в результате которых имущество и капитал частных фирм переводились в личную собственность их владельцев.

Только в 1996 г., уже на закате "эры Клауса", число таких фирм в ЧР достигло полутора тысяч, а в первой половине 1997 г. к ним прибавились еще почти 900³. Многие нечистые на руку бизнесмены оказались связаны с чиновниками разных уровней. Впоследствии против ряда из них (например, министра финансов ЧР, члена руководства ГДП И. Кочарника) были выдвинуты обвинения в коррупции, однако в большинстве случаев до суда дело не дошло. Возникшая в чешском обществе в середине 90-х годов атмосфера характеризовалась, с одной стороны, стремлением к быстрому успеху любой ценой, с другой — ростом потребительских настроений и культом наживы.

На наш взгляд, весьма точную социально-психологическую характеристику описываемого периода дал позднее директор Института политологии при Карловом университете (Прага) Р. Кучера. По его мнению, в начале и середине 90-х годов XX в. в ЧР, с одной стороны, "символом будущего быстро стали супермаркеты, в которых можно найти все. Население... оказалось в плену иллюзии, будто смена режима заключается исключительно в изменении отношений собственности..."⁴ С другой стороны, росло разочарование в реформах и их социальных последствиях для тех, кто не мог или не хотел участвовать в гонке периода "первоначального накопления капитала".

Усиливалась социальная дифференциация, хотя — и здесь необходимо отдать должное В. Клаусу и его правительству — в Чехии, несмотря на радикальную риторику граж-

данских демократов и их союзников, никогда не применялись наиболее жесткие методы "шоковой терапии" (хорошо знакомые, в частности, гражданам России и Польши), а разрыв между богатыми и бедными достиг в середине 90-х годов хоть и заметных, но все же не катастрофических, а потому и политически угрожающих, размеров. Как бы то ни было, вплоть до начала экономического кризиса в 1997 г. правительство говорило о "чешском экономическом чуде", считало свою экономическую политику безошибочной, а ее критиков автоматически записывало в реакционеры и сторонники возврата к коммунистическому прошлому.

Как отмечает чешский политолог М. Вахудова, в период между выборами 1992 и 1996 гг. "правительство Клауса располагало исключительной свободой политического маневра, которую использовало для подрыва позиций своих противников и критиков"⁵. При этом речь шла не только об оппозиционных партиях и движениях, но и об общественных организациях, институтах гражданского общества, к которым значительная часть чешских правых относилась с заметным недоверием, считая их "несистемным" явлением, тормозящим процессы посткоммунистической трансформации⁶. Что же касается "официальных" оппозиционных сил, то здесь достаточно отметить: еще с осени 1992 г. депутаты от оппозиции были удалены со всех ответственных постов в Палате депутатов — председателей парламентских комитетов или членов президиума. Формально демократические механизмы в ЧР функционировали относительно успешно, фактически же речь шла о чрезмерном усилении позиций и влияния крупнейшей правой партии — гражданских демократов, которые оказывали все возрастающее давление не только на оппозицию, но и на своих союзников по правящей коалиции — Народную партию и ГДА.

1995 год можно назвать годом партийных съездов, на которых решались вопросы дальнейшего политического развития страны. Так, в новой "Политической программе ГДП", принятой на VI съезде партии, о гражданских демократах говорилось как о партии, деятельность которой основана на "консервативных социальных ценностях, обогащенных рядом ценностей, свойственных классическому европейскому либерализму"⁷, закреплялся авторитет В. Клауса как лидера посткоммунистических преобразований в Чехии. Выступая в январе 1995 г. в эфире телекомпании "Нова", премьер-министр назвал предыдущий год периодом "явной консолида-

ции" и "годом начала нормального развития". По словам Клауса, "многие явления, отдельные, мелкие, которые не радуют", естественны для сложного времени перемен и просто не могли не возникнуть. Глава правительства заявил, что "очень часто каждый из нас сам несет ответственность за собственное счастье, успехи, неудачи"⁸. Он полагал, что политическая система страны более не нуждается в дополнениях и что каждый гражданин должен лишь совершенствоваться сам. Однако, вопреки оптимистическим заявлениям В. Клауса, данные опросов общественного мнения свидетельствовали о том, что большая часть населения Чехии (51%) была недовольна или скорее недовольна положением дел в стране, и лишь 43% удовлетворены или скорее удовлетворены им (данные на начало 1995 г.). При этом выявились огромные различия в оценке ситуации сторонниками различных политических партий: если среди приверженцев ГДП удовлетворение выражали почти 80%, то, например, у избирателей ГДА этот показатель не превышал 64, у социал-демократического электората — 28, а у граждан, голосовавших за коммунистов, — всего 8%⁹.

К тому времени возникли достаточно прочные связи между основными политическими субъектами и определенными слоями чешского общества. Так, ГДП ориентировалась на предпринимательскую элиту, молодежь, средние и зажиточные слои городского населения, значительную часть интеллигенции. Христианско-демократический союз — Чешская народная партия (ХДС — ЧНП) традиционно опиралась на католическое население сел и небольших городов, в основном в Моравии. Коммунисты пользовались популярностью у пенсионеров, части рабочих, других лиц наемного труда, особенно в социально неблагополучных промышленных районах. Несколько более пестрым был электорат Чешской социал-демократической партии (ЧСДП), которую поддерживала та часть рабочих и служащих, которая считала необходимым усиление социального акцента реформ, но не желала следовать за коммунистами, отвергая эту партию как политическую наследницу Компартии Чехословакии периода 1948 — 1989 гг. В то же время в стане сторонников социал-демократов появились и представители новых социальных групп — мелкие и средние предприниматели, недовольные размахом коррупции и преступности, а также несовершенством действующего законодательства, особенно в экономической сфере. Постепенно становилось ясно, что

основной политической конфликт в обществе связан с экономикой, ролью в ней государства, социальным неравенством и социальной справедливостью.

В ноябре 1994 г. ХДС – ЧНП одержала победу на выборах в местные органы власти¹⁰, подтвердив свою репутацию "партии старост", залогом успеха которой являются прочные позиции в сельских районах и малых городах, забота о повседневных нуждах "маленького человека", поддержка мер по социальной защите населения, лоббирование на общенациональном уровне интересов сельскохозяйственных производителей, местного самоуправления и католической церкви. Все это требовало соответствующего изменения программных установок партии, ее большей "социализации". Новое руководство ХДС – ЧНП во главе с Й. Луксом взяло курс на завоевание партией положения наиболее влиятельной центристской политической силы, призванной олицетворять в глазах общества альтернативу как "чрезмерно рыночным" гражданским демократам, так и быстро усилившейся "чересчур социалистической" ЧСДП. 30 сентября 1995 г. на очередном съезде Народной партии были одобрены "Основы политики ХДС – ЧНП". В этом программном документе говорилось о приверженности партии идее "социальной рыночной экономики" (по образцу немецких христианских демократов) и христианским принципам, являющимся, как отмечалось в "Основах", фундаментом современной европейской цивилизации. В программе делался упор на такие ценности, как "безопасность граждан и уверенность в завтрашнем дне", а в качестве предвыборного лозунга были избраны слова "Спокойная сила"¹¹.

Ядром сил, оппозиционных правящей правой коалиции, стали социал-демократы. Смена руководства ЧСДП (в феврале 1993 г. новым председателем партии был избран Милош Земан) привела к выработке более четких программных установок. Социал-демократы выразили намерение, как не слишком корректно заявил их лидер, "взять правительство за глотку"¹². В принятых на XXVII съезде ЧСДП (1995) резолюциях отмечалось, что партия будет бороться за создание в Чехии социально ориентированной рыночной экономики и общества, основанного на принципах солидарности и гуманности. ЧСДП осуждала культ индивидуального успеха и материального благополучия, поддерживала более устойчивое и равномерное общественное развитие, подчеркивалась ее верность принципам демократии. В то же время провозгла-

шалось, что ни при каких условиях социал-демократы не пойдут на союз с нереформированной Коммунистической партией¹³. Это означало, что ЧСДП, во-первых, хотела подчеркнуть свою принадлежность к лагерю демократических сил, а во-вторых, более не надеялась на "переманивание" коммунистического электората.

Рост рейтинга ЧСДП, достигшего к началу 1996 г. 20%¹⁴, свидетельствовал о том, что на сторону социал-демократов склоняются симпатии значительной части тех, кто пострадал или не получил ожидаемого в результате радикальных экономических реформ, проведенных правым правительством. Это были в первую очередь лица наемного труда, сельскохозяйственные производители, мелкие предприниматели, часть научно-технической и творческой интеллигенции. ЧСДП сумела наиболее эффективно использовать смену настроений в обществе, которая обуславливалась тем, что влияние принадлежности к тому или иному социальному слою на политический выбор граждан в период с 1992 по 1996 г. возросло. Представители рабочих профессий и мелкие служащие проявили склонность голосовать за левые партии, в первую очередь за ЧСДП¹⁵. Таким образом, в предвыборную кампанию 1996 года социал-демократы вступили как наиболее популярная и организованная демократическая партия левой ориентации, основной конкурент правящего правого блока. Это был один из главных результатов политического развития Чехии в 1992 – 1996 гг.

Что касается другой крупной партии левой ориентации – Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ), то ей в рассматриваемый период так и не удалось избавиться от "родимых пятен", превративших коммунистов в изгоев чешской политики, несмотря на то, что рейтинг партии никогда не опускался ниже 9 – 12%. Ее предвыборный IV съезд (1996) уточнил программную ориентацию коммунистов, приняв "Политическую декларацию", в которой, в частности, отмечалось, что "в стратегическом плане КПЧМ ориентируется на построение коммунизма, поскольку видит в появлении такого типа социального устройства воплощение давней мечты человечества о прогрессе и социальной справедливости и условие сохранения и развития гуманистически ориентированной цивилизации"¹⁶. Однако ни в одном из документов компартии ничего не говорилось о массовых репрессиях и других преступлениях режима КПЧ, непосредственной наследницей которой является КПЧМ, а период

1948 — 1989 гг. толковался лишь как избыточный "ошибками" и "отклонениями от социализма"¹⁷. Именно упорный отказ компартии от осуждения режима, правившего в ЧССР, долгое время оставался главным камнем преткновения в отношениях КПЧМ с остальными чешскими политическими субъектами, причиной изоляции коммунистов и отсутствия у них какого-либо коалиционного потенциала.

Середина 90-х годов XX в. стала периодом внутренних конфликтов для другой "антисистемной" чешской парламентской партии — Республиканской. На III съезде республиканцев в 1994 г., тоже обрамляющим по времени "год съездов", была принята новая программа партии, в которой об ОРЗ — РПЧ говорилось как о "партии, стремящейся к тому, чтобы Чешская Республика стала демократическим, гуманным, сильным и процветающим государством с парламентской плюралистической политической системой и республиканским государственным устройством"¹⁸. В то же время политическая практика республиканцев свидетельствовала о том, что они остаются популистской, ультра националистической силой, склонной к действиям, выходящим за рамки демократических традиций и законов Чешской Республики.

На очередных выборах в нижнюю палату парламента ЧР, состоявшихся 31 мая — 1 июня 1996 г., правым удалось вновь одержать победу. ГДП получила 29,62% голосов и 68 депутатских мест. За ХДС — ЧНП проголосовали немногим более 8% избирателей, что принесло ей 18 мандатов. ГДА поддержали 6,36% проголосовавших, обеспечив партии 13 мест в Палате депутатов. Левые вновь были вынуждены довольствоваться ролью оппозиции, хотя представительство социал-демократов в чешском парламенте резко выросло: они набрали 26,44% голосов и получили 61 депутатский мандат. На третьем месте после ГДП и ЧСДП оказались коммунисты — 10,33% голосов, 22 депутата. В парламент прошли также республиканцы, которых поддержали 8% избирателей, что принесло им 18 мест в нижней палате¹⁹.

Таким образом, Чешская Республика осталась одним из очень немногих государств Центральной и Восточной Европы, где в середине 90-х годов XX в. не произошел так называемый "левый поворот", т.е. власть не перешла в руки левых и левоцентристских сил, как это случилось, например, в Польше, Венгрии, Болгарии, Литве и других странах этих регионов.

Указанная особенность — следствие совокупного действия нескольких факторов. Во-первых, радикальные эконо-

мические преобразования в ЧР имели (по крайней мере на момент выборов) меньше негативных социальных последствий, чем в других государствах. Благодаря этому протестный электорат — избиратели, разочаровавшиеся в праволиберальных партиях, в Чехии оказался не столь значительным. Во-вторых, сыграли свою роль крайне агрессивные предвыборные кампании двух основных соперников — ГДП и ЧСДП. Сторонники В. Клауса пытались представить социал-демократов как "партию реванша", победа которой может привести к реставрации если не всего доноябрьского режима, то по крайней мере некоторых его элементов. Несмотря на утверждения ЧСДП о невозможности сотрудничества ЧСДП и КПЧМ, правые муссировали тему возможного создания после выборов левого блока социал-демократов и коммунистов²⁰. В свою очередь, лидеры ЧСДП допускали резкие антиправительственные и антилиберальные высказывания, которые были на руку противникам социал-демократов, поскольку как бы подтверждали обоснованность их опасений. Таким образом, обе крупнейшие партии способствовали сохранению сложившегося в начале 90-х годов конфронтационного типа политической культуры, в рамках которого преобладало разделение на "мы" и "они".

Правым впервые в посткоммунистической истории Чехии не удалось завоевать большинство мест в парламенте: на долю правоцентристской коалиции, сохранившейся после выборов 1996 г., пришлось лишь 99 депутатских мест из 200. Второй кабинет В. Клауса стал правительством меньшинства, которое пришло к власти из-за невозможности коалиционного соглашения между остальными парламентскими партиями — социал-демократами, коммунистами и республиканцами. Но все же по достигнутой ГДП и ЧСДП договоренности о фактическом разделе власти социал-демократы получили основные руководящие посты в нижней палате парламента (ее председателем стал М. Земан); в обмен на это депутаты ЧСДП не участвовали в голосовании, что позволило правоцентристскому кабинету получить вотум доверия. В этих условиях еще более увеличился политический вес "младших" партнеров гражданских демократов по коалиции — ХДС — ЧНП и ГДА. Обе партии, особенно христианские демократы, в 1996 — 1997 гг. неоднократно использовали по отношению к ГДП свой возросший в результате выборов "потенциал шантажа".

Таким образом, подтвердились прогнозы многих специалистов, утверждавших, что «на парламентских выборах

1996 г. победит ГДП с коалиционными партиями, но... это будет, скорее всего, пиррова победа, поскольку потенциал активного внедрения капиталистических порядков в Чехии подошел к своему потолку... Социал-демократы составят ядро оппозиции, усиливаясь в той мере, в какой они будут тоже "за капитализм"; партия выступит в качестве реального и мощного противовеса [правым силам]»²¹.

В ноябре 1996 г. состоялись первые в истории ЧР выборы в Сенат — верхнюю палату парламента²². Гражданские демократы сумели провести в Сенат 32 своих кандидата, социал-демократы — 25, ХДС — ЧНП получила 13 кресел, ГДА — 7, одного кандидата провел Демократический союз и один сенатор (профсоюзный лидер Р. Фалбр) баллотировался как независимый, но при поддержке ЧСДП²³. В ходе тех и других выборов проявилась тенденция к постепенной изоляции Гражданской демократической партии: положение ее на чешской политической сцене осложнилось из-за финансовых скандалов. Хотя В. Клаус и другие руководители гражданских демократов категорически отрицали существование каких-либо источников незаконного финансирования ГДП, скандал нанес серьезный ущерб ее репутации²⁴.

В рассматриваемый период продолжали нарастать противоречия между членами правоцентристской коалиции. Так, уже в начале 1997 г. руководство ХДС — ЧНП выступило с рядом политических заявлений, в которых охарактеризовало свою партию как "наиболее последовательную с программно-идеологической точки зрения" и "равноудаленную как от ГДП, так и от ЧСДП"²⁵. Столь же сложными стали отношения ГДП с другим коалиционным партнером — ГДА. На XI конференции этой партии, состоявшейся в сентябре 1996 г., ее тогдашний лидер Я. Калвода заявил, что ГДП страдает "заразной болезнью". Ее симптомами, как он полагал, являлись "утрата реализма при оценках собственных политических успехов, нежелание признать сделанные ошибки, глухота по отношению к критике, нетерпимость к иным мнениям, а главное — недостаток мужества при осуществлении дальнейших реформ". Кроме того, по словам Калводы, ГДП отличает "надменный политический стиль" и "высокомерное пренебрежение к идее более активного участия граждан в политической жизни"²⁶. В то же время заметно ухудшились отношения ГДА с христианскими демократами, поскольку в июне 1997 г. руководство альянса выступило с заявлением, в котором говорилось о его "категорическом несо-

гласии с утверждением, будто либеральная экономическая политика в Чехии провалилась"²⁷. Между тем ХДС – ЧНП склонялась именно к такой оценке происходящего.

Причиной этих оценок стали неблагоприятные тенденции социально-экономического развития Чехии, которые начали проявляться в 1997 г. К тому времени Клаусу удалось убедить Запад (и чешскую публику) в том, что политическая и экономическая трансформация в Чехии практически завершена²⁸. В 1993 г. Чехия первой из посткоммунистических стран подписала с ЕС так называемые "соглашения об ассоциации", которые являлись начальным этапом на пути к принятию страны в ЕС. В январе 1996 г. правительство ЧР направило Европейскому союзу официальную просьбу о начале переговоров по вопросу о вступлении страны в ЕС. Годом раньше республика, опять-таки первой из стран бывшего социалистического содружества, присоединилась к Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В это время (1996) темпы роста чешской экономики составили 4,1%, дефицит бюджета – всего лишь 0,1% валового внутреннего продукта, уровень безработицы – 3,5% трудоспособного населения (для сравнения: в Венгрии в тот же период – 12,1%, в Польше – около 15%), инфляция – 8,8% (в Венгрии – 23,6%, в Польше – 19,9%)²⁹. Однако, как уже отмечалось выше, в 1997 г. стало ясно, что приватизация была проведена со множеством злоупотреблений, важнейшие экономические реформы по-прежнему только предстоит осуществить, а чешское правительство не уделяло должного внимания таким немаловажным проблемам, как формирование среднего класса, реформирование системы государственного управления и поддержка жизнеспособного гражданского общества.

Хотя ни в одном из программных документов ГДП об этом ничего не говорилось, лидеры гражданских демократов не раз подчеркивали, что, по их мнению, в той модели общества, к которой должны стремиться формирующиеся демократии, "нет места гражданским организациям и ассоциациям; есть лишь граждане, с одной стороны, и государство – с другой"³⁰. Такая позиция гражданских демократов явилась одной из причин нараставшей в течение 90-х годов напряженности между премьер-министром прагматиком В. Клаусом и президентом Чехии В. Гавелом, который придерживался традиционных для европейского либерализма позитивных оценок гражданского общества и его роли в социальной жизни³¹.

Во многом из-за скептического отношения чешских правых к гражданским инициативам и неправительственным организациям в середине 90-х годов среди наименее социально защищенной части общества возникло ощущение оторванности правительства от нужд обычных граждан, крепло представление о политиках, особенно правых, как о лицах, ориентирующихся в своей деятельности в первую очередь на зажиточные слои населения, о "власти богатых и для богатых". Это, в свою очередь, способствовало росту негативистских настроений и популярности не только умеренно левых социал-демократов, но и радикальных коммунистов, а также популистских сил — республиканцев, партии "Пенсионеры за жизненную стабильность", рейтинг которой к началу 1998 г. достиг 9%³², и др. Усилению социальной напряженности способствовали и такие обстоятельства, как сильнейшее наводнение, обрушившееся на Чехию летом 1997 г., в результате чего тысячи людей остались без крова, а также финансовый кризис, следствием которого стало резкое падение курса национальной валюты — чешской кроны. В общественном сознании стал рушиться созданный не без участия партий правящей коалиции миф о благополучной Чехии, мягко и без особых проблем идущей по пути посткоммунистической трансформации, к сближению с развитыми западноевропейскими странами.

Экономический спад, череда скандалов, связанных с разворовыванием приватизированных предприятий и финансовыми аферами некоторых бизнесменов, оставшихся безнаказанными, высказанные средствами массовой информации подозрения в коррумпированности ряда государственных чиновников высокого ранга — все это вело к постепенному падению популярности партий правящей коалиции, прежде всего гражданских демократов, и появлению разногласий в Гражданской демократической партии. Все более частыми становились трения в руководстве крупнейшей правой партии. Так, министр иностранных дел Й. Желенец, Я. Румл и другие деятели, стоявшие в свое время вместе с В. Клаусом у истоков ГДП, все чаще подвергали критике отдельные политические шаги премьер-министра. Особенно обострилась ситуация в правительстве после июня 1997 г., когда в Палате депутатов прошло голосование по вопросу о доверии кабинету. Правительству В. Клауса удалось устоять лишь благодаря голосу депутата, который вышел из рядов ЧСДП из-за конфликта с руководством партии и объявил себя независимым.

Политическая тактика оппозиции в рассматриваемый период оставалась прежней и в общих чертах сводилась к лозунгу М. Земана "взять правительство за глотку". В марте 1997 г. на XXVIII съезде ЧСДП был принят программный документ "Альтернатива для нашей страны", в которой курс кабинета В. Клауса, прежде всего в экономической сфере, подвергался уничтожающей критике. По мнению чешских социал-демократов, стратегия ГДП, основанная на отрицании какой-либо экономической роли государства, "в самой своей основе потерпела крах"³³. В выступлениях М. Земана и других руководителей партии подчеркивалась необходимость в случае прихода ЧСДП к власти развернуть борьбу с экономической преступностью и коррупцией, заметно усилить социальную составляющую государственной политики, проводить взвешенный внешнеполитический курс. В целом после того, как М. Земан возглавил Социал-демократическую партию, в ее внутренней жизни усилились элементы централизма и авторитаризма, которые, тем не менее, не выходили за рамки норм, допустимых в демократической среде. И все же во второй половине 90-х годов ЧСДП, как и ее основной конкурент — ГДП, во многих отношениях превратилась в "партию одного человека". Лидер социал-демократов стал вторым после В. Клауса ярко выраженным харизматическим политиком в посткоммунистической истории Чехии. Во многом благодаря энергии обоих этих деятелей предвыборные кампании ГДП и ЧСДП в 1996 и позднее в 1998 гг. приобрели ранее невиданный размах и остроту.

К этому периоду относится стабилизация членской основы и электората Коммунистической партии. Хотя КПЧМ оставалась крупнейшей партией Чехии, в 1993—1995 гг. ее численность сократилась почти на 40%, а в 1995—1997 гг. — еще на 21%. В 1997 г. в КПЧМ состояли немногим более 150 тыс. граждан ЧР. С этого момента дальнейшее снижение численности партии почти прекратилось³⁴. Окончательно определился и социальный облик сторонников чешских коммунистов: 49,7% коммунистических избирателей на выборах 1996 года составили представители возрастной группы старше 60 лет, почти 40% электората КПЧМ обладало лишь начальным образованием, а доходы 54% не превышали 7 тыс. крон (по тогдашнему курсу — около 230 долларов) в месяц³⁵.

Несмотря на естественное стремление оппозиционных сил максимально осложнить жизнь правительству, распад

правоцентристского блока осенью 1997 г. явился следствием в первую очередь внутренних противоречий и неурядиц в рядах правых сил, обусловленных непростой социально-экономической ситуацией в стране. Правительственный курс, который приносил правым успехи и политические дивиденды в начале и середине 90-х, во второй половине десятилетия более не оправдывал себя. Поводом для политического кризиса, самого серьезного в Чехии после 1989 г., стали два события во внутривнутрипартийной жизни гражданских демократов. В октябре 1997 г. подал в отставку заместитель председателя ГДП, министр иностранных дел Чехии Й. Желенец, объяснивший свое решение тем, что руководство партии и в первую очередь В. Клаус не консультировались с ним по ряду важнейших вопросов финансирования партии. В результате, по утверждению Желенеца, некоторые принятые решения нанесли серьезный вред репутации гражданских демократов³⁶. В действительности отставка Й. Желенеца объяснялась не только указанными им причинами, но и давним соперничеством между В. Клаусом и его заместителем, пользовавшимся большой популярностью в партии и обществе.

Окончательный удар правительству В. Клауса и правоцентристской коалиции был нанесен 28 ноября 1997 г., когда другой заместитель председателя ГДП, министр финансов Чехии И. Пилип и обладавший большим авторитетом в партии бывший диссидент Я. Румл обратились к В. Клаусу, находившемуся в тот момент с рабочим визитом в столице Боснии и Герцеговины Сараево, с призывом уйти в отставку с постов премьер-министра ЧР и лидера ГДП³⁷. Свою позицию Пилип и Румл подкрепляли аргументами о падении авторитета правительства и популярности ГДП в обществе, непрекращающихся разногласиях в рядах правящей коалиции и финансовых скандалах, что объяснялось, по их мнению, все большей склонностью Клауса к авторитаризму. Взгляды на "сараевское покушение" в чешском обществе оказались с самого начала диаметрально противоположными: "Сторонники Клауса до сих пор убеждены, что Румл и Пилип действовали трусливо, атаковав своего шефа с безопасного тысячекилометрового расстояния... Но и у противной стороны есть своя правда: Клаус не был способен противодействовать скандалам внутри ГДП, как председатель партии не хотел о них слышать и, по сути дела, покрывал их виновников"³⁸. Как бы то ни было, "сараевское покушение" оказалось удачным: в тот же день, когда Пилип и Румл выступили

со своим обращением, председатель ХДС – ЧНП Й. Лукс, который, возможно, координировал свои действия с "заговорщиками", объявил о выходе своей партии из правящей коалиции. В. Клаус, вернувшись домой, застал настолько критическую ситуацию, что 30 ноября 1997 г. подал президенту республики прошение об отставке.

Отставка В. Клауса и крушение правоцентристской коалиции поставили перед чешской политической элитой вопрос о выходе из сложившейся кризисной ситуации. В этих условиях центр принятия важнейших политических решений неожиданно для многих переместился в резиденцию главы государства – Град. В середине 90-х годов политическая роль президента Чехии неуклонно уменьшалась, он был как бы оттеснен на задний план энергичным премьер-министром, отношения с которым у главы государства не сложились. Определенному снижению активности В. Гавела и падению его популярности в этот период способствовали и субъективные факторы – серьезные проблемы со здоровьем, возникшие у президента после 1995 г., смерть его пользовавшейся большим авторитетом супруги О. Гавловой и поначалу непопулярный в обществе второй брак с актрисой Д. Вешкрновой. Однако политический кризис 1997 года и крах правой коалиции резко изменили ситуацию: президент Чехии вновь, как в 1989 – 1990 гг., превратился в гаранта стабильности и поступательного политического развития страны.

Следует отметить, что отношения между ведущей правой партией Чехии и президентом были непростыми с начала 90-х годов, хотя именно Гражданская демократическая партия способствовала избранию Гавела главой Чешской Республики сразу после распада федеративного государства в 1993 г. Еще до парламентских выборов 1996 года лидер гражданских демократов северной Моравии (впоследствии – заместитель председателя ГДП) М. Мацек отмечал, что "роль президента в нашем государстве не определена достаточно четко" и подчеркивал в этой связи "явное давление на ГДП" со стороны кругов, близких к Граду³⁹. Поэтому не удивительно, что в конце 1997 г. В. Гавел, не скрывавший своего удовлетворения в связи с падением кабинета В. Клауса, выступил в качестве инициатора создания надпартийного технократического правительства, которое должно было управлять страной вплоть до досрочных выборов, назначенных на июнь 1998 г. На скорейшем их проведении особенно настаи-

вали социал-демократы, которые впервые в посткоммунистической истории ЧР стали в конце 1997 — начале 1998 г. самой популярной политической партией в стране.

Стремление президента Чехии усилить свои политические позиции наглядно проявилось 9 декабря 1997 г., когда он выступил на совместном заседании обеих палат парламента в пражском концертно-выставочном зале Рудольфинум с небывало острой речью. Хотя Гавел не называл конкретных имен, его слушатели, несомненно, поняли, что бо́льшая часть президентской критики адресована Клаусу и касается политики его правительства и программных установок чешских правых партий, ориентированных на радикальные рыночные реформы. Президент назвал политическую практику правых "марксизмом наоборот" и отметил, что в Чехии "все большее число людей испытывает отвращение к политике и политикам, которых они с полным правом обвиняют в неудачах последнего времени"⁴⁰. Замечания В. Гавела были в целом точными и вполне уместными, однако критики президента справедливо упрекали его в том, что с обвинениями в адрес В. Клауса и правых он выступил лишь после их падения. Вспоминали и о том, что летом 1997 г., когда правительство В. Клауса в первый раз оказалось на грани краха, В. Гавел поддержал премьер-министра "в обмен на то, что тот не предпримет шагов, которые могли бы препятствовать повторному избранию [Гавела] президентом"⁴¹.

После декабрьского выступления, вошедшего в новейшую политическую историю Чехии как "речь в Рудольфинуме", рассчитывать на поддержку гражданских демократов В. Гавел уже не мог. Во многом поэтому его избрание главой государства на второй пятилетний срок оказалось драматическим: в январе 1998 г. в решающем туре парламентского голосования Гавел победил большинством в один голос, хотя его единственным соперником был лидер республиканцев М. Сладек — фигура заведомо неприемлемая для большинства политических партий. Депутаты от ГДП, сохранившие верность В. Клаусу, выступили против Гавела вместе с коммунистами и республиканцами, что впоследствии дало дополнительные политические козыри противникам гражданских демократов.

В. Гавел способствовал формированию нового кабинета министров в соответствии с собственными идеями и представлениями о благе страны и общества. Неотъемлемую часть этих представлений в рассматриваемый период со-

ставляла поддержка молодых политиков, которые должны были сменить старую, израсходовавшую свой потенциал политическую элиту. Однако, как отмечали оппоненты Гавела, "господин президент ничего не говорит о том, как эти его любимцы могут попасть, например, в правительство, поскольку президент не назначает членов кабинета, а утверждает их в соответствии с предложением премьера, который, в свою очередь, действует по воле тех или иных партий"⁴². Политическая активность В. Гавела во время кризиса 1997 – 1998 гг. нацеливалась, таким образом, на снижение роли партий, особенно ГДП, в процессе принятия политических решений. Расхождения президента республики с гражданскими демократами носили принципиальный характер, поскольку касались основополагающих представлений о роли государственных институтов и традиционных политических субъектов (в первую очередь партий), с одной стороны, и роли структур гражданского общества в процессе посткоммунистической трансформации – с другой.

2 января 1998 г. было объявлено о формировании нового правительства Чехии во главе с политически нейтральным бывшим председателем Национального банка Й. Тошовским. Президент Гавел и его советники играли заметную роль при подборе членов нового кабинета, в состав которого вошли три представителя ХДС – ЧНП и девять беспартийных (двое из них – бывшие члены ГДА, вышедшие из партии сразу после назначения на министерские должности). Еще пять министров представляли Союз свободы (СС) – партию, созданную политиками, покинувшими в самом конце 1997 г. ГДП. В ходе формирования правительства Й. Тошовски вел консультации с лидерами христианских демократов и ГДА Й. Луксом и И. Скалицким. Предложение высказать свое мнение по кандидатурам будущих министров было сделано и В. Клаусу, но он отказался, поскольку выступал против участия в новом кабинете лиц, причастных к "сараевскому покушению". Правительство Тошовского "явилося временным решением, и в следующие пять месяцев страна находилась в состоянии ожесточенной предвыборной борьбы"⁴³.

В конце 1997 г. очень многим казалось, что карьера В. Клауса подошла к концу, и это не вызывало протеста у большей части общества (отставку премьер-министра одобрили 75% чехов)⁴⁴, но скоро выяснилось: этот политик способен на неожиданное политическое возрождение. 14 декабря

1997 г. в г. Подебрады открылась чрезвычайная конференция ГДП. Обстановка в рядах партии была чрезвычайно напряженной, поскольку мнения местных организаций по вопросу об отставке Клауса разделились⁴⁵. Тем не менее выборы председателя партии принесли лидеру гражданских демократов убедительную победу: за него проголосовали 227 делегатов, а за его соперника Я. Румла — лишь 72⁴⁶. В руководстве ГДП произошли серьезные перемены: с подачи В. Клауса туда были введены лояльные ему представители регионов — М. Бенеш, Л. Бенешова, М. Мацек и др. Его противники выразили несогласие с решениями конференции и вышли из партии. Они объявили в январе 1998 г. о создании Союза свободы — праволиберальной партии, лидером которой стал Я. Румл. Помимо "раскольников" из ГДП, в Союз вступили некоторые бывшие члены ГДА (К. Кинл, В. Млынарж и др.) и беспартийные, в основном представители либерально настроенной пражской и провинциальной интеллигенции. Программные положения СС в области экономической политики, внешнеполитических ориентиров, отношения к социалистической идеологии не слишком отличались от установок ГДП. Существенным различием между ними являлся разве что акцент на "моральные основы политики", "честность, право и справедливость", который делали основатели новой партии⁴⁷.

Таким образом, на правом фланге чешского политического спектра появилась, как отмечала пражская печать, "еще одна ГДП без Клауса"⁴⁸. В данном случае вернее было бы сказать — против Клауса, поскольку политическая и личная неприязнь к экс-премьеру оставалась едва ли не самым существенным фактором, приведшим к возникновению СС. Лишь позднее, в 2000—2001 гг., между двумя этими либерально-консервативными партиями возникли определенные расхождения и в идеологической области. Тем не менее появление Союза свободы имело важные последствия для других политических партий Чехии. Первым из таких последствий стало относительное падение популярности ХДС — ЧНП, которая до сих пор представляла для правых избирателей альтернативу в том случае, если они не хотели голосовать ни за одну из "гражданских" партий. Эту роль после своего образования взял на себя СС, что проявилось в снижении рейтинга ХДС — ЧНП с 10—12 до 7—8%. Хотя указанное снижение не отразилось существенным образом на коалиционном потенциале христианских демократов, оно

стало для них тревожным сигналом, показывающим, что завоеванное ХДС – ЧНП положение гирьки, от которой зависит баланс сил на весах чешской политики, может оказаться под угрозой⁴⁹. В то же время надежды лидеров СС на то, что их партии удастся стать основной либерально-консервативной политической силой и вытеснить с этой позиции ГДП, в первой половине 1998 г. не оправдались. Хотя рейтинги Союза свободы вскоре после его появления на политической сцене доходили до 15%, в то время как популярность гражданских демократов опустилась до невиданно низкой отметки в 10%, уже весной все встало на свои места. В ходе предвыборной кампании В. Клаус и его сторонники вновь избрали тактику, проверенную в 1996 г. Резкие нападки на социал-демократов как партию, несущую угрозу свободному развитию капитализма в Чехии, "мобилизационные" лозунги, призывавшие избирателей во что бы то ни стало участвовать в выборах, дабы избежать "левого реванша", наконец, харизматические качества В. Клауса, активное участие популярных неполитических фигур (певцов, актеров, художников и т.д.), симпатизирующих гражданским демократам, в агитационных мероприятиях партии (наиболее крупным из них стал концерт в поддержку ГДП на Староместской площади в Праге), — все это способствовало тому, что гражданские демократы стали своего рода "птицей Феникс" чешской политики, в рекордно короткий срок восстановив утраченную популярность.

Нельзя, очевидно, сбрасывать со счетов и такой психологический момент, как "синдром сочувствия". В 1997 – 1998 гг. в глазах многих избирателей, даже тех, кто не был согласен с политикой В. Клауса в бытность его главой правительства, этот политический деятель оказался в положении несправедливо обиженного, преданного ближайшими соратниками, которые совершили "сараевское покушение", и вдобавок раскритикованного президентом Гавелом (авторитет которого к тому времени, в отличие от начала 90-х годов, уже не являлся безусловным). Значительная часть электората вновь повернулась лицом к Клаусу и его партии как основным защитникам радикально-реформаторского курса и капиталистических порядков в стране. В результате перед выборами ГДП мобилизовала 80 процентов тех, кто поддерживал партию в 1996 г.⁵⁰ — и это несмотря на все скандалы и политические перипетии 1997 г. Уже к концу апреля опросы общественного мнения показывали, что основная борьба на пред-

стоящих парламентских выборах развернется между старыми соперниками — ГДП и ЧСДП.

Предвыборная тактика социал-демократов в чем-то напоминала методы их главных оппонентов. Как и В. Клаус, председатель ЧСДП М. Земан весной 1998 г. объездил всю страну, десятки раз выступив на митингах и встречах с избирателями. Социал-демократы делали упор на необходимость корректировки социальной политики, резко критикуя просчеты, допущенные правыми в этой сфере. Агитация ЧСДП имела особенный успех в регионах, наименее благополучных с социально-экономической точки зрения — на севере Моравии и в северо-западных районах Чехии. В апреле 1998 г. рейтинг социал-демократов достиг рекордной отметки 26,7%⁵¹. В то же время в последние месяцы перед выборами репутации ЧСДП был нанесен ущерб рядом финансовых скандалов. Наиболее громким из них стала "афера Бамберг" — появившиеся в печати сведения о якобы имевших место переговорах социал-демократического руководства с зарубежными бизнесменами относительно финансовой (естественно, небезвозмездной) поддержки ЧСДП⁵².

Несмотря на это, социал-демократам удалось одержать победу на выборах в нижнюю палату парламента Чехии 19–20 июня 1998 г., получив более 32% голосов и 74 депутатских мандата. Второе место с большим отрывом от остальных соперников заняла ГДП — 27,74% голосов и 63 депутатских кресла. На третьем месте, как и в 1996 г., оказались коммунисты, получившие поддержку 11% проголосовавших и 24 места в нижней палате; 9% избирателей отдали голоса ХДС — ЧНП (20 депутатов). Наконец, явным разочарованием обернулись выборы для Союза свободы, набравшего лишь 8,6% голосов и получившего 19 мандатов⁵³. Руководство Гражданского демократического альянса, находившегося в глубоком кризисе, приняло решение не участвовать в выборах, поскольку шансы на то, что партия наберет более 5% голосов, были крайне невелики. Неожиданно не прошли в парламент республиканцы и партия "Пенсионеры за жизненную стабильность", хотя опросы общественного мнения накануне выборов показывали, что эти политические субъекты скорее всего преодолеют пятипроцентный барьер.

Таким образом, произошло дальнейшее по сравнению с 1996 г. сокращение количества парламентских партий, которых стало пять вместо шести. Реструктуризация политических сил в ЧР фактически завершилась: на левом фланге за-

крепила свое доминирующее положение социал-демократия, на правом в результате раскола прежней ГДП возникли две партии либерально-консервативного направления. Одна из них ("обновленная" ГДП), тем не менее, отстояла свои позиции и политическое влияние под натиском нового, но небольшого и аморфного в организационном плане СС. Наконец, ХДС – ЧНП сохранила положение наиболее популярной и четко оформленной центристской партии.

Формально, несмотря на победу социал-демократов, партии бывшей правоцентристской коалиции вновь получили большинство мест в парламенте: ГДП, ХДС – ЧНП и СС вместе располагали 102 депутатскими креслами из 200. Однако в действительности ситуация оказалась патовой. Дали себя знать последствия "сараевского покушения": руководство христианских демократов не желало снова видеть В. Клауса в кресле премьер-министра, в то время как он, в свою очередь, не представлял себе возможности сотрудничества в рамках нового кабинета с лидерами Союза свободы, едва не уничтожившими его как политика. Когда президент В. Гавел поручил ведение переговоров о формировании правительства М. Земану как лидеру партии, победившей на выборах, начала вырисовываться возможность нестандартной "лево-правой" коалиции в составе ЧСДП, ХДС – ЧНП и СС. Однако Союз свободы по идеологическим соображениям решительно отказался от участия в таком правительстве⁵⁴. Как отмечает М. Клима, "тот факт, что не удалось составить нормальное правительство большинства, будь то право- или левоцентристское, свидетельствует о сохранении идеологических предрассудков и большом значении личной неприязни..."⁵⁵. Нужно отметить, что отношения почти между всеми лидерами парламентских партий – В. Клаусом и Я. Румлом, В. Клаусом и Й. Луксом, Я. Румлом и М. Земаном – в рассматриваемый период были весьма далеки не только от дружеских или хотя бы нейтральных, но даже от корректных.

Между тем условия, которые предложили социал-демократы своим потенциальным партнерам, были чрезвычайно выгодными. На переговорах с Й. Луксом (ХДС – ЧНП) и Я. Румлом (СС) лидер ЧСДП М. Земан заявил, что согласен с распределением министерских постов в будущем коалиционном правительстве между тремя партиями в пропорции 8 : 4 : 4 – при том, что соотношение мест в Палате депутатов, завоеванных социал-демократами, ХДС – ЧНП и Союзом свободы, равнялось примерно 3 : 1 : 1 в пользу ЧСДП⁵⁶. Более

того: невзирая на то, что его партия получила наибольшее число голосов избирателей, Земан выразил готовность отказаться от поста премьер-министра в пользу Й. Лукса как компромиссной фигуры, более приемлемой для либералов из Союза свободы, нежели сам Земан, пользовавшийся репутацией левого социалиста⁵⁷. Христианские демократы согласились с предложением ЧСДП, однако Я. Румл отверг его в первую очередь по идеологическим соображениям. Он заявил о нежелании своей партии "обманывать избирателей", так как в ходе предвыборной кампании СС выступал с не менее острыми нападка на "прокоммунистических" социал-демократов, чем на "насквозь коррумпированных" гражданских демократов⁵⁸.

Конец XX века: время компромиссов

Возможности создания в Чехии правительства, опирающегося на поддержку парламентского большинства, в первые дни июля 1998 г. выглядели исчерпанными. Выходом из сложившейся ситуации явилось политическое соглашение, подписанное 9 июля 1998 г. в Праге после нескольких дней переговоров между руководством Чешской социал-демократической партии (ЧСДП) и Гражданской демократической партией (ГДП): *Договор о создании стабильного политического пространства в Чешской республике, заключенный между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией*. В политической практике и СМИ он получил более краткое название "оппозиционный договор"⁵⁹. Многие исследователи охарактеризовали его как "политическое землетрясение"⁶⁰. Действительно, значительной части чешского общества было не просто смириться с тем фактом, что две ведущие партии, которые на протяжении по меньшей мере пяти последних лет выступали как непримиримые соперники, не только заключили политическое перемирие, но и фактически разделили между собой власть в стране. Ведь еще незадолго до этого события лидеры ЧСДП и ГДП категорически отрицали возможность сотрудничества между своими партиями. Так, М. Земан заявлял: "Большая коалиция ЧСДП и ГДП была бы с обеих сторон обманом избирателей"⁶¹. Ему вторил В. Клаус: "Спекуляции о том, что ГДП могла бы после выборов смириться с существованием социал-демократи-

ческого правительства меньшинства, не имеют под собой оснований"⁶².

Однако несомненно, что доводами в пользу "оппозиционного договора" явились, во-первых, действительно патовая ситуация, сложившаяся на чешской политической сцене после выборов 1998 г., и, во-вторых, необходимость сохранения стандартных механизмов парламентской демократии, пусть даже путем такого неординарного политического решения, каким явился этот договор — плод классической интерпретации политики как "искусства возможного". В результате "оппозиционный договор" стал средством деблокирования политической системы Чехии — без изменения конституционных принципов парламентской демократии и с сохранением пропорционального представительства политических партий в парламенте ЧР.

Это был не первый пример взаимодействия двух ведущих чешских политических партий. Уже после выборов 1996 г. ЧСДП и ГДП достигли договоренности, согласно которой социал-демократы получили право занять основные должности в нижней палате в обмен на непротиводействие правоцентристскому правительству меньшинства при голосовании о доверии ему в парламенте. Однако "оппозиционный договор" 1998 г. заметно расширил рамки сотрудничества между ЧСДП и ГДП. Во-первых, социал-демократическое правительство, которое, исходя из положений договора, в июле 1998 года сформировал и привел к власти М. Земан, располагало куда менее широкой опорой в парламенте, нежели последнее правительство В. Клауса в 1996 — 1997 гг. (соответственно 74 и 99 депутатов). Таким образом, поддержка ГДП стала единственным необходимым и достаточным условием существования кабинета М. Земана. "Оппозиционный договор" не ограничивался разделением постов в правительстве и обеих палатах парламента между представителями двух партий, а намечал далеко идущую программу их сотрудничества, направленную на изменение всей модели государственно-политического устройства Чехии. Ограничение президентских полномочий вообще стало второй важнейшей целью партий-партнеров, так как В. Гавел выступил резко против новых отношений между ГДП и ЧСДП, считая "оппозиционный договор" грубым обманом избирателей и беззастенчивым разделом власти, угрожающим основам гражданского общества в Чехии⁶³.

Для системы политических партий в ЧР и чешского общества в целом соглашение между ЧСДП и ГДП имело два важнейших следствия. Во-первых, произошла консолидация ряда небольших политических субъектов, существованию которых угрожала сложившаяся после выборов 1998 г. монополия двух крупных партий на власть. Во-вторых, нарастало отчуждение между политической элитой и гражданским обществом, которое начало воспринимать партии как структуры, заинтересованные в разделе властных полномочий и лоббировании интересов отдельных групп правящей элиты (крупного бизнеса, чиновничества и т.п.) и не выполняющие изначальную функцию политических партий — представительство и защиту интересов широких социальных слоев.

Первая тенденция проявилась уже в 1998 г., когда христианские демократы, впервые с 1918 г. (!) оказавшиеся в оппозиции, завязали тесные контакты с другой небольшой оппозиционной партией — Союзом свободы, а позднее также с Гражданским демократическим альянсом и Демократическим союзом. Сотрудничество этих политических субъектов, начавшееся осенью 1998 г., когда они вместе выступили на выборах в Сенат и местные органы власти, было позднее формально закреплено в договоренности о совместной политической стратегии (сентябрь 1999 г.), а спустя год — в так называемом "Святовацлавском соглашении", подписанном лидерами четырех партий 28 сентября (в день св. Вацлава) 2000 г. Соглашение предусматривало единую позицию возникшей "коалиции четырех" по основным политическим вопросам. В первую очередь речь шла о противодействии дальнейшей монополизации чешской политической сцены ГДП и ЧСДП и тесном сотрудничестве четырех партий в ходе предвыборных кампаний на местном и парламентском уровнях. Члены "коалиции четырех" обязались выставить единый список кандидатов на выборах в Сенат осенью 2000 г. и в Палату депутатов в 2002 г.⁶⁴

"Коалиция четырех" попыталась позиционировать себя на чешской политической сцене как силу, противостоящую в равной мере социал-демократам и гражданским демократам, которых обвиняла в том, что они принесли программные цели своей политики в жертву властным амбициям. Не меньшую роль сыграли и появившиеся в 1999 г. общественные инициативы, направленные против инициаторов "опозиционного договора", которые стали выражением антисистемного протеста значительной части чешского обществен-

ности. 23 июля 1999 г. была обнародована декларация "Импульс — 99", под которой стояли подписи 186 известных общественных деятелей. Цель авторов декларации позднее объяснил один из ее инициаторов, бывший советник В. Гавела политолог И. Пеге. Это, по его словам, был протест против того, что "партнеры по (оппозиционному. — Я.Ш.) договору продолжают сохранять политический режим, который по сути своей является антигражданским". Его главная цель, как полагал И. Пеге, — "предоставить двум политическим партиям контроль над большинством областей общественной, политической и экономической жизни. Эта партократия опасна и тем, что сводит демократическую дискуссию в стране к соглашениям двух партийных секретариатов, действующих прежде всего в собственных интересах... Гражданину навязывается роль пассивного потребителя партийной политики, которая к тому же зачастую является лишь виртуальной игрой... Речь идет о борьбе между сторонниками демократического открытого общества и теми, кто стремится ограничить его в интересах сохранения собственной власти и личных выгод"⁶⁵. К началу осени 1999 г. свои подписи под декларацией "Импульс — 99" поставили около двух тысяч человек, среди них — архиепископ Пражский и примас Чешский кардинал М. Влк, президент Чешской академии наук Р. Заградник, вице-президент Национального банка З. Тума, профсоюзный лидер сенатор Р. Фалбр, известный кинорежиссер, лауреат премии "Оскар" З. Сверак и др.⁶⁶

Тем не менее, несмотря на столь звучный набор имен подписавших, явную параллель, проводимую организаторами "Импульса — 99" между их инициативой и диссидентской "Хартией — 77", и непрямую, но несомненную поддержку нового общественного движения со стороны Града⁶⁷, "Импульс — 99" не объединил разрозненные социальные слои и группы, по тем или иным причинам недовольные "оппозиционным договором" и его политическими последствиями. Основной причиной этого, очевидно, следует считать принципиально антисистемную направленность этой общественной инициативы, морализаторский пафос ее организаторов, осуждавших не только конкретный политический курс двух крупнейших чешских партий, но и "аморальный" характер политики как таковой.

Более конкретным и организованным выражением общественного недовольства политической ситуацией в Чехии стала акция "Спасибо, уходите!", организованная в нояб-

ре — декабре 1999 г., в десятую годовщину "бархатной" революции, бывшими лидерами студенческого движения, участвовавшими в событиях 1989 г. Во многих городах ЧР состоялись многотысячные митинги, участники которых требовали отставки руководства обеих "оппозиционно-договорных" партий, правительства и парламента⁶⁸. Тем не менее и эти выступления не имели серьезных последствий. Организаторы акции сами оказались не готовы к столь широкой общественной поддержке и откровенно ступеивались, услышав обращенные к ним требования создать эффективную политическую "третью силу", способную противостоять ГДП и ЧСДП. Таким образом, в движении "Спасибо, уходите!" в большей степени, чем в "Импульсе — 99", проявилось стремление определенной части чешского общества к институционализации сил, противостоящих "оппозиционному договору" и его основному результату — доминированию двух крупнейших партий.

Однако перемен не последовало, и недовольство политической ситуацией перешло в латентную форму, находя свое выражение в лучшем случае в сетованиях политологов и публицистов, враждебно настроенных по отношению к "оппозиционно-договорной" системе: "Политика в Чешской Республике стала бессмысленным ритуалом, набором политических комбинаций... Никто из ветеранов чешской политики десяти посткоммунистических лет не показал себя способным выработать новые идеи и концепции. Политика опустилась до уровня непрерывной борьбы за власть и личных нападков. Чешская Республика страдает от абсолютной неэффективности политической элиты"⁶⁹. Негативистское отношение значительной части общества к политической элите и ее действиям выразилось в конце 90-х годов в падении доверия к большинству политических институтов. Характерно при этом, что уровень доверия к отдельным политикам оставался гораздо более высоким, чем к "институтам-коллективам, эффективность которых зависит от их способности договариваться и идти на компромиссы"⁷⁰. Так, по данным социологического опроса, проведенного специалистами университета Т.Г. Масарика (Брно) в 1998 г., президенту ЧР В. Гавелу доверяли 60% респондентов, не доверяли — 23%; доверие главе правительства М. Земану высказали 50% опрошенных, недоверие — 27%. В то же время кабинету министров в целом доверяли всего лишь 26% респондентов, не доверяли — 51%; уровень доверия парламенту и политическим

партиям находился на еще более низкой отметке — 15% в каждом случае (недоверие — 64% и 55% соответственно)⁷¹.

Неудовлетворенность широких слоев населения существующим положением дел привела и к усиливающейся апатичности многих граждан, отвращению к политике как таковой, следствием чего стало резкое снижение активности чешских избирателей. Особенно наглядно это проявилось в ноябре 1998 г., когда состоялись выборы в Сенат⁷² и местные органы власти. Впервые за всю посткоммунистическую историю Чехии на избирательные участки в первом туре сенатских выборов пришло лишь 42,4% граждан, имеющих право голоса. Во втором туре и вовсе произошел "избирательный коллапс": голосовали всего 20,4% чешских граждан, в некоторых избирательных округах явка была и того ниже — 14—15%⁷³. Впрочем, многие комментаторы видели причину этого явления не столько в общем недовольстве населения политической обстановкой в стране, сколько в непопулярности Сената как института, в недостаточной определенности его функций и распространенных в обществе сомнениях в целесообразности самого существования верхней палаты парламента⁷⁴. Рейтинг доверия к Сенату в конце 1998 — начале 1999 г. составлял 11—15%⁷⁵.

Убедительную победу на выборах в Сенат одержали партии, вошедшие в "коалицию четырех" (ХДС — ЧНП, СС, ГДА и ДС). В общей сложности они завоевали 13 из 27 сенаторских кресел, за которые шла борьба. Гражданские демократы провели семь своих кандидатов, социал-демократы неожиданно потерпели сокрушительное поражение, получив всего три места. Двоих кандидатов удалось провести в Сенат коммунистам⁷⁶.

Для ЧСДП первые полтора года после подписания "опозиционного договора" были особенно непростыми. В 1998 — 1999 гг. происходило неуклонное падение популярности социал-демократов, рейтинг которых в декабре 1999 года опустился до 16-процентной отметки, в то время как популярность, с одной стороны, гражданских демократов, а с другой — коммунистов достигала 20—22%⁷⁷. Будучи в определенном смысле более правым, нежели сами правые (так, только при правительстве социал-демократов началась приватизация крупнейших чешских банков и заметно возрос приток иностранных инвестиций в ЧР), премьер-министр М. Земан, однако, при всяком удобном случае подвергал своих предшественников из правого лагеря беспо-

щадной критике. Выражение "выжженная земля" (spalená země), которым социал-демократический премьер охарактеризовал состояние страны на момент своего прихода к власти, стало, как когда-то его фраза "взять правительство за глотку", частью чешского политического фольклора⁷⁸. Однако, несмотря на всю хлесткость и образность выражений Земана, психологическое воздействие "оппозиционного договора" на ту часть электората ЧСДП, которая поддерживала партию на выборах как ясную альтернативу правым, оказалось негативным: эти избиратели были крайне разочарованы ее соглашением с ГДП. Напротив, более четко оформленный и идеологически сплоченный электорат гражданских демократов воспринял "оппозиционный договор" более спокойно — как удачную политическую находку, дающую правым возможность в определенной степени контролировать политику левого кабинета.

Что касается роста популярности коммунистов, то это явление объясняется в первую очередь отходом от ЧСДП после заключения "оппозиционного договора" леворадикальной части протестного электората. Кроме того, коммунисты заручились поддержкой тех граждан, которые считали ошибочным вступление Чешской Республики в НАТО весной 1999 г.

Осенью 1999 г. между социал-демократами и гражданскими демократами шли напряженные переговоры о проекте закона о выборах. ГДП всячески пыталась добиться от ЧСДП новых уступок, а когда достичь этого не удалось, выступила с инициативой о ликвидации "оппозиционного договора", отставке социал-демократического кабинета и формировании правительства большой (так называемой "радушной") коалиции, в которую могли бы войти представители всех парламентских партий, кроме коммунистов, т.е. гражданские демократы, социал-демократы, христианские демократы и Союз свободы. Скорее всего предложение ГДП явилось лишь новым средством давления на социал-демократов, "щелканием кнута, которое должно было произвести впечатление на неподатливую ЧСДП"⁷⁹.

Дополнительным способом такого давления стал отказ гражданских демократов одобрить предложенный правительством проект госбюджета на 2000 г. В результате в октябре 1999 г. Чехия вступила в полосу нового политического кризиса, ознаменованного, с одной стороны, обострением противоречий между партнерами по "оппозиционному дого-

вору", а с другой — общей социальной напряженностью, которая нашла свое выражение в массовой акции "Спасибо, уходите!". Бюджет фактически стал предметом политического торга: ГДП выражала готовность утвердить его, но лишь в том случае, если ЧСДП согласится принять проект избирательной реформы в выгодном для гражданских демократов виде. Разрешения кризиса в конце концов удалось достигнуть в январе 2000 г. подписанием так называемого "патента взаимной поддержки"⁸⁰, который стал продолжением "оппозиционного договора" и открыл новый этап в современной политической истории Чехии.

Чешская политическая сцена в начале XXI века

26 января 2000 г. руководители ЧСДП и ГДП подписали "патент взаимной поддержки", состоявший из совместного заявления обеих партий и пяти соглашений по наиболее важным спорным вопросам. В заявлении, обнародованном 14 января, подчеркивалось, в частности, что "оппозиционный договор" "способствовал стабилизации политической системы и росту доверия к Чешской республике за рубежом"; что взаимодействие между ЧСДП и ГДП, ставшее результатом договора, "не имеет жизнеспособной альтернативы", а потому "обе партии намерены использовать сложившийся порядок на протяжении всего срока парламентских полномочий"; и что "нынешняя ситуация требует, чтобы договор был дополнен соглашением, которое давало бы обеим партиям возможность координировать свои действия при реализации национальных интересов Чешской республики и преодолении узкопартийных и частных интересов"⁸¹. ГДП брала на себя обязательство поддержать правительственный проект бюджета на 2000 г. в обмен на обещание ЧСДП ужесточить финансовую политику — с тем, чтобы в 2001 г. дефицит госбюджета не превышал 20 млрд, а в 2002 г. — 10 млрд чешских крон. Бюджетный дефицит должен был быть снижен в такой мере, чтобы к началу 2003 г. соответствовал параметрам Европейского союза, т.е. не превышал 3% валового внутреннего продукта республики⁸².

В ноябре 2000 г. состоялись очередные выборы в Сенат ЧР. Проявившаяся уже на предыдущих сенатских выборах (1998) тенденция к снижению активности избирателей была налицо и на этот раз: в первом туре голосования участвова-

ли 34%, во втором туре — лишь около 20% граждан. В связи со столь низкой явкой вновь встал вопрос о целесообразности существования верхней палаты как таковой⁸³. Кроме того, стало ясно, что политически активным остается прежде всего протестный электорат, обеспечивший успех "коалиции четырех", которая шла на выборы под лозунгом ликвидации "оппозиционно-договорной" системы. Коалиция завоевала 17 из 27 мест, за которые велась борьба. На втором месте оказалась ГДП, получившая восемь сенаторских кресел. Правящей ЧСДП удалось провести в Сенат лишь двух своих представителей⁸⁴.

Таким образом, как и в ноябре 1998 г., самое болезненное поражение на сенатских выборах потерпели социал-демократы. Некоторые исследователи поспешили списать эту неудачу на последствия "оппозиционного договора" и "патента", которые заставили избирателей ЧСДП отвернуться от партии. Как отмечал И. Пеге, М. Земан стал "обузой для собственной партии". Кроме того, в связи с результатами выборов статус социал-демократического кабинета меньшинства оказался еще более "миноритарным"⁸⁵. Однако, как показали дальнейшие события, такой анализ оказался несколько преждевременным. Провал ЧСДП объяснялся главным образом двумя факторами: во-первых, низкой явкой избирателей (электорат социал-демократов, с одной стороны, не принадлежал к числу противников "оппозиционного договора", активно участвовавших в выборах, а с другой — обладал более низкой мобилизационной активностью, нежели дисциплинированные сторонники ГДП или КПЧМ), во-вторых, традиционно слабыми позициями партии на местном уровне, что не позволило обеспечить надлежащую поддержку кандидатам социал-демократов, прежде всего в первом туре.

Последним событием, окончательно показавшим, что "оппозиционно-договорная" система вступает в полосу кризиса и упадка, стала забастовка коллектива общественного Чешского телевидения (ЧТ) в декабре 2000 — январе 2001 г. Начало этим событиям положило назначение новым генеральным директором ЧТ И. Годача — бывшего журналиста чешской службы радио Би-Би-Си, впоследствии сотрудника телевидения, чьи контакты с рядом предпринимателей и политиков, близких к ГДП, стали достоянием гласности⁸⁶. Решение Совета по радио- и телевидению о назначении Годача руководителем ЧТ вызвало резко негативную реакцию большинства сотрудников телевидения, с которыми новый

директор не смог найти общего языка. Коллектив ЧТ объявил забастовку, которая продолжалась более трех недель — до второй половины января 2001 г., когда Совет по радио- и телевидению был вынужден освободить И. Годача и назначенных им заместителей от занимаемых должностей. В знак солидарности с коллективом ЧТ в Праге и ряде других городов страны состоялись массовые манифестации под лозунгом "Чешское телевидение — дело общественное". По некоторым данным, 28 декабря 2000 г. на Вацлавской площади в центре Праги собралось более ста тысяч человек — первое массовое выступление такого масштаба со времен "бархатной" революции, оставившее далеко за собой акцию "Спасибо, уходите!"⁸⁷.

В то же время политическое потрясение, каковым стали для Чехии события вокруг ЧТ, привело и к усилению напряженности между двумя партиями-партнерами. В феврале 2001 г. гражданские демократы обвинили ЧСДП в том, что она не выполняет в достаточной мере обязательства, взятые на себя год назад при подписании "патента". В частности, речь шла о том, что социал-демократическое правительство не смогло удержать дефицит госбюджета на 2001 г. в рамках, предусмотренных "патентом", причем дефицит не только не сократился, как предусматривалось соглашением между двумя партиями, а наоборот, заметно вырос; не удалось снизить расходы на содержание государственного аппарата; кабинет министров не представил концепцию пенсионной реформы и т.д.⁸⁸ Кроме того, привлекательность "оппозиционного договора" для ГДП сильно уменьшилась после краха реформы избирательной системы и утраты партией ведущего положения в Сенате в результате ноябрьских выборов 2000 г. В середине февраля 2001 г., когда между руководством партий-партнеров начались переговоры о перспективах дальнейшего сотрудничества, ряд представителей как гражданских демократов, так и социал-демократов не исключал возможности расторжения "оппозиционного договора"⁸⁹. Тем не менее 9 марта партии-партнеры достигли соглашения о продолжении сотрудничества, что было названо чешскими СМИ "патентом № 2"⁹⁰. Партии, стремясь избежать упреков в том, что фундаментом их сотрудничества является сугубый прагматизм, оттесняющий на второй план программно-идеологические установки и, соответственно, интересы избирателей каждой из них, заявили, что очередная договоренность "не означает снижения остроты предвыбор-

ного соперничества"⁹¹. В то же время ГДП вновь удалось добиться от социал-демократов ряда уступок как в политической, так и в экономической сфере.

2001 год стал для основных политических сил Чехии годом подготовки к предстоящей предвыборной кампании. Обе крупнейшие партии провели очередные съезды, причем если в ЧСДП произошла смена председателя и части руководства партии, то ГДП в очередной раз подтвердила неизбывность позиций В. Клауса как своего единоличного лидера.

На съезде социал-демократов председатель партии М. Земан, как и ожидалось, подал в отставку. Его преемником был избран Владимир Шпидла — вице-премьер, министр труда и социальной политики. Земан, однако, сохранил за собой до выборов пост премьер-министра. Это вызвало у ряда аналитиков предположения о возможности возникновения в "двуглавом" руководстве социал-демократии конфликта, вызванного противоречиями между интересами кабинета, связанного рядом соглашений с ГДП, и интересами самой партии, готовящейся к предвыборной кампании⁹². Действительно, В. Шпидла, несмотря на многолетнее сотрудничество с М. Земаном, быстро показал себя самостоятельным политиком, не во всем разделяющим прагматичные взгляды экс-председателя партии. В выступлении на съезде новый руководитель ЧСДП выразил свое видение программных целей политики партии и социал-демократии как политического течения. По его словам, социал-демократы убеждены в том, что "к правовому государству и социальной справедливости нет иного пути, кроме предоставления власти людям, демократизации общества, регулировании рыночных сил и перераспределения прибылей... Долгосрочные интересы людей должны превалировать над краткосрочными интересами фондовых бирж... Ни в одной стране мира не удалось удержать экономический рост без инвестиций в человека, а все общество должно одновременно способствовать совместному развитию и пожинать его плоды"⁹³. В качестве основной задачи, которую должна решить чешская социал-демократия, В. Шпидла назвал построение "социально-государства", которое, по его мнению, "означает равенство возможностей..., социальную солидарность и сбалансированность власти... Социальное государство — это развитое демократическое самоуправление, равный доступ к качественному образованию в общественных школах и институтах, безопасность на улицах, обеспечиваемая надеж-

ной и эффективной полицией, здравоохранение, гарантирующее медицинскую помощь, соответствующую состоянию здоровья человека. Социальное государство — это достаточные пенсии и достойная старость"⁹⁴.

Цели политики Чешской социал-демократической партии, обозначенные В. Шпидлой, в гораздо большей степени соответствовали традициям "классической" социал-демократии французского, итальянского или скандинавского образца, нежели прагматичным установкам современных британских или немецких левоцентристов, пропагандирующих так называемый "третий путь" между рыночным либерализмом и чрезмерным государственным регулированием⁹⁵. Неудивительно, что многие чешские СМИ прокомментировали появление нового лидера ЧСДП как "приход чешского Жоспена"⁹⁶, намекая на тогдашнего главу французского правительства, лидера социалистов Франции Л. Жоспена, которого В. Шпидла неоднократно называл своим политическим ориентиром.

Как показали дальнейшие события, стратегия В. Шпидлы оказалась оправданной: декларативное "полевение" ЧСДП, до поры до времени почти не отразившееся на правительственном курсе, тем не менее способствовало росту ее популярности и возвращению к социал-демократам определенной части избирателей, разочаровавшихся в них после заключения серии соглашений с ГДП. Укреплению позиций социал-демократии способствовали и объективные обстоятельства: начиная с 2000 г. в чешской экономике наблюдался стабильный рост, снижалась безработица, возрос приток иностранных инвестиций, и все эти позитивные явления естественным образом ассоциировались в массовом сознании с правлением социал-демократического кабинета. В результате после резкого падения популярности правительства М. Земана к декабрю 1999 г. до 17-процентной отметки, начался новый рост рейтинга кабинета, который к весне 2000 г. достиг 30%, а год спустя превысил 40%⁹⁷. Таким образом, ЧСДП, несмотря на многочисленные уступки, сделанные ею гражданским демократам, начиная с 2001 г. стала извлекать выгоду из "оппозиционно-договорной" системы. Положение правящей партии позволяло ей представлять себя как силу, которая сумела вывести страну из кризиса второй половины 1990-х годов.

Напротив, Гражданская демократическая партия вопреки тому, что в 1998 — 2001 гг. ей во многом удалось про-

диктовать социал-демократическим партнерам свои условия, приобрела в массовом сознании имидж "вечно недовольной" оппозиции, которая к тому же слишком медленно реагирует на меняющуюся обстановку в обществе и не обладает необходимой для современной партии способностью к самообновлению. Эти негативные черты ГДП вновь проявились на ее VI съезде, состоявшемся в ноябре 2001 г. Основные программно-идеологические установки партии были, однако, сформулированы В. Клаусом еще раньше — во время торжеств по случаю 10-летия основания ГДП, в апреле 2001 г. Лидер гражданских демократов отметил, что "ГДП... не занимается политиканством и популистскими жестами. То, что для нас действительно важно..., — это наша убежденность в том, что основой всего должен быть свободный и самостоятельный гражданин, а потому нашей целью является обустройство свободной страны, чье развитие не будет тормозить окостеневший аппарат... дирижистского правительства, связывающий гражданина тысячами... ограничений, запретов, приказов и инструкций, как ему жить и что делать. Мы исходим из того, что самостоятельный гражданин сам лучше всего осознает собственные интересы". В то же время В. Клаус заявил, что его партия видит в демократических левых силах, прежде всего в ЧСДП, "не врага, но соперника" и что "наши общие национальные интересы — найти свое место в интегрирующейся Европе... Мы полностью сознаем, что не можем достичь этой цели сами, а лишь совместно со всей демократической частью нашего политического спектра"⁹⁸.

В противоречии с последним заявлением, однако, находилась конфронтационная риторика председателя ГДП, который подчеркнул, что в стране продолжают "атаки на ГДП", в частности в ведущих СМИ. Большинство масс-медиа, по словам лидера гражданских демократов, предвзяты по отношению к ГДП. "Нападать на ГДП стало модой, — отметил В. Клаус, — что нам особенно ярко продемонстрировали основные участники недавних событий вокруг Чешского телевидения"⁹⁹. Позднее, на VI съезде гражданских демократов, В. Клаус сделал упор именно на конфронтационные, конфликтные установки, что принесло ему тактический успех (он был вновь избран председателем партии, набрав рекордных 91% голосов). Однако, как показал ход предвыборной кампании и июньские выборы 2002 года, в стратегическом плане использование чрезмерно агрессивной ри-

торики оказалось крупным просчетом ГДП. Кроме того, на съезде вновь подтвердилась репутация гражданских демократов как партии "вождистского" типа. Выдвижение новых фигур, каковыми стали, в частности, М. Бенеш и Я. Заградил, избранные заместителями председателя партии, тем не менее не дало ответа на вопрос о будущем партии после предполагаемого ухода ее бессменного лидера. То, что этот уход возможен, допустил сам В. Клаус, который отметил, что если ГДП не одержит на предстоящих выборах победу, он "сделает из этого для себя конкретные выводы". Большая часть делегатов съезда, а также аналитики и СМИ истолковали данное высказывание как обязательство Клауса сложить председательские полномочия в случае поражения партии¹⁰⁰.

Оппоненты ГДП подвергли партию критике за недостатки объективного анализа деятельности гражданских демократов в 90-е годы XX в. Некоторые исследователи пришли к выводу о том, что "в партии уже давно царит знакомая атмосфера: подавляющее большинство [ее членов] надеется на председателя Вацлава Клауса и опасается того, что будет, когда он уйдет... Человек № 1 в ГДП — усталый вождь, потерявший дорогу и цель. Он по-прежнему живет Сараевом¹⁰¹, личными обидами, прошлым... Клаус стоял у истоков чешской экономической трансформации, но сегодня он не предлагает уже ничего нового"¹⁰². Такая ситуация представлялась особенно опасной для гражданских демократов, поскольку к началу 2001 г. резко возросла популярность "коалиции четырех", которая продолжала позиционировать себя в качестве силы, ориентированной прежде всего на правых избирателей, разочаровавшихся в ГДП¹⁰³.

В конце мая — начале июня 2002 г., социал-демократия окончательно показала, что не намерена ни возобновлять "оппозиционный договор" в том или ином виде, ни вступать с ГДП в "большую коалицию". В серии теледебатов с В. Клаусом В. Шпидла решительно исключил возможность сотрудничества своей партии с гражданскими демократами из-за слишком больших различий во взглядах на основные политические проблемы и перспективы развития республики. Таким образом, социал-демократия предпочла традиционный, идеологически обусловленный подход нестандартным схемам прагматической политики, лежавшим в основе "оппозиционно-договорной" системы.

Категорический отказ ЧСДП от возможного сотрудничества с ГДП поставил гражданских демократов в сложное

положение. Вся их предвыборная кампания в 2002 г. отличалась глубокой внутренней противоречивостью: критикуя оппонента за чрезмерно "социалистическую" политику, ГДП не могла отрицать тот факт, что, подписав "оппозиционный договор", она сама позволила социал-демократам проводить такую политику в течение четырех лет. Положения предвыборной программы гражданских демократов в области внутренней политики включали в себя беспощадную критику "разбухшего, избыточного государства, тратящего небывалые деньги на содержание великого множества чиновников, создающего все новые и новые учреждения, которые... не только высасывают наши средства, но и постепенно и поначалу незаметно ограничивают нашу свободу"¹⁰⁴. Однако, заключив в 1998 г. "оппозиционный договор", а полтора года спустя — "патент взаимной поддержки", ГДП фактически разделила с ЧСДП ответственность за негативные и позитивные явления и тенденции, возникшие в общественно-политической жизни Чехии за время существования "оппозиционно-договорной" системы. При этом, как уже отмечалось выше, если "позитив" общественное сознание приписывало в основном правящей партии, то "негатив" в равной мере отражался на обоих партнерах. Разрешить эту проблему ГДП в ходе предвыборной кампании так и не удалось.

14–15 июня 2002 г. состоялись выборы в нижнюю палату парламента ЧР. Они принесли следующие результаты. Пятипроцентный барьер, как и ожидалось, преодолели четыре политических субъекта: социал-демократы, гражданские демократы, коммунисты и Коалиция. Формальным победителем выборов стала ЧСДП, которая набрала 30,2% голосов избирателей и получила 70 депутатских мандатов (что по сравнению с 1998 г. означало потерю более чем двух процентов голосов и четырех мест в парламенте, поэтому успех социал-демократов можно считать лишь относительным). Победителем фактическим явилась Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ), за которую проголосовали 18,5% избирателей (в абсолютном исчислении — на 230 тыс. человек больше, чем четыре года назад). Партия получила 41 кресло в Палате депутатов — это лучший результат коммунистов после 1989 г. Главным проигравшим стала ГДП, несмотря на то, что она заняла второе место (24,47% голосов, 58 депутатских мандатов). Для партии, которая, по данным опросов общественного мнения, вплоть до середины мая ли-

дировала в предвыборной гонке, это поражение стало действительно болезненным. Наконец, настоящим разгромом (в отличие от ГДП, вполне ожидаемым) обернулись выборы для Коалиции: преемницу "коалиции четырех", которая когда-то могла рассчитывать на голоса почти трети электората, поддержали лишь 14,27% избирателей, что принесло ей 31 мандат в нижней палате парламента¹⁰⁵.

После обнаружения официальных результатов голосования президент Чехии В. Гавел поручил В. Шпидле как лидеру победившей партии формирование нового кабинета. Шпидла приступил к переговорам с Коалицией, и к 9 июля 2002 г., четвертой годовщине подписания "оппозиционного договора", коалиционное левоцентристское правительство было составлено. В состав нового кабинета, появление которого означало конец эпохи сотрудничества двух крупнейших политических партий Чехии, вошли 11 социал-демократов, три христианских демократа и три представителя Союза свободы¹⁰⁶. Особенностью этого правительства являлось то, что впервые после 1996 г. повторилась ситуация, когда при голосовании по принципиальным вопросам кабинет министров мог опереться лишь на минимальное большинство: его поддерживал 101 из 200 депутатов (ЧСДП + Коалиция). Если учесть, что два депутата являлись независимыми, хоть и были избраны по спискам Коалиции, положение кабинета В. Шпидлы выглядело еще более шатким. В то же время разрозненность оппозиции, в которой оказались, с одной стороны, гражданские демократы, а с другой — коммунисты, сколько-нибудь прочный союз между которыми невозможен, очевидно, стал фактором, играющим на руку левоцентристскому правительству. В любом случае перспективы кабинета В. Шпидлы и двух партий, представители которых составляют его ядро (ЧСДП и ХДС — ЧНП), зависели от того, насколько успешно этому кабинету удалось бы решить его стратегические задачи — интегрировать Чехию в Европейский союз и добиться продолжения поступательного экономического роста, а значит — и увеличения благосостояния населения. Выполнение последней задачи оказалось чрезвычайно осложнено уже в августе 2002 г. небывалым сильным наводнением, обрушившимся на республику; ущерб от стихийного бедствия, по предварительным оценкам, составил не менее 3 млрд. долларов.

Очевидно, что будущее гражданских демократов во многом зависело не только от ротации руководящих кадров пар-

тии, но и от того, насколько быстро и успешно ей удастся перейти от роли "тихого соправителя", которую она играла в период существования "оппозиционного договора", к роли стандартной парламентской оппозиции. В декабре 2002 г. на VII съезде ГДП в г. Франтишкове-Лазне партия сделала важный шаг в этом направлении. На съезде "отец-основатель" ГДП В. Клаус добровольно ушел в отставку. Его преемником был неожиданно для многих избран сенатор М. Тополанек. За Клаусом остался пост почетного председателя ГДП. Многолетнему лидеру гражданских демократов в конце концов удалось "сохранить лицо": выборы в Сенат и местные органы власти, состоявшиеся в ноябре 2002 г., стали последней политической кампанией под его руководством и принесли ГДП относительный успех. Кроме того, гражданские демократы единодушно выдвинули Клауса кандидатом на пост президента республики. Такая позиция ГДП выгодно контрастировала с поведением соперников из ЧСДП по отношению к М. Земану. Партия вновь вышла на первое место по популярности среди избирателей: по данным агентства СТЕМ, в конце февраля 2003 г. гражданских демократов поддерживало свыше 22% электората¹⁰⁷.

Что касается коммунистов, то сразу после выборов им удалось развить политический успех, добившись избрания своего представителя В. Филипа на пост одного из заместителей председателя Палаты депутатов. Это первый случай в истории Чехии после 1990 г., когда член КПЧМ получил столь высокий государственный пост. В январе – феврале 2003 г., в ходе кампании по выборам президента республики, все кандидаты на этот пост, не исключая даже столь непримиримого некогда к коммунистам В. Клауса, вели переговоры с депутатами и сенаторами от КПЧМ, пытаясь заручиться их поддержкой. Тем не менее говорить об "окончании политической изоляции"¹⁰⁸ коммунистов в ЧР, на наш взгляд, пока было преждевременно. Несмотря на все реверансы руководства компартии в сторону социал-демократов, как в июне – июле, так и в сентябре 2002 г. В. Шпидла категорически отказался нарушить постановление богуминского съезда ЧСДП и вступить в коалицию с КПЧМ, хотя такая коалиция опиралась бы на прочное парламентское большинство (111 депутатов). Свою роль здесь сыграла и позиция ХДС – ЧНП, которая выступила категорически против участия коммунистов в правительстве. Отказалась от регулярно сотрудничества с коммунистами и ведущая оппозицион-

ная партия — гражданские демократы. Таким образом, перспективы КПЧМ находились в прямой зависимости от того, как будет разрешено основное политическое противоречие чешских коммунистов между нереформированным характером партии и необходимостью ее модернизации.

Из всех ведущих политических партий ЧР наиболее стабильным представлялось положение ХДС — ЧНП. Электорат христианских демократов относительно равномерно распределен среди представителей различных социальных групп — городского и сельского населения (с некоторым преобладанием жителей небольших городов), предпринимателей и лиц наемного труда, граждан среднего и старшего возраста¹⁰⁹. При этом "бастионом" лидовцев оставалась Моравия, где во многих семьях голосование за ХДС — ЧНП являлось своего рода традицией. В то же время в лице Ц. Свободы, нынешнего министра иностранных дел ЧР, христианские демократы обрели нового динамичного лидера (пражанина, что не характерно для ХДС — ЧНП, предыдущие руководители которой являлись выходцами из моравского региона). Крах "коалиции четырех" и неудачное выступление "остаточной" Коалиции на выборах 2002 г. не стало для лидовцев столь уж болезненным поражением. Во-первых, им удалось стать однозначно доминирующей силой в рамках Коалиции (из 31 места, завоеванного этим блоком в Палате депутатов, 22 принадлежали лидовцам и лишь 9 — Союзу свободы). Во-вторых, ХДС — ЧНП, как и во времена Й. Лукса, сохраняла положение наиболее значительной центристской политической силы в ЧР и "гирьки на весах" — партии, от позиции которой в значительной степени зависело сохранение правящего трехпартийного блока, а значит, и политическая стабильность в стране. Единственной неудачей, которую потерпели христианские демократы после парламентских выборов 2002 года, стал отказ ЧСДП поддержать их кандидата П. Питгарта на выборах президента.

2000 — 2002 гг. стали для чешской политики временем смены поколений. Уход с политической сцены экс-председателя ЧСДП М. Земана ознаменовал начало этого процесса. Попытка его возвращения в политику в роли президента в начале 2003 г. оказалась неудачной. Спустя несколько месяцев перестал быть председателем ГДП В. Клаус — основатель и бессменный лидер этой партии. Наконец, 2 февраля 2003 г. истек срок полномочий первого президента ЧР, ветерана чешской политики В. Гавела, и чешское телевидение

показало всему миру пышную церемонию его прощания с высшей властью. Примечательно, что до 2003 г. Гавел не только не выражал своей приязни к реальным кандидатам, но ратовал за кандидатов, мягко говоря, экзотичных — например, за мало кому известного католического священника Томаша Галика или Марию Корбелову — таково изначальное имя экс-госсекретаря США Мадлен Олбрайт, дочери бывшего чехословацкого дипломата, покинувшего страну после прихода к власти коммунистов в 1948 г. Гавел поддерживал линию на изменение Конституции с тем, чтобы президента Чехии избирали в ходе прямого голосования не парламентарии, а все граждане страны.

В поддержку этой позиции незадолго до президентских выборов 2003 г. неожиданно выступила ГДП — несмотря на то, что еще недавно ее лидеры были категорически против всенародных президентских выборов. Однако, когда стало ясно, что, по данным социологических опросов, В. Клаус вновь становится самым популярным политиком страны, гражданские демократы стали ратовать за всенародное голосование, которое могло бы привести их бывшего лидера на Град. Кстати, с Клаусом президент Гавел жестко конфликтовал почти до самого конца срока своих полномочий. Президент считал бывшего премьер-министра главным виновником "плохого настроения", распространившегося в обществе, разочарования значительной части граждан в политической элите, а отчасти и в демократии как таковой; он же обвинял Клауса в пренебрежении к институтам гражданского общества и чрезмерном увлечении административно-механистической стороной политики. Звучали даже обвинения в адрес бывшего премьер-министра — образцового рыночника — в потворстве социализму и некой новой "нормализации", т.е. сворачивании приобретенных экономических свобод. Клаус же сдерживался в своих публичных ответах президенту, но некоторой отстраненности от внутренних проблем страны ему тоже не прощал. Определенный урон репутации главы государства нанесло и его поведение во время сильнейшего наводнения летом 2002 г., когда Гавел и его супруга слишком поздно, по мнению большинства граждан, вернулись на родину из отпуска в Португалии.

Внешнеполитическая деятельность Гавела в последние годы его президентства сосредоточилась на проблеме расширения НАТО и ЕС, представляемого им вершиной своей политической карьеры. При этом данная акция нередко ок-

рашивалась им в сугубо моралистические тона. В своем выступлении в Сенате в Риме 4 апреля 2002 г. чешский президент вспоминал славную историю Римской империи как прообраза современного Европейского союза. В новом же тысячелетии президент пожелал, чтобы "вечный город" оставался ключевым пунктом, где сосредоточатся мысли Европы относительно мира в будущем. "И пусть, — подчеркнул Гавел, имея в виду предстоявший саммит НАТО в чешской столице, — подобную роль сыграет, следуя духу его славной истории, и Прага"¹¹⁰. За полтора месяца до того, как истекли полномочия Гавела на посту президента, он 20 ноября 2002 г. на конференции "Трансформация НАТО" фактически повторил указанные тезисы, особо подчеркнув тождественность понятий "евро-атлантическая" и "евро-американская" цивилизация. Относительно же России он заметил, что та "явно представляет собой евро-азиатскую силу такого уникального характера, что вопрос о ее членстве в НАТО не имел бы никакого смысла"¹¹¹.

Вместе с первым президентом Чешской Республики во многом уходило в историю яркое поколение политических деятелей, вышедшее на первый план во время "бархатной" революции или сразу после нее. За плечами этого поколения падение коммунистического режима, участие в строительстве демократической чешской государственности, определение стратегических приоритетов молодой республики, многочисленные политические комбинации, маневры, противостояния и схватки. Первое поколение посткоммунистических политиков, при всем различии взглядов, убеждений, характеров и темпераментов его лидеров, заложило в Чехии определенную политическую традицию, способствовало развитию и укреплению институтов парламентской демократии, в том числе политических партий, многое сделало для проведения социально-экономических и политических реформ, ознаменовавших переход от тоталитарного режима к современной демократии. Новые задачи, которые встали перед Чешской республикой в XXI в., требовали иных подходов и принципов, другой политической тактики и стиля, свойственных такому искушенному политическому игроку и экономическому реформатору, как Вацлав Клаус. В первом туре выборов президента Чехии 15 января 2003 г. он со 113 голосами обошел председателя Сената П. Питгарта, за которого ратовал экс-президент В. Гавел. Затем с дистанции сошел М. Земан, которого подвели его соратники по партии:

часть депутатов от ЧСДП, напуганная возможностью возвращения авторитарно настроенного "большого Милоша" к активной политической деятельности, неожиданно проголосовала за В. Клауса как "меньшее зло". В третьем, последнем, раунде второго тура 24 января 2003 г. на совместном заседании нижней и верхней палат парламента ЧР, кандидат от ГДП В. Клаус также получил больше всех (127 из 281) голосов, но не сумел перешагнуть 50-процентный барьер; за сенатора 74-летнюю Я. Мозерову проголосовали 65 депутатов и сенаторов. Наконец, 28 февраля Клаус в третьем туре получил 142 голоса и обошел еще одного кандидата — экс-министра образования, кандидата от правящей коалиции Я. Сокола¹¹². Большинства в один голос оказалось достаточно для избрания. Экс-президент В. Гавел поздравил Клауса с победой и пожелал удачи. Инаугурация нового президента состоялась 7 марта. Характерно, что в инаугурационной речи новый глава государства, известный в 1990-е годы как один из наиболее бескомпромиссных и конфронтационных чешских политиков, заявил, что намерен быть "президентом всех граждан", не выходить за рамки весьма скромных конституционных полномочий президента Чешской Республики, а также сказал несколько теплых слов, несмотря на многолетние конфликты с ним, в адрес В. Гавела¹¹³.

"Я не собираюсь делать никаких эффектных жестов, а начну с обыденной, простой работы", — заверил президент вскоре после избрания¹¹⁴. Преемник Гавела отметил, что будет стремиться к сплочению государства. По его мнению, президент не должен быть соперником правительства и парламента. Клаус остался рядовым членом ГДП, выразив убежденность в своей способности "держаться на одинаковом расстоянии" от всех политических партий. Что касается президентских полномочий, Клаус заявил о намерении ограничить использование права вето при подписании законов и предоставлении президентских помилований. Но этому мало кто поверил: Клаус — политик активный и компетентный экономист, способный действовать смело и эффективно. Более того, уже в течение первого года нового президентства глава государства не сдержал первого обещания и наложил вето на ряд законов, в первую очередь экономического характера, с которыми был не согласен.

Клаус в прошлом не скрывал весьма сдержанного отношения к Европейскому Союзу. Одновременно он полагал, что членство Чешской Республики в ЕС — неизбежно. Но

это не означало, что прагматик и реалист Клаус не намеревался активно интересоваться, каким образом Чехия может взаимодействовать с другими странами. В частности с соседней Словакией и Россией — "евроазиатской громадиной", как ее называл дилетант в вопросах торгово-экономических связей Гавел. Сдерживался Клаус и когда шла речь заходила об атаке США на Ирак, которая, как он полагал, не была лучшим решением. Это отвечало массовым настроениям чехов — лишь 13% из них в январе 2003 г. одобряли возможность американского вмешательства без санкции ООН, вопреки активно проамериканской позиции Гавела¹¹⁵. Критика военного вмешательства звучала из уст Клауса уже ранее — в 1999 г. он был против бомбардировки Югославии, резко возражая тому же "рыцарю НАТО" Гавелу.

Что касается 2003 г., то основной темой политической жизни Чешской Республики стала подготовка к предстоявшему вступлению страны в ЕС. В июне 2003 г. на общенациональном референдуме три четверти избирателей, пришедших к урнам, проголосовали за присоединение своей страны к ЕС с 1 мая 2004 г. (такой срок устанавливался договором, подписанным в Ницце на саммите Евросоюза в декабре 2002 г.). Партии правящей коалиции заняли однозначно "роевропейскую позицию"; премьер-министр В. Шпидла накануне референдума рекомендовал соотечественникам голосовать "за". Президент В. Клаус занял более сдержанную позицию, отметив, что каждый гражданин должен сам ответить на вопрос референдума, тщательно взвесив все "за" и "против"¹¹⁶. Характерно, что и после референдума Клаус не ответил на упорные вопросы журналистов о том, как голосовал он сам. Эти обстоятельства вызвали волну критики со стороны пражской либеральной печати в адрес президента ЧР как "евроскептика". Сам Клаус, впрочем, предпочитал говорить о своем "еврореализме" и по-прежнему выражал убежденность в том, что "Европа национальных государств, связанных между собой взаимными обязательствами, предпочтительнее громоздкого европейского супергосударства, управляемого из Брюсселя"¹¹⁷.

В том же духе осенью 2003 г. протекали и дебаты в чешском парламенте по вопросу о будущей Конституции ЕС: если представители правящей коалиции выступали за то, чтобы в целом согласиться с проектом, предложенным Европейским Конвентом, высказав лишь ряд небольших замечаний по вопросу о составе руководящих органов Европейско-

го союза, то депутаты от ГДП резко критиковали позицию правительства на европейских переговорах и подвергали сомнению необходимость Конституции ЕС как таковой. Критическую позицию по отношению к чрезмерному "еврооптимизму" правящей коалиции заняли и коммунисты.

Другой ключевой темой политических дискуссий в конце 2003 г. явился проект финансовой реформы, предложенный кабинетом В. Шпидлы. Пакет правительственных законопроектов предполагал одновременное повышение ряда налогов (НДС, акцизы на некоторые виды продукции) и снижение налогового бремени менее зажиточных слоев населения. Предусматривалось также сокращение ряда социальных выплат и дальнейшая унификация чешского и европейского законодательств, прежде всего в экономической области¹¹⁸. Главная цель реформы — сокращение дефицита госбюджета, который в 2003 г. превысил 140 млрд крон и продолжал расти. С программно-идеологической точки зрения реформа, с одной стороны, представляла собой плод компромисса между тремя партиями правящей коалиции, а с другой — фактически означала отход социал-демократов от провозглашенного ими в 2001–2002 гг. курса на создание "социального государства". Левоцентристский кабинет Шпидлы по прагматическим соображениям взялся за реформы, по сути дела, умеренно правого толка. Тем не менее проект реформы подвергся критике как справа, со стороны гражданских демократов, считающих реформу недостаточно радикальной, так и слева, со стороны коммунистов и профсоюзных объединений, заявивших об "антисоциальном" характере планов правительства.

К концу 2003 г. выяснилось, что от судьбы финансовой реформы фактически зависит участь левоцентристского правительства, поскольку ее провал, несомненно, означал бы отставку премьер-министра и, возможно, досрочные выборы. Отсутствие единства в рядах ЧСДП, где позиции ее председателя В. Шпидлы подвергались угрозе со стороны как сторонников бывшего лидера партии М. Земана, так и набравшего силу вице-председателя, министра внутренних дел ЧР С. Гросса, делали перспективы социал-демократов на этих возможных выборах довольно мрачными. По данным опросов общественного мнения, осенью 2003 г. за ГДП были бы готовы проголосовать около 34% избирателей, в то время как за ЧСДП — немногим более 20%, за коммунистов — 19%, за лидовцев — примерно 9% опрошенных¹¹⁹. Рейтинги Сою-

за свободы и вовсе не достигали 5%, необходимых для прохождения в парламент. Таким образом, от успеха или неудачи экономических реформ нынешнего правительства, равно как и от того, насколько серьезными окажутся трудности, связанные с вступлением Чехии в Европейский союз, зависит расстановка сил на чешской политической сцене в ближайшие годы.

¹ Подробнее см.: *Myant M. The Rise and Fall of Czech Capitalism. Economic Development in the Czech Republic Since 1989. L., 2003.*

² ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. Новосибирск, 1995. № 10. С. 70.

³ Czech Republic: Annual Report 1998 // Transitions Online. March 1999 // сайт <http://www.tol.cz/countries/czear98.html>.

⁴ *Kučera R. Jak dál naložit se stranickým systémem v České republice // Střední Evropa. 2000. Č. 98. S. 5–6.*

⁵ Czech Republic: Annual Report 1997 // Transitions Online. March 1998 // сайт <http://www.tol.cz/countries/czear97.html>

⁶ Подробнее см.: *Шумов Я.В. Гражданское общество и правящая элита в переходный период: чешский вариант // Политические исследования. 2001. № 3. С. 149–159.*

⁷ *Politický program ODS. Praha, 1996. S. 2.*

⁸ *Informační vysílání televize Nova. Praha, 1995. 24. 01.*

⁹ *Mitrofanov A. Za fasádou Lidového domu. Praha, 1998. S. 112.*

¹⁰ См.: *Koudelka Z. Komunální volby 1994 // Politologický časopis. 1995. Č. 1. S. 62–67.*

¹¹ *Východiska politiky KDU–ČSL; Průvodce politikou KDU–ČSL. Propagační materiály KDU–ČSL. Источник: Секретариат ХДС–ЧНП. Praha, 1998.*

¹² *Fiala P., Mareš M., Pšejja P. Systém politických stran v letech 1989–1998 // Přehled politického stranictví na území českých zemí a Československa v letech 1861–1998 / Ed. P. Marek a kol. Olomouc. 2000. S. 314.*

¹³ См.: *Protokol XXVII. sjezdu České strany sociálně demokratické. Praha, 1995.*

¹⁴ См.: *Загорожнюк Э.Г. Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000. С. 65.*

¹⁵ *Matějů P., Vlachová K. Nerovnost, spravedlnost, politika. Praha, 1999. S. 327. См. также: Кузнецова З. Тенденции "полевения" в формировании политического спектра в Чешской Республике // Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998.*

¹⁶ *Politická deklarace IV. sjezdu KSČM // Dokumenty IV. sjezdu KSČM (interní materiál KSČM). Liberec, 1995. S. 105–107.*

¹⁷ См., например: *Komunismus v České republice. Vývojové, systemové a ideové aspekty působení KSČM a dalších komunistických organizací v České republice / Ed. P. Fiala, J. Holzer, M. Mareš, P. Pšejja. Brno. 1999. S. 156–160.*

¹⁸ *Stanovy Sdružení pro republiku- Republikánské strany Československa. 1994 (место изд. не указ.). S. 2.*

¹⁹ Результаты выборов 1996 г. приведены по: *Statistická ročenka České republiky. 1996. Praha, 1997. S. 563.*

²⁰ См., например: *Přihoda P.* Pěkně podle abecedy (Naše parlamentní strany před volbami). *Občanská demokratická strana // Nová Přítomnost.* 1996. N 5. S. 24 – 26.

²¹ *Загорожнюк Э.Г.* Партии и движения в Чехии: структурная эволюция и проблема приоритетов // *Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов.* М., 1997. С. 258.

²² Согласно ныне действующей Конституции, сенаторы не обладают большими властными полномочиями: они обсуждают поправки к основному закону страны и другие важнейшие законопроекты, которые могут отклонять, однако нижней палате достаточно во второй раз одобрить закон, чтобы преодолеть вето Сената. Существование Сената – дань традициям Первой республики. Однако его роль остается достаточно неопределенной, поэтому на протяжении всего времени существования верхней палаты среди чешских юристов, историков, политологов и в СМИ идет дискуссия о целесообразности сохранения Сената (см., например: *Lidové noviny.* 2000. 24.XI). Сомнения в его необходимости подкрепляются тем, что активность избирателей на сенатских выборах (1996, 1998, 2000, 2002) постоянно оказывается значительно более низкой, нежели на выборах в палату депутатов.

²³ См.: *Fiala P., Mareš M., Pšejja P.* Op. cit. S. 370.

²⁴ См., например: *Altman J.* Crisis by Design. Problems of the Czech Media in the 90s // *Central Europe Review.* 2000. N 39, Vol. 2.

²⁵ *Suchý P.* Proces transformace KDU – ČSL ve stranu moderního typu // *Středoevropské politické studie.* 1999. N 1. Интернет-версия.

²⁶ *Zpráva předsedy ODA Jana Kalvody // Zpravodaj (vnitrostranický časopis ODA).* 1996. Č. 4. S. 1, 3.

²⁷ *Prohlášení politické rady ODA k prohlášení pravé frakce // Zpravodaj.* 1997. Č. 4/5. S. 35.

²⁸ *Vachudová M.A.* The End of the Klaus Era // *Transitions Online.* 1997 // сайт www.tol.cz/1997/countries/czech.html

²⁹ *Nikołski V.* Současné postavení české ekonomiky // *Mezinárodní politika.* 1998. Č. 22. S. 17.

³⁰ *Blahož J., Brokl L., Mansfeldová Z.* Czech Political Parties and Cleavages after 1989 // *Cleavages, Parties, and Voters. Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Romania.* Westport, Ct (USA), 1999. P. 129.

³¹ См., например: *Шумов Я.В.* Гражданское общество и правящая элита в переходный период... С. 154.

³² См.: *Antoš P.* Volby 98... A co dál. Praha, 1998. S. 43.

³³ *Загорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе... С. 68.

³⁴ *Zpráva ÚV KSČM o činnosti KSČM v období po IV. sjezdu v Liberci (prosinec 1995 – prosinec 1999).* Interní materiál KSČM. Praha, 1999. S. 59.

³⁵ См.: *Komunismus v České republice...* S. 188 – 189.

³⁶ См., например: *Lidové noviny.* 1997. 21.X.

³⁷ Это событие получило в новейшей истории Чехии полушутливое название "сараевское покушение" – по аналогии с убийством в Сараево 28 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, которое стало поводом к нападению Австро-Венгрии на Сербию и началу первой мировой войны.

³⁸ *Mladá fronta dnes.* 2001. 30.XI.

³⁹ *Lidové noviny.* 1996. 9.V.

⁴⁰ Lidové noviny. 1997. 10.XII; Mladá fronta dnes. 1997. 10.XII; Právo. 1997.10.XII.

⁴¹ Keane J. Václav Havel. Politická tragédie v šesti dějstvích. Praha, 2000. S. 381.

⁴² Právo. 1998. 19.VI.

⁴³ Stroehlein A. The Czech Republic 1992 to 1999: from Unintentional Political Birth to Prolonged Political Crisis // Central Europe Review. 1999. N 12, Vol. 1.

⁴⁴ По данным социологического опроса, проведенным агентством СТЕМ; результаты исследования переданы 1-й программой чешского радио (Český rozhlas 1). 1997. 12. XII.

⁴⁵ Czech News Agency (CTK) News Report. 1997. 1. XII.

⁴⁶ Lidové noviny. 1997. 15. XII.

⁴⁷ См.: Politický program Unie svobody. Interní material US. Praha, 1998. S. 3–4.

⁴⁸ Právo. 1998. 20.I.

⁴⁹ См.: Fiala P., Mareš M., Pšeja P. Op. cit. S. 371.

⁵⁰ Stein J. Between Stagnation and Integration // Transitions Online. 1998 // сайт www.tol.cz/1998/stein-stag.html

⁵¹ Загорюжнюк Э.Г. Социал-демократия в Центральной Европе... С. 69.

⁵² См. Lidové noviny. 1998. 8.IV.

⁵³ Результаты выборов см. по: Statistická ročenka České republiky. 1998. Praha, 1999. S. 576–577.

⁵⁴ См.: Lidové noviny. 1998. 29.VI; Právo. 1998. 30.VI.

⁵⁵ Klima M. Kvalita demokracie v České republice a volební inženýrství. Praha, 2001. S. 34.

⁵⁶ См.: Ibid. S. 18.

⁵⁷ Právo. 1998. 3.VII.

⁵⁸ Lidové noviny. 1998. 6.VII.

⁵⁹ Подробнее см.: Шимов Я.В. "Оппозиционный договор" между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией и его роль в новейшей политической истории Чехии (1998–2002 годы) // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых: Вып. первый. М., 2003. С. 192–204.

⁶⁰ Mladá fronta dnes. 1998. 10.VII; см. также: Voráček E. Mitteleuropäische Lage und politische Stabilität in Tschechien. Zivilgesellschaft und demokratische Konsolidierung // Transition – Erosion – Reaktion. Zehn Jahre Transformation in Osteuropa / Ed. D. Schorkowitz. Frankfurt a. Main, 2002. S. 319–342.

⁶¹ Právo. 1997. 15.V.

⁶² Lidové noviny. 1998. 10.VI.

⁶³ Žadoucí je člověk zásadový a konsensuální. Rozhovor s prezidentem republiky Václavem Havlem // Přítomnost. Politický a kulturní čtvrtletník. 2001. Č. 1. S. 13–15.

⁶⁴ Текст Святовацлавского соглашения см., например: Lidové noviny. 2000. 29.IX.

⁶⁵ Pehe J. Impuls 99 v kontextu současného politického vývoje // Respekt. 2000. 20.III.

⁶⁶ Stránský M.J. Impuls 99 – Consensus and Confrontation // The New Presence. 1999. T 9. P. 2.

⁶⁷ См., например: A Crying Need for Intellectuals. Interview with Czech President Václav Havel // The New Presence. 1999. N 4.

⁶⁸ См.: Lidové noviny. 1999. 18, 20, 21. XI; Právo. 1999. 18 – 20. XI и др.

⁶⁹ Pehe J. A Year of Stagnation // The New Presence. 1999. N 12.

⁷⁰ Muller K., jr. Češi a občanská společnost // Politologická revue. 2001. Č. 2. S. 28.

⁷¹ Ibid.

⁷² Согласно Конституции Чешской республики, Сенат, верхняя палата парламента ЧР, состоит из 81 сенатора. Треть сенаторов, т.е. 27, избирается каждые два года по мажоритарной двухкруговой системе в одномандатных округах. Первые выборы в Сенат ЧР, когда избирались все сенаторы, состоялись в 1996 г., вторые (частичные) выборы – в 1998 г., третьи – в 2000, четвертые – в конце 2002 г.

⁷³ Právo. 1998. 23. XI.

⁷⁴ См., например: Radio Free Europe/Radio Liberty. Newslines. 1998. 17. XI.

⁷⁵ Právo. 1998. 29. X; 1999. 27. I.

⁷⁶ Результаты выборов в Сенат приведены по: Statistická ročenka České republiky. 1998. Praha, 1999. S. 577.

⁷⁷ Radio Free Europe/Radio Liberty. Newslines. 1999. 16. XII.

⁷⁸ См., например: Čermák M. Václav Klaus, Miloš Zeman: Souběžný portrét. Praha, 1998. S. 88 – 89.

⁷⁹ Respekt. 1999. Č. 45. S. 20.

⁸⁰ В действительности название этого документа Toleranční patent переводится скорее как "патент взаимной терпимости", однако, поскольку его суть заключалась в обеспечении взаимной поддержки ГДП и ЧСДП в ряде важнейших политических вопросов, мы сочли возможным предложить вариант перевода, не соответствующий буквальному значению, но лучше отражающий смысл соглашения. Кроме того, такое название позволяет избежать неуместных исторических аллюзий: в 1781 г. австрийский император Иосиф II издал указ, название которого по-чешски звучит точно так же – Toleranční patent. В нем официально признавались некаатолические христианские конфессии и предоставлялись гражданские права их приверженцам.

⁸¹ Здесь и далее текст "патента взаимной поддержки" цит. по: Česká strana sociálně demokratická. Věžný archiv. 2000/01. Toleranční patent.

⁸² Это обязательство не было выполнено правительством М. Земана. Напротив, в период его правления дефицит госбюджета непрерывно рос и в 2002 г. составлял 46 млрд чешских крон. См., например: Mladá fronta dnes. 2002. 1. VII.

⁸³ См., например: Senát: Zrušit nebo transformovat? // Týden. 2000. Č. 49. S. 39 – 47.

⁸⁴ Právo. 2000. 20. XI; Lidové noviny. 2000. 20 – 21. XI.

⁸⁵ Pehe J. Personalities over Politics // Transitions Online. 2000. 21. XI.

⁸⁶ Česká televize – věc veřejná. Praha, 2001.

⁸⁷ Czech Telegraph Agency (CTK) News Report. 2000. 28. XII.

⁸⁸ См., например: Týden. 2001. Č. 6. S. 16 – 18.

⁸⁹ Lidové noviny. 2001. 14. II.

⁹⁰ Mladá fronta dnes. 2001. 10. III.

⁹¹ Ibid.

⁹² См., например: Novák M. ČSSD May Get a New Leader but Old Policy // Transitions Online. 2001. 9. III.

⁹³ Nominační projev Vladimíra Špidly, kandidáta na předsedu strany, přednesený na XXX. sjezdu ČSSD 7. dubna 2001 v Praze // XXX. sjezd České

strany sociálně demokratické: Dokumenty a materiály. Interní dokument ČSSD. Praha, 2001. S. 8.

⁹⁴ Ibid. S. 10.

⁹⁵ См. также: *Saxonberg S.* Old Left as New Middle. The Czech Social Democrats Must Choose // The New Presence. 1999. N 1.

⁹⁶ Lidové noviny. 2001. 7. IV.

⁹⁷ См.: Kabinetní hříchy i úspěchy // Hospodářské noviny. 2002. 26. VI.

⁹⁸ Úvodní projev Václava Klause na III. ideové konferenci ODS 21.4.2001 v Praze // Politika v České republice. 2001. Č. 2. S. 73 – 74.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Právo. 2001. 5. XI; Lidové noviny. 2001. 6. XI.

¹⁰¹ Имеется в виду "сараевское покушение" в ноябре 1997 г.

¹⁰² Týden. 2001. Č. 44. S. 74.

¹⁰³ См. дискуссию на тему "Правые сегодня", в которой приняли участие многие политологи, историки, социологи, журналисты и общественные деятели. Lidové noviny. 2001. 12, 14, 15, 20, 23, 27, 28. II; 7, 9, 23. III; Týden. 2002. Č. 22. S. 40 – 43.

¹⁰⁴ Klaus V. Proč jdu znovu do toho. Praha, 2002. S. 5 – 6.

¹⁰⁵ Результаты выборов приведены по: CTK News Report. 2002.16. VI; Týden. 2002. Č. 25. S. 11 – 17.

¹⁰⁶ См., например: Mladá fronta dnes. 2002. 9. VII.

¹⁰⁷ CTK News report. 2003. 22. II.

¹⁰⁸ Lidové noviny. 2002.4. VII.

¹⁰⁹ См., например: CTK News report. 2003. 22. II.

¹¹⁰ См.: сайт <http://old.hrad.cz/president/Havel/speeches>. См. также: *Загорожнюк Э.Г.* Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003. С. 130 – 168.

¹¹¹ См.: Ibid. (сайт).

¹¹² См.: сайт <http://www.radio.cz/ru/novosti#3>.

¹¹³ Биографические данные о В. Клаусе см.: Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков. Аспекты общественно-политического развития: Историко-политологический справочник. М., 2003. С. 130; см. также: *Лаврик Э.* Нестареющие новости: дела президентские // Представитель власти. 2003. № 9. С. 10.

¹¹⁴ См.: сайт <http://www.radio.cz/ru/novosti>

¹¹⁵ Economist. 2003. February 1. P. 30.

¹¹⁶ Lidové noviny. 2003. 10. VI.

¹¹⁷ Mladá fronta dnes. 2003. 4. X.

¹¹⁸ Подробнее см., например: Týden. 2003. Č. 40. S. 11 – 12.

¹¹⁹ Mladá fronta dnes. 2003. 26. IX.

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ: 1993–2003 гг.

Предысторию современной Словацкой Республики как самостоятельного государства со своей национальной идентичностью можно датировать 1992 годом. Во втором его полугодии, как в ускоренной киносъемке, проходили различные события, сменившие историческую сцену в стране: выборы в федеральный и национальные парламенты 5–6 июня, которые привели к доминированию Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) и В. Мечъяра в политике; принятие "Декларации о верховенстве суверенитета Словацкой республики" 17 июля, а 1 сентября ее Конституции; подписание 29 октября Договора о границах между Чехией и Словакией, наконец, 13 ноября — Договора о разделе федерального имущества. Уже 25 ноября Федеральное собрание ЧСФР решило, что общее государство прекратит свое существование 31 декабря.

Оставшиеся от июньских выборов и провозглашения "Декларации" полгода были использованы Словацким национальным советом (СНС) для того, чтобы вынуждать Федеральное собрание ЧСФР принять законы, направленные на мирный распад федерации. Председатель СНС И. Гашпарович и премьер-министр словацкого правительства В. Мечъяр при этом внешне выглядели инициаторами наиболее острых и сложных законодательных инициатив, хотя возлагать вину за форсирование "бархатного" развода лишь на них вряд ли правомерно: ряд чешских политиков при этом умело играли "в поддавки", способствуя курсу на распад федерации. И в конце концов он стал безальтернативным¹.

Мечта многих словаков достичь самостоятельности государства легитимно реализовалась 1 января 1993 г. Многих — но не всех, как это показывали опросы общественного мнения; мечта, больше вдохновлявшая политиков, чем рядовых словаков. Как оказалось позже, для ряда первых из них она была сопряжена скорее с карьерными амбициями и стрем-

*Принятие Словацким национальным советом
Декларации о суверенитете Словакии 17 июля 1992 г.*

лениями заработать на этом политический капитал, чем с ответственностью за новое государство. Мечта, осуществлявшаяся в условиях пристального внимания самых разнонаправленных сил из-за рубежа, особенно одобрявшаяся потомками словаков-эмигрантов — но, как оказалось позже, вызывавшая также оскорбительные для словацкого народа определения их страны, как "черной дыры" в Европе (слова тогдашнего госсекретаря США, уроженки Чехословакии Мадлен Олбрайт)².

Политическое развитие (1993–1997 гг.) и "фактор Мечьяра"

После оформления Словакии в качестве суверенного государства развитие ее общественно-политической системы характеризовалось процессами перегруппировки и поляризации сил, что отражалось на достаточно частой смене правительства. Первым значимым внутривнутриполитическим событием в самостоятельном государстве, равно как и одним из первых источников внутривнутриполитической напряженности, стали выборы его президента. 15 февраля 1993 г. парламентским большинством главой государства был избран М. Ко-

*Конфиденциальная встреча В. Мечьяра и В. Клауса в Брно
26 августа 1992 г.*

вач, который являлся ближайшим сподвижником В. Мечьяра по созданию Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) и председателем (с 26 июня 1992 г.) последнего Федерального собрания ЧСФР³.

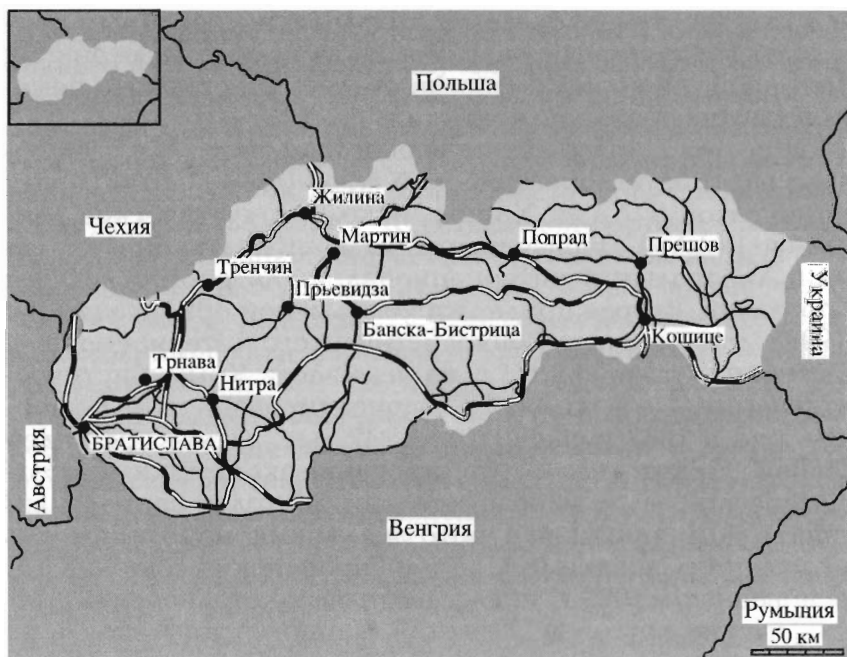
Как вскоре оказалось, пути развития своей страны эти ведущие политики видели по-разному⁴. Выборы и последующий ход общественно-политического развития республики продемонстрировали противостояние президента М. Ковача и премьер-министра В. Мечьяра, что выразилось в многочисленных политических конфликтах, личностных нападениях, провокациях и др.

В стране создавались новые формы управления (включая, например, появление собственного министерства обороны), осуществлялся раздел общего имущества Чехословакии, вводилась самостоятельная валюта, укреплялись внешнеполитические позиции⁵. В качестве основной выступила задача выхода из экономического кризиса: год 1993 явился временем не только достижения независимости, но и низшей точкой кризиса⁶. Но уже с 1994 г. наметились определенные признаки экономического роста и снижения инфляции, хотя выросла и безработица до мало известных ранее пределов⁷.

После обретения независимости встала задача укрепления экономического суверенитета. Средство было выбрано уже опробованное — приватизация. Фактически весь второй этап разгосударствления республиканского имущества — так называемая "большая" приватизация, пришедшая на смену первоначальной, "малой", на уровне магазинов и пивных, — был умышленно спущен в Словакии на тормозах до тех пор, пока республика не стала самостоятельной⁸. Потом уже это превратилось в подлинное "торжество победителей": контрольный пакет акций в крупных и средних предприятиях получали люди, так или иначе связанные с ДЗДС и его лидером В. Мечъяром⁹.

11 марта 1993 г. зарубежные экономисты, финансисты, депутаты словацкого парламента, собравшись на рабочее совещание в словацком городе Стара Тура, обсуждали вопрос о путях развития экономики Словакии в условиях самостоятельности, чтобы обеспечить ее переход к рынку. Речь шла о процессах приватизации, либерализации цен и внешней торговли. Участники как бы признавали, что Чехия сегодня — это Чехословакия вчера, выход же Словакии на мировые рынки по причине ее малой известности затруднителен. В. Мечъяр назвал расширение внешних рынков проблемой первостепенной важности, указав на усложнение торговых связей с ЧР, усугубление проблем в торговле со странами Союза независимых государств (СНГ), Венгрией и Польшей. Правительство Словацкой Республики (СР), по его мнению, должно ориентироваться прежде всего на рынки ЕС, а предприятиям необходимо доказать свою жизнеспособность в сильной конкурентной среде. Реалистически мыслящие предприниматели полагали, что конструктивной является "старо-новая территориальная ориентация", предусматривавшая не только проникновение на рынки ЕС, но и усиление позиций Словацкой Республики на рынках Польши, Венгрии и стран СНГ. Уже первые месяцы существования самостоятельного государства показали необходимость именно данного курса его экономики¹⁰. Но внешнеполитическое давление сдерживало такое многовекторное экономическое развитие Словакии, ориентируя его на проблематичное вхождение на западные рынки любой ценой.

В конце 1993 г. рейтинг Мечъяра начал стремительно падать, тем более что окрепли позиции его политического оппонента — президента страны М. Ковача, первоначально

Словацкая республика

члена ДЗДС. Из ДЗДС и Словацкой национальной партии (СНП) вышли группы депутатов, создав новую партию Демократический союз (ДС), который заявил о приверженности либеральным ценностям. Й. Моравчик, бывший министр иностранных дел в первом кабинете Мечъяра, выступил с резкой критикой в его адрес, и в начале марта 1994 г. Мечъяр, не получив поддержки в парламенте при обсуждении вопроса о вотуме доверия, был смещен с поста главы высшей исполнительной власти. Второе коалиционное правительство (март 1994 — сентябрь 1994 гг.) во главе с Й. Моравчиком (ДС) сформировалось 16 марта 1994 г. Оно объявило себя временным, хотя по закону могло работать до 1996 г., и назначило досрочные выборы в парламент на сентябрь 1994 г. Следует отметить, что сокращение срока полномочий нового кабинета, принятое под давлением лидера реформировавшейся части коммунистов Словакии П. Вайса, некоторые исследователи считают "стратегической ошибкой, которая в конце концов привела к повторному возвращению Владимира Мечъяра на пост председателя правительства"¹¹. Но не меньше правды

и в том, что альянс оказался рыхлым и неспособным принимать эффективные решения. В каком-то смысле он стал матрицей, по которой формировались и остальные немецчаровские правящие коалиции.

В состав правительства вошли представители следующих партий: Демократический союз (ДС), Партия левых демократов (ПЛД) и Христианско-демократическое движение (ХДД)¹². Первая из них была либеральной и входила в Либеральный интернационал, ее лидером и являлся Моравчик. Вторая придерживалась левой ориентации и с 1996 г. стала членом Социалистического интернационала. Возникнув осенью 1991 г. на базе части Коммунистической партии Словакии (КПС), ориентированной на реформы, она в 1992 г. насчитывала 47 тыс. членов. Ее лидер П. Вайс выступал за реформирование экономики, за прагматический, а не идеологический подход к социальным проблемам, признавая в то же время необходимость вхождения Словакии в НАТО и Европейский союз¹³. ХДД, основанная в 1989 г. представителями католических диссидентских кругов во главе с Я. Чарногурским, стояла на правоцентристских позициях. Таким образом, правящая коалиция по своему составу сильно смахивала на "лебеда, рака и щуку".

Фронт мечьяровских критиков расширился в очередной раз: казалось бы, в стране нет ни одного политика, не осуждавшего Мечьяра — тем более под аккомпанемент зарубежных средств массовой информации, тон которому задавался из Праги. Виновник экономических трудностей и политических сбоев был определен окончательно. Вот что, к примеру, говорил о нем Ф. Гал, один из инициаторов "братиславской осени" 1989 г. и лидер движения "Общественность против насилия" (ОПН), "открывший" в свое время Мечьяра: "Он — настоящий гений власти. Этот человек умеет использовать все средства для того, чтобы укрепить свою власть. В демократических государствах не проходит то, что присуще именно политикам мечьяровского склада и странам на трансформационном перепутье: перманентное нарушение законов и перманентная ложь"¹⁴. Редко кто из европейских политиков выдерживал такие "качели", но Мечьяр устоял под нелегкими ударами и изнутри, и извне, опираясь на ДЗДС, поддерживавшуюся значительной частью электората. Весной 1994 г. он возглавил оппозицию, будучи уверенным, что это ненадолго.

Первые национальные парламентские выборы (внеочередные) в Словакии после получения ею независимости состоялись 30 сентября — 1 октября 1994 г. В них приняли участие 18 партий и движений; на избирательные участки пришли немногим более трех четвертей зарегистрированных избирателей (75,7%). Большинство их (34,96%) проголосовало за ДЗДС в коалиции с Крестьянской партией Словакии (КрПС)¹⁵. В словацком парламенте — Национальном совете СР (НС СР) они получили 61 мандат. В него вошли также: "Общий выбор" (коалиция Партии левых демократов, Социал-демократической партии в Словакии, Партии зеленых, Движения аграриев) — 18 мандатов (10,41% голосов); Венгерская коалиция (Венгерское христианско-демократическое движение, Движение "Сосуществование" и Венгерская гражданская партия) — соответственно 17 и 10,18%; Христианское демократическое движение — 17 и 10,08%, Демократический союз — 15 и 8,57%, Объединение рабочих Словакии (ОРС) — 13 и 7,34, а также Словацкая национальная партия (СНП) — 9 и 5,4%¹⁶.

В результате проведенных 3—4 ноября интенсивных переговоров была сформирована новая правящая коалиция из четырех партий (ДЗДС, ОРС, СНП и КрПС), подписавшая 11 декабря коалиционное соглашение¹⁷. В нем декларировалось, в частности, стремление добиваться "развития плюралистической демократии и правового государства". Тем самым внеочередные парламентские выборы, вопреки ожиданиям оппозиции, вновь принесли успех ДЗДС и премьерский пост В. Мечъяру. Начался самый длительный его "звездный час": с 1994 по 1998 гг., а параллельно — массированное неприятие его Западом. Страну не признавали готовой вступить ни в НАТО, ни в ЕС; ее премьер-министру приписывали негативные характеристики, даже если одна из них исключала другую.

Мечъяр демонстративно повернулся к России. Но, как представляется, это была не только демонстрация, ибо именно на Словакию выпадала (и остается таковой) участь быть связующим звеном между Востоком и Западом. Вероятно, геополитический подход и помогает найти ответ на вопрос о реверсных движениях Мечъяра-политика: Словакия, как звено, сцепляет две части континента; удобной же "для себя" стремилась сделать эту страну лишь одна из сторон. Если же это не получалось по ее сценарию, то Словакия обвинялась в "отсутствии демократии", а ее лидеры "демонизировались".

Созданная Мечьяром правящая коалиция получила в парламенте 83 депутатских мандата, не располагая при этом конституционным большинством, составлявшим три пятых общего числа депутатов (90 мандатов)¹⁸. И сразу же началась борьба за его отставку и за новые выборы в Национальное собрание СР. Предлагалось проведение по этим вопросам референдума, однако даже критически настроенный к Мечьяру президент не поддержал такой вариант.

В результате длительных переговоров 12 декабря 1994 сформировалось третье словацкое правительство во главе с В. Мечьяром. ДЗДС получило 12 министерских постов, ОРС — 4, СНП — 2. Сложилась примечательная ситуация: ДЗДС позиционировалось как левоцентристская политическая структура, претендовавшая на социал-демократическую идентичность, но не всегда подтверждавшая ее. Она оставалась крупнейшим субъектом на политической сцене СР. Ее партнером стала Словацкая национальная партия — правая националистическая партия, образованная 7 марта 1990 г. С самого начала в качестве одного из основных пунктов своей программы она выдвигала требование независимого словацкого государства. На выборах 1992 г. выступала под лозунгом "Самостоятельная Словакия" и в 1993—1994 гг. входила в правящую коалицию. Примечательно, что СНП выступала против вхождения страны в НАТО и ЕС, хотя эти требования зафиксированы в правительственной программе правящей коалиции. Партия занимала место правее консервативных партий, входивших в предшествующую коалицию; ОРС же, в свою очередь, было левее левой ПЛД. В итоге получились те же "лебедь, рак и щука", но с явным доминированием ДЗДС.

Но чем она становилась сильнее, тем в большей мере от нее отмежевывались партнеры по коалиции. Это и определило "слабость силы" ДЗДС: она ориентировалась на авторитаризм как бы невольно, хотя бы потому, что равной ей или хотя бы близкой по силе партии, в Словакии так и не возникло, а выстраивавшаяся на основе предельно рыхлого консенсуса оппозиция апеллировала к ценностям демократии скорее из-за слабости отдельных своих составляющих. Таким образом, сила одной партии оказалась в результате ее слабостью, а союз малых партий набирал силу.

Основой правительственного заявления, одобренного парламентом в январе 1995 г., стали программные положения ДЗДС. Они содержали обещания будущего процветания и динамичного развития за счет реструктуризации промыш-

ленности и ориентации на внутренние источники — и данные обещания отчасти реализовались. Планировалось проведение жесткой денежной и бюджетно-налоговой политики, что встретило некоторое сопротивление со стороны оппозиции. Произошла замена главного прокурора СР, руководства радио и телевидения, национального информационного агентства. Но самое главное — было принято решение о приостановке приватизации. Новое правительство отказалось от купонной приватизации, каждому гражданину Словакии полагалась компенсация долговыми обязательствами на сумму 10 тыс. словацких крон, подлежащими оплате до 31 декабря 2000 г.¹⁹ И все же приватизационные процессы продолжались, попав исключительно в руки коалиции без возможности какого-либо контроля извне. При распределении парламентских постов представителей оппозиции оттесняли в малозначачие комитеты, контроль над органами безопасности находился безраздельно в руках коалиции. Уже с этого времени на правительство Мечъяра оказывалось давление из-за рубежа: его обвиняли в популизме, антидемократизме, преследовании национальных меньшинств, для чего, несомненно, имелись и достаточно веские основания. В ответ на это Мечъяр резко усилил свою внешнеполитическую активность, делая при этом особый акцент на признаках экономического подъема в стране. И, действительно, в последующие годы темпы роста ВВП в стране оказались одними из наиболее высоких в Европе.

В 1995 г. правительство провело через парламент с помощью коалиционного большинства ряд поправок и законов, изменявших стратегию экономических реформ в Словакии, в том числе программу приватизации. В июле 1995 г. корректируется модель "большой" приватизации. Поправки к закону о "большой" приватизации изменяли распределение компетенций между правительством и Фондом национального имущества²⁰. Новые положения закона отменили купонную приватизацию и заменили купонную книжку на 1000 инвестиционных очков на облигации Фонда национального имущества стоимостью 10 тыс. словацких крон, вводя институт прямых продаж.

Решение экономических проблем сопровождалось политическими столкновениями, в первую очередь между премьер-министром и президентом страны. 21 сентября 1995 г. президент Словакии М. Ковач выступил с обращением к народу, в котором отреагировал на адресованный ему призыв

правительства СР подать добровольно в отставку. В обращении, в частности, говорилось: "Решительно отвергаю серьезные обвинения в подрыве конституционной системы и дестабилизации общества. Если цель правительства — запугать президента и заставить его уйти, то я заявляю, что остаюсь на своем посту, на который был избран демократическим путем. Вынужден выступить с обращением для того, чтобы заявление правительства не запугало граждан, которые имеют иную точку зрения на общественные проблемы, нежели правительство"²¹.

Позицию премьера поддержали как лидеры СНП, по мнению которых, "президент наносит ущерб доброму имени Словакии" и "является источником напряженности на внутривластной сцене", так и Объединение рабочих Словакии (ОРС). В то же время ДС расценил новую атаку на Ковача как попытку отвлечь внимание общества от приватизации, в которой партийным соратникам раздается многомиллиардное имущество, а сами граждане оттеснены от участия в ней. С осуждением заявления правительства выступили также другие оппозиционные и непарламентские партии.

Действительно, приватизация в Словакии не принесла ощутимых плодов, как это случилось в Чехии. В период первого срока пребывания в должности премьер-министра Мечьяр выступал за постепенность ее проведения, провозглашая одновременно ориентацию на экономический рост. Его темпы оказались достаточно высокими, однако безработицу устранить не удалось. Противники Мечьяра постоянно заявляли, что обещаемое процветание не наступило, а улучшение показателей экономического развития считали фальсификацией, сопровождая эти утверждения обвинениями в коррупции. Но большую роль в борьбе против премьера сыграли причины внешнеполитического характера, прежде всего неприятие его на Западе как политика, способного сблизить Словакию с Западной Европой. Действительно, Мечьяр оказывал большое и отнюдь не всегда конструктивное влияние на внешнюю политику, что привело к обострению отношений страны с Чехией и Венгрией. При этом выявлялась взаимная неприязнь В. Мечьяра и В. Гавела, что не способствовало укреплению международного авторитета первого, а в дальнейшем — его "дьяволизации" (наряду с С. Милошевичем и А. Лукашенко). Не был принят В. Мечьяр в качестве "своего" и на Западе.

Именно поэтому оппозиция все настойчивее подчеркивала, что ДЗДС и его националистические и популистские

партнеры по коалиции уводят страну с пути европейской интеграции, а это не привлекает к ней иностранных инвесторов. В то время как чехи получали дивиденды от имиджа своего государства как стабильного, демократического и ориентированного на рыночную экономику, словаки подвергались дискриминации вследствие правительственной политики. Мечьяра обвиняли даже в заговоре против президента Ковача, а также ущемлении прав венгерского, еврейского и цыганского национальных меньшинств, хотя волнения последнего усилились позднее, как раз при нахождении у власти его политических оппонентов, достигнув в марте 2004 г. стадии массовых беспорядков. Группу же "преданных" премьеру лиц обвиняли, во многом небезосновательно, в присвоении государственной собственности посредством незаконной приватизации. Однако дождавшиеся своей очереди политики, придя к власти, также не избежали подобных грехов вкупе с коррупцией.

С 1997 г. оппозиция начала готовиться к реваншу, остро критикуя Мечьяра. Кроме непрозрачной приватизации, коррупции и политического протекционизма, она обвиняла правительство в отсутствии концепции экономического развития, в манипулировании благополучными макроэкономическими показателями, за которыми скрывалась "жизнь в долг". Действительно, внешняя задолженность Словацкой Республики выросла с 4,3 млрд долларов в 1994 г. до 11,9 млрд в сентябре 1998 г. Лишь часть заемных средств использовалась продуктивно, главным образом на инвестиции с длительным сроком окупаемости, в частности, в строительство автомагистралей. Стремительно рос дефицит во внешней торговле, углублялся кризис в таких важнейших сферах, как здравоохранение, школьное образование²².

Срыв референдума о вступлении СР в НАТО послужил поводом для объединения в мае 1997 г. оппозиционных сил, за исключением ПЛД, в Совместной акции за референдум. Выдвигались следующие требования: возвращение Словакии на путь политической, правовой, экологической и социально ориентированной рыночной трансформации, гарантии социального партнерства и обеспечения гражданских прав, терпимое отношение к национальным меньшинствам и др. Подразумевалось, что Мечьяр и его партия не будут причастны к этому.

Таким образом, к 1998 г., времени следующих парламентских выборов, Словакия искала новые способы утверждения

своей идентичности как "подлинно европейского" государства, теснее связывая ее с перспективой дальнейшей демократизации. Поскольку этот поиск неизбежно связывался с критикой Мечьяра, предвыборные "сражения за демократию" приобрели особо острый характер. Доминирующим их мотивом являлась борьба за избирателя. В этом плане Словакия мало чем отличалась от других стран Центральной Европы.

Парламентские выборы 1998 г.: новые горизонты демократии

1998 год знаменовался наступлением, пожалуй, наиболее глубокого за первое десятилетие истории страны политического кризиса. Его начало характеризовалось резким обострением предвыборной борьбы. 3 марта завершился срок пребывания на посту президента Ковача, а вслед за этим была объявлена амнистия. Но и сорванный референдум 1997 г., и амнистия, и другие политические акции, инициируемые Мечьяром, характеризовались оппозицией как предпринятые им политические манипуляции. Западная же пресса обвиняла его во всех смертных грехах, многократно тиражируя определение мечьяровской Словакии как "черной дыры Европы" и постоянно отмечая, что Словакия — "менее равная" из стран Вишеградской группы как раз по его вине. Это выглядело особенно контрастно на фоне похвал Чехии как "более равной", благодаря заслугам В. Гавела.

На таком фоне проходили очередные парламентские выборы, на которых решался вопрос о характере политической системы Словацкой Республики, дальнейшем развитии словацкой экономики и внешнеполитической ориентации страны. Накал предвыборной борьбы был предельно сильный: оппозиция решила дать Мечьяру решительный бой внутри страны, а массированное давление зарубежных политиков и СМИ достигло высшей точки. За год до событий в Косово отработывался сценарий подавления неугодной политической силы путем идеологического прессинга, хотя нельзя не признать, что продолжавшаяся автократическая практика Мечьяра давала для этого весьма серьезные основания. Кроме того, Словакия оказалась слишком малой страной с достаточно неустойчивым лидером, чтобы стать геополитическим звеном между Западом и Востоком.

Мечьяр почувствовал соответствующий остракизм еще на проходившем 25 января 1998 г. пятом саммите Центральноевропейской инициативы в словацком городе Лего-

че, где тон задавал М. Ковач. 29 января он должен был участвовать в президентских выборах по парламентской процедуре, которые не состоялись из-за противодействия Мечьяра и введения в Конституцию Словакии новеллы. Страна 15 месяцев не имела главы государства.

В этот период на политической сцене появляются новые "игроки", в том числе и Словацкая демократическая коалиция (СДК). Она сформировалась еще в июле 1997 г. как избирательный политический блок, объединивший пять политических субъектов с различной идеологической ориентацией: Христианско-демократическое движение (ХДД), Демократический союз (ДС), Демократическая партия (ДП), Социал-демократическая партия в Словакии (СДПС) и Партия "зеленых" (ПЗ). Основа коалиции возникла 29 декабря 1996 г., когда ХДД, ДС и ДП подписали "Соглашение о сотрудничестве трех партий", в результате чего образовалась так называемая "Синяя коалиция", объединившая оппозиционные силы страны. В "Соглашении" подчеркивалась заинтересованность в построении гражданского общества, выражалась общая воля к совместной защите и развитию в стране начал конституционности. Кроме того, заявлялось о необходимости вхождения страны в НАТО и ЕС. В конце августа 1997 в Мартине был принят меморандум и создан Совет СДК, председателем которого стал М. Дзуринда (ХДД), а его заместителями — Э. Кукан (ДС), Я. Лангош (ДП), Я. Вольф (СДПС) и А. Юриш (ПЗ).

В выборах в Национальный совет СР, состоявшихся 25–26 сентября 1998 г., участвовали 17 политических субъектов. К избирательным урнам явилось 84,24% избирателей, т.е. столько же, сколько на первых парламентских выборах 1990 г. Примечательно, что назначенный Мечьяром одновременно референдум о запрете приватизации предприятий топливно-энергетического комплекса провалился: свое мнение выразили менее половины пришедших на выборы. В борьбе за власть В. Мечьяру противостоял "зонтичный" оппозиционный блок во главе с М. Дзуриндой. За ДЗДС проголосовали 27% избирателей (43 депутатских места в парламенте). Второе место заняла СДК с 26,33% голосов электората (42 мандата*); ПЛД (Партия левых демократов) добилась под-

* В том числе: ХДД — 16 мандатов, ДС — 12, ДП — 6, СДПС — 4, ПЗ — 4.

держки 14,66% избирателей (23); ПВК (Партия венгерской коалиции) как коалиция трех венгерских партий — 9,12% (15), СНП — 9,07% (14), Партия гражданского сосуществования (ПГС) — 8,01% голосов (13 депутатских мандатов)²³. В итоге все партии, находившиеся в оппозиции к Мечъяру, набрали в законодательном собрании 93 из 150 мандатов (т.е. конституционное большинство). Тем самым, результаты парламентских выборов 1998 г. привели не только к изменению соотношения сил на словацкой политической сцене, но к изменению конфигурации пришедшей к власти политической элиты. В НС СР прошли шесть политических партий.

ДЗДС потеряла почти четверть прежнего электората, ее партнер по прежней коалиции, ОРС, набрала только 1,30% голосов, не преодолев пятипроцентный избирательный порог. Его не удалось перешагнуть также следующим партиям: КПС — 2,79% голосов избирателей, Новая Словакия — 0,48, Словацкая народная партия — 0,27, Венгерское народное движение за примирение и процветание — 0,19, Независимая инициатива Словацкой республики — 0,18, Словацкое национальное единство — 0,13%²⁴. Словацкая национальная партия (СНП), другой член коалиции ДЗДС, получила немногим более 9% голосов (14 мест). Располагая только 57 депутатскими мандатами в НС СР (совместно с СНП), Мечъяр не мог быть переизбран на пост премьер-министра и его занял лидер СДК М. Дзуринда. Р. Шустер, возглавлявший ПГС, заручился поддержкой конфронтующих с Мечъяром сил в выборах на вакантный пост президента.

Важную роль в смещении Мечъяра с ключевых позиций в жизни страны, по мнению многих словацких исследователей, сыграл Запад, запугивая избирателей тем, что Словакия не будет принята в НАТО и ЕС. Инспирируемые им силы и выдвинули лозунг "демечъяризации" Словакии²⁵. Согласно социологическим опросам октября 1997 г., только 13% словаков выражали удовлетворение международным статусом своей страны, а 47% — нет; к моменту выборов последние составили уже 55%²⁶. Второй важный фактор поражения Мечъяра — ухудшение экономического положения — был связан с иллюзорными надеждами на то, что вхождение Словакии в ЕС решит экономические проблемы.

Парламентские выборы 1998 г. в Словакии стали, как считает Л. Кубин, своеобразным экзаменом для демократии. Он отмечает, что за девять лет со времени демократических преобразований и пять лет независимого существования

Словакия так и не сдала этого экзамена, более того, над демократией нависли и новые угрозы. Выборы считались решающими для судеб страны с точки зрения как внутренней, так и внешней ее политики, поэтому оппозиционные партии активизировали свою деятельность по объединению усилий правого и левого центра. Первый, по мнению Кубина, олицетворялся ХДД, ДС, ДП, СДПС и ПЗ. Если по отношению к трем первым из названных партий это справедливо (их можно отнести в целом к "историческим" партиям, которые в Словакии были "обременены" либо приверженностью национальной, а то и националистической идеологии, либо чрезмерной зависимостью от диаспоры, особенно американской), то социал-демократы и "зеленые" к правым себя никогда не относили. Левый центр олицетворяла ПЛД, именно этой партии удалось лишить правящую коалицию значительной поддержки со стороны левых избирателей²⁷.

Соединительной силой была призвана стать основанная Р. Шустером Партия гражданского сосуществования (ПГС). Нельзя не признать, что само название партии ориентировало не столько на победу одной силы, сколько на сочетаемость разнородных политических течений. Эта партия структурировала оппозиционные силы, даже несмотря на то, что она набрала наименьшее число голосов среди партий-победителей. Примечательным для данных выборов — и негативным для ДЗДС — стало участие в них значительного числа избирателей (особенно жителей крупных городов), симпатизировавших оппозиции²⁸. Для них лозунги борьбы с авторитаризмом являлись приемлемыми в гораздо большей мере, чем для жителей сельской местности и небольших городов.

Новая правящая коалиция формировалась с трудом, однако результатом продолжавшихся около месяца между лидерами СДК, ПЛД, ПВК и ПГС переговоров 28 октября 1998 г. явилось соглашение, зафиксировавшее принцип консенсуса. Правительство большинства было сформировано. Цель соглашения — создание широких политических рамок деятельности правительства в целях принятия ранее тормозившихся законов и реализации принципа разделения властей, по мнению победивших партий, также прежде игнорировавшегося.

Но особой эффективности от правительства рядовые граждане не ожидали. И не только потому, что законы и по-

становления по-разному прочитывались различными партиями. Неприязни к Мечъяру при этом их лидерам уже явно не хватало, а восторги от того, что Словакию уже перестали считать "черной дырой" в Европе, конкретных проблем не решали. Как отмечали позже некоторые словацкие аналитики, приоритетным для оппозиции в данный и другие периоды являлся лозунг: Только не Мечъяр, иначе закроется путь в Европу²⁹.

Четвертое правительство Словацкой Республики было сформировано 30 октября 1998 г. лидером СДК М. Дзуриндой. В его состав вошли 9 представителей СДК, 6 — ПЛД, 3 — ПВК и 2 — ПГС. К началу XXI в. этот кабинет в целом пользовался поддержкой населения, даже вопреки негативным тенденциям, нараставшим в экономике и политике. Они выражались в коррупционных скандалах, связанных с приватизацией и компрометировавших не только отдельных руководителей, но и весь режим, лозунгом которого являлась как раз борьба с коррупцией. Обострялись противоречия между различными ветвями власти, что вело к разногласиям в правительственном блоке и конфликтам внутри правящих партий. Коалиция становилась все более рыхлой³⁰.

Первым шагом правительства Дзуринды явилось заявление о намерении ликвидировать допущенные предшествующим правительством деформации: пересмотреть итоги приватизации, а точнее — замедления ее темпов, инициировавшиеся прежним кабинетом; реформировать госаппарат, центрировавшийся, как утверждалось, лишь вокруг Мечъяра; ослабить контроль государства над СМИ. Предполагалось также резко пересмотреть и внешнеполитический курс — ведь дорога на Запад очистилась от главного препятствия: фигуры Мечъяра. Особенно громко, даже с чрезмерным надрывом, звучали заявления о беспроблемном вступлении страны в НАТО и ЕС, причем каждая из партий считала это результатом именно своих усилий. В итоге же коалиция (парламентское большинство) и даже Коалиция (СДК) оказались заложниками любой из входящих в них партий.

Уже в ноябре 1998 г. ДЗДС попыталась взять реванш, требуя ряда руководящих должностей в парламенте, но особого успеха не добилась. В 1999 г. правительство работало активно, хотя входившие в него партии находились в разных частях политического спектра. Этим и пытался вос-

пользоваться Мечъяр, но безуспешно. Дело в том, что в начале года в Словакии разрешился политический кризис, связанный с отсутствием (со 2 марта 1998) президента страны. Как говорилось выше, задолго до окончания своих полномочий М. Ковач, вступивший в конфликт с премьер-министром страны В. Мечъяром, согласно Конституции, оставил свой пост. Потерпев поражение на парламентских выборах в сентябре 1998 г., Мечъяр заявил о своем уходе с политической сцены. Однако после принятия словацким парламентом в январе 1999 г. решения о проведении всеобщих прямых тайных выборов президента (в марте 1999 г. поправка была внесена в Конституцию) он выдвинул свою кандидатуру на этот пост, включившись в предвыборную гонку буквально за несколько часов до официального завершения регистрации.

Опорой Мечъяра стала парламентская оппозиция, главным образом ДЗДС. Его оппонентом выступил приматор (мэр) Кошице 65-летний Р. Шустер — председатель словацкого парламента в ЧССР, член Центрального Комитета Компартии Словакии, затем посол в Канаде. Поддерживаемый правящей коалицией, он стал явным фаворитом избирательной кампании; другие кандидаты — М. Вашариова, бывший посол в Австрии, в прошлом популярная актриса; экс-президент М. Ковач, который 11 мая снял свою кандидатуру в пользу Р. Шустера, И. Мьяртан, а также Я. Слота — лидер ультраправой Словацкой национальной партии (СНП).

После парламентских выборов 1998 года В. Мечъяр вел тяжелые оборонительные сражения, сохраняя за собой свободу политического маневра. 29 октября того же года он передал свои депутатские полномочия бывшему сотруднику спецслужб И. Лексе, а сам стал готовиться к битве за президентский пост, не без основания подчеркивая свои заслуги, например, в деле принятия закона об амнистии (8 декабря 1998 г.), организации полета первого словака И. Беллы в космос (на российском корабле 26 — 28 февраля 1992 г.). Но ситуация для Мечъяра осложнилась в начале 1999 г., когда с его именем связывалось убийство бывшего министра экономики Я. Дукки. Утверждалось, что оно прикрывает многие "грехи" приватизации (или, по словам политических противников Мечъяра, "недоприватизации"). 9 апреля 1999 г. парламент лишил депутатской неприкосновенности Лексу, считавшегося причастным к организации убийства; его должны

были привлечь к судебной ответственности — и это оказалось не лучшим предвыборным "подарком" Мечьяру.

В первом туре президентских выборов Р. Шустер набрал 47,37% голосов, В. Мечьяр — 37,23%, М. Вашариова — 6,60%, И. Мьярган — 3,59%, Я. Слота — 2,50%. Из 4 038 899 избирателей к урнам явилось 74%³¹. Кандидат от правящей коалиции Р. Шустер получил во втором туре выборов (30 мая 1999 г.), в которых приняло участие 75% избирателей, 57%, а Мечьяр — 43% голосов³².

Выборы президента упрочили позиции парламентского большинства, а также усилили прозападный курс страны во внешней политике: было заявлено о стремлении как можно скорее вступить в НАТО и ЕС, ужесточая при этом монетаристский курс и свертывая торговые связи с Россией и соседними странами. Весной — летом 1999 г. правительство поддерживало НАТО во время проведения военной операции против Югославии, предоставляя аэродромы и транспортные коммуникации западным странам³³. Одновременно Р. Шустер подчеркивал намерения укреплять отношения с Россией. "Словацкий и российский народы, — утверждал президент, — связывают единые славянские корни, близость культур. Эти факторы всегда будут благотворно влиять на словацко-российские отношения, которые должны быть дружескими и партнерскими"³⁴.

В экономическом развитии страны тогда наступил заметный спад, который политические оппоненты Мечьяра связывали с присущей его правительству коррупцией, хотя причины крылись скорее в ухудшении общей ситуации в Центральной Европе. Застой в промышленности и рост безработицы породили в 1999 г. один из самых высоких здесь уровень инфляции — 17,8% в сентябре³⁵ (в первой половине года по неофициальным данным она достигала 22%).

В течение 2000 г. постепенно возрастали и трения внутри Словацкой демократической коалиции, крупнейшем из правящих политических субъектов. Созданная как коалиция пяти партий, СДК впоследствии трансформировалась в партию, подчиняясь требованиям спорного закона о выборах, вступившего в силу перед выборами 1998 года. После них депутаты вернулись в свои прежние партии, сохранив, однако, СДК в качестве парламентской фракции. Это решение вызвало опасения, что исчезновение СДК как самостоятельного политического субъекта может привести к пересмотру коалиционного соглашения и к потере права кандидата СДК

занимать пост премьер-министра. Поэтому большинство депутатов от СДК сохранили двойное членство — в коалиции и в своих партиях. В ответ на это, очевидно, в надежде приобрести пост премьер-министра, ПЛД поддержала инициативу ДЗДС, и усилиями этих двух депутатских объединений в октябре был принят закон, запрещающий двойное членство. Он должен был вступить в силу в марте 2001 г.

С целью сохранить единство правоцентристов премьер М. Дзуринда предпринял попытку трансформировать СДК в широкое общественное движение. Ранее он заявил о создании новой партии под названием Словацкий демократический и христианский союз (СДХС), которая не будет участвовать в политической жизни вплоть до очередных парламентских выборов 2002 г., чтобы не спровоцировать правительственный кризис и новые споры о коалиционном соглашении. Учредительный съезд новой партии, членами которой стал ряд видных представителей СДК, прошел 17 ноября. В то же время, 15 из 42 депутатов от СДК в знак протеста вышли из одноименной парламентской фракции, заявив при этом, что будут продолжать поддерживать правительство.

Правительство также не смогло провести планируемые реформы в некоторых ключевых сферах, прежде всего в здравоохранении и образовании. Проблемы в области здравоохранения вышли на первый план летом 2000 г., когда президент Шустер чудом избежал смерти во время операции в одной из словацких клиник. Жизнь ему спасли врачи в Австрии, куда был срочно перевезен президент. Суровая критика в адрес системы здравоохранения в Словакии привела к отставке в июне министра здравоохранения Т. Сагата, которого сменил его коллега по СДК Р. Ковач. Однако на этом перемены в правительстве не закончились. В декабре встал вопрос об отставке министра обороны П. Каниса, перед этим раскритикованного за кадровую политику и уличенного в строительстве роскошной виллы.

Но Словакия тогда не поэтому попала на первые страницы новостей во всем мире, а опять-таки в связи с В. Мечьяром. 20 апреля 2000 г. "коммандос" в масках и камуфляже арестовали лидера ДЗДС и бывшего премьер-министра. Это произошло в его доме, в курортном городке Тренчанске Теплице, после того как полиция несколько раз безуспешно пыталась добиться от него показаний по разного рода делам. Однако Мечьяр пробыл за решеткой весьма недолго³⁶. В то время как представители правительства выступили в под-

держку его ареста, аргументируя тем, что все граждане страны должны быть равны перед законом, заключение в тюрьму Мечьяра вызвало яростный протест со стороны ДЗДС. 21 апреля около 1500 его сторонников собрались в Братиславе на митинг и потребовали отставки правительства. Выступавшие сравнивали Мечьяра с... Иисусом Христом, поскольку арест экс-премьера по иронии судьбы пришелся на Страстную четверг. Несмотря на это, ДЗДС не удалось дестабилизировать политическую обстановку в стране.

В ряде демонстративных походов по Словакии, организованных оппозицией весной 2000 г., участвовало намного меньше людей, чем планировалось (в некоторых — буквально пара десятков человек). Многочисленные попытки оппозиции отправить в отставку кого-либо из министров также не имели большого успеха. Даже бойкот майской сессии парламента, предпринятый депутатами от ДЗДС, по сути только помог правящей коалиции, сумевшей в этот период провести через парламент большее количество законопроектов за ограниченное время.

Самой масштабной акцией, организованной оппозицией в 2000 г., стала подписная кампания в поддержку референдума о проведении досрочных парламентских выборов, во время которой ДЗДС и СНП удалось собрать около 700 тыс. подписей. Большинство словацких СМИ выступали резко против референдума, аргументируя это тем, что в досрочных выборах заинтересована прежде всего ДЗДС. Утверждалось, что возможная победа на таких выборах могла быть использована движением Мечьяра для пополнения партийной казны и прекращения преследований членов ДЗДС, которые были вовлечены в различные аферы во время их работы в предыдущем правительстве. Правящие партии обратились к своим сторонникам с просьбой бойкотировать референдум. Однако он состоялся 11 ноября, хотя и был признан недействительным, так как в нем приняло участие всего лишь 20% имеющих право голоса. Огорчительные для Мечьяра и ДЗДС результаты во многом объяснялись сообщениями СМИ о собственности, оказавшейся в руках экс-премьера и его семьи в ходе приватизации.

В 2000 г. наконец-то начали приносить ощутимые результаты экономические реформы, проводимые под руководством вице-премьера правительства по экономике И. Миклоша. Правда, рост ВВП достиг всего 2,2%, главным образом в связи с увеличением экспорта и был несравненно

меньшим по темпам, чем в мечьяровский период. Тем не менее "Ежегодный отчет Европейской Комиссии о готовности Словацкой Республики к вхождению в Европейский Союз", составленный 8 ноября 2000 г., впервые охарактеризовал ее как государство с устойчивой рыночной экономикой и подчеркнул особенный прогресс, произошедший за год в банковской сфере³⁷. Однако годовая инфляция по-прежнему осталась довольно высокой (12%), а безработица, достигнув к декабрю 18,8 %, превратилась, пожалуй, в самую болезненную проблему.

Переговоры Словакии с Европейским Союзом интенсифицировались в феврале 2001 г., и, таким образом, страна смогла "догнать" во вступительном процессе своих партнеров по Вишеградской группе. Упрочение связей с ними давало СР существенные преимущества перед остальными странами Центральной и Восточной Европы, стремившимися вступить в НАТО и ЕС. Был создан специальный фонд для поддержки межгосударственных проектов в области культуры, научных исследований, образования и спорта³⁸.

Два года работы нового парламента и правительства ознаменовались немалыми успехами на пути к демократизации. Но всех политических и экономических проблем решить не удалось, а снижение темпов экономического роста поставили правящую коалицию в нелегкое положение. Несмотря на это Словакия стремилась вступить в XXI век с имиджем страны, наконец-то избавившейся от во многом инспирированного западными СМИ "феномена Мечьяра", связываемого с сохранением низкого уровня демократических преобразований — наряду с надеждами на их ускорение в связи с избранием президентом бывшего коммунистического функционера Р. Шустера. Таков один из главных парадоксов первых семи лет истории Словацкой Республики.

Векторы политического развития Словакии в начале XXI века

2000 год явился временем массивованных капиталовложений в словацкую экономику со стороны Запада. Привлеченный в страну 1,1 млрд долларов составлял примерно половину инвестиций в нее с 1990 по 1999 г. (2,1 млрд). В 2003 г. они достигли 3 млрд³⁹. Среди наиболее значительных инвестиционных проектов можно отметить покупку словацкого гиганта сталелитейной промышленности Восточнословац-

кого металлургического комбината американской компанией "U.S.Steel", приобретение 51% акций "Словацкого Телекома" немецкой компанией "Дойче Телеком", 36% акций нефтеперерабатывающей фирмы "Словнафт" венгерским государственным нефтегазопромышленным консорциумом "MOL" и контрольного пакета словацкого сберегательного банка австрийским "Erste Bank"⁴⁰. Это явилось одним из откликов на политику "ускоренной доприватизации", провозглашенную М. Дзуриндой, а также на принятие пакета законов, считавшихся обязательными для стран – кандидатов в ЕС. Первый год наступившего нового века закрепил данную тенденцию и, казалось, политические и экономические успехи правящей коалиции не за горами.

Однако надо отметить, что эти процессы с настороженностью воспринимались рядовыми гражданами Словакии, которые, оценивая опыт соседних стран, уже знали, что и тотальная приватизация, и форсированное вступление в ЕС (а ранее в НАТО) имели целый ряд негативных последствий для национальной экономики и уровня жизни населения. Правда, выразителя своих политических настроений они не имели: популист Мечъяр был оттеснен на вторые роли, а мощного политического субъекта социал-демократической ориентации в стране так и не образовалось.

В то же время партии правящей коалиции не упускали возможностей взять под свой контроль деятельность многих крупных предприятий с участием в них на правах собственника государства, естественных монополий и банков. Коррупция, громогласно якобы изгнанная через дверь, медленно, но верно возвращалась через окна. Образовались новые группы интересов. К июлю 2000 г. три министра вынуждены были оставить свои посты в связи с предоставлением этим группировкам неоправданных преференций. В начале 2001 г. пост министра обороны наконец-то покинул П. Канис (ПДД), который, в частности, не сумел объяснить источники своих доходов.

По принятым в конце марта 2001 г. законам о бюджете дебаты были особенно острыми. Правые добились снижения налогов, что не могло способствовать пополнению казны. Левые выступили против этого, равно как и против вариантов форсированной приватизации. Ход дебатов и логика принятия решений отнюдь не содействовали экономическому подъему страны, что заставляло ее граждан вспоминать высокие темпы экономического роста при Мечъяре.

Еще в мае 2000 г. парламент одобрил Закон о свободном доступе к информации, за который проголосовала и оппозиция. Прошел и судебный закон. Однако попытки внести изменения в Конституцию страны, инициированные коалицией в 2001 году в надежде на поддержку и депутатов оппозиции, успехом не увенчались.

После неудачи референдума в 2000 г. Мечъяр вынужденно смирился с участием политика не первого ранга, тем более, что база его коалиции все больше ослабевала. 18 марта 2000 г. на республиканском съезде в Трнаве ДЗДС трансформировалась в "политическую партию народного типа" и отныне стала называться Народной партией – ДЗДС (НП – ДЗДС). Партия приняла новую политическую программу, в которой объявила себя защитницей национальных интересов СР, но вместе с тем продекларировала решимость "взять на себя ответственность за вхождение Словакии в европейские и трансатлантические структуры"⁴¹. Тем самым своеобразной компенсацией обозначившегося сужения можно считать сближение внешнеполитических ориентаций правящей коалиции и оппозиции, что способствовало процессу "дедьяволизации" Мечъяра.

Осенью 2000 г. появился закон о новом административном устройстве, но он осуществлялся так, что экономические проблемы при этом не решались. Зато местное управление в значительной мере строилось по общеевропейским образцам. Общие контуры реформы включали усиление местной власти и разработки на практике нового механизма ее финансирования, позволяющего исключить пересечение интересов республиканского и местного бюджетов. Предполагалось число областей сократить с восьми до четырех с населением не более 1,5 млн человек и увеличить количество районов, число которых в Словакии составляло 79. Основой будущей системы местного управления стали так называемые жупы – промежуточные звенья между областями и районами.

Но к этому времени выяснились и определенные издержки "антимечъяризма" как единственной платформы взаимопонимания крайне разнородных партий. Политической осью коалиции являлась персональная уния Дзуринда–Мигаш–Шустер, последний из которых после избрания президентом занял место на вершине треугольника власти⁴². Представители коалиционных партий быстро заняли все важные посты в государстве. Однако невозможность их

эффективной ротации приводила к серьезным разногласиям. Казус с отзывом генерального директора электростанции Ш. Кошована, депутата от ПДД и главы избирательной комиссии, привел к постановке Й. Мигашем вопроса о выражении недоверия премьеру М. Дзуринде еще в 2000 г. Это стало точкой перелома в отношениях между премьером и председателем парламента и положило "конец первоначальной форме персональной унии и коалиционного пакта между М. Дзуриндой и Й. Мигашем"⁴³.

Во время болезни Шустера, который находился до 15 августа в клинике австрийского г. Инсбрук, два члена унии поспешили взять на себя дополнительные полномочия, что затем вызвало недовольство выздоровевшего президента. Он даже сказал: "В Братиславе однозначно не хотели ждать. Уверен, что если бы меня не отправили в Инсбрук, я бы умер в Братиславе. Для них я был уже мертв. В кармане у них уже имелись кандидаты, преемники и подсчитывались голоса"⁴⁴. Хотя ни Дзуринда, ни Мигаш не согласились с такой интерпретацией их действий, но слова были произнесены.

В целом общая политическая воля правящей коалиции ослабевала и в связи со сложными политическими маневрами внутри нее, связанными с блокировкой стремления Дзуринды расширить свою политическую базу СДК. В программе Словацкого демократического и христианского союза (СДХС), претендующего на доминирование в качестве ключевой политической партии, говорилось о приверженности традиционным европейским ценностям и идеологическим принципам основных христианско-демократических ("народных") партий Европы. В январе 2001 г. президиум СДХС решил обратиться с просьбой о получении статуса наблюдателя в Европейской народной партии (ЕНП), представители которой составляли фракцию в Европарламенте.

Перегруппировка политических сил к острым кризисам не приводила, но в результате "антимечъяровской" и одновременно "антидзуриндовской" политики появившейся в ноябре 1999 г. партии "Направление" во главе с Р. Фицо, амбиции которого оказались равнозначными амбициям членов персональной унии, угрозу почувствовали как правящая коалиция, так и оппозиция. И хотя правящей коалиции удалось добиться принятия бюджета на 2001 г., а оппозиция при этом проявила себя как неорганизованная сила, ни первая, ни вторая не являлись образцом демократической политики.

Фицо же начал активно набирать очки, следуя линии "чума на оба ваших дома", и с 2001 года редко чье имя, как его, с такой частотой появлялось на страницах словацкой прессы.

Несмотря на то что СДК удалось на последних в XX в. парламентских выборах получить почти равное с ДЗДС количество голосов и сформировать правительство, к началу XXI в. коалиция потеряла поддержку избирателей, поскольку не сумела достичь поставленных целей: устранить коррупцию, снизить уровень безработицы и сдержать кризисные процессы. Более 70% опрошенных словаков в мае 2001 г. выражали недовольство правительством. Не прекращались трения между лидером коалиции премьер-министром М. Дзуриндой и президентом страны Р. Шустером. Позднее, когда в феврале 2002 г. ДЗДС выступила с предложением о выражении недоверия курировавшему экономическую сферу вице-премьеру правительства И. Миклошу, а отдельные коалиционные партии не заняли по данному вопросу ясной и четкой позиции, Дзуринда заявил, что "оппозиция не должна решать проблемы коалиции"⁴⁵. Фицо с этим охотно соглашался, не одобряя чрезмерных претензий крупнейшей оппозиционной партии НП – ДЗДС.

В ходе предвыборной кампании Мечъяру пришлось столкнуться с целым рядом "отягчающих обстоятельств" и проблем. Следствие по делу об источниках финансирования покупки им виллы стоимостью 1 млн долларов велось еще в начале 2002 г. В середине июля союзник Мечъяра и бывший начальник его секретной службы Лекса был депортирован в Словакию из Южной Африки, чтобы предстать перед судом. ДЗДС заявила о политическом характере акции. И хотя на верных сторонников Мечъяра это повлияло мало, но именно поэтому ДЗДС получила на сентябрьских выборах в парламент меньше голосов, чем в 1998 году⁴⁶.

Свою роль сыграло и то, что в 2002 г. появились два политических субъекта, основанные бывшими лидерами ДЗДС. В апреле 2002 г. из "Движения" вышел депутат НС СР Й. Калман, который тут же заявил о создании партии "Левый блок" (ЛБ). В качестве мотива выхода называлось усиление в партии правых тенденций. Он планировал добиться поддержки 10% голосов избирателей на приближавшихся парламентских выборах и стать тем самым интегратором левых сил в Словакии. В мае 2002 г. Калман заявил, что если ЛБ войдет в парламент, то будет сотрудничать и с правыми партиями. Однако этот шаг соперников Мечъяра не отра-

зился на поддержке избирателями НП – ДЗДС, поскольку, как несколько позднее показали результаты выборов, ЛБ получил лишь 0,22% голосов избирателей.

По-иному для НП – ДЗДС складывалась ситуация после создания И. Гашпаровичем "Движения за демократию" (ДЗД), которому удалось "увести" у НП – ДЗДС часть голосов электората. И хотя ДЗД получило всего 3,28% избирателей и не вошло в парламент, все же позиции НП – ДЗДС были подорваны более существенно, чем это сделал ЛБ⁴⁷.

Следует отметить, что согласно результатам опросов, снижалось число сторонников и у СДХС – порой до 7 – 9%. А как раз эту партию намеревался на выборах потеснить Р. Фицо. Правда, избиратели полагали, что в качестве возможного лидера Дзуринда "более прозрачен", чем Фицо, тем более, что второго, по слухам, поддерживали крупные бизнесмены, которые популярностью в народе не пользовались⁴⁸.

Своеобразным прологом очередных парламентских выборов 2002 г. стало выступление 28 июня президента Шустера в парламенте с "Отчетом о развитии Словацкой Республики". Несмотря на его критическое отношение к Мечъяру, острых конфликтов между ними не было, равно как не наблюдалось и апологии по отношению к Дзуринде. Это и сказалось на тональности речи, проникнутой беспокойством за судьбы страны. Шустер констатировал позитивные результаты во внешнеполитической сфере, однако подчеркнул, что во внутренней политике Словакия, напротив, постоянно сталкивается со многими проблемами. "Граждане, – заметил президент, – правомерно ожидали, что после нескольких лет, когда Словакия прежде всего за рубежом нанесла вред своей репутации, наступит пора стабилизации и экономического роста. Однако обнаружилось, что коалиция из-за своих внутренних проблем не сумела найти достаточно средств и воли для сильных, а также более концептуальных решений. Поэтому реализация многих реформ, о которых мы уже давно говорили как о неизбежных, задерживается"⁴⁹.

Коалиция, однако, не искала широкой поддержки граждан, продолжал он, при обсуждении многих проблем часто преобладали партийные и лоббистские интересы, а не аргументы специалистов. Подобная политика, считал Шустер, недальновидна, особенно если учесть, что не решались проблемы малого и среднего предпринимательства. "Если в Братиславе, – отмечал президент, – уровень безработицы до-

стигает 6%, что соответствует показателям государств ЕС, то остальные регионы, города и села имеют 20, а то и 30% безработицы. И хотя правящая коалиция часто приводит различные цифры, которые должны подтвердить наш экономический рост и улучшение положения, большинство граждан не ощущает этого⁵⁰. Вместе с тем президент не выразил явных симпатий к оппонентам коалиции, заняв позицию, схожую с позицией В. Гавела в Чехии, — наблюдателя и морального судьи.

Накануне парламентских выборов 2002 г. некоторые аналитики предсказывали смену власти. По их оценкам, повторное создание широкой правоцентристской коалиции, находившейся у руля правления с 1998 г., едва ли могло произойти. Четыре года назад эти партии объединились в стремлении сместить правительство авторитарного премьер-министра В. Мечьяра. В сложившейся к середине 2002 г. политической ситуации подобной сверхзадачи, как представлялось, уже не существовало, так как шансы Мечьяра вернуться к власти считались минимальными. Более того, по мнению аналитиков, некоторым из участников правящей коалиции вряд ли удастся пройти в парламент. Считалось, что серьезную конкуренцию правящим партиям могла составить партия "Направление", получив, согласно социологическим опросам, до 17% голосов и образовав самую сильную парламентскую фракцию. Её лидер, молодой и динамичный политик Р. Фицо обещал навести порядок в стране и гарантировать безопасность граждан, а также добиться выгодных для Словакии условий вступления в Европейский союз. Благодаря туманной концепции "третьего пути" ему удалось привлечь на свою сторону в первую очередь молодёжь. М. Дзуринда же неоднократно давал понять, что с возможным приходом к власти партии "Направление" в Словакии начнутся "неуверенность и экспериментаторство". И все же ни один из лидеров СДХС не исключал возможности сотрудничества с этой партией после выборов⁵¹.

Западные политики накануне выборов 2002 г. с большей тревогой говорили о конфликтах и опасностях, которые могут возникнуть в случае возвращения Мечьяра к власти. Эти сигналы из-за границы лишь подтвердили то, о чем и так знало большинство словаков: с Мечьяром невозможно построить демократическое и современное государство. Несмотря на то, что у него есть шансы победить на выборах, прийти к власти в какой-либо форме ему не удастся⁵². Объяснялось это тем, что все остальные партии уже дистанцировались от

его внутри- и внешнеполитического курса. Никто не готов был вступить с ним в коалицию.

СДХС решительно отвергала возможность коалиционного сотрудничества с НП – ДЗДС. В январе 2002 г. М. Дзуринда заявил: "Нам еще раз необходимо нанести удар по мечьяризму, чтобы Словакия не оказалась на ложном пути. Мы должны еще раз объединиться и покончить с этим режимом"⁵³. Утверждения лидеров НП – ДЗДС о смене его ориентации на ЕС и НАТО назывались Дзуриндой "фарисейством"⁵⁴. Представители СДХС опровергали такую интерпретацию развития СР в 1998 – 2002 гг., которая допускала позитивные оценки внешнеполитического курса страны, но отрицала положительные сдвиги в ее внутреннем развитии.

Третьи парламентские выборы в Словакии – первые в XXI веке – состоялись 20 – 21 сентября 2002 г. В них участвовали 25 политических субъектов. На избирательные участки явилось 70,07% имеющих право голоса граждан. Итоги выборов в НС СР были таковы: НП – ДЗДС получила 36 мандатов в НС СР (19,5% голосов избирателей), СДХС – 28 (15,09); "Направление" – 25 (13,46), ПВК – 20 (11,16), ХДД – 15 (8,25), Альянс независимых граждан (АНГ) – 15 (8,01), КПС – 11 (6,32)⁵⁵.

В течение нескольких часов после того, как стали известны предварительные результаты выборов в НС СР, четыре политических субъекта – СДХС, ПВК, ХДД и АНГ, получившие 78 мандатов – пришли к соглашению о создании правящей коалиции. Их представители заявили, что не будут вести переговоры с другими партиями о коалиционном сотрудничестве и формировании правительства. Через три дня после объявления результатов выборов стало известно, что достигнуто соглашение о представительстве отдельных партий в кабинете. 16 кресел в правительстве было разделено между СДХС, ПВК, ХДД и АНГ соответственно как 6 : 4 : 3 : 3⁵⁶. 22 сентября лидеры этих партий заявили о намерении сократить число министерских портфельей с 20 до 15.

7 октября 2002 г. председатель СДХС и действующий премьер-министр М. Дзуринда огласил окончательный поименный список лиц, которых коалиционные партии выдвинули на посты в правительстве. 8 октября лидеры СДХС, ПВК, ХДД и АНГ подписали коалиционное соглашение. В преамбуле говорилось, что его смысл – преемственность в решении сложных общественных, экономических, социальных и духовных проблем.

Коалиционное соглашение урегулировало отношения между партнерами, определило принципы их деятельности после выборов, закрепило разделение функций в правительстве и парламенте. Приоритетной целью объявлялось создание функционального правительства и обеспечение стабильных условий его деятельности посредством поддержки парламента. Общим органом партнеров стал Коалиционный совет, который призван был добиваться согласия по основным вопросам. Он состоял из 12 членов, по три представителя от каждой партии (председатели партии и депутатского клуба) и член кабинета.

Европейская парламентская комиссия признала результаты выборов и в своем первом отклике на них выразила уверенность в том, что они приведут к созданию правительства, которое продолжит проведение реформ и приведет страну в Европейский союз. Политические силы правоцентристской ориентации после выборов в сентябре 2002 г. еще больше консолидировались, позиции же национально-авторитарных партий и экстремистских националистических сил в результате внутренних конфликтов, последовавшей фрагментации и поражения на выборах, значительно ослабли.

Своеобразной сенсацией выборов 2002 г. явилось первое после 1989 г. представительство в парламенте (11 мест) Коммунистической партии Словакии, получившей 6,3% голосов избирателей. Характерным стало резкое снижение популярности националистических партий, которым не удалось преодолеть пятипроцентный барьер. Особо неожиданным явилось поражение Словацкой национальной партии, хотя число ее избирателей до этого постоянно росло: в 1992 г. она получила 7,9%, 1994 — 5,4, 1998 г. — 9,1% голосов избирателей. Эта партия, не признававшая установок прагматизма, держалась на расстоянии не только от ДЗДС, но и от консервативно ориентированных сил. Депутатские мандаты не получили также Социал-демократическая альтернатива — 1,79% и ПЛД — 1,39%, что оказалось, пожалуй, наибольшим сюрпризом: ранее партия занимала прочные позиции. Однако общие результаты выборов в НС СР подтверждали: процессы трансформации имеют в обществе поддержку на уровне, который является достаточным для их продолжения.

15 октября 2002 г. президент утвердил Дзуринду в качестве нового премьера. Пятое словацкое правительство во главе с ним сформировали четыре партии, три из которых

входили в последний кабинет (СДХС, ХДД, ПВК) и Альянс независимых граждан (АНГ). Оппозиция не без злорадства утверждала, что по крайней мере одна из этих партий, и с наибольшей вероятностью АНГ, станет "троянским конем" коалиции, или же созданное ею правительство будет столь же рыхлым, как и предыдущее. В полной мере коалиции избавиться от своей роковой тени — ДЗДС, способной сделать ее в кризисные моменты политически аморфной, новому правительству так и не удалось.

Текущая политика всех ветвей власти диктовалась необходимостью согласования интересов партий левой ориентации ПЛД и ПГС, потерявшей к маю 2001 г. поддержку избирателей, правых ХДД и ДП, а также либералов ДС и СДХС — при том, что одни из этих партий входили в коалицию, а другие в оппозицию. Но при голосовании в парламенте правящая коалиция в 2002 г. практически не терпела поражений.

Слабостью правящей коалиции являлось и предписанное коалиционным соглашением распределение высших постов в Словакии: премьер-министром должен был стать М. Дзуринда, председателем Национального собрания СР — Й. Мигаш, а президентом — Р. Шустер.

В конце ноября 2002 г. в Братиславе прошел съезд СДХС, на котором избирались председатель и заместитель председателя союза. Съезд определил генеральную линию партии на последующие четыре года. В соответствии с ней СДХС ставила задачу завершения интеграционных усилий Словакии вступлением в НАТО и ЕС, проведение реформ и формирование эффективного государства. Помимо этого СДХС в ближайший период намеревалась продолжать реализацию идеи объединения близких в программном отношении партий и течений. В сфере внешней политики СДХС по-прежнему отстаивала проатлантические и проинтеграционные еврооптимистические позиции⁵⁷. СДХС стремилась инкорпорироваться в европейские партийные объединения консервативной и христианско-демократической ориентации: в июне 2002 г. она получила статус наблюдателя в Европейской народной партии.

Однако позитивные макроэкономические показатели, выразившиеся в течение ряда лет в росте ВВП, не сопровождались заметным повышением жизненного уровня большинства населения. Акции протеста, проведенные профсоюзами, свидетельствовали об усилении социальной

напряженности в стране. В условиях высокой безработицы, сокращения социальных выплат, повышения цен на основные виды товаров ширпотреба, продукты питания, коммунальные услуги, транспорт росла неудовлетворенность своим положением многих слоев и категорий граждан Словакии.

Спустя три месяца после выборов страна отмечала десятилетие своей независимости. В новогоднем обращении президент Р. Шустер отметил: "Мы стали современной страной, надежным партнером развитых демократических государств"⁵⁸. Словацкая газета "Правда" подчеркивала, что Словакия через десять лет после "выхода из тени Чехословакии" начала гордиться своей независимостью, что этого "нежеланного ребенка" приняло и полюбило большинство населения. Подобное мнение разделяли многие граждане страны. По данным опроса, проведенного сразу после распада Чехословакии в 1993 г., только 9% чехов и словаков положительно оценивали случившееся.

Другие выступления, посвященные десятилетию независимости, звучали более критически. Подчеркивалось, что страна переживает трудный период, безработица не спадает, а экономические реформы ударяют по малообеспеченным слоям населения, что политические круги по-прежнему подвержены коррупции, что платежеспособность среднего чеха приблизительно на 25% выше, чем его словацкого соседа.

В целом, по темпам роста экономики Словакия находилась к концу первого десятилетия независимости в числе лидеров центральноевропейских стран, а по глубине экономического реформирования вышла — по сумме набранных баллов в оценке принятых рыночных мер — на четвертое место после Венгрии, Польши и Чехии, хотя надо учитывать, что она была менее экономически развитой в прошлом.

Первое десятилетие истории СР показало: противоречия политического курса Мечьяра детерминировались как его личностными особенностями, которые побуждали многих его политических противников и "коварных" аналитиков "дьяволизировать" этого лидера (историкам предстоит еще разобраться, что в этом "дьяволизировании" было от манипулирования общественным мнением, а что от идеологических провокаций), так и весьма сложной геополитической обстановкой в регионе (в частности, связанной со словацко-венгерскими противоречиями), и на континенте в целом.

Это осложняло процессы укрепления Словакией своей идентичности.

Сейчас первое десятилетие истории страны уже можно оценивать без идеологической предвзятости, неизбежно связанной с именем Мечьяра, и рассмотреть те силы, на которые он опирался, поскольку явные факторы узурпации власти премьер-министром доказываются с трудом.

Время "полной европеизации"? Президентские выборы 2004 г.

В 1999 г. Словакия была включена в состав 11 стран-кандидатов на полноценное членство в Европейском союзе. Далее процесс кооптации шел безостановочно, а Словакия пользовалась пристальным вниманием ЕС. За день до приглашения Словацкой Республики в НАТО ЕС заявил о том, что с 1 мая 2004 г. она станет членом Союза, что и произошло.

Вместе с тем сложилось впечатление, что к концу 2002 г. большинство словаков устало от выборов, референдумов, "вхождения в Европу", окончательных решений в духе демократии и т.д. Об этом свидетельствовали, в частности местные выборы, 6 и 7 декабря 2002 г., в которых приняли участие менее половины избирателей (49,5%) — такого в Словакии ранее не было. Это как-то объясняет и относительную пассивность людей во время очередного "судьбоносного" референдума о вхождении Словакии в ЕС.

Референдум проходил 16 — 17 мая 2003 г. и стал одним из итоговых событий первого десятилетия внешне- и внутриполитической жизни страны. Политика, которую условно можно назвать поисками идентичности Словакии как европейского государства, привела к одобрению "вхождения в Европу", хотя альтернативы ему не предлагалось, в том числе и Мечьяром.

И все же надо подчеркнуть, что "экзамен на вхождение в Европу" сдавали скорее политические партии, чем рядовые граждане — в референдуме приняли участие немногим более их половины (52,15%). Лишь они ответили на вопрос: "Согласны ли вы с тем, чтобы Словацкая Республика стала членом Европейского союза?" Из участвовавших в референдуме "за" вхождение проголосовали 92,46%, против — 6,2%⁵⁹.

Большинство комментаторов отнеслись к внешне столь убедительным результатам референдума с известным

скепсисом. Так, некоторые словацкие аналитики писали об иллюзорности создаваемого ими впечатления: половину населения якобы составляют политически индифферентные цыгане (так метафорически трактовалось неучастие в референдуме словаков — в основном жителей сел и небольших городов, представителей старших возрастных групп и лиц со средним образованием), пятую часть — политически активные столичные жители и третью часть — молодежь. Иными словами, они считали, что политической воли словаков в целом референдум так и не отразил⁶⁰. Французский исследователь Ж. Рупник, выступая по радио "Свобода" 25 мая 2003 г., назвал результаты референдума "скромным триумфом" — подозрительным своим единодушием и "чрезмерным консенсусом", а потому исключая продуктивные дебаты. В то же время социологи зафиксировали, что на референдум пришло относительно небольшое количество молодежи — эйфории по адресу ЕС у нее не наблюдалось. Некоторые исследователи считали, что оппозиция проигнорировала референдум молча, не участвуя в нем. Действительно, политические силы, громко требовавшие "не входить в Европу", поддержки не получили бы, но сомнения в пользе этого не были изжиты рядовыми гражданами. Тем не менее важность самого результата выбора, точнее санкционирования полной европейской идентичности Словацкой Республики, очевидна.

1 июля со вступлением Словакии в ЕС на заседании словацкого парламента окончательно согласились 129 из 140 присутствовавших на заседании словацкого парламента депутатов; против проголосовали лишь 10 коммунистов. Глава словацкого кабинета М. Дзуринда назвал это голосование "историческим", подчеркнув: "Членство Словакии в ЕС наряду с членством в Организации североатлантического альянса является подтверждением нашего суверенитета и завершением процесса ее эмансипации". Лидеры оппозиции продемонстрировали полное согласие с этим выводом⁶¹. Голосовавшие против коммунисты косвенно выразили позиции сомневающегося электората.

Наибольший капитал постаралась получить от голосования партия Дзуринды, что вполне естественно. Именно Словацкому демократическому и христианскому союзу (СДХС) он приписал успешное завершение сложного интеграционного процесса — включения Словакии в евроатлантическую систему, назвав 2002 год "переломным"⁶².

Ряд словацких и зарубежных аналитиков, а также политические приверженцы и противники Дзуринды считали решение вопроса о вхождении Словакии в ЕС его звездным часом, пиком его деятельности на посту премьер-министра. Низы же относились к происшедшему более скептически. Словаков убеждали, что с приближением к Европе в стране улучшится деловая активность и возрастет ее инвестиционная привлекательность. Но, присматриваясь пристальнее к опыту соседней Польши, а не к достижениям "сестры" Чехии, они этому не верили. Тем более, что число безработных в январе 2004 г. выросло по сравнению с ноябрем 2003 г. на 32 тыс. чел. и достигло 452 тыс. чел., т.е. 15,6% всего трудоспособного населения, увеличилась инфляция, резко усилилось налоговое бремя⁶³. Что касается НАТО, то словацкая армия сможет лишь приблизительно соответствовать стандартам блока лишь к 2015 г.

Не скрывал своего скепсиса по поводу беспроблемного вхождения Словакии в ЕС и Запад. Так, западные аналитики утверждали, что усугубятся проблемы национальных меньшинств, в первую очередь цыганского (если в Чехии "ромы" составляют 3%, населения, в Венгрии — 5%, то в Словакии — 9%), часть которого намерена проникнуть на Запад; обострится антисемитизм⁶⁴. Т.Г. Масарик называл Чехословакию "демократией без демократов": к Словакии это в большой мере относится и сегодня. Возможный возврат Мечьяра к власти, отмечал в начале 2004 г. "Журнал демократии", замедлит здесь демократическую консолидацию по всем направлениям⁶⁵.

Несмотря на ряд взаимных недоразумений между премьер-министром, президентом и председателем парламента, острой конфронтации между этими политическими фигурами с 1998 г. не наблюдалось — и в этом отличие данного периода политической истории Словацкой Республики от предыдущего пятилетия. Контроля над политической жизнью страны Дзуринда до 2004 г. не терял, а угрозы досрочной отставки правительства умело парировал. Декларируя и форсируя устремленность на Запад, словацкий премьер тем не менее весной 2003 г. нанес первый официальный визит в Россию с целью расширения отношений между двумя странами, в первую очередь экономических, включая создание совместных предприятий. Намеченная перспектива не должна была, по его убеждению, препятствовать вступлению Словакии в ЕС⁶⁶.

Начало 2004 г. ознаменовалось крупнейшим кризисом коалиционной политики М. Дзуринды, признаки которого наметились еще в 2003 г. Когда правящая коалиция оказалась ослабленной внутренними распрями, когда запланированные ею реформы приводили к разрушительным последствиям, когда в обществе еще сохранялась популярность НП – ДЗДС и формировался новый имидж его председателя как неконфликтной личности, у Мечъяра появились шансы вступить во второй круг президентских выборов⁶⁷. Однако Европа однозначно продемонстрировала свою позицию: кто угодно – только не Мечъяр, даже если он получит поддержку избирателей. И словацкие политики это знали, в связи с чем резко активизировали свои предвыборные маневры.

В 2003 г. у Мечъяра (а в равной степени и у Дзуринды) определился, например, соперник/соратник в лице лидера партии "Направление" Р. Фицо. Еще в начале 2003 г. он выступил с резкой критикой правящей коалиции, заявляя: "У нас много времени ушло на разговоры, а социально ориентированной рыночной экономики – как это было записано в Конституции – не было и нет. Более того, наметился отход от нее"⁶⁸. Исходя из продекларированной необходимости взяться за формирование такой экономики, Фицо пошел летом 2003 г. на создание коалиции с партией левой ориентации ПЛД и начал возрождать ее потенциал как носителя социал-демократической идеи.

Хотя Фицо отмечал, что до января 2004 г. не считает вопрос о выдвижении кандидатов на президентский пост актуальным, аналитики уже летом 2003 г. рассматривали его как одного из сильных претендентов на этот пост. Но Фицо предпочел роль "делателя королей", стремясь не допустить, чтобы президентом страны стал лидер или коалиции (которым стал Э. Кукан), или оппозиции (В. Мечъяр).

ПЛД и "Направление" сближала не только некоторая схожесть их программных тезисов⁶⁹, они проявили общую политическую заинтересованность в сфере налоговой и пенсионной реформ, реформы общественного управления, позиционируя себя как аутентичный левый центр. Как заявлял Фицо, они "не могут считать приемлемым для страны то, что делает правительство Словацкой Республики"⁷⁰. Эта конфронтационная платформа привлекла также внимание СДПС и Социал-демократической альтернативы П. Вайса. Стал вопрос о формировании широкой левоцентристской коалиции, способной сменить рыхлую правящую коалицию

и монополию на оппозицию крупнейшей ДЗДС, которая сначала была вторичной целью.

Но Фицо вел переговоры и с лидером партии АНГ П. Руско в начале августа 2003 г.⁷¹, идя на развал правоцентристской коалиции. Здесь главный удар наносился уже по ДЗДС, а вспомогательный — по СДК. Тем самым Фицо претендовал на такую роль в политике, которую ранее играл Мечъяр, а после него — Дзуринда: роль объединителя оппозиции.

В первой половине 2003 г. сложилась ситуация, когда ни одна партия в Словакии не считала себя удовлетворенной. По самым разным причинам шел их раздел на фракции. И оппозиция вследствие этого становилась не менее рыхлой, чем коалиция. Во второй половине 2003 г. политические кризисы стали неизбежными.

3 июля 2003 г. депутаты 70 голосами против 32 при 30 воздержавшихся приняли новеллу закона об искусственном прерывании беременности, представленную коалиционной партией АНГ, которую поддержала и оппозиция. В связи с этим другая партия правящей коалиции Христианское демократическое движение (ХДД) заявила о правительственном кризисе. Согласно ее лидеру Грушовскому, АНГ нарушила коалиционное соглашение, от которого остался "лишь клочок бумаги". Дзуринда принял сторону ХДД, и это лишь обострило конфликт. На премьер-министра посыпались обвинения в пособничестве коррупции, укрывательстве экономических преступлений соратников по партии.

Пошли слухи о досрочных парламентских выборах, но предстоявший визит папы Иоанна Павла II, запланированный на 12 сентября 2003 г., снял напряженность⁷². В его преддверии 9 июля 2003 г. правительство одобрило соглашение с Ватиканом о католическом воспитании, которое по духу не совпадало с предыдущими решениями о приоритете светского образования. Подобные "качели" свидетельствовали о сложности положения коалиции, но одновременно об определенном запасе взаимной терпимости, несмотря на громогласные обвинения сторон.

Полемика между лидерами ведущих политических партий, громче всех в которой звучал голос Фицо, и средствами массовой информации показала, что на фоне утверждения Словакии в качестве члена ЕС четче выявилась слабость внутривнутриполитического положения страны, правительство которой формировала чрезвычайно рыхлая коалиция. Это означало, что ни одна партия не обладала достаточным автори-

тетом, чтобы самостоятельно принять ответственное решение. Однако в конкретные моменты партии умели сплотиться; в частности, по референдуму о вхождении в ЕС к взаимопониманию пришли не только правящая коалиция, но и вся оппозиция⁷³. В этих условиях партия Мечьяра выявила определенный мобилизационный потенциал и продемонстрировала попытки реализовать его шанс. Однако давления как извне, так и изнутри блокировали ее ожидания.

В сентябре 2003 г. состоялся третий по счету визит папы Иоанна Павла II в Словакию (первый, еще в Чехословакию, прошел в 1990 г.; второй — в 1995 г.). Поездка оказалась насыщенной событиями, но еще больше их толкованием, комментариями и оценками. Понтифика в ряде крупных словацких городов встречали более полумиллиона верующих Словакии и соседних государств.

Одна из целей визита состояла в канонизации преследовавшихся при коммунизме за веру греко-католического епископа Васи́ла Хопко и монахини Зденки Цецилии Шелинговой. И первый, и вторая подвергались тюремным заключениям и в 50-е годы XX в. приняли мученическую смерть⁷⁴.

Вторая не менее важная цель визита была связана с тем, что папа избрал словацкую церковь в качестве морального примера для католиков всей Европы. Аналитики отмечали, что еще папа Павел VI обращал особое внимание на высокий уровень религиозности словаков. В 1977 г. он предоставил Словакии экклезиастическую независимость от венгерской церкви, что укрепило национальное самосознание словаков; эту линию проводил и Иоанн Павел II. Именно в Словакии он подтвердил необходимость религиозного образования во всей системе публичных школ, необходимость борьбы с абортами, важность сопротивления секуляризму. Новые импульсы этим движениям, по его убеждению, и должно было придать вхождение не только Словакии, но и других по преимуществу католических стран (Польша, Литва, Венгрия и Словения) в ЕС. Словацкие церковные лидеры считались им наиболее подходящими для утверждения указанных христианских ценностей. В Братиславе папа освятил храм в рабочем районе, где раньше костелов не было, что, безусловно, способствовало укреплению позиции религии среди населения. Наибольшие политические выгоды из визита понтифика получил член правящей коалиции — ХДД. Именно оно выступало против легализации аборт и за введение религи-

озного образования в начальных школах. По инициативе ряда политических партий парламент принял решение о том, что дети обязаны изучать религию уже с первого класса (дети неверующих могут посещать при этом уроки этики). Санкционирован был и ряд других пунктов соглашения с Ватиканом. Но против этого выступили такие оппозиционные партии, как "Направление" и КПС, отмечавшие, что клерикализация противоречит Конституции страны⁷⁵. Несмотря на широкий резонанс визита папы в Словакию, религиозный фактор в ее политике вряд ли будет играть решающую роль в начале XXI в.

В конце 2003 г. в Словакии разразился очередной политический кризис, связанный с президентскими выборами и возможностью досрочных выборов в парламент. Его начало связано с тем, что министру обороны И. Шимко не удалось провести на пост председателя комитета по национальной безопасности свою креатуру — Я. Мойзиса. В ноябре 2003 г. Шимко создал собственную политическую платформу "Свободный форум" (СФ), которую поддержали и семь депутатов. Они обвинили М. Дзуринду в антидемократизме и потребовали его отставки, не реагируя на предложение войти в коалицию в качестве пятой партии (в качестве таковой "Свободный форум" зарегистрировался в январе 2004 г.).

В результате к зиме 2003—2004 гг. правящий кабинет оказался правительством меньшинства. В этой обстановке Р. Фицо активизировал свое требование референдума по вопросу о назначении досрочных парламентских выборов. Его позицию в декабре 2003 г. поддерживали 35% опрошенных словаков, считая, что рыхлая правящая коалиция неспособна решить социальные и экономические проблемы страны. 22% выразили с этим несогласие, а остальные признавали справедливость той или иной позиции с оговорками. При этом уровень личной популярности Дзуринды составил всего 4%⁷⁶. Однако с наступлением 2004 г. крупнейший со времени его прихода к власти парламентский кризис пошел на убыль. Кабинет утратил парламентское большинство, но правящая четверка партий предложила Шимко и его сторонникам в парламенте некое подобие оппозиционного договора. Не отвергая такой возможности, Шимко активизировал контакты с рядом партий, прежде всего с партией "Направление". Большинство аналитиков трактовали конфронтацию Дзуринды и бывшего министра обороны как начавшуюся борьбу за места в парламенте уже 2006 г.

Но обострение кризиса было не в интересах страны, которой в 2004 г. предстояло стать членом ЕС и избрать нового президента. Падение правительства в этих условиях породило бы политический хаос, поэтому оно делало весьма смелые шаги, например, в сфере налоговой политики, с целью привлечения в страну зарубежных инвесторов. Избирателям постоянно напоминали, что Словакия в позитивном смысле находится в центре внимания стран – членов ЕС.

Что касается первопричины кризиса, то премьер-министр инициировал 3 февраля 2004 г. встречу с И. Шимко, однако компромисса достичь не удалось⁷⁷. К Шимко обращался и В. Мечъяр, призывая его в ряды оппозиции, которая могла бы получить в парламенте большинство, но многие аналитики считали ожидания подобного рода иллюзорными. После ухода сторонников Ткача, основавшего новую партию Народный союз, НП – ДЗДС оказалась в сложном положении. В конце июля 2003 г. Мечъяр заявил, что его партия выставит своего кандидата на президентские выборы, но о конкретном лице примет решение съезд НП – ДЗДС в феврале 2004 г. Выступая в качестве возможного претендента на пост президента, Мечъяр активизировал также контакты с ХДД, ПВК и партией "Направление", но заметных успехов не достиг⁷⁸.

В начале 2004 г., реальными стали ослабление кроны, рост инфляционных ожиданий (от 3,4% в 2003 г. до 7% в 2004 г.), страхи перед реформами пенсионной и образовательной систем. На вопрос: "Каким будет 2004 год?" – 44% опрошенных ответили, что он будет "неуспешным"⁷⁹.

В рейтинге зарегистрированных кандидатов на президентский пост в январе 2004 г. первым был заместитель председателя СДХС Э. Кукан (25,7%), вторым – В. Мечъяр (18,5), третьим – подвергший резкой критике правое правительство и социальные последствия его реформ президент Шустер (17,4). Далее шли бывший председатель парламента и в прошлом близкий сподвижник Мечъяра (12,4) И. Гашпарович и бывший актер Л. Роман (7,1%)⁸⁰.

Развернулась бурная дискуссия относительно целесообразности совмещения намеченных на 3 апреля президентских выборов и референдума о досрочных парламентских выборах; с этой инициативой 4 февраля 2004 г. выступил президент страны Р. Шустер. Это предложение поддержали лидеры словацких профсоюзов, которые 13 февраля 2004 г. передали президенту страны петицию с требованием прове-

дения референдума о досрочных парламентских выборах, набравшую свыше 600 тыс. подписей⁸¹. Против их проведения категорически возражала правящая коалиция.

В то же время инициативу президента поддержали "Направление" и КПС. Лидеры НП – ДЗДС, хотя и с некоторым сомнением, заявили о своем уважительном отношении к данной идее, подчеркнув, что "граждане не должны дважды приходить к урнам"⁸².

В январе 2004 г., когда определились кандидаты в президенты от основных политических сил, в парламенте сложилась следующая ситуация. Если сразу после выборов 2002 г. победившая коалиция располагала 78 из 150 мандатов, т.е. большинством, а оппозиция – 72, то к началу 2004 г. коалицию поддерживали всего 68 депутатов, а оппозицию и того меньше – 61; 21 депутат относили себя к независимым, в том числе семь были членами Свободного форума, 8 – Народного союза, отколовшихся от НП – ДЗДС и шесть не вошли никуда⁸³.

В этой патовой ситуации коалицию спасли не упования на то, что все решит вхождение страны в ЕС и НАТО, а лишь политическое мастерство Дзуринды, равно как и его пренебрежение легалистическими процедурами, что ранее связывалось лишь с именем Мечьяра. Коалиция держалась и даже проводила, правда, с большими трудностями, экономические реформы.

Первый тур выборов нового президента Словакии в новом столетии состоялся 3 апреля 2004 г. В них приняли участие немногим более 50% избирателей, а из 11 претендентов на пост президента заметных – и вызвавших удивление – результатов добились трое: В. Мечьяр, И. Гашпарович и Э. Кукан. Третий из них, поддерживавшийся М. Дзуриндой и считавшийся фаворитом, вышел из игры. М. Дзуринде пришлось довольствоваться тем, что инициируемый Р. Фицо референдум о необходимости проведения досрочных парламентских выборов не состоялся из-за низкой явки избирателей. Таким образом, страна входила в ЕС с "надежным" премьером.

Вопрос о том, с каким она войдет президентом – 61-летним Мечьяром или 63-летним Гашпаровичем – решался 17 апреля. Интрига второго решающего тура выборов заключалась в том, что на стороне И. Гашпаровича, поддерживаемого Р. Фицо, должен был волей-неволей выступить его оппонент – М. Дзуринда, ущемленный самой возможностью

референдума о досрочных выборах. Выступить, чтобы не усилить позиции Мечьяра, учитывая, что тот все убедительнее демонстрировал проевропейский курс. И. Гашпарович усердно подчеркивал, что в сравнении с Мечьяром он представляет "меньшее зло", отмежевываясь при этом и от своего сотрудничества с премьер-министром и лидером ДЗДС в 1991 – 2002 гг.⁸⁴ Этот разрыв произошел в ходе парламентских выборов, когда он 15 июля 2002 г. вышел из НП – ДЗДС и создал партию Движение за демократию (ДЗД), став ее председателем. Правда, с сентября он вернулся к педагогической деятельности на юридическом факультете Университета им. Я.А. Коменского. Перед вторым туром президентских выборов Гашпарович заявил, что он хочет быть надна партийным главой государства и подчеркнул, что ему нечего стыдиться за свою деятельность в ДЗДС рядом с Мечьяром, поскольку она была полезной для граждан. "В случае победы я уйду с поста председателя Движения за демократию, но не откажусь от левоцентристской философии партии", – заключил Гашпарович⁸⁵. Он встречался с представителями ряда политических партий, прося о поддержке во втором туре выборов. Однако две из четырех правящих партий даже призывали электорат не принимать в них участие.

17 апреля 2004 г. к урнам пришли 43,5% избирателей, т.е. меньше, чем в первом туре президентских выборов. Гашпарович одержал победу, получив 59,91% голосов, а Мечьяр довольствовался 40,09%, утешая себя тем, что институт президента, по его мнению, со временем потеряет значимость⁸⁶. Мечьяр заявил, что президентские выборы продемонстрировали силу ДЗДС, которая может выиграть будущие парламентские выборы, и что нынешняя правящая коалиция не может рассчитывать на помощь этой партии в решении кризиса. "Никаких переговоров с правящей коалицией о возможных решениях правительственного кризиса. Это мы уже проходили", – подчеркнул Мечьяр⁸⁷. Премьер-министр Дзуринда сделал ставку на доброе сотрудничество с новым президентом.

Своеобразным завершающим аккордом первой половины 2004 г. в Словакии стали выборы в Европейский парламент, состоявшиеся 11 – 13 июня 2004 года. Словакия отличилась на них "печальным первенством", продемонстрировав самое низкое участие избирателей не только из 25 стран ЕС, но и во всей истории выборов в Европарламент, ведущих начало с 1979 г. В Словакии к избирательным урнам

пришли 16,9% избирателей (в среднем по ЕС явка составила 45,5%, в Польше — 20%), что стало для словацких политиков "холодным душем". В итоге представительство в Европарламенте получили следующие словацкие политические субъекты: СДХС (17,09% голосов электората и 3 мандата), НП — ДЗДС (17,04 и 3), Направление (16,89 и 3), ХДД (16,19 и 3), ПВК (13,24 и 2). Причины столь низкой активности словацких избирателей объяснялись по-разному, но наиболее часто встречающимся являлся фактор усталости: в стране в первом полугодии 2004 г. прошли уже четвертые выборы (два тура президентских выборов и референдум). Однако по мнению некоторых аналитиков, истинная причина все же скрывалась в ином — в отчуждении между гражданами-избирателями и политиками. Граждане Словацкой Республики полагали, что словацкие политики не желали смотреть на сложившееся положение "их глазами". Отношения между гражданами и политиками необходимо строить на взаимном доверии, однако евровыборы наглядно продемонстрировали его отсутствие⁸⁸.

* * *

Первое десятилетие истории Словацкой Республики характеризовалось укреплением ее идентичности как центральноевропейского государства и одновременно отсутствием четко выраженного противостояния двух крупных партий, как это происходило в соседних странах региона. При этом сколько бы ни говорилось об авторитаристских устремлениях Мечьяра, он уходил с властных позиций не столько под внешним давлением Запада, сколько вследствие легальных процедур, терпя поражения на выборах. В то же время, сколько бы ни рассуждали о демократичности второго премьер-министра, черты авторитаризма и манипуляторства в его политическом курсе просматривались.

Как считают некоторые словацкие авторы, страна в течение десятилетия прошла *три периода* политической истории: доминирование одной партии (1993 — 1998 гг.); широкая партийная коалиция — "коалиция коалиций" (1998 — 2002 гг.); неустойчивая праволевосторонняя коалиция (с 2002 г.)⁸⁹. С последней Словакия и вошла в НАТО и ЕС в 2004 г.

К концу десятилетия усилилась фрагментация партий: если после выборов 1998 г. в парламенте было представлено

6 политических субъектов, включавших 11 партий, то после выборов 2002 г. — 8 политических субъектов и 18 партий. После 1994 г. доминировали партии с жестким политическим профилем. ДЗДС считалась популистской, СНП — националистической, а ОРС — "классовой"⁹⁰. Затем доминировали разнородные партии с излишне размытым коалиционным потенциалом, лишь они смогли создать "радужный" парламент, исходя из установки на прагматизм. Появление партии "Направление" Р. Фицо в 1998 г. сигнализировало о возможной комбинации популизма и левых ценностей.

Следует особо подчеркнуть, что политическая история Словакии обладает большей сложностью по сравнению с историей других стран центрально-европейского региона, политическая структура которых по целому ряду причин оказалась не столь рыхлой. В то же время можно с полным основанием утверждать: Словацкая Республика состоялась как демократическое государство, лидеры которого осознали сложность проблем, стоявших перед расположенной в самом центре Европы страной.

В начале 2005 г. в столице Словакии прошло знаменательное событие, привлечение внимания всего мира. Здесь 24 февраля в Братиславском замке состоялся российско-американский саммит на высшем уровне, наметивший новые перспективы сотрудничества между двумя странами, в первую очередь в борьбе с международным терроризмом. После этого президент Российской Федерации В.В. Путин встретился с высшими руководителями Словацкой Республики — президентом И. Гашпаровичем, председателем Национального совета П. Грушовским и премьер-министром М. Дзуриной.

В интервью для Словацкого радио накануне саммита В.В. Путин заявил, что после вступления Словакии в Европейский союз российско-словацкие отношения не изменились: "В целом наши отношения развиваются успешно и отвечают общей стратегии отношений России и ЕС"⁹¹. А проведение саммита в именно в Братиславе он назвал хорошим выбором. После завершения переговоров был подписан новый Договор о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве между двумя странами, особо подчеркивался их прагматический характер.

25 февраля В.В. Путин и И. Гашпарович возложили венки к памятнику 7000 советских воинов-освободителей на братиславском Славине — символе борьбы народов Европы с фа-

шизмом. Российский президент пригласил И. Гашпаровича принять участие в торжествах по случаю 60-летия окончания Второй мировой войны, которое было принято.

Таким образом, Словакия, решив многие и крайне сложные внутривосточные проблемы, обеспечив должный уровень экономического развития и интегрировавшись в структуры ЕС и НАТО, вошла в новый век как страна, проводящая конструктивную внешнюю политику, укрепляя свои отношения с европейскими странами, Россией и США. В этом плане ее можно считать устоявшимся европейским государством, проводящим сбалансированный курс в экономике и политике.

¹ Подробнее см.: *Волков В.К.* Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира // ПОЛИС: Политические исследования. 1993. № 2; *Загорожнюк Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества? // Вестн. Российской Академии наук. 1993. Т. 63, № 12; *Загорожнюк Э.Г., Харцева Г.Ю.* Алгоритм распада // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) М., 1994; *Щербакова Ю.А.* Распад Чехословакии: попытка анализа общественных процессов // Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы. М., 1994; *Волков В.К.* Этнономенклатура и распад государства. СССР и Югославия // Свободная мысль. XXI: Теоретический и политический журнал. 2000. № 9, 10.

² В своих мемуарах словацкий президент Р. Шустер писал о страстном желании именно словаков из-за рубежа видеть Словакию независимой еще до 1990 г. Достижение независимости горячо одобрялись на Всемирном конгрессе словаков в Торонто (Онтарио) весной 1990 г. См.: *Шустер Р.* Ультиматум. Воспоминания президента Словацкой республики: пер. со словац. М., 2002. С. 103, 143, 181.

³ См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков. Аспекты общественно-политического развития: Историко-политологический справочник. М., 2003.

⁴ См.: *Petrášová E.* Prípady Mečiar: Ako to bolo naozaj? Praha, 1991.

⁵ Подробнее см.: *Lukas Z.* Češi a Slováci: hospodářské a sociální diskrepance, vyhlídka po rozdělení // Rozloučení z Československem / Ed. R. Kipke, K. Vodička. Praha, 1993.

⁶ Подробнее см.: *Загорожнюк Э.Г.* Векторы приватизации в Чехии и Словакии // Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995; см. также: История Словакии: пер. со словац. и англ. М., 2003. С. 368.

⁷ В 1994 г. ВВП вырос на 4,9% и в последующие годы рост превышал 6%, инфляция снизилась с 61,2% в 1991 г. до 21,2% в 1993 и до 1997 г. стабильно удерживалась в пределах 6% в год. Но уровень безработицы продолжал расти. См.: Там же.

⁸ Подробнее см.: Там же.

⁹ Независимая газета. 1998. Сентябрь. № 15.

¹⁰ См.: *Загорожнюк Э.Г.* Векторы приватизации в Чехии и Словакии...

¹¹ Kubin L'. Rola politických elít pri zmene režimu na Slovensku. Bratislava, 2002. S. 92 – 93.

¹² См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков... С. 171.

¹³ Подробнее см.: *Загорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000. 77 – 80.

¹⁴ Цит по: Независимая газета. 1998. Сентябрь. № 15.

¹⁵ См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков... С. 175.

¹⁶ Там же; см. также: *Щербакова Ю.А.* Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии. М. 2004. С. 97 – 104.

¹⁷ Полный текст соглашения см.: *Kubin L'*. Op. cit. S. 157 – 159.

¹⁸ См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков... С. 175.

¹⁹ См.: История Словакии... С. 368.

²⁰ Подробнее см.: *Щербакова Ю.А.* Политические силы в Словацкой республике (СР) // Партии и движения Западной и Восточной Европы: теория и практика. М., 1997. С. 174.

²¹ ИТАР – ТАСС. Пульс планеты. 1995. 21. IX. СЕ-27.

²² История Словакии... С. 371.

²³ Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков... С. 175.

²⁴ Там же. С. 175 – 176.

²⁵ См.: сайт http://www.ce-review.org99/21/books21_perrault.html

²⁶ Ibid.

²⁷ См.: *Kubin L'*. Op. cit. S. 128.

²⁸ Подробнее см.: *The 1998 Parliamentary Elections and Democratic Rebirth in Slovakia / Ed. M. Butora, G. Mesežnikov, Z. Butorova, Sh. Fisher.* Bratislava, 1999. P. 73.

²⁹ Pravda. Bratislava, 2004. 31.I.

³⁰ Подробнее см.: *Mesežnikov G.* Vnútropolitický vývoj a systém politických strán // Slovensko 2000. Súhrnná správa o stave spoločnosti / Ed. M. Kollár, G. Mesežnikov. Bratislava, 2000.

³¹ См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков... С. 174.

³² Независимая газета. 1999. 1. VI.

³³ Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI веков... С. 174 – 175.

³⁴ ИТАР – ТАСС. Пульс планеты. 1999. 31. V. СЕ-5 – 6.

³⁵ Doing Business in Slovak Republic. Bratislava, 2000. S. 26.

³⁶ См.: сайт <http://www.tolrus.ru/countries/svkar00.html>

³⁷ *Kubin L'*. Op. cit. S. 168 – 171.

³⁸ Ibid.

³⁹ Страны Центральной и Южной Европы на пути в Европейский Союз. М., 2002. С. 143.

⁴⁰ *Kubin L'*. Op. cit. S. 168 – 171.

⁴¹ Подробнее см.: сайт <http://www.hzds.sk/dokumenty/historia/>

⁴² *Kubin L'*. Op. cit. S. 128.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. S. 129.

⁴⁵ Цит. по: *Mesežnikov G.* Vnútropolitický vývoj a systém politických strán // Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti / Ed. M. Kollár,

G. Mesežnikov. Bratislava, 2002. S. 61. В начале марта 2002 г. М. Дзуринда подверг резкой критике переговоры П. Концоша с Р. Фицо по некоторым вопросам приватизации: "Считаю дерзостью, когда председатель коалиционной партии обговаривает политические позиции с представителем оппозиции, ставя тем самым под сомнение правительственные институты". См.: Ibid.

⁴⁶ См.: сайт http://www.ce-review.org99/21/books21_perrault.html

⁴⁷ Mesežnikov G. Vnútropolitický vývoj a systém politických strán // Slovensko 2002... S. 83.

⁴⁸ См.: сайт http://www.ce-review.org99/21/books21_perrault.html

⁴⁹ См.: сайт <http://www.politika.sk/>

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Mesežnikov G. Vnútropolitický vývoj a systém politických strán // Slovensko 2002... S. 62.

⁵² См.: сайт <http://news.germany.ru/n/news.html?num=19152>

⁵³ Цит. по: Mesežnikov G. Vnútropolitický vývoj a systém politických strán // Slovensko 2002... S. 63.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. S. 48.

⁵⁶ Ibid. S. 40.

⁵⁷ Ibid. S. 63.

⁵⁸ Ibid. S. 48.

⁵⁹ www.statistik.sk См. также: сайт <http://www.slobodka.org/programs/slovenskoaeu/2003/05/20030521164830.asp>

⁶⁰ Slovenské národné noviny. 2003. 25.V.

⁶¹ См.: сайт <http://www.slobodka.org/programs/dompolitika/2003/07/20030701171212.asp>.

⁶² См.: сайт http://www.sdkuonline.sk/index.php3?q_kategoria=1&q_id=1202

⁶³ Pravda. 2004. 21.I.

⁶⁴ Journal of Democracy. 2004. January. P. 41.

⁶⁵ Ibid. PP. 47, 71.

⁶⁶ Независимая газета. 2003. 27. IV.

⁶⁷ См.: сайт <http://www.slobodka.org/programs/dompolitika/2003/07/20030725054022.asp>

⁶⁸ Pravda. 2003. 2.I.

⁶⁹ Подробнее см.: сайт <http://www.strana-smer.sk/program/>

⁷⁰ См.: сайт <http://www.politika.sk/>

⁷¹ Pravda. 2003. 6.VIII.

⁷² Словакия — страна по преимуществу католическая; более того, церковь считается в ней одним из главных инициаторов перемен 1989 г.

⁷³ Подробнее см.: сайт <http://www.slobodka.org/programs/dompolitika/2003/07/20030722174322.asp>

⁷⁴ Подробнее см.: сайт <http://www.nationalcatholicreporter.org/word/word091903.htm>

⁷⁵ Pravda. 2004. 21.I.

⁷⁶ Pravda. 2003. 18.XII.

⁷⁷ Подробнее см.: сайт

http://spravy.pravda.sk/sk_domace.asp?r=sk_domace&c=A040205_064629_sk_domace_p01

⁷⁸ 8 февраля Мечьяр заявил, что НП – ДЗДС не поддерживала правительство Дзуринды. Он предложил Фицо проголосовать в парламенте за отставку правительства, но тот отказался поддержать подобную инициативу, назвав ее "парламентским путчем". См.: сайт http://spravy.pravda.sk/sk_domace.asp?r=sk_domace&c=A040208_144810_sk_domace_p02.

⁷⁹ Pravda. 2003. 20. XII.

⁸⁰ См.: сайт: <http://www.tasr.sk/>

⁸¹ Подробнее см.: сайт http://spravy.pravda.sk/sk_domace.asp?r=sk_domace&c=A040204_060048_sk_domace_p01

⁸² См.: сайт: http://spravy.pravda.sk/sk_domace.asp?r=sk_domace&c=A040205_065011_sk_domace_p01

⁸³ Pravda. 2004. 20.I.

⁸⁴ Lidové noviny. 2004. 19. IV; см. также: сайт <http://lidovky.centrum.cz/archivln/archivln.phtml?d=19&m=04&y=2004>

⁸⁵ См.: сайт <http://pravo.novinky.cz/archiv/20040408/p084a10g.html>

⁸⁶ См.: сайт http://ihned.cz/1-10070870-21808875-003000_d-39

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Подробнее см.: сайт <http://www.integrace.cz/integrace/kalendarium.asp?id=2005>

⁸⁹ *Starokova V., Malikova Z.* Policy making under coalition politics in Slovakia // *Slovak Sociological Review*. 2003. Spring. N 3. S. 195.

⁹⁰ Ibid. S. 199.

⁹¹ http://www.slovakradio.sk/rsi/info/rus/txt/bush_putin.html

КУЛЬТУРА ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (1945–2000)

Послевоенная культура Чехословакии оказалась в гораздо большей степени связана с ее политическим развитием, чем в предыдущий период. Она развивалась под жестким контролем со стороны КПЧ, поэтому на ней отразились все изменения линии партии. В то же время культура стала барометром общественных настроений и главным выразителем оппозиционных тенденций, именно деятели культуры составили костяк диссидентства в годы "нормализации" и затем возглавили "бархатную революцию".

В гораздо большей степени, чем в межвоенный период, культура страны была чехословацкой, т.е. чешский и словацкий этнокультурные компоненты рассматривались властью и, во многом, обществом, как единый организм, в котором главенствовала чешская культура. Задачи национально-культурного строительства были заменены на цели создания единой социалистической культуры, в которой словаки могли сохранять лишь некоторые элементы национальной специфики, прежде всего в народной культуре (фольклоре).

Было бы ошибкой смешивать понятия "социалистическая культура" и "культура эпохи социализма", так как второе гораздо шире, многограннее первого, к тому же в культуре эпохи социализма возникли и существовали диссидентские течения, прямо противоречившие и боровшиеся с официальной системой ценностей. В последней также не наблюдалось единства. Благодаря тому, что в 60-е годы идеи обновления и демократизации социализма созрели среди молодых функционеров КПЧ, культура социализма приобрела известную плюралистичность. Все это создавало условия для плодотворного развития культуры: противостояние официоза и творчества рождало большое напряжение и концентрацию воли у творцов культуры, допускаемая степень вариативности в понимании социалистической культуры вела к возможности реализовать идеи и формы, далекие от комму-

нистической ортодоксальности. Поэтому чехословацкая культура была живым и плодотворным организмом, а художественные результаты 60-х годов, а также отдельные явления до и после этого периода, имеют большую эстетическую ценность. Такую оценку лишь подчеркивает состояние растерянности и упадка в духовной жизни страны после 1989 г., когда, за редкими исключениями, культура не смогла подняться на тот ценностный уровень, который она занимала ранее, хотя в последние годы явно обозначились тенденции ее поступательного развития, приобретения новых черт и качеств.

Чешская культура 1945–2000 гг.

Новое направление развития культуры было сформулировано уже в конце мая 1945 г. в речи З. Неедлого, будущего министра культуры, известного профессора-марксиста, прошедшего годы войны в СССР. Он провозгласил курс на создание не элитарной, а массовой культуры, основанной на народных, национальных, славянских традициях и поэтому не приемлющей модернистских форм. Его оппонентом выступил известный критик и историк литературы В. Черный, доказывавший западный характер чешской культуры, но потом пришедший к более объективному мнению о "синтезе на чешской почве западной культуры с культурно-политическим влиянием России"¹. Становлению послевоенной культуры и ее ориентации на социализм способствовал Съезд чешских писателей 1946 г., на котором президент Э. Бенеш озвучил доклад, написанный В. Черным, смысл которого сводился к тому, что литература должна участвовать в политике неполитическими, художественными средствами. На съезде велись острые дискуссии о реализме, об ориентации на традиции, становившиеся актуальными после войны. Победа над фашизмом привела к тому, что на ведущее место претендовали две художественные доктрины и практики, одинаково преследовавшиеся при фашизме, одинаково, по сути, политически ориентированные на коммунизм, но в корне отличавшиеся по методу — социальный реализм и авангардизм. Победа реализма, получившего название социалистического, означала после 1948 г. партийно-государственный патронаж наименее ценному направлению, которое, однако, в отличие от перманентно бунтующего авангардизма, можно было легко приручить и сделать рупором официальной идеологии. Так в 50-х годах вновь обозначился

симбиоз левого искусства и левой оппозиционности, которые по сути стали выразителями традиции чешского гуманизма, тогда как соцреализм унаследовал не столько гуманистическую традицию чешского реализма XIX — первой половины XX в., сколько непримиримость классовой борьбы, идущую от "пролетарской" культуры двадцатых годов. Культурная ситуация, таким образом, оказалась вывернутой наизнанку, линии развития — смещенными и перемешанными. То, что левая оппозиция выражает себя в левых формах искусства, особенно проявилось в культуре "около 68-го года", еще раз показав, что все эстетически значимое в чешской культуре XX в. так или иначе связано со стилистикой и эстетикой модернизма.

В литературе первых послевоенных лет первенство сохраняла поэзия. Именно она ярче всего выразила чувства радости освобождения, благодарности Красной Армии и советскому народу, надежду на мирное и социально справедливое будущее, сознание принадлежности к семье славянских народов. В. Голан, Ф. Галас, В. Незвал, Я. Сайферт, В. Завада и другие поэты старшего поколения пишут стихи подобного содержания, вкладывая в них глубокую искренность и оптимистичность. К этой плеяде присоединились Франтишек Грубин (1910 — 1971), до этого писавший чисто лирические, медитативные стихи, и Йозеф Кайнар (1917 — 1971), бывший литературный лидер "Группы 42". Более молодые поэты, настроенные не так оптимистически, в метаниях ищут свое место в литературе, спектр их интересов простирается от агитационности до сюрреализма ("Группа РА"). Христианские ценности противопоставляет новейшему прогрессизму традиционно католически настроенный Я. Заградничек. В прозе и — шире — во всем обществе главным феноменом становится посмертная публикация "Репортажа с петлей на шее" Ю. Фучика. Из новых произведений большую популярность получают антифашистские рассказы, повести, романы Я. Дрды (1915 — 1970) ("Немая баррикада", 1946), М. Яриша, З. Плугаржа, которым присуща ориентация на массового читателя. Однако в целом тема войны не стала одной из ведущих, также социально-психологический анализ времени оккупации не поднялся до высот большого романного обобщения. Очевидно, это было связано с особым характером чешской истории эпохи войны, с существованием в "Протекторате" относительно нормальной жизни, в том числе культурной. Эта ситуация стала после войны основой

для обвинений ряда видных писателей открыто некоммунистических убеждений, прежде всего католиков Я. Демла, Я. Дуриха, Я. Заградничека.

Политизация культурной жизни в 1945–1947 гг. способствовала тому, что подавляющая часть творческой интеллигенции приняла "победный февраль" 1948 г., хотя некоторые, сразу поняв тоталитарный характер нового режима, как Ф. Пероутка, недавно вернувшиеся из США Э. Гостовский, И. Восковец, а также дирижер, новый шеф Чешской филармонии Р. Кубелик, предпочли эмиграцию. "Победный февраль" обозначил господство одной идеологии, марксистско-ленинско-сталинской, и единого типа культуры – социалистического реализма. Авангард как стиль был признан антисоциалистическим. В период правления президента К. Готвальда тон задавала коммунистическая литературная критика, внедрявшая идеологические и стилистические нормативы в художественное творчество. Были закрыты ведущие художественные журналы иных направлений, ликвидированы творческие объединения, информация о западной культуре подвергалась жесткой фильтрации. Проводились чистки в школах и вузах, были закрыты монастыри, из библиотек изымалась и уничтожалась "неудобная" литература (около 27 млн книг)². В апреле 1948 г. состоялся Съезд национальной культуры, в 1949 г. – съезд нового Союза чехословацких писателей, в который не вошли даже крупнейшие поэты и писатели. Вся культурная жизнь подвергалась жесткой цензуре. Однако большое положительное значение имели празднование столетнего юбилея А. Ирасека (1951) и открытие Музея чешской литературы ("Памятник национальной письменности" на Страгове, 1953), превратившиеся в патриотические акции, весьма актуальные в постнацистской Европе. Художественная продукция этих лет отличается предельным схематизмом, примитивным выражением коммунистических идей. Творцы, не согласившиеся со сталинизацией, создавали свои произведения в "катакомбных" условиях, рискуя своей безопасностью (В. Голан, М. Медек и др.). Появился самиздат, часто рукописный, где главенствовали спиритуалистические, сюрреалистические и христианские авторы, а также находившиеся под влиянием эстетики "Группы 42". Ведущей фигурой здесь стал поэт и художник Иржи Коларж (1914–2000), вокруг которого образовался кружок единомышленников. В центре их внимания была каждодневная жизнь простого человека.

С середины 50-х годов XX в. начинается "оттепель", усилившаяся после XXII съезда КПСС. Уже в 1955 г. В. Незвал, затем М. Кундера печатно выступили с защитой модернизма. Стали публиковаться авторы, ранее принужденные молчать. Второй писательский съезд (1956) критиковал схематизм. Ряд критиков (Я. Гроссман, И. Свитаек) выступили за эмансипацию искусства от целей классовой борьбы и пропаганды. Однако первый "глоток свободы" вызвал реакцию: на Общегосударственной конференции Союза писателей (1959) ведущий функционер от культуры, критик Л. Штолл подверг разгромной критике "остатки вредительских взглядов и настроений"³. Вновь начались гонения, однако репрессии конца 50-х годов были гораздо мягче: многим раскритикованным было разрешено работать в других сферах культуры. Постепенно начал расширяться горизонт чешской культуры: издавались, ставились, выставлялись произведения тех западных и советских авторов, которые ранее находились под запретом, включая прозу пражанина Ф. Кафки, чье творчество в это время уже начинало считаться крупнейшим явлением XX в. Началось оживление в поэзии. Ф. Грубин, О. Микулашек (1910–1985), Ян Скацел (1922–1989) связывают человеческое существование с судьбами мира и жизнью природы, "малой родины". Вокруг журнала "Кветень" ("Май", 1955–1959) возникла группа поэтов и прозаиков (И. Шотола, М. Голуб, М. Флориан, И. Клима, Л. Вацулик и др.), стремившихся к правдивому отражению реальной жизни и чувств человека. Большие дискуссии вызвал роман Йозефа Шкворецкого (род. 1924) "Трусы" (1958), демистифицировавший события 1945 г. и прославлявший обычную жизнь обычного жизнелюбца. Роман, принципиально дегероизаторский, написан разговорным языком, подтекст не менее значим, чем сам текст, что было стилистической новацией в чешской литературе. Проза развивается преимущественно в малых формах и сосредоточена на реальной жизни и переживаниях страшных лет войны, в ней появляется личностная интонация (Л. Ашкенази, И. Клима, А. Климент, А. Лустиг).

В музыке 50-х годов господствовал примитивно-песенный мелодизм, упрощенная гармония; программные сочинения рассматривались как форма пропаганды коммунистических идей средствами музыкального искусства (кантаты "Сталинград" и "Приказ Сталина" В. Добиаша). Композиторы предпочитали работать в массовых жанрах, со-

чинья марши, песни, хоры. Борьбе с модернизмом в музыке был посвящен I съезд композиторов и музыковедов Чехословакии (1948), на это же была нацелена деятельность Союза чехословацких композиторов (с 1949 г.), которых материально должен был обеспечивать Чешский музыкальный фонд (с 1953 г.). В организации музыкальной жизни после войны произошли значительные изменения. Была национализирована Чешская филармония, остававшаяся одним из лучших оркестров Европы, с 1950 г. руководимым К. Анчерлом, были основаны новые оперные театры и оркестры в провинции, построен завод грампластинок. В 1946 г. был основан международный музыкальный фестиваль "Пражская весна", приобретший большой авторитет. Появилось новое поколение замечательных музыкантов-исполнителей.

В изобразительном искусстве насаждался социалистический реализм. Почти все скульпторы и художники старшего поколения отразили его воздействие. В скульптурах К. Покорного (знаковой стала композиция "Братство", установленная у Главного вокзала в Праге как символ чехословацко-советской дружбы и благодарности за освобождение) и В. Маковского он несколько скрашен импрессионизмом лепки и мастерством композиции. В подполье продолжал развиваться сюрреализм, стиль, который его ведущий мастер Микулаш Медек (1926 – 1974) считал не только авангардным, но и наиболее адекватно выражающим ментальное состояние современного человека и абсурд социума. Публично новое поколение художников-нонконформистов представало перед зрителем в период "оттепели": в Брно в 1958 г. прошла их выставка.

В театральном искусстве ведущую роль играл режиссер Альфред Радок (1914 – 1976). Сразу после войны он ставит спектакли в духе Пролеткульта, борется за социалистический театр, вводит ряд театральных новшеств, в частности, в освещении, работая со сценографом Й. Свободой. Вместе они создали ко Всемирной выставке в Брюсселе (1958) представление "Латерна магика", соединившее театр и кино в синтетическое высокотехнологическое зрелище. В конце 50-х годов появляются театры малых форм ("На Забрадли", "Семафор", Редута), где благодаря остроумию И. Выскочила и И. Сухого "низкие" жанры песенок, анекдотов, рассказиков, эстрадных миниатюр становятся большим искусством, по самому своему тону противоречащим официозу.

Подъем чешской культуры, связанный с общей либерализацией в стране, наступил в 60-е годы и достиг кульминации в творчестве "около 68-го года". "Шестидесятые годы" стали явлением и понятием в культурах всех соцстран. В чешской культуре была одна, но очень важная специфическая черта — это поиск альтернативы сталинизму внутри идейно-культурного поля социализма — коммунизма. Этому во многом способствовало возрождение модернистско-авангардного дискурса, в Чехии исторически связанного с политической левизной. Неоавангард 60-х — явление полиаспектное, далеко не так художественно радикальное, как "первый авангард", проникнутое историческим оптимизмом поисков "социализма с человеческим лицом". Для него важна свобода художественного выражения, но в то же время он глубоко социально-политичен, так как вовлечен в общественную борьбу на стороне "гуманистического социализма", в котором следует видеть модификацию традиционного чешского гуманизма. Художественные достижения 60-х годов стали питательной средой для последующей неконформистской культуры и сделали Чехословакию вновь членом европейского культурного сообщества. Оппозиционность культуры 60-х снискала ей огромную популярность и признание в обществе.

Ключевые позиции в распространении этой культуры заняла периодика. Бестселлерами стали публикации о репрессиях и злоупотреблениях партийных органов. Меняется бытовая культура: модным становится равнодушие к идеям и лозунгам, раскованный образ жизни, увлечение джазом и рок-музыкой, демократический молодежный стиль в одежде, т.е. все то, что противодействовало официальной унифицированности. Изменяется характер руководства культурой со стороны КПЧ: допускаются дискуссии и художественный эксперимент, однако в рамках социалистической идеологии.

Большое влияние на общество оказали философские дискуссии о марксизме. И. Свитак высказал "еретическую" мысль о том, что марксизм — лишь одно из направлений мысли, которому еще надлежит доказать свою правоту. Р. Каливода отстаивал концепцию "открытого марксизма". Я. Паточка (1907—1977) — крупнейший чешский философ второй половины XX в., организовал семинар на дому, где изучалась феноменология. В Карловом университете проходили дискуссии между христианами и атеистами, активизировалось протестантское и католическое мышление, возник

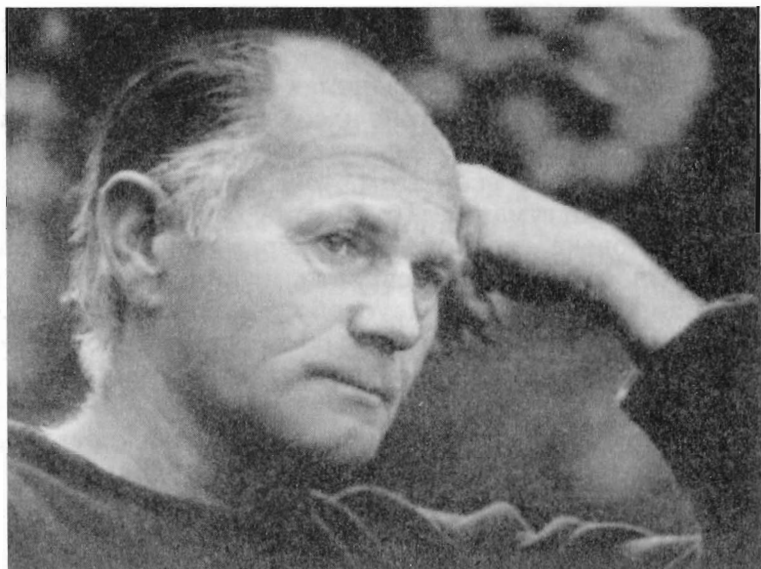
экуменический семинар. Сильный отзвук в стране получила речь кардинала Й. Берана "О свободе совести", произнесенная в 1965 г. на II Ватиканском соборе. Общую тенденцию перехода от реформированного марксизма к экзистенциальному гуманизму выразила книга М. Маховеца "Иисус для атеистов", изданная в самиздате в 1972 г. и ставшая известной во всем мире.

В литературе новый расцвет переживает поэзия. Она приобретает интимный характер, наполняется радостями и горестями тонко чувствующего природу, любовь и жизнь человека у О. Микулашека, продолжает эпическую традицию у позднего В. Голана, Ф. Грубина, И. Шотолы. Вещественную конкретику "Группы 42" развивают Й. Кайнар, И. Коларж, экспериментирующие со словом, вводящие слэнг как реалию времени. Поэзия утрачивает велеречивость, становится концентрированной, лаконичной, обретает вновь весомость слова (стихи Я. Скацела). В. Завада и особенно Ф. Грубин погружаются в глубины бытия, вновь открывая ценность трагического переживания смерти, как и И. Дивиш в большом стихотворении "Танатей" (1968). Я. Сайферт обращается к форме верлибра и теме смерти, его поэтическое видение становится гораздо более конкретным, с долей скептицизма, но все же поэт верит в ценности искусства и человеческой любви. Трагичной была судьба католических поэтов — классика Я. Заградничека и более молодых З. Ротрекла, Й. Сухого, Ф.Д. Мерта, Л. Дворжака, И. Славика, репрессированных после февраля 1948 г. Однако продолжалось их творчество, ставшее известным лишь десятилетия спустя. У каждого из католических поэтов свой почерк, своя образность, но всем им присуще устремление к вечности, умение видеть эманации духа в конкретных вещах и явлениях. Поэты младшего поколения, родившиеся на рубеже 30-х — 40-х годов, такие как Й. Ганзлик, И. Верниш, И. Груша, А. Броусек, И. Кубена и др., имели иной жизненный опыт и были лишены радостного энтузиазма борьбы за "светлое будущее". На природу они смотрят глазами ребенка, у них сильны элементы гротеска, мотивы масок и кукол, их интонация сдержанна и скептически, поэтическая речь отрывочна и неритмична. Ими отвергались напевность, народность, понятийность образов как арсенал нормативной официальной эстетики. Еще дальше по пути отрицания этих норм пошла экспериментаторская поэзия конца 60-х, создавшая принципиально новое представление о стихе и по-

эзии как таковой, основываясь на практике сюрреализма и конкретной поэзии. К "третьей волне" сюрреализма, находившейся под влиянием теоретика "второй волны" В. Эффенбергера, относятся П. Крал, С. Дворский, В. Линхартова, М. Направник, издавшие сборник "Сюрреалистическая исходная точка" (1969). Поэзию нонсенса, т.е. поэтического абсурдизма, создавал Э. Фринта. Конкретная, точнее, абстрактная, поэзия, активно использующая видеоряд, как это уже было у И. Коларжа, представлена в сборнике "Холм костей" и книге Й. Гиршала и Б. Грёгеровой "JOB-BOJ" (1968). Всей экспериментальной поэзии свойственно нетрадиционное использование языка, теряющего свою коммуникативную функцию, игра со словом, с его элементами и звуками, создание абсолютно замкнутого и самодостаточного текста, по поэтике близкого к концептуализму.

Огромную популярность приобрел другой вид поэзии, которую можно назвать бардовской (чеш. *řipníckáři* адекватно не переводимо, так как калька "песенники" изменяет смысл). Это авторская песня, рассчитанная на публичное исполнение в клубах, кафе, кабаре, театрах малых форм. Она иронична, пародийна, музыкально и словесно проста, но далека от эстрадной примитивности. Песни скорее провокативны, чем лиричны, часто абсурдистски смешны. В них дух свободы и оппозиционности 60-х нашел воплощение в сфере, пограничной между "высокой" и массовой культурой.

Глубокие изменения произошли в прозе⁴. На первое место выдвигаются проблемы личной и общественной морали, герой из ходульно-схематического становится полнокровным человеком. В этом определенную роль играет личный жизненный опыт писателей. Жанр романа о социалистическом строительстве уходит в прошлое. Для прозы И. Климы, Я. Прохазки характерно расставание с прежними иллюзиями. Тема войны и оккупации получает трагическое звучание у таких писателей еврейской национальности, как И. Вайль, А. Лустиг, О. Павел, К. Сидон. Чешские литературоведы даже выделяют чешско-еврейскую литературу в особую группу по тематике, связанной с еврейством, и по специфическому интонационному строю⁵. К этой группе также относят более ранних авторов — Л. Фукса, И. Лангера, К. Полачека, И. Ортена, Э. Гостовского, а из послевоенного поколения Л. Ашкенази, пришедшего в Чехию вместе с Советской Армией, но воспринявшего ее как свою вторую родину, И. Климу и Л. Гросмана. Сюда же следует отнести кинорежиссеров

Б. Грабал. 70-е годы XX в.

К. Кахиною и Я. Немеца, уделивших в своем творчестве значительное место теме преследования евреев. Этой прозе, как и ставшей широко популярной повести Я. Отченашека "Ромео, Джульетта и тьма" (1958), присуще обращение от общего к индивидуальному, к частному, что раскрывается в показе страданий обычного человека в экстремальных, нечеловечески извращенных условиях существования, имеющих целью его уничтожение. Гуманистический пафос борьбы против фашизма оборачивается безпафосной борьбой просто за жизнь, за элементарное существование ("Алмазы ночи" А. Лустига, 1958, экранизация Я. Немеца, 1964), что делает эти произведения глубоко человечными и принципиально антитоталитарными. В них есть и черный гротеск, абсурдизм, вскрывающий абсурдность и безумие самого фашизма, разлагающего сознание простого человека ("Сжигатель трупов" Л. Фукса, 1967, экранизация Ю. Херца, 1968). Есть и гимн чистой любви и самопожертвования ("Адельгейд" В. Кёрнера, 1967).

Поворот на магистральные пути мировой литературы произошел именно в начале 60-х и завершился вхождением в нее ряда крупнейших авторов, среди которых наиболее известны Б. Грабал и М. Кундера. В 60-е Богумил Грабал

(1914—1997) издает в год по книге, становясь крупнейшим прозаиком, но не включаясь в активную литературную жизнь. Необычный язык, мозаичная композиция, провокативная эротичность, отсутствие идеологичности и иерархичности ценностей в его прозе вызывающе воздействовали на читателей. Однако за всем этим стоял не сразу замеченный типично чешский гуманизм "будничного существования маленького человека", который на поверку оказывается жизнестойким носителем человечности, игнорирующей любое идеологизирование ("Поезда особого назначения", 1965). Чешский роман второй половины 60-х сосредоточен на теме крушения иллюзий, разочарования, трактуемой не только в личностном, но и в социальном плане. "Топор" Л. Вацулика (1966) стал глубокой критикой эпохи, чешского характера и техногенной цивилизации. "Шутка" М. Кундеры (1967) в гротескной форме ставила проблему адекватности извращенного или дегуманизованного этим же строем человека. За злободневной актуальностью романов читатели и критики не заметили более глубинных, экзистенциальных основ этих наиболее ярких произведений. Поиск человеком своего места в мире и в истории обусловил возрождение исторического жанра. Пристальное внимание привлекла так называемая лагерная литература с ее этической оценкой сталинских репрессий на чехословацкой почве. В 60-х появляется экспериментальная проза. Для Я. Ганча ("Надписи в сортирах") характерен открытый нонконформизм, распространяющийся и на сферу телесности, и на нецензурную лексику. Такому антикультурному "бунту из подполья" противостоит ироничная игра с "объективным" фактом у В. Парала. Автор иронизирует над своими героями, уподобляемыми куклам, над их стремлением преуспеть в карьере и сексе, над их выхолощенными стереотипами поведения. Интеллектуальная и языковая игра, фрагментарность, рефлексия, нарушения сюжетной линии также присущи И. Выскочилу, чья малая проза пронизана абсурдистским юмором.

В новую фазу вошла драматургия. Появились абсурдистские пьесы. Вацлав Гавел (род. 1936) сразу прославился пьесой "Праздники в саду" (1963), в которой за актуальной сатирой на бюрократию просвечивала озабоченность утратой людьми своего человеческого лица. Абсурдизм пьес В. Гавела социально и политически детерминирован: абсурд общественного устройства ведет к абсурду человеческого поведения.

ния, к обесмысливанию языка и деградации личности. Более близок к европейскому абсурдизму "нонстоп-нонсенс" "Король-Вавра" (1964) М. Угде. Драматургия Йозефа Топола (род. 1935) более многослойна, он сосредоточивается на глубине человеческих характеров, которые помогают автору создать картину многомерного мира, в котором невозможны однозначные решения и оценки.

С новой драматургией теснейшим образом было связано театральное искусство. Это был период расцвета малых сцен. Пьесы В. Гавела ставились в театре "На Забрадли", которым в 1962 – 1969 гг. руководил Я. Гроссман, представивший пражанам также мировой авангард. Его стиль был подчеркнуто условно-театрален. О. Крейча после попыток модернизировать традиционность Национального театра возглавил "Театр за воротами", где ставили пьесы Й. Топола. Режиссура О. Крейчи – камерно-лирическая, неспешно анализирующая человеческое бытие, поэтому столь успешны были его постановки пьес А.П. Чехова. "Чиногерни клуб" отличался особо актуальной, язвительной трактовкой классики, где вторым слоем открывались экзистенциальные горизонты (режиссер Я. Качер – "Ревизор", "Вишневый сад"), более объективной, конкретной, отстраненной, непсихологичной манерой игры актеров (П. Ландовский, И. Кодет, Й. Сомр, В. Галатикова). Группа пантомимы "На Забрадли" во главе с Л. Фиалкой сделала пластический театр выразителем эмоционального мира современного человека и внечеловеческих сил, движущих людьми в пространстве бытия и истории. Там же начинал режиссер И. Срнец – создатель "Черного театра", где на фоне черного бархата, поглощающего одетые в черное фигуры пантомимистов-кукловодов, действовали вещи и отдельные части тела актеров, создавая атмосферу сюрреалистической игры. Особое распространение получили паратеатральные формы – сценические монологи и диалоги, песенки, скетчи, ревю. Их эстетику в Чехии сформулировал И. Вискочил, не только писатель, но и активный театральный деятель, назвав ее "не-театром". "Демократический авангардизм" стал определяющим стилем малых сцен, где сюжет, литературная основа растворялись в калейдоскопе сценических миниатюр. Таковы были представления в "Редуте", в либерецком "Studio" ("Ипсилонка", главный режиссер Я. Шмид), в брненском "Гусе на веревочке" (руководители П. Шерхауфер, З. Поспишил, Э. Тальская), оригинально обыгрывавшем нетеатральное пространство⁶.

Самым знаменитым театром такого рода стал "Семафор", где И. Сухи и И. Шлитр сумели как авторы и участники представлений добиться глубокого синтеза "не-театральных" форм, каждый раз находя новые смысловые стержни и встречая спонтанный отклик активизированной публики. Сохраняет свои позиции режиссура А. Радока (абсурдистское прочтение гоголевской "Женитьбы"), ставившего спектакли в "больших" театрах и экспериментировавшего в "Латерне магии", ставшей уникальной площадкой соединения театра и кино.

Киноискусство, так же как и театр, находилось в тесном контакте с литературой, можно даже говорить об их прямом взаимовлиянии: экранизация новейших литературных произведений, малоизвестных или еще неопубликованных, как было с "Шуткой" М. Кундеры, приносила им всеобщее признание (первый чешский "Оскар" за фильм "Магазин на площади" по Л. Гросману, 1965; режиссеры Я. Кадар и Э. Клос, следующий "Оскар" – "Поезда особого назначения" по Б. Грабалу, 1966; режиссер И. Менцель). В свою очередь работа для кино приносила в прозу сжатость, концентрированность, осязаемую наглядность, монтаж, "раскадровку" повествования, необычные ракурсы, динамичный темпоритм.

Высокий профессиональный уровень чешского кинематографа существовал и в 50-е годы. Крупным явлением стал фильм старейшего чешского кинорежиссера М. Фрича "Пекарь императора и император пекаря" (1951), соединивший в себе характерные черты чешской культуры: историзм (действие связано с легендой о первом человеке-роботе Големе и помещено в эпоху Рудольфа II), фантастичность, увлечение техницизмом, юмор и ироничность, гуманизм, социально-политическую ангажированность. Особую притягательность фильму придало исполнение двух главных ролей актером Я. Верихом, ставшим после войны живым воплощением демократических традиций национальной культуры. В исторической кинотрилогии О. Вавры о гуситском движении зритель впервые получил широкую картину центрального момента чешской истории, трактованной с марксистских позиций, но точной во внешних исторических деталях. О.Вавра проявил себя как активный и разносторонний режиссер, ставя фильмы на военную, историко-революционную, социально-актуальную темы, экранизируя чешскую классику. Заявило о себе следующее поколение кинорежис-

И. Шлупр и И. Сухи. 1963

серов: И. Вайс, И. Секвенс, К. Стеклый. В эти же годы рождается великое искусство чешской анимации, сконцентрировавшее в себе многие лучшие стороны чешского модерна прошлых десятилетий и традицию народного кукольного театра, помноженную на утонченную изобразительность чешского искусства. Анимационные и анимационно-игровые ("Губительное изобретение", 1957) фильмы Карела Земана (1910–1989) блещут авторской фантазией и технической изобретательностью, юмором и откровенно игровой стихией. Кукольные фильмы Иржи Трнки (1912–1969), прежде всего полнометражные ("Похождения бравого солдата Швейка", 1954; "Сон в летнюю ночь", 1959) и короткие на сказочные, цирковые, научно-фантастические сюжеты вос-

принимались зрителем "как фрагменты мифа исконной чешскости"⁷ в современном эстетизированном видеоряде. Укорененность чешской анимации в национальной культуре не помешала ей приобрести мировую известность и стать в 50 — 60-е годы чуть ли не главным репрезентантом культуры новой Чехословакии за рубежом.

В начале 60-х годов в чешский кинематограф приходит "новая волна", тесно связанная с движением за обновление чехословацкого общества и его культуры, в которой кинематограф занял одно из ведущих мест. К нему пришла мировая слава, но его развитие было резко оборвано в начале 70-х годов, причем многие фильмы так и не успели дойти до зрителя, легли "на полку", не были показаны на международных фестивалях. Поэтому в значительной мере кино "новой волны" осталось малознакомым явлением, о котором судили лишь по некоторым наиболее ярким феноменам, тогда как это было очень широкое движение, со многими стилистическими оттенками и тенденциями. Его представляет целая плеяда кинематографистов⁸. Поражает, как за несколько лет смогло появиться очень большое количество фильмов высшего класса, соответствующих общественным запросам Пражской весны и одновременно "надвременных", "вечных" по темам и их решению.

"Новая волна" началась с жизнерадостных комедий, пародирующих изжитые стереотипы и утверждающих то сознание, которое принято называть "шестидесятничеством". Таковы "Вот придет кот" В. Ясного с Я. Верихом, "Если бы тысяча кларнетов" по театральному представлению И. Сухого и И. Шлитра с участием Я. Брейховой, К. Готта, В. Матушки и самих авторов, "Лимонадный Джо" О. Липского, "Старики на уборке хмеля" (все 1964), и "Дама на рельсах" (1966) Л. Рихмана. Противоположны им своим трагизмом, лаконичностью фильмы о войне, о концлагерях, единые по общей интонации, но разные по манере: от сурово-документальной у З. Брыниха ("Транспорт из рая", 1962) до сюрреалистической у Я. Немеца ("Алмазы ночи", 1964). Огромное значение приобретают фильмы о современности, в создании которых активно участвуют писатели. Именно в них происходит концентрация актуального и экзистенциального, а постулат гуманизации общества и человеческих отношений становится глубинной основой сложных художественных концепций и решений. "Новая волна" визуально воплотила идеологему "чешского гуманизма", как бы изнут-

Я. Верих в кинофильме "Вот придет кот". Режиссер В. Ясный. 1963

ри, иронично противостоящего тоталитарной системе и тем самым ее подтачивающего. При сильном авторском начале фильма "новой волны" нельзя целиком отнести к "авторскому кино", поскольку в них присутствует повышенная коммуникативность, обращение к сознанию того слоя публики, который активно мыслит, тонко чувствует и не чужд парадоксалистскому ощущению современной жизни.

Проблемы нравственности, моральной стойкости, ответственности, воздействия лжи на изменение характера личности стали центральными в фильмах Эвальда Шорма (1931 – 1988) "Отвага на каждый день" (1964), "Конец священника" (1968) с его амбивалентностью понимания долга, правды, добра, "День седьмой – восьмая ночь" (1969), посвященный подавлению Пражской весны. Милош Форман (род. 1932), считающийся главным представителем "новой

волны", вначале исследует поведение человека, в котором зарождается антигуманное начало, и отчасти сочувствует ему ("Черный Пётр", 1964, "Любовные похождения одной блондинки", 1965), но его взгляд приобретает злую точность в гротескном выражении человеческого ничтожества в фильме "Горит, моя милая" ("Бал пожарников", 1967) — лучшей ленте режиссера. Мелкий факт воровства превращается в почти вселенский пожар, раздуваемый теми, кто должен его гасить. Но злая ирония М. Формана гуманна по сути: человек униженный, страдающий, несчастный, все же содержит в себе "искру Божию" и достоин сострадания, в особенности, когда он, живой и грешный, сталкивается с тотальной жестокостью. Это стало темой самого знаменитого фильма М. Формана "Полет над гнездом кукушки" (1975), снятого уже в США, куда режиссер был вынужден эмигрировать. Американские фильмы М. Формана, такие как "Народ против Ларри Флинта" (1996), "Человек на Луне" (1999) сохраняют многие интонации чешского периода, в особенности отношение к человеку и специфический юмор. Ставший широко известным фильм о В.А. Моцарте "Амадеус" (1984), напротив, по-американски однозначен, примитивизирован и не по-чешски пышен. Чешским ответом на искажение моцартовского духа, который со времен самого композитора чехи великолепно понимали, стал телесериал "Вольфганг Амадей Моцарт" (1991) Юрая Херца, продолжившего лучшие традиции чешского биографического фильма. В 1968 г. Ю. Херц снял "психологический триллер" "Сжигатель трупов", показав, как политическое безумие (нацизм) превращается в безумие клиническое, делающее из обычного добродушного "маленького человека" монстра, убивающего своих детей. Социально-психологической проблеме поведения человека в атмосфере страха, подозрений, предательства, доносов, лжи посвящена лента Я. Немеца "О празднестве и о гостях" (1966), вызвавшая потом особую ненависть властей. Выявление лучших сторон в человеке, даваемом всесторонне, без идеализации, с иронией стало ведущей темой фильмов Иржи Менцеля (род. 1938), многие из которых, в том числе знаменитый "Поезда особого назначения" (1966), сняты по произведениям Б. Грабала. Вера Хитилова (род. 1929), громко заявившая о себе "Маргаритками" (1966), больше подчеркивала абсурдистское начало, которое, однако, наиболее рельефно выявляло проблему ответственности человека. В. Хитилова и в последующих фильмах вол-

ную разрушительные стремления, заложенные в человеке, она любит проследить, как вроде бы невинные забавы оборачиваются смертью, катастрофой, отчаянием. Ответственность людей друг перед другом, трагический исход "жизни по совести" сильно прозвучали в фильме о деревне "Все хорошие родственники" В. Ясного и исторической ленте Г. Бочана "Честь и слава" (оба 1968). Мрачная и суровая экранизация "Маркеты Лазаровой" В. Ванчуры, сделанная Ф. Влачилем (1966), была признана в конце XX в. чешской критикой лучшим чешским фильмом. Стилистически ему оказался близок исторический фильм "Молот ведьм" О. Вавры (по В. Каплицкому, 1968), приобретший неожиданную актуальность после 1969 г. благодаря теме "охоты на ведьм". Накануне 68-го г. не меньшей сенсацией стала экранизация "Шутки" М. Кундеры режиссером Я. Ирешем при участии автора. Фильм опередил книгу, что превратило его в главное орудие критики режима. Это же направление представляют "Жаворонки на нитке" И. Менцеля (по Б. Грабалу) и "Ухо" К. Кахини (по Я. Прохазке) (оба 1969). Свободомыслие, призыв весело саботировать маразм власти в первом фильме сменяются мрачной атмосферой подслушивания и доносительства, разрушающей человеческую личность и психику, во втором. Притчевость, предельная метафоричность, символичность и поэтичность, наоборот, присущи вольной вариации на тему "Гулливера" "Случай для начинающего палача" П. Юрачека, тяготеющей к "третьей волне" чешского сюрреализма, и экранизации поэзии В. Незвала "Валерия и неделя чудес" Я. Иреша, снятой в манере антуражного поэтического кино, нетипичной для чешского кинематографа, но затем ставшей крупнейшим феноменом кино Восточной Европы 70-х. Сюрреалистические экспериментальные короткометражки снимает Ян Шванкмайер (род. 1934), используя средства анимационного и игрового кино. Эти фильмы полны ощущения ужаса, разрушительного абсурда, жесткой бессмысленности бытия, проявляемых через гипертрофированно игровое начало. Творчество режиссера стало весьма заметным явлением мирового киноавангарда ("Полено", 2001). Фильмы "новой волны" дали возможность проявить огромный талант целому поколению актеров, самыми видными и популярными представителями которого стали Р. Грушинский, В. Бродский, Я. Брейхова, Я. Качер.

Изобразительное искусство 60-х годов вновь обращается к наследию чешского и мирового авангарда. Однако в силу

его герметичности оно не стало столь общественно значимым, как литература, театр и кино. Оживились сюрреалисты: с конца 50-х активно продолжают работать члены "Группы РА" Й. Истлер и В. Тикал, в 1966 г. В. Эффенбергер создал группу "UDS", в которую в 70-е вошел Я. Шванкмайер. В 1968 г. группа организовала выставку "Принцип наслаждения". Под сильным влиянием сюрреализма развивается информель и динамический абстракционизм, который представляют Я. Котик, М. Медек, Я. Кобласа, И. Валента, Р. Пизен, К. Малих. Во второй половине 60-х годов творчество приобретает значительную индивидуализацию, формируя разные течения внутри авангарда, соответствующие общемировым тенденциям⁹. Однако "второй авангард" не достигает силы первого. Продолжается творчество лидера бывшей "Группы 42" К. Лготака, перешедшего к более лирической трактовке повседневности. Поэт И. Коларж, также бывший член этой группы, продолжает работать в оригинальной технике коллажа и создает поэзию "речевого потока", переходя затем к невербальным коллажам, где из слов и букв разрезанных старых картинок создается некая новая реальность. Мощная манера письма, фантазийность, экспрессия цвета присущи абстрактным и полуфигуративным полотнам О. Янечека с их тяготением к знаковости. Новый расцвет переживает книжная иллюстрация, остающаяся фигуративной. Искусство мастеров старшего поколения, таких как Ц. Боуда, К. Сволинский, И. Трнка, А. Стрнадель, было творчески воспринято молодым поколением, сделавшим искусство книги более рафинированным, утонченным, изящным, радостным, что особенно проявилось в детской книге. Последняя тенденция была продолжена аполитичной, поэтому полюбившейся самой широкой аудитории серии книг, а затем мультфильмов детского писателя В. Чtvrтака и художника Р. Пиларжа о разбойнике Румцайсе.

Молодые художники обозначили в 60-х на выставках "Конфронтация I" и "Конфронтация II" господство структуральной нефигуративной формы, что вызвало несогласие и частичный возврат к фигуративности и магическому реализму. "Конфронтация противоположных сил внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, реализма и магии, достигает рационального напряжения и неизбежной драматичности, воздействие которых увеличивается также конфронтацией иллюзии и реальности"¹⁰. Элементы псевдоконкретного, современной цивилизации и абстракции абсур-

дируются, становятся средствами выражения неуверенности человека, его скрытых комплексов.

В сценографии Франтишек Трёстер, начавший еще до войны, реформировал живописное оформление сцены, дополнив его пространственными решениями, создающими выразительный конкретный образ спектакля. Другой крупнейший сценограф Йозеф Свобода (1920 – 2001), оказал воздействие на весь мировой театр, работая на родине, на Западе и в СССР. Он предложил радикально конструктивное решение сценического пространства, крайне лаконичное, функциональное и подвижное. Основой образа служит не только сама конструкция, но свет и движение, меняющиеся в соответствии со спектаклем. Й. Свобода изобрел световой занавес, динамизировал выразительность декораций. Поиски синтетичности сцены привели художника к театрално-кинематографическому принципу "Латерны магии", где иллюзия достигается определенными техническими трюками, что соответствует отстраненно-игровой природе чешского театра.

С середины 50-х годов начинается новый расцвет декоративно-прикладного искусства. Бижутерия фирмы "Яблонекс", модная, красивая и дешевая, завоевывает международные рынки. Особым явлением стало чешское стекло, получившее, начиная с его триумфа на Всемирной выставке в Брюсселе (1958) мировое признание. Для него характерны простота, функциональность, красота лаконичных и одновременно очень декоративных форм, поиск новаторских решений, создание сложных фигурных или абстрактных композиций. В нем соединились искусство и быт, эксперимент и традиция¹¹.

В архитектуре послевоенного периода, может быть в единственном из видов культуры, сохранилась прямая преемственность с довоенным функционализмом. Строятся новые жилые кварталы, промышленные сооружения, уникальные здания, архитектурное решение которых конструктивно, лаконично, соразмерно человеку и направлено на рациональное преобразование его жизненной среды. Чешская архитектурная школа считалась самой прогрессивной в социалистическом лагере.

Музыка 60-х также испытывает воздействие вновь открытого авангардизма. Чешские композиторы постепенно обретают свою творческую индивидуальность. К новейшим авангардным техникам приходят М. Кабелач, М. Ко-

пелент, Я. Клусак, З. Востржак, Я. Капр, сохраняющие четкую конструктивность композиции. Гораздо более умерены в использовании современной музыкальной лексики И. Гурник, С. Гавелка, И. Фельд, В. Соммер, О. Маха. "Новая музыка", являясь серьезным течением, все же не стала определяющим стилем чешской музыки, в которой, при всей дифференцированности творчества разных авторов, превалировала эклектичность, умеренность в использовании новаций, стремление к их синтезу, конкретность и конструктивность композиторской мысли, сдержанность эмоциональной сферы¹².

Оживляется музыкальная жизнь. В репертуар возвращаются авангардные сочинения чешских и зарубежных авторов прошлых десятилетий, активно исполняется музыка Б. Мартину и Л. Яначека. Возникают новые исполнительские коллективы, прежде всего ансамблевого типа, принесшие мировую славу чешскому искусству: Квартеты им. Сметаны, Яначека и города Праги, Чешское трио, ансамбли "Камерная гармония" (Л. Пешек), "Musici pragenses" (Л. Главачек), коллективы, возрождавшие старинную музыку — "Ars rediviva" (М. Мунцлингер) и "Пражские певцы мадригалов" (М. Венгода). Высокий уровень исполнительства поддерживают дирижеры К. Анчелл, В. Сметачек, Ф. Илек, пианисты Ф. Раух и Й. Паленичек, органист И. Рейнбергер, виолончелист М. Садло, оперные певцы М. Подвалова, М. Красова, Б. Блахут, Л. Мраз, К. Берман и др. Прага подтвердила свой статус одной из музыкальных столиц мира. Фестиваль "Пражская весна" пропагандирует музыку XX в. Резко активизировалась сфера легкой музыки: второе рождение переживал джаз, массовое увлечение которым стало знаком неконформизма, стремления к свободе и человечности; широкую популярность приобрело песенное творчество, в котором сосуществовали два направления, иногда перекрещивавшиеся — бардовская песня и эстрадная песня, лиричная и ироничная, не по казенному жизнерадостная, давшая таких звезд, как К. Готт, Г. Вондрачкова, В. Матушка и др. Бардовская песня испытывала влияние джаза, блюза, рок-музыки, став в среде молодежи и молодой интеллигенции знаковым явлением. Поколение "Пражской весны" — чешских шестидесятников — сформировалось на этой музыке, утверждавшей на уровне масс-культуры ценности свободы и демократии.

1968 год, подавление Пражской весны — переломная дата не только для истории Чехословакии и мирового социализма, но и для ее культуры. В подготовке "Пражской весны" активнейшим образом участвовала пражская творческая интеллигенция, прежде всего писатели. Именно они дали первый решительный бой власти. На IV съезде Союза писателей в 1967 г. были программно обозначены цели и задачи борьбы за "социализм с человеческим лицом". Работа съезда, решительно осудившего как аморальную и антигуманную практику "реального социализма", а не только "ошибок прошлого", проходила бурно, в столкновении мнений и вызвала огромный общественный резонанс. Была отменена цензура, СМИ перешли к демократам. Свой звездный час переживала журналистика. Очень характерно, что программой, знаменем борьбы за демократию стал текст писателя — знаменитые "Две тысячи слов" Л. Вацулика, содержавшие, с сегодняшней точки зрения, умеренную программу демократического социализма, но тогда воспринятую, главным образом руководством КПСС, как крамола.

Последовавшие после подавления Пражской весны гонения и репрессии, политика "нормализации", затянувшаяся на два десятилетия, резко изменили характер культуры. Культура "около 68-го года" была сломлена на подъеме, ее апогей оказался ее же финалом, однако то, что она была искусственно прервана, а не изжила себя, сказалось в некоторых чертах культуры периода нормализации, т.е. фактического застоя, имевших формально-авангардный или сущностно-диссидентский характер.

Репрессии начала 70-х выбили из чешской духовной жизни многих ведущих деятелей культуры "около 68-го года", заставив эмигрировать, замолчать, уйти в андеграунд или пойти служить режиму, что означало творческую смерть. Однако установившееся сейчас мнение о периоде нормализации как о времени упадка и стагнации в культуре нуждается в корректировке. Сохраняется общий высокий уровень культуры европейского типа, во всех сферах культуротворчества иногда создаются произведения высокого эстетического уровня, хотя многие из них не доходят до публики; новации не поощряются, даже запрещаются, но возникают и существуют, что создает в обществе скрытое напряжение, плодотворное для творчества. Лучшие кадры из тех, что остались в стране, уходят в открытую (диссидентство) или скрытую оппозицию режиму, что позволило им накопить силы и пуб-

лично выступить с программой обличения коммунистического режима и защиты прав человека — "Хартией—77", авторами которой были философ Я. Паточка, драматург В. Гавел и журналист, редактор культурно-политического журнала "Творба" И. Гаек. "Хартия—77" стала важной вехой не только в истории страны, но и в ее культуре, показав силу морального сопротивления — характерную специфическую черту чешской культуры в целом. Под документом подписались многие деятели культуры разных направлений, стилей и философской ориентации, вновь показав, что чешская интеллигенция умеет спланиваться на общей платформе гуманистических ценностей в ответственные исторические моменты. Репрессии, последовавшие после этого, причем не менее жесткие, чем после 68 г., ухудшили общую ситуацию чешской культуры, усилили атмосферу страха, доносительства, карьеризма, официозного бодрчества и внутренней опустошенности.

В "период нормализации" происходит расщепление чешской культуры на четыре течения: официоз, диссидентство, "центр" ("серая зона", по определению чешских исследователей, где авторы находятся "на обочине", балансируя между разрешенным и запрещенным¹³ и эмиграция. Наиболее рельефно эти различия проявились в литературе. Укрепление руководящей роли КПЧ в культуре началось в 1970 г. со специального решения, в котором констатировалось, что "культурный фронт" в 1968—1969 гг. "был одной из областей, наиболее подверженных правому оппортунизму, национализму и антисоветизму"¹⁴. Активное подчинение культуры, в критике которой использовалась фразеология сталинизма, обозначил документ, принятый на пленуме ЦК КПЧ в начале 1971 г., называвшийся "Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ". За ним последовал разгон Союза писателей, возглавлявшегося Я. Сайфертом и насчитывавшим около 500 членов, и создание нового официозного Союза во главе с Я. Козаком, в который вошли лишь 115 человек, среди них только несколько выдающихся литераторов старшего поколения (В. Завада, В. Каплицкий, Ф. Кожик)¹⁵. Во всех творческих организациях, как и по всей стране, проводились партийные чистки. Был фактически введен запрет на профессии для деятелей культуры "около 68-го года".

Официальная культура всемерно поддерживалась партией и государством, но ее представители были средне- или

малоталантливыми авторами, использовавшими ситуацию вакуума в "разрешенной" культуре для самоутверждения. Это в первую очередь относится к "новой элите" писателей, в которую вошли функционеры от литературы Я. Козак, Й. Рыбак, И. Скала. Однако среди "официальных" авторов были и высокоталантливые писатели и поэты В. Завада, М. Флориан, Л. Фукс, В. Парал, В. Нефф, И. Марек, чье творчество в этот период под влиянием конформизма переживает упадок. Стилистически литература значительно упрощается, господствует плоская повествовательность, беззубая юмористичность. Характерно, что не было создано ни одного сколько-нибудь значительного произведения, художественно прославлявшего "победу над ревизионизмом" и режим "нормализации". В 80-е годы В. Парал и Л. Фукс — на новом творческом подъеме, связанном с влиянием постмодернизма. "Центр" испытывал невероятные трудности с публикациями текстов, с цензурой, боявшейся не только крамольных намеков и ассоциаций, но и стилистической сложности, возвышавшейся над посредственностью, серостью общего уровня. Некоторые из авторов, принадлежавших к этому течению, публично каялись в былых "грехах" и тем "покупали право" на относительно спокойное творчество. Центральной фигурой чешской литературы стал Б. Грабал, печатавшийся и в самиздате, и официально. Его романы "Я обслуживал английского короля" (1974), "Слишком шумное одиночество" (1973—1976) — вершина чешской прозы второй половины XX в. Они многоплановы: политика, эротика, гротеск, фантастика, лирика, внутренний монолог, байки за пивом, иллюзия и реальность, репрессии и типично чешский юмор смешаны в единый поток, основным стержнем которого служит глубоко скрытая традиция чешского гуманизма, что, как представляется, обеспечило сложной модернистской прозе Б. Грабала успех у широкого читателя, а самого писателя превратило в легендарную фигуру, в знаковый символ хорошего маленького человека, живущего в скверную эпоху, изменить которую он не в состоянии, поэтому вынужден приспособливаться, держа "фигу в кармане" и не теряя любви к жизни, юмора, самоиронии. В 1984 г. Я. Сайферт получил Нобелевскую премию, в связи с этим режим попытался присвоить себе достижения поэта, основываясь на раннем "революционно-поэтическом" этапе его творчества. О. Микулашек в сборнике "Agogh" достигает впечатляющего воздействия: символика цвета, темы эротики, смерти, тщеты

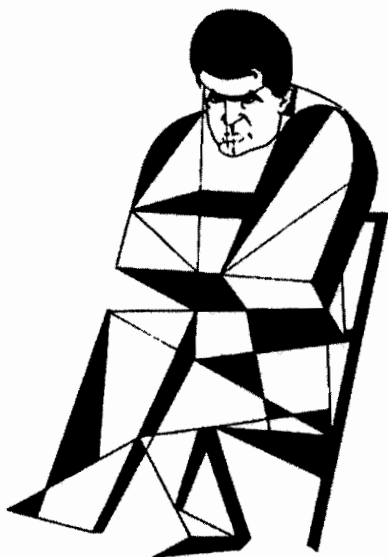
Я. Сайферт. Фото 80-х годов XX в.

вызывают ветхозаветные ассоциации, а критика бездуховности современной цивилизации приобретает личностную интонацию. Более объективна лирика Я. Скацела с мотивами закономерности смерти, ностальгией по детству, магии природы.

Диссидентская литературная деятельность была необычайно активна и продуктивна. Новым культурным феноменом стал самиздат. Довольно широко распространялась машинописная серия "Петлице" ("Щеколда"), основанная Л. Вацуликом. В ней печатался целый круг писателей, поэтов, эссеистов, журналистов, не имевших официального выхода к публике. К 1989 г. "Петлице" насчитывала 410 выпусков¹⁶. В связи с преследованиями после "Хартии – 77" появились новые самиздатовские проекты. К "старым диссидентам" прибавлялись новые, молодые силы. Были установ-

лены постоянные контакты с эмиграцией. В самиздатовской литературе гражданское мужество ценилось выше, чем эстетическая сторона, писатель становился "совестью народа", что было типично для чешской литературной традиции, но уводило литературу в сторону от искусства. Многие произведения носили мемуарный и эссеистический характер. Автобиографизм присутствует в прозе И. Климы, разрастается до своеобразного эксгибиционизма в "Чешском соннике" (1981) Л. Вацулика, шокирующего своей откровенностью и депоэтизацией действительности. Самиздат не был однороден, в нем существовали разные течения от неоконсерватизма до левого радикализма. Появился андеграунд как стиль молодежной культуры.

Центром издательской деятельности эмиграции стал г. Торонто в Канаде, где Й. Шкворецкий в 1971 г. организовал "Sixty-Eight Publishers". Там печатались многие эмигранты и диссиденты, что превратило чешскую "неофициальную" литературу в явление мирового звучания. Однако перед эмигрантской литературой постоянно стояли проблемы читателя и переводов на мировые языки, без чего феномен чешского эмигрантского издательства оставался бы маргинальным явлением. Говорить об эмигрантской литературе как о едином явлении не приходится, слишком сильно в ней индивидуальное начало. Авторы, оставшиеся чешскоязычными, сохраняли свой стиль, сформировавшийся еще на родине. Это характерно для самого Й. Шкворецкого, автора наиболее популярного эмигрантского романа "Танковый полк" и посвященного событиям Пражской весны романа "Чудо". Однако при всех достоинствах эмигрантских авторов и их стремлении стать частью мировой литературы только М. Кундере удалось не только войти в нее, но и превратиться в одного из крупнейших прозаиков конца XX в. Как представляется, он обязан этим своему постмодернистскому дискурсу, вместившему безусловно гуманистический подход к человеку и ироническую отстраненность, демифологизацию истории, культуры и текущей политики, включая чешское диссидентство, и тонкий психологизм, культурные общечеловеческие архетипы и чешский гротесковый юмор, эротическую откровенность и внутреннюю замкнутость, рационализм столь любимого им XVIII столетия и иррациональность человеческих поступков и событий жизни, концентрированную, сжатую форму динамического повествования и культурологические рассуждения, захватывающую нарративность и глубокую проблем-

*М. Кундера. Карикатура
А. Гофмейстера. 1968*

ность. Такая всесторонность и всеохватность без какой-либо претенциозности обеспечила его романам, написанным до или уже в эмиграции, таким как "Вальс на прощание" (1972), "Невыносимая легкость бытия" (1984), "Бессмертие" (1988), мировую славу. Как культуролог М. Кундера ("Нарушенные завещания" и др.) обосновывал концепцию специфики культуры Центральной Европы. После "бархатной революции" М. Кундера попытался занять позицию "наставника" для родины, вставшей на новый путь, но не встретил понимания и отвернулся от Чехии, перешел на французский язык и даже не разрешил печатать на бывшей родине свой последний роман. Здесь, очевидно, сказалось его несогласие с линией В. Гавела, начавшееся еще в 1969 г., и разочарование в современной Чехии, трансформировавшейся из "советской провинции" в "провинцию Запада". Однако политическая позиция М. Кундера не мешает читательской любви к нему и в Чехии, и в России.

Чешская диссидентская драматургия, создававшаяся В. Гавелом и М. Угде в самой стране, П. Когоутом в эмиграции, стала заметным явлением западноевропейского театра. В 70-е годы в ней преобладала абсурдистская и лирико-экзистенциальная поэтика. Пьесы В. Гавела не утрачивали своей социально-политической остроты, неотделимой от исторического контекста того времени. П. Когоут в пьесе о суде над Яном Гусом "Ессе Constancia!" (1989) в притчевой форме показал смертельную опасность борьбы за демократизацию тоталитарных режимов, в результате которой верх берут холодные прагматики.

80-е годы в чешской литературе, как и во всей культуре, прошли под знаком углубляющегося скепсиса, бессилия, одиночества, отчаяния, ощущения незыблемости существующего маразма. Особо остро это чувствовало молодое поко-

ление. Поэтому постмодернизм им был воспринят как стиль, адекватный "неофициальной" культуре. Для "поколения 80-х" (Я. Топол, П. Плацак, З. Брабцова и др.) характерно ощущение страха, угрозы, гипертрофированная чувственность, агрессивность поведения и высказывания, вульгаризмы. Внешний мир представляется враждебным, пустым и мерзким, лирический герой осознает себя изгоем¹⁷. На помощь приходит постмодернистская игра, амбивалентность ценностей, деконструкция смыслов, саморефлексия и самоирония. Категория красоты мира (любовь, пейзаж, чувство), столь свойственная чешскому культурному сознанию, уходит из творчества молодого поколения. У более старшего И. Крадохвила заметно влияние магического реализма.

В театральном искусстве нормализация принесла ликвидацию наиболее ярких сцен 60-х. Многие ведущие театральные режиссеры и некоторые актеры эмигрируют. "Театры малых форм" выпускают внутренне пустые спектакли. Театр уже мало связан с современной драматургией, остающейся в самиздатовских сборниках, но появляющейся на западных сценах. Все же и в это время есть яркие явления. В театр приходит изгнанный из кино Э. Шорм и ставит в театре "На Забрадли" полные горькой иронии, условно-фантастические и гротесковые "Гамлета" и "Братьев Карамазовых". И. Выскочил развивает свой "не-театр" в сторону постмодернизма в иронической реинтерпретации гамлетовской темы в "стиле нормализации", в которой умеренный реформатор Клавдий делает из диссидента Гамлета путем психотерапии "образцового гражданина" ("Гапрданс", 1980). В гротескно-абсурдистском стиле открытой игры, который продолжал господствовать в "малых" театрах, продолжают работать "Ипсилонка", "Гусь на веревочке", "На Divadlo" ("Ганацкий театр"), "Драк" ("Дракон") – непражские театры. Появляются новые интересные режиссерские личности, такие как А. Гольдфлам, И. Раймонт. В театрах такого типа созревает уникальное искусство драматической клоунады Б. Поливки. В самодеятельных театрах в конце 80-х формируется самое молодое поколение режиссеров (П. Лебл, Я.А. Питинский), открыто переходящих к эстетике постмодернизма. Сатирической мистификацией стал "Театр Яры Цимрмана", плод трудов Л. Смоляка и З. Сверака, некий аналог русского Козьмы Пруткова, являвший свету "творчество непризнанного чешского гения" в форме "научных лекций" с последующей сатирической импровизацией. В духе народного юмо-

ра осмеивалась официозная культура и эксплуатация ею чешской национально-возрожденческой традиции. Достижения Национального театра этого периода связаны прежде всего с актерскими работами, балетом и оперной труппой, находившейся в зените. Кроме высокого музыкального уровня ее славе способствовали режиссеры В. Кашлик, Л. Штрос, К. Ернек, сценографы Й. Свобода, В. Нывлт, К. Бубеник. Новое слово в хореографии сказал балетный театр П. Шмока.

В кинематографе, который пострадал от "нормализации" может быть, не менее, чем литература, "новая волна" сошла на нет, сохраняясь лишь частично в фильмах изгнанного, но затем вернувшегося в кино И. Менцеля с их комическо-лирической интонацией и идиллически текущим потоком жизни, и В. Хитиловой с их широким диапазоном тем, сюжетов, интонаций от доброй иронии до злого гротеска. Любовь публики снискал веселый музыкальный, но в меру назидательный фильм "Ночь на Карлштейне" (1973) З. Подскальского с В. Бродским, Я. Брейховой и В. Матушкой. О. Вавра полностью перешел на позиции официоза, сняв исторически лживую помпезную трилогию о Чехословакии во Второй мировой войне. В целом в кинопродукции преобладали поверхностные комедии, не очень тонко стилизованные сказки и псевдобытовые драмы. Однако продолжался расцвет анимации, которая без слов научилась высказывать многое, что нельзя было вербализовать, отточив при этом свою лаконичную форму. Любимцем детей и взрослых стал Крот из авторского сериала З. Милера, чьи рисованные фильмы необыкновенно красивы и без сентиментальности поэтичны. В годы застоя приобретает законченные формы сюрреалистически парадоксальный кинематограф Я. Шванкмайера.

Изобразительное искусство, как и литература, находилось в расщепленном состоянии. "Официальные" художники создавали маловыразительные фигуративные произведения. Художники старшего поколения (Ф. Гросс, Я. Грус, Ц. Боуда, К. Сволинский и др.) завершают свое творчество, новое поколение фигуративистов (Ф. Ироудек, К. Соучек) не поднимается выше среднего уровня. Многие левые, как И. Валента, эмигрировали и слились с мировым авангардным движением. Андеграундная молодежь, оторванная от Запада, подражала уже несколько устаревшим модным течениям. Дух творческих поисков, оригинальность высказыва-

ния утрачивались. Крупнейшим представителем нонконформистского искусства, работавшим в хеппенинге, концептуализме, "актуальном искусстве", затем в мультимедии стал Милан Книжак (род. 1940), поддержанный, как и все андеграундное творчество, авторитетом И. Халуецкого, до конца своей долгой жизни остававшегося крупнейшим общепризнанным теоретиком современного искусства, не устававшим поощрять радикальные тенденции.

В музыке происходит возврат к умеренному классицизму и "полуавангарду", причем сохраняется существовавшее и ранее смешение разных стилей и влияний. В этом плане характерны сочинения И. Пауэра, М. Клусака, И. Фельда, З. Лукаша, И. Ржезача, В. Кучеры, О. Флосмана. Как сильная творческая индивидуальность проявляется Петр Эбен (род. 1929), тяготеющий к крупным жанрам, культуре Средневековья, возрождающий органное музицирование. П. Эбен комбинирует различные стили и техники композиции, его полистилистика и ретроспективизм тем не менее не остаются умозрительными конструкциями, но приобретают личностное звучание.

Музыкальное исполнительство находится на очень высоком уровне. Эмигрировавшие музыканты поддерживают славу чешской музыкальной школы во всем мире. Активно концертируют музыканты среднего поколения: крупнейшие дирижеры В. Нойман и З. Кошлер, скрипач Й. Сук, пианисты Я. Паненка и И. Моравец, клавесинистка З. Ружичкова, виолончелист Й. Хухро, многие камерные ансамбли, упоминавшиеся ранее. Появляются талантливые молодые интерпретаторы: дирижеры И. Белоглаvek, З. Мацал, Л. Пешек, Квартет Панохи, исполнители на духовых инструментах. В Национальном театре выступает целая плеяда выдающихся певцов (Н. Книплова, Г. Таттермушова, Я. Йонашова, В. Соукупова, И. Жидек, И. Индрак, Э. Гакен и др.), не отстает и Опера г. Брно, руководимая Ф. Илеком (певцы Э. Рандова, В. Пршыбыл, Л.М. Водичка). Фестиваль "Пражская весна" по-прежнему остается в ряду крупнейших в мире. Музыкальное исполнительство оставалось самой благополучной и репрезентативной для мира сферой чешской культуры периода нормализации. То же можно сказать и о декоративно-прикладном искусстве, в особенности стекле.

Постсоциалистический период, начавшийся в 90-е годы XX в., характеризуется чертами, типичными для культурного развития всех бывших стран социализма. Была разруше-

на система старых культурных институций, восторжествовал принцип свободы творчества, в широкий культурный оборот поступила масса "задержанной", ранее запрещенной культурной продукции и потребовалось время на ее освоение и осмысление, к руководству сферой культуры пришли бывшие диссиденты, начался резкий наплыв западной массовой культуры. Переоценка эпохи социализма, поиски "нового лица" чешской культуры привели к определенной растерянности в условиях отсутствия сколько-нибудь четких идейных ориентиров. Все это обусловило резкий упадок художественного творчества в первые годы после "бархатной революции", затем к этому добавилось определенное разочарование в результатах происходящих политических изменений у части интеллигенции, воспитанной на идеалах Пражской весны и диссидентского движения. Вместо ожидаемого культурного рывка, обеспеченного наконец-то полученной свободой творчества, наблюдается спад культуротворческой активности старшего поколения, а молодые ищут свое место в новых, по-своему жестких условиях диктата финансовой сферы и потребительского, рыночного подхода к культуре, ее коммерциализации.

Постмодернизм с его скепсисом, отсутствием иерархии ценностей, игровым принципом становится главным направлением во всех видах культуры. Черты упадка, связанного также со сменой поколений, видны даже в сфере музыкально-исполнительского искусства. Сказывается отток творческих сил за рубеж, на заработки. К концу века, однако, появляются симптомы позитивного развития, возникают произведения, привлекающие всеобщее внимание. Сейчас еще рано подводить баланс культуры 90-х годов тем более что ее картина представляется чрезвычайно пестрой, а принцип плюрализма в культуре заставляет воздерживаться от строгих оценок. Поэтому отметим лишь некоторые явления, характерные для этого периода.

Возникли сотни (около 3000!) новых издательств, десятки новых журналов и газет, многие из которых вскоре закрылись. После эйфории "первых лет свободы" стали раздаваться голоса, предупреждающие об опасностях "культуры общества потребления". В этом плане очень важна книга "Ренессанс разума" (1994), написанная И. Крупичкой — эмигрантом, ученым-естественником старшего поколения, который предупреждает: "Свободный рынок ценностей, созданный наподобии свободного рынка товаров, является прямым

путем к упадку общества. Для демократии это будет вопрос жизни и смерти"¹⁸. Торжество масс-культуры ведет к снижению общего культурного уровня, всегда считавшегося в Чехии высоким, утрата культурой функции "идеологического послания" ведет к превращению ее в досуговую форму, к утере общественного предназначения и тем самым к редукции самой культуры и ее творцов, быстро опускающихся на самую низкую ступеньку общественной лестницы", — предупреждает редакционная статья "Литерарних новин" с характерным названием "Возобновление хаоса в чешской литературе", написанная И. Крадохвилем (1992)¹⁹. В условиях изменений функций культуры главным носителем нового подхода к культуре, отрицающего ее общественные функции, становится молодое поколение. Для него Пражская весна 68 г. уже не является сколько-нибудь значимой ценностью, как показало так и не удавшееся общественное мероприятие в Праге 20 августа 2003 г., посвященное 35-летию подавления Пражской весны советскими войсками, а также опрос среди молодежи, проведенный Чешским телевидением в этот день.

Чешская проза 90-х годов увлечена постмодернистской игрой и авторефлексией, приобретающей нарочито шизоидные и шокирующие формы в прозе Я. Топола. М. Урбан играет в архетипы и культурологемы, сознательно создавая своего рода "китч для высоколобых" ("Семерикостель", 1999) и политическую сатиру на современную демократию ("Воспоминания депутата парламента", 2002). В драматургии интересную постмодернистскую игру с пластами культуры, где смешаны Ф. Кафка, А.П. Чехов, Э. Пресли, сказки-страшилки и многое другое, основанную на традиционной теме "маленького человека", затеял Э. Тобиаш в пьесе "Войцев" (1991).

В театральном искусстве возобновляется режиссерская деятельность Я. Гроссмана, О. Крейчи, восстанавливающих стиль 60-х годов, но он теперь не отвечает новому времени. Центральной фигурой становится Петр Лебл (1965 — 1999), возглавивший в 1993 г. "Театр на Забрадли", поражающий своей изобретательностью, глубинным прочтением авторского замысла, иронией символов. Его постмодернизм в чеховских спектаклях обретает иное измерение: игровая природа его театра не затмевает, а выявляет пронзительную боль, которая ранее лишь угадывалась в буйной фантастичности гоголевского "Ревизора" и насмешливом эрудитст-

*Сцена из спектакля "Ревизор" по Н.В. Гоголю. Режиссер П. Лебл.
"Дивагло на Забрагли". 1995*

ве "Войцева" Э. Тобиаша. Наивизм, гротеск, предельная условность, жесткий абсурдизм присущи режиссуре Я.А. Питинского, А. Гольдфлама, стилю "Дейвицкого театра", сочетающему живых актеров и кукол, а также многим другим малым труппам.

В кино продолжает активно работать В. Хитилова. Ее увлекает личность Масарика (документальный фильм "ТГМ — освободитель", 1990), который вновь становится культовой фигурой, идеализируется, но, наконец-то, занимает положенное ему почетное место в истории. В. Хитилова в стиле соц-арта реагирует на социальные реформы, приватизацию, реституцию ("Наследство, или Нубляребятахеллоу", 1992) и, наконец, создает апокалиптический образ нагого, заблудшего, растерянного человечества и его беспринципного в погоне за сенсационностью искусства в фильме "Изгнание из рая" (2001), который подытоживает все творчество великой моралистки и тонкого художника. И. Менцель, в основном ушедший в театральные работы, экранизирует "Чонкина" В. Войновича (1994), акцентировав не швейковское начало, как ожидалось, а маразм, вывернутость, злобную фантазма-

горичность жизни социалистической эпохи. К. Кахиня становится президентом созданной Чешской академии кино и телевидения. Молодое кино развивается в трудных условиях: диктат продюсеров, недостаток финансов, отсутствие зрительской аудитории; в итоге — всего 20 фильмов, снятых за 10 лет. В новом киноискусстве существует несколько направлений: авторский постмодернизм, достигающий потрясающего воздействия в магически-поэтическом, но жестком "Букете" (по К.Я. Эрбену, 2000) Ф. Брабеца и гротескной "Скуке в Брно" (2003) В. Моравека, коммерческая популярная комедия, социальный фильм, затрагивающий актуальные вопросы трудностей жизни, прошлой и настоящей, человеческих взаимоотношений. Именно последнее направление вновь сделало чешское кино мировым явлением, так как в несколько постмодернизированном виде зритель получил понятное, простое, эмоциональное, а, главное, доброе, теплое, сочувствующее кино, где носителем гуманистических ценностей выступает обыкновенный человек. Очевидно, судя по успеху этих фильмов, лишь новое чешское социальное кино сохранило такой подход к человеку. В первую очередь это относится фильму Я. Сверака "Коля" (1996, с участием З. Сверака как сценариста и исполнителя главной роли), получившего "Оскар", что заставило говорить о новом подъеме чешского кино. Однако, в отличие от "новой волны" 60-х, современные чешские фильмы включают элементы сентиментальности, чрезмерного бытовизма, назидательности (ленты Я. Гржебейка, "Дикие пчелы" Б. Сламы, номинированные на "Оскар" в 2001 г., как и в 2002 г. "Темно-голубой мир" Я. Сверака).

В изобразительном искусстве наконец-то в полную меру реализуются все существующие в мире авангардные течения, что позволило молодым чешским художникам войти в мировой художественный контекст, как показала провезенная по Европе в 1999 г. выставка "The Chalupecky Award. Against All. Young Czech Visual Art of the 90's". Однако чешский авангард утратил свою национальную специфику, которая сохраняется у авторов несколько иного склада, таких как мастер авторской деревянной игрушки и концептуалистических инсталляций М. Трейтнар. Возрождаются традиции народного ремесла, искусства (пардубицкие пряники, деревянные игрушки), стремящиеся уйти от сувенирности и стандартизованности в сферу аутентичного ручного производства, связанную с эстетикой народной культуры.

*Афиша выставки "Петр Лебл: Я не художник". Дизайн Э. Тобиаша.
Санкт-Петербург—Москва, 2004*

Музыкальное творчество 90-х не выявило новых композиторских талантов. Вершин своего творческого пути достиг П. Эрбен, чья оратория "Пророк Иеремия" (2000), написанная по заказу фестиваля "Пражская весна" к празднованию рубежа тысячелетий, прозвучала как суровое предупреждение современному бездуховному человечеству. Композитор использует в музыке разные стилистические приемы, создавая монументальную композицию сильного эмоционального воздействия.

К рубежу XX—XXI вв. чешская культура полностью включилась в общемировую культуру западного типа. Перед ней теперь стоит проблема растворения, ассимиляции в глобализированной культуре или сохранения своего лица при включенности в мировые процессы. Надежду на последнее внушает глубинная традиционность чешской культуры, сохранявшаяся на всем протяжении ее развития, если понимать под этим существование констант, которые могут приобретать самый современный вид, но сохранять ментальность нации.

Словацкая культура 1945–2000 гг.

Словацкая культура после восстановления единого чехословацкого государства в мае 1945 г. вновь стала развиваться в тесном союзе с чешской культурой. В Корпусе уполномоченных пост по делам образования, фактически по всей культуре, занял поэт Л. Новомеский, чей авторитет резко возрос в годы войны. Он наметил общие принципы развития послевоенной культуры Словакии, которая должна была иметь национальный характер и стремиться к социалистическому содержанию. В августе 1945 г. прошел I Съезд словацких деятелей науки и искусства, призванный консолидировать силы словацкой культуры и на основе революционной идеологии преодолеть наследие Словацкой Республики 1939 г., объявленное фашистским и националистическим. В докладе Л. Новомеского в то же время подчеркивалось, что словацкая культура как целое противилась профашистскому режиму, поэтому в ее развитии не произошло катастрофического разрыва и скомпрометировавшие себя деятели культуры могут влиться в процесс созидания²⁰. Был создан Совет по науке и культуре, печатным органом которого стал еженедельник "Культурны живот" (1946 – 1968). Краткий период с лета 1945 по февраль 1948 г. отличался плюрализмом в культурной сфере, борьбой мнений, активностью многочисленных периодических изданий. Поворот к сталинизму, в том числе в культуре, начался после "победного февраля". Заседание творческих деятелей Словакии 8 апреля 1948 г. поддержало пражский переворот и одобрило курс на создание социалистической культуры, видя в ней воплощение лучших черт демократии. Поддержка была искренней, объединившей разных деятелей культуры, пути которых затем разойдутся. Так, Д. Татарка станет крупнейшим писателем-диссидентом, а П. Карваш — главным пропагандистом социалистического реализма, чтобы затем превратиться в драматурга-абсурдиста. Общие иллюзии выразил "Манифест социалистического гуманизма" — "политически обязывающая и в то же время эстетически открытая декларация"²¹.

После войны публикуются антифашистские сочинения, созданные в военный период, вновь издаются произведения национального классика Я. Есенского. В поэзии первых послевоенных лет тон задают надреалисты (Я. Фабры, Ш. Жары, П. Бунчак и др.), решительно обновлявшие национальную поэзию, расширявшие границы ее выразительных

Л. Новомеский. 60-е годы XX в.

средств. Рудольф Фабры (1915 – 1982), зачинатель словацкого сюрреализма, оказался и его завершителем (книга "Я некто другой", 1946), так как в социалистической культуре трагизм и отчаяние не могли иметь место. Параллельно с ним развивалось и набирало силу то направление поэзии, которое станет центральным, эстетически общезначимым, создавшим славу словацкой поэзии, которое можно охарактеризовать как субъективированный лиризм, для которого характерно внимание и к миру, и к человеческой душе, достижение рафинированной формы и доверительная простота интонаций, сложная образность, создаваемая из арсенала

простых вещей и явлений, что интеллектуализировало лирику, не отчуждая ее от читателя. Такова поэзия Яна Костры (1910 – 1975) с ее скорбными интонациями, Павола Горова (1914 – 1972) с ее военными мотивами, простым, будничным героизмом и прорывом к свету, Андрея Плавки (1907 – 1982) с ее традиционными "збойничьими" мотивами. В прозе еще продолжается инерция лиризованного стиля, утвердившегося в творчестве писателей, начинавших еще до войны (М. Фигули, Ф. Швантнер, Й. Горак). Формируется творчество прозаиков молодого поколения, дистанцирующихся от лиризованной прозы. Доминик Татарка (1913 – 1989) гротескно изображает действительность времен Словацкой Республики, подчеркивая значимость индивидуального выбора. Владимир Минач (1922 – 1996) пропускает опыт Словацкого Национального восстания, ставшего темой многих произведений широкого круга авторов, через индивидуализированное сознание героев.

IX съезд КПС в 1950 г. обвинил в "буржуазном национализме" целый ряд ведущих словацких коммунистических деятелей, которые были затем репрессированы, в их числе Л. Новомеский. По словацкой литературе и критике был нанесен сильнейший удар. Поэтому литература 50-х годов развивалась по жестким схемам сталинского понимания социализма, что обусловило ее глубокий упадок как вида художественного творчества. Многие прозаики и поэты, даже надреалисты, в срочном порядке перестраиваются. Образцовой объявляется типично официозно-пропагандистская поэзия М. Лайчака, в 1952 г. возглавившего Словацкую секцию Союза писателей Чехословакии. В прозе тему очищения идей социализма от деформаций, что уже содержало в себе кривоизогнутую, развивает убежденный коммунист В. Минач – выдающийся прозаик, в котором трезво-ироническая наблюдательность боролась с идеологизированным схематизмом мышления, что придавало драматическое напряжение его реалистическим романам и рассказам. Крупнейшим романистом стал Франтишек Гечко (1905 – 1960), создатель эпопеи "Красное вино" (1948) – панорамы деревенской жизни, гимна силам природы, вобравшей в себя социально-политические темы. Реализм писателя народен, оптимистичен, поэтичен, сдобрен юмором.

Поворот в культуре от сталинизма к "оттепели" в Словакии обозначил сатирический памфлет Д. Татарки "Демон согласия" (1956). Настоящая либерализация началась с

1963 г., когда первым секретарем ЦК КПС стал А. Дубчек. В культурную жизнь включились выпущенные из тюрьмы Л. Новомеский и Г. Гусак, опубликовавший в 1964 г. мемуары-исследование "Свидетельство о Словацком Национальном восстании", создавшее после прихода Г. Гусака к высшей власти в 1969 г. новый "канон" интерпретации одного из ключевых событий словацкой истории. Сама книга полна живых наблюдений, субъективных оценок, ценного фактологического материала. Л. Новомеский на III Съезде чехословацких писателей в 1963 г. доказывал необходимость свободы художественного творчества, полезность опыта левого искусства 20-х годов. Новые задачи, стоящие перед словацкой культурой — развитие демократизма, стилистическая открытость, ориентация на мировую культуру современности, углубленный анализ бытия, были сформулированы в статьях Милана Гамады (род. 1933), ставшего главным выразителем стремлений молодого поколения деятелей словацкой культуры, не принимавших ангажированности и поверхностного или схематического реализма словацкой литературы.

Событием конца 50-х годов стала книга стихов Милана Руфуса (род. 1928) "Когда созреем" (1956), сразу поставившая молодого поэта в первый ряд словацких лириков. М. Руфус — поэт большой цельности, совести, душевного напряжения, скорбь и печаль у него лаконичны и суггестивны, форма и образный строй стиха являют идеал углубленной сложности, достигаемой простыми в сущности средствами, что придает его лирическому герою облик народного мыслителя*. В 60-е годы обретает второе дыхание поэзия более старших поэтов П. Горова, А. Плавки, Я. Костры, углубленно-лирическая, в чем-то исповедальная, отличающаяся изысканной простотой. Печатаются ранее обреченные на молчание Я. Смрек, Э.Б. Лукач, В. Беняк. Реабилитируется надреализм, что вызвало активизацию еще живых его представителей, с радостью возвратившихся к своей ранней сюрреалистической манере, оказавшейся весьма созвучной творческим исканиям 60-х (Р. Фабры, П. Бунчак, Ш. Жары). От лозунгово-политической примитивности к тяжкому познанию противоречивости и сложности мира и человека

* В 2003 г. М. Руфус получил награду московской государственной Академии славянской культуры за вклад в развитие славянских культур и сохранение высокого духовного уровня культуротворчества.

приходит еще один выдающийся поэт — Войтех Мигалик (род. 1926). Мирослав Валек (1927—1991) в эссе "Пути поэзии" (1958) обозначил несколько иное направление: универсальное обновление содержания и формы поэзии за счет "языка улицы", "неожиданной и раскованной", даже "невыразительной" метафоры, но "внятной идеи", превращающей "стихотворение как целое в единицу смысла"²². М. Валек как редактор журнала "Млада творба" (1956—1970) содействовал появлению в печати "трнавской группы" молодых поэтов (Я. Стахо, Я. Ондруш, Л. Фелдек, Й. Мигалкович), называемых также конкретистами и сенсуалистами. Они считали поэта "медиумом действительности", а продукт его творчества — стихотворение, созданное на основе полного раскрепощения и очищения метафоры, — потоком поэтических образов, прямо, без посредства идей, берущихся из реальности и воздействующих на эмоциональный, чувственный мир читателя²³.

Раскрепощение прозы от догматизма обозначило творчество Альфонса Беднара (1914—1989). Его рассказы насыщены психологизмом, насмешкой, иронией, гротеском. Он настороженно относится к современному человеку. В монументальной дилогии "Пашня" (1964—1972) А. Беднар стремится дать анализ жизни словацкой деревни на протяжении целого века, свободный от какой-либо схематизации, объективно-правдивый, облеченный в форму современной саги. Творческому методу Рудольфа Яшика (1919—1960) присуще сочетание эпики и лирики, общечеловеческого и конкретно-исторического, реализма и романтизма. Д. Татарка в 60-е годы в повестях и рассказах мучительно пересматривает былые идеалы, остро критикует социалистическую действительность, коверкающую человеческие характеры и судьбы. В творчестве плодовитого В. Минача нашли отражение искания и сомнения эпохи, расставание с былыми идеалами и невозможность их кардинально пересмотреть (трилогия "Поколение", 1958—1961, сатира "Производитель счастья", 1964 и др.), что присуще большинству словацких писателей коммунистической ориентации в 60-е годы. Дальше всех из них, кроме радикально порвавшего с коммунизмом Д. Татарки, пошел Ладислав Мнячко (1919—1994), чей роман "Смерть зовется Энгельхен" (1959) получил международное признание. В ставшей общественной сенсацией книге "Запоздалые репортажи" (1963), Л. Мнячко прямо обличал преступле-

ния социализма против личности, которая, даже находясь у власти, и может быть именно поэтому, резко деградирует, как показано в романе "Вкус власти" (1968).

Среднее поколение заняло сильные позиции в словацкой литературе начала 60-х. Такая ситуация не дала в полной мере развернуться молодому поколению, вступившему в литературу в середине десятилетия (А. Гикиш, Я. Йоганидес, Й. Кот, А. Худоба). "Вторая волна" этого поколения имела более счастливую судьбу. Чрезвычайно пестрым представляется творчество плодовитого Петера Яроша (род. 1940), как бы стремящегося попробовать свои силы в совершенно разных стилях и жанрах, что наталкивает на мысль о полистилистической природе его творчества, полностью отвечающей общей тенденции культуры конца 60-х — 70-х годов. Винцент Шикула (1936 — 2001), напротив, целен, его произведения образуют как бы бесконечный рассказ об одном и том же, его интонация обыденна и одновременно лирична, ценностям эпохи он явно предпочитает вечные ценности. Сложность жизненных проблем гнетет героев-неудачников романов Рудольфа Слободы (1938 — 2000). В драматургии лидирует Петер Карваш (1920 — 1999), остро ставящий проблемы морали и деформации человеческого сознания в атмосфере общественного абсурда.

Веяния, подготавливавшие "Пражскую весну" 1968 г., лишь в малой степени затронули словацкое общество (книги Д. Татарки и Л. Мнячко), не стремившееся к радикальному преобразению социализма. Поэтому группа словацких писателей (В. Минач, В. Мигалик, Я. Костра, М. Валек и др.) не поддержала чешских коллег на писательском съезде 1967 г., а из рядов словацких деятелей потом вышли жесткие "нормализаторы" Г. Гусак, В. Биляк, М. Валек. Характерна эволюция М. Валека, ставшего в 70-е годы министром культуры Словакии, членом Президиума ЦК КПС, и в своем поэтическом творчестве частично повернувшего к пустой риторике. В. Минач переходит к публицистике, защищая "дело социализма" и автохтонность словаков, их укорененность в родной земле. Однако репрессии, которым подверглась словацкая культура и ее деятели в начале "нормализации" нельзя считать умеренными. Закрываются многие журналы. Эмигрирует Л. Мнячко. Д. Татарка единственным из словацких литераторов подписывает "Хартию — 77" и публикует на Западе произведения, полные трагического сарказма и евангельской надежды.

Литература времен "нормализации", когда быстро улетучились надежды словаков на сохранение Г. Гусаком реформистского направления в политике партии, переживает общий упадок, однако менее явный, чем официальная чешская литература. В панораме "нормализованной" культуры эмигрантская и диссидентская литература представлена минимально. Один Д. Татарка оттеняет общую тенденцию. Зато словацкая литература в ее "разрешенном" варианте более, чем чешская, предпочитает легальную "внутреннюю эмиграцию", что обеспечивает плавную эволюцию литературного процесса и появление некоторых художественно значительных произведений в открытой печати.

Из нового, созданного в 1969 г. Союза словацких писателей, исключают многих видных литераторов, которые потом все же возвращаются в большую литературу. II съезд Союза в 1972 г. поддерживает "разгром реваншизма", проводимый Г. Гусаком, объявляется возврат к марксизму и соцреализму. Однако в том же 1972 г. сразу выходят поэтические сборники П. Горова, А. Плавки, М. Руфуса, затем Р. Фабры, Ш. Жары, В. Мигалика и других поэтов, что доказывает "живучесть" словацкой поэзии даже в трудных условиях, причем лишь некоторым стихотворениям можно приписывать солидаризацию с режимом. Сам метод соцреализма теперь рассматривается расширительно, творчески, учитывая опыт "давистов" 20-х годов и современной советской литературы. В 80-е годы начинается оживление в литературе, все более ощущающей неудовлетворенность "реальным социализмом" и нерешенностью "словацкого вопроса", что показала работа V съезда Союза словацких писателей (1987) и дискуссия о современной словацкой литературе (1989).

Из поэтов "трнавской группы" выделяется Л. Фелдек своими экспериментаторскими рационализированными построениями, основанными на метафоризированных образах его безудержной фантазии. В 1989 г. он стал активистом движения "Общественность против насилия" и в стихотворении с красноречивым названием "Революция детей" воспел "бархатную революцию" как долгожданное обретение свободы. Поэзия Л. Вадкерти-Гаворниковой, Ш. Стражая, Я. Шимоновича, М. Ковачика ищет ценности в реальной, будничной жизни, она самоаналитична, тяготеет к сюжетности. Молодая поэзия (Й. Урбан, И. Коленич) 80-х агрессивна в неприятии существующей реальности, равнодушна к иде-

ологическим нормам, сосредоточена на одиночестве авторского "я".

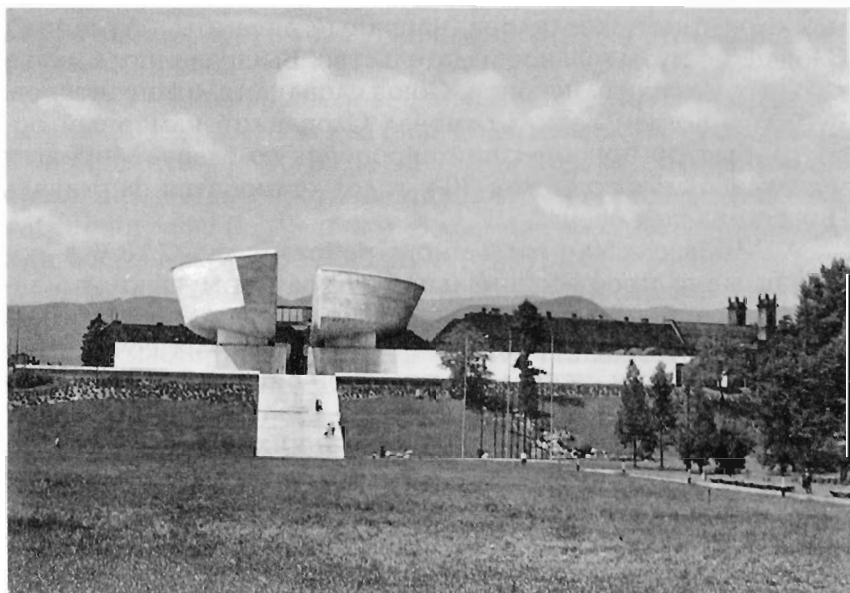
Проза, в отличие от поэзии, долго не могла набрать высоту. На первый план выходят мемуарно-биографические сочинения (А. Плавка, Я. Смерек, М. Урбан). Эссеистика В. Минача обращена к непростой истории словаков в XIX в., писатель как бы дополняет историка, давая личностное измерение деятельности важнейших фигур национальной истории. Эпический размах приобретает творчество В. Шикеры в трилогии "Мастера" (1976 – 1979) и в малой прозе. В. Шикера – прежде всего великолепный рассказчик, пользующийся многими приемами для создания прозаического эквивалента "поток жизни", разнообразному, многосоставному, но естественному и органичному. Сложная структура трилогии, центрального произведения словацкой литературы 70-х, принесшего автору широкую известность и за пределами Словакии, соответствует ее глубокой, как бы подспудной "философии жизни". Другой доминантой стал роман Петра Яроша (род. 1940) "Тысячелетняя пчела" (1979) – синтез личной памяти и национально-коллективного опыта, облеченный в модернизированную форму семейной саги, прославляющей "органический труд" словацкого крестьянства – этой вечной, как трудовая пчела, основы нации. К романному циклу более реалистического плана склоняется Ладислав Баллек (род. 1941). Удачным было обращение к истории Я. Йоганидеса, давшего иной, игровой вариант национально-исторической самоидентификации. Р. Слобода калейдоскопичен, его интересует постоянное изменение, динамика внутренней жизни человека, поэтому он саморефлективен ("Опыт автопортрета", 1989). Критический анализ действительности, моральной деградации личности становится характерен для прозы второй половины 80-х годов. Интеллектуальный гротеск, демифологизацию, издевку над ложными ценностями, раздвоенность сознания принес в эту тему Павел Виликовский (род. 1941). Из довольно обширной драматургии следует выделить психологические пьесы О. Заградника "Соло для часов с боем" (1972) и "Мелодия для павлина" (1977), которые благодаря ироничному, порой насмешливому, но в основе очень доброму взгляду на человека получили широкое признание, в том числе и в СССР (нашумевшие постановки в Москве и Ленинграде)²⁴.

В послевоенной словацкой живописи ведущие позиции сохраняет фольклорно-жизнерадостное, ярко современное

по форме творчество Л. Фуллы, ставшего главным репрезентантом словацкой аутентичности. Я. Желибский переходит к технике пастели и темам СНВ и жизни простых людей. Как педагог он воспитал целое поколение словацких художников. В 50-е годы живопись М. Базовского достигает особой монументальности и красочности как в пейзажах, так и в тематических картинах. Я. Мудрох в эти годы приходит к глубоко индивидуальному, лирическому, поэтическому реализму, используя сдержанную палитру темных цветов в натюрмортах и женских фигурах. Общественно-политическая тематика, ангажированность, сначала искренняя, потом казенная, характерна для основанных в послевоенные годы "Группы художников 29 августа" и Союза словацких художников, активнейшим членом которых был Штефан Беднар (1909–1976) — художник четко выраженной социальной позиции, один из ведущих мастеров соцреализма. Винцент Гложник (1919–1997) стал одним из крупнейших словацких живописцев и графиков, иллюстраторов книги. Его своеобразный экспрессивно-монументальный стиль в живописи оборачивается в графике склонностью к кубизму и сюрреализму. В. Гложник проиллюстрировал свыше 300 книг, создал большие графические циклы, в том числе на темы СНВ и Библии. Одной из вершин его творчества стали мозаики и витражи в костелах Словакии. Кубизирующим экспрессионизмом отмечена послевоенная живопись Петера Матейки (1913–1972), перешедшего затем к более яркой и радостной манере широкой моделировки с четко очерченным контуром. Он активно участвовал в художественной жизни, был одним из основателей многих значительных культурных институтов — Словацкой Национальной галереи, Высшей школы изобразительных искусств, Союза художников, способствовал становлению словацкой школы гобеленов и монументально-декоративной живописи. Не менее разносторонне творчество Микулаша Климчака, избравшего главной темой своих монументальных, живописных, графических, текстильных работ кирилло-мефодиевскую традицию в Словакии. В условиях социализма она приобрела для словаков патриотическое звучание, одновременно способствуя сохранению сознания славянского единства на христианской, а не на "соцлагерной", основе. Левые позиции занимает созданная в Жилине в 1957 г. "Группа имени М. Галанды". В 60–70-е годы усиливается авангардный дискурс словацкого искусства, выраженный в манифесте "Белое пространст-

во в белом пространстве" С. Филко, М. Лаки и Я. Заварско-го²⁵. Крупнейшим книжным иллюстратором стал А. Бруновский. В скульптуре классических традиций придерживаются такие ваятели, как Й. Костка, Р. Прибиш, Я. Кулих. В 80-е годы давление официальной идеологии значительно ослабевает, словацкое искусство все более приближается к течениям современного модернизма. Можно выделить геометрическо-абстрактную живопись и кинетические объекты Алойза Климо (1922–2000) и авангардистские инсталляции на историко-патриотическую тематику, преимущественно великоморавскую, а также ассамбляжи из старых вещей Стано Филко (род. 1937). Ведущими стилями становятся информель, абстракционизм, неозэкспрессионизм, особенно проявившийся в живописи Л. Терена и И. Чудая. В конце века неоавангардизм занял в словацком искусстве ведущие позиции. Тем самым художники нового поколения подтвердили одну из специфических черт новой словацкой культуры: связь национально аутентичной тематики и образности с современной, современной формой воплощения. В архитектуре главным событием стал монумент и Музей СНВ в Банской Быстрице (1969, архитектор Д. Кузма) – смело решенное в духе динамического конструктивизма двухобъемное здание-тарелка, великолепно вписанное в урбанистическое пространство на окраине старинного города и оснащенное новейшей музейной техникой. Оригинальное решение в форме пирамиды имеет здание Словацкого радио (1984), доминантой дунайского пейзажа стал Новый мост (1973). В конце века появляются первые словацкие небоскребы в стиле хай-тек (Всеобщий ссудный банк, архитектор Я. Багна, Национальный банк, архитекторы М. Кусый и П. Паняк), долженствующие выразить новые ориентиры независимой Словакии.

Во второй половине XX в. продолжается интенсивное развитие словацкого народного искусства, которое, основываясь на глубокой традиционности, впитывает импульсы, идущие от профессионального искусства, что приводит к возникновению "промежуточного" вида творчества между фольклором и профессионализмом. В этом ключе модифицируется живопись на стекле, вышивка и ткачество, деревянная пластика, керамика. Высокой художественностью, тонкой и ироничной наблюдательностью отмечены фаянсовая мелкая фигуративная пластика Игнаца Бизмайера – крупнейшего представителя школы габанской керамики,

*Банска Быстрица. Музей Словацкого Национального восстания.
Архитектор Д. Кузма. 1969*

которая продолжает успешно существовать в Модре и фаянсовая посуда которой становится, пожалуй, главным словацким сувениром. Уникальное явление в наивной живописи — Ковачицкая школа, созданная словаками-эмигрантами в Воеводине (бывш. Югославия) и объединяющая крестьян-пахарей, на досуге занимающихся искусством. Ее ведущий мастер Мартин Йонаш в 60—80-е годы получил мировое признание. Свое слово в народной деревянной скульптуре сказали Ш. Коркош, Ш. Сивань, О. Склелка, М. Чупец и др.

Одним из значительнейших видов словацкой культуры по своим художественным результатам стала музыка. Начало этому положила премьера оперы Э. Сухоня "Крутнява" (1949), ставшей на короткое время одной из самых репертуарных послевоенных опер в Европе²⁶. После 1948 г. в музыкальной жизни Словакии возникли институции, значительно содействовавшие прогрессу музыкальной сферы: симфонический оркестр Словацкой филармонии, быстрому профессиональному росту которого в большой мере способствовал великий чешский дирижер В. Талих, Словацкий народный художественный коллектив (СЛЮК), целью которого была популяризация в профессионализированных фор-

мах словацкого фольклора, народный ансамбль "Лучница", Словацкое музыкальное издательство, Высшая школа музыкальных искусств, наконец, Союз словацких композиторов. В 1960 г. Богдан Вархал основал Словацкий камерный оркестр, быстро приобретший европейскую славу. Мировым музыкальным форумом с 70-х годов становится фестиваль "Братиславская осень".

А. Мойзес в 50-е годы много работает для СЛЮКа, создавая жанр профессиональной народной музыки, но затем возвращается к академическим жанрам и в 70-е годы создает ряд своих вершинных симфонических сочинений на темы истории, используя стилевой синтез фольклорной и современной музыки. Я. Циккер стал наставником нескольких поколений молодых словацких музыкантов. Он прежде всего оперный композитор, создавший, наряду с Э. Сухонем, европейскую славу словацкой опере. Уже его первая опера на сюжет о народном герое-разбойнике "Юро Яношик" (1953) вошла в фонд национальной классики. Циккер предпочитал сам писать либретто своих опер на основе классических произведений мировой литературы, в том числе русской ("Воскресение" по Л. Толстому, 1960) и венгерской ("Осада Быстрицы" по К. Миксату, 1983). Напряженно экспрессивная музыкальная речь Я. Циккера выражала веру в человека и лучшие стороны его души. Э. Сухонь продолжил свое оперное творчество исторической фреской "Святоплук" (1960), довольно схематичной и консервативной по музыкальному языку. От оптимизма 50-х композитор приходит к трагически-экзистенциальному пониманию жизни человека, ведущему к этическому пафосу и катарсису, достигаемому самыми современными музыкальными техниками, включая додекафонию, что проявилось в его симфонических, концертных, камерных сочинениях 60 – 70-х годов, отмеченных также драматической балладичностью и экспрессивной лирикой (Симфоническая фантазия на тему ВАСН, 1971 и др.). Среди композиторов более молодого поколения привлекли внимание Д. Кардош, О. Ференци, Л. Бурлас.

На более высокий уровень поднимается музыкально-исполнительское искусство, давшее замечательного дирижера Л. Райтера, органиста Ф. Клинду и целую плеяду выдающихся певцов, выступавших в ведущих театрах и снискавших в 60 – 80-е годы мировую славу словацкой вокальной школе: Луцию Попп, Эдиту Груберову, Габриэлу Бенячкову, Магда-

лену Гайошиову, Петера Дворского, Ондreja Малаховского, Сергея Копчака.

С 80-х годов опера Словацкого Национального театра переживает подъем, что связано с деятельностью режиссера Б. Кришки и сценографа Л. Выходила, затем авангардно ориентированных постановщиков Й. Беднарника и М. Бендика, сценографа Б. Кудлички. В драматическом театре Словакии после войны происходят структурные изменения: осуществляется национализация, основываются новые театры, в том числе в провинциальных центрах, растет профессиональное мастерство коллективов, что стало основой появления очень обширного нового репертуара словацких пьес. В 60-е годы новые театральные тенденции, созвучные исканиям чешских малых сцен, ярко проявились в братиславском "Театре на площади", руководимом В. Стрниско. Популярность снискали постановки братиславского театра им. П.О. Гвездослава. Из актеров, утвердивших и развивавших профессионализм на словацкой сцене, необходимо назвать А. Багара и Й. Бородача.

Словацкий кинематограф, начало которому как школе положили фильмы П. Биелика и В. Багны, нашел своего яркого, очень оригинального представителя — Юрая Якубиско (род. 1938). Его четко выраженный авторский, поэтически-метафорический стиль, не лишенный юмора и антуражной красоты, нашел путь не только к элите и критикам, но и к широкому зрителю, получил международное признание, что ввело словацкую культуру, — а фильмы Ю. Якубиско подчеркнута национальны, рафинированно фольклорны, — в мир мирового кино. В лентах 60-х годов он обретает свой глубоко индивидуальный стиль. Экранизация-фреска "Тысячелетняя пчела" (по П. Ярошу, 1983) средствами магического реализма, подчеркнута визуально повествует о словацком менталитете и общечеловеческих ценностях. Расчет с социалистическим прошлым в манере соц-артовского гротеска, помноженного на народный юмор и авторскую неистощимую фантазию, осуществлен в фильме "Сижу на суку и мне хорошо" (1989). В 1999 г. Ю. Якубиско поставил на сцене СНТ знаковую для словацкой культуры оперу Э. Сухоня "Крутнява". Как кинодокументалист начинал еще в 30-е годы Карол Плицка (1894 — 1987), основатель киношкол в Праге и Братиславе, крупный фольклорист, ставший после войны одним из известнейших мастеров реалистической художественной фотографии в Чехословакии. Словацкая анимация вста-

ла в уровень с мировой в ярко образном, гротесковом решении исконно словацкой темы в фильме В. Кубала "Разбойник Юрко" (1976).

Матица Словацкая в социалистический период получает в г. Мартин целый комплекс новых зданий, при ней в Братиславе организуется Словацкий дом народного художественного творчества. Матица превращается в главный научно-гуманитарный центр и хотя испытывает давление со стороны социалистической идеологии и руководства КПС, остается главным хранителем традиции словацкого аутентизма. Великолепные Этнографический и Литературный музеи в г. Мартин акцентируют значение двух наиболее развитых у словаков сфер культуры.

Культура независимой Словацкой Республики в 90-е годы XX в. переживает тот же комплекс проблем, что и все новые государства постсоциалистической Европы. Идет интенсивный процесс не только переоценки и ломки старого, но и утверждения национальной культуры как государственной. Отсюда проистекают некоторые крайности, связанные с дистанцированием от чешской культуры. В культурном имидже страны превалируют культурно-исторические памятники прошлых эпох и "идиллия" маленькой аграрной страны с прекрасными старинными городками. Актуальная культура Словакии в этом имидже почти не представлена. Это во многом связано с положением культуры в современной Словакии: она в 90-е годы еще переживает период становления в новом статусе, ознаменованный столкновением двух тенденций — решительной вестернизации, связанной с вхождением в евроструктуры, и верности словацким аутентичным ценностям. Всплеск активности переживает старшее поколение писателей и поэтов. М. Руфус в сборнике "Вчитываясь в судьбу" (1996) продолжает утверждать высокие идеалы служения гармонии, универсальности. В. Шикунда печатает новую трилогию, стремясь к всеохватности течения жизни. В. Минач в политической эссеистике последних лет жизни ("Откуда и куда, словаки?", 1993, "Интервью", 1994) критически размышляет о наступивших переменах и вызванных этим проблемах, заботясь о судьбе своего народа. Смерть писателя в 1996 г. была воспринята как уход целого поколения, которое создало словацкую культуру второй половины XX в.²⁷

Десятилетие посткоммунистического и государственно самостоятельного существования Чехии и Словакии — слишком небольшой срок для культуры, чтобы подводить итоги. Однако некоторые наблюдения можно сделать. Полнейшему, даже тотальному пересмотру подверглись все культурные ценности, созданные за весь период чешской и словацкой истории. В историческом культурном наследии чехов высшими ценностями стали эпоха Карла IV, Я.А. Коменский, искусство барокко и модернизма как высший синтез чешскости и европейскости на путях магистрального направления европейской культуры. Ревизии подвергаются ранее незыблемые, как бы их не интерпретировали, ценности — гусизм и Национальное возрождение, в которых теперь видят отклонение от общеевропейского развития, национализм и изоляционизм, отщепивший чехов и словаков от макрокультуры макрогосударства (Германской и, соответственно, Австрийской империй). Критике и обвинениям в консерватизме, в сопротивлении европейской интеграции подвергаются такие традиционные культурно-патриотические институты, как Матица Словацкая. Славянская идея в различных ее интерпретациях полностью отвергается чехами как чисто политическая спекуляция прошлого, даже свои этнические корни чехи начинают искать в кельтском мире. Наоборот, словаки акцентируют то, что они со времен Великой Моравии были центром славянского мира, который, в свою очередь, благодаря деятельности Кирилла и Мефодия — святых, почитаемых во всем христианском мире, являлся неотъемлемой частью европейского культурного пространства. Если у чехов уже нет опасности германизации в единой Европе и поэтому вновь остро встает "немецкий вопрос в Чехии" применительно и к культурному наследию богемских немцев, и к их изгнанию после войны, и к бикультуральности многих феноменов культуры Чехии в прошлом, то словаки всерьез опасаются повторной мадьяризации в "Европе без границ". Ситуация усугубляется тем, что литература на словацком языке уже не выходит на общее чехо-словацкое пространство и через него, точнее — через литературные круги Праги, на пространство европейское, оставаясь сугубо локальной.

Ревизия культурных ценностей более всего коснулась XX века. Была открыта и обоснована ценность культуры

первой половины XX в., ее феномены стали публичным достоянием (выставки, концерты, книжные издания) и предметом тщательного, глубокого и большого по объему исследования соответствующих гуманитарных дисциплин. Именно культурная жизнь этого периода стала центром внимания современного общества, которое открывает в ней огромное количество недооцененных в то время и впоследствии имен, произведений и явлений. Она по праву предстает как эпоха высшего расцвета чешской и словацкой национальных культур. Одновременно негативной оценке подвергается культурное развитие социалистического общества. Здесь существует два подхода. Тотальное отрицание всего созданного при социализме как "лжекультуры" и дифференцированный подход к явлениям недавнего прошлого. Его ценностным центром становится диссидентское и эмигрантское творчество, тем более что многие современные функционеры и деятели культуры вышли из этой среды. "Бархатная" волна вместе с "культурным хламом" тоталитаризма смела многие полезные духовные институты, которые, при наполнении новым содержанием, смогли бы эффективно функционировать на благо культуры. Реституция обострила проблему сохранения эстетическо-моральных ценностей, а нехватка времени и финансов у населения значительно сократила культурный досуг, отдав "на откуп" интуристам музеи, архитектурные памятники, концерты. Прага и в меньшей мере Братислава испытали в начале 90-х годов бум интуризма, что изменило инфраструктуру культуры и привело к профанации знакомства с культурным наследием.

В своем обзоре мы детерминированы обстоятельствами "переходного периода", не позволяющими представить сколько-нибудь целостную картину развития культуры последнего полувека. Поэтому мы ограничились очерковым анализом общих тенденций и наиболее ценностных (эстетически, а не исторически) явлений культуры чехов и словаков.

¹ История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. М., 1995. Т. 1: 1945 – 1960 гг. С. 181.

² *Holý J. Léta čtyřicátá a padesátá // J. Lehar, A. Stich, J. Janáčková, J. Holý. Česká literatura od počátku k dnešku. Praha, 2002. S. 735.*

³ Цит. по: *Ibid.* S. 755.

⁴ Подробнее см.: *Шерлаимова С.А. Литература Пражской весны: до и после. М., 2002.*

⁵ См. материалы семинара по чешско-еврейской культуре, организованного Посольством ЧР в Москве в 2001 г.

⁶ Об истории этого театра см.: *Солнцева Л.П.* Театр в духовной жизни чехов и словаков. М., 1995. С. 225 – 241.

⁷ *Marek J.* Česka moderní kultura. Praha, 1998. S. 29.

⁸ О них см. статьи Г. Компаниченко в изд.: Кино Европы. Режиссерская энциклопедия. М., 2002.

⁹ *Szech Modern Art. 1900 – 1960.* Praha, 1995. P. 308 – 310.

¹⁰ *Tetiva V.* Skutečnost a iluze (Druhá polovina 60. let v českém umění) // "Zaznám nejrozmanitějších faktorů...". České malířství 2. poloviny 20. století ze sbírek státních galerií. Praha, 1993. S. 55.

¹¹ *Le verre moderne de Bohême.* Praha, 1963.

¹² Очерк основных направлений чешской музыки см.: *Егорова В.* Чешская музыка 1950 – 1970-х годов и традиции национального искусства // Чешское искусство и литература. XX век. СПб., 2003. С. 291 – 340. В чешском музыковедении подробного анализа музыки второй половины XX в. еще не существует.

¹³ *Holý J.* Od sedmdesátých let do současností. S. 858.

¹⁴ Цит. по: *Ibid.* S. 850.

¹⁵ *Ibid.* S. 851.

¹⁶ *Ibid.* S. 866.

¹⁷ *Ibid.* S. 920 – 921.

¹⁸ Цит. по: *Ibid.* S. 924.

¹⁹ Цит. по: *Ibid.* S. 925.

²⁰ *Богданов Ю.В.* Словацкая литература // История литератур Восточной Европы... Т. 1. С. 250.

²¹ Там же. С. 252.

²² Цит. по: Там же. С. 290.

²³ Там же. С. 292.

²⁴ Новейший обзор словацкой литературы см.: Словацкая литература. XX век. М., 2003.

²⁵ *Rusinová Z. a kol.* Dejiny slovenského výtvarného umenia. 20. Storočie. Bratislava, 2000. S. 51.

²⁶ *Hudba (Československa vlastivěda. Díl IX. Umění. Sv. 3.).* Praha, 1971. S. 375.

²⁷ *Život a dielo Vladimíra Mináča.* Nitra, 1997.

ЧЕХИ И СЛОВАКИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Межнациональное "выравнивание" 1948–1989 гг. в Чехословакии

Жизнь чешского и словацкого народов, простых чехов и словаков представляет собой важнейшую сторону истории Чехии и Словакии, которая не сводится к ее официальной, или институциональной стороне, связанной со сменой политических элит и режимов, истории "событийной". Две соседние нации с общими славянскими корнями объединяет общность исторических судеб, национальных интересов и проблем, наконец, тесные связи — человеческие, семейные, профессиональные, культурные.

Эпоху системных трансформаций второй половины XX в. чехи и словаки встретили как два родственника в этническом отношении народа, находящихся на различных уровнях общественного, цивилизационного развития. Их языки были настолько близки, что они понимали друг друга без перевода. Однако социально-экономические и социально-культурные различия, существовавшие между ними на протяжении почти всего прошедшего столетия, вплоть до конца 1980-х годов, имели "стадиальный характер". Основы этих различий сложились еще в XIX в.

В результате промышленной революции третьей четверти XIX в. в Чешских землях произошли крупные сдвиги в структуре экономической активности населения, а к началу следующего столетия занятость в промышленном производстве в чешском обществе превысила долю работающих в сельском хозяйстве¹. Радикально изменился и демографический климат. В чешских городах произошло падение рождаемости, что свидетельствовало о начале так называемого демографического перехода к "интенсивному" типу воспроизводства населения, характерному для урбанизированного социума². В преддверии Первой мировой войны в Чешских землях формируется жизненный уклад общества современного типа, и совершается социально-экономический отрыв западной части Австро-Венгерской империи от восточной³.

Уже на начальных этапах промышленной революции в середине XIX в. проявилась ее асинхронность для Чешских земель и Словакии. Сложившиеся тогда качественные различия в уровнях развития чешской и словацкой наций углубились в последующие десятилетия. Промышленная революция в Словакии, как и в целом в Венгрии, стартовала более чем на полвека позже, чем в Чешских землях. В то время как они на рубеже веков заняли ключевое положение в экономике австрийской части империи, Словакия сдвинулась на периферию процессов промышленного роста в венгерской ее части. Словацкий историк Л. Липтак так характеризует уровень развития двух частей чехословацкого государства: "Если Чешские области были самым восточным преддверьем западной капиталистической индустриальной цивилизации, но стояли на ступень ниже ее вершины, то Словакия служила, напротив, своего рода западным аванпостом беднейшей половины Европы, находясь чуть выше него"⁴.

К моменту возникновения чехословацкого государства чехи превратились в индустриальную нацию; в межвоенный период сельское хозяйство в западных регионах страны покинула еще примерно треть работников. Вместе с тем Словакия до самой середины XX в. оставалась преимущественно аграрной. Капиталистическая индустриализация шла здесь крайне медленно, консервируя преимущественно аграрный, сельский облик словацкого общества и "очаговый" характер развития ее промышленности. Последняя не могла поглотить "избыточное" сельское население, значительная часть которого была вынуждена сохранять связи и с аграрным сектором, и с селом как местом своего постоянного жительства. Высокие показатели сельскохозяйственного перенаселения стимулировали массовую эмиграцию крестьянства. В межвоенный период словацкая нация была одной из немногих в Европе, в которых удельный вес занятых в аграрном производстве оставался относительно стабильным⁵. Важнейшие этапы индустриализации Словакии пришлось уже на послевоенный период. В еще большей степени это относилось к процессам демографической революции. Еще в середине XIX в. не существовало тех значительных отличий в показателях естественного воспроизводства населения Чешских земель и Словакии, которые возникли в конце его и первой половине XX в. — в период углубляющегося отставания последней в популяционном развитии.

Таким образом, именно рубеж XIX—XX веков создал значительные различия в цивилизационных параметрах чешского и словацкого обществ. В это время процесс модернизации Чешских земель шел наиболее интенсивно, а к концу межвоенного периода здесь фактически завершилось формирование основных социально-демографических структур общества современного типа. Чешская нация распрощалась с сельским и аграрным прошлым. Правда, структура ее расселения достаточно своеобразна: Чехия традиционно является страной малых и средних городов, крупногородская культура здесь не развивается⁶. Длительное отсутствие национальной независимости и собственного дворянства, а впоследствии крупной буржуазии национального происхождения также наложило отпечаток на менталитет чехов. В отличие от других народов региона (в том числе и словаков), к середине XX в. фактически завершается их "переход к современности".

К этому времени Словакия отставала от чешского соседа по важнейшим показателям общественного развития (занятость в промышленности, доля городского населения, уровень образования и др.) на 50—80 лет⁷. Цивилизационный переход в Словакии был совершенно иным по срокам, содержанию, темпам. Решающий этап ее ускоренной модернизации пришелся на третью четверть XX в. В результате форсированной социалистической индустриализации и урбанизации социальные структуры чешского и словацкого обществ — столь различные на момент создания общего государства в начале прошедшего столетия, — наконец, "выровнялись", т.е. стали максимально схожими. Несмотря на это сходство, в конце того же столетия произошел распад федерации.

В середине, а затем в конце XX в. чехи и словаки пережили два этапа модернизирующих трансформаций, по-разному отозвавшихся в исторических судьбах двух наций. Ускоренная экстенсивная индустриализация конца 40—50-х годов сопровождалась массовым притоком рабочей силы в промышленность. Процессы экспансии индустриализма опирались на политику полной занятости, т.е. максимального использования трудовых ресурсов — прежде незанятых, аграрного населения и женщин. Правда, концентрировались эти процессы сначала в "старых", возникших еще в эпоху промышленной революции, центрах и расположенных на территории Чешских земель. В меньшей степени к форсиро-

ванной индустриализации была готова крестьянская Словакия. Население чешской Остравы или Праги первое время ускоренно росло, в том числе и за счет переселенцев из Словакии⁸. Правда, вторая, повторная, волна индустриализации не принесла чешской нации принципиальных изменений ее цивилизационных параметров. Иначе обстояло дело со словаками, как и с остальными народами, вошедшими после Второй мировой войны в европейскую социалистическую систему: к середине 60-х годов индустриальная занятость у них, наконец, превзошла аграрную.

Согласно подсчетам социологов, явная убыль людей начавших свой трудовой путь крестьянами (частными сельскохозяйственными производителями) произошла в Чешских землях только среди родившихся после 1890 г. Еще в когорте 1880-х годов рождения, ставшей экономически активной перед первой мировой войной, структура занятости мало отличалась от предшествующих поколений⁹. Таким образом, XX в. нарушил традиционный ход человеческой жизни, причем во второй его половине этот процесс был массовым и стремительным. Уже в 50—60-е годы "отстававшие" в социально-экономическом отношении народы догнали "передовые", завершив важнейший этап перехода обеих частей европейского континента — западной и восточной — к современности. Сближение уровней экономического и культурного развития Чехии и Словакии в период социализма было составной частью перераспределительной, уравнивательной стратегии развития. Принципы равенства и справедливости находили в то время проявление не только в нивелировании доходов населения, уменьшении дифференциации уровней потребления, но и в политике межнационального сближения путем форсированного подъема "отсталых" народов до уровня высокоразвитых.

Чехи и словаки во второй половине XX в. продемонстрировали два типа социокультурной эволюции по восточноевропейскому пути развития¹⁰. Это путь "консервативной" модернизации, сочетающий переход к современным (индустриальным, городским, образовательным) социальным структурам с сохранением многих элементов традиционалистского уклада жизни и соответствующих ему ценностных ориентаций. Чешский тип развития — скорее исключительный для стран региона. Кроме Чехии к нему относятся принадлежавшие к числу индустриальных уже в середине прошлого столетия восточная часть Германии и отчасти Словения.

Намного более распространенный в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы тип развития стран, которые стартовали с доиндустриального, докапиталистического уровня развития, представляет Словакия. В период соцмодернизации доля промышленных рабочих в составе экономически активного населения росла и в западных, чешских, регионах, но только на протяжении 50–70-х годов. В Словакии этот рост был более интенсивным и продолжался до конца 80-х годов XX в.

По переписям населения 1921 и 1930 гг. структура занятости чехов и словаков резко различалась. Доля сельскохозяйственного населения в Словакии была вдвое выше, чем в Чехии (соответственно 2/3 и 1/3), а в промышленности, напротив, вдвое ниже (чуть более 1/5 и почти половина). В 80-е годы социально-профессиональные структуры Словацкой республики и Чешской республики относительно выровнялись и стабилизировались¹¹. Это было одним из свидетельств замедления в конце 70-х годов экстенсивного развития экономики Словакии и его приостановки, стагнации в Чешских землях.

Истоки этого процесса датируются еще 60-ми годами XX в., когда сформировавшееся в послевоенный период поколение "новой" чешской интеллигенции, образование и характер труда которой не соответствовали ее заработкам, предприняло попытку общественного реформирования с целью интенсификации развития страны. Полные трагизма события 1968 г. завершились в государственно-правовом отношении федерализацией чехословацкого государства, которое стало именоваться ЧССР, и последующим ускорением экономического и культурно-образовательного подъема Словацкой Республики.

На пороге 70-х годов Чешские земли и Словакия еще значительно различались между собой в социальном и культурном отношениях. Экономическая отсталость восточных регионов страны к тому времени была уже преодолена: Словакия превратилась в аграрно-промышленное общество, экстенсивная индустриализация которого еще не была завершена. Если по уровню индустриального развития две части страны стали довольно близки, то несоответствие уровней урбанизации оставалось значительным: демографический потенциал Словакии был далеко не исчерпан, судя по большим различиям в плотности сельского и сельскохозяйственного населения, высоким маятниковым

переездам к месту работы и обратно. Село и традиционный сельский образ жизни по-прежнему доминировали в восточной части страны.

В то время уровень образования словацкого населения уже приближался к чешскому. Но сохранялось отставание словаков по доле обладателей высшего и полного среднего образования. Хотя в условиях перераспределительной экономической системы заработка населения Чехии и Словакии уже практически сравнялись, в уровне жизни, особенно материальной оснащенности домашнего хозяйства, оставались существенные различия за счет больших перепадов в душевых доходах. Лучшие экономические позиции чешских семей по сравнению со словацкими объяснялись прежде всего их величиной: в Словакии с ее более молодой возрастной структурой и традиционным жизненным укладом семьи были многочисленнее. Значительная социокультурная неадекватность двух наций проявлялась в ощутимых различиях в стандартах потребления, в уровне культуры и образе жизни.

Семидесятые годы стали решающим этапом социокультурной модернизации Словакии. Социальные параметры чешского и словацкого населения в начале 80-х годов значительно сблизились по сравнению с концом 60-х годов¹². Крупномасштабное социологическое исследование, проведенное в Чехословакии осенью 1967 г. под руководством П. Махонина, показывало большие расхождения в дифференциации социальной структуры чешского и словацкого населения¹³. Аналогичное исследование, осуществленное в 1984 г., выявило уже совершенно иную картину.

В 70-е годы соотношение городского и сельского населения Словакии изменилось в пользу первого в результате быстрого роста крупных и крупнейших городов. Одновременно произошли коренные сдвиги в соотношении работников умственного и физического труда, вызванные скачкообразным ростом образовательного-квалификационного потенциала словацкой нации. В преимущественно аграрных в недавнем прошлом странах региона наиболее высокими темпами увеличиваются контингенты населения с полным средним и высшим образованием. Всплеск образовательной мобильности рубежа 1960—1970-х годов привел к резкому уменьшению зависимости уровня образования от социального происхождения, пола и места жительства. Этот процесс получил название послевоенной образовательной экспансии, в ос-

новном завершившейся к середине 70-х годов. В последующем рост уровня образования населения уже не сопровождался расширением его социальной основы: все больше возрастало неравенство в возможностях получения образования, усиливались процессы самовоспроизводства интеллигенции.

В 50 – 90-е годы XX в. и в Чехии, и в Словакии в образовательной структуре населения произошли качественные изменения. Однако динамика перемен в Словакии была на порядок выше. Образовательная структура ее молодых возрастных контингентов значительно отличалась от старших, по некоторым параметрам превосходя образовательную структуру Чехии.

Перепись населения 1980 г. зарегистрировала превышение доли населения старше 15 лет с высшим и полным средним образованием в Словакии по сравнению с Чехией. Численность населения Словакии с высшим образованием увеличилась в 70-е годы почти вдвое, с полным средним — в полтора раза¹⁴. Для Словакии стала характерна "полярная" структура образовательного потенциала с большей представленностью не только высших, но и низших уровней образования, при меньшей, чем в Чехии, доле обученных рабочих. Еще десятилетие спустя, в 1991 г., уже 7,1% чехов и 9,4% словаков имели высшее образование: опережение восточных регионов по отношению к западным в 80-е годы только возросло¹⁵. Это опережение складывалось прежде всего за счет молодых женских контингентов, представлявших собой наиболее динамичную часть населения.

Семидесятые годы оказались переломным периодом в развитии словацкого общества в плане изменения соотношения его важнейших социокультурных параметров с чешским обществом. Однако главным итогом этого десятилетия явилась "народная" интеллигенция, к которой теперь и в западной, и в восточной частях страны принадлежал каждый пятый занятый. На процессы ее формирования повлияла политика "коммунистического режима" после событий Пражской весны, когда произошла смена части управленческих кадров и специалистов. Около трети всех занятых умственным трудом пережили изменения своего профессионального статуса¹⁶. В 1968 – 1973 гг. численность учащихся чешских вузов была сокращена на 15%, словацких, напротив, увеличена на 6%¹⁷. Особенно быстро в это десятилетие увеличивалась в Словакии занятость в тех отраслях, в которых она

уменьшалась в Чехии в условиях "нормализационного режима" — в образовании и культуре, науке, в сфере управления и юриспруденции. Семидесятые годы отмечены приливом в Чешские земли теперь уже не рабочих, как в 50-е годы, а словацких служащих¹⁸.

К середине 80-х годов социальная структура населения Чехии и Словакии действительно стала тождественной по важнейшим параметрам. Практически не осталось различий в уровне сложности выполняемого труда и его оплаты, почти одинаковым было качество жилища, активность населения в области повышения квалификации и участия в общественной работе. Различия остались главным образом в образе жизни, точнее в характере проведения свободного времени. Некоторые расхождения в пользу Чехии существовали в оснащенности домашнего хозяйства предметами длительного пользования (стиральными машинами, холодильниками, цветными телевизорами). Рост культурной активности словаков и приобщение их к здоровому образу жизни, занятию спортом стали следствием повышения уровня их образования. Действительно, чехи чаще посвящали свой досуг типично городским формам проведения свободного времени (посещению театров, концертов, выставок, чтению художественной литературы, занятию спортом и некоторым другим). В свою очередь, словаки, интенсивно обзаводившиеся собственными, так называемыми семейными домами и владевшие земельными участками, больше занимались трудом аграрного типа, а также проводили больше времени в общении с родными и близкими¹⁹. Социологи даже обнаружили рост в 80-е годы межреспубликанских различий в распространенности занятия тяжелым физическим трудом в домашнем хозяйстве: в Чехии значение его сокращалось, тогда как в Словакии, напротив, имело тенденцию роста²⁰.

По оценке чешских исследователей, западная часть федерации в середине 80-х годов находилась в состоянии стагнации, тогда как восточная прогрессировала²¹. Неудивительно поэтому, что во второй половине этого десятилетия уровень удовлетворенности словацкого населения практически по всем вопросам был существенно выше по сравнению с чешским. Констатировали снижение жизненных стандартов за последние 5 лет в 1986 г. — накануне бархатной революции — 25,9% населения ЧР и 18,2% СР, общественной безопасности — соответственно 7,0 : 9,4, медицинского обслу-

живания — 11,6 : 13,3, качества жилья — 7,1 : 5,7, одежды — 18,6 : 14,3, питания — 15,8 : 13,0%²².

Таким образом, социальный дисбаланс между Чехией и Словакией, существовавший после завершения экономического выравнивания в 60-е годы, накануне федерализации государства и перехода к режиму "нормализации", был практически преодолен к началу перестроечных процессов в "восточном блоке" и в преддверии раздела чехословацкой федерации. К этому времени Словакия достигла аналогичного ЧР уровня социокультурного развития. Основные различия между ними концентрировались теперь в сфере глубинных национально-культурных особенностей, специфики менталитета двух народов с характерными для них путями развития и историческим опытом.

Особенности массового восприятия системных изменений конца XX в. в Чехии и Словакии

Сфера массового сознания, отношения людей к происходящим переменам приобрела ключевое значение в разворачивающихся системных сдвигах в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Наступило время коренной переоценки ценностей, которыми общество жило здесь на протяжении четырех предшествующих десятилетий, или время "перестройки". Так, тезис "руководящая роль компартии осуществлялась правильно" поддержали в 1985 г. 57% чехов и 61% словаков, в 1988 г. — соответственно 40 и 50, в июле 1989 г. — всего 29 и 35%²³. На фоне общей тенденции пересмотра важнейших ориентиров существования критицизм чехов нарастал интенсивней. Однако сама демократическая революция в этой стране была наиболее непродолжительной в регионе, что запечатлела "формула" эпохи перемен: "Польша — десять лет, Венгрия — десять месяцев, ГДР — десять недель, Чехословакия — десять дней". Смена власти произошла в Чехословакии стремительно, на волне эмоционального подъема, массовой антикоммунистической эйфории, давшей название "бархатного", даже "нежного", переходу к демократии именно в этой стране²⁴.

Психологический фактор, предопределивший успех политических изменений в странах региона, проявился в чешской среде особенно отчетливо и "концентрированно". Он выразился в резком падении авторитета прежней власти в массах. Выжидательная, пораженческая позиция коммуни-

тической партии, насчитывавшей в своих рядах 1,7 млн человек, лишила ее поддержки со стороны населения. Нараставшие как снежный ком социальные эмоции выплеснулись на улицы сначала крупных, а вслед за тем и малых чешских городов. Их площади, как и в остальных странах "советского блока", — хотя и с большим опозданием по сравнению с ними — заполнились сотысячными толпами людей. Словакия присоединилась к движению Праги навстречу демократии. Под "давлением улицы" "коммунистический" режим пал. Возникший в те ноябрьские дни Гражданский форум выполнил роль социально-мобилизующего фактора, создав условия освобождения людей от чувства страха перед одной из наиболее репрессивных в регионе политических систем и широко используя для этого СМИ. В отличие от массовых выступлений периода Пражской весны, инициированных интеллигенцией из реформаторского крыла КПЧ, осенью 1989 г. протестные настроения зарождались в молодежной, студенческой среде. Общественные пристрастия качнулись в сторону демократической оппозиции сразу вслед за началом протестных акций. После этого счет времени существования прежнего режима пошел даже не на дни, а на часы. "Запоздавшая" революция в Чехословакии, как и в других странах региона, стала феноменом массового сознания населения. Революционный настрой тех дней заглушил или ослабил важнейшие черты национального характера народов региона, в том числе и чехов, отличающихся своим рационализмом и осторожностью.

Как известно, точкой отсчета в качественном изменении политического климата в "социалистическом содружестве" явились пражские события 1968 г. Тем не менее Чехия присоединилась к революционному процессу 1989 г. уже после падения Берлинской стены, а социальная база "перестроечного" процесса за два предшествующих системному сдвигу десятилетия существенно не расширилась. Чешский социолог Иво Можны в своей книге "Почему так легко... Некоторые семейные предпосылки бархатной революции", вышедшей в Праге в 1991 г., задается вопросом: как случилось, что эта страна присоединилась к череде демократических преобразований в Центральной — Юго-Восточной Европе одной из последних? Объяснение он находит в социокультурной сфере, в особенностях национального характера чехов — "недоверчивой популяции", которая определенно не верит показным декларациям и с давних времен прочно держит

свою судьбу в собственных руках²⁵. Традиционные носители здравого рассудка, так характерные для чешского общества, в диссидентских кругах видели тех, кто дважды нарушил гармонию их внутреннего мира. Первый раз — в конце 40-х годов, а второй — в 1968 г., вновь предприняв неудавшийся эксперимент, изменивший привычный ход жизни простого человека. Он воспринимал диссидентов, как своего рода "господ", которые, как и коммунисты, "жили от идеологии", обладая особым статусом и привилегиями. В преддверии демократических преобразований предусмотрительные чехи задавались приземленным, но дальновидным вопросом "Хорошо, но что будет с собственностью?"

Согласно результатам опроса общественного мнения 22–24 ноября 1989 г., почти половина — 47% — оказались сторонниками политической и экономической системы, соединяющей преимущества социализма и капитализма. Почти столько же в канун по сути капиталистической революции было приверженцев социалистического выбора. Причем коммунисты и беспартийные мало различались по взглядам. Всего 5% респондентов высказывались в пользу капиталистического пути развития²⁶. Характерно, что и на пике реформаторских усилий в июле 1968 г. те же 5% чехов положительно отвечали на вопрос о том, "хотели бы вы возвращения капитализма?"²⁷ Соединения преимуществ социалистического и капиталистического строя хотело и большинство словаков, сознающих "цивилизационный вклад" послевоенных десятилетий²⁸.

Опросные данные свидетельствуют о падении поддержки демократических преобразований в ЧР уже в период с января по октябрь 1990 г. Постреволюционная эйфория чехов тоже была особенно непродолжительной. Здравомыслящие чехи первыми поняли, что, хотя революция пришла "даром", но ее результаты — политическая, экономическая и социальная трансформация — потребуют самоограничения²⁹. В 1990–1991 гг. процессы демократизации вызывали у них меньшее удовлетворение, чем у других народов региона³⁰. Аналогичные показатели для Словакии в 1992–1994 гг. ниже по сравнению и с Чешскими землями, и с остальными странами региона. Исходно низкий уровень поддержки демократических преобразований у словаков имел в эти годы тенденцию дальнейшего снижения³¹.

Недавнее традиционное сельское прошлое словаков, с одной стороны, и достижения социалистического этапа мо-

дернизации (особенно 1969—1989 гг.) — с другой, обуславливали слабую массовую поддержку начальных этапов рыночных реформ. Идеология эгалитаризма, государственного патернализма, авторитаризма и в конце XX в. была близка религиозному, сохраняющему полукрестьянский стиль жизни и сознания словаку. В отличие от чеха он не был сторонником социализма в первые послевоенные годы. Однако пик модернизации словацкого общества пришелся именно на период его "строительства", когда было покончено с экономической отсталостью и значительно улучшились условия жизни населения республики. Несколько иным был полувековой опыт чешской нации с ее "повторной" индустриализацией, подавлением реформаторского движения и социально-политическими реалиями периода "нормализации". Этот опыт сформировал более высокую готовность чехов "вернуться в Европу". Нельзя, однако, не учитывать, что спустя уже 10—12 лет после "чисток" рядов КПЧ на рубеже 1960—1970-х годов вновь свыше миллиона человек, т.е. 17,2% взрослого населения являлись здесь ее членами³².

С 1989 г. и после распада чехословацкого государства в 1993 г. в обеих республиках происходили аналогичные по своему социальному содержанию изменения. Они не совпадали лишь по интенсивности и характеру проявления в двух национальных средах — каждой со своим прошлым, с практически преодоленными в период соцмодернизации различиями в уровне общественного развития. В Чехии и Словакии, где до начала реформ существовали небольшие различия в доходах, потреблении и уровне жизни, в течение нескольких лет возникли сильно дифференцированные именно по параметрам уровня жизни сообщества. Изменились и массовые представления о социальной справедливости. Приспосабливаться к последствиям трансформационного "шока" словакам оказалось трудней, чем чехам. В 1993 г. в критической финансовой ситуации (по собственной оценке) оказалось уже 37% чешских и 64% словацких домохозяйств³³. Ощутимо различался и уровень безработицы — в Словакии один из самых высоких в Европе, и динамика доходов населения. Социальная структура ЧР и СР, которая к концу 80-х годов стала почти одинаковой, в следующее десятилетие утратила многие черты этого сходства и в сфере занятости, и в материальной дифференциации³⁴. По оценке социологов, на протяжении всего десятилетия после распада федерации (1.01.1993 г.) чешское и словацкое общества —

вопреки предшествующей тенденции — объективно отдалялись друг от друга по ряду структурных параметров: социально-профессиональных, доходных, оснащенности домашних хозяйств, что нашло отражение во взглядах, отношениях, системе ценностей людей.

Межнациональные различия в субъективном восприятии сложившейся ситуации отчетливо проявились уже на рубеже 1980 — 1990-х годов. Позитивную оценку процесса общественной трансформации в 1991 г. давало 42,3% населения ЧР, но 21,5% СР, его перспектив — 52,3% чехов, но 34,7% словаков. Два года спустя, в 1993 г. "новая реальность" представлялась в еще более негативном свете: позитивно оценивало перемены уже 34,3% опрошенных в ЧР и только 9,7% в СР. Обозримое будущее виделось оптимистично соответственно 38,9 и 26,8%. В то же время всего треть чехов разделяла мнение, что новое общественное устройство нуждается в существенных, радикальных переменах, тогда как в Словакии — почти две трети. Павел Махонин констатировал наличие довольно стабильного, в среднем 20 — 25-процентного разрыва в оценочных высказываниях представителей двух народов по поводу происходящих перемен³⁵.

Среди стран Вышеградской четверки Чехия в первой половине 90-х годов считалась наиболее либерально настроенной, тогда как Словакия — самой склонной к социалистической модели развития³⁶. Убеждения, что новый общественный строй по сравнению с предшествующим имеет больше недостатков, чем достоинств, придерживалось в 1991 г. 11% словаков, в 1992 — 16, в 1993 — 25%³⁷. Мечты сторонников раздела федерации о высвобождении "национальной энергии" в его результате — после обретения словаками государственной независимости — оказались иллюзией. Уже в марте 1993 г. 84% опрошенных словаков заявило, что распад федерации ухудшил экономическое положение и социальную ситуацию в республике³⁸. Возобладала заниженная самооценка шансов на ее успешное развитие, особенно по сравнению с Чехией. Для соседа словаки делали гораздо более оптимистические прогнозы³⁹.

Нарастание скептицизма словаков объяснялось падением их уровня жизни, более значительным по сравнению с чехами. В 1993 г. считали, что в их семейном бюджете достаточно денег на питание 60,4% в ЧР, но 39,8% в СР, на одежду — соответственно 41,9 и 26,3, оборудование жилища — 29,8 и 16,7, культурно-досуговую активность — 36,3 и

17,6, путешествия и туризм — 22,8 и 9,4%. Тогда же, давая ретроспективную оценку своих финансовых возможностей в 1988 г., люди "ностальгировали". Достаточно денег на питание было в то время у 90,8% чехов и 92,3% словаков, на одежду — соответственно у 80,0 и 88,3, оборудование жилища — 61,7 и 77,3, культурно-досуговую деятельность — 74,1 и 74,4, путешествия и туризм — 51,2 и 61,2%. И еще несколько лет спустя (в 1997 г.) социологический опрос показал, что по сравнению с периодом социализма материальное положение улучшилось у 27% словаков, тогда как ухудшилось у 46,6%. Реальные доходы в 1997 г. составляли у них 70% от уровня 1989 г.⁴⁰

Желание "затянуть пояса" на старте реформ в Словакии было меньше, чем в Чехии. Однако именно словакам пришлось "затянуть их ту же". Распространенные среди них надежды, что изменения продлятся года два, не больше, не оправдались. Причем удовлетворенность состоянием общественной жизни среднего поколения чехов была выше, чем словаков, которым трудней пришлось в период радикальной трансформации. Чешская же молодежь по отношению к существующим реалиям настроена менее позитивно, чем ее родители, словацкая, напротив, более.

В 2001 г. 62,4% словацких семей относились к категории обладателей низкого социально-экономического статуса⁴¹. Падение уровня жизни болезненно воспринималось населением Словакии. Не заставило себя ждать сопротивление реформам со стороны жителей словацкого села, переживших наиболее ощутимый рост своего материального благосостояния в 70—80-е годы. В 1990—1994 гг. занятость в аграрном секторе сократилась более чем на половину при одновременном уменьшении количества рабочих мест в промышленности в результате деиндустриализации. Предпринимательство получило развитие в республике преимущественно в крупных городах, оказавшись малоуспешным в сельском хозяйстве. Осенью 1993 г. ход процессов трансформации позитивно оценивало всего 10% словаков (но треть чехов)⁴². И в конце прошедшего десятилетия большинство населения Словакии относило себя к числу "потерявших" по сравнению с предшествующим периодом. Перевес "проигравших" над "выигравшими" в результате реформ в Словакии сочетался с их политической мобилизацией, направлявшейся в национально-популистское русло. Вместе с тем, как показали относительно недавние социологические исследования,

люди, положение которых после смены систем ухудшилось, нередко одновременно высоко оценивали события ноября 1989 г., видя положительные стороны общественной трансформации. Они верили "в лучшее будущее" и даже обладали либеральными и прозападными ориентациями⁴³.

Что же касается Чехии, то она по сравнению не только со Словакией, но и с другими центральноевропейскими странами в первой половине 90-х годов отличалась наиболее благоприятным соотношением "выигравших" и "проигравших". Иными словами "субъективные предпосылки" трансформации в ее начальной фазе в Чехии были лучше, чем в других странах региона. К тому же за "мягкой революцией" здесь последовала и социально "более мягкая", чем у соседей, системная трансформация, в том числе и по сравнению с более "жестким" ее словацким вариантом⁴⁴. Процесс общественных изменений в Чехии оставался гораздо более "беспроблемным", и большая часть ее населения, собственно, не стояла перед необходимостью менять привычный стиль жизни. Однако и здесь с середины 90-х годов ситуация меняется. Даже в этой стране, считавшейся "оазисом реформ", в это время замедляется экономический рост, и появляются обедневшие слои населения из числа не сумевших вписаться в "новую реальность". Это заставило и чехов в 1996–1998 гг. пересмотреть свое отношение к происходящим процессам.

Исследователи различают три этапа динамики массового сознания чехов. Первый, 1990–1993 гг., называют романтическим, временем "витания в облаках", когда господствовали идеалистические и упрощенные представления о действительности, вера в силу демократической системы и в новую политическую, экономическую, интеллектуальную элиту. Второй этап, 1993–1996 гг., принес первые разочарования, связанные с изменившейся повседневностью, утратой ценностных основ существования и распадом государства, когда прошла эйфория от приобретения национальной самостоятельности. Период "общественного отчуждения" начался в ЧР в 1996 г.: нарастал массовый критицизм в отношении внутренней политики и состояния экономики. Низкий уровень гражданской активности сочетался с усилением ностальгических представлений о преимуществах прежней общественной системы. К концу 1997 г. даже у предпринимателей неудовлетворенность развитием ситуации в обществе достигла уровня, характерного для рабочих. А последние

ждали от будущего уже не больше безработных⁴⁵. Особенно много недовольных имелось в среднем поколении: перспективы личностной самореализации в новой общественной системе представлялись ему все более ограниченными.

Политический и экономический кризис 1997 г. сформировал в массовом сознании стремление к переменам. Он закончил с периодом относительной стабильности и удовлетворенности. Большинство поддерживало теперь идею необходимости изменения стратегии трансформации. Если первый "шок", вызванный либерализацией цен в 1990 — 1991 гг., еще не повлек в Чехии резкого спада уровня жизни и ликвидации социальных гарантий, то к рубежу 1996 — 1997 гг. стало очевидным, что этого не удастся избежать. Новый спад реальных доходов 1998 г. особенно больно ударил по работникам бюджетной сферы. Одновременно безработица подскочила до 10%; уменьшилась доступность высшего образования. Материальное благосостояние стало важнейшим фактором социально-политической дифференциации общества, которая произошла в чешском обществе в 1997 — 1998 гг. На протяжении всего десятилетия усиливалась зависимость отношения к политическим сдвигам от уровня жизни. Это было проявлением перехода от романтизма к прагматизму, который и составлял сущность либеральной модернизации. "Перелом" в общественном сознании наступил, по оценке социологов, уже в 1995 г., когда такое понятие, как "жизнь в соответствии со своими убеждениями", т.е. состояние душевной гармонии, стало восприниматься как роскошь в условиях рыночно-демократической реальности⁴⁶. Чешскому человеку, реалистичному в оценке своего социального опыта, прошлого и настоящего, оказалась далека неolibеральная стратегия с ее односторонней ориентацией на материалистические и утилитарные ценности. Массовую основу реализации этой стратегии составили люди образованные и предприимчивые, тяготеющие к западным культурным и цивилизационным образцам мышления и поведения. Чешское общество тогда же, в 1995 г., разделилось на две полярные группы не только в социально-экономическом, но и в ментальном плане: на тех, кому, по их мнению, жилось лучше, чем до 1989 г., и тех, кому хуже. Среди последних были представлены и средние слои — интеллигенция и квалифицированные рабочие.

Определенная осторожность в оценке хода трансформации существовала у чехов и на первых ее этапах. Но в 1997 г.

сомнения в стратегии перемен приобрели массовый характер. С этого года значительно усилилось ощущение страха, тревоги, неопределенности, даже беспомощности, у некоторых — озлобления и ярости. Только для каждого третьего было характерно позитивное восприятие действительности⁴⁷. В 1999 г. вдвое больше людей считало, что общество движется "скорее в неправильном, чем в правильном" направлении; 70% опрошенных высказались за необходимость возвращения государству "неправильно" приватизированных предприятий. Идею новой волны национализации поддержала даже часть сторонников праволиберальных партий. Массовое сознание, согласно опросам, подвергало сомнению результаты приватизации, экономической реформы, добросовестность предпринимателей⁴⁸. Стабильно 10–20% составляют сторонники социалистической, управляемой государством экономики, а треть утверждает, что режим, который был в стране до 1989 г., имел больше преимуществ по сравнению с пришедшим ему на смену⁴⁹. Тогда же немногим более половины (55%) опрошенных в ЧР придерживались мнения, что стоило менять общественную систему десять лет назад. В Польше этот показатель достигал 77%⁵⁰. Далеко идущие ожидания ноября — декабря 1989 г., которые связывались с интеграцией в Европу быстро рассеялись. Начиная с весны 1998 г. перестает расти общественная поддержка вступления в НАТО, а вхождение в ЕС видится массовому сознанию проблемой достаточно второстепенной по сравнению с внутренними проблемами, такими как экономический спад и безработица⁵¹.

Хотя угроза безработицы в конце 90-х годов по сравнению с их началом возросла, желание активно противостоять ей (путем перекалфикации или увеличения производственной нетребовательности) особенно не повысилось. Готовность к активным поискам альтернативных рабочих мест, проявлялась все реже⁵². При выборе жизненного пути молодежь отвергала предпринимательские стратегии, видя нравственные издержки, которыми сопровождается такой выбор⁵³. В самом конце 90-х годов даже 30-летние не отличались предприимчивостью, а 40-летние в целом занимали выжидательную позицию⁵⁴. Незаконное и аморальное экономическое поведение периода неолиберальной модернизации, как и порожденные ею крайние формы экономической и социальной дифференциации, решительно осуждались чехами. Они позитивно оценивали полученную, наконец, воз-

возможность открыто выражать свои взгляды, путешествовать, но растущее недовольство вызывало состояние сферы труда и занятости, а особенно утеря социальных гарантий и чувства безопасности. Конечно, все это было характерно не только для чехов.

Если "путь к тоталитаризму" после 1948 г. был наполнен, по выражению чешских социологов Й. Бурианека и Й. Шубрта, "конструктивным энтузиазмом", обратный путь характеризуется прямо противоположным настроением. В 1995 г. они назвали чешское общество "истощенным". За дореформенным состоянием политической апатии последовала короткая, но довольно сильная революционная волна, сменившаяся в Чехии продолжительным периодом нарастания скептицизма, потребности в защищенности, ценностным вакуумом⁵⁵.

* * *

Особенности восприятия системных изменений конца XX в. чехами и словаками объясняются спецификой их национальной культуры и менталитета, их выраженной "про-социальной" и уравнительной ориентацией. Чешское и словацкое общества — это общества среднего класса, или средних слоев. Долговременной, базисной для этих центрально-европейских народов является традиция социально-образовательного "восхождения", карьера высококвалифицированного управленца и госслужащего, интеллигента и рабочего. Вместе с тем культурный фундамент "буржуазности" в характерном для капитализма западного типа смысле здесь мало развит, как и склонность к индивидуализму и материальному обогащению любой ценой.

И чехи, и словаки, отвечая, например, в 1995 г. на вопрос о наиболее предпочтительных жизненных стратегиях для своих взрослых детей, чаще всего называли "получение высшего образования". Наибольшее отличие между чехами и словаками заключалось в значительно более высокой оценке первыми перспективы работы на государственном предприятии. Опрошенные в Словакии чаще ориентировались на возможность трудоустройства за рубежом. Причем чехи рассматривали образование как противовес частному предпринимательству и политической карьере, словаки же более склонны гармонизировать все факторы успеха — образование, бизнес и политическую активность⁵⁶.

Поэтому всплеск частного предпринимательства в самом начале 90-х годов, как и в остальных постсоциалистических странах, был непродолжительным, фактически завершившись уже к 1993 г. Численность "субъектов предпринимательской деятельности" возросла в 1991 – 1994 гг. примерно десятикратно: она превысила миллион в Чехии и 300 тыс. в Словакии. Правда, стремление "попробовать себя в бизнесе" в то время нередко сочеталось с продолжением работы на госпредприятиях. Из представителей малого бизнеса или самозанятых (торговцев, ремесленников, мелких производителей) здесь формировался не столько капиталистический, сколько именно средний класс, включающий в странах региона высококвалифицированных рабочих, специалистов, служащих. У чешских и особенно словацких предпринимателей середины 90-х годов наблюдался высокий уровень образования: 30% их в СР составляли выпускники вузов. Это были люди в большинстве своем среднего возраста, обладавшие значительным социальным капиталом, бывшие служащие или представители интеллигенции⁵⁷.

Средние слои традиционно составляют основу стабильности чешского и словацкого обществ, для которых характерна тенденция к минимизации различий в уровне жизни отдельных социoproфессиональных и социодемографических групп. Еще в период социализма, особенно в 80-е годы XX в., Чехословакия отличалась низшими показателями дифференциации заработной платы и доходов по сравнению не только со странами Западной Европы, но и "восточного блока"⁵⁸. Чехия, традиционно склонная к эгалитаризму, стиранию социальных различий в обществе, составляла "противовес" Польше и Венгрии с их наследием дворянско-аристократического элитизма, в меньшей степени свойственного чешской нации. Кроме того, два – три ее последних поколения сформировались в условиях, когда государство брало на себя всю ответственность за социальное обеспечение. Десять лет развития в условиях рыночной экономики мало что изменили в этом отношении.

В течение всей второй половины XX в. материальная оценка высококвалифицированного труда оставалась в Чехословакии самой низкой среди стран региона. Зарплата интеллигенции лишь немногим превышала оклады рабочих: на рубеже 1960 – 1970-х годов – на одну пятую, тогда как в Польше и Венгрии в полтора раза, в Болгарии и СССР – на треть⁵⁹. Ориентация на экономическое равенство особенно

характерна для чехов: и после 1990 г. быстро и систематично убывала доля согласных с ростом неравенства в доходах⁶⁰. Чешское и словацкое общества менее социально стратифицированы по сравнению с польским и венгерским, связь между профессиональными, образовательными характеристиками, с одной стороны, и доходами, деятельностью в свободное время — с другой, в них менее тесная.

В Чехии 5–8% населения относят себя к категории богатых, а еще 12–15% — обеспеченных. В то же время 20–25% стоят на пороге бедности, а 5% уже его перешли. Между двумя этими "полюсами" располагается большое количество лиц со средним уровнем доходов, довольно слабо дифференцированных в социальном отношении: к 70% приближается доля людей, которые сами себя считают "ни бедными, ни богатыми". Среди них особенно распространено несоответствие материального и образовательного статуса, а также ориентация на отношения уравнилельного типа. Это главным образом специалисты, работающие в бюджетных отраслях⁶¹. Для них государство осталось символом жизненных гарантий. Поэтому либеральные пристрастия шли на убыль, и росла доля людей, ориентирующихся на государственный патернализм.

В момент создания самостоятельного чешского государства две трети его жителей соглашались, что "частному предпринимательству надо дать полную свободу". Но одновременно три четверти настаивали, что "и в новых условиях экономика должна оставаться под контролем государства". Эти два тезиса явно противоречили друг другу. Последующее развитие показало, какой из них ближе чешскому человеку. Уже вскоре упало доверие к предпринимательству. С течением лет все больше людей склонялись к мнению, что государство должно более прочно взять контрольные функции в свои руки. И это вопреки как экономическим успехам первых лет существования самостоятельного чешского государства, так и похвалам в адрес "чешского пути трансформации", звучавшим из-за пределов страны⁶². Чехи не отрицают рынка, но они за рынок, контролируемый государством.

Чешские авторы отмечают обостренность "социального чувства" своего народа, что и стало важной причиной поддержки им в конце 40-х годов уравнилельной коммунистической модели развития⁶³. Однако в равной мере чехам свойственен демократизм, сочетающийся со стремлением к соци-

альной справедливости и солидарности. Они стремятся к проведению меритократического принципа материального вознаграждения по заслугам и росту качества жизни всего населения, а не только верхушки общества.

Идея соединения преимуществ социалистической и рыночной экономики как наиболее подходящая для страны сохраняет свои позиции. Уже неважно, как следует назвать более предпочтительную по сравнению с неолиберальной модель развития — демократическо-капиталистическая, посткапиталистическая, социально-либеральная, или "третий путь"⁶⁴. Вместе с тем, общество реалистически оценивает результаты трансформации, сознавая их неопределенность и то, что преодолена эта неопределенность, очевидно, будет лишь со сменой поколений⁶⁵.

Жизненные ценности трех поколений чехов и словаков

Чешская история XX в. представляет собой процесс смены поколений, каждое из которых обладает уникальным культурным опытом. Одна из версий подобной периодизации, принадлежащая коллективу сотрудников Карлова Университета (Прага) под руководством М. Потучека, исходит из следующей трактовки чешской "поколенческой истории" прошедшего столетия (хронологии, ключевых событий, сформированных ими жизненных ценностей и характеристик отдельных поколений):

1. "Потерянное поколение" (родившиеся в 1886—1900 гг.). Ключевые годы — 1914—1918 гг. Первая мировая война. Проблема выживания и утеря смысла существования.
2. "Поколение новой республики" (род. 1901—1911 гг.) — 1918—1929 гг. Создание самостоятельного чехословацкого государства. Появление надежд, ослабление напряженности, рост благосостояния, национальное и гражданское сознание.
3. "Поколение экономического кризиса" (род. 1912—1918 гг.) — 1930—1936 гг. Сужение жизненных перспектив, сомнения в силе и возможностях строя, соблазны авторитарного правления.
4. "Поколение защитников народа" (род. 1919—1921 гг.) — 1937—1939 гг. Мобилизация, мюнхенский кризис. Геройство, жертвы, активность, последующее глубокое разочарование, утрата веры, нигилизм.

5. "Поколение проигрыша" (род. 1922–1926 гг.) – 1940–1944 гг. Начало второй мировой войны, полицейское зависимое государство. Страх, конформизм, угроза жизни, уход от общественной активности.
6. "Поколение мира и забвения" (род. 1927–1931 гг.) – 1945–1949 гг. Освобождение, победа. Чешский национализм и русофильские ориентации.
7. "Поколение синих рубашек" (род. 1932–1942 гг.) – 1950–1953 гг. Общественная активность молодежи после февраля 1948 г. Коллективизм, борьба за мир, преобразовательная деятельность, формализм.
8. "Поколение возрожденческого процесса" (род. 1943–1951 гг.) События января–августа 1968 – 21.8.1969 гг. "Человеческое измерение" действительности, критичность, культурно-художественная активность, открытость миру, гражданские права, роль знания и образования.
9. "Поколение нормализации" (1952–1970 гг.) – 1970–1988 гг. Конформизм, пассивность, потребление, ориентация на частную жизнь и свободное время.
10. "Поколение свободы" (1971–1974 гг.) – 1989–1993 гг. Активность, гражданское участие, вера в Бога, предприимчивость, стремление к обогащению и социальному продвижению, труд, отсутствие контроля и правил, жестокость.
11. "Поколение зависимости правил от денег" (рожденные после 1975 г.) – с 1993 г. Предпринимательство, собственность и продвижение любой ценой. Богатство, личные интересы и потребности, гедонизм, потребительство, отрицание солидарности, предпочтение формы содержанию, культ тела, наркотики, эзотерические ориентации, но в первую очередь деньги как критерий ценности⁶⁶.

Вместе с тем в чехословацком обществе, как, пожалуй, ни в каком другом, отчетливо прослеживается двадцатилетняя периодичность исторических перемен, их выраженный поколенческий ритм. Каждый период общественной трансформации во второй половине XX в. здесь связан с очередной сменой поколений. Три важнейших этапа в развитии страны, начавшиеся в 1948, 1968 и 1989 гг., предопределили судьбы и социокультурный облик трех поколений, рожденных в 1930-е, 1950-е и 1970-е годы и вошедших в общественную жизнь в 1950-е, 1970-е и 1990-е годы. Их можно назвать

поколениями индустриализации, "нормализации" и демократизации. Первое из них отличается от предшествующего прежде всего по доле занятых в промышленности, второе от первого — по доле городских и высокообразованных слоев, третье от второго — по уровню брачности и рождаемости. Это нынешние старшее, среднее и младшее поколения чехов и словаков, которые составили массовую основу ранне-, средне- и постсоциалистического этапов модернизации чешского и словацкого обществ.

Переход от традиционализма к современности сопровождался отказом от культуры религиозно-мифологического типа в пользу рационалистической, материалистически ориентированной культуры общества массового потребления. Этот переход составил сущность общественной трансформации конца XX в. — либерально-демократической, неотделимой от трансформации консервативной, или социалистической, начавшейся в середине прошлого столетия.

Три этапа модернизирующих трансформаций чешского и словацкого обществ нашли проявление в трех волнах мировоззренческих сдвигов в направлении материализации сознания чехов и словаков. Первые две волны, связанные с формированием индустриально-технологической и городской культуры, сопровождались секуляризацией и насаждением атеизма. Третья волна материалистических превращений, пришедшая на период капиталистических преобразований, — наиболее радикальная. В конце 1990-х годов в условиях демографической революции, завершившей цикл модернизирующих преобразований в регионе, менялись нравственные основы жизни ее народов, хотя церковь и религия возвращали утраченные почти полвека назад позиции.

Первый этап экспансии материализма пришелся на годы форсированной индустриализации, которая сосредоточилась в Чешских землях, в испытывавших второе рождение "старых" угледобывающих регионах. Они стали центрами бурного развития тяжелой, металлургической и машиностроительной, промышленности всего "восточного блока", приобретая ключевую роль в экономическом подъеме преимущественно аграрных на старте модернизации стран "социалистического содружества". Крупнейшим из этих центров был Остравский, расположенный в Северной Моравии. В 50-е годы он испытал огромный приток рабочей силы со всех концов Чехословакии, в том числе из аграрных восточ-

ных регионов, которые еще не затронули бурные преобразования первых пятилеток.

Уникальный эмпирический материал для понимания процессов трансформации религиозности периода индустриализации представляет исследование Э. Кадлецовой по Североморавской области Чехословакии, проведенное в 1963 г.⁶⁷ В эту область нынешней ЧР, граничащую со Словакией, в поисках заработков и устремились многочисленные переселенцы. Мотивы их переезда были преимущественно экономическими, но его результаты выражались в мировоззренческих сдвигах: отказе от религии, изменении характера веры, нередко в утере всяких жизненных ориентиров.

Самый высокий процент атеистов зарегистрирован среди тридцатилетних (поколение 1930 г. рождения, или старшее), встретивших социалистическую революцию в двадцатилетнем возрасте. Секуляризация захватила главным образом городское население, активно включившееся в процесс общественных преобразований. Причем среди городских переселенцев послевоенного периода, особенно решающих 1949 — 1957 г., атеистов оказалось вдвое больше, чем среди старожилов (соответственно 45% и 21%). Наиболее секуляризованная часть общества состояла из интеллигенции, меньше — служащих. Они, а не рабочие, воплощали "дух" времени. Среди интеллигенции свыше половины, 51%, приходилось на атеистов, среди служащих — 40%, а среди крестьян — всего 7%. Доля атеистов в рабочем классе даже не достигала средних показателей, но у рабочих, и только у них, существовал повышенный процент неопределившихся, колеблющихся (46%). Для рабочих — вчерашних крестьян было характерно состояние духовного вакуума, обусловленное сменой статуса и жизненных установок.

Рост промышленного производства в Остраве — крупнейшем центре Североморавской области — привлек сюда большое количество работников, сохранивших сельское место жительства. Численность дневного населения Остравы увеличивалась почти вдвое за счет приезжавших сюда жителей окрестных малых городов и сел. Их "промежуточное" социальное положение проявлялось в "размытости" взглядов и ориентаций. Наиболее глубокий социокультурный слом переживал не только рабочий класс, но и мигранты из Словакии. Связи словаков с традиционным религиозным и сельским сообществом были подорваны, а интеграции в новую социальную среду не произошло. Характерное для них со-

стояние духовного вакуума отражал наивысший процент мировоззренчески неопределившихся — 57% при всего 13% атеистов. Среди чехов неопределившихся было меньше (39%), но атеистов существенно больше (31%). Североморавские поляки представляли наиболее религиозную часть населения области. Их традиционно религиозные ориентации отличались стабильностью.

Особенно важным фактором секуляризации оказался образовательный. В начале 60-х годов, когда Э. Кадлецова проводила исследование, образованные слои, в большинстве своем вышедшие из рабоче-крестьянской среды, олицетворяли новый строй с его системой ценностей. Среди обладателей высшего образования доля людей с материалистическим мировоззрением в его социалистической (атеистической) вариации достигала 62%, тогда как у закончивших только основную (8-летнюю) школу — всего 24%.

Социальная адаптация в то время происходила через повышение уровня образования и трудовое участие. Неудивительно, что низший уровень религиозности отличал довольных своим профессиональным статусом, тем более, если они систематически повышали свою квалификацию. 55% ориентированных на рост профессионализма составляли атеисты. Не верили в Бога лишь 10% людей, не ориентированных на этот рост, и ровно столько же — из числа оценивающих свою экономическую ситуацию как тяжелую. То есть верующие как правило принадлежали к числу малообеспеченных.

Рост квалификации воспринимался в период социализма как главное, если не единственное, средство повышения материального благосостояния. Семьи, которые пережили подъем уровня жизни в послевоенный период по сравнению с довоенным, отождествляли себя с господствующей — "материалистической" — идеологией. Среди тех, кто обладал низким статусом и в прежней, и в нынешней системе, т.е. всегда находился в стороне от общественных преобразований, особенно много верующих. Неудивительно поэтому, что 55% атеистов, чтобы быть в курсе происходящих событий, регулярно читали более шести периодических изданий, но большинство (67%) верующих — ни одного. Верующие, как правило, не посещали места массового отдыха и развлечений 50-х годов — кино и танцы. Их основной контингент составляли люди с неопределенными воззрениями, в большинстве своем молодые рабочие.

Однако ни верующие, ведущие замкнутый своим домохозяйством образ жизни, ни колеблющиеся, совершающие постоянные переезды между домом и работой, не принадлежали к числу завсегдатаев кафе и пивных. Посещение их составляло традиционную форму времяпрепровождения атеистически ориентированных чехов.

Итак, чехословацкий материалист рубежа 1950–1960-х годов — это довольно молодой горожанин, продвинувшийся по социальной и образовательной лестнице, прежде всего "новый" интеллигент рабоче-крестьянского происхождения. Будучи конформистом, он твердо стоял на платформе коммунистической идеологии, не забывая и о собственной материальной выгоде. Однако он стремился к достатку не любой ценой. Его материальный интерес опосредован "интересом образовательным", характерной для тех лет необходимостью, даже культом учебы, повышения квалификации, занятия интеллектуальным трудом. Мировоззренческие сдвиги происходят в данном случае на профессиональной основе. Обладая квалификацией, "новый" материалист получил реальную возможность роста уровня жизни. В то же время верующие рубежа 50–60-х годов — это преимущественно "люди без положения и связей": — крестьяне, рабочие, их жены, малообразованные и низкооплачиваемые. На атеистов и верующих, то есть материалистов и нематериалистов поделилось чехословацкое, как и в целом восточноевропейское, общество уже на первом этапе модернизирующей трансформации. "Атеизация" сознания и стала первым шагом в экспансии материализма.

Спад религиозности представлял собой один из ключевых процессов культурной трансформации периода социализма. Если в 1946–1947 гг. к "сознательным атеистам", по данным Э. Кадлецовой, себя причисляли 12% взрослого населения, то в 1963 гг. — 30%. На половину уменьшилось число верующих в Бога, на четверть — в Христа. Более религиозных, чем сами они, родителей имел 61% опрошенных. Все это свидетельствовало о массовости перехода на позиции "социалистического материализма", как показала история, достаточно мифологического мировоззрения.

Социально-демографическую основу секуляризации составили люди, встретившие процесс смены систем в двадцатилетнем возрасте. Однако уже следующая возрастная когорта — двадцатилетние 60-х годов принадлежали преимущественно к неопределившимся, колеблющимся. Лишь ме-

нее четверти их уже твердо уверены, что человек не нуждается в религии, хотя относительно немногие возвращались в лоно церкви.

В механическом превращении верующих в неверующих уже с позиций 60-х годов виделась опасность грядущего морального, духовного вакуума, перехода к потребительскому образу жизни и культуре. В атмосфере надвигающейся Пражской весны эти процессы, противоречащие идеям гуманизации, "очеловечивания" общества, представлениям о стратегии и целях социалистического развития, которые продолжали владеть умами чешских ученых и политиков, оценивались социологами крайне негативно. Самое начало 70-х годов подтвердило их опасения.

В странах региона, и прежде всего в Чехословакии, это были годы роста уровня жизни. Политика "нормализации" после событий 1968 г. сопровождалась новым спадом религиозности населения страны. "Центр тяжести" общественных преобразований сместился тогда из "мятежной" Чехии в "спокойную", динамично развивающуюся Словакию. Здесь теперь разворачивались основные процессы "материализации" сознания. В католической, еще сохранившей сельско-крестьянский облик Словакии на рубеже 1960 — 1970-х годов значительно возрос уровень благосостояния крестьянства. Беспрецедентно высокими темпами увеличивались его доходы. Расширились и возможности использования этих доходов, прежде всего на строительство индивидуального жилья. Активно велось возведение и благоустройство так называемых семейных домов — традиционно центральной для словака жизненной ценности.

На фоне этого благополучия менялись представления и ценности словацкого крестьянина, трансформировался его духовный мир. Можно сказать, что словацкое крестьянство неожиданно оказалась в авангарде перехода страны к обществу массового потребления. "Расплатой" стало явное несоответствие материальных характеристик культурным: благосостояние, выразившееся, например, во владении автомашинами, было в словацком селе обратно пропорционально величине домашних библиотек⁶⁸. Но особенно сильно рост уровня жизни сказался на состоянии религиозности, т.е. на духовном мире словака.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов Словацкая республика пережила резкое уменьшение доли верующих. По своим результатам оно было равносильно предшествую-

щим двум десятилетиям распространения атеизма среди словаков. Доля верующих сократилась с 70,7% в 1968 г. до 55,6% в 1974 г., а доля атеистов возросла вдвое, достигнув 30%⁶⁹. Однако и этот, второй после "индустриализационного", сдвиг в мировоззрении не отличался продолжительностью. Уже во второй половине 70-х годов уровень религиозности словаков относительно стабилизировался, причем возросло количество "активных верующих" за счет уменьшения "пассивных" (с 23,3 до 9,0%). Наблюдался постоянный прирост в категории "колеблющихся", тогда как доля атеистов оставалась практически неизменной. 39% населения республики, лишённые религиозной доминанты своей культуры, не обладали четкими мировоззренческими ориентациями и принадлежали в 1979 г. к числу "колеблющихся", "неубежденных атеистов" и "пассивных верующих".

Объяснение такого рода динамики религиозности 70-х годов заключается в мировоззренческих перепадах, особенно характерных для крестьянской части населения. В этой среде произошло снижение процента верующих в течение нескольких лет с 4/5 до 3/5⁷⁰. Наименьшие различия между Чехией и Словакией к началу 80-х годов существовали в уровне религиозности крестьянства, тогда как среди рабочих и служащих верующих в Словакии оставалось вдвое больше, чем в Чехии.

С процессом ускоренной секуляризации словацкого села в начале 70-х годов — период общественно-политической "нормализации" и роста материального потребления — был связан и упадок народной культуры. Вместе с традиционной религиозностью, составлявшей духовную основу жизни крестьянства, разрушалась и обратная сторона веры — фольклор, народное творчество. Ее заменяла односторонняя ориентация на массовую культуру — фундамент общества массового потребления. Проводником нового типа культуры и новых ценностей стали СМИ и прежде всего телевидение, активное вторжение которого в повседневную жизнь произошло в те же годы. В условиях общественной системы, получившей название "позднего", или "домашнего социализма", вчерашние крестьяне превратились в первых универсальных потребителей массовой культуры.

Возрождение и обновление народных обычаев религиозного содержания — рождественских, пасхальных, связанных со свадьбой и крещением — происходило в 70-е годы скорее в городах, причем чешских. И это было новым для

них явлением, как и оживление иррационального, мифологического типа сознания высокообразованного горожанина. В это десятилетие исчезает отчетливая зависимость между уровнем религиозности и величиной населенного пункта, которая существовала еще в его начале⁷¹. Но одновременно меняется тип веры: традиционный сельский тип религиозности уступал место "новому" городскому с его мировоззренческой неопределенностью, размытостью идейных и нравственных ориентаций. "Городской нематериализм", возникший в 70-е годы в среде значительно возросшей по численности интеллигенции и служащих, подготовил "почву" для идеологических трансформаций следующего десятилетия, завершившихся "бархатной" революцией – феноменом массового сознания восточноевропейского общества.

Неомодернизация 90-х годов принесла третий за полувек период, но самый мощный для стран постсоциалистического региона виток "материализации" сознания. На этот раз она сопровождалась возвращением церковью утраченных в большинстве стран региона в середине столетия позиций. Вместе с тем проблема материального существования – от простого физического выживания до достижения фантастического финансового успеха – заняла в 90-е годы доминирующее положение в посткоммунистическом мире, вытеснив духовные мотивы жизнедеятельности человека. Не существовало ни одной социально-демографической группы чешского общества, которая бы не соглашалась, что деньги в наше время стали важнее, чем раньше. А преобладающее большинство чехов было уверено, что "за деньги сейчас можно купить практически все"⁷².

Потребительский эгоизм и моральная вседозволенность явно не сочетались с религиозным типом мировоззрения и мироощущения. Смена религии как духовной доминанты общества потребительской культурой с ее универсальной для всех народов системой ценностей и институтов составляла содержание глобального цивилизационного перехода конца столетия⁷³. Потребительский материализм стал для участников ускоренного межцивилизационного дрейфа, более опасной "западной", чем материализм атеистический. Угроза дегуманизации общества, о которой предупреждали чешские социологи еще в 60-е годы, четверть века спустя лишь возросла.

Показательна в этом отношении динамика религиозности Словакии, где большинство населения, хотя и не подавля-

ющее, как в католической Польше, декларирует свою принадлежность церкви. Здесь между 1991 и 1999 гг. доля верующих увеличилась с 71 до 77% взрослых жителей; по другим данным — с 73–75 до 77–84%, в том числе католиков — с 60–61 до 64%⁷⁴.

В период демократизации и увеличения конфессиональной свободы после 1989 гг. ориентация на христианское учение, характерная теперь и для политической элиты, приобрела, как и в других странах региона, престижный оттенок. Религиозная вера вернула себе нормативную функцию, которая (в отличие от Польши) в Словакии значительно ослабла в условиях коммунистического режима. Однако процент неверующих и убежденных атеистов почти не изменялся, а рост рядов верующих шел в основном за счет колеблющихся, людей с неопределенной мировоззренческой позицией. Массовое появление их здесь вызвано последствиями рассмотренной выше атеизации начала 70-х годов. Теперь этот процесс получил "обратный ход".

Превращение равнодушных к религии в верующих служит, по мнению Я. Бунчака, проявлением социального конформизма. Многие, считает Л. Кралева, только формально декларируют свою принадлежность традиционным религиям, на самом деле не испытывая глубокой приверженности им. Характерно, что люди без вероисповедания и люди, не посещающие богослужений, образуют две разные, практически не совпадающие по составу группы населения⁷⁵. Так же как "не каждый, кто заявлял о своей вере в Бога, декларировал и свою принадлежность к церкви, и не каждый, кто декларировал принадлежность к церкви, считал себя верующим, или религиозно ориентированным"⁷⁶. Посещать богослужения начали в 90-е годы в посткоммунистических странах люди с относительно невысоким уровнем внутренней, эмоциональной ориентированности на религию.

Под "внутренней религиозностью" специалисты подразумевают не просто приверженность вере, но и следующие характеристики: субъективное ощущение важности Бога для человека в его повседневной жизни, способность обрести в религиозной вере покой и силу, а также найти время для молитвы. В совокупности эти характеристики свидетельствуют о действительной эмоциональной ориентированности на религиозную веру. В 90-е годы доля внутренне ориентированных на религию оставалась относительно стабильной при явном росте процента практикующих ре-

лигиозную веру, т.е. посещающих богослужения. Можно говорить о распространении именно "внешних" религиозных проявлений, включая сюда не только религиозную практику, но и самооценку себя как верующего, заявление о вере в Бога и его важности в жизни человека, о принадлежности к какой-либо церкви и доверии ей. Одновременно все перечисленные виды религиозных проявлений практиковали в 1991 г. 30%, а в 1999 г. — 38%, т.е. существенно большая часть населения Словакии⁷⁷. Этот рост шел преимущественно за счет людей с относительно низкой эмоциональной приверженностью вере, мировоззренческих конформистов. Он особенно характерен для среды, в которой процессы социокультурной адаптации и середины, и конца XX в. проходили наиболее интенсивно. Речь идет о горожанах словацкой национальности 35—44 лет со средним или высшим образованием и соответствующим ему социальным положением. Что же касается "внутренней религиозности", то по ее параметрам Словакия по-прежнему сильно (предположительно вдвое) уступала Польше⁷⁸. Вместе с тем в начале 90-х годов материалисты (по классификации американского исследователя Р. Инглхарта) в Словакии количественно доминировали. Тенденция роста их численности сохранялась на протяжении всего десятилетия.

Хотя серьезно увеличилась численность людей, называющих себя верующими (в 1999 г. — 77% опрошенных), как считают словацкие социологи, не произошло ощутимого роста авторитета институализированных церковей среди населения: 71% опрошенных считало, что церковь, к которой они принадлежат, отвечает духовным потребностям людей; 55% — что она помогает разрешить моральные проблемы и потребности индивида; 53% — что дает необходимый ответ на проблемы в семейной жизни; всего 22% — что церковь способствует решению тревожных для Словакии социальных проблем⁷⁹. Таким образом, для большинства церквей ассоциируется со сферой духовных потребностей и моральных проблем, возможно с регулированием семейных отношений, но не с решением конкретных социальных проблем.

Иной вариант развития современной религиозной ситуации характерен для Чешской Республики. Главное различие в системе ценностей чехов и словаков, как свидетельствуют социологические исследования, заключается именно в значении для этих двух народов религиозной веры. Понятие

"традиционный образ жизни" для словаков ассоциируется с верой в Бога, тогда как для чехов — с межчеловеческой взаимопомощью и равенством⁸⁰. Чешская нация всегда считалась наименее религиозной и наиболее секуляризованной в регионе. В 90-е годы декларировали наличие конфессиональной принадлежности менее половины чехов. В подавляющем большинстве это католики. Но по социологическим данным к числу действительно верующих принадлежит меньше половины зарегистрированных как верующие переписью, или пятая часть всего населения (по другим источникам — около 30%), а регулярно практикующих — даже в несколько раз меньше⁸¹. Сами чехи идентифицируют себя как наиболее секуляризованное не только в Европе, но и в мире сообщество, в котором реальная роль религии крайне невелика⁸². Опрос, проведенный в 1993 г. в Праге, показал, что религии принадлежит последнее по важности место в списке из 15 основных ценностей, во главе которого находились "здоровье" и "семья"⁸³. И в 1998 г. зарегистрирована аналогичная иерархия ценностей: "быть здоровым" на первом месте и "верить в Бога" на последнем, 27-м месте⁸⁴. В конце 1999 г. 61% опрошенных заявил, что не имеет вероисповедания, 56% никогда не ходит в церковь. Часто (хотя бы раз в неделю) посещает ее всего 8%⁸⁵.

Чешский тип религиозности определяется как "посттрадиционный" и сильно индивидуализированный⁸⁶. Традиционный ее тип, связанный с посещением богослужений и церковной идентификацией, в Чехии характерен главным образом для людей пожилых, родившихся в первой половине XX в., малообразованных, живущих вдали от крупных городов, но не для молодежи. Хотя доля допускающих существование Бога имеет сейчас тенденцию роста, а численность убежденных атеистов снижается приверженность традиционным конфессиям переживает стагнацию.

Особенность страны заключается в том, что наряду с отрицанием традиционных религиозных систем люди здесь тяготеют к мистицизму. Лишь один человек из 100 в 1998 г. однозначно отрицал не только существование Бога, но и сверхъестественного, его конкретных проявлений в жизни. В частности, почти половина верила в амулеты и гороскопы, оккультные явления. К христианству и оккультизму — двум духовным течениям — отнесло себя примерно равное количество чехов. Чешская молодежь, образованные и городские слои населения отдают предпочтение второму из них.

Д. Гампловой установлена взаимосвязь обоих течений и типов веры, их смешение в современном чешском сознании. Подобное смешение христианства с оккультизмом характерно для так называемого народного христианства. Его проявления отмечались в 70-е годы в чешских городах: период их "рурализации" и распространения в городской среде народной, в основе своей крестьянской культуры. Обращение к ней происходит в сложные моменты истории чешского общества, к которым можно отнести годы либерализации в такой же мере, как и "нормализации".

Оккультизм, в отличие от христианства, не сопряжен с верой в надличностный авторитет, в окружающих людей. А недоверие и осторожность — отличительная черта не только чехов, но и словаков. В ситуации нормативного хаоса, смены культурных систем развился синдром взаимного недоверия, который охватил различные стороны жизни людей. Большинство придерживались мнения, что "человек должен быть осторожным в отношениях с другими"⁸⁷. В 1990 г. в Брно (ЧР) около трети жителей считали своих соотечественников заслуживающими доверия. (Аналогичный показатель в Нидерландах достигает 88 — 90%)⁸⁸. А еще 10 лет спустя в Чехии считало, что большинству людей надо верить, всего пятая часть опрошенных⁸⁹. Недоверие к окружающим неотделимо от пессимистического взгляда на мир и неблагоприятного отношения к изменениям прошедшего десятилетия.

В условиях радикальных преобразований произошла мобилизация глубинных свойств национального характера. Одновременно везде в странах региона возрастала доля верующих, даже в нерелигиозной Чехии, а религиозная ориентация или ее отсутствие, как установили чешские социологи, служила главным фактором дифференциации всей системы ценностей. В то же время эта дифференциация не зависела, например, от общественно-политических взглядов, правых или левых⁹⁰.

Процессы, происходившие в 90-е годы в религиозной жизни чешского и словацкого народов, отражали содержание переживаемых ими трансформаций исторического, цивилизационного масштаба. Постсоциалистический период принес с собой феномен "сплошного материализма" и жесткого прагматизма. В этой ситуации именно религиозные и воцерковленные слои общества, как видно из данных по Словакии, оказались более предрасположенными к вере в

существование высшего смысла жизни. Равнодушные же к религии и нерелигиозные втрое реже задумывались над проблемой смысла жизни⁹¹. Массовое обращение к религии, возрождающемуся институту церкви отражало естественное стремление вернуть духовное начало своего существования. 1990-е годы отмечены увеличением посещаемости церквей и ростом религиозной маргинальности, т.е. появлением верующих-конформистов, избирательно верующих (признающих отдельные стороны вероучения), практикующих, но не исповедующих веру, и, наоборот, склонных к принятию некоторых религиозных норм, но не участвующих в церковной жизни. Крайней формой проявления религиозной маргинальности стало распространение оккультных ориентаций. Постматериализм и в западном понимании — это отход от традиционных форм вероисповедания, упадок институционализированной веры (посещение церкви и участие в обрядовой деятельности), ее индивидуализация при увеличении духовной составляющей человеческой жизни, стремления к поиску ее цели и смысла⁹². Он все больше занимает западного человека в эпоху постиндустриализма 1980 — 1990-е годы.

Одновременно рыночные реформы в Восточной Европе — это период экспансии материалистических ценностей. Большинство словаков воспринимало труд как необходимый источник средств существования ("попытка добыть деньги"), лишь для меньшинства это было личностное призвание и моральная обязанность. На первом месте в иерархии оценок разных видов труда находится величина заработка и производственная стабильность. Отношения с коллегами, комфортность труда и его полезность отошли в 90-е годы на задний план. В сфере труда изменилось и отношение к так называемому институализированному авторитету. В 1991 г. почти 60% опрошенных считало, что указания руководства надо исполнять, даже если нет уверенности в их правильности. В 1999 г. так думало уже лишь 30% опрошенных. Требования демократизации трудовых отношений, повышения их качества заметно снизились. К проявлениям "материализации" относят и значительно возросшую ценность рабочего места и для занятых, и для людей, ищущих работу, появление настороженного отношения к иностранным рабочим⁹³.

Тем не менее М. Тучек и его коллеги обнаружили и интересные проявления постматериалистических ориента-

ций в современной чешской и словацкой действительности. По их данным, 56% жителей Словацкой республики, но 44% Чешской, считают труд главным смыслом жизни⁹⁴. Меньшая важность труда для чехов объясняется социологами ни чем иным, как более развитыми постматериалистическими ориентациями этого народа. Самые западные славяне переходят к новым видам жизненных ценностей, связанным с раскрытием их индивидуальности по мере относительного насыщения материальных потребностей и преодоления трансформационного "шока". "Живут для того, чтобы радоваться" на 10% больше чехов по сравнению со словаками. Это, однако, не исключает повышенной мотивации первых высокими заработками, открывающими возможность нового типа потребительского поведения. Труд наравне с активностью в свободное время в эпоху наступающего постмодерна все чаще рассматривается как игра, развлечение, соревнование, "преодоление самого себя". В поколении двадцатилетних, рожденных в 70-е годы XX в., значительно слабее представлена категория людей, считающих работу главным смыслом жизни. Причем словацкая молодежь отличается в этом отношении от остального, т.е. старшего населения, больше, чем чешская. Оценка труда как главного смысла жизни у двадцатилетних по сравнению с пятидесятилетними ниже в ЧР на 11,9%, в Словакии — на 15%. Такое отношение к работе характерно сейчас для 56,0% в СР и 43,8% в ЧР⁹⁵. Общий сдвиг в сторону постматериализма по данному показателю в "менее развитой на старте" Словакии сильнее, чем в Чехии, которая по-прежнему ее опережает в этом смысле. Таким образом, чем позже случаются модернизационные и постмодернизационные сдвиги, тем быстрее они идут. Кроме того, эмпирически доказано, что "ментальность молодых людей, живущих к западу и востоку от реки Моравы, ближе, чем их родителей".

Почти все личностные качества населения обеих стран в той или иной степени в настоящее время определяются возрастом, т.е. поколенческой принадлежностью. Интересно, что больше различаются старшие поколения чехов и словаков, сформировавшиеся еще в одной стране, и ближе друг другу те, что сознательную часть жизни фактически были гражданами уже разных стран, но одновременно находились в пространстве интенсивной культурной интеграции на европейском континенте рубежа веков. Причем межпоко-

ленческие различия по всем параметрам, разумеется, больше в Словакии, чем в Чехии.

Особый социокультурный феномен — молодые пражане. По сравнению с молодежью других чешских городов, как установили социологи, пражская отличается пассивностью, иррационализмом, ригидностью в семейных отношениях, неприветливостью, нестабильностью и неуверенностью. В Словакии различия в менталитете горожан в такой степени не обусловлены поколенческой принадлежностью. Молодые жители Братиславы активней, общительней, уверенней, консервативней, чем, например, жители центра Восточной Словакии — Кошице⁹⁶.

Между молодежью Праги и Братиславы, сформировавшейся в эпоху, когда время — деньги, существуют значительные различия. Хотя ментальность молодых людей обеих стран имеет много общего, это не относится к жителям столиц двух государств. Молодые пражане не более авторитарны, напористы и самонадеянны, чем жители других чешских городов, как можно было бы подумать, а как раз наоборот. По сравнению с родителями они менее удовлетворены своей жизнью. Менталитет молодых пражан служит отражением их негативного отношения к ценностям родительского поколения, его потребительским ориентациям. А Прага воспринимается специалистами как "символ потребительского стиля жизни". Можно предположить, что "внутренне" и "потенциально" это уже город западного постмодерна. По ментальности молодые пражане отличаются от всех остальных групп населения обеих стран, в том числе от своих братиславских сверстников. Только в их высокообразованных контингентах эти различия стираются.

Социологические исследования прошедшего десятилетия показали, что современные процессы изменения нравственного облика восточноевропейского человека определяются двумя главными факторами — возрастом и религиозностью. Нравственная сфера восточноевропейской культуры в период либерализации трансформировалась особенно значительно. Усилилась вседозволенность, терпимость к новым, нетрадиционным образцам поведения, прежде всего демографического — супружеского, семейного⁹⁷. Моральная планка частной и общественной жизни резко понизилась. В Словакии мораль опиралась на традиционно сильную католическую веру. В менее религиозной Чехии "моральный ригоризм" выражен гораздо слабей⁹⁸. Тем не менее

именно чехи в эпоху "материализации" сознания на общерегиональном фоне, возможно, в наибольшей степени преуспели в сохранении своих традиционных духовных ценностей. Это произошло благодаря специфике их частной жизни, точнее консерватизму чешской семейной культуры.

Чешский и словацкий человек в условиях демографического перехода рубежа веков

На протяжении почти всей второй половины XX в. для чехов и словаков был характерен восточноевропейский тип демографического поведения. Он сформировался в группе стран, прошедших в этот период путь так называемой консервативной модернизации по советской модели — при сохранении некоторых полутрадиционных образцов культуры и повседневности. Такой тип демографического поведения характерен для стран, принадлежащих к пространству региона, который прошел восточноевропейским путем ускоренного развития от преимущественно сельского и крестьянского к индустриальному, городскому, высокообразованному обществу. Частью этого пространства стала как Словакия, так и Чехия, которая до середины XX в. относилась к числу не только промышленно развитых, но и к западноевропейскому типу демографического воспроизводства со свойственным ему высоким брачным возрастом, значительной долей мужчин и женщин, не вступающих в брак, сознательной бездетностью как стратегией жизни человека. В 1948 — 1989 гг. именно демографические реалии превратились в детерминанту геополитической идентичности народов, вошедших в "восточный блок".

Решающий этап демографического перехода, связанный с появлением крупных городов, формированием городской культуры и образа жизни, находит свое главное проявление в снижении рождаемости и изменении положения женщины, деятельность, отношения, интересы и ценности которой выходят за пределы ее традиционных семейных функций матери и жены. Совершается переход к малодетной одной и двухпоколенной семье. В Чешских землях тенденция роста рождаемости после промышленной революции третьей четверти XIX в. сменяется обратной. Чешские демографы В. Срб и М. Кучера считают 1873 гг. переломным в этом отношении⁹⁹. Рождаемость, достигнув тогда своего максималь-

ного значения, приобретает тенденцию снижения. В начале XX в. темпы этого процесса возрастают. Рассматриваемый показатель достигает своего минимума накануне Второй мировой войны, к 1936 — 1937 гг. составив 38% от его значения в 1870-е годы¹⁰⁰.

В середине XIX в. не существовало значительных отличий в типе воспроизводства населения между Чешскими землями и Словакией. До конца того столетия словаки сохраняли высокий уровень рождаемости, постепенное снижение которого началось на 40 — 50 лет позже по сравнению и с чехами, и с западноевропейскими показателями. Важнейшие сдвиги в способе естественного воспроизводства в Словакии пришлось уже на конец XX в., когда произошел распад социалистической системы с характерным для нее особым типом демографического поведения. Его отличал низкий брачный возраст, высокая доля населения, вступающего в брак, рождение детей вскоре после его заключения, преобладание семей с двумя детьми, небольшая доля внебрачных детей и мало благоприятная динамика смертности.

Общность демографического поведения населения стран региона сформировалась под влиянием господствующих здесь моральных норм и стиля жизни. На их основе возникла восточноевропейская модель семьи, которая ориентируется на высокий уровень эмансипированности женщин на рынке труда, предпочтение брачного союза другим формам партнерских отношений, воспитание детей как сердцевину семейных отношений и одобрение развода как форму разрешения супружеского конфликта¹⁰¹. Восточноевропейский тип семейного поведения — это уже несомненное отрицание традиционной модели семьи. Вместе с тем он представляет собой смешение ценностных систем, концепций и стилей жизни. Распространенные в бывших соцстранах взгляды на семью, брак, воспитание детей формировались в условиях высокой, практически полной женской занятости и государственной поддержки института брака и рождения детей, а также ограниченных возможностей самореализации людей во многих других сферах жизни. В результате по показателям брачности Восточная Европа тяготела к группе стран с выраженной традицией католицизма, отличаясь от них гораздо более высокими показателями разводимости.

Для чехов, дальше других народов региона ушедших по пути цивилизационного прогресса, интеграция в "восточный блок" повлекла возвратную динамику ряда показате-

лей естественного воспроизводства. С начала 50-х годов XX в. их семейное поведение существенно меняется: исчезает добровольная бездетность, безбрачие, резко снижается возраст вступления в брак и рождения первого ребенка. Подъем рождаемости в период индустриализации пережила, например, Североморавская область — центр развития тяжелой промышленности страны, нуждавшейся в значительном притоке мужской рабочей силы со всех областей, в том числе и из аграрных регионов Словакии. В этой и других испытывавших второе рождение индустриальных областях возобладал экстенсивный тип воспроизводства населения с характерной многодетной семьей. Демографическая политика начала 70-х годов явилась важной частью "нормализации" общественной жизни после событий 1968 г. Государство усилило меры по поддержке семьи, материнства и детства, пытаясь канализировать протестную энергию чешского общества в семейную сферу. Политика поощрения рождаемости вызвала ее значительный, хотя и относительно непродолжительный подъем. В результате этой политики Чехословакия даже опередила остальные страны региона по темпам роста рождаемости. Доля лиц, вступающих в брак, в эти и последующие годы возрастала, достигнув предельных величин (90 — 95% 20 — 29-летних). Причем браки заключались в более раннем возрасте, чем в довоенный период. Если в 30-е годы доля замужних женщин среди двадцатилетних составляла только 15%, то в 70-е годы она приблизилась к половине. В 30-е годы брак мужчин в возрасте 20 лет был исключением, теперь в этом возрасте женат был уже каждый десятый¹⁰². Государство в своей социальной политике делало явный акцент на материальной поддержке семей с малолетними детьми, создавая массовые основы коммунистического режима в среде молодого поколения и формируя общество "домашнего социализма". Таким образом, восточноевропейский тип демографического поведения, как и характерный для него тип семьи и семейных отношений, пережил период своего расцвета в чешском обществе периода "нормализации".

Пик рождаемости пришелся в Чехии уже на 1974 г., дольше сохранялась высокая брачность. Одновременно постоянно росла разводимость. Разводом заканчивалось в конце 60-х годов четверть браков, в 1990 г. — 38%¹⁰³. Схожие тенденции характеризовали и демографическое поведение сло-

ваков. Однако в восточной части страны уровень жизни рос быстрее, чем в западной, а социально-политические последствия событий 1948, и 1968 гг. были менее выраженными. В годы первых пятилеток угледобывающие центры Чехии и Моравии стали "промышленным сердцем" всего восточно-европейского региона, или "восточного блока". Аналогичным образом события 1968 г. предопределили исторические судьбы всей социалистической системы, но больше всего отразились на жизни самого чешского народа.

Население Словакии — более молодое, сельское и религиозное по сравнению с чешским отличалось и по характеру воспроизводства, которое не было подвержено колебаниям, аналогичным чешским. Подавляющее большинство словаков составляли жители сел или первого поколения переселенцев в города, также сохранявших преимущественно традиционалистский жизненный уклад. При одинаковых с чешскими показателях брачности и брачного возраста, разводимость религиозно ориентированных словаков значительно ниже, чем чехов. Несмотря на превосходящие чешские темпы роста разводов, словацкие семьи оставались более стабильными. Всплеск рождаемости 70-х годов здесь был "умеренным", именно в то десятилетие совершился переход к двухдетной модели словацкой семьи.

Уже с начала 60-х годов демографическое развитие Чехии все больше начинает отличаться от западного. Доля так называемых полных семей с детьми в 1960 — 1970-е годы росла, достигнув 58% в 1980 г.¹⁰⁴ Чешские авторы отмечали значительные расхождения в отношении к гражданскому браку в Чехии и на Западе. Максимального проявления различие в демографическом поведении достигло именно в период бума рождаемости начала 1970-х годов — короткого, но имевшего значительные социальные последствия. Именно тогда возникли качественные различия между восточной и западной частями европейского континента в динамике демографических показателей. Для Западной Европы это было время второго демографического перехода, связанного со снижением рождаемости и брачности, для Чехии и в целом Восточной Европы — напротив, временем их роста и расцвета так называемого фамилиоцентризма, превращения семьи в фокус общественной жизни и доминанту системы ценностей, время "домашнего социализма". С завершением строительства "основ социализма" и наступлением относительно спокойной и безбедной жизни люди вернулись к тихому се-

мейному быту полутрадиционного типа. В этот период семья и ближайшее окружение, дом и домохозяйство приобретают первостепенную важность и смысл. Частная сфера отделяется от общественной, а живой "мир человека" — от формального "мира институций".

После повышения уровня благосостояния населения в начале 70-х годов различия в материальном положении социальных и национальных групп свелись к минимуму. Гарантии полной занятости, бесплатного медицинского обеспечения и образования создавали ощущение безопасности и уверенности в завтрашнем дне. Все это благоприятствовало расцвету семьи, в которой человек находил компенсацию ограниченных возможностей и карьерного, и имущественного роста. В семье он чувствовал себя естественно и непринужденно, здесь фактически и проходила его жизнь. Один из жителей словацкого села в 1979 г. заявил, что фактически "живет с полудня пятницы до утра понедельника", т.е. только когда находится дома в кругу семьи¹⁰⁵.

В этот период вся внеуродовая жизнедеятельность человека приобрела выраженный семейный характер. Феномен "возврата к семье" в Восточной Европе совпал по времени с образовательной революцией рубежа 1960 — 1970-х годов, в которой женщины участвовали даже более активно, чем мужчины. Вместе с тем явно изменились приоритеты семейной политики государства: от обеспечения полной занятости женщин, составлявшей основу этой политики в период индустриализации, совершился переход к поощрению их традиционных функций, связанных с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей.

Именно в семейной среде, в неформальном кругу традиционно на протяжении столетий закладывались основы выживания и самосохранения обоих народов, особенно в переломные периоды их истории. К их числу относится и вторая половина XX в. с ее системными трансформациями и "бегством от кризиса в семью". Вплоть до начала политических преобразований в Восточной Европе, в преддверии бархатных революций частная жизнь остается главным способом существования восточноевропейца. "Социализм начался у нас с того, что обобществил семью, а закончился тем, что был семьей тотально колонизирован", — написал чешский социолог И. Можны¹⁰⁶. "Семейный фон" общественной жизни Чехии 1970 — 1980 годов выразительно показан им в кни-

ге "Почему так легко?.."¹⁰⁷. Как следует из нее, большинство семей (семейных кланов) достаточно хорошо вписались в социальные реалии позднесоветского типа и были относительно удовлетворены ими.

Чешский человек, по И. Можны, отличается скептицизмом по отношению к разного рода новациям, полагаясь прежде всего на институт семьи, его традиционные функции самообеспечения и самодостаточности, а в период, который автор определяет как "поздний модерн" — еще и самореализации личности. Пока Запад возбужденно дискутировал о потребительском обществе, — пишет социолог, — мы тихо реализовали эту идею. Сложилось такое положение, когда «у людей есть все, но они ругают режим с утра до вечера. Все ругают режим, но на выборах голосуют стопроцентно "за"»¹⁰⁸. Относительно независимая и автономная от государства восточноевропейская семья является хранительницей и надежным инструментом передачи ценностей национальной культуры из поколения в поколение. Институт семьи, бывшей в 70-е годы практически единственной альтернативой официозу "реального социализма", в то десятилетие окреп и усилился, став основой "суверенности" индивида по отношению к действительности. Но и сама власть видела в семье, межпоколенных отношениях взаимной поддержки и сотрудничества основы социальной солидарности, консолидации общества, которую не могла обеспечить политически, или "сверху".

В соответствии с общепринятыми нормами жизни на родителей возлагалась моральная обязанность заботиться, обеспечивать условия получения максимально высокого уровня образования и поддерживать финансово детей и внуков как можно дольше и независимо от индивидуальных возможностей. Вырастая, дети выполняли те же обязанности в отношении собственного потомства. Молодые люди ориентировались на материальную помощь родителей на протяжении практически всей жизни. Опрос родителей пятнадцатилетних детей, проведенный в начале 80-х годов XX в. в Чехии, показал, что 40% их выражало намерение поддерживать своего сына (дочь) экономически "насколько хватит сил"¹⁰⁹. "Инвестирование" в следующее поколение, в семью, в семьи детей составляло наиболее распространенную жизненную стратегию людей того времени¹¹⁰. (Надо заметить, что у 95% чешских семей после пяти лет брака была собственная квартира¹¹¹.)

Для молодежи тех лет создание семьи стало, по выражению словацких социологов Я. Филадельфиовой и П. Гураня, "автоматическим"¹¹². К этому располагала существовавшая тогда атмосфера смешения традиционной христианской морали с социалистической идеологией. Молодежь практически одновременно начинала жизненный путь — семейный и профессиональный, рассчитывая в этот момент на помощь со стороны и родителей, и государства.

Микроструктуру восточноевропейского общества традиционно составляет не отдельная личность или нуклеарная семья, а сплоченная малая группа. Престарелые супруги и молодые связаны регулярными отношениями, которые сочетаются с "горизонтальными" связями между ними и более дальними родственниками, с другими семейными кланами, в совокупности образующими систему взаимозависимости. Ее повседневное существование составляет "ядро" жизненного мира восточноевропейца. Так или иначе, большинство семей интегрировано в систему социальных контактов в рамках семьи в широком смысле¹¹³. Частые встречи с родными, друзьями и знакомыми наряду с важнейшей не только для словацкого, но и для чешского человека ориентацией на семью и составляют их основной круг жизни. Весь мир в данном случае поделен на "членов семьи" и "чужих". "Связи", на которых держится общество такого, по сути полутрадиционного, типа, иногда называют "аморальной семейственностью"¹¹⁴. Привлечение семейных связей, разного рода знакомств словаки считали не только типичным для себя способом выживания в кризисных ситуациях, но и наиболее эффективным инструментом социального и экономического продвижения¹¹⁵.

В 1970-е годы, особенно в их конце, в сфере семьи концентрировалась жизненная энергия восточноевропейского общества. Взаимопомощь членов семьи в обеспечении их всем необходимым восполняла существовавший дефицит товаров и услуг. Семья во многом дополняла государство собственными ресурсами — материальными и социальными. Интегрированная в еще более широкий круг неформальных контактов, она функционировала как важная экономическая структура социалистического общества, недалеко ушедшего от общества традиционного типа с его приоритетом социальных институтов над безличными финансовыми. Причем различие в степени вовлеченности в самодеятельное производство между городским и сельским населением

оставалось минимальным. 25% пражских семей самостоятельно изготавливали мебель, 57% ремонтировали автомашины¹¹⁶. Следование семейным интересам и их охрана утвердились в качестве приоритетной цели жизнедеятельности людей. Сложившаяся модель поведения была близка народам, традиционно тяготеющим к семейным ценностям как основе их жизненной стабильности и устойчивости.

Важнейшей стороной восточноевропейского типа демографического поведения стало радикальное изменение положения женщины. Однако ее эмансипация была особой — частичной, ограниченной профессиональной сферой, при сохранении и даже развитии традиционных функций женщины — матери, домохозяйки, жены. Наиболее распространенным способом поведения женщины стало совмещение "труда и дома" при явном приоритете второго. Эмансипация происходила на фоне радикальных сдвигов в разделении труда и социальной структуре населения. Это был переход к совершенно новой не только для аграрной Словакии, но и для индустриальной Чехии образовательной и профессиональной структуре женского населения. Уже в период индустриализации женщины, оставив мужчинам более высокооплачиваемые виды физического труда в промышленности, пополнили малоприоритетные в то время отрасли непродуцированной сферы. Они составили более половины работников этой сферы уже в 60-е годы, но массовый рост женской занятости начался сразу после 1948 г., превратившись в основной источник пополнения трудовых ресурсов. Целые сферы жизни общества и виды занятости оказались феминизированными.

К середине 80-х годов численность работающих женщин возросла в Чехословакии на две трети (мужчин — на одну пятую)¹¹⁷. Уже в начале 70-х годов процесс вовлечения женщин в общественное производство был практически завершен: в 1973 г. к числу экономически активных принадлежало свыше 85% женского населения трудоспособного возраста (в Чешской Республике — 89%, в Словакии — 80%)¹¹⁸. Доля женщин в общей численности занятых достигла тогда предельных или близких к предельным значений, а Чешская республика стала страной с одним из самых высоких уровней занятости женщин, которая почти не отличается от показателей мужской занятости. В последующие годы чехословацкие женщины вышли на одно из первых мест в мире не только по интенсивности занятости, но и по образованно-

сти. По доле высокообразованных контингентов женщины даже постепенно опережали мужчин. Особенно выразительно этот процесс проявился в Словакии с ее более высокими темпами роста числа обладателей вузовских дипломов.

Распад "восточного блока" и рыночная трансформация 90-х годов привели народы региона к модернизации их демографического поведения и сознания. "Бархатная революция", по выражению В. Кучеры, "упала с неба". "Платой" за процессы демократизации стала неотрадиционалистская система ценностей 1970 – 1980-х годов и составлявшие ее основу социальные гарантии прежнего режима, весь стиль жизни времени "домашнего социализма". Тогда подавляющее большинство, практически все, чехи и словаки хотя бы часть жизни проживали в законном браке, чего уже не было на Западе. Расширение после 1989 г. возможностей получения образования и квалификации, в том числе и за границей, высоких заработков, материального потребления и проведения досуга, туризма заставляли молодого человека отказываться от семейного благополучия, во всяком случае, от ранних браков и раннего обзаведения потомством. Индивидуалистические и потребительские ориентации стали альтернативой семейным. С 1992 г. началось снижение брачности, вызванное сменой ценностей, жизненных целей и стиля жизни, формированием новых образцов семейного, точнее несемейного поведения, прежде всего молодежи.

Либерализация принесла с собой перемены, которые шли в Западной Европе на протяжении уже двух десятилетий. Капитализм оказался для восточноевропейской семьи, по выражению И. Можны, "более твердым орешком" по сравнению с социализмом, предпринятой им попыткой "консервативных" преобразований. Рыночные реформы сопровождались столкновением так называемых современных ценностей с традиционными, т.е. культурные факторы превратились в главный механизм общественных перемен, а браки и разводы – в показатель цивилизационного развития. Демографический переход приобрел в этих условиях характер демографического кризиса. Он выразился в сокращении рождений и браков до минимальных мировых показателей, в беспрецедентном росте числа разводов.

Быстро повышался средний возраст вступления в брак. В 1989 – 1997 гг. он увеличился для мужчин с 24,6 до 27,7 лет, у женщин – с 21,8 до 25,4 лет. Молодежь откладывала заключение супружеского союза, что и вело к снижению ин-

тенсивности брачности и рождаемости. Если в 1989 г. в ЧР 80% неженатых мужчин и 92% незамужних женщин моложе 30 лет вступало в брак, то уже в 1994 г. — всего 61 и 73%¹¹⁹. Число заключенных браков в 1990 — 1998 гг. сократилось на 40%, а количество внебрачных детей увеличилось на 50%¹²⁰. Росло безбрачие и повышался средний возраст родителей при рождении первого и последующих детей. Чешская республика, давно принадлежащая к числу стран с наиболее высокими показателями разводимости, пережила новый этап их роста. Уровень разводимости к 1996 г. достиг максимальных значений. Разводом заканчивается сейчас свыше 40% чешских браков. По этому показателю ЧР — один из европейских лидеров¹²¹. Новым явлением стало снижение брачности разведенных на треть¹²².

Падала численность новорожденных. В начале 1990-х годов в репродуктивный возраст вступили когорты, рожденные в период демографического бума первой половины 70-х годов. Эти когорты достигли тогда возраста, в котором находились их отцы и матери в момент их рождения. Однако молодая генерация не последовала модели естественного воспроизводства, действовавшей на протяжении почти полувекового периода. Активно формировались новые образцы брачного и репродуктивного поведения.

Еще в 1989 г., при старой воспроизводственной модели средний возраст матерей составлял 24,8 года. В Западной Европе он достигал уже 28 — 29 лет. Перелом произошел в 1994 г., когда этот показатель начал быстро расти, к концу десятилетия превысив 27-летний рубеж¹²³. Аналогичным образом еще в конце 80-х годов подавляющее большинство детей рождалось в зарегистрированных браках. Внебрачных детей было всего 8%, а в 1996 г. — к этой категории принадлежал уже каждый шестой новорожденный. Свыше половины внебрачных детей приходится на низкообразованные контингенты женского населения с неполным средним образованием. Меньше всего это характерно для матерей, имеющих высшее образование. В 1990-е годы утрачивалась традиционная взаимосвязь между вступлением в брак и рождением ребенка. Терпимей стало отношение людей к гражданскому браку, официальная регистрация которого теперь не сопровождается получением социальных льгот или пособий, как это было в предшествующие десятилетия. Заводить семью и иметь много детей стало считаться экономически невыгодным¹²⁴. С 1994 г. ежегодно уменьшается и

численность населения ЧР. Правда, в Чехии (в отличие от остальных посткоммунистических стран) повысилась ожидаемая продолжительность жизни за счет уменьшения смертности.

В Словакии исторический сдвиг в демографическом поведении менее выражен: словацкая семья — более "закрытая" структура по сравнению с чешской, взаимосвязь личного и общественного в первой слабей. Тем не менее спад рождаемости здесь, как и в Чехии, отчетливо проявился с 1994 г. Как свидетельствовали социологические исследования семейной жизни, с этого времени финансовые проблемы стали в ней доминировать. И здесь начался постепенный переход от двухдетной к однодетной модели семьи, доля внебрачных детей в 2000 г. достигла 18,3%¹²⁵. Культурные образцы, характерные для Западной Европы, с середины 90-х годов проникли и в преимущественно сельскую — уже не в социально-структурном, но в ментальном, социально-психологическом отношении — словацкую среду¹²⁶. Произошли существенные ценностные сдвиги: изменилось отношение к положению женщины. Если в 1991 г. почти три четверти опрошенных думали, что условием реализации предназначения женщины является наличие у нее детей, в 1999 г. большинство опрошенных (55%) считали, что для ее самореализации это необязательно. Большинство одобряло желание женщины стать матерью, не вступая в брак. Преобладало мнение, что работа не оказывает никакого негативного влияния на формирование отношений матерей с их детьми, что у женщин должно быть занятие, предоставляющее им материальную независимость, что в финансовом обеспечении семьи должны участвовать и муж, и жена. По оценке специалистов, в Словакии постепенно утверждалась модель эмансипированной партнерской семьи, в молодежной среде уже доминирующая¹²⁷. Однако, например, институт гражданского брака не получил широкого распространения в Словакии. Супружеская семья остается доминирующей формой брачного союза. Абсолютное большинство молодежи — свыше 80% всех не состоящих в браке, ориентированы на создание именно такой семьи¹²⁸.

Если в Чешских землях разводимость имела постоянную тенденцию роста на протяжении всего послевоенного периода (она здесь увеличилась в 1950 — 1980-е годы вдвое), то в Словакии эта тенденция начала проявляться только с середины 60-х годов, точнее после 1968 г. Реальные изменения в

положении словацкой женщины произошли уже на втором этапе послевоенного развития. Интенсивность распада супружеских пар в Словакии в 1985 г. была аналогичной чешской двадцатилетней давности. С середины 90-х годов уровень разводимости словаков возрастал, оставаясь, тем не менее, минимальным на общеевропейском фоне (1,7 разводов на 1 тыс. человек).

Несмотря на объективные процессы изменения структуры семей и домохозяйств, свидетельствующие об их прогрессирующем многообразии и сокращении величины, противоположное представление складывается из материалов социологических исследований. Согласно им, растет ориентация на многопоколенные, даже многосемейные домохозяйства. Забота о потомстве до достижения им зрелого возраста является нормой словацкой культуры¹²⁹. И поныне именно в семейно-репродуктивной сфере зарождаются и коренятся основные отличия восточноевропейского общества от западноевропейского. По оценке специалистов, и в 90-е годы XX в. словацкое общество оставалось "скорее закрытым, настороженным по отношению ко всему иному, чужеродному прежде всего в воспроизводственном поведении"¹³⁰.

Результаты исследования конца 1999 г. показали, что и спустя 10 лет общественной трансформации в Чешской и Словацкой республиках преобладает ориентация на традиционные ценности, прежде всего семью и семейную жизнь¹³¹. Причем значимость для человека семьи не зависит от того, находится ли он в браке, от социальной или демографической принадлежности.

Индивидуализм и прагматизм, прогрессировавшие в 90-е годы, вступали в противоречие с консервативным типом семейного поведения, который пережил в Восточной Европе эпоху не только раннего, но и позднего модерна, практически перешагнув в эпоху постмодерна. Период рыночно-демократических реформ все же не принес кардинальных перемен в господствующую модель поведения. Напротив, посткоммунистическая трансформация, по своей сути либеральная, на ее начальных, самых напряженных этапах, когда финансовое положение семей резко ухудшилось, даже усилила традиционализм семейных отношений. У человека, поставленного перед необходимостью поиска путей выживания в изменившемся мире, произошла мобилизация глубинных, по сути консервативных механизмов самосохранения. Причем

наиболее последовательными носителями традиционного типа демографического поведения выступали самые "продвинутые" в экономическом и политическом отношениях страны, "авангард" процессов вестернизации Восточной Европы — прежде всего Чехия. Реальность, когда жизнь современной семьи определялась главным образом материально-финансовыми факторами, доля полных семей с детьми уменьшалась, а увеличивалась доля семей неполных и домохозяйств, включающих всего двух членов и еще чаще одного, не импонировала современному чешскому человеку. Согласно опросам, полная семья не теряла своего приоритета в системе его ценностных ориентаций¹³².

В Чехии, считающейся наиболее "отклоняющимся" (девиантным) в восточноевропейском сообществе случаем не только самых западных славян, но и самой секуляризированной популяции, семья остается особой формой национальной религии. Исследование, проведенное среди молодых пражских женщин, показало, что большинство их относит себя к неверующим, не принадлежа ни к одному профессиональному сообществу, но в то же время обладает своеобразной верой, которую связывает именно с семьей¹³³. К числу последовательных сторонников традиционной модели семьи и брака, признающих святость семейного союза, жертвенность по отношению к детям, осуждающих неверность и разводы, в прошлом десятилетии принадлежало 46,4% опрошенных. Почти столько же (45,5%) признавало только некоторые стороны традиционного супружеского союза. Радикально его отрицало менее 10% чехов¹³⁴. Причем социальная дифференциация норм демографического поведения не была обнаружена, различия в нравственных устоях мужчин и женщин и даже представителей разных поколений имели принципиальный характер.

Падение брачности отличало прежде всего низкообразованные слои населения. Наибольший прирост безбрачия произошел в 90-е годы именно в их среде: в начале 90-х годов среди чешских женщин моложе 50 лет с основным (восьмилетним) образованием незамужние составляли всего 4%, а в 1999 г. — половину — 51%¹³⁵. Такое распределение не было характерно, например, для Франции или же самой Чехии начала 80-х годов: в обоих этих случаях вероятность замужества с ростом образования, напротив, понижалась.

Словацкие исследователи также констатировали стабильность и постоянство модели семейного поведения насе-

ления страны¹³⁶. Следует учитывать, что здесь все еще продолжал преобладать сельский образ жизни над городским, сохранялся высокий уровень религиозности. Столкновение с жесткой экономической реальностью 90-х годов негативно отразилось на характере внутрисемейных отношений. Как свидетельствуют словацкие данные, чаще всего это выразилось в росте раздражительности супругов (82%), а также в увеличении эгоизма (54%) и уменьшении терпимости (53%)¹³⁷. Тем не менее восточноевропейское общество ответило на новый трансформационный вызов мобилизацией своего традиционного ресурса – семейного.

В 1991 г. в Чехословакии семью считало "очень важной в своей жизни" 87% опрошенных, тогда как, например, друзей – всего 24%. Верили членам своей семьи 83%. Недоверие же "обществу" было здесь широко распространено: 73% при общении с чужими людьми предпочитало "соблюдать осторожность"¹³⁸. Семья как система родственных взаимосвязей в очередной раз взяла на себя функцию относительно независимого "предприятия", полагающегося на свои силы, взаимную поддержку, восполняя собой недостающие государственные функции. Трудностям нового переходного периода восточноевропейское общество противопоставило испытанный историей "ресурс" семейной солидарности. Самые прагматичные из народов региона чехи предпочли семейную солидарность широко пропагандировавшейся в период рыночных реформ предпринимательской деятельности: лишь 5% выражало стремление создать собственную фирму и стать самозанятым¹³⁹. В качестве главной стратегии преодоления трудных времен 90% чехов избрало "семейно-оборонительную", подразумевавшую экономию и сокращение расходов. В условиях падения уровня жизни в начале 90-х годов чешские семьи прибегли к самой надежной стратегии материального самоограничения. По мере исчерпания ее возможностей иссякал и потенциал поддержки либеральных реформ.

Значение стратегии самоограничения возросло и в Словакии к середине 90-х годов, когда решать проблему дефицита семейного бюджета уже не удавалось с помощью дополнительных заработков: возможности их сократились в условиях недостатка рабочих мест. Расходы семей на промышленные товары и продукты питания были сведены словаками до уровня, близкого минимальному, а самообеспечение продуктами и услугами, по оценке специалистов, до-

стигло предельного уровня¹⁴⁰. Словацкие семьи — даже независимо от их уровня доходов — объединяет высокая степень семейной взаимопомощи, родственного участия. Семья в Словацкой Республике по-прежнему остается главным субъектом хозяйствования, находится во главе иерархии ценностей всех социально-демографических групп.

На протяжении всего периода 1990 — 1999 гг., как показывают данные института изучения общественного мнения, в иерархии ценностей чехов первое место стабильно занимала ориентация: "жить в благополучной семье", второе: "помогать прежде всего своей семье и друзьям", третье: "иметь друзей, с которыми находишь взаимопонимание". Напротив, самые последние, 29 — 33 места в этой иерархии занимали соответственно следующие ценностные ориентации: "достичь значительного положения в обществе", "иметь собственную фирму, быть ее владельцем", "жить по религиозным принципам", "иметь работу, позволяющую управлять людьми", "проводить политику своей партии, движения"¹⁴¹. Иными словами на фоне явного и постоянного доминирования ценности семьи и отношений с близкими в чешском обществе 90-х годов существовало отчетливое разделение на "мир людей" и "мир институций", так характерное для периода "домашнего социализма". Не особенно ценилось ни общественное положение, управленческий статус или политическая ангажированность — механизмы включения в общественную жизнь периода социализма, ни религия или предпринимательская инициатива, выполнявшие ту же функцию при новом режиме. Главная тенденция динамики системы ценностей прошедшего десятилетия в этой стране заключалась в радикальном — после революционной эйфории 1989 г. — спаде ориентаций, связанных с участием в общественно-политической деятельности.

Для чешского и словацкого человека семейные ценности оставались важнейшим элементом национальной культуры, обеспечивающим сохранение национальной идентичности двух народов, пограничных между Востоком и Западом. В конце XX в. в условиях очередного передела политической карты Европы и процессов глобализации именно семья и семейный традиционализм помогли им сохранить себя и свою культуру.

Семь из десяти чехов убеждены, что финансовое обеспечение семьи составляет обязанность прежде всего мужчины, а женщина должна отдавать приоритет семье перед ка-

рьерой¹⁴². Во всяком случае, чешские мужчины и в самом конце XX в., по оценке социологов, принадлежали к сторонникам консервативной модели семьи. Традиционные семейные формы поведения, связанные с родственными отношениями, взаимопомощью и взаимосвязями членов семьи, действительно более значимы для сельской и религиозной Словакии. Однако среди молодых чешских мужчин больше, чем среди их словацких сверстников, сторонников традиционного разделения труда, когда муж является кормильцем и главой семьи, а жена ведет домашнее хозяйство. С такой своей ролью соглашались словацкие женщины только самого старшего возраста. Если речь идет о своеобразном мировоззренческом бунте самого молодого поколения чехов, то в отличие от выступлений его в 1968 и 1989 гг. нынешний — антимодернизационный и неполитический, в ответ на демографическую революцию и демографический кризис.

Молодое поколение, как установили социологи, демонстрировало даже гораздо более консервативные взгляды, чем их отцы и матери, несмотря на то, что ценность брака и семьи для молодежи явно сократилась по сравнению с предшествующими поколениями¹⁴³. В ЧР намного ниже, чем в других странах Европы, взаимосвязь между взглядами на проблему семьи и брака и возрастом. Тип демографического сознания, который в большинстве европейских стран свойственен самым старшим поколениям, в Чехии в гораздо большей степени присущ представителям самой молодой возрастной когорты¹⁴⁴. Причем следование традиционным образцам семейного поведения не сопровождается появлением у чешской молодежи ощущения жизненного неуспеха или материальной катастрофы.

Именно на женщине здесь по-прежнему оставалась основная ответственность за домашнее хозяйство и воспитание детей, т.е. за безопасность и обеспечение преемственности рода, а значит и всего общества. Сохранялся своеобразный восточноевропейский матриархат, который женщины сознательно предпочитали партнерской модели отношений с равным распределением домашних обязанностей. Чешские женщины не воспринимали себя как конкурентов мужчин в профессиональной сфере. Более естественной сферой самореализации они считали семейную, особенно воспитание детей. Здесь они чувствовали свою незаменимость, освобождая мужчин от домашних обязанностей. Бытовало мнение, что мужчинам в целом тяжелее в силу высо-

ких производственных нагрузок¹⁴⁵. И для словацкой, и для чешской современной женщины важнее в этом смысле соотношение не равенства, а справедливости. Разделение труда между мужчинами и женщинами, возникшее в предшествующие десятилетия, сохранилось в наши дни. В сочетании с семейными ролями взаимодополняющие их общественные роли образуют систему, основанную на неодинаковом положении полов, но не порождающую конфликтов и напряжений¹⁴⁶. Практически не осталось сфер деятельности, в которых бы мужчины и женщины друг с другом конкурировали¹⁴⁷. Хотя женщины больше мужчин пострадали от безработицы, появившейся в результате экономической либерализации начала 1990-х годов, 54,7% опрошенных в бывшей Чехословакии однозначно соглашались с утверждением: "при условии недостатка рабочих мест мужчины должны иметь больше прав на них, чем женщины". Решительно возражали против такого неравенства полов в России 51,6%, Болгарии — 44,7%, а в США — 69,7%, Швеции — 86,2%¹⁴⁸.

Для современного чеха или словака семейный традиционализм — понятие не архаическое, а постоянно обновляющееся. Большинство населения посткоммунистического региона сформировалось в семьях, где мать была занята в общественном производстве полный рабочий день. И это рассматривалось как единственная общепринятая норма. Отец же именно в семье находил наибольшие возможности самореализации. Для восточноевропейских наций, относящихся к "наиболее развитым", к числу которых безусловно принадлежит чешская, в эпоху либерализации характерен не отказ от института семьи, а скорее стремление к более равному распределению между супругами ролей и обязанностей, домашних и производственных. В данном случае проявляется традиционная для чехов ориентация на уравниательные идеалы и практику повседневной жизни недавнего социалистического прошлого, когда в Чехии перестала существовать такая социальная категория, как домохозяйка.

И сейчас по уровню экономической активности чешские женщины трудоспособного возраста лидируют на общерегиональном фоне. Ожидавшегося снижения их занятости при "переходе от социализма к капитализму" не произошло, продолжительность рабочего времени занятых женщин и мужчин по-прежнему мало различается. По финансовым соотношениям и в силу уже достигнутого уровня эмансипированности в производственной сфере они сохраняют высо-

кий уровень трудовой активности, составляя немногим менее половины всех занятых. Доля женщин, работающих даже неполный день, в этой стране существенно меньше, чем в других странах Европы, гендерная дифференциация в сфере труда здесь гораздо слабей, чем на Западе, а высокая женская занятость не является фактором снижения рождаемости. Таким образом, рассудительное чешское общество демонстрирует специфический — уже не традиционный в привычном понимании, но отличный от западного тип семьи, гендерных отношений, женской эмансипации.

Суммарное количество часов, отработанных экономически активной женской популяцией в Чехии, по подсчетам социологов, значительно превышает это количество для женщин западноевропейских стран. Не только тип динамики женской занятости, но и сочетание семейной и производственных ролей у чешских женщин, по оценке М. Чермаковой, уникальна. В так называемых развитых демократиях модель соотношения трудовых и семейных функций у женского населения совсем иная. В западноевропейской семье женская занятость и доходы от нее считаются вторичными по отношению к заработкам и труду мужчин. Чешские женщины, получая в среднем на треть более низкие доходы, видят себя "кормильцами" или, во всяком случае, "сокормильцами" семьи. Кроме того, они высоко ценят свой труд, его духовные стимулы. В отсутствие его они ощущают социальную изолированность и зависимость — не только материальную¹⁴⁹. Сформировавшись, как и сама модель общественного развития, еще в конце 40-х — 50-е годы, модель эмансипации чешской и словацкой женщины — через труд, а не через частную жизнь, политику или общественную деятельность — реально воспроизводится в современном обществе, в наши дни, переживая лишь частичные модификации.

Интересны выявленные чешскими социологами различия мужской и женской популяций. Как ни странно, современные мужчины более интуитивны, импульсивны и консервативны, женщины, напротив, рациональны и активны. Причем в Словакии "несходство полов" меньше, особенно в младшем поколении. Чешские мужчины остаются более доминантными (энергичными, напористыми) по сравнению с женщинами, однако это результат их традиционно главенствующего положения в обществе: в ЧР они имеют больше шансов достичь высоких социальных и материальных позиций. В Словакии такая закономерность не обнаружена. Ина-

че говоря, словацкие женщины более амбициозны, решительны, целеустремленны, чем мужчины. Особенно активны, динамичны, уверены в себе молодые словачки. У них больше развиты "чувство свободы" и ответственность по отношению к своей, возникшей всего 10 лет назад стране. От культурных характеристик поколения своих матерей (40 – 54-летних) они ушли очень далеко. И это неудивительно: в генерации дочерей в Словакии сложился по отношению к Чехии перевес высокообразованных, тогда как среди словацких матерей обладательниц неполного среднего образования еще значительно больше, чем в ЧР (32% : 20%).

Молодые чешские женщины, напротив, менее "стабильны", т.е. удовлетворены и уравновешены, они больше склонны к недоверию и страхам, чем их сверстники мужчины. В целом же чехи все же "стабильней", что объясняется лучшим экономическим положением их страны и относительно низкой безработицей. В Словакии это характерно скорее для молодого поколения – более современного, энергичного и демократичного, в частности, в вопросе женского равноправия¹⁵⁰.

В начале XXI века чехов и словаков объединяла и между собой, и с остальными народами региона общность отношения к фундаментальным проблемам воспроизводства человеческого бытия. Тернистый путь модернизирующих трансформаций второй половины прошлого столетия, как и интеграционные процессы в Европе рубежа веков, лишь усилили культурное единство группы народов "перекрестка" континента. Влияния с Востока и Запада сформировали здесь уникальное средневропейское сообщество преимущественно славянских наций со специфическим общественным, нравственным, духовным климатом, производным от их многовековых традиций. Чешский и словацкий народы, представляющие собой органическую часть этого сообщества, вырабатывают свой, близкий только им, способ существования в современном мире, преодоления его цивилизационных рубежей при сохранении собственной исторической неповторимости.

¹ *Horská P.* K otázce sociálního vývoje českých zemí na přelomu 19. a 20. století // *Šborník historický.* Praha, 82. Sv. 29. S. 130.

² *Karňáková L.* Vývoj obyvatelstva v českých zemích. 1754 – 1914. Praha, 1965. S. 197.

³ *Horská-Vrbová P.* Kapitalistická industrializace a středoevropská společnost. Praha, 1970.

- ⁴ *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 1968. S. 11.
- ⁵ *Svetoň I.* Obyvatelstvo Slovenska za kapitalizmu. Bratislava, 1958. S. 210.
- ⁶ *Kučera M.* Obyvatelstvo českých zemí ve 20. století // *Dejiny obyvatelstva českých zemí*. Praha, 1998. S. 342.
- ⁷ *Stručný hospodársky vývoj Československa do roku 1955*. Praha, 1969. S. 78; *Hospodársky vývoj Slovenska do konca predmnichovskej republiky*. Bratislava, 1987. S. 8.
- ⁸ *K* promenam sociální struktury v Československu 1918–1968. Praha, 1993. S. 102.
- ⁹ *Тучек М.* Трансформации социальной структуры чешского и словацкого общества в последние полвека // *Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы*. М., 2002. С. 111.
- ¹⁰ См.: *Коровицына Н.В.* Агония социомодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. М., 1993; *Она же.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.
- ¹¹ *Machonin P.* Modernization and Social Transformation in the Czech Republic // *Czech sociological review*. 1996. N 2. P. 176.
- ¹² См.: *Krejčí J., Machonin P.* Czechoslovakia, 1918–1992: A Laboratory for Social Change. N.Y., 1996.
- ¹³ *Machonin P.* a kol. Československa spoločnosť. Bratislava, 1969. S. 512.
- ¹⁴ *Vývoj spoločnosti ČSSR. Podľa výsledku sčítaní ľudu, domů a bytů 1980*. Praha, 1985. Č. 1. S. 119.
- ¹⁵ *Tuček M.* Zpráva o vývoji sociální struktury české a slovenské společnosti 1945–1993. Praha, 1996. S. 23.
- ¹⁶ *Kalinová L.* Základní podmínky a charakteristika vývoje sociální struktury československé společnosti v 70. a 80. letech. Praha, 1993. S. 11.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 29.
- ¹⁸ *Kaplan K.* Sociální souvislosti krizí komunistického režimu 1953–1957 a 1968–1975. Praha, 1993. S. 76.
- ¹⁹ *Machonin P.* Sociological Evidence on Historical Development of Czech-Slovak Relationships. Praha: IS AV CR, 1993.
- ²⁰ *Tuček M.* Zpráva o vývoji sociální struktury... S. 39–40.
- ²¹ *Krejčí J., Machonin P.* Czechoslovakia. P. 208.
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Ibid.* P. 209.
- ²⁴ См. подробнее: *Коровицына Н.В.* Самая "бархатная" революция: "чешский человек" на фоне общественных перемен // *Славяноведение*. 2000. № 3. С. 16–26.
- ²⁵ См.: *Možný I.* Proč tak snadno... Některé rodinné důvody sametové revoluce. Praha, 1991.
- ²⁶ См.: *Situácní zprávy ústředního aparátu KSČ (20. listopadu – 1. prosince 1989)*. Praha, 1999.
- ²⁷ *Connor W.D., Gitelman Z.Y.* Public Opinion in European Socialist Systems. 1977. P. 179.
- ²⁸ *Krivy V.* Kultúrne vzorce: staré a nové kontúry // *November 1989 na Slovensku*. Bratislava, 1999. S. 135.
- ²⁹ *Kučera M.* Op. cit. S. 362.
- ³⁰ *Broderick K.J.* The Economy and Political Culture in New Democracies. An Analysis of Democratic Support in Central and Eastern Europe. Aldershot, 2000. P. 64.

- ³¹ Ibid. P. 88.
- ³² *Machonin P., Tuček M. Česká společnost v transformaci.* Praha, 1998. S. 210.
- ³³ *Tuček M., Friedlanderová H., Krivý M., Osuský M. Jak se máte Slováci, ako sa máte Česi. 10 let po rozchodu.* Praha: Median, 2003. S. 70.
- ³⁴ *Тучек М. Трансформации...* С. 119.
- ³⁵ *Machonin P. Sociological Evidence...*
- ³⁶ *Tuček M. Popular Attitudes Towards the Transformation of Czech Society.* Praha, 1993. S. 14–15.
- ³⁷ *Aktualné problémy Slovenska po rozpade ČSFR.* Bratislava, 1993. S. 10.
- ³⁸ *Vrabec V. Slovensko – náš soused se zvláštními vztahy.* Praha, 1993. S. 12.
- ³⁹ *Aktualné problémy Slovenska po rozpade ČSFR.* S. 3.
- ⁴⁰ *Filadelfiova J., Guran P. Obyvatelstvo a rodina.* Slovensko 1997. Súhrná správa o stave spoločnosti. Bratislava, 1998. S. 472, 474.
- ⁴¹ *Vašečka I. Sociálna stratifikácia a súdržnosť spoločnosti // Slovensko 2002. Súhrná správa o stave spoločnosti.* Bratislava, 2002. S. 219.
- ⁴² *Krivý V. Kultúrne vzorce...* S. 135.
- ⁴³ Ibid. S. 138.
- ⁴⁴ *Bunčák J., Tuček M. Life-Goals and Strategies of Individuals in the Modernization Process // System Change and Modernization.* Wach., 1999. P. 242.
- ⁴⁵ *Tuček M. a kol. Odras spoločenských zmien ve vefejném mínění 1990–1998.* Praha, 1999. P. 38.
- ⁴⁶ Ibid. S. 80–81.
- ⁴⁷ *Kudy kam. Deset let po listopadu 1989 v průzkumech STEM.* Praha: Duben, 2000. S. 57.
- ⁴⁸ *Hartl J., Huk J., Haberlová V. Česká společnost 1998.* Praha, 1999. S. 52.
- ⁴⁹ Ibid. S. 59–60.
- ⁵⁰ *Machonin P., Gatnar L., Tuček M. Vývoj socialní struktury v české společnosti 1988–1999.* Praha, 2000. S. 45.
- ⁵¹ *Kudy kam.* S. 48.
- ⁵² *Data a fakta. 2000. N 2–10.* S. 28.
- ⁵³ *Friedlanderová H., Tuček M. Češi na prahu nového tisíciletí.* Praha, 2000. S. 179.
- ⁵⁴ *Data a fakta. 2000. N 2–10.* S. 26.
- ⁵⁵ *Buridnek J., Šubrt J. The Exhausted or Patient Society? On the Human Potential in the Process of Social Change // Crossroads of Transition.* Praha, 1995. P. 115.
- ⁵⁶ *Bunčák J., Tuček M. Life-Goals and Strategies of Individuals...* S. 249.
- ⁵⁷ *Harmadyová V. Zamestnanecká mobilita v procese transformácie slovenskej a českej spoločnosti // Sociológia. 1997. N 5.*
- ⁵⁸ *Večerník J. Distribuční systém v Československu: empirická fakta, výkladové hypotézy // Sociologický časopis. 1991. S. 39–56.*
- ⁵⁹ *Connor W. Socialism, Politics and Equality.* N.Y., 1979. P. 231.
- ⁶⁰ *Machonin P., Tuček M. Česká společnost v transformaci.* Praha, 1996. S. 95.
- ⁶¹ *Machonin P., Gatnar L., Tuček M. Vývoj socialní struktury...* S. 25.
- ⁶² *Kudy kam.* S. 22.
- ⁶³ *Machonin P., Gatnar L., Tuček M. Vývoj socialní struktury...* S. 57.
- ⁶⁴ Ibid. S. 57.

- ⁶⁵ Data a fakta. 2000. N 2 – 10. S. 28.
- ⁶⁵ *Friedlanderová H., Tuček M.* Op. cit. S. 220.
- ⁶⁶ *Potuček M.* a kol. Průvodce krajinou priorit pro Českou Republiku. Praha. S. 246 – 249.
- ⁶⁷ *Kadlecová E.* Sociologický výzkum religiozity Severomoravského kraje. Praha, 1967.
- ⁶⁸ *Malá E.* Úloha kultury v rozvoji socialistického způsobu života mládeže // Sociológia. 1979. N 1. S. 96.
- ⁶⁹ См.: *Коровицына Н.В.* Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. С. 99.
- ⁷⁰ *Prusák P.* Sekularizácia a religiozita na Slovensku // Ateizmus. 1975. N 2. S. 92; *Sekot A.* Sociologické dimenze religiozity // Sociológia. 1984. N 1. S. 18.
- ⁷¹ *Prusák P.* Urbanizácia a sekularizácia // Ateizmus. 1984. N 1. S. 104.
- ⁷² *Friedlanderová H., Tuček M.* Op. cit. S. 144.
- ⁷³ *Параговский П.* Революция 1989 г. в Польше: попытка философского обоснования // Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001.
- ⁷⁴ *Bunčák J.* Religiozita na Slovensku a v európskom rámci // Sociológia. 2001. N 1. S. 54; *Krivý V.* Hodnotové orientácie a náboženské prejavy slovenskej verejnosti v 90. rokoch // Ibid. S. 9.
- ⁷⁵ *Кралева Л.* Брачные отношения в Словакии и западноевропейские параллели // Социокультурные трансформации второй половины XX в. ... С. 219.
- ⁷⁶ *Krivý V.* Hodnotové orientácie a náboženské prejavy. S. 12.
- ⁷⁷ Ibid. S. 16.
- ⁷⁸ *Bunčák J.* Religiozita na Slovensku... S. 57.
- ⁷⁹ *Bunčák J.* Zmeny v hodnotovom systéme obyvateľ'ov Slovenska po roku 1989 // Kresťanská spiritualita v prostredí rastúceho materializmu. Bratislava, 2003. S. 16 – 17.
- ⁸⁰ *Tuček M., Friedlanerová H., Krivý M., Osuský M.* Op. cit. S. 142.
- ⁸¹ *Kučera M.* Op. cit. S. 341 – 342.
- ⁸² *Potuček M.* a kol. Op. cit. S. 112.
- ⁸³ *Buriánek J., Šubr J.* The Exhausted or Patient Society? P. 121.
- ⁸⁴ *Friedlanderová H., Tuček M.* Op. cit. S. 171 – 172.
- ⁸⁵ Data a fakta. 2000. N 2 – 10. S. 62.
- ⁸⁶ Vize rozvoje České Republiky do roku 2015. Praha, 2001. S. 126, 127, 132.
- ⁸⁷ *Krivý V.* Cultural Patterns and Marketization: the Case of Slovakia // Society and Economy in Central and Eastern Europe. 1995. N 5. P. 160.
- ⁸⁸ *Možný I.* Proč tak snadno... S. 18, 74; *Mareš P., Musil L., Rabušic L.* Sociální zmena očima české veřejnosti // Sociologický časopis. 1991. N 6. S. 79.
- ⁸⁹ Kudy kam. S. 10.
- ⁹⁰ *Potuček M.* a kol. Op. cit. S. 254.
- ⁹¹ *Bunčák J.* Religiozita na Slovensku... S. 65 – 68.
- ⁹² *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. February. P. 47.
- ⁹³ *Bunčák J.* Zmeny v hodnotovom systéme obyvateľ'ov Slovenska po roku 1989. S. 16.
- ⁹⁴ *Tuček M., Friedlanerová H., Krivý M., Osuský M.* Op. cit. S. 163.

⁹⁵ Ibid. S. 170.

⁹⁶ Ibid. S. 175 – 176.

⁹⁷ Krivý V. Hodnotové orientácie a náboženské prejavy... S. 11.

⁹⁸ Oswajanie rzeczowości. Między realnym socjalizmem a realną demokracją. Wash., 1996. S. 173 – 174.

⁹⁹ Srb V., Kučera M. Vývoj obyvateľstva českých zemí v XIX stolytí // Statistika a demografie. Praha, 1959. S. 123.

¹⁰⁰ Vavra Z. Tendence v dlouhodobém vývoji reprodukce obyvateľstva v českých zemích. Praha, 1962. S. 16.

¹⁰¹ Tuček M. Česká rodina v transformaci. Stratifikace, delba rolí a hodnotové orientace. Praha, 1998. S. 36; Přetrvává v České republice východoevropský model rodinného chování? // Data a fakta. 1996. N 5.

¹⁰² Винничук В. Проблема семьи в Чехословакии // Проблемы народонаселения. М., 1977. С. 217.

¹⁰³ Kučera M. Op. cit. S. 346, 354.

¹⁰⁴ Kuchařová V., Tuček M. Sociálne ekonomické souvislosti rodinného chování mladé generace v České republice. Praha, 1999. S. 16.

¹⁰⁵ Kandert J. Rodinné hodnoty // Český lid. 1993. N 1. S. 4.

¹⁰⁶ Možný I. Česká rodina v době pozdní modernity // Česká společnost na konci tisíciletí. Praha, 1999. Díl. 1. S. 31.

¹⁰⁷ Možný I. Proč tak snadno...

¹⁰⁸ Ibid. S. 18, 22.

¹⁰⁹ Možný I. The Czech Family in Transition: from Social to Economic capital // Social Reform in the Czech Republic. Prague Papers on Social Responses to Transformation. Praha, 1994. Vol. II. P. 64.

¹¹⁰ Ibid. P. 62.

¹¹¹ Možný I. Česká rodina v době pozdní modernity. S. 29.

¹¹² Filadelfiova J., Guraň P. Obyvatelstvo a rodina. S. 469.

¹¹³ Možný I. The Czech Family in Transition. P. 63.

¹¹⁴ Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society // Political Corruption: Readings in Comparative Analysis. New Brunswick, 1979.

¹¹⁵ Bunčák J., Harmadyová V., Kusá Z. Politická zmena v spoločenskej rozprave. Bratislava, 1996. S. 58, 60.

¹¹⁶ Rulíkova M. The Impact of Post-Communist Transformation on the Economic and Social Behavior of the Czech Family // Post-Communist Transformations: A New Generation of Perspectives. Wash., 1998. P. 129.

¹¹⁷ Tesárová D. K zaměstnanosti žen v československém narodním hospodářství // Statistika. 1985. N 2. S. 72.

¹¹⁸ Žižková J. K otázkám dlouhodobého vývoje zamestnanosti žen v ČSSR // Demografie. 1972. N 3. S. 213.

¹¹⁹ Kučera M. Op. cit. S. 365.

¹²⁰ Тучкова Н. Изменения в демографическом поведении и сознании населения Чехии в 1990-е годы // Социокультурные трансформации второй половины XX века... С. 201 – 202.

¹²¹ Průvodce krajinou priorit pro Českou Republiku. Praha, 2002. S. 167.

¹²² Kuchařová V., Tuček M. Op. cit. S. 31.

¹²³ SDA Info. Červen 2002. Roč. IV. N 1 – 2.

¹²⁴ Kuchařová V., Tuček M. Op. cit. S. 54.

¹²⁵ Filadelfiová J. Demografický vývoj. Slovensko 2001. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, 2001. S. 727.

- 126 Krivý V. Kulturne vzorce: staré a nové kontúry // November 1989 na Slovensku. Bratislava, 1999. S. 146.
- 127 Bunčák J. Zmeny v hodnotovom systéme obyvateľ'ov Slovenska po roku 1989. S. 17.
- 128 Filadelfiova J., Guraň P. Obyvatelstvo a rodina... S. 464.
- 129 Ibid. S. 468.
- 130 Kráľ'ova L. Manželská rodina v Západnej Európe a na Východnom Slovensku // Sociologický časopis. 2001. N 4. S. 460.
- 131 Deset let společenské transformace v České a Slovenske republice // Data a fakta. 2000. N 2 – 10. S. 63.
- 132 Kuchařová V., Tuček M. Op. cit. S. 55.
- 133 Heilingerová A., Trnková Z. Formuje se nová generace? // Česká společnost na konci tisíciletí. Praha, 1999. Díl 2. S. 64.
- 134 Tuček M. a kol. Česká rodina v transformaci. Stratifikace, delba rolí a hodnotové orientace. Praha, 1998. S. 67.
- 135 Katrňák T. Strukturální příčiny poklesu sňatečnosti a narůstu svobodných v devadesátých letech v České republice // Sociologický časopis. 2001. N 2. S. 225.
- 136 Piscová M. Marital and Parental Start and Demographic Behavior in Slovakia (and in Europe) at the Turn of the Centuries // Sociológia. 2002. N 3.
- 137 Bodnárová B. Nezamestnanosť a jej dosledky pre rodinu // Rodina v spoločenských premenach. Prešov, 2001. S. 110.
- 138 Kandert J. Rodinné hodnoty v menícím Československu // Český lid. 1993. N 1. S. 2 – 3.
- 139 Možný I. The Czech Family // Social Reform in the Czech Republic: Prague Papers on Social Responses to Transformation. Praha, 1994. Vol. II. P. 67.
- 140 Filadelfiova J., Guraň P. Obyvatelstvo a rodina. S. 479.
- 141 Potuček M. a kol. Op. cit. S. 252.
- 142 Friedlanderová H., Tuček M. Češi na prahu nového tisíciletí. S. 98.
- 143 Ibid. S. 181 – 186.
- 144 Kuchařová V., Tuček M. Sociálne ekonomické souvislosti rodinného chování. S. 19.
- 145 Valdřová J. Stereotypy a kliše v mediální projekci genderu // Sociologický časopis. 2001. N 2. S. 203.
- 146 Deset let společenské transformace... S. 22 – 23.
- 147 Machonin P., Tuček M. Česká společnost v transformaci. Praha, 1996. S. 264.
- 148 Oswajanie rzechiwistości. W., 1996. S. 45.
- 149 Tuček M. a kol. Česká rodina v transformaci.
- 150 Tuček M., Friedlanerová H., Krivý M., Osuský M. Op. cit. S. 192.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрасимов Петр Андреевич 203
Адамец Ладислав 229, 234, 235, 241,
251, 256, 257, 271, 272, 273, 280,
281, 282, 287, 288, 291, 292, 293,
294, 295, 299, 300, 301, 302, 303,
304, 306, 307, 308, 309, 310, 311,
312, 313, 315, 317, 321, 327, 329,
330
Адибеков Грант Михайлович 87
Аксен Герман 181
Александров-Агентов А.М. 231
Андропов Юрий Владимирович
139, 199, 200
Анчерл Карел 435, 450
Ашкенази Людвик 434, 438
- Багар Андрей 477**
Багна Владимир 477
Багна Ян 474
Базовский Милош 473
Балаж Т. 107
Баллек Ладислав 235, 472
Барак Рудольф 147, 155
Баранов Леонид Семенович 118,
141
Бареш Густав 90, 92, 109
Барновский Михал 23, 24, 36, 48,
55, 60, 136, 143, 148, 153, 155,
156
Баргончик Йозеф 323
Бацилек Карол 131
Баштёванский Штефан 47, 90, 107
Беднар Альфонс 469
Беднар Штефан 473
Беднарик Йозеф 477
Белла Иван 399
Белоглавек Иржи 459
Бендик Мартин 477
Бенеш Мирослав 351, 368
- Бенеш Эдвард 6, 13, 15, 16, 17, 18,
22, 26, 27, 28, 31, 32, 36, 40, 45, 55,
59, 61, 63, 67, 68, 71, 72, 73, 74,
76, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 173,
431
Бенешова Либуше 351
Беняк Валентин 468
Бенячкова Габриэла 476
Беран Йозеф 78, 82, 96, 98, 99, 437
Берия Лаврентий Павлович 108,
136, 138, 144
Берман Карел 450
Бесчастнов А.Д. 107
Биелик Палио 477
Бизмайер Игнац 474
Билек И. 86
Биляк Васил 154, 155, 175, 182, 183,
184, 187, 188, 193, 198, 199, 200,
204, 207, 208, 210, 212, 230, 233,
249, 470
Блахут Бено 450
Богданов Юрий Васильевич 481
Богомоллов Александр Ефремович
135, 137, 138, 139, 140
Бородач Йозеф 477
Боуда Цирил 448, 458
Бочан Гинек 447
Боярский В.А. 106, 108
Брабец Франтишек 463
Брабцова Зузана 457
Брандт Вилли 223
Брежнев Леонид Ильич 166, 167,
168, 170, 171, 173, 174, 175, 176,
182, 183, 184, 185, 187, 188, 189,
192, 196, 197, 199, 200, 201, 202,
203, 204, 205, 207, 208, 209, 210,
214, 216, 217, 218, 221, 222, 223,
228, 230
Брейхова Яна 444, 447, 458

- Бродский Властимил 447, 458
 Броусек Антонин 437
 Бруновский Албин 474
 Брыних Зденек 444
 Бубеник Кветослав 458
 Бугар Мартин 47, 60
 Будаи Ян 311, 313, 320
 Бузалка Михал 100, 150
 Булганин Николай Иванович 108, 143
 Бунчак Павел 465, 468
 Бунчак Ян 511
 Буриан Эмил Франтишек 70
 Бурианек Иржи 499
 Бурлас Ладислав 476
 Буш Джорж (старший) 282, 304
 Бэнфилд Э. 524
- Вавра Отакар 442, 447, 458
 Вадкрети-Гаворникова Лидия 471
 Вайль Иржи 438
 Вайс Иржи 443
 Вайс Петер 235, 387, 388, 417
 Валек Мирослав 469, 470
 Валента Иржи 201, 223, 448, 458
 Валеш О. 107
 Ванчура Владислав 447
 Вархал Богдан 476
 Вахудова Мирослава 337
 Вацек Мирослав 313
 Вацлавик Милан 285, 291
 Вацулик Ладислав 434, 440, 451, 454, 455
 Вацулик Людвик 191
 Вашариова Магда 399, 400
 Венгода Мирослав 450
 Верих Ян 442, 444, 445
 Верниш Иван 437
 Вешкрнова Дагмар 348
 Виликовский Павел 472
 Вилим Б. 63, 71
 Винничук В. 520
 Влчил Франтишек 447
 Влк Милослав 358
 Водичка Лео Мариан 459
 Войнович В. 462
 Войташак Ян 96, 100, 150
 Волков Владимир Константинович 259, 426
 Волокитина Татьяна Викторовна 132, 133
 Волф (Вольф) Ярослав 395
- Вондра Саша 268
 Вондрачкова Гелена 450
 Воронов Геннадий Иванович 201
 Восковец Иржи 433
 Востржак Збынек 450
 Выдра В. 70
 Высочил Иван 435, 440, 441, 457
 Выходил Ладислав 477
 Вышинский Андрей Януарьевич 43, 94, 107
 Вюнш О. 18
- Гавел Вацлав 170, 230, 231, 233, 238, 242, 256, 257, 263, 271, 272, 274, 276, 280, 281, 284, 287, 288, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 305, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 332, 333, 344, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 356, 358, 359, 370, 372, 373, 374, 375, 376, 382, 392, 394, 409, 440, 441, 452, 456
- Гавелка 131
 Гавелка Сватоплук 450
 Гавлова Ольга 348
 Гаек Б. 104
 Гаек Иржи 228, 452
 Гайду В. 104, 107
 Гайек И. 360
 Гайошиова Магдалена 477
 Гакен Эдуард 459
 Гал Федор 388
 Гала Франтишек 20
 Галанда Микулаш 473
 Галас Франтишек 432
 Галатикова Вера 441
 Галик Томаш 373
 Гамада Милан 468
 Гаман Йозеф 295
 Гамел И. 287
 Гамплова Д. 514
 Ганзел Владимир 287, 293, 309
 Ганзелка Иржи 310
 Ганзлик Йозеф 437
 Ганч Ян 440
 Гаха Эмил 37
 Гашпарович Иван 383, 408, 421, 422, 423, 425
 Гвездослав Павел Орсаг
 Геминдер Бедржих 92, 98, 108, 110,
 Гендрих Иржи 109, 155, 166, 167

- Герман Владимир 295
 Герек Эдвард 181
 Гечко Франтишек 467
 Гибианский Леонид Янович 53, 87
 Гикиш Антон 470
 Гитлер Адольф 31
 Гиршал Йозеф 438
 Главачек Либор 450
 Гложник Винцент 473
 Гниздо Я. 43
 Гоголь Николай Васильевич 462
 Годач Иржи 363, 364
 Годжа Фёдор 47
 Гойдич Павел 100, 149
 Голан Владимир 433, 437
 Голан Карел 432
 Голдош Ладислав 106, 144, 153
 Гольдман И. 110
 Гольдфлам Арношт 457, 462
 Гольдштюккер Э. 170
 Гомулка Владислав 89, 103, 151,
 174, 175, 176, 181, 185, 198, 202,
 203, 209
 Горак Й. 43
 Горак Йозеф 467
 Горакова Милада 103, 129
 Горачек Михал 273
 Горбачев Михаил Сергеевич 220,
 229, 231, 234, 260, 282, 304
 Горов Павел 467, 468, 471
 Гостовский Эгон 433, 438
 Готвальд Клемент 10, 13, 14, 15, 21,
 23, 27, 28, 29, 30, 36, 50, 52, 53, 58,
 61, 64, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 75,
 76, 77, 80, 81, 82, 84, 86, 90, 91, 92,
 93, 95, 96, 101, 103, 104, 105, 107,
 108, 109, 110, 118, 126, 130, 134,
 135, 137, 142, 147, 433
 Готт Карел 444, 450
 Гоффмейстер Адольф 456
 Грабал Богумил 439, 442, 446, 447,
 453
 Градилек Томаш 268
 Гречко Андрей Антонович 186,
 187, 199, 210, 219
 Грегерова Богумила 438
 Гржебейк Ян 463
 Громько Андрей Андреевич 98,
 198
 Грос К. 227
 Гросман Ладислав 438, 442
 Гросс Станислав 377
 Гросс Франтишек 458
 Гроссман Ян 434, 441, 461
 Грубин Франтишек 432, 434, 437
 Груберова Эдита 476
 Грус Ярослав 458
 Груша Иржи 437
 Грушинский Рудольф 447
 Грушовски Павел 418, 425
 Гуляев Пантелеймон Васильевич
 56, 58
 Гундоров Александр Семенович
 21, 29
 Гурань Петер 524
 Гурник Илья 450
 Гус Ян 456
 Гусак Густав 20, 21, 23, 30, 36, 51,
 52, 56, 61, 67, 76, 82, 90, 104, 105,
 106, 144, 166, 213, 215, 219, 220,
 234, 238, 249, 274, 291, 294, 307,
 313, 316, 317, 322, 468, 470, 471
 Гусак Петр 325
 Гусев 101
 Давиша Карен 168
 Дворжак Ладислав 437
 Дворский Петер 477
 Дворский Станислав 438
 Демл Якуб 433
 Джонсон Линдон 224, 225
 Дзур Мартин 186, 210
 Дзуринда Микулаш 395, 396, 398,
 401, 404, 405, 406, 407, 408, 409,
 410, 411, 412, 415, 418, 420, 422,
 423, 425, 427, 428
 Дивиш Иван 437
 Димитров Георгий 13, 14
 Динстбир Иржи 311, 316, 321
 Длоуги Владимир 252, 300, 311,
 312, 316
 Добиаш Вацлав 434
 Добрынин Анатолий Федорович
 226
 Додзе Кочи 103
 Доланский Юлиус 13, 167
 Доланский Яромир 91
 Доубек Б. 108, 147
 Драга Ян 432
 Дртина Прокоп 18, 37, 48
 Дубчек Александр 165, 166, 167,
 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174,
 175, 176, 177, 178, 179, 182, 183,
 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190,

- 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199,
200, 201, 202, 203, 204, 205, 207,
208, 209, 212, 213, 214, 215, 216,
218, 219, 223, 224, 227, 230, 233,
235, 236, 263, 271, 272, 284, 287,
288, 292, 296, 310, 317, 318, 319,
320, 321, 322, 323, 324, 330, 438
- Дудинцев Владимир Дмитриевич
155
- Дукка Ян 399
- Дурих Ярослав 433
- Дурман Карел 240
- Духачек И. 20
- Дюриш Юлиус 29, 30, 40, 54, 65, 90,
109, 147
- Егорова В.Н. 481
- Ежек Томаш 252
- Епишев Алексей Алексеевич 200,
210
- Ернек Карел 458
- Есенский Янко 465
- Ех Карел 129
- Жары Штефан 465, 468, 471
- Жданов Андрей Александрович 90
- Желенец Йозеф 345, 347
- Желибский Ян 475
- Живков Тодор 173, 176, 181, 185,
198, 202, 204, 209, 210
- Жидек Иво 459
- Жоспен Лионель 366
- Завадил Мирослав 274, 287, 295
- Завадский М. 107
- Заварский Ян 474
- Загладин Вадим Валентинович
247, 249, 250, 251, 252, 253, 261
- Заградил Ян 368
- Заградник Освальд 472
- Заградник Рудольф 358
- Заградничек Ян 432, 433, 437
- Задорожнюк Элла Григорьевна 4,
5, 134, 259, 260, 329, 330, 331, 378,
379, 380, 382, 426, 427
- Зала Борис 235
- Запотоцкий Антонин 13, 24, 65, 70,
71, 82, 84, 91, 102, 107, 109, 114,
135, 136, 138, 139, 140, 141, 142,
143, 145, 152, 155
- Заяц Петр 282
- Земан Карел 443
- Земан Милош 252, 300, 339, 342,
346, 353, 354, 355, 356, 359, 360,
361, 363, 365, 366, 371, 372, 374,
377, 381
- Земанова Ф. 18
- Зенкл Петр 18
- Зифчак Людвик 326
- Зорин Валериан Александрович 8,
15, 17, 21, 28, 42, 73, 74, 83, 86. 94,
139
- Илек Франтишек 450, 459
- Инглхарт Рональд 512
- Индра Алоис 182, 184, 204, 208, 209,
210, 233, 274, 294, 299, 303
- Индрак Индржих 459
- Иоанн Павел II 418, 419
- Иосиф II 381
- Ирасек Алоиз 433
- Иреш Яромир 447
- Ироудек Франтишек 458
- Истлер Йозеф 448
- Йичински Зденек 310, 314, 317
- Йогацес Ян 470, 472
- Йон О. 81
- Йонаш Мартин 475
- Йонашова Яна 459
- Кабелач Милослав 449
- Каганович Лазарь Моисеевич 108
- Кадар Ян 442
- Кадар Янош 152, 167, 171, 174, 175,
176, 182, 185, 194, 195, 196, 198,
203, 207, 209, 210, 218
- Кадлецова Эрика 505
- Кайнар Йозеф 432, 457
- Калвода Ян 343
- Каливода Роберт 436
- Калман Йозеф 407
- Канис Павел 235, 401, 404
- Капек Антонин 202, 204
- Каплан Карел 24, 25, 75, 98, 126
- Каплицкий Вацлав 447, 452
- Капр Ян 450
- Карваш Петер 465, 470
- Кардош Дезидер 476
- Карл IV 479
- Карны М. 118
- Катетов Мирослав 310
- Кафка Франц 434, 461
- Кахиня Карел 439, 447, 463

- Качер Ян 441, 447
 Кашлик Вацлав 458
 Кветко Мартин 40
 Кемпны Йозеф 47, 60
 Кёрнер Владимир 439
 Кин Джон 326, 328, 330
 Кина Карел 351
 Кинцд Франтишек 274, 294
 Кириленко Андрей Павлович 199
 Кирилл, св. 479
 Клаус Вацлав 252, 300, 311, 313,
 316, 332, 333, 334, 336, 337, 338,
 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348,
 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355,
 356, 365, 367, 368, 371, 372, 373,
 374, 375, 376, 382, 385
 Клементис Владимир 7, 42, 82, 90,
 104, 105, 106, 107, 110, 129, 166
 Клима Иван 433, 438, 455
 Клима Мирослав 327, 354
 Климент Александр 434
 Климент Г. 124
 Климо Алоиз 474
 Климчак Микулаш 473
 Клинда Фердинанд 476
 Клос Эймар 442
 Клусак Милан 459
 Клусак Ян 450
 Книжак Милан 459
 Книплова Надежда 459
 Княжко Милан 311
 Кобласа Ян 448
 Ковач Душан 306
 Ковач Михал 384, 385, 386, 391,
 392, 393, 394, 395, 399
 Ковачик Петер 471
 Когоут Павел 456
 Когоутек В. 147
 Кодет Иржи 441
 Кожелугова Елена 20, 51
 Кожены Виктор 336
 Кожик Франтишек 452
 Козак Ян 452, 453
 Колар Я. 20
 Коларж Иржи 43, 437, 438, 448
 Коленич Иван 471
 Колоннтай Александра Михайлов-
 на 231
 Кольдер Д. 181, 184, 187, 193, 201,
 205, 208, 212
 Комарек Вальтр 252, 300, 311, 313,
 315, 316, 329, 330
 Коменский Ян Амос 149, 423, 479
 Компаниченко Г. Н. 481
 Конев Иван Семенович 49
 Концош Павел 427
 Копелент Марек 449
 Копецкий Вацлав 13, 21, 23, 65, 86,
 91, 93, 107, 109, 114, 144, 147, 154
 Копржива Л. 92, 103, 106, 108, 110,
 129
 Копчак Сергей 477
 Корбелова Мария 373
 Коркош Себастиан 475
 Коровицына Наталья Васильевна
 5, 485, 490, 509
 Костка Йозеф 474
 Костов Трайчо 99, 103
 Костра Ян 467, 468, 470
 Костроуш Иван Иванович 4
 Косыгин Алексей Николаевич
 183, 187, 198, 200, 201, 207, 210,
 214
 Кот Йозеф 470
 Котик Ян 448
 Коцаб Михал 273, 310, 311
 Кочарник Иван 336
 Кошлер Зденек 459
 Кошован М. 406
 Крайна В. 18
 Крал Петр 438
 Кралова Люба 511
 Крамер М. 228
 Красова Марта 450
 Кратохвил Иржи 457, 461
 Крейча Отмар 441, 461
 Крейчи Оскар 257, 308
 Крекотень П. 105
 Кржен Ян 17
 Кригель Франтишек 189, 200, 201,
 212, 215
 Крисеова Эда 329
 Кришка Бранислав 477
 Кроснарж Йозеф 23
 Круглок Сергей Никифорович 43
 Крупичка Иржи 460
 Крючков Владимир Александров-
 вич 232
 Кубал Виктор 478
 Кубелик Рафаэль 433
 Кубена Иржи 437
 Кубин Любош 396
 Кудличка Борис 477
 Кузма Душан 474, 475

- Кузнецов Владимир Васильевич 215, 218
 Кузнецова Зоя 378
 Кукан Эдуард 395, 417, 421, 422
 Кукрал Станислав 321, 323
 Кулих Ян 474
 Кундера Милан 434, 439, 440, 442, 447, 455, 456
 Кусы Мирослав 309, 311, 313, 315
 Кусый Мартин 474
 Кучера Богуслав 249, 250, 254, 294
 Кучера Вацлав 459
 Кучера Милан 518
 Кучера Рудольф 336
 Лаврик Элла Григорьевна 382
 Лайчак Милан 467
 Лаки Милош 474
 Лалуга Иван 235
 Лангер Иржи (Мордехай Зев) 438
 Лангош Ян 395
 Ланда М. 107
 Ландовский Павел 441
 Латыш Михаил Витальевич 231
 Лаштовичка Богуслав 13, 94
 Лаушман Богумил 15, 62, 71, 90, 144, 145
 Лготак Камил 448
 Лебл Петр 457, 461, 462, 464
 Лекса Иван 399, 407
 Ленарт Йозеф 230, 287, 295
 Ленин Владимир Ильич 143
 Леттрих Йозеф 21, 23, 27, 47, 52, 76
 Летц Роберт 60
 Лёбл Евжен 105, 110
 Линхартова Вера 438
 Липский Одржих 444
 Липтак Любомир 100, 113, 483
 Лис Ладислав 310
 Лихачев М.Т. 103, 105
 Лонго Луиджи 221
 Ломский Б. 152
 Ломский Г. 107
 Лондон Артур 104, 106, 110
 Лоренц Алоис 234
 Лукач Эмил Болеслав 468
 Лукачович Й. 72
 Лукаш Зденек 459
 Лукашенко Александр Григорьевич 392
 Лукс Йозеф 339, 348, 350, 354, 355, 372
 Лустиг Арношт 434, 438, 439
 Мазуров Кирил Тимофеевич 212, 213
 Майер Вацлав 15, 63, 67, 70, 71
 Майерова Мария 70
 Макаров Н.И. 103, 105
 Маковский Винценц 435
 Малаховский Ондрей 477
 Маленков Георгий Максимилианович 90, 108, 136, 138, 143
 Малих Карел 448
 Малы Вацлав 275
 Маниу Юлиус 61
 Марек Иржи 453
 Мартину Богуслав 450
 Маршала Джордж Кэтлетт 58, 59, 87
 Марына Валентина Владимировна 4, 5, 84, 85, 86, 87, 132, 133, 134, 160, 161
 Масарик Томаш Гарриг 173, 174, 256, 263, 359, 416, 462
 Масарик Ян 48, 71
 Мастны Войтех 75
 Матейка Петер 473
 Матушка Вальдемар 444, 450, 458
 Маха Карел Гинек 263
 Маха Отмар 450
 Маховец Милан 437
 Махонин Павел 487, 494
 Мацал Зденек 459
 Мачек Я. 249
 Мачек Ярослав 348, 351
 Медек Микулаш 433, 435, 448
 Медов В.С. 116
 Мельников Георгий Павлович 5
 Менцель Иржи 442, 446, 447, 458, 462
 Мерт Франтишек Даниэль 437
 Мефодий, св. 479
 Мехирж Ян 276, 279
 Мечьяр Владимир 334, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 413, 414, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 424, 428
 Мигалик Войтех 469, 470, 471
 Мигалкович Йозеф 469
 Мигаши Йозеф 405, 406, 412
 Миклош Иван 402, 407
 Миколойчик Станислав 61
 Микоян Анастас Иванович 109, 121, 143

- Миксат Карел 476
 Микулашек Одржих 434, 437, 453
 Милер Зденек 458
 Милер Петр 299, 311, 313, 316
 Милота Станислав 318
 Милошевич Слободан 392
 Минач Владимир 235, 264, 467, 469, 470, 472, 478
 Миндсенти Йозеф 96
 Млынарж Владимир 351
 Млынарж Зденек 168, 169, 189, 202, 231
 Мнячко Ладислав 469, 470
 Могорита Васил 271, 315, 321
 Можны Иво 522, 523, 526
 Мозерова Ярослава 375
 Мойзес Александер 476
 Мойзис Ян 420
 Молотов Вячеслав Михайлович 43, 74, 108, 135, 136, 138
 Моравек Владимир 463
 Моравец Иван 459
 Моравчик Йозеф 387, 388
 Моцарт В.А. 446
 Мочар 181
 Мошко К. 104
 Мраз Ладислав 450
 Мудрох Ян 473
 Мунцдингер Милан 450
 Мурашко Галина Павловна 132, 133, 134, 160, 161
 Мусатов Валерий Леонидович 5, 232
 Мьяртан Иван 399, 400
 Мьяртан Я. 72

 Надь Имре 137, 174, 195, 199, 219
 Надь Ференц 61
 Направник Милан 438
 Наринский Михаил Матвеевич 58, 87
 Неedly(й) Зденек 21, 109, 267, 431
 Незвал Витезслав 70, 432, 434, 447
 Немец Ян 439, 444, 446
 Немцова Дана 268
 Непомуцкий Йозеф 131
 Нефф Владимир 453
 Никсон Ричард 226
 Новомеский Ладислав (Лацо) 20, 21, 82, 106, 144, 153, 166, 465, 466, 467, 468
 Новопащин Юрий Степанович 259

 Новотный Антонин 99, 100, 110, 125, 135, 136, 138, 139, 142, 143, 145, 149, 151, 152, 158, 159, 160, 164, 165, 166, 170, 188, 228
 Новы Вилем 105
 Нодл Мартин 320
 Нойман А. 72
 Носек Вацлав 13, 38, 66, 68, 71, 86, 104, 129, 131
 Носкова Альбина Федоровна 132, 133
 Нывлт Владимир 458

 Обух Отто 61
 Окали Даниэль 106, 144
 Олбрайт Мадден 373, 384
 Ольбрахт Иван 70
 Ондруш Владимир 311
 Ондруш Ян 469
 Оплетал Ян 264
 Орлик Игорь Иванович 224
 Ортен Иржи 438
 Отагал Милан 234, 272, 276, 314
 Отченашек Ян 439

 Павел 201
 Павел Мирослав 308, 309
 Павел Ота 438
 Павел VI 419
 Павлик Ондрей 148, 153
 Павлов А.П. 43
 Павловский Иван Григорьевич 212
 Палах Ян 238, 239, 240, 242
 Паленичек Йозеф 450
 Панек Шимон 330
 Паненка Ян 459
 Паняк Павол 474
 Парадовский Ричрд 510
 Парал Владимир 436, 452
 Пастернак Борис 155
 Патрашкану Лукреций 103
 Пауэр Иржи 459
 Пеге Иржи 358, 363
 Пеликан Иржи 201
 Пероутка Фердинанд 433
 Петков Никола 61
 Петр А. 20, 63, 72
 Пешек Либор 450, 459
 Пизен Роберт 448
 Пика Гелиодор 101

- Пиларж Радек 448
 Пилип Иван 347
 Питарт Петр 306, 313, 319, 326, 372, 374
 Питинский Ян Антонин 457, 462
 Питра Франтишек 277, 305, 306, 308
 Пихоя Рудольф Германович 224, 232
 Плавка Андрей 467, 468, 471, 472
 Плацак Петр 457
 Плевза Вильям 235
 Плицка Карол 477
 Плойгар Йозеф 20, 72, 96, 97
 Плаугарж Зденек 432
 Подвалова Мария 450
 Подгорный Николай Викторович 183, 198, 200, 201, 207
 Подскальский Зденек 458
 Покивайлова Татьяна Андреевна 132, 133
 Покорный Карел 438
 Полак 107
 Полак Е. 104
 Полак М. 72
 Поливка Болеслав 457
 Полянский Дмитрий Степанович 199
 Пономарев Борис Николаевич 200
 Попп Луция 476
 Поспишил Зденек 441
 Потучек Мартин 502
 Пресли Э. 461
 Пречан Вилем 85, 248, 261, 290
 Прибиш Рудольф 474
 Пропеле Дьюла 313
 Прохазка А. 20
 Прохазка В. 101
 Прохазка Я. 38, 182
 Прохазка Ян 438, 447
 Прхлик Вацлав 190
 Пршибыл Вилем 459
 Пузанов Александр Михайлович 204
 Путин Владимир Владимирович 425

 Радок Альфред 435, 442
 Райк Ласло 99, 103, 104, 105
 Раймонт Иван 457
 Райс Штефан 129, 131
 Райтер Людовит 476

 Райцин Бедржих 38, 101, 107, 110
 Ракоши Матиас 104, 105, 137
 Рандова Эва 459
 Раск Дин Германн 224
 Раух Франтишек 450
 Рейман М. 105
 Рейнбергер Иржи 450
 Рейтар Я. 125
 Ржезач Иван 459
 Риго Эмил 193
 Рипка Губерт 18
 Рихман Ладислав 444
 Роман Любо 421
 Ротрек Зденек 437
 Роше Вальдек 221
 Рудольф II Габсбург 442
 Ружичка 326
 Ружичкова Зузана 459
 Румл Ян 345, 347, 351, 354, 355
 Рупник Жак 415
 Руско Павел 418
 Руфус Милан 468, 471, 478
 Рыбак Йозеф 453
 Рыхетски Павел 314
 Рыхлик (Рихлик) Ян 56, 60, 151, 158, 160, 323

 Сагат Т. 401
 Садло Милош 450
 Сайферт Ярослав 432, 437, 452, 453, 454
 Сахаров Андрей Дмитриевич 221
 Сахер Рихард 309, 315
 Сверак Зденек 358, 457, 463
 Сверак Ян 463
 Свитак Иван 434, 436
 Свобода Йозеф 435, 449, 458
 Свобода Людвик 38, 48, 49, 56, 66, 70, 71, 101, 170, 187, 192, 193, 199, 200, 201, 207, 208, 210, 212, 213, 214
 Свобода Цирил 372
 Сволинский Карел 448, 458
 Седлак Яромир 251
 Секвенс Иржи 443
 Семенов Владимир Семенович 219
 Семин Михал 244
 Серапионова Елена Павловна 4, 85
 Сивань Штефан 475
 Сидон Карол 438

- Силин Михаил Александрович 77, 94, 97, 105, 106, 107, 117, 118
- Скала Иван 453
- Скалицки Иржи 350
- Скацел Ян 434, 437, 454
- Скленка Ондрей 475
- Славик Иван 437
- Сладек Мирослав 349
- Слама Богдан 463
- Слама Й. 33
- Сланский Рудольф 12, 13, 15, 19, 21, 23, 36, 59, 60, 73, 83, 86, 90, 91, 92, 93, 94, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 133, 147, 314
- Слобода Рудольф 470, 472
- Слота Ян 399, 400
- Сметана Бедржих 450
- Смоляк Ладислав 457
- Смрек Ян 468, 472
- Смрковский Йозеф 13, 170, 182, 184, 187, 189, 193, 200, 201, 204, 212, 213, 214
- Смутны Яромир 86
- Сокол Ян 375
- Солнцева Лариса Павловна 481
- Соммер Владимир 450
- Сомр Йозеф 441
- Соукупова Вера 459
- Соучек Карел 458
- Срб Владимир 518
- Срнец Иржи 441
- Сталин Иосиф Виссарионович 6, 13, 14, 52, 53, 58, 64, 84, 90, 95, 101, 102, 105, 108, 109, 111, 116, 121, 135, 136, 146, 147
- Стахо Ян 469
- Стеклыи Карел 443
- Стражай Штефан 471
- Странский Ярослав 18, 36, 48
- Страндель Антонин 448
- Стрниско Владимир 477
- Судек Йозеф 459
- Сук Иржи 270, 274, 306, 310
- Суслов Михаил Андреевич 200, 201
- Сухий Иржи 435, 442, 443, 444
- Сухий Йозеф 437
- Сухонь Эуген 475, 476, 477
- Талих Вацлав 475
- Тальская Эва 441
- Тарасов В.А. 141
- Татарка Доминик 465, 467, 469, 470, 471
- Татгермушева Гелена 459
- Тауссигова Ярмила 110
- Тахненко Галина 88
- Терен Ладислав 474
- Тигрид Павел 20
- Тикал Вацлав 448
- Тисо Йозеф 9, 37, 47, 55, 56, 87
- Тито Иосиф Броз 89, 107, 188, 196, 223
- Ткач Мариан 421
- Тобиаш Эгон 461, 462, 464
- Тодоров Станко 173
- Толстой Лев Николаевич 476
- Томашек Франтишек 319
- Топаленек Мирек 371
- Топол Йозеф 441
- Топол Яхим 457, 461
- Тошовски Йозеф 250
- Трейтнар Мирослав 463
- Трестер Франтишек 449
- Трнка Иржи 443, 448
- Трофимов 212
- Трумэн Гарри 223
- Тука Войтех 37, 55
- Тума Зденек 358
- Тучек Милан 485, 515
- Тучкова Нина 527
- Угде Милан 441, 456
- Угер Ян 235
- Удальцов Иван Иванович 221
- Ул Петр 264
- Ульбрихт Вальтер 174, 175, 176, 180, 181, 185, 198, 202, 203, 207, 208, 210
- Улчак Мартин 315
- Урбан Богумил 306, 308
- Урбан Йозеф 471
- Урбан Мило 472
- Урбан Милош 461
- Урбанек Карел 287, 292, 303, 304, 312, 314, 321
- Урсини Ян 21, 23, 27, 47, 61
- Фабры Рудольф 465, 466, 468, 471
- Фалбр Рихард 343, 358
- Фалин Валентин Михайлович 229
- Фалтян Само 105

- Феддек Любомир 469, 471
 Фельд Индржих 450, 459
 Ференци Ота 476
 Фиалка Ладислав 441
 Фигули Марта 467
 Филадельфиова Ярмила 524
 Филип Войтех 371
 Филко Стано 474
 Фирлингер Зденек 15, 48, 62, 63,
 65, 71, 99, 144, 154
 Фицо Роберт 406, 407, 408, 409,
 417, 418, 420, 422, 425, 427,
 428
 Флориан Мирослав 434, 453
 Флосман Одржих 459
 Фойтик Ян 233, 274, 287, 295
 Фок Ене 194, 195
 Форман Л. 20
 Форман Милош 445, 446
 Франц Фердинанд 379
 Франк Йозеф 92, 109, 110
 Франко Баамонде 179
 Фрейка Л. 104, 110
 Фринта Эммануэль 438
 Фрич Мартин 442
 Фриш Э. 23, 30, 36, 86, 105
 Фукс Богуслав
 Фукс Ладислав 438, 439, 453
 Фулла Людо 473
 Фучик Юлиус 432
- Хагер Курт 175
 Халупецкий Индржих 459
 Харциева Галина Юрьевна 331,
 421
 Херц Юрай 439, 446
 Хитилова Вера 446, 458, 462
 Хичкок В. 222, 223
 Хопко Васил 419
 Хорват И. 144
 Хоффман Карел 274
 Хрущев Никита Сергеевич 108,
 142, 143, 144, 146, 151, 159, 164,
 166, 167, 229
 Худоба Андрей 470
 Хухро Йозеф 459
- Цвинчек Андрей 47
 Циккер Ян 476
 Цисарж Честмир 170, 179, 189, 200,
 201, 317, 319, 330
 Цисаржовска Бланка 241
- Чалфа Мариан 309, 313, 314, 315,
 320, 321, 330
 Черногурски Ян 290, 297, 309, 311,
 313, 315, 316, 320, 388
 Чаславска Вера 287
 Чаушеску Николае 171, 172, 173,
 176, 180, 181, 188, 196, 226
 Чепичка Алексей 97, 98, 101, 108,
 109, 143
 Червоненко Степан Васильевич
 177, 187, 188, 192, 193, 201, 205,
 208, 212, 213, 218
 Чермакова Мария 535
 Черник Одржих 167, 170, 178,
 181, 182, 187, 190, 193, 195, 199,
 200, 201, 202, 204, 208, 212, 214,
 219
 Черны И. 182
 Черный Вацлав 431
 Черный К. 107
 Чехов Антон Павлович 441, 461
 Чич Милан 315, 316, 317
 Чтвртек Вацлав 448
 Чудай Иван 474
 Чупец Матей 475
- Шабата Ярослав 329**
 Шалгович Вилиам 304
 Шалинг О. 295
 Шафарик Ярослав 320
 Шваб Карел 107, 110
 Шванкмайер Ян 447, 448, 458
 Швантнер Франтишек 467
 Швермова Мария 92, 106, 107, 109,
 114, 117, 129
 Швестка Ольдржих 204, 208
 Шелест Петр Ефимович 188, 198,
 199, 200, 204
 Шелепин Александр Николаевич
 201
 Шелингова Зденка Цецилия 419
 Шерлаимова Светлана Александр-
 овна 480
 Шерхауер Петр 441
 Шик Ота 165, 189
 Шикула Винцент 470, 472, 478
 Шима Йозеф
 Шимечка Милан 233
 Шимко Иван 420, 421
 Шимов Ярослав Владимирович 5,
 378, 379, 380
 Шимон Богумил 189, 204

- Шимонович Ян 471
 Широкий Вильям 21, 23, 29, 30, 47,
 82, 86, 90, 91, 92, 102, 104, 105,
 106, 121, 136, 138, 139, 142, 143,
 152
 Шкворецкий Йозеф 434, 455
 Шкода Ян 315
 Шлехта Эмил 72
 Шлинг Отто 104, 106, 107, 129
 Шлитр Йозеф 442, 443, 444
 Шмераль Ян Богумирович 84, 85
 Шмид Мартин 264, 326
 Шмид Ян 441
 Шмидке Карол 20, 21, 23, 27, 28, 30,
 76, 106
 Шмок Павел 458
 Шолтес Йозеф 29
 Шорм Эвальд 445, 457
 Шотола Иржи 434, 437
 Шпачек Йозеф 212, 214
 Шпидла Владимир 365, 366, 368,
 370, 371, 376, 377
 Шпитцер Юрай 154
 Шрадек Ян 20, 51
 Штепан Мирослав 274, 287, 294,
 295
 Штефаняк М. 249, 251
 Штиндл Карел 276
 Штитницкий Ц. 154
 Штола Ладислав 434
 Штрос Ладислав 458
 Штроугал Любомир 167, 187, 210,
 234
 Шуберт Йозеф 499
 Шустер Рудольф 304, 308, 328, 329,
 330, 396, 397, 399, 400, 401, 405,
 406, 407, 408, 412, 413, 421, 426
 Щербакова Юлия Александровна
 4, 426, 427
 Эбен Петр 459, 464
 Эрбан Е. 24
 Эрбен Карел Яромир 463
 Эрдеи К. 194, 195
 Эффенбергер Вратислав 438, 448
 Эш Тимоти Гартон 242
 Юрачек Павел 447
 Юриш А. 395
 Якеш Милош 204, 233, 249, 250,
 255, 256, 263, 273, 274, 281, 286
 Яковлев Александр Николаевич
 217, 231
 Якубиско Юрай 477
 Якубовский Иван Игнатъевич 182
 Яначек Леош 450
 Янчек Ота 448
 Янку В. 251
 Яриш Милан 432
 Ярош Петер 470, 472, 477
 Ясный Войтех 444, 445, 447
 Яшик Рудольф 469
 Altman J. 379
 Antalová Ingrid 260, 330
 Antoš Petr 379
 Baker W.E. 512, 515
 Banfield E. 524
 Barnovský Michal 85, 87, 160, 161,
 260
 Bartuška Václav 325, 326
 Belda J. 87, 88
 Benčík Antonín 330
 Benda Marek 262
 Benda Martin 262
 Beneš Edvard 85
 Bilek L. 161
 Blahož J. 379
 Bodnárová Bernardina 531
 Bouček Miroslav 87, 88
 Broderick K.J. 492
 Brokl Lubomir 379
 Břežova Vera 260, 328
 Bunčák Ján 496, 499, 511, 512, 515,
 524, 528
 Buránek Jiří 499, 513
 Burian Michal 329
 Butora Martin 427
 Butorová Zora 427
 Ciganek František 331
 Císařovská Blanka 261
 Connor Walter D. 492, 500
 Cuhra Jaroslav 260, 328
 Čermák Miloš 381
 Davisha K. 231
 Deyl Zdenek 87, 88
 Dobrovský Pavel 262
 Drápala Milan 85
 Dubček Alexander 231, 260, 327,
 330
 Durman Karel 261

- Elster John 329
 Felcman Ondřej 328
 Fiala Petr 378, 379, 380
 Filadelfiova Jarmila 495, 524, 528, 529, 532
 Friedlaenerová Hana 493, 498, 502, 510, 513, 516, 524, 533, 535
 Fisher Sh. 427
 Gatnar Lumir 498, 501
 Gitelman Z.Y. 492
 Gottwald Klement 84, 87
 Haberlová V. 498
 Hanzel Vladimír 326
 Hanzlík F. 86
 Harmadyová V. 499, 524
 Hartl Jan 498
 Havel Vaclav 233, 326, 330, 380
 Havlíček J. 86
 Heilingerová Alena 530
 Hitchcock W.J. 232
 Hlavová Věra 259, 326
 Hlušičková Ružena 260, 261, 325
 Holý J. 480, 481
 Holzer Jerzy 378
 Honajzer Jiří 326
 Horáček Michal 262
 Horská-Vrbová Pavla 482
 Huk J. 498
 Husák Gustáv 262
 Husák Petr 325
 Huszar Tibor 231
 Inglehart Ronald 512, 515
 Jakeš Miloš 201, 326
 Janáčková J. 480
 Janišová Milena 260, 328
 Jech Karel 133, 134
 Kadlecová Erika 505
 Kalinová Lenka 488
 Kalvoda Jozef 379
 Kandert Jozef 512, 531
 Kaplan Karel 84, 85, 86, 87, 88, 132, 133, 134, 160, 325, 489
 Karník Zdeněk 261
 Karniková Ludmila 482
 Katrňák T. 530
 Keane John 326, 328, 329, 330, 380
 Kipke Rüdiger 426
 Klaus Vaclav 326, 379, 381, 382
 Klima Martin 262, 380
 Klimeš M. 87, 88
 Klusáková Jana 326
 Kokoška Stanislav 260, 325
 Kokošková Zdeňka 260, 325
 Kollár Michal 427
 Kopeček Michal 261
 Koudelka Fantišek 260, 261, 328, 378
 Koudelka Zdeněk 378
 Kováč Dušan 260, 326, 329, 330, 331
 Koželuhová Helena 85
 Král'ova L'uba 511, 529
 Krejčí Jaroslav 487, 489, 490
 Krejčí Oskar 261
 Krivý Maroš 493, 513, 516
 Krivý Vladimír 492, 495, 496, 511, 512, 514, 517, 528, 535
 Křen Jan 85
 Kříž Roman 262
 Kubín L'uboš 426, 427
 Kučera Rudolf 378
 Kuchařová Věra 521, 527, 530, 533
 Kučera Milan 484, 492, 513, 518, 520, 527
 Laluha Ivan 260, 327
 Lehár J. 480, 481
 Letz Robert 86
 Lipták L'ubomir 483
 Lukas Zdeněk 426
 Machonin Pavel 486, 487, 489, 490, 493, 494, 496, 501, 534
 Malá Emilia 508
 Maliková Z. 429
 Mansfeldová Zdenka 379
 Marek J. 481
 Marek Pavel 378
 Mareš Miroslav 378, 379, 380
 Mareš Petr 514
 Marjina Valentina V. 388
 Marušiak Juraj 260, 328
 Mastný Vojtech 88
 Matějů Petr 378
 Mečiar Vladimír 326, 426
 Měchýř Jan 325, 326
 Mesežnikov Grigorij 427, 428
 Michalová Tereza 330
 Mináč Vladimír 325, 481
 Mitrofanov Alexandr 378
 Možný Ivo 491, 492, 514, 522, 523, 531

- Muller K. 381
Musil Libor 514
Myant Martin 378
- Nikolský Viktor 379
Nosková Alena 260, 328
Nosková Helena 86
Novák Miroslav 381
- Opat Jaroslav 85
Ort Alexandr 262
Osuský Michal 493, 513, 516, 531
Otáhal Milan 260, 261, 262, 325
- Pajerová Monika 262
Pánek Šimon 262
Paton Derek 325
Pecka Jindřich 328, 331
Pehe Jiří 380, 381
Pernes J. 134, 161
Pešek Jan 161, 260
Petrášová Eva 426
Piscová Magdalena 531
Pithart Petr 326
Plevza Viliam 262
Potuček Martin 502, 513, 514, 532
Prečan Vilem 260, 261, 325, 328
Prusák P. 509, 510
Přihoda Petr 379
Pšeja Pavel 378, 379, 380
- Rabušic Ladislav 514
Rohlíková Slavena 260, 328
Rulikova Marketa 525
Rusinová Z. 481
Rychlík Jan 85, 86, 87, 133, 161, 262, 331
- Saxonberg Steven 329, 382
Schorkowitz D. 380
Sedliaková Alžbeta 259, 326
Sekot Alois 509
Skilling G.H. 231
Sládek Zdenek 260, 261, 325, 328
Sláma J. 86
Srb Vladimír 518
- Starkova V. 429
Stejn J. 380
Stranský Martin Jan 380
Stroehlein Andrew 380
Suchý Pavel 379
Suk Jiří 260, 261, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331
Svetoň Ivan 483
Szomolányi Sona 260
Šilhan Věnek 330
Šimulčík J. 260
Šolle Zdenek
Špidla Vladimír 381
Štefanský Michal 259, 326
Šubrt Jiří 499, 513
Šutaj S. 86
- Tesařová D. 525
Tetiva V. 481
Tiso Jozef 87
Trnková Z. 530
Tuček Milan 485, 488, 489, 493, 494, 496, 497, 498, 499, 501, 513, 516, 519, 521, 527, 530, 533, 534, 535
Turek Otakar 262
Tůma Oldřich 260, 261, 262, 328
- Vachudová Marie 379
Valdrová J. 533
Vartíková Marta 87, 132
Vašečka I. 495
Vávra Z. 519
Večerník Jiří 500
Vilímek Tomáš 261
Vladislav Jan 261
Vlachová Klára 378
Vodička Karel 426
Voráček Emil 380
Vošahlíková Pavla 84, 88
Vrabec V. 494
- Zadorožňuk Ella G. 329
Zapotocký Antonín 134
Zeman Miloš 381
Žatkuliak Jozef 259, 260, 326, 327
Žižková J. 525

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АНГ	– Альянс независимых граждан
БКП	– Болгарская коммунистическая партия
ВВС	– Военно-воздушные силы
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМФ	– Военно-морской флот
ВНР	– Венгерская Народная Республика
ВНС	– Временное национальное собрание
ВСРП	– Венгерская социалистическая рабочая партия
ГДА	– Гражданский демократический альянс
ГДП	– Гражданская демократическая партия
ГДР	– Германская Демократическая Республика
ГУЛАГ	– Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
ГСНП	– Глинковская словацкая народная партия
ГФ	– Гражданский форум
ДЗД	– Движение за демократию
ДЗДС	– Движение за демократическую Словакию
ДП	– Демократическая партия
ДС	– Демократический союз
ЕНП	– Европейская народная партия
ЕС	– Европейский союз
ЕССК	– Единый союз словацких крестьян
ЕСЧЗ	– Единый союз чешских земледельцев
ЕСХК	– Единый сельскохозяйственный кооператив
ЗБ	– Заграничное бюро
ЗНС	– Законодательное национальное собрание
КД	– Комитет действия
КК СВ	– Координационный комитет словацких вузов
КК ОПН	– Координационный комитет Общественности против насилия
КПС	– Коммунистическая партия Словакии
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КПЧ	– Коммунистическая партия Чехословакии
КПЧМ	– Коммунистическая партия Чехии и Моравии
КрПС	– Крестьянская партия Словакии
КУ	– Корпус уполномоченных
КЦ ГФ	– Координационный центр Гражданского форума
ЛБ	– Левый блок

МВД	–	Министерство внутренних дел
МИД	–	Министерство иностранных дел
МНО	–	Министерство национальной обороны
МНК	–	Местный национальный комитет
ВПШ	–	Высшая партийная школа
НАТО	–	Северо-Атлантический союз
НК	–	Национальный комитет
НКВД	–	Народный комиссариат внутренних дел
НКВД	–	Народный комиссариат иностранных дел
НП	–	Народная партия
НП – ДЗДС	–	Народная партия – Движение за демократическую Словакию
НРБ	–	Народная республика Болгария
НС СР	–	Национальный совет Словацкой Республики
НФ	–	Национальный фронт чехов и словаков
НФ ЧССР	–	Национальный фронт Чехословацкой социалистической республики
НЭП	–	Новая экономическая политика
ОВД	–	Организация Варшавского договора
ОВП	–	Отдел внешней политики
ОМИ	–	Отдел международной информации
ОЗР – РПЧ	–	Объединение за республику – Республиканская партия Чехословакии
ООН	–	Организация объединенных наций
ОПН	–	Общественность против насилия
ОРС	–	Объединение рабочих Словакии
ОЭСР	–	Организация экономического сотрудничества и развития
ПВК	–	Партия венгерской коалиции
ПГС	–	Партия гражданского сосуществования
ПЗ	–	Партия зеленых
ПКК	–	Политический консультативный комитет
ПЛД	–	Партия левых демократов
ПНР	–	Польская Народная Республика
ПОРП	–	Польская Объединенная Рабочая Партия
ПУРККА	–	Политическое управление рабоче-крестьянской Красной Армии
РГАНИ	–	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории
РПД	–	Революционное профсоюзное движение
СА	–	Советская Армия
СДК	–	Словацкая демократическая коалиция
СДПС	–	Социал-демократическая партия в Словакии
СЕПГ	–	Социалистическая единая партия Германии
СМЕРШ	–	"Смерть шпионам"
СМИ	–	Средства массовой информации
СНВ	–	Словацкое национальное восстание
СНГ	–	Союз независимых государств
СНП	–	Словацкая национальная партия
СНС	–	Словацкий национальный совет
СР	–	Словацкая Республика

СРР	– Социалистическая республика Румыния
СС	– Союз свободы
ССМ	– Союз социалистической молодежи
ССР	– Словацкая социалистическая республика
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СФ	– Свободный форум
СДХС	– Словацкий демократический и христианский союз
США	– Соединенные Штаты Америки
СЭВ	– Совет экономической взаимопомощи
ФРГ	– Федеративная республика Германия
ФС	– Федеральное собрание
ХДД	– Христианско-демократическое движение
ХДС – ЧНП	– Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия
ЦК	– Центральный комитет
ЦРУ	– Центральное разведывательное управление
ЦСП	– Центральный совет профсоюзов
ЧНП	– Чехословацкая народная партия
ЧНС	– Чешский национальный совет
ЧНСП	– Чехословацкая национально-социалистическая партия
ЧР	– Чешская Республика
ЧСАН	– Чехословацкая Академия наук
ЧСДП	– Чешская социал-демократическая партия
ЧСП	– Чешская социалистическая партия
ЧСДП	– Чехословацкая социал-демократическая партия
ЧР	– Чехословацкая республика
ЧСР	– Чешская социалистическая республика
ЧСФР	– Чешская и Словацкая федеративная республика
ЧССР	– Чехословацкая социалистическая республика
ЧТ	– Чешское телевидение
ЧТК	– Чехословацкое телеграфное агентство

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Alexander Dubček: Ot totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory výber 1963 – 1992. Bratislava, 2002.
- Belda J., Bouček, Deyl Z., Klimeš M. Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968.
- Budinský L. Třináct' prezidentov. Bratislava, 2004.
- Czech Modern Art. 1900 – 1960: Modern Art collection the trade faire palace. Prague, 1995.
- Čornej P., Pokorný J. A Brief History of the Czech Lands to 2000. Praha, 2000.
- Husák P. Budování kapitalismu v Čechách: rozhovory s Tomášem Ježkem. Praha, 1997.
- Kaplan K. Nekrvavá revoluce. Praha, 1993.
- Klaus V. Proč jdu znovu do toho. Praha, 2002.
- Král V. Pravda o okupaci. Praha, 1962.
- K dějinám socialistického Československa. Praha, 1986.
- Kvaček R. České dějiny. Praha, 2002. Sv. II: Učebnice pro střední školy.
- Lehar J., Stich A., Janáčková, Holý J. Česká literatura od počátku k dnešku. Praha, 1998.
- Novak V. Čestou boja, pravdy a vítazstva. Praha, 1979.
- Novembrová revolúcia a česko-slovenský rozhod. Od česko-slovenskej federácie k samostatnej demokratickej slovenskej štátnosti. Bratislava, 2002 (Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov. XIV).
- Slovenská národná rada. 1943 – 1949. Bratislava, 1980.
- Svoboda L. Cestami Života. Praha, 1971. T. I.
- Tůma O. a kol. Spren'69: Edice dokumentů. Praha, 1996.
- Váross M. Moderne Maler der Slowakei. Praha, 1961.
- Vladislav J., Prečan V. Horký leden 1989 v Československu. Praha, 1990.
- Деловая трибуна. Октябрь 2003. № 4 (107).
- Добро пожаловать в сердце Европы: Ревю Чешской Республики. 1998. № 1; 1999. № 5; 1996. № 6.
- Иванов И. Ян Верих. М., 1971.
- Кавка Ф. Чехословакия: исторический очерк. Прага: Орбис, 1968.
- Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. М., 1988.
- Новомеский Л. Избранное: пер. со словац. М., 1966.
- Свобода Л. От Бузулука до Праги: пер. с чеш. Изд. 2-е. М., 1969.

Научное издание

**ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ
В XX ВЕКЕ**

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

В двух книгах

Книга 2

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 26.05.2005
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Балтика
Печать офсетная. Усл.печ.л. 35,0 + 0,5 вкл.
Ус.кр.-отт. 34,5. Уч.-изд.л. 34,5
Тираж 550 экз. Тип. зак. 4098

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-010350-0

9 785020 103504

Чехия и Словакия в XX веке

**Книга
2**